DETECTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

Культовая трилогия

Annotation

Лисбет Саландер решает отомстить своим врагам. Не только криминальным элементам, желающим ей смерти, но и правительству, которое несколько лет назад почти разрушило ее жизнь. А еще надо вырваться из больницы, где ее держат под охраной, считая опасной психопаткой, и добиться, чтобы ее имя исчезло из списка подозреваемых в убийстве.

Поэтому ей не обойтись без помощи журналиста Микаэля Блумквиста. Только его разоблачительная статья может встряхнуть шведское общество до самых основ и переполошить правительство и спецслужбы. Тогда у Лисбет будет шанс расстаться с прошлым и добиться справедливости.

Стиг Ларссон
Девушка, которая взрывала воздушные замки

Stieg Larsson
Luftslottet som sprängdes

* * *

Часть 1
Интермеццо в коридоре

8–12 апреля

Примерно шестьсот женщин принимали участие в американской Гражданской войне. Переодетые в мужскую одежду, они завербовались в армию. Но как получилось, что Голливуд упустил такой эффектный исторический эпизод? Или, может быть, эта тема слишком дискомфортна – с идеологической точки зрения? Женщины, игнорирующие границы гендерных различий, всегда с трудом завоевывают себе место в исторических хрониках. Но особенно отчетливо эта граница обозначается, когда речь идет о военных действиях и применении оружия.

История, от античности до наших дней, многократно упоминает об амазонках – женщинах-воинах. О воительницах-королевах, то есть представительницах правящего класса, знают все. Традиции престолонаследия регулярно возводят на трон ту или иную женщину, хотя порой это вызывает негативную реакцию у определенной части общества. Поскольку война не проявляет снисхождения ни к одному из полов и войны случаются даже тогда, когда во главе страны оказывается женщина, королевам-воительницам приходится выступать в той же роли, что и Черчилль, Сталин, Рузвельт и прочие, а историки вынуждены отвести им место на страницах своих трудов. Семирамида из Ниневии, которая создала Ассирийское царство, и Боадицея, она же Боудикка, возглавившая один из самых кровавых мятежей коренных британцев против Римской империи, – это лишь два примера. Память о ней, кстати, потомки увековечили – ей поставили памятник возле моста через Темзу, напротив Биг-Бена. Не забудьте ее навестить, если окажетесь поблизости.

И в то же время женщины, которые сражались как простые солдаты, брали в руки оружие и служили в армии наравне с мужчинами, редко становились героинями исторических хроник и легенд. Но женщины всегда воевали. И до сих пор ни одна война не обходится без их участия.

Глава 1

Пятница, 8 апреля

Медсестра Ханна Никандер разбудила доктора Андерса Юнассона. Часы показывали около половины второго ночи.

– Что-нибудь случилось? – пробормотал он спросонья.

– К нам летит вертолет с двумя пациентами. Пожилой мужчина и молодая женщина. У последней огнестрельные ранения.

– Все ясно, – устало кивнул Андерс Юнассон.

Он никак не мог окончательно проснуться, хоть и дремал всего-то полчаса, не больше.

В эту ночь врач дежурил в отделении неотложной помощи Сальгренской больницы Гётеборга. А вечер накануне выдался – хуже не придумаешь. После 18.00, когда он заступил на дежурство, в больницу привезли четверых пациентов, пострадавших при лобовом столкновении автомобилей возле городка Линдуме. При этом у одного констатировали смерть почти сразу же после поступления, а другой находился в критическом состоянии.

Потом Андерс Юнассон возился с официанткой, ошпарившей ногу на кухне одного из ресторанов с Авеню, а также реанимировал четырехлетнего мальчика, который проглотил колесо от игрушечного автомобиля – его доставили в больницу без признаков жизни. Далее врач перебинтовал девочку, которая свалилась с велосипеда в яму. А все потому, что дорожные службы умудрились вырыть эту яму на съезде с велосипедной дорожки, но мало того – кто-то еще вдобавок сбросил в яму ограждение. Лицо девочки прошили четырнадцатью стежками, и ей еще потом потребуется заменить два передних зуба. И наконец, Юнассон пришил кусок большого пальца столяру-любителю, поранившемуся рубанком.

К одиннадцати часам вечера поток нуждающихся в экстренной помощи пациентов иссяк. Доктор совершил обход и проверил состояние пациентов, которых привезли раньше и уже отправили в комнату отдыха, чтобы те немного опомнились и взбодрились. Дежурство длилось до 6.00 – обычно Андерсу Юнассону редко удавалось поспать, даже если никого не привозили на «скорой». Но в эту ночь он вырубился в одно мгновение.

Медсестра Ханна Никандер подала ему кружку с чаем. Никаких

подробностей о новых пациентах она пока разузнать не успела.

Глядя в окно, ближе к морю Андерс Юнассон увидел яркие вспышки молний. Он подумал, что вертолет успел вылететь лишь в последний момент. Внезапно хлынул ливень – Гётеборг захлестнула непогода.

Стоя у окна, врач услышал шум мотора и увидел, что к посадочной площадке приближается вертолет, раскачиваемый порывистым ветром. Юнассон затаил дыхание, напряженно следя за тем, как летчик с трудом управляет машиной. Затем «вертушка» исчезла из поля его зрения – и доктор услышал, как мотор сбавляет обороты. Сделав глоток чая, доктор отставил кружку.

Андерс Юнассон встретил носилки у входа в отделение неотложки. Его коллега Катарина Хольм, другой дежурный врач, занялась пациентом, которого доставили первым, – мужчиной с изуродованным лицом. Доктор Юнассон занялся второй пострадавшей – женщиной с огнестрельными ранениями. Он бегло осмотрел ее, пользуясь окуляром, и констатировал, что перед ним юная особа, на вид не более двадцати лет, основательно перепачканная землей и кровью, с тяжелыми ранениями. Он приподнял плед, в который ее закутала Служба спасения, и заметил, что раны на бедре и плече кто-то заклеил широкой полосой серебристого скотча. «Какой молодец!» – подумал он. Скотч удерживал заразу снаружи, а кровь – внутри. Пуля проникла в тело с внешней стороны бедра и насквозь прошила мышечную ткань.

Затем он приподнял пациентке плечо и увидел, что вторая пуля вошла через спину. Выходного отверстия не было, значит, свинец застрял где-то в плече. Андерс Юнассон мог только порадоваться, что легкое не задето, и поскольку крови в полости рта не обнаружил, то решил, что, вероятно, все обошлось.

– Рентген, – бросил он ассистирующей медсестре. Одного этого слова было достаточно.

Наконец Андерс Юнассон разрезал повязку на голове пациентки, которую ей наложила бригада Службы спасения. Нащупав пальцами входное отверстие, он осознал, что девушка ранена в голову, – и буквально похолодел. Выходного отверстия не было и здесь.

На миг Андерс Юнассон остановился и взглянул на девушку. И буквально оторопел. Перед ним чередой проходили люди – в разном состоянии, но им всегда требовалась его помощь. Среди них попадались семидесятичетырехлетние тетки, сраженные инфарктом прямо в самом центре торгового комплекса «Нурдстан», четырнадцатилетние мальчишки,

которые случайно проткнули себе отверткой левое легкое, шестнадцатилетние девушки, наевшиеся таблеток экстази, а затем протанцевавшие восемнадцать часов и рухнувшие с посиневшими лицами. Попадались пострадавшие от производственных травм и жертвы разного рода насилия, малыши, атакованные бойцовскими собаками на площади Васаплатсен, и неудачливые «самоделкины», мужики, собиравшиеся лишь подпилить несколько досок электропилой «Блэк-энд-Деккер» и случайно раскроившие себе запястье до кости…

Андерс Юнассон часто сравнивал себя с вратарем. В каком-то метафорическом плане, конечно. Он стоял между пациентом и похоронным бюро «Фонус»[1] и являл собою последний рубеж обороны. Именно он принимал решение, что конкретно предпринять и как именно действовать. Его ошибка могла бы стоить пациенту жизни, или, в лучшем случае, пациент мог на всю жизнь остаться инвалидом. Чаще всего из всех возможных вариантов он выбирал единственно верный – поскольку проблемы подавляющего большинства пациентов носили вполне конкретный характер и требовали принятия неотложных и вполне понятных мер. Пациент мог получить, скажем, удар ножом в легкое или раздробить кости в результате автомобильной аварии, а уж выживет он или нет – это зависело и от степени тяжести травм, и от уровня медиков.

Больше всего Андерс Юнассон ненавидел два типа травм. Первый – серьезные ожоги, которые почти независимо от уровня компетенции врачей и предпринятых мер чреваты пожизненными страданиями. И второй – черепно-мозговые травмы.

Девушка, которая лежала перед ним, могла жить с пулями в бедре и в плече. Но пуля, застрявшая у нее в мозге, – это уже проблема другого масштаба…

Вдруг до него донесся голос сестры Ханны.

– Простите?

– Это она.

– Что вы имеете в виду?

– Лисбет Саландер. Девушка, которую уже много недель разыскивают за тройное убийство в Стокгольме.

Андерс Юнассон вгляделся в лицо пациентки. Сестра Ханна права: копию паспортной фотографии этой девушки он, как и все прочие шведы, начиная с Пасхи, регулярно видел на первых полосах газет у каждого табачного киоска. И вот теперь убийцу подстрелили… Что ж, пожалуй, справедливость восторжествовала.

Но его это не касается. Его миссия заключается в том, чтобы спасать

жизни пациентов, и неважно, кто они – трижды убийцы или нобелевские лауреаты. Или и те, и другие в одном лице.

Затем наступил типичный для отделения неотложной помощи хаос, плавно перетекающий в эффективные действия. Дежурная бригада Юнассона работала слаженно, как всегда. Одежду Лисбет Саландер разрезали. Медсестра измерила кровяное давление – 100/70, а доктор Юнассон тем временем приставил к груди пациентки стетоскоп и стал слушать удары сердца. Ему показалось, что пульс на уровне нормы. Чего нельзя было сказать о дыхании – оно было жестким и прерывистым.

Даже при беглом осмотре доктор Юнассон классифицировал состояние Лисбет Саландер как критическое. Раны на плече и бедре можно было пока отложить – достаточно двух компрессов или нескольких кусков скотча, которые накрепко приклеил какой-то сердобольный прохожий. Гораздо важнее голова. Доктор распорядился сделать компьютерную томографию – на том самом томографе, в который больница инвестировала деньги налогоплательщиков.

Голубоглазый блондин, родом из Умео, Андерс Юнассон проработал в Сальгренской и Восточной больницах уже два десятка лет. За это время он перепробовал себя на разных поприщах – был научным сотрудником, патологоанатомом и врачом отделения «Скорой помощи». Одно из его качеств безусловно покоряло коллег и сослуживцев, и они по-настоящему гордились тем, что работали под его началом: он считал своим долгом не дать умереть ни одному из пациентов, которые поступали в больницу в его смену, – и каким-то мистическим образом ему это удавалось. Хотя, конечно, кое-кто из его пациентов все-таки умирал, но, как правило, уже в ходе дальнейших медицинских манипуляций или по причинам, ничуть не зависящим от действий врача.

К тому же у Юнассона были неортодоксальные взгляды на врачебное искусство. Он считал, что врачи порой склонны чересчур поспешно бросать борьбу за здоровье пациента, толком не разобравшись в ситуации. Или напротив, тратят непозволительно много времени на попытки поставить ему исчерпывающий диагноз. Хотя, конечно, иначе невозможно наметить соответствующий план действий. Но в том-то и дело, что пока врач будет размышлять, пациент может умереть. А в худшем случае врач сделает вывод, что случай безнадежный, и прекратит бороться за жизнь больного.

Но факт остается фактом – впервые в своей практике Андерс Юнассон столкнулся с пациентом с простреленной головой. Все-таки ситуация

складывается таким образом, что без нейрохирурга никак не обойтись. Доктор почувствовал себя неуютно, но до него не сразу дошло, что, возможно, ему повезло даже больше, чем он ожидал. Перед тем как помыться и натянуть на себя экипировку для операционной, он подозвал медсестру Ханну Никандер.

– Есть один американский профессор, его зовут Фрэнк Эллис. Вообще-то он работает в Каролинской больнице, в Стокгольме, но в данный момент гостит в Гётеборге. Он известный нейрохирург, и к тому же мой хороший друг. Насколько я знаю, он живет в отеле «Рэдиссон» на Авеню. Пожалуйста, разузнайте номер его телефона.

Пока Юнассон ждал рентгеновских снимков, явилась Ханна с номером телефона отеля «Рэдиссон». Врач мельком глянул на часы – 01.42 – и взял трубку.

Ночной портье категорически отказывался соединять его в такое время суток с кем бы то ни было из постояльцев «Рэдиссона». Доктору Юнассону пришлось использовать достаточно резкие выражения, чтобы описать ситуацию как экстренную и добиться своего.

– Привет, Фрэнк! – сказал он, когда в трубке на том конце провода наконец-то раздался голос его друга. – Это Андерс. Я узнал, что ты в Гётеборге. Не мог бы ты приехать в Сальгренскую больницу и поучаствовать в операции на мозге?

– *Are you bullshitting me?*[2] – донеслось с другого конца провода.

Фрэнк Эллис прожил в Швеции много лет и вполне свободно говорил по-шведски, хотя и с американским акцентом. Но предпочитал он все же изъясняться на английском. Так что Андерс Юнассон говорил по-шведски, а Эллис отвечал по-английски.

– Фрэнк, прости, что я пропустил твою лекцию… Но я решил, что ты смог бы преподать мне частный урок. Ко мне поступила женщина с ранением в голову. Входное отверстие непосредственно над левым ухом. Я бы не стал тебя беспокоить, но мне очень нужно *second opinion*[3]. А ты для меня – самый авторитетный консультант.

– Ты это всерьез? – спросил Фрэнк Эллис.

– Куда уж серьезней… Моей пациентке двадцать пять лет.

– И у нее прострелена голова?

– Ну да. Входное отверстие есть, а выходного нет.

– Но она жива?

– Слабый, но регулярный пульс, дыхание относительно затрудненное, давление сто на семьдесят. У нее, к тому же, огнестрельные ранения плеча

и бедра. Но эти две проблемы я беру на себя.

– Звучит весьма оптимистично, – сказал профессор Эллис.

– Оптимистично?

– Если у человека прострелена голова, но он по-прежнему жив, то ситуацию можно считать небезнадежной.

– Ты мог бы ассистировать мне?

– Хмм… должен признаться, что провел вечер в компании близких друзей. Спать лег не раньше часа ночи, и у меня в крови, вероятно, изрядное количество алкоголя…

– Не переживай, я буду оперировать сам. Но мне нужен помощник, который остановит меня, если я начну делать какие-нибудь глупости. Честно говоря, сейчас, когда мне позарез нужен нейрохирург, даже пьяный в дым профессор Эллис, скорее всего, даст мне сто очков вперед.

– О’кей. Я приеду. Но ты будешь мне должен.

– Такси ждет тебя у гостиницы.

Профессор Фрэнк Эллис вздел очки на лоб и почесал в затылке. Он пытался сосредоточиться на мониторе, показывавшем каждый уголок и закоулок мозга Лисбет Саландер. Пятидесятитрехлетний Эллис, с иссиня-черной шевелюрой и начинающейся сединой, с темной бородой, напоминал одного из второстепенных героев сериала «Скорая помощь». Он был подтянут и выглядел так, словно регулярно посещает гимнастический зал.

Фрэнк Эллис чувствовал себя в Швеции, как дома. Он приехал сюда в конце 1970-х годов на стажировку, в качестве молодого ученого, и остался на два года. Потом постоянно приезжал – снова и снова – до тех пор, пока ему однажды не предложили должность профессора Каролинской больницы. К тому времени он уже успел стать мировой знаменитостью.

Андерс Юнассон и Фрэнк Эллис были знакомы четырнадцать лет. Впервые они встретились на семинаре в Стокгольме. Слово за слово, и обнаружилось, что оба они – заядлые любители ловли рыбы на мушку. Андерс пригласил американского коллегу на рыбалку в Норвегию. Они часто встречались и много раз выезжали на природу, но работать вместе им пока не приходилось.

– Мозг – мистическая материя, – многозначительно произнес профессор Эллис. – Я посвятил его изучению двадцать лет. А может, даже и больше.

– Я знаю. Прости, что потревожил тебя, но…

– Да ничего страшного. – Американец махнул рукой. – С тебя причитается бутылка «Крэггенмора»[4], когда мы в следующий раз поедем

на рыбалку.

– О’кей. Ты просишь не так уж и много.

– Несколько лет назад, когда я работал в Бостоне, ко мне поступила одна девушка – я описал этот случай в «Нью Ингленд джорнал оф медисин»[5], – такого же возраста, как и твоя пациентка. Она получила тяжелое ранение по дороге в университет – не поверишь, какой-то псих выстрелил в нее из арбалета. Стрела попала в край брови слева, проткнула голову и выскочила почти посередине затылка.

– И она выжила? – спросил изумленный Юнассон.

– Ее привезли в клинику в критическом состоянии. Мы вырезали стрелу и засунули ее голову в томограф. Стрела словно просверлила ей мозг. По идее, девушка должна была умереть или, как минимум, находиться в коме.

– А на самом деле?

– А на самом деле она все время находилась в сознании и, более того, очень хорошо соображала, хотя, конечно, была страшно напугана. Просто у нее из головы торчала стрела – вот и все.

– И что же ты сделал?

– Ничего особенного. Просто взял щипцы, выдернул стрелу и заклеил рану пластырем. И это всё.

– И девушка выжила?

– Ну да. При том, что ее состояние считалось критическим, сказать по правде, ее можно было выписывать в первый же день. Я бы назвал ее самой здоровой из моих пациентов.

Андерс Юнассон подумал, что профессор Эллис его просто разыгрывает.

– А теперь представь себе, – продолжал американец, – в Стокгольме несколько лет назад ко мне поступил сорокадвухлетний пациент. Он ударился головой об оконную раму, и к тому же, не слишком сильно. Ему сразу стало настолько плохо, что «скорая помощь» привезла его в больницу. Ко мне он поступил в бессознательном состоянии, с маленькой шишкой и небольшим кровоизлиянием. Но через девять дней он умер в реанимации, так и не придя в сознание. Я до сих пор ломаю голову над причиной этой смерти. В протоколе патологоанатомического вскрытия мы написали «кровоизлияние в мозг в результате несчастного случая», но никого из нас, конечно, такое заключение не могло удовлетворить. Кровоизлияние не вызывало никаких опасений и локализировалось таким образом, что не могло ни на что повлиять. Тем не менее у него постепенно отказывали печень, почки, сердце и легкие… Понимаешь, с годами я воспринимаю все

это как рулетку. И лично мне кажется, что вряд ли когда-нибудь мы сумеем точно разгадать, как именно функционирует мозг… Что ты намерен сейчас делать? – Он постучал ручкой по экрану монитора.

– Я надеялся, что ты мне это объяснишь.

– И все-таки как ты оцениваешь ситуацию?

– Ну, во-первых, скорее всего, это пуля мелкого калибра. Она вошла в висок, продвинулась в мозг сантиметра на четыре и остановилась возле бокового желудочка, где наблюдается кровоизлияние.

– И что же нужно предпринять?

– Пользуясь твоей терминологией, нужно взять щипцы и извлечь пулю тем же путем.

– Очень здравая мысль. Я бы, пожалуй, использовал самый тонкий из имеющихся у тебя пинцетов.

– И это все, что ты можешь посоветовать?

– А что еще нам остается делать? Конечно, мы можем не трогать пулю, и даже не исключено, что пациентка проживет с нею до ста лет, но риск слишком велик. Это может привести к эпилепсии, или к мигрени, или к любой другой проблеме. Конечно, проводить операцию и сверлить череп через год, когда сама рана уже заживет, будет неуместно. Пуля расположилась в стороне от крупных кровеносных сосудов. И конечно, я бы посоветовал тебе ее вытащить, но…

– Но что?

– Пуля не слишком меня тревожит. Ранения мозга непостижимы – если девушка выжила, получив пулю в голову, то, скорее всего, она переживет и ее удаление. А проблема, скорее всего, сосредоточена вот здесь.

И он показал на участок на мониторе.

– Вокруг входного отверстия образовалось множество костных осколков. По крайней мере, я вижу дюжину фрагментов по нескольку миллиметров каждый. А некоторые из них буквально вонзились в ткань мозга. Если ты не будешь осторожен, пациентка может погибнуть.

– Этот фрагмент мозга отвечает за речь и математические способности.

Эллис пожал плечами.

– Мамбо-джамбо! Я понятия не имею, для чего предназначены эти серые клеточки. Ты можешь сделать только то, что ты можешь. За операцию отвечаешь ты. А я постою у тебя за плечом. Могу я переодеться и где-нибудь вымыть руки?

Микаэль Блумквист взглянул на часы. Начало четвертого утра. Его

запястья затекли от наручников. На секунду журналист закрыл глаза – он смертельно устал и держался исключительно на автопилоте. Микаэль снова открыл глаза и враждебно посмотрел на комиссара Томаса Польссона. Комиссар тоже взглянул на него с явным неодобрением.

Они сидели за кухонным столом в белом деревенском доме, недалеко от городка Носсебру, в местечке под названием Госсеберга, о котором Микаэль услышал впервые в жизни двенадцать часов назад.

– Ты придурок, – сказал Блумквист.

– Послушай-ка…

– Придурок, – повторил Микаэль. – Я ведь, черт возьми, говорил, что он очень опасен. И я предупреждал, что с ним следует обращаться, как с гранатой с выдернутой чекой, что с ним нужно держать ухо востро. Он убил уже как минимум троих, он движется напролом, как танк, и убивает голыми руками. А ты посылаешь к нему двух деревенских полицейских, словно он заурядный алкаш, который просто перебрал водки в субботний вечер…

Микаэль снова закрыл глаза.

Интересно, какие сюрпризы еще готовит нынешняя ночь?

Сразу после полуночи Блумквист наткнулся на тяжело раненную Лисбет Саландер, вызвал полицию и убедил Службу спасения выслать вертолет на уединенный хутор и эвакуировать Лисбет в Сальгренскую больницу. Он подробно описал ее ранения и пулевое отверстие в голове. К счастью, при этом ему попался кто-то толковый и участливый, и этот толковый и участливый согласился с тем, что ей требуется экстренная медицинская помощь.

И все же спасательного вертолета пришлось ждать больше получаса. Микаэль вывел из гаража, который служил одновременно скотным двором, две машины, включил фары и таким образом осветил поле перед домом, как посадочную площадку.

Персонал вертолета и двое прибывших фельдшеров действовали слаженно и профессионально. Один из них оказывал первую помощь Лисбет Саландер, а второй позаботился об Александре Залаченко, известном также под именем Карла Акселя Бодина. Залаченко был отцом и в то же время злейшим врагом Лисбет Саландер. Он пытался ее убить, но не сумел. Микаэль обнаружил его в дровяном сарае, с тяжелыми ранениями – его лицо было изуродовано, а нога разрублена топором.

В ожидании вертолета Блумквист не сидел сложа руки. Он достал из шкафа чистую простыню, разрезал ее и наложил первые повязки, отметив при этом, что кровь в пулевом отверстии свернулась, закрыв его на голове

наподобие пробки. Микаэль сомневался, можно ли перевязывать голову. И все же обмотал ей голову простыней, не затягивая, чтобы частично защитить рану от инфекции. Кровотечение из пулевых отверстий на бедре и плече он остановил самым простым образом: нашел в шкафу рулон широкого серебристого скотча и заклеил им раны. Затем вытер ей лицо влажным носовым платком и постарался немного обсушить пятна грязи.

В сарай, где находился раненый Залаченко, Микаэль не заходил. Честно говоря, судьба Залы его нисколько не волновала.

Еще до прибытия Службы спасения он позвонил Эрике Бергер и описал ситуацию.

– Сам-то ты не ранен? – спросила Эрика.

– Со мной все в порядке, – ответил Микаэль. – А вот Лисбет ранена.

– Бедняжка, – сказала Эрика Бергер. – Вечером я прочла отчет Бьёрка о проведенном СЭПО[6] расследовании. Что ты намерен предпринять?

– Я не в состоянии сейчас думать об этом.

Все это время он сидел на полу рядом с диваном и одним глазом следил за Лисбет. Чтобы перевязать раненое бедро, ему пришлось стянуть с нее башмаки и брюки, и рукой он случайно задел брошенную возле дивана одежду. В кармане брюк обнаружился какой-то твердый предмет – им оказался мини-компьютер «Палм Тангстен Т3».

Микаэль сосредоточенно и задумчиво его рассматривал. Услышав звук приближающегося вертолета, он сунул компьютер во внутренний карман своей куртки. Потом, пока никто не появился, наклонился и проверил все карманы Лисбет. Там он нашел еще один комплект ключей от ее квартиры и паспорт на имя Ирене Нессер. Микаэль схватил оба предмета и положил их к себе в сумку, где лежал компьютер.

Первый полицейский патруль с Фредриком Торстенссоном и Гуннаром Андерссоном из Тролльхеттана прибыл через несколько минут после приземления вертолета Службы спасения. Следом появился комиссар патрульной службы Томас Польссон, который сразу же взял командование на себя. Микаэль вышел к ним и начал объяснять что произошло. Польссон показался ему самодовольным и туповатым служакой. С его появлением все пошло наперекосяк.

Польссон даже не пытался вникнуть в то, что говорил Микаэль. Он явно нервничал и усвоил лишь то, что раненая девушка на полу перед кухонным диваном и есть разыскиваемая за тройное убийство Лисбет Саландер, то есть ценная добыча. Польссон трижды спрашивал фельдшера Службы спасения, который занимался пациенткой, нельзя ли ее сразу

арестовать. Под конец фельдшер выпрямился и заорал, чтобы Польссон держался на дистанции метра от него.

Тогда комиссар переключился на лежащего в сарае раненого Александра Залаченко. Микаэль слышал, как он докладывал по рации, что Саландер, скорее всего, пыталась убить еще одного человека.

Блумквист так разозлился на Польссона, который демонстративно не слушал его, что повысил голос и даже попытался заставить его безотлагательно позвонить в Стокгольм инспектору уголовной полиции Яну Бублански. Он даже вынул свой мобильник и предложил набрать номер. Но Польссон проигнорировал его совет.

Затем Микаэль совершил две ошибки подряд.

Он сообщил, что на самом деле все три убийства совершил некий Рональд Нидерман. Он агрессивен и бесчувствен, как робот, и страдает врожденной анальгезией[7], а сейчас сидит связанный в канаве по дороге на Носсебру. Микаэль описал, где именно можно найти Нидермана, и попутно посоветовал полицейским мобилизовать для его ареста взвод спецназа. Польссон спросил, каким образом Нидерман очутился в канаве, и Блумквист чистосердечно признался, что сам затолкал его туда, угрожая применить оружие.

– Оружие? – вскинулся комиссар.

До Микаэля так и не дошло, что Польссон – недоумок. Ему следовало бы взять мобильный телефон, самому позвонить Яну Бублански и попросить его как следует прочистить мозги своему коллеге.

Вместо этого Блумквист совершил ошибку номер два: он попытался сдать лежавшее у него в кармане куртки оружие – пистолет «Кольт 1911 Гавернмент», который он обнаружил днем в стокгольмской квартире Лисбет Саландер и благодаря которому скрутил Рональда Нидермана.

Но после чистосердечного признания Польссон сразу арестовал Микаэля за незаконное ношение оружия, а затем велел полицейским Торстенссону и Андерссону отправиться к тому самому месту у Носсебру, о котором твердил Блумквист, и проверить – действительно ли в канаве сидит человек, привязанный к дорожному знаку «Осторожно, лоси!». Если все эти факты подтвердятся, полицейским поручалось надеть на преступника наручники и доставить его на хутор Госсеберга.

Микаэль, конечно, пытался протестовать, объясняя, что Рональд Нидерман – не из тех, кого можно запросто арестовать и снабдить наручниками, что он – по-настоящему опасный убийца. Но и эти аргументы журналиста Польссон предпочел проигнорировать. Тогда Блумквист вышел из себя. Он называл Польссона безмозглым недоучкой и

дебилом, и кричал, что Торстенссону с Андерссоном следует плюнуть на его распоряжения. И что если они не вызовут подкрепление, то как пить дать упустят Рональда Нидермана.

Этот демарш завершился плачевно: Микаэля самого заковали в наручники и засунули на заднее сиденье комиссарской машины Польссона. Именно оттуда он, бранясь и чертыхаясь, наблюдал, как уезжают Торстенссон и Андерссон. Его порадовало лишь то, что Лисбет Саландер уже находилась в вертолете, который взмыл над кронами деревьев и исчез по направлению к Сальгренской больнице.

Микаэль ощущал себя совершенно беспомощным, его полностью отрезали от источников информации, и теперь он мог лишь надеяться на то, что Лисбет попадет в руки квалифицированных врачей.

Доктор Андерс Юнассон начал с того, что сделал два глубоких разреза до самой черепной кости и отогнул кожу вокруг входного отверстия, зафиксировав их с помощью зажимов. Операционная сестра аккуратно ввела насос для откачки крови. Затем пришлось задействовать бор – для расширения отверстия в черепной кости. Процедура затянулась, и нервы у всех были на пределе.

В конце концов Юнассон высверлил отверстие, позволяющее подобраться к мозгу Лисбет Саландер. Он деликатно ввел зонд и на несколько миллиметров раздвинул канал раны. Затем запустил еще более тонкий зонд и локализовал пулю. Рентгеновский снимок черепа показывал, что пуля, развернувшись, расположилась под углом сорок пять градусов к каналу. Тем же зондом доктор начал осторожно толкать конец пули, и после нескольких неудачных попыток ему удалось немного приподнять ее и развернуть в нужном направлении.

После этого он стал орудовать в ране тонким пинцетом с рифлеными краями; крепко захватив пулю, потянул пинцет вертикально вверх. Вместе с пинцетом врач извлек и кусочек свинца, причем почти без всякого сопротивления. На секунду он поднес ее к свету, убедился, что она, вроде бы, не повреждена, и бросил ее в бикс.

– Промойте, – сказал Юнассон.

Ассистенты сразу выполнили его команду.

Он взглянул на электрокардиограмму и констатировал, что сердце пациентки по-прежнему работает без перебоев.

– Пинцет!

Затем Юнассон опустил мощную лупу со штатива и сосредоточил свое внимание на поверхности раны.

– Осторожно, – предупредил его профессор Фрэнк Эллис.

На протяжении следующих сорока пяти минут Андерс Юнассон извлек с поверхности вокруг входного отверстия не менее тридцати двух костных осколков. Самый мелкий из них почти невозможно было разглядеть невооруженным глазом.

Пока рассерженный Микаэль Блумквист пытался вытащить из нагрудного кармана пиджака телефон, что в наручниках оказалось невыполнимой задачей, в Госсебергу прибыло еще несколько машин с полицейскими бригадами и техперсоналом. Польссон направил их, чтобы зафиксировать технические доказательства в дровяном сарае и произвести тщательный обыск в жилом доме, где обнаружилось несколько единиц оружия. Микаэль безучастно наблюдал за их маневрами, находясь на заднем сиденье машины комиссара.

Через час до Польссона, похоже, дошло, что полицейские Торстенссон и Андерссон, которых он отправил арестовать Рональда Нидермана, еще не вернулись с задания. Выглядя уже не так самоуверенно, как вначале, он препроводил Микаэля на кухню, где снова велел ему описать дорогу.

Блумквист закрыл глаза.

Они все еще сидели на кухне вдвоем с комиссаром, когда патрульный наряд, посланный в помощь Торстенссону с Андерссоном, сообщил: полицейского Гуннара Андерссона обнаружили мертвым, со свернутой шеей, а его коллега Фредрик Торстенссон жив, но жестоко избит. Обоих нашли в канаве возле дорожного знака «Осторожно, лоси!». Их табельное оружие и полицейскую машину похитили.

Комиссар Томас Польссон, который до той поры еще мог более или менее сориентироваться в ситуации, вдруг понял, что теперь ему придется разбираться с убийством полицейского и побегом вооруженного отморозка.

– Придурок, – повторил Микаэль Блумквист.

– Можешь сколько угодно оскорблять полицейского, но делу это не поможет.

– Согласен. Но я постараюсь, чтобы тебя наказали за преступную халатность. Обещаю тебе также мощный пиар – все газеты напишут о тебе как о самом безмозглом полицейском в Швеции.

Перспектива стать всеобщим посмешищем наконец отрезвила Томаса Польссона.

– Что ты предлагаешь?

– Я требую, чтобы ты позвонил в Стокгольм инспектору Яну Бублански. Немедленно.

Инспектор уголовной полиции Соня Мудиг проснулась от того, что зазвонил мобильный телефон, поставленный на зарядку в другом углу спальни. Она взглянула на будильник, который стоял на трюмо, и с грустью отметила, что еще только начало пятого утра. Потом перевела взгляд на мужа, который продолжал мирно храпеть, – даже если начнется артобстрел, он и ухом не поведет. Соня выбралась из постели и нащупала кнопку ответа на телефоне.

«Ян Бублански, – подумала она, – кому же еще быть».

– В районе Тролльхеттана такая катавасия… – Шеф приветствовал ее, игнорируя такие банальные формальности, как «привет!» и «как дела?». – Поезд X2000 в Гётеборг отходит в десять минут шестого.

– Но что все-таки случилось?

– Блумквист обнаружил Саландер, Нидермана и Залаченко. Его арестовали за оскорбление полицейского, сопротивление и незаконное ношение оружия. Саландер отправили в Сальгренскую больницу с простреленной головой. И Залаченко тоже там же, у него из ноги торчит топор. Нидерман сбежал, убив этой ночью полицейского.

Соня Мудиг дважды моргнула. Она вдруг почувствовала страшную усталость; сейчас ей хотелось больше всего заползти обратно в постель и взять месяц отпуска.

– X2000 в десять минут шестого. Принято. Что я должна делать?

– Взять такси и отправиться на Центральный вокзал. С тобой поедет Йеркер Хольмберг. Вы свяжетесь с неким комиссаром Томасом Польссоном из полиции Тролльхеттана, который, очевидно, несет ответственность за многое из ночной эпопеи и, по словам Блумквиста, является – цитирую – «редкостным придурком».

– Ты разговаривал с Блумквистом?

– Да. Насколько я понял, он арестован и сидит в наручниках. Мне удалось уговорить Польссона на несколько минут дать ему трубку. Я сейчас еду на Кунгсхольмен[8] и постараюсь разобраться, в чем там дело. Будем держать связь по мобильнику.

Соня Мудиг еще раз взглянула на часы. Потом вызвала такси и быстренько приняла душ. Почистила зубы, коснулась расческой волос, надела черные брюки, черную футболку и серый пиджак. Засунула табельное оружие в рюкзак и на всякий случай взяла с собой темно-красную кожаную куртку. Не успела она выйти из подъезда, как тут же подъехало такси.

Ей не пришлось искать своего коллегу, инспектора Йеркера

Хольмберга. Она рассчитывала застать его в вагоне-ресторане – и не ошиблась. Он даже успел взять ей бутерброд и кофе. Они ели молча минут с пять, после чего Хольмберг отставил свою чашку в сторону и сказал:

– Было бы неплохо поменять профессию.

В четыре часа утра из Гётеборга наконец прибыл инспектор Маркус Эрландер из отдела по борьбе с особо тяжкими преступлениями. Он взял на себя руководство, сменив Томаса Польссона, на которого явно навьючили столько заданий, что ему было с ними не справиться. Эрландер, полноватый седой мужчина лет пятидесяти, для начала распорядился снять с Микаэля Блумквиста наручники и предложил ему булочки и кофе из термоса. Они засели в гостиной, чтобы побеседовать – один на один.

– Я говорил с Бублански из Стокгольма, – сказал Эрландер. – Мы знаем друг друга уже много лет. И мы оба сожалеем о том, что Польссон обошелся с вами так бесцеремонно.

– Ему сегодня ночью удалось погубить полицейского, – произнес Микаэль.

Эрландер кивнул.

– Я лично был знаком с полицейским Гуннаром Андерссоном. Он служил в Гётеборге до переезда в Тролльхеттан. У него осталась трехлетняя дочь.

– Очень сожалею. Я предупреждал, но он меня не слушал…

Эрландер снова кивнул:

– Да, я так и понял. Вы даже употребляли крепкие выражения, в результате чего и оказались в наручниках. Ведь это вы доконали Веннерстрёма. Бублански считает, что вы очень въедливый журналист и чокнутый частный детектив, но говорите и пишете по делу… Не могли бы вы толком объяснить мне, что, собственно, происходит?

– Дело в том, что убили моих друзей – Дага Свенссона и Миа Бергман из Эншеде. А еще – адвоката Нильса Бьюрмана, опекуна Лисбет Саландер, который не являлся моим другом.

Эрландер снова кивнул.

– Как вам известно, полиция еще с Пасхи охотилась за Лисбет Саландер, – продолжал Микаэль. – Ее подозревали в тройном убийстве. Для начала я хотел бы решительно заявить, что Лисбет Саландер не виновна в этих убийствах. Она сама стала жертвой.

– Я не имею ни малейшего отношения к делу Саландер, но после всего того, что написано в прессе, очень сложно поверить в ее невиновность.

– Тем не менее это так. Она невиновна, и всё тут. Настоящий

преступник – Рональд Нидерман, который сегодня ночью убил вашего коллегу Гуннара Андерссона. А сам он – на побегушках у Карла Акселя Бодина.

– Того самого Бодина, который сейчас лежит в Сальгренской больнице с топором в ноге?

– Чисто технически топора в ноге у него больше нет. Я полагаю, что рубанула его Лисбет. На самом деле его зовут Александр Залаченко. Он – отец Лисбет, а в прошлом – профессиональный киллер из русской военной разведки. Залаченко переехал в Швецию в семидесятых годах и вплоть до крушения Советского Союза работал на СЭПО. После этого он стал бандитом-фрилансером.

Эрландер задумчиво оглядел своего собеседника, который сидел перед ним на диване. Микаэль Блумквист взмок и казался одновременно и продрогшим, и смертельно уставшим. До сих пор его речь казалась связной и убедительной, хотя комиссар Томас Польссон, к словам которого Эрландер особого доверия не питал, предупреждал, что Блумквист несет какую-то околесицу о русских агентах и немецких наемных убийцах, деятельность которых не входит в сферу влияния шведской уголовной полиции. Теперь Блумквист как раз добрался до той части истории, которой Польссон пренебрег. Однако в сточной канаве у дороги на Носсебру действительно лежали двое полицейских – один мертвый, другой тяжело раненный, и Эрландер все-таки готов был слушать дальше. Правда, в его голосе сквозили нотки недоверия.

– О’кей. Русский агент, стало быть…

Блумквист усмехнулся – до него дошло, как нелепо звучит его история.

– Бывший русский агент. Я могу документально подтвердить каждое свое слово.

– Продолжайте.

– В семидесятых годах Залаченко считали шпионом, представляющим особую ценность для Швеции. Он попросил политического убежища, и СЭПО взяла его под свою эгиду. После развала Советского Союза таких случаев было немало, насколько я могу судить.

– О’кей.

– Повторю: мне неизвестно, что именно произошло здесь этой ночью, но Лисбет выследила отца, с которым не виделась пятнадцать лет. Когда-то он настолько жестоко избил ее мать, что она впоследствии стала инвалидом и позже скончалась от полученных травм. Он пытался убить и Лисбет. И он же, не без участия Рональда Нидермана, инициировал убийства Дага Свенссона и Миа Бергман. К тому же он отвечает за похищение подруги

Лисбет Мириам Ву – помните нашумевший «матч» Паоло Роберто в местечке Нюкварн?

– Если Лисбет Саландер пыталась зарубить отца топором, то невиновной назвать ее нельзя…

– Но сама Лисбет Саландер тоже получила три пулевых ранения. Так что, скорее всего, можно утверждать, что она действовала в целях самообороны. Мне вот что интересно…

– Что именно?

– Лисбет была настолько измазана в земле и глине, что ее волосы свалялись в единый комок грязи. Под одеждой у нее было полно песку. Такое впечатление, что она вылезла из могилы. А у Нидермана есть привычка закапывать людей заживо. Полиция Сёдертелье обнаружила две могилы неподалеку от Нюкварна, в лесу рядом со складскими помещениями.

– Уже три – вчера, ближе к ночи, нашли еще одно захоронение… Но если Лисбет Саландер подстрелили и закопали, как же она в таком случае вырвалась наружу, да еще и с топором в руках?

– Я понятия не имею, что произошло, но Лисбет – невероятно сильная девушка. Я пытался убедить Польссона вызвать сюда наряд с собаками…

– Они уже едут.

– Отлично.

– Польссон задержал вас за оскорбление…

– Неверно. Я назвал его придурком, безмозглым придурком и тупицей. Ни один из этих эпитетов не является наказуемым оскорблением – по крайней мере, по отношению к нему.

– Вот как… Но вас арестовали еще и за незаконное ношение оружия.

– Я совершил глупость, пытаясь сдать ему оружие. Больше я насчет этого ничего не скажу, пока не переговорю со своим адвокатом.

– О’кей. Отложим этот вопрос. Есть дела поважнее. Что вам известно о Нидермане?

– Он убийца. С ним явно что-то не в порядке. Он вымахал на два с лишним метра и сложен, как киборг. Спросите у Паоло Роберто, который боксировал с ним. У Нидермана врожденная анальгезия. Эта болезнь заключается в том, что от природы он лишен чувствительности к боли. Он немец, родился в Гамбурге и еще юношей был скинхедом. Будучи на свободе, он невероятно опасен.

– Как вы думаете, куда он мог бежать?

– Понятия не имею. Я только знаю, что его можно было бы арестовать, если б не появился этот придурок из Тролльхеттана и не начал

командовать…

Ближе к пяти часам утра доктор Андерс Юнассон стянул с себя перепачканные латексные перчатки и выбросил их в мусорный бак. Операционная сестра накладывала повязки на пулевую рану на бедре. Операция заняла три часа. Доктор посмотрел на обритую, истерзанную и уже перебинтованную голову Лисбет Саландер. Внезапно его захлестнула нежность к пациентке – такое случалось с ним нередко после операций. Если верить газетам, Лисбет Саландер – психопатка и маньяк-убийца, но лично ему она напоминала подстреленного воробья. Он покачал головой и посмотрел на доктора Фрэнка Эллиса, который с любопытством наблюдал за ним.

– Ты – просто классный хирург, – восхищенно сказал американец.

– Могу я пригласить тебя на завтрак?

– Здесь можно достать блины с вареньем?

– Вафли, – ответил Андерс Юнассон. – У меня дома есть. Я сейчас позвоню жене, оповещу ее, а потом мы вызовем такси. – Тут он запнулся и взглянул на часы. – Впрочем, звонить, наверное, уже не стоит…

Адвокат Анника Джаннини проснулась мгновенно, словно кто-то ее толкнул. Повернув голову направо, она отметила, что часы показывают без двух минут шесть. На восемь утра у нее назначена первая встреча с клиентом.

Она повернула голову налево и глянула на мужа – Энрико Джаннини. Тот беззаботно спал и собирался вставать в лучшем случае около восьми. Анника пару раз моргнула, вылезла из постели, включила кофеварку и отправилась принимать душ. Она долго находилась в ванной комнате, а когда вышла оттуда, то надела черные брюки, белый пуловер и красный пиджак. Потом поджарила себе два тоста, снабдив их сыром, апельсиновым джемом и ломтиками авокадо, и в половине седьмого уселась завтракать в гостиной – по телевизору как раз начинали передавать новости. Она отпила кофе и уже открыла рот, чтобы начать есть, но тут услышала анонсы.

Один полицейский убит, другой тяжело ранен. Нынешней ночью разворачивались драматические события, в результате которых Лисбет Саландер, обвиняемая в убийстве трех человек, задержана полицией.

Анника никак не могла разобраться в происшедшем, поскольку поначалу у нее сложилось впечатление, что полицейского убила Лисбет Саландер. Новости излагались сжато, но постепенно до нее дошло, что за убийство полицейского разыскивается другой человек. По всей стране

объявлен в розыск тридцатисемилетний мужчина, личность которого пока еще не установлена. Лисбет Саландер с тяжелыми травмами находится в Сальгренской больнице Гётеборга.

Анника переключилась на второй канал, но так и смогла выяснить, что произошло на самом деле. Достав мобильник, она набрала номер своего брата – Микаэля Блумквиста, – но этот абонент был недоступен. Женщина почувствовала укол страха. Микаэль звонил ей накануне вечером – он как раз направлялся в Гётеборг, чтобы отыскать Лисбет Саландер. И убийцу по имени Рональд Нидерман.

На рассвете один из бдительных полицейских обнаружил за дровяным сараем следы крови. Полицейская собака взяла след и привела к яме, расположенной на поляне, примерно в четырехстах метрах на северо-восток от усадьбы Госсеберга.

Микаэль вместе с инспектором Эрландером отправились туда. Они внимательно изучали это место и почти сразу же обнаружили большое количество крови в самой яме и вокруг нее.

Еще они нашли исцарапанный портсигар, явно использовавшийся вместо лопатки. Эрландер спрятал портсигар в пакет с уликами и пометил находку. Он собрал также образцы крови с пятен на земле. Один из полицейских обратил его внимание на окурок сигареты марки «Пэлл Мэлл» без фильтра, – он лежал в метре от ямы. Окурок тоже поместили в пакет и пронумеровали. Микаэль вспомнил, что видел пачку «Пэлл Мэлл» где-то у мойки, в доме Залаченко.

Эрландер взглянул наверх – по небу ползли тяжелые дождевые облака. Буря, обрушившаяся ночью на Гётеборг, явно приближалась к югу от окрестностей Носсебру – скоро начнется ливень. Эрландер обратился к одному из полицейских и попросил раздобыть брезент, чтобы накрыть яму.

– Мне кажется, что вы не ошиблись, – в конце концов сказал он Микаэлю. – Анализ крови, вероятно, докажет, что здесь лежала Лисбет Саландер, а на портсигаре мы наверняка обнаружим отпечатки ее пальцев. Ее подстрелили и закопали, но она каким-то образом выжила, сумела вылезти на поверхность и…

– …вернулась на хутор и двинула Залаченко топором по башке, – закончил Микаэль. – Она весьма упертая чертовка.

– Но как ей удалось справиться с Нидерманом, черт подери?

Блумквист пожал плечами. Эта загадка занимала его ничуть не меньше, чем Эрландера.

Глава 2

Пятница, 8 апреля

В начале девятого утра Соня Мудиг и Йеркер Хольмберг прибыли на Гётеборгский центральный вокзал. Бублански позвонил им и передал новые инструкции – ехать не в Госсебергу, а взять такси и отправиться на площадь Эрнста Фонтелля[9], к стадиону Нюа Уллеви, в управление уголовной полиции лена Вестра Гёталанд.

Почти целый час они ждали, пока из Госсеберги не вернулись инспектор Эрландер вместе с Микаэлем Блумквистом. Журналист поздоровался с Соней Мудиг, с которой уже встречался раньше, и пожал руку Йеркеру Хольмбергу. Затем к Эрландеру подошел еще один коллега. Его отчет о поисках Рональда Нидермана оказался кратким.

– Мы собрали поисковую группу, подчиненную полиции лена. Разумеется, объявлен розыск в масштабе всей страны. В шесть утра мы обнаружили в Алингсосе угнанную полицейскую машину. Там след обрывается. Мы подозреваем, что преступник поменял транспортное средство – правда, пока никаких новых заявлений об угоне автомобилей не поступало.

– А как обстоят дела с массмедиа? – спросила Соня Мудиг и, словно извиняясь, бросила взгляд на Блумквиста.

– Всем уже известно об убийстве полицейского. На десять утра мы назначили пресс-конференцию.

– Кто-нибудь в курсе, как обстоят дела у Лисбет Саландер? – спросил Микаэль. Поиски Нидермана его не слишком интересовали.

– Ночью ее прооперировали, извлекли из головы пулю, но она все еще без сознания.

– И каковы прогнозы?

– Ну, вообще-то, пока она не придет в себя, не стоит спешить с выводами. Хирург, который ее оперировал, надеется на благоприятный исход, если не возникнет осложнений.

– А что с Залаченко?

– С Залаченко? – переспросил коллега Эрландера, пока еще не посвященный во все детали этой истории.

– Речь идет о Карле Акселе Бодине.

– А-а… Его тоже прооперировали. Он получил тяжелые травмы – одну черепно-мозговую и одну под коленной чашечкой. Травмы, конечно,

тяжелые, но опасности для жизни не представляют.
Микаэль кивнул.
– У вас усталый вид, – сказала Соня Мудиг.
– Да уж… Я третьи сутки на ногах.
– Он заснул прямо в машине, по пути из Носсебру, – сказал Эрландер.
– Вы в состоянии рассказать всю историю – от начала и до самого конца? – спросил Хольмберг. – Похоже, что частные детективы переигрывают полицию со счетом примерно три – ноль.
Микаэль вежливо улыбнулся:
– Хотел бы я услышать такое из уст Бублански.
Они отправились позавтракать в кафетерий, который находился прямо тут же, в здании полиции. Целых полчаса Микаэль рассказывал, как он шаг за шагом, по крупицам собирал досье на Залаченко. Когда журналист закончил, полицейские погрузились в размышления.
– В вашей истории имеются несостыковки, – подытожил Йеркер Хольмберг.
– Вполне возможно, – отозвался Микаэль.
– Вы не объяснили, каким образом получили доступ к засекреченным рапортам СЭПО о Залаченко.
Блумквист кивнул.
– Я обнаружил их вчера дома у Лисбет Саландер, когда в конце концов выяснил, где она скрывается. А она, в свою очередь, скорее всего, отрыла их на даче у адвоката Нильса Бьюрмана.
– Значит, вы обнаружили место, где пряталась Саландер? – спросила Соня Мудиг.
Микаэль снова кивнул.
– И что же?
– Этот адрес вам придется выяснять самим. Лисбет приложила немало усилий, чтобы обеспечить себе укрытие, и я не намерен его сдавать вам.
Мудиг и Хольмберг нахмурились.
– Микаэль… но ведь речь идет о расследовании убийства, – напомнила Соня.
– Разве вы еще не поняли, что Лисбет Саландер невиновна и что полиция самым неподобающим образом попрала ее право на защиту частной жизни? Лига лесбиянок-сатанисток – самая невинная выдумка о ней. Если Лисбет захочет сообщить вам, где живет, то, не сомневаюсь, она это сделает.
– И все же я никак не возьму в толк, – недоумевал Хольмберг, – какое отношение ко всем этим событиям имеет Бьюрман? Вы говорите, что все

началось именно с него, потому что он связался с Залаченко и заказал ему убить Саландер… Но ему-то это зачем понадобилось?

Микаэль надолго замолчал, затем сказал:

– Могу только повторить, что он нанял Залаченко, чтобы убить Лисбет Саландер. По их плану она должна была оказаться в том складе под Нюкварном.

– Но ведь он был ее опекуном. Какой у него был мотив для ее убийства?

– Это сложный вопрос.

– Объясните.

– У него имелась веская причина. Лисбет кое-что разузнала о нем. Она представляла угрозу для его репутации и благополучия.

– Что же он такого натворил?

– Мне кажется, будет лучше, если мы предоставим пролить на это свет самой Лисбет.

Блумквист перехватил взгляд Хольмберга.

– Попробую угадать, – предложила Соня Мудиг. – Бьюрман предпринял что-то против своей подопечной.

Микаэль кивнул.

– Предположим, что он подверг ее какой-то форме сексуального насилия?

Журналист пожал плечами и уклонился от комментариев.

– Вам известно о татуировке на животе Бьюрмана?

– О татуировке?

– У него на животе красовалась любительская татуировка с надписью: «Я садистская свинья, подонок и насильник». Мы долго размышляли над тем, откуда она взялась.

Микаэль расхохотался.

– В чем дело?

– Долго же я ломал голову над тем, как именно решила отомстить Лисбет… Но, понимаете ли, я не стану это с вами обсуждать – по той же причине, что и прежде. Речь снова идет о ее частной жизни. Против Лисбет совершили преступление, она оказалась в роли жертвы. И только ей самой решать, что предавать огласке, а о чем умолчать. Сорри. – Он пожал плечами, словно извиняясь.

– О фактах насилия нужно сообщать в полицию, – сказала Соня Мудиг.

– Согласен. Однако преступление совершили два года назад, а Лисбет все еще не сообщила о нем полиции. Стало быть, она не собирается этого делать. Я могу сколько угодно не соглашаться с нею по существу дела, но

она должна решить все сама. И потом…

– Да?

– У нее нет особых резонов доверять полиции. В последний раз, когда она попыталась объяснить, какая скотина и свинья этот Залаченко, ее упекли в психиатрическую клинику.

В пятницу около девяти часов утра начальник разыскной группы Ян Бублански вошел в кабинет Рикарда Экстрёма, который возглавлял предварительное следствие. Тот предложил ему сесть в кресло для посетителей, поправил очки и провел рукой по ухоженной бородке. Он очень напрягся. Ему казалось, что ситуация вышла из-под контроля. Целый месяц Экстрём охотился за Лисбет Саландер. Он в деталях описывал ее как маргинальную личность и психопатку, представлявшую опасность для общества, сливал в массмедиа информацию, которая помогла бы ему в предстоящем судебном процессе. Все, казалось, складывалось хорошо.

По правде сказать, он ни на минуту не сомневался в том, что Лисбет Саландер действительно виновна в тройном убийстве и что судебный процесс станет пропагандистским спектаклем, в котором ему выпадет роль главного героя. Но потом кто-то передернул все карты: откуда-то вылез совершенно другой якобы убийца. И тогда так талантливо срежиссированный спектакль из драмы превратился в фарс.

Проклятая Саландер.

– Похоже, мы угодили в какую-то чертовню, – сказал Экстрём. – Что тебе удалось разузнать за утро?

– Рональда Нидермана объявили в розыск, но он по-прежнему разгуливает на свободе. Пока он разыскивается лишь за убийство полицейского Гуннара Андерссона, хотя, похоже, нам следует инкриминировать ему еще и те три убийства в Стокгольме. Может, тебе стоит поговорить с журналистами?

Бублански предложил созвать пресс-конференцию исключительно для того, чтобы насолить Экстрёму. Тот как раз ненавидел пресс-конференции.

– Думаю, с этим мы можем пока подождать, – поспешно сказал Экстрём.

Бублански с трудом сдерживал улыбку.

– Собственно говоря, этим должна заниматься полиция Гётеборга, – уточнил Экстрём.

– А у нас в Гётеборге находятся Соня Мудиг и Йеркер Хольмберг, они уже работают в паре…

– Мы пока знаем об этом деле слишком мало, так что с пресс-

конференцией не следует спешить, – довольно резко сказал Экстрём. – Но я хотел бы узнать, насколько ты уверен в том, что Нидерман действительно причастен к убийствам в Стокгольме?

– Я в этом просто убежден. Мне подсказывает это профессиональная интуиция. Но у нас хромает доказательная база. Нет ни свидетелей убийств, ни вещественных доказательств. Магге Лундин и Сонни Ниеминен из мотоклуба «Свавельшё МК» отказываются давать показания и притворяются, что никогда не слышали о Нидермане. Но за убийство полицейского Гуннара Андерссона его, конечно же, посадят.

– Вот именно, – сказал Экстрём. – Самое главное сейчас – убийство полицейского. Но скажи-ка мне, неужели ничего не указывает на причастность Саландер к тем убийствам? И не можем ли мы предположить, что она совершила их на па́ру с Нидерманом?

– Сомневаюсь. Я воздержался бы и не стал бы предавать эту версию огласке.

– Но тогда какая связь между Лисбет Саландер и этими событиями?

– Это чрезвычайно запутанная история. Микаэль Блумквист, например, с самого начала утверждал, что все дело в персонаже по имени Зала… в Александре Залаченко.

При упоминании имени Микаэля Блумквиста прокурор Экстрём вздрогнул.

– Зала – перебежавший к нам во времена «холодной войны» русский наемный убийца, – продолжал меж тем Бублански. – Он появился здесь в семидесятые годы и тогда же сошелся с женщиной, которая родила ему дочь Лисбет. Жил под прикрытием некоей группировки из СЭПО, занимался темными делишками и ничего и никого не боялся. Некий полицейский из СЭПО проследил за тем, чтобы Лисбет Саландер поместили в детскую психиатрическую клинику, когда она в тринадцатилетнем возрасте угрожала разоблачить Залаченко.

– Да, похоже, это очень мутная история… Вряд ли мы сможем предать огласке такую информацию. Насколько я понимаю, все сведения о Залаченко засекречены.

– И тем не менее так оно и есть. У меня тут документы…

– Можно мне на них взглянуть?

Бублански протянул ему папку с полицейскими отчетами от 1991 года. Экстрём внимательно разглядывал штамп, означавший, что на сведения наложен гриф секретности, и регистрационный номер, который, несомненно, принадлежал Службе государственной безопасности Швеции. Он бегло перелистал папку, содержащую почти сто страниц, пробежал

глазами несколько случайных фрагментов и отложил ее в сторону.

– Нам следует пока придержать это дело, чтобы ситуация не вышла из-под контроля. Значит, Лисбет Саландер упекли в психушку за то, что она пыталась убить собственного отца… этого самого Залаченко. А теперь она шарахнула его топором по башке. Конечно, это следует квалифицировать как попытку убийства. К тому же ее необходимо задержать за то, что она стреляла в Магге Лундина в Сталлархольме.

– Ты можешь задерживать кого угодно, но я бы на твоем месте действовал с оглядкой.

– Если вся эта история с СЭПО выйдет на свет божий, грянет жуткий скандал.

Бублански пожал плечами. Его обязанность – раскрывать преступления, а до скандалов ему нет никакого дела.

– А что же этот мерзавец из СЭПО, Гуннар Бьёрк? Что нам известно о нем, какую он играл роль?

– Он – одно из главных действующих лиц. В данный момент он взял больничный по поводу межпозвонковой грыжи и живет в Смодаларё.

– Ладно, по поводу СЭПО мы пока не будем суетиться. Сейчас речь идет об убийстве полицейского, и всё. Не будем раздувать нездоровую сенсацию.

– Но умолчать о том, что случилось, нам теперь тоже не удастся.

– Что ты имеешь в виду?

– Я отправил Курта Свенссона, чтобы он привез Бьёрка на допрос. – Бублански посмотрел на часы. – Вероятно, как раз сейчас он к нему прибыл.

– Что?

– Вообще-то я и сам бы с удовольствием съездил в Смодаларё, но не смог – из-за убийства полицейского.

– Но я не давал санкции на арест Бьёрка.

– Так оно и есть. Но речь не идет об аресте. Я пригласил его на допрос.

– Мне это не нравится.

Бублански подался к нему и сказал с доверительным видом:

– Понимаешь ли, в чем дело, Рикард… Лисбет Саландер с самого детства подвергалась целой серии противоправных действий. Я хочу покончить с этим. Безусловно, ты вправе отстранить меня от руководства расследованием, но в таком случае я буду вынужден подать рапорт.

Рикард Экстрём выглядел так, словно проглотил что-то кислое.

Заместитель начальника отдела Службы государственной

безопасности по работе с иностранцами Гуннар Бьёрк находился на больничном. Он открыл дверь летнего дома в Смодаларё и увидел атлетически сложенного, коротко стриженного блондина в черной кожаной куртке.

– Я ищу Гуннара Бьёрка.

– Это я.

– Курт Свенссон, уголовная полиция лена. – Незнакомец показал удостоверение.

– И что же?

– Вас приглашают явиться на Кунгсхольмен, чтобы помочь полиции в расследовании дела Лисбет Саландер.

– Думаю, что это какое-то недоразумение.

– Никакого недоразумения, – сказал Курт Свенссон.

– Уверен, что вы ошиблись. Я тоже полицейский. По-моему, вам следует выяснить все у вашего начальника.

– Именно мой начальник и хочет с вами побеседовать.

– Я должен позвонить…

– Вы сможете позвонить с Кунгсхольмена.

Гуннар Бьёрк вдруг почувствовал, что он не в состоянии сопротивляться.

Все-таки это случилось. Теперь эта история станет достоянием гласности. Проклятый Блумквист. Проклятая Саландер.

– Я арестован? – спросил он.

– Пока нет. Но мы можем постараться, если вы настаиваете.

– Нет, нет, я, конечно, поеду. Разумеется, я хочу помочь своим коллегам.

– Вот и славно, – сказал Курт Свенссон, проходя в дом.

Пока Гуннар Бьёрк надевал верхнюю одежду и выключал кофеварку, полицейский не спускал с него глаз.

В одиннадцать утра Микаэль Блумквист сообразил, что взятая им напрокат машина так и осталась стоять за скотным двором на въезде в Госсебергу, а он настолько измотан, что уже не в силах ехать за ней. Представить, что он смог бы пригнать ее, не являя собою опасности для дорожного движения, было выше его сил. Журналист посоветовался с инспектором Маркусом Эрландером, и тот великодушно предложил ему помощь: криминалисты из Гётеборга пригонят машину, когда будут возвращаться домой.

– Считайте это компенсацией за то, как грубо с вами обошлись

нынешней ночью.

Микаэль кивнул, взял такси и поехал в гостиницу «Сити-отель» на Лоренсбергсгатан, рядом с Авеню. Он оплатил себе одноместный номер – 800 крон за ночь, – поднялся наверх и разделся. Затем сел на покрывало, вытащил из внутреннего кармана куртки мини-компьютер Лисбет Саландер «Палм Тангстен Т3» и повертел его в руках. Блумквист не переставал удивляться, что устройство не конфисковали, когда его обыскивал комиссар Томас Польссон. Скорее всего, тот решил, что компьютер принадлежит Микаэлю. Повезло же ему, что его не отвезли в следственный изолятор, а уж там бы его обыскали и все конфисковали бы, это точно. Блумквист призадумался, а затем спрятал «Палм Тангстен Т3» в отделение своей сумки для ноутбука, где уже лежал CD-диск Лисбет с пометкой «Бьюрман», который Польссон тоже не заметил. При этом Микаэль понимал, что с чисто юридической точки зрения он скрывает улики, но Лисбет, скорее всего, не захотела бы, чтобы эти вещи попали в чьи-нибудь руки.

Он включил мобильник и, убедившись, что аккумулятор почти полностью разрядился, подключил зарядное устройство к сети. Затем позвонил сестре – адвокату Аннике Джаннини.

– Привет, сестренка.

– Ты в курсе относительно ночного убийства полицейского? – сразу же спросила Анника.

Блумквист кратко объяснил, что случилось.

– Вот как. Значит, Саландер в реанимации…

– Точно. Только когда она очнется, мы узнаем, насколько серьезно она пострадала. Но ей будет нужен адвокат.

Анника немного подумала.

– Ты считаешь, она захочет воспользоваться моими услугами?

– Скорее всего, она вообще не захочет адвоката. Лисбет не из тех, кто обращается за помощью.

– Похоже, ей нужен адвокат по уголовным делам… Я хочу взглянуть на те документы, что у тебя есть.

– Поговори с Эрикой Бергер, она сделает тебе копию.

После разговора с сестрой Микаэль позвонил Эрике Бергер. По мобильному она не ответила, и Блумквист набрал ее номер в редакции «Миллениума». К телефону подошел Хенри Кортес и сообщил, что Эрики сейчас нет на месте.

Микаэль вкратце объяснил, что произошло, и попросил его передать информацию главному редактору «Миллениума».

– О’кей. Что мы должны делать? – спросил Кортес.

– Сегодня – ничего. Мне нужно выспаться. Если ничего непредвиденного не случится, завтра я приеду в Стокгольм. «Миллениум» напечатает свою версию событий в следующем номере, так что у нас почти месяц времени.

После разговора Блумквист бросился в постель и буквально через полминуты уснул.

Моника Спонгберг, заместитель начальника регионального полицейского управления, постучала ручкой по стакану с минералкой, требуя тишины. В ее кабинете за столом для совещаний расселись десять человек: три женщины и семеро мужчин. Здесь присутствовали начальник отдела по борьбе с особо тяжкими преступлениями, его заместитель, три инспектора уголовной полиции, в их числе и Маркус Эрландер, а также пресс-секретарь полицейского управления Гётеборга. На совещание вызвали также руководителя отдела предварительного следствия Агнету Йервас из прокуратуры, а также инспекторов уголовной полиции Стокгольма Соню Мудиг и Йеркера Хольмберга. Коллег из столицы пригласили, чтобы продемонстрировать готовность к сотрудничеству и, возможно, чтобы показать им, как следует проводить образцовое полицейское расследование.

Спонгберг, которая часто оказывалась единственной женщиной в мужском окружении, славилась тем, что не тратит время на формальности и гламурные фразы. Она объявила, что шеф регионального полицейского управления находится в командировке, на конференции Европола в Мадриде. Ему уже сообщили об убийстве полицейского, и он прервал свою поездку, но назад ожидается лишь поздно вечером. Затем она обратилась к начальнику отдела по борьбе с особо тяжкими преступлениями Андерсу Перссону и попросила его коротко охарактеризовать ситуацию.

– С момента убийства нашего коллеги Гуннара Андерссона на дороге в Носсебру прошло чуть больше десяти часов. Мы уже знаем имя убийцы – Рональд Нидерман, но у нас по-прежнему нет его фотоизображения.

– В Стокгольме есть его фотография двадцатилетней давности – нам предоставил ее Паоло Роберто, – но от нее мало толку, – сказал Йеркер Хольмберг.

– О’кей. Как известно, он угнал полицейскую машину, которую обнаружили утром в Алингсосе. Она стояла в переулке, примерно в трехстах пятидесяти метрах от железнодорожной станции. В течение утра никто в этом районе не заявлял об угоне машин.

– Какие меры предприняты?

– Мы проверяем поезда, прибывающие в Стокгольм и Мальмё. Объявлен общегосударственный розыск и оповещена полиция Норвегии и Дании. На данный момент около тридцати полицейских непосредственно занимаются расследованием, так что мы начеку.

– И что же, никаких следов?

– Пока нет. Но типа с такой специфической внешностью, как у Нидермана, не так уж и сложно будет опознать.

– А кто-нибудь знает, как состояние Фредрика Торстенссона? – спросил один из инспекторов отдела по борьбе с особо тяжкими преступлениями.

– Он находится в Сальгренской больнице. Получил тяжелые травмы, примерно как после дорожно-транспортного происшествия. Невозможно представить себе, что такие увечья можно нанести человеческими руками. У него переломы ног и ребер, и к тому же поврежден шейный позвонок. Есть риск, что он может остаться частично парализованным.

Все на несколько секунд задумались о плачевной ситуации с коллегой, а потом Спонгберг обратилась к Эрландеру:

– Но что же на самом деле случилось в Госсеберге?

– В Госсеберге случился Томас Польссон.

В зале раздался дружный стон.

– Неужели не найдется какой-нибудь смельчак, который отправит его на пенсию? Он ведь просто настоящее стихийное бедствие.

– Я очень хорошо знаю Польссона, – сказала Моника Спонгберг. – Но в последние, скажем, два года, я не слышала, чтобы кто-нибудь на него жаловался.

– Тамошний начальник полиции – старый приятель Польссона и, скорее всего, прикрывал его. Возможно, даже из лучших побуждений. Скорее всего, он пытался ему помочь, и я говорю это без всякой иронии. Но сегодня ночью Польссон вел себя настолько неадекватно, что некоторые из его коллег даже подали рапорты.

– Что конкретно он натворил?

Маркус Эрландер метнул беглый взгляд на Соню Мудиг и Йеркера Хольмберга. Ему явно не хотелось выпячивать дефекты в работе своей конторы перед столичными коллегами.

– Самым диким кажется то, что он велел коллеге из технического отдела заняться инвентаризацией дровяного сарая, где мы обнаружили этого типа – Залаченко.

– Инвентаризацией? – переспросила Спонгберг.

– Да, то есть ему хотелось точно знать, сколько там поленьев. Чтобы

корректно составить рапорт.

Все потрясенно замолчали, а Эрландер поспешно продолжил:

– Сегодня утром стало известно, что Польссон принимает, по крайней мере, два психофармакологических препарата – «Ксанор» и «Эффексор». На самом деле ему полагается находиться на больничном, но он скрывал свое состояние от окружающих.

– О каком состоянии идет речь? – строго спросила Спонгберг.

– Чем именно он болеет, я, естественно, не знаю – это врачебная тайна. Но препараты, которые он принимает, являются, с одной стороны, сильными антидепрессантами, с другой – стимуляторами. Так что сегодня ночью он просто-напросто перебрал с таблетками.

– О господи, – Спонгберг с трудом удержалась, чтобы не выругаться. Она помрачнела, как туча, вернее, как та буря, которая на рассвете накрыла Гётеборг. – Пришлите Польссона ко мне! И немедленно!

– Теперь сделать это будет не так-то просто. Утром у него началась истерика, и его увезли в больницу с диагнозом переутомление. Нам просто-напросто катастрофически не повезло, что на дежурстве оказался именно он.

– Я хотел бы уточнить, – сказал шеф отдела по борьбе с особо тяжкими преступлениями. – Ведь именно Польссон арестовал ночью Микаэля Блумквиста?

– Он составил рапорт и обвинил его в оскорблении, упорном сопротивлении сотруднику полиции и незаконном ношении оружия.

– А что говорит сам Блумквист?

– Он не отрицает, что оскорбления имели место, но утверждает, что действовал в целях необходимой обороны. Он объясняет, что лишь пытался помешать Торстенссону и Андерссону самостоятельно арестовывать Нидермана, поэтому и употреблял резкие выражения.

– А свидетели есть?

– Полицейские Торстенссон и Андерссон. Честно говоря, я ни на секунду не поверю в обвинения в упорном сопротивлении. Это обыкновенное встречное обвинение с целью предвосхитить жалобу со стороны Блумквиста.

– Неужели сам Блумквист смог в одиночку скрутить Нидермана? – спросила прокурор Агнета Йервас.

– Под угрозой применения оружия.

– Значит, у Блумквиста было оружие… Тогда его задержали по делу. Но где он раздобыл оружие?

– Об этом Блумквист отказывается говорить, пока не посоветуется со

своим адвокатом. Но Польссон арестовал Блумквиста как раз в тот самый момент, когда тот пытался сдать оружие полиции.

– Могу я внести неформальное предложение? – осторожно спросила Соня Мудиг.

Все взгляды устремились к ней.

– Я много раз встречалась с Микаэлем Блумквистом во время расследования, и у меня сложилось впечатление, что он, хоть и журналист, но вполне трезвая и здравомыслящая личность. Очевидно, решение о возбуждении дела будете принимать вы… – Она посмотрела на Агнету Йервас, та кивнула. – В таком случае я полагаю, что вы не станете ему инкриминировать оскорбление и оказание сопротивления, это было бы по меньшей мере неразумно.

– Возможно, вы и правы. Но незаконное ношение оружия – серьезное преступление.

– Я бы пока отложила обвинения против Блумквиста. Ведь он самостоятельно расследовал эту историю – шаг за шагом – и на несколько шагов опередил полицию. И для нашей репутации, и в интересах дела будет гораздо полезнее сотрудничать с ним, сохранив хорошие отношения, чем дать ему возможность раскритиковать полицию в средствах массовой информации.

Она замолчала.

Через несколько секунд Маркус Эрландер откашлялся. Раз уж Соня Мудиг рискнула выступить, то и ему не следует отсиживаться.

– Я тоже так считаю. Блумквист и мне кажется здравомыслящим человеком. Я даже просил у него прощения за то, как с ним обращались сегодня ночью. Он, похоже, готов забыть про этот эпизод. И вообще он держится с достоинством. Он вычислил место жительства Лисбет Саландер, но отказывается его называть. Он не боится дискутировать с полицией… Учитывая его позицию и его авторитет, любое его заявление в масс-медиа прозвучит не менее весомо, чем любые инсинуации со стороны Польссона.

– Но ведь он отказывается передать полиции информацию о Саландер?

– Да, он считает, что нам придется добывать информацию у нее самой.

– А о каком оружии идет речь? – спросила Йервас.

– О пистолете «Кольт тысяча девятьсот одиннадцать Гавернмент». Номер серии неизвестен. Я отправил пистолет на экспертизу, и мы пока не знаем, использовали ли его в каких-либо инцидентах на территории Швеции. Если окажется, что да, тогда это меняет дело.

Моника Спонгберг подняла карандаш.

– Агнета! Тебе самой придется решать, инициировать ли предварительное следствие в отношении Блумквиста. Я бы предложила дождаться отчета экспертов. А пока нам пора двигаться дальше. Этот тип Залаченко… что вы в Стокгольме о нем знаете?

– В том-то и дело, что до вчерашнего дня мы ровным счетом ничего не слышали ни о Залаченко, ни о Нидермане, – ответила Соня Мудиг.

– Мне показалось, что вы разыскиваете у себя банду сатанисток-лесбиянок, – сказал один из гётеборгских полицейских.

Кое-кто из присутствующих улыбнулся.

Йеркер Хольмберг опустил глаза, и отвечать пришлось Соне Мудиг.

– Между нами говоря, у нас в отделе есть собственный Томас Польссон, и история с бандой сатанисток-лесбиянок всплыла как побочный след, и именно по его инициативе.

Затем Мудиг и Хольмберг с полчаса рассказывали о сведениях, которые удалось раздобыть в процессе расследования. Когда они закончили, за столом надолго воцарилось молчание.

– Если насчет Гуннара Бьёрка все подтвердится, то СЭПО это дорого станет, – подытожил заместитель начальника отдела по борьбе с особо опасными преступлениями.

Все присутствующие дружно закивали.

Агнета Йервас подняла руку.

– Насколько я понимаю, ваши подозрения в основном построены на предположениях и косвенных уликах. Но меня как прокурора беспокоит ситуация с реальными доказательствами.

– Мы понимаем, – сказал Йеркер Хольмберг. – В общих чертах мы представляем себе, что произошло, но у нас имеется целый ряд вопросов, на которые следовало бы получить ответы.

– Насколько я поняла, вы занимаетесь эксгумационными раскопками в Нюкварне, под Сёдертелье, – сказала Спонгберг. – О скольких же убийствах, собственно говоря, идет речь?

Йеркер Хольмберг моргнул.

– Мы начали с трех убийств в Стокгольме, по подозрению в которых разыскивалась Лисбет Саландер: были убиты адвокат Бьюрман, журналист Даг Свенссон и докторантка Миа Бергман. В лесу, возле склада под Нюкварном, на данный момент обнаружены три захоронения. В одном из них мы нашли расчлененные останки известного наркоторговца и вора. В могиле номер два находится пока не опознанная женщина. Третью могилу мы пока еще не успели обследовать, и, похоже, она самая старая. Помимо этого, Микаэль Блумквист обнаружил связь последних событий с

убийством проститутки из Сёдертелье, о котором стало известно несколько месяцев назад.

– Значит, вместе с полицейским Гуннаром Андерссоном в Госсеберге речь идет по меньшей мере о восьми жертвах… Это просто устрашающая статистика. Неужели мы подозреваем во всех убийствах Нидермана? Тогда он просто самый настоящий отморозок и серийный убийца.

Соня Мудиг и Йеркер Хольмберг обменялись выразительными взглядами – теперь им придется до конца отстаивать свою версию. Слово взяла Соня Мудиг.

– Нам пока не хватает доказательной базы, и тем не менее я и мой шеф – инспектор уголовной полиции Ян Бублански – в целом согласны с Блумквистом в том, что первые три убийства совершил Нидерман. Это означает, что Саландер невиновна. Что касается могил в Нюкварне, то можно сказать: Нидерман связан с этим местом, и об этом свидетельствует похищение Мириам Ву – подруги Лисбет Саландер. Без сомнения, ей уготовили место в четвертой могиле. Но здание склада принадлежит родственнице главы мотоклуба «Свавельшё МК», и, пока останки не идентифицированы, делать выводы преждевременно.

– А вор, которого вы опознали…

– Кеннет Густафссон, сорок четыре года, все знали его как наркоторговца. Начиная с подросткового возраста, был не в ладах с законом. Интуиция подсказывает мне, что речь идет о каких-то внутренних конфликтах. Мотоклуб из Свавельшё причастен к самым разным преступлениям и, в частности, к дистрибуции метамфетамина. Люди, не поладившие со «Свавельшё МК», вполне могли лечь на это кладбище. Но…

– Но что?

– Та проститутка, убитая в Сёдертелье… двадцатидвухлетняя Ирина Петрова.

– И что с ней?

– Вскрытие показало, что ее забили с особой жестокостью, причем такие травмы обычно наносятся бейсбольной битой или чем-то похожим. Правда, характер повреждений неоднозначен, и патологоанатом так и не смог точно определить, какой именно инструмент использовал преступник. Но, со слов Блумквиста, травмы Ирины Петровой вполне могли быть нанесены голыми руками…

– Это мог быть Нидерман?

– Вполне возможно. Но доказательств у нас пока нет.

– Ну, и как же нам действовать дальше? – спросила Спонгберг.

– Мне нужно пообщаться с Бублански, но, естественно, следующий

шаг – допрос Залаченко. Мы выясним, что ему известно об убийствах в Стокгольме, а уж вы постараетесь задержать Нидермана.

Один из инспекторов гётеборгского отдела по борьбе с особо тяжкими преступлениями поднял палец.

– А можно узнать, что обнаружили на хуторе Госсеберга?

– Не так уж и много. Мы нашли четыре единицы стрелкового оружия. Пистолет «ЗИГ-Зауэр» в разобранном виде, подготовленный к смазке, валялся на кухонном столе. Польский «Пи-восемьдесят три Ванад» лежал на полу рядом с кухонным диваном. «Кольт тысяча девятьсот одиннадцать Гавернмент» – тот самый, который Блумквист пытался сдать Польссону. И наконец, «браунинг» двадцать второго калибра, который в сравнении с вышеперечисленным кажется чуть ли не детской игрушкой. Мы подозреваем, что в Саландер стреляли именно из него, поскольку она осталась жива после пулевого ранения в голову.

– Что-нибудь еще?

– Мы конфисковали сумку, в которой обнаружили примерно двести тысяч крон. Она находилась на втором этаже, в комнате, которую облюбовал Нидерман.

– Вы уверены в том, что это его комната?

– Там мы нашли одежду размера «икс-икс-эль». Залаченко носит вещи на три размера меньше, «медиум».

– А есть ли какие-нибудь доказательства связи Залаченко с криминальной средой? – спросил Йеркер Хольмберг.

Эрландер покачал головой.

– Конечно, все зависит от того, идентифицируем ли мы конфискованное оружие. Но, за исключением оружия и суперсовременных камер наружного наблюдения, мы не обнаружили у Залаченко ничего, что отличало бы хутор Госсебергу от любой другой фермы. Обстановка в доме спартанская.

Ближе к полудню в дверь постучал полицейский и передал Монике Спонгберг какую-то бумагу. Она подняла палец.

– Мы получили сигнал об исчезновении человека в Алингсосе. Двадцатисемилетняя медсестра стоматологического кабинета по имени Анита Касперссон выехала из дома в семь тридцать утра, чтобы отвезти ребенка в детский сад, после чего должна была прибыть на свое рабочее место к восьми утра, – но так и не прибыла. Она работает у частного стоматолога, который принимает пациентов примерно в ста пятидесяти метрах от того места, где обнаружили угнанную полицейскую машину.

Эрландер и Соня Мудиг одновременно посмотрели на часы.

– Значит, он имеет фору в четыре часа. Какая у нее машина?

– Темно-синий «рено» девяносто первого года выпуска. Вот номер.

– Нужно немедленно объявить машину в общегосударственный розыск. Сейчас Нидерман может находиться в любом месте между Осло, Мальмё и Стокгольмом.

После краткой дискуссии полицейские завершили совещание, поручив допрос Залаченко Соне Мудиг и Маркусу Эрландеру.

Эрика Бергер вышла из своего кабинета и прошествовала в редакционную мини-кухню. Хенри Кортес нахмурился и проводил ее взглядом. Через несколько секунд она вышла оттуда с кружкой кофе в руке, вернулась к себе и закрыла дверь.

Хенри Кортес даже не мог бы точно сформулировать, что его смутило. В «Миллениуме» работало не так много народу, и сотрудники редакции быстро сближались. Хенри уже четыре года работал на полставки и за это время журнал несколько раз переживал разрушительные ураганы – особенно в тот период, когда Микаэля Блумквиста присудили к трехмесячному заключению за клевету и журнал едва не обанкротился. На его памяти произошло убийство сотрудника журнала Дага Свенссона и его подруги Миа Бергман.

Во время всех этих катаклизмов Эрика Бергер держалась как скала; казалось, ничто не может вывести ее из равновесия. Хенри ничуть не удивился, когда Эрика позвонила и разбудила его рано утром, а потом поручила ему и Лотте Карим срочное задание.

Судя по всему, дело Лисбет Саландер сдвинулось с мертвой точки, а имя Микаэля Блумквиста склонялось в связи с убийством полицейского из Гётеборга. Больше никакой информации пока не было. Лотта Карим находилась в полицейском управлении и пыталась раздобыть хоть какие-нибудь сведения, а Хенри все утро названивал всем подряд и пытался разобраться в том, что произошло ночью. Блумквист на звонки не отвечал, однако благодаря некоторым источникам Хенри удалось восстановить примерный сценарий ночных событий.

Но Эрику Бергер, казалось, все происходящее вокруг ничуть не волновало.

Дверь к себе в кабинет она закрывала крайне редко – лишь когда принимала посетителей или напряженно работала над какой-то темой. В это утро посетителей у нее не было, и она не работала. Хенри несколько раз заходил к ней, чтобы сообщить о новостях, – и заставал ее в кресле у окна. Погруженная в себя, Эрика равнодушно взирала на людской поток на

Гётгатан, и его сообщения она выслушивала рассеянно. Что-то ее тяготило.

Размышления Хенри прервал звонок. Открыв дверь, он увидел Аннику Джаннини. С сестрой Микаэля Блумквиста он встречался несколько раз, хотя и не мог бы сказать, что знает ее близко.

– Привет, Анника, – сказал Кортес. – А Микаэля сегодня здесь нет.

– Я знаю. Мне нужна Эрика.

Когда Анника вошла в кабинет, Эрика Бергер сидела в кресле у окна. Взглянув на посетительницу, она вернулась к реальности.

– Привет. А Микаэля сегодня нет.

Анника улыбнулась.

– Знаю. Мне нужен отчет Бьёрка о расследовании СЭПО. Микке попросил меня изучить его, чтобы впоследствии, возможно, представлять интересы Саландер.

Кивнув, Эрика встала и принесла с письменного стола папку.

Анника уже собиралась уходить, но, немного поколебавшись, передумала и села напротив Бергер.

– Хорошо, а что происходит с тобой?

– Я собираюсь уйти из «Миллениума», но пока не сказала об этом Микаэлю… не рискнула. Он настолько увлекся этой историей с Саландер, что мне так и не выпал удобный случай. Я и другим не могу ничего сообщить, не поговорив сначала с ним. Так что мне, конечно, не по себе.

Анника Джаннини прикусила нижнюю губу.

– Поэтому ты вместо него решила поделиться со мной… Но чем ты намерена заниматься?

– Я буду главным редактором газеты «Свенска моргонпостен».

– Вот это да! В таком случае мне следует тебя поздравить, а тебе не следует рыдать и рвать на себе волосы.

– Сказать по правде, я не планировала оставить «Миллениум» в таком раздрае, в таком хаосе… Просто мне сделали такое предложение, от которого я не смогла отказаться. Я хочу сказать, что такой шанс дважды не выпадает. Мне предложили эту должность как раз перед тем, как застрелили Дага и Миа, и мы просто сбились с ног. Я не смогла признаться. А теперь меня мучает совесть.

– Понимаю тебя. И ты боишься рассказать об этом Микке…

– Я вообще еще никому не рассказывала. Я думала, что начну работать в «Свенска моргонпостен» в конце лета и у меня еще будет время поделиться. А они теперь требуют, чтобы я приступила к работе как можно скорее.

Она замолчала и посмотрела на Аннику с таким видом, будто вот-вот

расплачется.

– Так что практически я работаю в «Миллениуме» последнюю неделю. После выходных я уезжаю, а потом… Мне нужен краткосрочный отпуск, чтобы подзарядиться. А с первого мая я уже в «Свенска моргонпостен».

– Что ж, давай представим себе, что тебя переехал автомобиль. Тогда журнал остался бы без главного редактора, и тоже без всякого предупреждения.

Эрика взглянула на нее.

– Но меня ведь не переехал автомобиль. Я была в полном здравии и упорно молчала несколько недель.

– Понимаю, что ситуация сложная, но мне кажется, что Микке, Кристер и все остальные справятся с ситуацией. И я считаю, что ты должна все им рассказать – прямо сейчас.

– Да, но твой чертов братишка торчит сегодня в Гётеборге. Он спит и не отвечает на звонки.

– Знаю. Мало кому удается так успешно избегать телефонных звонков, как Микаэлю. Однако тут речь идет не о вас с Микке. Я знаю, что вы проработали вместе двадцать лет или около того, что у вас складывались непростые отношения, – но тебе следует подумать о Кристере и прочих.

– Но Микаэль…

– Конечно, Микке взорвется. Но если он не справится с ситуацией после двадцати лет ваших отношений, тогда он не стоит того времени, что ты на него потратила.

Эрика вздохнула.

– Взбодрись. Позови Кристера и всех остальных. Немедленно.

Кристер Мальм явился на собрание, устроенное Эрикой Бергер в маленьком конференц-зале «Миллениума», в подавленном настроении. Его предупредили о собрании всего за несколько минут до начала, как раз когда он, по случаю пятницы, уже собирался покинуть редакцию пораньше. Кристер покосился на Хенри Кортеса и Лотту Карим; они тоже казались растерянными, как и он. Ответственный секретарь редакции Малин Эрикссон тоже ничего не знала, как и репортер Моника Нильссон, и маркетолог Сонни Магнуссон. Не хватало только Микаэля Блумквиста, который находился в Гётеборге.

«Боже, Микаэль ведь ничего не знает, – подумал Кристер. – Интересно, как он отреагирует…»

Эрика Бергер закончила свое выступление, и в конференц-зале воцарилась полная тишина. Мальм покачал головой, встал, обнял Эрику и

поцеловал ее в щеку.

– Поздравляю, Рикки. Должность главного редактора «Свенска моргонпостен» – серьезный успех после плавания на нашей маленькой шхуне.

Хенри Кортес бурно зааплодировал. Эрика подняла руки.

– Стоп, – сказала она. – Сегодня я недостойна ваших аплодисментов.

Она сделала короткую паузу и обвела взглядом своих немногочисленных коллег.

– Послушайте, мне ужасно жаль, что все так получилось. Я еще несколько недель назад собиралась вам все рассказать. Но тут произошли эти страшные убийства, и мы потеряли голову. Микаэль с Малин работали как одержимые, и у меня просто не было подходящего случая. Поэтому так и вышло.

До Малин Эрикссон вдруг дошло, что в редакции не так уж и много сотрудников и без Эрики они вряд ли справятся. Бергер всегда казалась твердыней, к которой Малин всегда могла прислониться, стабильной и устойчивой в любых катаклизмах. Ничего удивительного, что этот «Утренний дракон» нанял ее на работу.

Но что же теперь будет? Эрика всегда была в «Миллениуме» ключевой фигурой…

– Есть некоторые моменты, которые нам необходимо обговорить. Я понимаю, что в редакции может возникнуть невротическая обстановка. Мне бы очень хотелось этого избежать, но ничего не поделаешь. Во-первых, я оставляю «Миллениум» не полностью. Я остаюсь совладельцем журнала и буду участвовать в заседаниях правления. В то же время я полностью отказываюсь от права влиять на редакционную работу – иначе может возникнуть конфликт интересов.

Кристер Мальм кивнул. Он никак не мог опомниться.

– Во-вторых… Официально я заканчиваю работать здесь тридцатого апреля, но на деле мой последний рабочий день – сегодня. Всю следующую неделю, как вы знаете, я буду в отъезде – это планировалось давно. И я решила, что не стоит возвращаться, дабы побыть у руля еще несколько дней.

Она ненадолго замолчала.

– Следующий номер уже готов, он существует в электронном виде. Осталось только уточнить кое-какие детали. Он станет моим последним номером, после чего к работе приступит новый главный редактор. Свое рабочее место я освобожу сегодня вечером.

Все замолкли.

– Правление должно обдумать и решить, кто после меня станет главным редактором. Но и вам, в редакции, тоже надо это обсудить.

– Микаэль, – предложил Кристер Мальм.

– Нет. Только не Микаэль. Он станет самым худшим главным редактором. Он идеальный ответственный редактор, он умеет вести расследования и дотягивать бездарные статьи до стадии публикации. Но в должности главного редактора он станет настоящим тормозом для журнала. Главным редактором должен быть человек дела, активный и инициативный. К тому же, Микаэль склонен периодически сосредотачиваться на собственных проблемах и исчезать на целые недели. Он предназначен для чрезвычайных ситуаций, но совершенно непригоден для рутинной каждодневной работы. И вы все это знаете.

Кристер Мальм кивнул.

– Вы с Микаэлем прекрасно дополняли друг друга, и «Миллениум» держался за счет этого.

– Не только за счет этого. Вы помните, как Микаэль почти целый год просидел в Хедестаде? Тогда «Миллениум» остался без него. И теперь журнал должен точно так же обойтись без меня.

– О’кей. Что ты предлагаешь?

– Я предлагаю, чтобы главным редактором стал ты, Кристер…

– Ни в коем случае.

Кристер Мальм замахал обеими руками.

– …но поскольку я знала, что ты откажешься, то заготовила другую кандидатуру. Малин, ты станешь исполняющим обязанности главного редактора прямо с сегодняшнего дня.

– Я?! – воскликнула Эрикссон.

– Именно ты. Ты проявила себя как незаменимый ответственный секретарь.

– Но я…

– Просто попробуй. Я сегодня же освобожу свой стол. В понедельник утром ты сможешь перебраться в мой кабинет. Майский номер почти готов – мы над ним уже славно потрудились. В июне мы выпустим двойной номер, а потом у нас будет месяц отпуска. Если у тебя не получится, то в августе правление предложит кого-нибудь другого. Хенри, ты перейдешь на полную ставку и заменишь Малин на посту ответственного секретаря. К тому же, вам необходимо нанять нового сотрудника. Но это уже решать вам и правлению.

Она немного помолчала, задумчиво оглядывая своих коллег.

– И вот еще что. Я перехожу в другую газету. Конечно, с практической

точки зрения «Свенска моргонпостен» и «Миллениум» не конкуренты, но я не хочу знать о содержании следующего номера ничуть не больше, чем знаю сейчас. Буквально начиная с этой секунды вы будете все решать с Малин.

– А история с Лисбет Саландер, как нам быть с ней? – поинтересовался Хенри Кортес.

– Это вам придется решать с Микаэлем. Я кое-что знаю о Саландер, но в «Свенска моргонпостен» материал не попадет.

Эрика чувствовала себя так, словно сбросила с души камень.

– Это всё, – сказала она.

Сочтя свою миссию выполненной, Бергер встала и без дальнейших комментариев направилась к себе в кабинет.

Подавленные тем, что их судьба так неожиданно и резко изменилась за столь короткое время, сотрудники «Миллениума» сидели, погруженные в молчание.

Через час Малин Эрикссон постучала в дверь кабинета Эрики.

– Послушай-ка!

– Да? – спросила Эрика.

– Сотрудники хотят кое-что тебе сказать.

– Что именно?

– Выйди к нам сюда, в гостиную.

Эрика встала и подошла к двери. Коллеги накрыли стол – торт и кофе.

– Я решил, что мы еще успеем организовать тебе настоящий праздник, – сказал Кристер Мальм. – Но пока придется ограничиться кофе с тортом.

Впервые за этот день она улыбнулась.

Глава 3

Пятница, 8 апреля – суббота, 9 апреля

Александр Залаченко очнулся восемь часов назад.

Соня Мудиг и Маркус Эрландер посетили его к семи часам вечера. Он перенес довольно сложную и многочасовую операцию, во время которой ему починили скулу и зафиксировали ее титановыми штифтами. Его голова была перебинтована так основательно, что виднелся только левый глаз. Врач объяснил, что удар топора раздробил скулу, повредил лобную кость, а также отсек бо́льшую часть ткани с правой стороны лица и деформировал глазницу.

Сильная боль донимала Залаченко. И все-таки, несмотря на значительные дозы обезболивающих средств, он сохранял относительную ясность рассудка и мог разговаривать. Однако полицейским велели его не переутомлять.

– Добрый вечер, господин Залаченко, – поздоровалась Соня Мудиг.

Она представилась сама и представила своего коллегу.

– Меня зовут Карл Аксель Бодин, – сквозь сжатые зубы процедил Залаченко. Голос его казался спокойным.

– Я знаю, кто вы. Я прочитала ваше досье в архиве СЭПО.

Соня просто закинула удочку, хотя на самом деле они пока не получили от СЭПО ни единой бумажки о Залаченко.

– Все это дела давно минувших дней, – сказал Залаченко. – Теперь я Карл Аксель Бодин.

– Как вы себя чувствуете? – продолжила Мудиг. – Вы в состоянии говорить?

– Я хочу сообщить о преступлении. Моя дочь пыталась убить меня.

– Мы знаем об этом и со временем проведем расследование, – заверил Эрландер. – А сейчас нам надо поговорить о более важных вещах.

– Что может быть важнее, чем покушение на убийство?

– Мы рассчитываем получить от вас сведения о трех убийствах в Стокгольме и минимум трех убийствах в Нюкварне, а также об одном похищении.

– Я ничего об этом не знаю. Кого убили?

– Господин Бодин, у нас есть веские основания полагать, что в этих преступлениях виновен ваш компаньон – тридцатисемилетний Рональд Нидерман, – сказал Эрландер. – Этой ночью он убил еще и полицейского из

Тролльхеттана.

Соня Мудиг удивилась, что Эрландер решил подыграть Залаченко и обратился к нему по фамилии Бодин. Залаченко слегка повернул голову, так, чтобы видеть Эрландера. Его голос теперь звучал менее агрессивно.

– Как это трагично… Я не в курсе дел Нидермана. Я никаких полицейских не убивал. Меня самого этой ночью чуть не убили.

– Рональд Нидерман объявлен в розыск. Какие у вас есть предположения на этот счет? Где он может скрываться?

– Я не знаю, в каких кругах он вращается. Я… – Залаченко на несколько секунд замолчал, и голос его стал почти задушевным. – Должен признаться, что, между нами говоря, временами Нидерман меня тревожил.

Эрландер подался ближе.

– Не могли бы вы выразиться поточнее?

– Мне кажется, он способен проявлять чрезвычайную агрессию. Честно сказать, я его боюсь.

– То есть вы чувствовали, что Нидерман может представлять для вас угрозу? – уточнил Эрландер.

– Именно так. Я немолод, и не могу себя защитить.

– Вы можете объяснить, какие отношения были у вас с Нидерманом?

– Я инвалид. – Залаченко показал на ногу. – Моя дочь пытается убить меня уже во второй раз. Много лет назад я нанял Нидермана в качестве помощника. Я решил, что он сможет меня защитить, но он, по сути дела, стал командовать мною и моей жизнью. Он появляется и исчезает, когда ему угодно, а я и слова сказать не могу.

– В чем заключается его помощь? – спросила Соня Мудиг. – Он делает то, с чем вы не можете справиться сами?

Залаченко окинул Соню Мудиг долгим взглядом, его единственный свободный от повязок глаз буквально просверлил ее.

– Насколько я поняла, десять лет назад ваша дочь швырнула зажигательную бомбу в вашу машину, – сказала Соня Мудиг. – Вы можете объяснить, что ее толкнуло на такой поступок?

– Спросите об этом у моей дочери. Она психически ущербна. – Его голос вновь зазвучал враждебно.

– Вы хотите сказать, что даже не представляете, по какой причине Лисбет Саландер набросилась на вас в тысяча девятьсот девяносто первом году?

– Моя дочь психически больна. Этот факт задокументирован.

Мудиг наклонила голову набок. Она отметила, что ее вопросы вызывают у Залаченко более агрессивную и враждебную реакцию.

Эрландер тоже это заметил.

О’кей… *Good cop, bad cop*[10].

– Разве ее действия не связаны с тем эпизодом, – повысила голос Соня, – когда вы так жестоко избили ее мать, что она получила неизлечимые травмы головного мозга?

Залаченко невозмутимо взирал на Мудиг.

– Это беспочвенная трепотня. Ее мать занималась проституцией. И кто-нибудь из ее клиентов мог надрать ей задницу. А я просто случайно к ним заглянул.

Соня подняла брови.

– Значит, вы ни в чем не виноваты?

– Разумеется.

– Залаченко… Я хочу убедиться, правильно ли я вас поняла. Вы отрицаете, что избивали свою тогдашнюю подругу – Агнету Софию Саландер, мать Лисбет Саландер? Хотя этот эпизод послужил предметом обстоятельного и засекреченного расследования, проведенного Гуннаром Бьёрком – вашим тогдашним куратором из СЭПО?

– У меня нет никаких судимостей. Мне даже не предъявлялось никаких обвинений. Я не могу отвечать за то, что какой-то придурок из Службы безопасности оговорил меня в своих отчетах. Если бы меня в чем-нибудь подозревали, то, по крайней мере, вызывали бы на допросы.

От такой наглости Соня Мудиг просто потеряла дар речи. Казалось даже, что на лице Залаченко, скрытом повязкой, сквозила улыбка.

– Итак, я хотел бы сообщить о том, что моя дочь пыталась меня убить.

Мудиг вздохнула.

– Я, кажется, начинаю понимать, почему Лисбет Саландер так хотелось всадить вам топор в голову.

Эрландер кашлянул.

– Простите, господин Бодин, может, вернемся к тому, что вам известно о Рональде Нидермане?

Из коридора, в котором находилась палата Залаченко, Соня Мудиг позвонила инспектору Яну Бублански.

– Ничего, – сказала она.

– Ничего? – переспросил тот.

– Он передал в полицию заявление на Лисбет Саландер, обвинив ее в жестоком избиении и попытке убийства. Он утверждает, что не имеет никакого отношения к убийствам в Стокгольме.

– А как получилось, что Лисбет Саландер была закопана на его

участке в Госсеберге, он объяснил?

– Говорит, что был простужен и проспал почти целый день. Если в Саландер стреляли в Госсеберге, то это, вероятно, дело рук Рональда Нидермана.

– Хорошо. Какие факты у нас есть?

– В нее стреляли из «браунинга» двадцать второго калибра, поэтому ей удалось выжить. Мы нашли пистолет. Залаченко признает, что оружие принадлежит ему.

– Вот оно что… То есть иными словами, он знает, что на пистолете есть отпечатки его пальцев.

– Именно. Но утверждает, что в последний раз видел пистолет, когда тот лежал в ящике письменного стола.

– Стало быть, вышеупомянутый Рональд Нидерман взял оружие, пока Залаченко спал, и выстрелил в Саландер… Сможем ли мы доказать обратное?

Соня Мудиг несколько секунд подумала, а потом ответила:

– Он очень неплохо разбирается в шведском законодательстве и методах работы полиции. Ни в чем не признается и жертвует Нидерманом, словно пешкой. Даже не знаю, что мы сможем доказать. Я попросила Эрландера отправить его одежду на экспертизу, чтобы проверить ее на наличие следов пороха, но он, конечно, будет уверять, что два дня назад тренировался на полигоне в стрельбе.

Лисбет Саландер ощущала запахи миндаля и этанола. Казалось, что у нее во рту спирт, и она попробовала сглотнуть, но не смогла шевельнуть языком – тот будто полностью утратил чувствительность. Лисбет пыталась открыть глаза, но не смогла. Откуда-то со стороны, издалека, до нее доносился голос, который, казалось, обращался к ней, но разобрать слова ей не удавалось. Вдруг она услышала этот голос ясно и отчетливо.

– Мне кажется, она просыпается.

Лисбет почувствовала, что кто-то касается ее лба, и попыталась отмахнуться от чужой назойливой руки. Тут она почувствовала острую боль в левом плече и расслабила мышцы.

– Вы меня слышите?

Отстань.

– Вы можете открыть глаза?

Что это за кретин до меня докопался?

Наконец Лисбет приоткрыла глаза.

Сначала она увидела только отдельные световые точки, а потом в поле

ее зрения возникла некая фигура. Она попыталась сосредоточить взгляд, но фигура куда-то уплывала. Лисбет казалось, что у нее сильное похмелье и что кровать вот-вот перевернется.

– Пшл, – произнесла она.

– Что вы сказали?

– Кртн, – сказала она.

– Отлично. Не могли бы вы снова открыть глаза?

Саландер слегка приоткрыла глаза и сквозь ресницы увидела незнакомое лицо. Теперь она могла разглядеть каждую деталь: над ней склонился светловолосый мужчина с ярко-голубыми глазами и резкими чертами лица.

– Привет. Меня зовут Андерс Юнассон. Я доктор. Вы находитесь в больнице. Вы получили серьезные травмы и сейчас проснулись после операции. Вы можете назвать свое имя?

– Пшландр, – сказала Лисбет Саландер.

– Хорошо. Я попрошу вас оказать мне одну услугу. Посчитайте до десяти.

– Раз, два, чтыре… нет… три, чтыре, пять, шсть…

И она снова отключилась.

Доктор Андерс Юнассон остался доволен ее ответами. Она назвала свою фамилию и смогла считать. Это явный признак того, что ее ментальные способности не утрачены и что она не проснется овощем. Он записал время пробуждения – 21.06, примерно через шестнадцать часов после завершения операции. Андерс Юнассон проспал бо́льшую часть дня и вернулся в Сальгренскую больницу около семи вечера. Вообще-то сейчас была не его смена, но у него накопилась масса неотложной бумажной работы.

И все же он не удержался и зашел в реанимацию, чтобы взглянуть на пациентку, которой ранним утром сделал операцию на мозге.

– Дайте ей еще немного поспать, но внимательно следите за кардиограммой. Есть риск того, что в мозгу может образоваться отек. Похоже, у нее возникла острая боль в плече, когда она попыталась двинуть рукой. Если она проснется, давайте ей по два миллиграмма морфина в час.

Покидая больницу через главный вход, врач почувствовал себя бодрым и счастливым.

Лисбет Саландер вновь проснулась, когда стрелки часов приближались к двум часам ночи. Она медленно открыла глаза и увидела луч света на потолке. Через несколько минут девушка повернула голову и поняла, что ее

шею украшает фиксирующий воротник. Голова гудела, а при попытке поменять положение корпуса Лисбет ощутила резкую боль в плече и снова закрыла глаза.

«Больница, – подумала она. – Интересно, что я тут делаю?»

Лисбет почувствовала страшную слабость. Сначала ей было трудно сосредоточиться, но затем она начала вспоминать какие-то фрагменты…

Когда она вспомнила, как выбиралась из могилы, ее на несколько секунд охватила паника. Она стиснула зубы и стала усердно дышать. Жива… Правда, она не знала, радоваться этому или печалиться.

Лисбет не могла вспомнить события в их последовательности, но какие-то отдельные сцены мелькали перед глазами… Сарай, она в бешенстве замахнулась топором и рассекла лицо своему отцу, Залаченко… Она не знала, жив он или мертв.

Лисбет никак не могла вспомнить, что же случилось с Нидерманом. Вроде бы она удивилась, что он со всех ног бросился бежать, а почему – так и осталось для нее загадкой.

Вдруг она вспомнила, что видела этого Чертова Калле Блумквиста. Лисбет усомнилась, не привиделось ли ей все это, но она помнила кухню – наверное, это была кухня в Госсеберге – и вроде как видела, как он к ней приближается…

«Должно быть, у меня были галлюцинации», – решила она.

Казалось, что события в Госсеберге происходили давным-давно или вообще привиделись ей в каком-то дурацком сне. Лисбет вернулась к настоящему времени.

Она ранена, в этом нет никаких сомнений. Девушка подняла правую руку и пощупала голову – та была полностью забинтована. Вдруг Лисбет вспомнила. Нидерман. Залаченко. У старого ублюдка тоже оказался пистолет – «браунинг» калибра 0.22. По сравнению с другими видами огнестрельного оружия он более или менее не страшен, поэтому она и осталась жива.

«Мне прострелили голову, – вспомнила Лисбет. – Я могла засунуть в дырку палец и дотронуться до своего мозга».

Теперь она удивлялась тому, что осталась жива, но, странное дело, ее это почти не волновало – ей было все равно. Если смерть и есть та черная пустота, из которой она только что вынырнула, то волноваться не о чем. Особой разницы нет.

После этих эзотерических размышлений Лисбет закрыла глаза и снова провалилась в сон.

Она дремала всего несколько минут, а потом услышала движение и приоткрыла глаза. Над нею склонилась медсестра в белом халате, и Лисбет снова закрыла глаза, притворяясь спящей.

– Кажется, вы не спите, – сказала сестра.

– Ммм, – произнесла Лисбет Саландер.

– Привет, меня зовут Марианн. Вы понимаете, что я говорю?

Лисбет попыталась кивнуть, но обнаружила, что ее голова четко зафиксирована воротником.

– Нет, не пытайтесь шевелиться. Не бойтесь. Вы были ранены, но вас уже прооперировали.

– Можно воды?

Марианн дала ей попить через трубочку. Пока Лисбет поглощала воду, она заметила, что с правой стороны от нее возник еще один силуэт.

– Здравствуйте, Лисбет. Вы меня слышите?

– Ммм, – ответила Саландер.

– Я доктор Хелена Эндрин. Вы знаете, где вы находитесь?

– Больница.

– Вы в Сальгренской больнице Гётеборга. Вас прооперировали, и сейчас вы находитесь в реанимации.

– Мм.

– Вам нечего бояться.

– Мне прострелили голову.

Доктор Эндрин сделала краткую паузу.

– Правильно. Вы помните, что произошло?

– У старого мерзавца был пистолет.

– Именно так.

– Двадцать второго калибра.

– Вот как? Я этого не знала.

– Насколько серьезно меня ранили?

– Прогнозы вполне оптимистичные. Вы поступили в тяжелом состоянии, но мы считаем, что у вас хорошие шансы полностью выздороветь.

Лисбет оценивала полученную информацию. Сосредоточив взгляд на докторе Эндрин, она отметила, что изображение расплывается.

– А что произошло с Залаченко?

– С кем?

– Со старым мерзавцем. Он жив?

– Вы имеете в виду Карла Акселя Бодина?

– Нет. Я имею в виду Александра Залаченко. Это его настоящее имя.

– Мне об этом ничего не известно. Но пожилой мужчина, поступивший одновременно с вами, получил тяжелые травмы. Впрочем, его жизнь вне опасности.

Сердце Лисбет дрогнуло. Она обдумывала то, что сказал врач.

– Где он?

– В соседней палате. Но вам сейчас незачем о нем беспокоиться. Лучше сосредоточиться на том, чтобы поправиться.

Лисбет закрыла глаза. На секунду она даже подумала о том, чтобы встать с кровати, найти подходящее оружие и добить этого мерзавца, но затем отбросила эти мысли. Она даже веки поднимает с трудом. Значит, она так и не убила Залаченко… Он опять избежал наказания…

– Я хочу вас осмотреть. Потом можете поспать, – сказала доктор Эндрин.

Когда Микаэль Блумквист проснулся, ему показалось, что он проспал целую вечность.

Нескольких секунд он не мог понять, где находится, пока не вспомнил, что снял номер в «Сити-отеле». В комнате было темно, как в подземелье. Журналист включил бра и взглянул на часы: три часа ночи. Он спал пятнадцать часов подряд.

Микаэль вылез из постели и отправился в туалет, потом задумался. Наконец он понял, что больше не уснет, и решил принять душ, затем надел джинсы и водолазку цвета красного вина, которой явно требовалась стирка. Он вдруг почувствовал, что страшно проголодался, и позвонил в лобби – узнать, нельзя ли, несмотря на неурочный час, заказать кофе с бутербродами. Оказалось, что можно.

Надев мокасины и пиджак, Блумквист спустился вниз, к портье, купил кофе и завернутый в полиэтиленовую пленку бутерброд – ржаную лепешку с сыром и паштетом, – и вернулся обратно в номер. Не переставая жевать, он включил свой ноутбук, вошел в Интернет и открыл сайт газеты «Афтонбладет»[11].

Главная новость оказалась вполне ожидаемой – схватили Лисбет Саландер. Впрочем, несмотря на некоторый налет сенсационности, новость все-таки препарировалась весьма деликатно. За убийство полицейского разыскивался тридцатисемилетний Рональд Нидерман, и полиции не терпелось допросить его и в связи с убийствами в Стокгольме. О статусе Лисбет Саландер полиция пока никак не высказалась, а имя Залаченко вообще не упоминалось. Его называли исключительно шестидесятипятилетним владельцем усадьбы в Госсеберге, и СМИ все еще

придерживались версии, согласно которой он оказался жертвой.

Проглотив все эти новости, Микаэль включил мобильный телефон. Оказалось, что за это время он получил двадцать новых сообщений. Три из них призывали позвонить Эрике Бергер. Два оказались от Анники Джаннини. Четырнадцать поступило от репортеров различных газет, и одно – от Кристера Мальма, который высказался афористически кратко:

«Будет лучше, если ты вернешься первым же поездом».

Микаэль напрягся – стилистика, нетипичная для Кристера Мальма, который отправил эсэмэску накануне, в семь вечера. Микаэлю захотелось кому-нибудь позвонить, но он вовремя вспомнил, что сейчас три часа ночи, и удержался. Вместо этого посмотрел в Интернете расписание поездов. Первый поезд в Стокгольм отправлялся в 05.20.

Блумквист открыл новый документ в «Ворде», закурил и три минуты посидел, уставившись в пустой экран компьютера. В конце концов он начал набирать текст:

> Ее зовут Лисбет Саландер, и вся Швеция узнала о ней из пресс-конференций полиции и заголовков вечерних газет. Ей 27 лет, ее рост составляет 150 сантиметров. Ее описывали как психопатку, убийцу и лесбиянку-сатанистку. Небылицы и клевета, которые распространяли о ней пресса и полиция, не знали границ. В своем последнем номере «Миллениум» опубликует историю о том, как чиновники организовали заговор против Лисбет Саландер ради того, чтобы защитить патологического садиста и убийцу.

Микаэль набирал текст без спешки и почти не вносил исправлений в первый вариант. Так, не отрываясь от текста, он поработал пятьдесят минут, и за это время набрал две с лишним страницы, на которых в основном излагал события той ночи, когда он обнаружил тела Дага Свенссона и Миа Бергман, и пытался объяснить, почему полиция избрала Лисбет Саландер на роль предполагаемого убийцы. Он цитировал заголовки вечерних газет о лесбиянках-сатанистках. Авторы многих статей откровенно намекали на то, что убийства связаны с пикантными подробностями нетрадиционного секса.

Наконец Микаэль бросил взгляд на часы, поспешно закрыл ноутбук, упаковал вещи в сумку, спустился в лобби и попросил счет за номер. Расплатившись кредиткой, он взял такси и поехал на центральный вокзал Гётеборга.

В поезде Блумквист сразу же отправился в вагон-ресторан и заказал кофе и бутерброд. Затем снова загрузил ноутбук и прочитал текст, который успел написать рано утром в гостинице. Он настолько увлекся изложением истории Залаченко, что не заметил инспектора уголовной полиции Соню Мудиг, пока та не кашлянула и не спросила, можно ли ей составить ему компанию. Микаэль поднял взгляд и закрыл ноутбук.

– Домой? – спросила Мудиг.

Блумквист кивнул.

– Вы, видимо, тоже.

Она кивнула в ответ.

– Мой коллега останется в городе еще на сутки.

– Вы что-нибудь слышали о состоянии Лисбет Саландер? Я все это время проспал.

– Она очнулась только вчера вечером; врачи полагают, что она выкарабкается и полностью поправится. Ей просто невероятно повезло.

Микаэль кивнул. До него вдруг дошло, что он и не беспокоился за нее – просто не сомневался в удачном исходе. Все остальные варианты он даже не принимал в расчет.

– Неужели произошло еще что-нибудь интересное? – спросил он.

Соня Мудиг с сомнением посмотрела на него. Она словно прикидывала, какую информацию можно доверить репортеру, который фактически знает об этой истории больше, чем она сама. С другой стороны, она первая подсела к нему за стол, да и, вероятно, более сотни репортеров уже успели разнюхать, чем занимается полиция.

– Я бы не хотела, чтобы меня цитировали, – сказала она.

– Я спрашиваю исключительно из любопытства.

Соня кивнула. По ее словам, полиция охотится за Рональдом Нидерманом по всей стране и, в частности, в районе Мальмё.

– А Залаченко? Вы его допросили?

– Да.

– И?..

– Это чисто служебная информация, которую я не имею права разглашать.

– Перестаньте, Соня. Мне станет известно все, о чем вы с ним разговаривали, примерно через час после того, как я доберусь до редакции в Стокгольме. К тому же я не намерен использовать в своей работе ни слова из того, что вы мне расскажете.

Мудиг долго колебалась, потом посмотрела ему в глаза.

– Он подал в полицию заявление на Лисбет Саландер за то, что она якобы пыталась его убить. Возможно, ее арестуют за насильственные действия или за попытку убийства.

– А она, скорее всего, будет апеллировать к праву на необходимую оборону.

– Очень на это надеюсь, – произнесла Соня.

Микаэль пристально взглянул на нее.

– Очень непривычно слышать это от полицейского, – сказал он.

– Бодин… Залаченко скользкий, как угорь, и за словом в карман не полезет. Он всегда найдет, что сказать в свое оправдание. Я не сомневаюсь в том, что все обстоит так, как вы рассказывали нам вчера. Это означает, что Саландер неоднократно становилась жертвой противоправных действий с тех пор, как ей исполнилось двенадцать.

Микаэль кивнул.

– Эту историю я и собираюсь опубликовать, – сказал он.

– Возможно, что не все смогут разделить вашу точку зрения…

Соня сделала паузу. Микаэль ждал.

– Полчаса назад я говорила с Бублански. Я узнала от него не так много, но, похоже, предварительное следствие по обвинению Саландер в убийстве ваших друзей закрыто. Теперь в фокусе внимания Нидерман.

– И это означает, что…

Блумквист не договорил. Его вопрос так и повис в воздухе. Соня Мудиг пожала плечами.

– Но кто же будет заниматься расследованием дела Саландер?

– Этого я не знаю. То, что произошло в Госсеберге, находится прежде всего в компетенции Гётеборга. Но я думаю, что прежде чем выдвинуть обвинение, кому-нибудь в Стокгольме поручат собрать воедино весь материал.

– Понимаю. Давайте поспорим, что СЭПО возьмет расследование под свой контроль?

Мудиг покачала головой.

Когда поезд уже приближался к Алингсосу, Микаэль подался к своей собеседнице.

– Соня… Мне кажется, вы понимаете, чем все это чревато. Если история Залаченко будет предана огласке, разразится грандиозный скандал. Сотрудники СЭПО в свое время вступили в сговор с психиатром, чтобы упечь Лисбет Саландер в психушку. Им остается только упорно настаивать на том, что она действительно психопатка и что ее не зря принудительно поместили в лечебницу в девяносто первом году.

Мудиг кивнула.

– Я сделаю все, что в моих силах, чтобы разрушить их планы, – продолжал Микаэль. – Лисбет Саландер так же нормальна, как и мы с вами. Своеобразна – это да, не без этого, однако ее интеллектуальные способности не вызывают никаких сомнений.

Соня снова кивнула. Блумквист сделал паузу, чтобы она усвоила то, что он сказал.

– Мне потребуется помощь – кого-нибудь, на кого я смогу полагаться, – сказал он.

Она посмотрела ему в глаза и покачала головой:

– Не в моей компетенции определять, страдает ли Лисбет Саландер психическим недугом.

– Да, но в вашей компетенции решать, подвергалась ли она противоправным действиям или нет.

– И что вы предлагаете?

– Я не прошу, чтобы вы закладывали своих коллег. Я прошу, чтобы вы снабжали меня информацией, если обнаружите, что Лисбет снова грозит опасность стать жертвой противоправных действий.

Соня Мудиг молчала.

– Я не прошу, чтобы вы сообщали мне технические детали следственных действий или что-то в этом роде. Все на ваше усмотрение. Но я хотел бы знать, на какой стадии находится судебное преследование Лисбет Саландер.

– Меня могут запросто уволить с работы.

– Вы – мой источник. Я ни за что вас не выдам и не причиню вам хлопот. – Блумквист достал блокнот и написал адрес электронной почты. – Это мой анонимный почтовый ящик. Если захотите что-нибудь сообщить мне, можете им воспользоваться. Только не пишите со своего обычного официального адреса. Создайте собственный временный аккаунт на «Хотмейле».

Соня Мудиг взяла листок и положила во внутренний карман пиджака. Она ничего ему не обещала.

Субботним утром в семь часов инспектор уголовной полиции Маркус Эрландер был разбужен телефонным звонком. До него доносились голоса из телевизора, с кухни долетал запах кофе – жена уже хлопотала по дому. Инспектор добрался до своей квартиры в городке Мёльндаль только к часу ночи и проспал всего часов пять, а перед тем провел на ногах почти двадцать два часа. Так что, протягивая руку к телефону, он чувствовал себя

разбитым.

– Мортенссон, патрульная служба, ночное дежурство. Ты уже успел проснуться?

– Нет, – ответил Эрландер. – Я только недавно заснул. Что стряслось?

– Есть новости. Нашли Аниту Касперссон.

– Где?

– На подъезде к селению Сеглора, к югу от Буроса.

Эрландер визуализировал в своем воображении карту.

– Значит, он отправляется на юг, – сказал он. – Выбирает обходные пути. Должно быть, проехал по шоссе сто восемьдесят над Буросом и свернул на юг… А мы сообщили в Мальмё?

– Да, и в Хельсингборг, и в Ландскруну, и в Треллеборг. И в Карлскруну. Я имею в виду паром на восток.

Эрландер встал, озабоченно потирая шею.

– У него теперь почти сутки форы. Он мог уже уехать из страны. А как нашлась Касперссон?

– Она постучалась в дверь виллы на въезде в Сеглору.

– Не понял…

– Она постучалась…

– Я слышал. Ты хочешь сказать, что она жива?

– Извини. Я устал и выражаюсь не совсем четко. Анита Касперссон дотащилась до Сеглоры сегодня ночью, в три часа десять минут и начала колотить ногами в дверь дома. Семья, которая спала, перепугалась не на шутку. Она была босая, продрогшая, со связанными за спиной руками. Сейчас она находится в больнице в Буросе, к ней уже приехал муж.

– Черт побери! Просто мы все исходили из того, что она уже на том свете.

– Сюрприз…

– Позитивный сюрприз.

– А теперь наступило время для неприятных сюрпризов. Здесь уже с пяти утра находится заместитель начальника регионального управления Моника Спонгберг. Она распорядилась, чтобы ты поскорее просыпался и ехал в Бурос допрашивать Аниту Касперссон.

Микаэль решил, что в субботнее утро в редакции «Миллениума» никого нет. Когда поезд X2000 уже миновал мост Орстабрун и приближался к Стокгольму, он позвонил Кристеру Мальму.

– С какой стати ты послал мне такой панический сигнал?

– А ты уже позавтракал? – поинтересовался Кристер.

– В поезде.

– О’кей. Приезжай ко мне домой, и я спроворю что-нибудь более серьезное.

– А вообще, о чем речь?

– Расскажу лично.

Микаэль доехал на метро до станции «Медборгарплатсен» и прогулялся до улицы Алльхельгонгатан. Дверь ему открыл друг Кристера Арнольд Магнуссон.

Последний начинал свою карьеру в Королевском драматическом театре и стал одним из самых популярных актеров Швеции. При встрече с ним в реальной жизни Микаэль всякий раз смущался – ему никак не удавалось отделаться от ощущения, что он смотрит на какую-то рекламную афишу. Обычно Блумквиста никогда не впечатляли знаменитости, но Арнольд Магнуссон обладал характерной внешностью и ассоциировался с некоторыми персонажами из фильмов и телесериалов. Особенно с горячим, но справедливым комиссаром уголовной полиции Гуннаром Фриском из суперпопулярного сериала. Микаэлю казалось, что и Арнольд, и Гуннар Фриск следуют одному и тому же стереотипу поведения.

– Привет, Микке, – сказал Арнольд.

– Привет.

– Пошли на кухню.

Арнольд впустил его в квартиру.

Кристер Мальм поставил на стол только что испеченные вафли, варенье из морошки и свежезаваренный кофе. Не успел Микаэль сесть, как у него уже потекли слюнки, и он сразу накинулся на вафли. Мальм стал расспрашивать о событиях в Госсеберге, и Микаэль пересказал основные детали. Только приступая к третьей вафле, он собрался с духом и спросил, что же именно произошло.

– Пока ты находился в Гётеборге, у нас в «Миллениуме» возникла небольшая проблема, – сказал Кристер.

Блумквист поднял брови.

– Какая?

– Ничего особенного. Просто Эрика Бергер стала главным редактором «Свенска моргонпостен». Вчера был ее последний день в «Миллениуме».

Микаэль так и не донес вафлю до рта. Ему понадобилось некоторое время, чтобы оценить масштаб новости.

– Почему она ничего не сказала раньше? – наконец спросил он.

– Потому что хотела сообщить тебе об этом первому, а ты оказался вне досягаемости и в течение нескольких недель был совершенно недоступен.

Она наверняка считала, что у тебя и без того полно проблем с делом Саландер. А поскольку ей хотелось рассказать тебе первому, она, естественно, ничего не говорила и всем нам, а время шло и шло… Так что постепенно ее начинала мучить совесть, и в конце концов ей уже просто стало невмоготу. А мы ничего не замечали.

Микаэль закрыл глаза.

– Черт возьми, – сказал он.

– Вот именно. А теперь все получилось наоборот – ты узнал об этом последним из всей редакции… Мне захотелось рассказать тебе об этом, чтобы ты понял, как обстояло дело, и не подумал, что кто-то действовал за твоей спиной.

– А я так и не думаю. Но, боже мой… Здорово, конечно, что она получила эту должность, если ей так хотелось работать в «Свенска моргонпостен»… Но нам-то, черт возьми, что теперь делать?

– Начиная со следующего номера мы поручаем Малин исполнять обязанности главного редактора.

– Малин?

– Если, конечно, ты не хочешь быть главным редактором…

– Нет, я пока еще не совсем офонарел.

– Я почему-то так и думал. Стало быть, главным редактором будет Малин.

– А кто будет ответственным секретарем?

– Хенри Кортес. Он уже проработал у нас четыре года, так что ему уже пора бы покинуть курсы начинающих журналистов.

Микаэль обдумывал эти новости.

– А от моего мнения уже ничего не зависит? – наконец поинтересовался он.

– Почти ничего, – сказал Кристер.

Блумквист сухо усмехнулся.

– О’кей. Пусть будет так, как вы решили. Малин – боец, но ей не хватает решимости, а Хенри частенько порет горячку. Нам придется не спускать с них глаз.

– Ну, мы и не будем спускать.

Микаэль сидел, молча думая о том, как им будет не хватать Эрики. Будущее журнала представлялось ему весьма туманным.

– Мне надо позвонить Эрике и…

– Думаю, не стоит.

– Как это?

– Она спит в редакции. Можешь пойти и разбудить ее.

Микаэль обнаружил Эрику Бергер на раздвижном диване в ее собственном кабинете. Она спала сном младенца. Всю ночь Эрика опустошала ящики письменного стола и книжные полки, собирая свои личные вещи и бумаги, которые ей хотелось сохранить; в итоге получилось пять больших коробок. Микаэль долго смотрел на Эрику из дверей, а потом вошел, сел на край дивана и разбудил ее.

– Какого черта ты не пошла спать ко мне домой, раз уж не успевала вернуться домой? – спросил он.

– Привет, Микаэль, – сказала Эрика.

– Кристер мне все рассказал.

Она уже начала что-то говорить, но Блумквист наклонился и поцеловал ее в щеку.

– Ты сердишься?

– Я просто взбешен, – сухо сказал он.

– Прости меня. Я просто не смогла отказаться от такого предложения. Но сейчас мне кажется, что я поступаю неблагородно и бросаю «Миллениум» в самый неподходящий момент, как раз когда надо выпутываться из крайне тяжелой ситуации.

– Я не чувствую себя вправе упрекать тебя в том, что ты бежишь с корабля. Ведь два года назад я и сам ушел отсюда, оставив тебя одну в еще более сложной ситуации, чем сейчас.

– Это разные вещи. Ты взял тайм-аут. А я ухожу насовсем, да еще и скрывала это… Прости меня, мне ужасно жаль.

Микаэль помолчал, а потом улыбнулся.

– Ничего не попишешь. Значит, пришло время. *A woman's gotta do what a woman's gotta do and all that crap*[12].

Эрика улыбнулась. Она говорила ему то же самое, когда он уезжал в Хедебю. Блумквист протянул руку и по-дружески потрепал ее по волосам.

– То, что ты хочешь уйти из нашего психодрома, я могу понять. Но мне потребуется некоторое время, чтобы смириться с тем, что тебе захотелось возглавить самую чопорную газету Швеции, предназначенную для твердолобых консерваторов.

– Кстати, там работает довольно много барышень.

– Да ты только взгляни на первую полосу. Там же все *anno dazumal*[13]. Вот уж не думал, что ты чокнутая мазохистка… Может, пойдем глотнем кофе?

Эрика села.

– Я должна узнать, что же все-таки произошло ночью в Гётеборге.

– Я уже начал писать свой опус на эту тему, – сказал Микаэль. – Когда мы его опубликуем, это будет настоящая сенсация.

– Не мы. Теперь уже вы.

– Знаю. Мы опубликуем его накануне судебного процесса. Надеюсь, ты не собираешься забрать этот материал с собой в «Свенска моргонпостен»? На самом деле мне бы хотелось, чтобы ты написала кое-что об истории Залаченко, пока еще в «Миллениуме».

– Микке, я…

– Я понимаю. Это будет прощальная колонка главного редактора. Можешь написать ее, когда появится вдохновение. Конечно, мы ее не опубликуем до суда, когда бы его ни назначили.

– По-моему, это не слишком удачная идея. Но о чем я должна, по-твоему, написать?

– О морали, – сказал Микаэль. – Это будет эпопея о том, как одного из наших сотрудников убили только потому, что государство проигнорировало свои обязанности пятнадцать лет назад.

Блумквист мог больше ничего не объяснять. Эрика Бергер уже точно знала, что он имеет в виду. Она призадумалась: ведь когда убили Дага Свенссона, она стояла у руля корабля.

А ведь Микаэль прав – она действительно должна написать статью.

– О’кей, – сказала Эрика. – Последнюю колонку главного редактора.

Глава 4

Суббота, 9 апреля – воскресенье, 10 апреля

К часу дня в субботу прокурор Мартина Франссон из Сёдертелье уже приняла решение. События на лесном кладбище под Нюкварном принимали очень серьезный оборот. Начиная со среды, когда Паоло Роберто провел там, на складе, боксерский матч с Рональдом Нидерманом, сотрудники уголовного отдела много часов подряд трудились сверхурочно.

Пришлось расследовать как минимум три убийства, жертвы которых были захоронены в окрестностях Нюкварна, одно похищение и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью подруги Лисбет Саландер – Мириам Ву. Да еще и поджог. К эпизоду в Нюкварне примыкал и инцидент в Сталлархольме. Вообще-то им занимались полицейские округа Стренгнес, лена Сёдерманланд, но ключевым персонажем там был Карл Магнус Лундин из «Свавельшё МК». Лундин и сейчас находился в больнице, в Сёдертелье, – с загипсованной ногой и стальным штырем в челюсти. В целом же всеми убийствами занималась полиция лена, а значит, последнее слово останется за столицей.

В пятницу решался вопрос о процедуре задержаний. Лундин непосредственно причастен к событиям в Нюкварне. В конце концов выяснилось, что склад принадлежит компании «Медимпорт», которой в свою очередь владеет Аннели Карлссон, пятидесяти двух лет, проживающая в Пуэрто-Банус, в Испании. Она доводилась кузиной Магге Лундину, ни к каким преступлениям не была причастна и в данном случае скорее всего просто выполняла роль ширмы.

Мартина Франссон захлопнула папку с материалами предварительного следствия. Дело все еще находилось на начальной стадии, и, чтобы передать его в суд, требовалось заполнить еще несколько сотен страниц. Но некоторые вопросы требовали своего немедленного разрешения. Мартина Франссон взглянула на коллег из полиции.

– У нас хватает доказательств, чтобы возбудить дело против Лундина за участие в похищении Мириам Ву. Паоло Роберто подтвердил, что именно Лундин сидел за рулем фургона. Я также намерена задержать его как вполне вероятного участника поджога. С обвинением в убийстве трех человек, раскопанных на этом участке, мы пока подождем – до тех пор, по крайней мере, пока все останки не будут идентифицированы.

Полицейские кивали. Они и не сомневались, что она примет именно

такое решение.

– А как мы поступим с Сонни Ниеминеном?

Мартина Франссон листала досье Ниеминена, которое лежало у нее на столе.

– У него вполне впечатляющий послужной список. Грабежи, незаконное ношение оружия, драки, причинение тяжкого вреда здоровью, убийства, наркобизнес… Его задержали вместе с Лундином недалеко от Сталлархольма. Я ни капли не сомневаюсь в том, что он замешан, – иначе просто быть не может. Но проблема заключается в том, что у нас нет против него никаких улик.

– Он утверждает, что никогда не бывал на складе в Нюкварне и что просто поехал с Лундином покататься на мотоциклах, – сказал инспектор из Сёдертелье, занимавшийся Сталлархольмом. – Он утверждает, что понятия не имел, зачем Лундин туда поехал.

Мартина Франссон теперь размышляла: не удастся ли ей как-нибудь навязать это дело столичному прокурору Рикарду Экстрёму?

– Ниеминен отказывается рассказывать, что произошло, но категорически отрицает свою причастность к преступлению, – продолжал инспектор по уголовным делам.

– Выглядит так, будто они с Лундином стали в Сталлархольме невинными жертвами, – сказала Мартина Франссон, раздраженно постукивая пальцами по столу. – А Лисбет Саландер? – произнесла она неуверенно. – Ведь речь идет о девушке, с виду похожей на подростка, ростом сто пятьдесят сантиметров. Вряд ли ей хватило бы физических сил, чтобы справиться с Ниеминеном и Лундином.

– Если только она не была вооружена. Пистолет может отчасти компенсировать ее скромные физические данные.

– Но это не совсем соответствует картине случившегося.

– Вот именно. Она использовала слезоточивый газ и ударила Лундина ногой в пах и в лицо – и с таким остервенением, что раздробила ему яичко, а потом и челюсть. Выстрел в стопу, вероятно, последовал уже после избиения. Но почему-то мне не верится, что пистолет принадлежал ей.

– Лаборатория судебной экспертизы идентифицировала оружие, из которого стреляли в Лундина. Польский пистолет «Пи-восемьдесят три ванад» с патронами от «макарова». Его обнаружили в Госсеберге под Гётеборгом, на нем остались отпечатки пальцев Лисбет Саландер. Мы почти со стопроцентной уверенностью можем предположить, что она привезла его с собой в Госсебергу.

– Все верно. Но номер серии показывает, что пистолет четыре года

назад похитили во время ограбления оружейного магазина в Эребру. Грабителей потом задержали, но от оружия они успели отделаться. Среди них была одна местная знаменитость, он баловался наркотиками и вращался в кругах, близких к «Свавельшё МК». Мне все-таки хотелось бы верить, что этот пистолет принадлежал либо Лундину, либо Ниеминену.

– Возможно, пистолет находился у Лундина, а Саландер решила его разоружить, выстрелила и попала ему в ступню. Я имею в виду, что она в любом случае не собиралась его убивать. Он ведь жив.

– Или прострелила ему ногу из садистских побуждений, как знать… Но каким образом она справилась с Ниеминеном? У него же нет видимых повреждений.

– На самом деле, есть. У него два маленьких ожога на груди.

– Как они появились?

– Скорее всего, благодаря электрошокеру.

– Значит, Саландер имела при себе электрошокер, баллон со слезоточивым газом и еще пистолет? На сколько же все это потянет… Нет, я почти убеждена в том, что оружие привез с собой Лундин или Ниеминен, а она просто его отобрала. При каких именно обстоятельствах ранили Лундина, мы не сможем до конца прояснить, пока когда кто-нибудь из участников инцидента не заговорит.

– О’кей.

– Стало быть, мы задерживаем Лундина, – на тех основаниям, которые я уже перечислила. И напротив, на Ниеминена у нас ничего нет. Поэтому я и намереваюсь после обеда отпустить его восвояси.

Сонни Ниеминен покидал следственный изолятор полицейского управления в Сёдертелье в мерзком настроении. У него пересохло в горле, и он первым делом заглянул в табачную лавку, купил бутылку «Пепси» и на ходу опрокинул ее в себя прямо из горла. Потом купил еще пачку сигарет «Лаки страйк» и коробку жевательного табака. Включил мобильный телефон, убедился, что тот заряжен, и набрал номер тридцатитрехлетнего Ханса-Оке Валтари, являвшегося *sergeant at arms*[14] в клубе «Свавельшё МК» и, соответственно, третьим лицом по ранжиру. Валтари ответил после четырех гудков.

– Это я, Ниеминен. Я на свободе.

– Поздравляю.

– А ты где?

– В Нючёпинге.

– Какого черта ты там делаешь?

– Когда вас с Магге схватили, мы решили залечь на дно и глянуть, как ляжет фишка.

– Ну, теперь ты знаешь, как она легла. А где все остальные?

Ханс-Оке Валтари объяснил, где находятся остальные пять членов «Свавельшё МК». Эта информация нисколько не порадовала Сонни Ниеминена.

– А кто же, блин, занимается делами, пока вы все попрятались, как бабы?

– Ты несправедлив. Вы с Магге отправляетесь на какие-то разборки, о которых нам ничего не известно. И ни с того ни с сего вдруг ввязываетесь в перестрелку с этой сукой, объявленной в розыск. В итоге Магге подстрелили, а тебя схватила полиция. И вдобавок полицейские откапывают трупы на нашем складе в Нюкварне.

– И что с того?

– Мы подумали, что вы с Магге от нас что-то скрывали.

– Интересно, что же мы могли от вас скрывать? Ведь мы же добываем заказы для фирмы.

– Но я ни разу не слышал о том, что склад является еще и лесным кладбищем. Откуда там взялись мертвецы?

Сонни Ниеминену захотелось послать его подальше, но он сдержался. Ханс-Оке Валтари, конечно, ублюдок, но сейчас ситуация отнюдь не располагала к тому, чтобы затевать ссору. Нынче требовалось единство. После того как Ниеминен все отрицал на пяти полицейских допросах, было бы просто идиотизмом разглашать свою причастность по мобильнику, находясь при этом в двухстах метрах от здания полиции.

– Забудь о мертвецах, – сказал он. – Мне об этом ничего не известно. Но Магге все-таки влип. Он еще какое-то время посидит за решеткой, а в его отсутствие я возьму командование на себя.

– О’кей. Что будем делать? – спросил Валтари.

– Так… Кто приглядывает за собственностью, если вы все попрятались по подвалам?

– Бенни Карлссон, он остался и держит позиции. В тот самый день, когда вас арестовали, полиция проводила в доме обыск. Они ничего не нашли.

– Бенни К.! – воскликнул Ниеминен. – Бенни К. – новобранец, и он еще сопляк сопляком.

– Да не волнуйся ты так. Ему помогает этот чертов блондин, с которым вы с Магге частенько общаетесь.

Внезапно похолодев, Сонни Ниеминен огляделся и на несколько

метров отошел от дверей табачной лавки.

– Что ты сказал, повтори? – Он перешел почти на шепот.

– Блондин, с которым вы с Магге якшаетесь, вдруг объявился у нас и попросил помочь ему с убежищем.

– Черт возьми, Валтари! Его же разыскивают по всей гребаной Швеции за убийство полицейского.

– Да… Поэтому-то ему и потребовалось убежище. А что нам было делать? Он же ваш с Магге приятель.

Сонни Ниеминен на время закрыл глаза. Рональд Нидерман несколько лет снабжал «Свавельшё МК» кое-какой работенкой, приносившей сносный доход. Но никакой он не друг. Он опасный ублюдок и психопат, за которым к тому же гоняется полиция с собаками. Сонни Ниеминен ни на секунду не доверял Рональду Нидерману. А еще лучше, если бы он объявился с пулей в башке, тогда полиция хоть немного от них отстала бы.

– И что вы с ним сделали?

– Бенни К. вызвался позаботиться о нем. Он повез его к Виктору.

Кассир и финансовый эксперт клуба Виктор Йоранссон жил неподалеку от города Йерна. Йоранссон закончил экономическую гимназию и, когда начинал свою карьеру, работал финансовым консультантом у одного югославского мафиозо – владельца кабаков, пока всю банду не посадили за экономические преступления. Магге Лундин повстречался с ним в Кумле, в тюрьме, в начале 1990-х годов. Йоранссон – единственный в клубе «Свавельшё МК», кто ходил в цивильном шмотье.

– Валтари, садись в машину и приезжай за мной в Сёдертелье. Я буду ждать тебя возле станции через сорок пять минут.

– Вот как… К чему такая спешка?

– А к тому, что мы должны как можно поскорее взять ситуацию под свой контроль.

Всю дорогу до Свавельшё Ханс-Оке Валтари не сводил глаз с Сонни Ниеминена, а тот сидел, словно воды в рот набрал. Общаться с Магге Лундином всегда было гораздо легче, чем с Ниеминеном. Внешне он вполне благообразен и кажется покладистым, но легко заводится и чертовски опасен, особенно когда напьется. Сейчас он абсолютно трезв, но перспектива работать под его началом Валтари нисколько не устраивала. Магге всегда удавалось каким-то образом укротить Ниеминена. И как он поведет себя, когда станет исполняющим обязанности президента клуба, еще неизвестно.

В здании клуба Бенни К. не оказалось. Ниеминен дважды попытался

позвонить ему на мобильник, но тщетно.

Они направились к дому Ниеминена, расположенному примерно в километре от клуба. Полиция провела там обыск, но не обнаружила никаких улик, связанных с Нюкварном, да и вообще никаких намеков на криминал. Поэтому Ниеминена и выпустили на свободу.

Он принял душ и переоделся, пока Валтари безропотно ждал его на кухне. Затем они прошли метров сто пятьдесят вглубь леса за хутором Ниеминена и сняли слой земли, скрывавший закопанный там сундук, в котором хранились шесть единиц огнестрельного оружия, и в том числе автомат АК5, а также приличный запас патронов и около двух килограммов взрывчатки. Ниеминен хранил собственный склад боеприпасов. В сундуке, помимо прочего, хранились два польских пистолета марки «Р-83 Ванад», из той же партии, что и отобранный Лисбет Саландер у Ниеминена в Сталлархольме.

Ниеминен старался не думать о Лисбет Саландер – мысли о ней просто бесили его. Пока он сидел в изоляторе в Сёдертелье, у него в голове постоянно прокручивалась сцена – они с Магге Лундином прибывают на дачу Нильса Бьюрмана и обнаруживают во дворе Лисбет Саландер…

Но события начали разворачиваться по какому-то нереальному сценарию. Они поехали вместе с Магге Лундином – с целью поджечь проклятую дачу Бьюрмана. А отправил их туда этот белобрысый подонок. И тут они наткнулись на эту чертову соплюшку – она была одна, ростом полтора метра и худая, как спичка. Ниеминен даже подумал: интересно, сколько же она на самом деле весит. Но потом все их планы пошли наперекосяк и началась стихийная оргия жестокости, которую они с Магге совершенно не ожидали.

С чисто технической точки зрения Сонни мог бы объяснить, что произошло на самом деле. У Саландер имелся баллончик со слезоточивым газом, которым она брызнула в лицо Магге Лундину. Тот, конечно, мог бы это предусмотреть, но уж куда там… Она дважды пнула его ногой, а чтобы свернуть ногой челюсть, особых физических данных не требуется. Она застигла его врасплох. Это понятно.

Но потом она справилась и с ним, с Сонни Ниеминеном – а ведь драться с ним не сразу полезут даже дюжие и хорошо натренированные мужики. Саландер оказалась очень мобильной, она легко и стремительно передвигалась. Он попытался вытащить оружие, но она справилась с ним с такой легкостью, словно прихлопнула комара. Это было унизительно. У нее оказался электрошокер. Она…

Очнувшись, Сонни почти ничего не помнил. Магге Лундин лежал с

простреленной ногой, а вокруг было полно полиции. Легавые Стренгнеса и Сёдертелье чуть не переругались между собой; в конце концов его отвезли в изолятор в Сёдертелье. А еще Саландер угнала «Харли-Дэвидсон» Магге Лундина и срезала с его, Сонни, кожаной куртки эмблему «Свавельшё МК» – ту самую, благодаря которой люди уступали ему очередь в кабак и которая придавала ему совершенно невероятный для среднестатистического шведа статус. Саландер попросту его унизила.

Внезапно Ниеминена охватило бешенство. Во время допросов в полиции он так и не раскололся, да ему и в голову не пришло бы поделиться с кем-нибудь о том, что случилось в Сталлархольме. До этого момента ему не было до Лисбет Саландер никакого дела. Она была просто второстепенным проектом, которым Магге Лундину поручил заниматься все тот же чертов Нидерман. Но теперь он страстно возненавидел ее – и это удивляло его самого, обычно он сохранял хладнокровие и аналитические способности. Наверняка в будущем ему представится шанс стереть это позорное пятно со своей биографии. Но сперва необходимо навести порядок, ведь Саландер и Нидерман совместными усилиями повергли «Свавельшё МК» в хаос и разорение.

Ниеминен достал оба польских пистолета, зарядил их и передал один Валтари.

– У нас есть какой-нибудь план?

– Нам надо поехать и потолковать с Нидерманом. Он сам по себе, а не один из нас. И полиция им еще ни разу не заинтересовалась. Я не знаю, как он себя поведет, когда его схватят, а если он заговорит, то заложит нас всех. Тогда мы и чихнуть не успеем, как нас закроют.

– Ты хочешь сказать, что нам придется…

Ниеминен уже решил, что с Нидерманом нужно покончить, но решил пока не пугать Валтари, пока они не доберутся до места.

– Не знаю. Но его необходимо прощупать. Если он задумал удрать за границу, то мы ему в этом поможем. Но, пока существует риск, что его схватит полиция, он представляет для нас угрозу.

Ниеминен с Валтари въехали во двор усадьбы Виктора Йоранссона неподалеку от Йерна. Опустились сумерки, но света в доме они не увидели. Уже одно это предвещало неприятности. Они немного подождали в машине.

– Может, их нет дома, – предположил Валтари.

– Еще бы. Они с Нидерманом оттопыриваются в кабаке, – сострил Ниеминен и открыл дверцу машины.

Входная дверь в дом оказалась не заперта. Ниеминен включил верхний свет, и они обошли все комнаты. Всюду чистота и порядок – вероятно, кошелка, с которой живет Йоранссон, как там ее зовут, отличается аккуратностью.

В подвале, в прачечной, они обнаружили Виктора Йоранссона и его подругу.

Ниеминен наклонился и осмотрел трупы, потом осторожно протянул палец и дотронулся до тела женщины, имени которой не помнил. Она уже успела окоченеть, а значит, они мертвы уже примерно сутки.

Чтобы определить причину смерти, Ниеминену не требовалось заключения патологоанатома. Женщине сломали шею, развернув голову на 180 градусов. Она была полностью одета – в футболку и джинсы – и не имела никаких других повреждений, которые он мог бы разглядеть.

Зато Виктор Йоранссон лежал лишь в трусах. Его забили до смерти. Все тело украшали синяки и кровоподтеки; руки были переломаны и торчали в разные стороны, как перебитые еловые ветки. Было видно, что его избивали долго и жестоко, фактически пытали. А умер он, насколько мог судить Ниеминен, от сильного удара в горло – гортань провалилась глубоко в шею.

Ниеминен встал, поднялся по лестнице из подвала и вышел на улицу. Валтари последовал за ним. Сонни пересек двор, подошел к хлеву, расположенному метрах в пятидесяти от дома, скинул крюк и открыл дверь.

Там стояла темно-синяя машина – «рено» модели 1991 года.

– На какой машине ездил Йоранссон? – спросил Ниеминен.

– На «саабе».

Ниеминен кивнул, вытащил из кармана куртки ключи и отпер дверь в глубине хлева. Ему достаточно было лишь беглого взгляда, чтобы понять, что он опоздал, – двери тяжелого шкафа для хранения оружия были распахнуты.

Лицо Ниеминена искривила гримаса.

– Около восьмисот тысяч крон, – сказал он.

– Что? – спросил Валтари.

– В этом шкафу хранился весь капитал «Свавельшё МК» – около восьмисот тысяч крон. Наши деньги.

Только трое знали, где хранятся деньги клуба «Свавельшё МК», – Виктор Йоранссон, Магге Лундин и Сонни Ниеминен. Они хранились бы тут до тех пор, пока их не вложили бы во что-нибудь или отмыли бы. Значит, их украл Нидерман. Ему понадобились наличные, и он знал, что

деньгами занимается Йоранссон. Теперь он пустился в бега.

Ниеминен закрыл дверь и медленно вышел из хлева. Он был погружен в раздумья, пытаясь оценить масштабы катастрофы. Часть доходов «Свавельшё МК» обращена в ценные бумаги, доступ к которым имелся у него самого, и еще часть можно восстановить с помощью Магге Лундина. Но значительная часть капитала была размещена в тех местах, о которых знал лишь Йоранссон, если только он не оставил четкие инструкции Магге Лундину, в чем Ниеминен сомневался – Магге никогда не отличался интересом к экономическим вопросам. По самым приблизительным подсчетам Ниеминена, со смертью Йоранссона клуб «Свавельшё МК» лишился почти шестидесяти процентов своих доходов. Это была практически катастрофа. И самое главное, что для повседневных расходов требовалась наличность.

– Что же нам теперь делать? – спросил Валтари.

– Сейчас мы пойдем и сообщим в полицию о том, что случилось.

– В полицию?

– Да, черт возьми. В доме полно моих «пальчиков». Я хочу, чтобы Йоранссона с его кошелкой обнаружили поскорее, тогда судмедэксперты смогут установить, что они умерли, пока я сидел в изоляторе.

– Ясно.

– Ну, вот и славно. Разыщи-ка мне Бенни К. Мне нужно с ним поговорить… само собой, если он еще жив. А потом мы приступим к поискам Рональда Нидермана. Надо привлечь к этому делу всех до единого наших людей в клубах по всей Скандинавии. Я хочу получить голову этого гада на блюдечке с голубой каемочкой. Он наверняка рассекает на машине Йоранссона. Разузнай ее номера.

В субботу, в два часа дня Лисбет Саландер проснулась от того, что какой-то доктор ее ощупывал.

– Доброе утро, – сказал он. – Меня зовут Бенни Свантессон, я врач. Вам больно?

– Да, – ответила Лисбет Саландер.

– Вам сейчас дадут болеутоляющее. Но сперва я хочу вас осмотреть.

Он сдавливал, ощупывал, пальпировал ее израненное тело. Лисбет рассвирепела еще до того, как он завершил осмотр, но решила, что у нее слишком мало сил и ей лучше промолчать, чем начинать свое пребывание в Сальгренской больнице с конфликта.

– Как мои дела? – спросила она.

– Думаю, все будет в порядке, – ответил врач и что-то записал, потом

поднялся.

От этой информации ей было ни жарко ни холодно.

Когда он ушел, появилась медсестра, которая помогла Лисбет разобраться с судном, после этого раненая снова заснула.

Александр Залаченко, он же Карл Аксель Бодин, обедал. Он мог есть исключительно жидкую пищу – малейшие движения мускулов лица отзывались адской болью в челюсти и скуле, а о том, чтобы что-то жевать, и мечтать не приходилось. Во время проведенной той ночью операции ему скрепили скулу двумя титановыми винтами.

Но с этой болью он смирился. К ней ему было не привыкать. Ничто не могло сравниться с той болью, которую ему пришлось терпеть – на протяжении многих недель и месяцев подряд – пятнадцать лет назад, после того как он воспламенился, как факел, в машине на Лундагатан. На разных стадиях лечения он прошел через все муки ада.

Теперь врачи решили, что его жизни ничто не угрожает. Но поскольку пациент получил серьезные травмы, и с учетом солидного возраста, его на несколько дней оставили в отделении интенсивной терапии.

В субботу его навестили четыре посетителя.

Около десяти утра явился инспектор Эрландер, но на этот раз он оставил дома эту акулу Соню Мудиг, а вместо нее привел с собой гораздо более симпатичного инспектора уголовной полиции Йеркера Хольмберга. Они задавали примерно те же вопросы о Рональде Нидермане, что и накануне вечером. На этот раз Залаченко как следует продумал линию защиты и не допустил ни единой ошибки. Когда они начали донимать его расспросами о его возможной причастности к траффикингу и другой преступной деятельности, он опять-таки все отрицал. Он – инвалид, вышел на пенсию по болезни и даже не понимает, о чем они толкуют. Залаченко взвалил всю вину на Рональда Нидермана и предлагал свою помощь в том, чтобы вычислить местонахождение сбежавшего убийцы полицейского. К сожалению, на практике он не слишком-то дееспособен. К тому же он даже не представляет, с кем Нидерман контактирует и у кого может скрываться…

Около одиннадцати Залаченко навестил прокурор, который формально уведомил его, что он подозревается в участии в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью или попытке убийства Лисбет Саландер. В ответ Залаченко стал терпеливо объяснять, что жертвой преступления на самом деле является он и что именно Лисбет Саландер пыталась убить его. Прокурор предложил правовую помощь – ему могут предоставить государственного защитника. Залаченко согласился подумать.

Правда, он не собирался ничего обдумывать. У него уже имелся адвокат, и не далее как утром Залаченко первым делом позвонил ему и попросил немедленно приехать. Так что третьим посетителем у его больничной койки оказался Мартин Тумассон. Он вошел неторопливо, с беззаботным видом пригладил рукой копну светлых волос, поправил очки и поздоровался за руку со своим клиентом. Тумассон был полноват, но выглядел очень респектабельно. Его, правда, подозревали в сотрудничестве с югославской мафией и следствие по этому поводу еще не завершилось, но в то же время он имел репутацию успешного адвоката.

Залаченко узнал о Тумассоне пять лет назад, о его услугах ему рассказал знакомый бизнесмен. Тогда ему потребовалось реструктурировать некоторые фонды, связанные с принадлежащей ему небольшой финансовой компанией в Лихтенштейне. Речь шла о весьма скромных суммах, но Тумассон сработал успешно, и Залаченко удалось ускользнуть от уплаты налогов. После этого он еще пару раз прибегал к его услугам. Тумассон понимал, что капиталы Залаченко нажиты преступным путем, но его это, похоже, нисколько не смущало. В конце концов Залаченко решил реструктурировать всю свою деятельность и организовать новое предприятие, принадлежавшее ему самому и Нидерману. Он предложил Тумассону стать третьим партнером (негласно) и взять на себя заботу о финансовой стороне дела. Тот, не раздумывая, согласился…

– Ох, господин Бодин, выглядите вы неважно!

– Еще бы! Меня жестоко избили и попытались убить, – сказал Залаченко.

– Я вижу. Насколько я понимаю, это дело рук некоей Лисбет Саландер…

Залаченко понизил голос.

– Наш партнер Нидерман, как вы уже знаете, попал как кур в ощип…

– Понимаю.

– Полиция подозревает, что я замешан в этом деле…

– Вы непричастны, разумеется. Вы – жертва, и очень важно, чтобы СМИ считали так же. А у фрёкен Саландер весьма сомнительная репутация… Я займусь этой проблемой.

– Спасибо.

– Но позвольте сразу же оговориться – я не являюсь адвокатом по уголовным делам. Тут вам потребуется помощь компетентного специалиста. Я порекомендую адвоката, услугами которого вы сможете воспользоваться.

Четвертый посетитель прибыл в одиннадцать часов вечера и лихо преодолел кордон из медсестер, показав удостоверение и заявив, что у него неотложное дело. Когда его проводили в палату Залаченко, пациент еще не спал, проводя время в размышлениях.

– Меня зовут Юнас Сандберг, – представился он и протянул руку, которую Залаченко проигнорировал.

На вид гостю можно было дать лет тридцать пять. Песочного цвета волосы, одет неофициально: джинсы, клетчатая рубашка и кожаная куртка. Секунд пятнадцать Залаченко молча разглядывал его.

– Я как раз размышлял над тем, когда же кто-нибудь из вас появится.

– Я работаю в Службе безопасности Главного полицейского управления, – сказал Юнас Сандберг и показал удостоверение.

– Не уверен, – произнес Залаченко.

– Простите?

– Может, ты там и числишься, но вряд ли ты там работаешь.

Юнас Сандберг помолчал, огляделся и придвинул к кровати стул.

– Я специально пришел так поздно, чтобы не привлекать внимания. Мы обсуждали, чем можно вам помочь, и нам необходимо согласовать планы на будущее. Меня прислали к вам, что я выслушал вашу версию и понял, каковы ваши намерения, с тем чтобы мы смогли выработать общую линию действий.

– И как, по-твоему, такая линия действий может выглядеть?

Юнас Сандберг задумчиво взглянул на мужчину, который лежал на больничной койке, потом развел руками.

– Господин Залаченко… Боюсь, что уже запущен процесс, опасные последствия которого пока трудно спрогнозировать. Мы обсудили ситуацию. Могилу в Госсеберге и трехкратное покушение на Лисбет Саландер трудно оправдать. Но надежда все-таки остается. Конфликт между вами и вашей дочерью может послужить объяснением тому, что вы опасались угрозы с ее стороны и поэтому предприняли столь отчаянные шаги. Правда, боюсь, что вам все-таки придется отбыть какой-нибудь условный срок в тюрьме.

Залаченко внезапно развеселился и, вероятно, расхохотался бы, не будь это невозможно в его нынешнем состоянии. На его губах появилась гримаса – все остальные проявления эмоций причиняли ему сильную боль.

– Значит, в этом и заключается наша общая линия действия?

– Господин Залаченко, наша цель – минимизировать потери. Нам с вами нужно прийти к общему знаменателю. Мы сделаем все, чтобы помочь вам с адвокатом и с другими вопросами. Но нам требуется ваше содействие

и некие гарантии.

– Гарантию ты от меня получишь. Вы должны позаботиться о том, чтобы меня никто не трогал. – Он энергично махнул рукой. – Нидерман – козел отпущения, а его не найдут, это я вам обещаю.

– Но есть технические улики, которые…

– Плевать на технические улики. Весь вопрос в том, как будет вестись следствие и какие оно выявит факты. А моя гарантия заключается в следующем: если вы не избавите меня от неприятностей, я созову пресс-конференцию. Я знаю имена, даты и события. Думаю, мне не надо напоминать, кто я такой.

– Вы не понимаете…

– Я прекрасно понимаю. Ты – всего лишь шестерка. Передай все, что я сказал, своему боссу. Он поймет. Передай ему, что у меня есть все копии… Я могу вас закопать.

– Мы должны попытаться прийти к соглашению…

– Я все сказал. Катись отсюда. И передай им, чтобы в следующий раз ко мне прислали кого-нибудь повзрослее и посолиднее, с кем я мог бы потолковать.

Залаченко отвернулся, так что встретиться с ним взглядом стало невозможно. Юнас Сандберг посмотрел на него, потом пожал плечами и поднялся со стула. Он уже почти дошел до двери, когда снова услышал голос Залаченко:

– И еще кое-что…

Сандберг обернулся.

– Саландер.

– И что с ней?

– Ее нужно убрать.

– Что вы имеете в виду?

Сандберг на секунду напрягся. Залаченко не смог сдержать улыбки, хотя боль и врезала ему по челюсти.

– Я понимаю, у вас кишка тонка, вы чересчур трусливы, чтобы ее убить. Да у вас и ресурсов на такое не хватит. Кому можно такое поручить, уж не тебе ли? Но ее необходимо убрать. Ее свидетельства нужно аннулировать. Саландер нужно запереть в психушке, причем пожизненно.

Лисбет Саландер услышала в коридоре, рядом со своей палатой, шаги. Она не смогла расслышать имя Юнаса Сандберга, и никогда раньше не слышала его шагов.

Дверь ее палаты весь вечер простояла открытой, поскольку медсестры

навещали ее почти каждые десять минут. Лисбет слышала, как он подошел к сестре, прямо перед дверью в палату, и объяснил, что ему надо повидать господина Карла Акселя Бодина по неотложному делу. Она поняла, что он предъявил удостоверение, но при этом не называлось ни имя посетителя, ни тип документа.

Сестра попросила его подождать и отправилась проверить, не спит ли господин Карл Аксель Бодин. Лисбет Саландер сделала вывод, что удостоверение оказалось весомым.

Она слышала, как сестра повернула по коридору налево. Чтобы достигнуть цели, ей понадобилось сделать семнадцать шагов. А незнакомый посетитель, преодолевая через некоторое время то же расстояние, сделал всего четырнадцать шагов. В среднем получалось пятнадцать с половиной шагов. Оценив длину шага в шестьдесят сантиметров и помножив ее на пятнадцать с половиной, Лисбет определила, что Залаченко находится в палате, расположенной в девятистах тридцати сантиметрах налево по коридору. Расчет, конечно, приблизительный. Ширина ее палаты составляла примерно пять метров, следовательно, Залаченко находится через две двери от нее.

Согласно показаниям электронных часов на тумбочке, визит продлился ровно десять минут.

Юнас Сандберг ушел, а Залаченко еще долго не мог заснуть.

Он решил, что вряд ли посетитель назвал ему свое настоящее имя, поскольку знал по своему опыту, что шведские начинающие шпионы особенно склонны к использованию псевдонимов, даже когда в этом нет никакой надобности. В любом случае, Юнас (или как его там зовут) появился потому, что «Секция» взяла ситуацию с ним, с Залаченко, на заметку. С учетом реакции СМИ теперь всю эту историю едва ли можно будет замять. В то же время этот визит стал подтверждением факта: они забеспокоились. Тут уж ничего не поделаешь.

Залаченко взвешивал все плюсы и минусы, оценивал свои шансы, принимал и отвергал альтернативные решения. Совершенно очевидно, что все складывалось не в его пользу. Иначе он сейчас находился бы дома, в Госсеберге, Рональд Нидерман сбежал бы за границу и жил бы там припеваючи, а Лисбет Саландер лежала бы в сырой земле. Залаченко никак не мог понять, каким образом ей удалось вылезти из могилы, добраться до хутора и нанести ему два удара топором. Так она превратила его относительно спокойную стабильную жизнь в сущий ад. Эта дрянь проявила катастрофическую живучесть.

Зато он хорошо понимал, что случилось с Рональдом Нидерманом и почему тот бросился бежать со всех ног вместо того, чтобы расправиться с Саландер. Залаченко знал, что у Нидермана не всё в порядке с головой – ему часто мерещатся призраки. Уже не раз приходилось вмешиваться, когда Нидерман действовал иррационально и забивался в угол, дрожа от страха.

Залаченко это не могло не беспокоить. Он считал, что раз Рональда Нидермана еще не поймали, значит, в первые сутки после бегства из Госсеберги он действовал правильно. Возможно, он решит добраться до Таллина, где ему помогут члены криминальной группы Залаченко. Но разве можно узнать заранее, когда Нидерман впадет в ступор? Вот что внушало беспокойство. А если приступ прихватит его во время бегства, то он может натворить всяких глупостей, и тогда его схватят. Добровольно Нидерман не сдастся, а значит, может убить полицейских, и тогда уж точно погибнет сам.

Такой исход дела тревожил Залаченко. Он не желал смерти Нидермана – ведь тот был его сыном. С другой стороны, Рональд не должен попасть в руки полиции живым, как это ни печально. Он еще никогда не попадал за решетку, и Залаченко не мог предвидеть, как Нидерман отреагирует на допросы. Он подозревал, что Рональд, как это ни прискорбно, не сможет хранить молчание. Следовательно, лучше, чтобы полицейские его укокошили. Конечно, для Залаченко это станет трагедией, он будет оплакивать сына, но альтернатива еще хуже – ему самому придется провести остаток жизни в тюрьме.

Итак, Нидерман в бегах уже двое суток, и его пока не поймали. Это неплохо. Это признак того, что Нидерман в полном порядке, а в таком случае он неуловим.

В отдаленной перспективе Залаченко переживал, сможет ли Нидерман обойтись самостоятельно, когда рядом не будет отца, который направлял его по жизни. С годами он заметил, что если не инструктировал Нидермана или предоставлял ему полную свободу и шанс принимать решения самостоятельно, тот впадал в состояние апатии и безразличия.

Залаченко не впервые испытывал чувство раскаяния и стыда из-за того, что его сын наделен такими качествами. Рональд Нидерман, безусловно, очень одарен, он обладает физическими данными, благодаря которым все его боятся. Кроме того, он толковый и хладнокровный организатор. Проблема в том, что ему не хватает лидерских черт. Ему приходится обязательно объяснять, что именно нужно организовать.

Но теперь Залаченко не в состоянии помочь сыну – ему следует для начала позаботиться о себе самом. Он и сам оказался в сложной ситуации,

пожалуй, сложнее, чем когда-либо.

На адвоката Тумассона нет никакой надежды – это стало ясно после его сегодняшнего визита. Тумассон – дока по части бизнеса, но при всех его способностях проку от него будет мало.

Да еще и визит этого Юнаса Сандберга…

Разведчик мог бы предложить гораздо более надежный спасательный трос. Хотя трос этот мог превратиться в петлю. Нужно виртуозно разыграть все карты и взять ситуацию под контроль. Без контроля сейчас все сорвется.

Конечно, он может надеяться только на собственные силы. Сейчас ему требуется медицинская помощь, но через несколько дней – ну, скажем, через неделю – он будет в порядке. Если ситуация обострится, то он, вероятно, сможет рассчитывать только на себя. Стало быть, ему придется ускользнуть прямо из-под носа у кружащей рядом полиции. Для этого понадобятся крыша, новый паспорт и наличные. Всем этим его сможет снабдить Тумассон. Но чтобы сбежать, сперва нужно оклематься.

В час ночи к нему наведалась ночная сестра, но Залаченко притворился спящим. Когда женщина закрыла за собой дверь, он с трудом сел на кровати, свесил ноги и долго оставался без движения, проверяя, не закружится ли голова. Потом осторожно поставил левую ногу на пол. Удар топора пришелся на правую, ранее уже поврежденную, ногу. Залаченко потянулся за протезом, который находился в тумбочке возле кровати, и прикрепил его к обрубку ноги. Потом поднялся. Стоя на левой, здоровой ноге, он опустил на пол правую. Но еще не успел на нее опереться, как почувствовал пронзительную боль.

Он стиснул зубы и сделал шаг. Ему не хватало костылей, но, конечно же, больница вскоре его ими снабдит. Держась за стену, он доковылял до двери. На это ушло несколько минут, и после каждого шага ему приходилось делать паузу, ожидая, пока боль немного ослабит свои тиски.

Стоя на одной ноге, Залаченко слегка приоткрыл дверь, выглянул в коридор, никого не увидел и высунул голову. Слева доносились тихие голоса. Комната ночных медсестер располагалась метрах в двадцати по другую сторону коридора.

Он повернул голову направо и в конце коридора увидел выход.

Еще днем Залаченко спрашивал о самочувствии Лисбет Саландер – как-никак, она приходилась ему дочерью. Персонал явно получил инструкции не обсуждать здоровье пациентов, и сестра ответила, что состояние Лисбет стабильно. Но при этом она непроизвольно бросила беглый взгляд в левую сторону коридора. Лисбет Саландер явно находится

в одной из палат между его собственной палатой и медсестринской комнатой.

Залаченко осторожно закрыл дверь, доковылял до кровати и отстегнул протез. Когда он наконец нырнул под одеяло, то был мокрый, как мышь.

Инспектор уголовной полиции Йеркер Хольмберг вернулся в Стокгольм в середине воскресного дня – усталый, голодный и измотанный. Он доехал на метро до станции «Родхюсет», добрался до полицейского управления на Бергсгатан и прошел прямо в кабинет Яна Бублански. Соня Мудиг и Курт Свенссон уже были там. Бублански созвал совещание в воскресенье, поскольку знал, что руководитель предварительного следствия Рикард Экстрём занят в это время другими делами и находится в другом месте.

– Спасибо, что пришли, – сказал Бублански. – Думаю, нам пора все толком обсудить и попробовать разобраться в этом триллере. Йеркер, у тебя есть какие-нибудь новости?

– Ничего нового, только то, что я уже рассказал по телефону. Залаченко не помог нам сдвинуться ни на йоту. Он якобы ни в чем не повинен, и помочь ничем не может. На самом же деле…

– Да?

– Соня, ты оказалась права. Он – один из самых гнусных типов, с какими мне приходилось встречаться. Я понимаю, что это звучит абсурдно – полицейский не должен использовать такие термины, – но в этой его способности просчитывать все до мелочей кроется нечто жуткое.

– О’кей, – кашлянул Бублански. – Что мы знаем? Соня?

Мудиг усмехнулась.

– Этот раунд выиграли частные детективы. Я не смогла обнаружить Залаченко ни в одной официальной базе данных. А Карл Аксель Бодин родился в сорок первом году в Уддевалле, в семье Марианны и Георга Бодина. Они существовали на самом деле, но погибли в катастрофе в сорок шестом году. Карла Акселя Бодина воспитывал дядя в Норвегии. Так что, естественно, о нем не имеется никаких сведений вплоть до семидесятых годов, когда он вернулся домой, в Швецию. Версию Микаэля Блумквиста о том, что он беглый агент ГРУ из России, проверить, похоже, не удастся. Но почему-то я склонна верить журналисту.

– И что из этого следует?

– Из этого следует, что его, как пить дать, снабдили фальшивыми документами. И тут не могло обойтись без участия властных структур.

– Значит, все-таки СЭПО?

– Блумквист в этом уверен. Но как именно они это сделали, я не знаю. Ведь необходимо было подделать свидетельство о рождении и ряд других документов, и разместить их в официальные шведские регистры. Я не берусь высказывать свое мнение о законности подобных действий. Все, вероятно, зависит от того, кто принимал такое решение. Правда, чтобы проделать все это легальным путем, им надо было разжиться разрешением на правительственном уровне.

В кабинете повисла тишина – четыре инспектора обдумывали сказанное.

– О’кей, – сказал Бублански. – Мы – четверо тупоголовых полицейских. Если в этом деле замешаны правительственные чиновники, я не собираюсь вызывать их на допрос.

– Да уж, это, пожалуй, могло бы привести к конституционному кризису, – подытожил Курт Свенссон. – В США членов правительства можно вызывать на допрос в обычный суд, но у нас приходится действовать через конституционный комитет.

– Зато мы могли бы побеседовать с главой правительства, – заметил Йеркер Хольмберг.

– С главой? – переспросил Бублански.

– С Турбьёрном Фельдином. Тогда он был премьер-министром.

– Супер. Мы ворвемся к бывшему премьер-министру, где бы он сейчас ни находился, и спросим, не сфальсифицировал ли он документы для беглого русского шпиона… Звучит как-то слишком по-голливудски.

– Фельдин живет в Осе, муниципалитет Хернёсанд. Я родился в тех местах. Мой отец – член Партии центра и хорошо знает Фельдина. Да и сам я несколько раз с ним встречался – и в детстве, и уже будучи взрослым. Он производит впечатление вполне нормального человека.

Три инспектора изумленно воззрились на Йеркера.

– Значит, ты знаком с Фельдином? – произнес Бублански.

Хольмберг кивнул.

Бублански выпятил губы.

– Честно говоря, – продолжал Хольмберг, – если б нам удалось пообщаться с бывшим премьер-министром, это помогло бы нам разрешить некоторые проблемы… Я могу съездить к нему и поговорить. Конечно, он может ничего не сказать. Но мы ничем не рискуем. А если он пойдет нам навстречу, мы, как вариант, сэкономим довольно много времени.

Бублански задумался, а потом покачал головой. Краем глаза он увидел, что Соня Мудиг и Курт Свенссон тоже призадумались, а затем кивнули.

– Спасибо, Хольмберг, я подумаю. Но, мне кажется, с этой идеей мы

лучше пока повременим. Так что давайте с самого начала. Соня?..

– Если верить Блумквисту, Залаченко приехал сюда в семьдесят шестом году. Насколько я понимаю, получить такую информацию Блумквист мог только от одного человека.

– От Гуннара Бьёрка, – заключил Курт Свенссон.

– И что же нам сообщил Бьёрк? – спросил Йеркер Хольмберг.

– Он был не слишком разговорчив. Ссылается на секретность и говорит, что не имеет права обсуждать что-либо без согласия своего начальства.

– А кто его начальники?

– Молчит как рыба об лед.

– И что нам с ним теперь делать?

– Я задержал его за нарушение закона о борьбе с сексуальными услугами. Даг Свенссон передал нам вполне убедительные документы. Экстрём не на шутку разгневался, но, поскольку я составил официальное заявление, он не рискнет прекратить предварительное следствие, – сказал Курт Свенссон.

– Значит, его обвиняют в нарушении закона о борьбе с сексуальными услугами… Думаю, он отделается пустяковым штрафом.

– Скорее всего. Зато его дело находится в нашей компетенции, и мы можем снова вызвать его на допрос.

– Но теперь получается, что мы вторглись на территорию Службы безопасности, а это может вызвать некоторую турбулентность…

– В том-то и дело – ничего крамольного не произошло бы, если б не Служба безопасности. Вполне возможно, что Залаченко – действительно русский шпион, перебежавший к нам и получивший политическое убежище. Возможно и то, что он работал на СЭПО в качестве разведчика или источника информации. И по каким-то причинам его настоящее имя скрывали, а самого его снабдили фальшивыми документами. Однако тут возникли три проблемы. Во-первых, расследование девяносто первого года, которое завершилось незаконной изоляцией Лисбет Саландер. Во-вторых, персона Залаченко с тех пор не имеет никакого отношения к государственной безопасности – он самый обычный гангстер, скорее всего, причастный к нескольким убийствам и к другим преступлениям. И в-третьих, нет никаких сомнений в том, что Лисбет Саландер подстрелили и закопали на его земле в Госсеберге.

– Кстати, мне бы очень хотелось почитать отчет об этом знаменитом расследовании, – сказал Йеркер Хольмберг.

Бублански сразу приуныл.

– Экстрём забрал его в пятницу, а когда я попросил отчет обратно, он пообещал снять с него копию, да так и не снял. Он позвонил мне и сказал, что беседовал с генеральным прокурором и что возникла некая проблема. По мнению генерального прокурора, гриф секретности означает, что расследование не подлежит огласке и копированию. Он потребовал сдать ему все копии, пока расследование еще не закончено. Так что Соне пришлось сдать свою копию.

– Значит, материалов этого расследования у нас больше нет?

– Значит, нет.

– Черт возьми, – сказал Хольмберг. – Мне это не нравится.

– Вот именно, – поддержал его Бублански. – А вообще-то это означает, что кто-то нам противодействует, к тому же весьма оперативно и эффективно. И как раз тогда, когда мы наконец-то продвинулись вперед.

– Мы должны выяснить, кто действует против нас, – сказал Хольмберг.

– Постойте, – произнесла Соня Мудиг. – У нас есть еще и Петер Телеборьян. Он помогал нам в расследовании о Лисбет Саландер.

– Точно, – сказал Бублански, понизив голос. – И что же он сообщил?

– Он очень беспокоился за ее безопасность и хотел ей помочь. Но затем после всех сантиментов заявил, что она представляет серьезную опасность и потенциально способна оказать сопротивление. Наша версия во многом базировалась на его данных.

– И он, кстати, здорово напугал Ханса Фасте, – заметил Хольмберг. – Что, кстати, слышно о Фасте?

– Он взял отпуск, – ответил Бублански. – Однако нам следует решить, куда нам двигаться дальше…

Ближайшие пару часов они обсуждали самые разные варианты. В конце концов родилось лишь одно практическое решение: Соня Мудиг на следующий день снова поедет в Гётеборг, чтобы поговорить с Лисбет Саландер. Когда совещание наконец закончилось, Соня Мудиг и Курт Свенссон вместе направились в сторону гаража.

– Я вдруг подумал… – сказал Курт и замолчал.

– Что? – спросила Соня.

– Когда мы беседовали с Телеборьяном, ты единственная из всей группы задавала вопросы и высказывала возражения.

– Ну да.

– А чутье тебя не подводит, – сказал он.

Курт Свенссон не отличался особой склонностью раздавать комплименты, а Соня уж точно впервые услышала от него что-то похожее на одобрение. Поэтому, когда он ушел, Мудиг так и продолжала стоять у

своей машины – она просто остолбенела.

Глава 5

Воскресенье, 10 апреля

Ночь с субботы на воскресенье Микаэль Блумквист и Эрика Бергер провели в постели. Они просто лежали и разговаривали, в основном обсуждая детали истории Залаченко.

Микаэль настолько доверял Эрике, что ее переход на работу в конкурирующее издание его нисколько не смущал. Ей даже в голову не могло бы прийти каким-то образом использовать этот материал. Эту «топовую» новость раздобыл «Миллениум», и Эрика, конечно, сожалела о том, что не она будет редактором этого номера. Было бы очень уместно таким образом завершить годы работы в «Миллениуме».

Они обсуждали и перспективы – и общие, и частные. Эрика решила остаться совладельцем «Миллениума» и сохранить за собой место в правлении. Но они оба понимали, что она, естественно, не сможет участвовать в текущей редакционной работе.

– Может, я поработаю на «Дракона» несколько лет и… Кто знает, вдруг ближе к пенсии я и вернусь в «Миллениум», – заявила она.

Они обсуждали и собственные запутанные отношения. Оба сошлись на том, что на практике ничего не изменится, просто встречаться так часто, как раньше, они, разумеется, не смогут. Все снова будет как в восьмидесятые годы, когда «Миллениума» еще не было и в помине, и работали они в разных местах.

– Только нам придется заранее резервировать время, – констатировала Эрика с грустной улыбкой.

В воскресенье утром ей нужно было ехать домой к мужу, Грегеру Бекману, и они попрощались.

– Даже не знаю, что и сказать, – произнесла Эрика. – Но похоже, что ты полностью погрузился в свой материал, а все остальное отодвинул на задний план. А сам-то ты знаешь, что когда ты работаешь, то ведешь себя как настоящий психопат?

Микаэль улыбнулся и обнял ее.

После ее ухода он все утро звонил в Сальгренскую больницу. Его интересовало состояние Лисбет Саландер. Но ответа Блумквист так и не добился. В конце концов он позвонил инспектору Маркусу Эрландеру, который сжалился над ним и сообщил, что, с учетом обстоятельств,

состояние Лисбет можно считать неплохим и врачи оценивают данную ситуацию с осторожным оптимизмом. Микаэль поинтересовался, можно ли ему навестить Лисбет. Эрландер ответил, что по распоряжению прокурора Лисбет Саландер находится под арестом и посетителей к ней не допускают. К тому же состояние девушки пока не позволяет ее допрашивать. Микаэль только смог добиться от Эрландера обещания, что тот позвонит ему, если состояние Лисбет ухудшится.

Проверяя список звонков у себя в мобильнике, Блумквист обнаружил там сорок два непринятых вызова и сообщения от разных журналистов, которые отчаянно пытались с ним связаться. Новость о том, что он обнаружил Лисбет Саландер и вызвал Службу спасения, и к тому же принимал самое непосредственное участие в дальнейших событиях, в последние сутки активно обсуждалась в медиапространстве.

Микаэль стер все сообщения от репортеров, позвонил сестре – Аннике Джаннини – и договорился вместе пообедать.

Потом он позвонил Драгану Арманскому, исполнительному директору и оперативному управляющему охранной фирмы «Милтон секьюрити». Арманский оказался дома, на острове Лидингё.

– Похоже, что вам удается инициировать шумиху в прессе, – сухо сказал он.

– Извините, что не позвонил вам раньше. Я получил сообщение о том, что вы меня разыскиваете, но был очень занят…

– Мы в «Милтон секьюрити» проводили собственное расследование. Хольгер Пальмгрен сказал мне, что вы раздобыли кое-какую информацию, и, похоже, вы нас обскакали.

Микаэль не знал, как лучше сформулировать вопрос.

– Я могу вам доверять? – спросил он.

Этот вопрос озадачил Арманского.

– В каком смысле?

– Вы на стороне Саландер или нет? Могу я полагать, что вы желаете ей добра?

– Разумеется, я ей друг. Но вы же знаете, это не значит, что она мне друг.

– Знаю. Но меня интересует, готовы ли вы встать в ее угол ринга и начать боксировать с ее врагами? В этом бою вам придется провести парочку раундов…

Арманский задумался и ответил:

– Я на ее стороне.

– Могу ли я сообщать вам информацию и обсуждать с вами разные

вопросы, не опасаясь, что это просочится в полицию или еще куда-нибудь?

– Я не могу участвовать ни в каких криминальных экспериментах, – ответил Арманский.

– Вы не ответили на мой вопрос.

– Вы можете полностью полагаться на меня, если не занимаетесь преступной деятельностью или чем-то подобным.

– Хорошо. Нам необходимо встретиться.

– Я собираюсь приехать вечером в город. Поужинаем вместе?

– Нет, сегодня я занят. Но очень хотел бы встретиться с вами завтра вечером. Нам с вами – и, возможно, еще кое с кем – надо просто сесть и спокойно пообщаться.

– Что ж, пожалуйста, приходите к нам в «Милтон секьюрити». В шесть вечера?

– И вот еще что. Через два часа я встречаюсь со своей сестрой, Анникой Джаннини. Она, возможно, согласится стать адвокатом Лисбет, но, естественно, не может работать бесплатно. Я готов выплатить часть ее гонорара из собственного кармана. А «Милтон секьюрити» сможет поучаствовать?

– Лисбет требуется адвокат по уголовным делам очень высокого класса. Ваша сестра, пожалуй, не самый удачный выбор, уж простите меня. Я, было дело, просил главного юриста «Милтон секьюрити» подобрать подходящую кандидатуру. Лично я вижу в этой роли Петера Альтина. Или кого-то еще такого же уровня.

– Не могу согласиться. Лисбет нужен совершенно другой адвокат. Когда мы поговорим, вы поймете, что я имею в виду. Но могли бы вы, если потребуется, оплатить услуги ее защитника?

– Я уже думал о том, что наша фирма должна нанять адвоката…

– Так как же, в конце концов, – да или нет? Я знаю, что произошло с Лисбет. И примерно знаю, кто за этим стоит и почему. И у меня есть план мести.

Арманский засмеялся.

– О’кей. Я готов выслушать ваши предложения. Но если оно мне не понравится, я оставляю за собой право не участвовать.

– Ты обдумала мое предложение? Ты будешь представлять интересы Лисбет Саландер? – спросил Микаэль сразу после того как поцеловал сестру в щеку и им принесли бутерброды и кофе.

– Да. И, к сожалению, вынуждена отказаться. Ты знаешь, я ведь не специалист по уголовным делам. Даже если с нее сейчас сняли обвинения в

убийствах, за которые ее разыскивали, ей предъявят целый перечень новых, и ей понадобится гораздо более опытный и авторитетный профессионал, специалист по уголовному праву.

– Не согласен. Ты известный адвокат, и тебя все знают как специалиста по защите прав женщин. Я уверен, что ты именно тот адвокат, который ей нужен.

– Микаэль… Мне кажется, ты просто не понимаешь, через что ей предстоит пройти. Это непростое уголовное дело, а не рядовой эпизод избиения женщины или совершения развратных действий. Если я возьмусь ее защищать, это может окончиться катастрофой.

Микаэль улыбнулся.

– Мне кажется, ты упустила самое главное. Если бы Лисбет обвиняли, например, в убийстве Дага и Миа, я нанял бы адвоката типа Сильберского или еще какую-нибудь знаменитость с поля уголовного права. Но на этом процессе речь пойдет совсем о других вещах. И ты самый идеальный кандидат, какого я могу себе представить.

Анника вздохнула.

– Тогда объясни, пожалуйста.

Они проговорили почти два часа. Когда Микаэль изложил свои соображения, сестра сдалась. Блумквист достал мобильник и снова позвонил в Гётеборг Маркусу Эрландеру.

– Привет! Это снова Блумквист.

– У меня нет никаких новостей о Саландер, – раздраженно сказал инспектор.

– Что, вероятно, в данной ситуации надо считать хорошей новостью. Зато у меня есть новости о ней.

– Неужели?

– Именно. У Лисбет появился адвокат по имени Анника Джаннини. Она сидит напротив меня, и я передаю ей трубку.

Микаэль протянул телефон через стол.

– Добрый день. Меня зовут Анника Джаннини, и меня попросили представлять интересы Лисбет Саландер. Так что мне необходимо пообщаться с моей клиенткой, чтобы получить ее согласие на мое участие в судебном процессе. И еще мне нужен телефон прокурора.

– Я понял, – сказал Эрландер. – Насколько мне известно, там уже связались с государственным защитником.

– Хорошо. А кто-нибудь спрашивал у самой Лисбет Саландер, какие у нее планы?

Эрландер колебался.

– Честно говоря, у нас еще не было возможности обменяться с ней хотя бы словом. Мы надеемся поговорить с ней завтра, если позволит ее состояние.

– Что ж, хорошо. Тогда позвольте мне заявить, что пока фрёкен Саландер не изъявит другого желания, вы можете считать меня ее адвокатом. Вы не имеете права допрашивать ее в мое отсутствие. Но можете навестить ее и спросить, согласна ли она видеть меня в качестве своего адвоката. Вы меня поняли?

– Да, – вздохнул Эрландер.

Он не был уверен, все ли тут безупречно с юридической точки зрения.

– Мы хотели бы для начала спросить у Лисбет Саландер, есть ли у нее какая-нибудь информация о местонахождении Рональда Нидермана – убийцы полицейского. Можем ли мы задать ей этот вопрос, даже если вас при этом не будет?

Анника задумалась.

– Хорошо… Вы можете расспросить ее о фактах, способных помочь полиции в поисках Нидермана. Но вы не имеете права задавать ей вопросы относительно возбуждения дела или выдвигаемых против нее обвинений. Обещаете?

– Обещаю.

Маркус Эрландер встал из-за письменного стола, поднялся этажом выше и постучал в дверь кабинета руководителя предварительного следствия Агнеты Йеварс. Он пересказал ей содержание своего разговора с Анникой Джаннини.

– Я не знала, что у Лисбет Саландер есть адвокат.

– Я тоже не знал. Но Джаннини нанял Микаэль Блумквист. Сама Лисбет Саландер тоже вряд ли об этом знает.

– Но Джаннини – не адвокат по уголовным делам, она защищает права женщин. Я однажды слушала ее лекцию, она профессионал высокого класса, но совершенно не годится для этого случая.

– Это все на усмотрение Саландер.

– Возможно, мне придется опротестовать кандидатуру адвоката в суде. Даже в интересах самой Саландер, ей нужен настоящий защитник, а не какая-то знаменитость, которая пиарит себя. К тому же Саландер признана недееспособной. Даже не знаю, как лучше поступить…

– Что будем делать?

Агнета Йеварс задумалась.

– Получается сплошная неразбериха. Даже непонятно, кто в конце

концов будет заниматься этим делом… Возможно, его передадут в Стокгольм, Экстрёму. Но адвокат ей в любом случае необходим… Ну, хорошо, спросите у нее, согласна ли она, чтобы ее защищала Джаннини.

Вернувшись домой около пяти вечера, Микаэль включил компьютер и вернулся к тому тексту, который он начал писать в гостинице в Гётеборге. Журналист просидел за работой семь часов и только после этого обнаружил, что в статье есть белые пятна. Придется расследовать еще некоторые эпизоды. Имеющиеся документы не давали ответа на вопрос, кто же именно из СЭПО помимо Гуннара Бьёрка принимал участие в заточении Лисбет Саландер в сумасшедший дом. Для него так и оставалось неясным, какие отношения связывают Бьёрка и психиатра Петера Телеборьяна.

Около полуночи Микаэль выключил компьютер и лег в постель. Впервые за много недель он почувствовал, что может расслабиться и спокойно поспать. Теперь всё под контролем. И хотя ему еще придется ответить на массу вопросов, уже имеющихся у него материалов достаточно, чтобы вызвать шквал эмоций в массмедиа.

Ему захотелось немедленно позвонить Эрике Бергер и поделиться новостями, но он вспомнил, что она больше не работает в «Миллениуме».

Спать ему расхотелось.

С поезда, прибывшего на Стокгольмский центральный вокзал из Гётеборга в 19.30, осторожно выполз тип с коричневым портфелем и немного постоял посреди толпы, чтобы сориентироваться. Он выехал из Лахольма в начале девятого утра, а когда прибыл в Гётеборг, то сделал небольшую остановку, чтобы пообедать со старым приятелем, а затем продолжил путь в Стокгольм. В столице он не был два года, и вообще не планировал снова приезжать сюда. И хотя прожил здесь бóльшую часть своей профессиональной жизни, он всегда чувствовал себя в Стокгольме заморской птицей, а после выхода на пенсию это чувство с каждым визитом только усиливалось.

Мужчина медленно двинулся через вокзал, купил вечерние газеты и два банана в киоске «Пресс-бюро», и задумчиво посмотрел вслед поспешно проследовавшим мимо него двум мусульманкам в паранджах. Против женщин в парандже он ничего не имел. Какое ему дело до того, что людям нравится странно одеваться? Впрочем, то, что им непременно понадобилось так странно одеваться посреди Стокгольма, его все-таки немного задевало.

Мужчина прошел метров триста до гостиницы «Фрейс-отель», расположенной на Васагатан, рядом со старинным зданием почты. Теперь во время своих редких визитов в Стокгольм он всегда останавливался именно в этой гостинице – и в центре, и вполне уютно. Кроме того, дешево, что немаловажно для него, поскольку поездку он оплачивал сам. Номер он забронировал днем раньше, представившись Эвертом Гульбергом.

Поднявшись в номер, мужчина сразу отправился в туалет. В его возрасте уже приходилось часто посещать это заведение. Уже много лет ему не удавалось спать беззаботно и беспробудно.

Выйдя из туалета, он снял шляпу – темно-зеленую английскую фетровую шляпу с маленькими полями, и ослабил узел галстука. Со своим ростом сто восемьдесят четыре сантиметра и весом шестьдесят восемь килограммов он отличался худобой и хрупким телосложением. На нем был пиджак в мелкую клеточку и темно-синие брюки. Мужчина открыл коричневый портфель, достал две рубашки, запасной галстук и белье и выложил их в стоящий в номере комод. Затем повесил пальто и пиджак на плечики, в шкафу, за дверью в комнату.

Еще слишком рано, чтобы лечь спать, но слишком поздно, чтобы отправиться на вечернюю прогулку, которая, впрочем, едва ли доставила бы ему удовольствие. Он уселся в кресло – непременную принадлежность гостиничного номера, и огляделся. Включил телевизор, но при этом убрал громкость до нуля. Хотел было позвонить на ресепшен и заказать кофе, но решил, что слишком поздно. Вместо этого открыл бар и плеснул себе в бокал из миниатюрной бутылочки виски «Джонни Уокер», слегка разбавив водой. Затем взялся за вечерние газеты и внимательно прочитал всю хронику погони за Рональдом Нидерманом и репортажи о деле Лисбет Саландер. Через некоторое время он достал блокнот в кожаном переплете и кое-что записал.

Бывшему начальнику отдела Службы государственной безопасности Эверту Гульбергу было семьдесят восемь лет, и последние четырнадцать лет он официально числился на пенсии. Но шпионы бывшими не бывают – они просто уходят в тень.

Гульбергу исполнилось девятнадцать лет, когда закончилась война. Его привлекала карьера на флоте. Он отслужил в армии помощником командира и его отправили получать офицерское образование. Традиционно после учебы всех посылали на флот, но его распределили в Карлскруну[15] разведчиком-сигнальщиком при разведывательном управлении флота. Эверт, конечно, понимал, что в задачи радиотехнической

разведки входит следить за тем, что происходит по другую сторону Балтийского моря. Работа показалась ему скучной и неинтересной, но в военной школе переводчиков он выучил русский и польский языки. Благодаря знанию этих языков, в 1950 году его перевели в Службу государственной безопасности. В то время третье подразделение Государственного полицейского управления возглавлял гламурный и корректный Георг Тулин. Когда Эверт Гульберг начинал там служить, совокупный бюджет тайной полиции не превышал 2,7 миллиона крон, а число сотрудников составляло девяносто шесть человек. Когда он в 1992 году оформил пенсию, бюджет Службы государственной безопасности превышал 350 миллионов крон, и даже он точно не знал, сколько сотрудников насчитывается в «Фирме».

Так Гульберг и провел свою жизнь на тайной службе – то ли Его Величеству, то ли социал-демократическому «народному дому». В этом и заключалась ирония судьбы, поскольку на каждых выборах он фанатично голосовал за Умеренную коалиционную партию. И только в 1991 году сознательно проголосовал против нее, поскольку считал Карла Бильдта[16] реальной политической катастрофой. В тот год Гульберг от отчаяния отдал свой голос за Ингвара Карлссона[17]. Годы правления «лучшего правительства» Швеции оправдали его худшие опасения. Правительство, возглавляемое Умеренной коалиционной партией, пришло к власти в период коллапса Советского Союза. И, по мнению Гульберга, едва ли можно было представить себе режим, хуже подготовленный к использованию возникших на восточном направлении новых политических шансов для использования искусства шпионажа. Напротив, правительство Бильдта из соображений экономии сократило «советский» отдел и сосредоточилось на международных распрях в Боснии и Сербии – можно подумать, что Сербия когда-нибудь представляла угрозу для Швеции. В результате профессиональных информаторов в Москву так и не внедрили. А когда климат снова похолодеет, что, согласно Гульбергу, неизбежно, к Службе безопасности и военному разведывательному управлению опять станут предъявлять непомерные политические требования, словно они могут как волшебники, при необходимости, наколдовать агентов.

Первые два года работы в русском отделе третьего подразделения Государственного полицейского управления Гульберг провел за письменным столом. Он получил чин капитана и затем начал постепенно изучать обстановку на месте. В 1952–1953 годах он занимал должность

атташе по вопросам авиации при шведском посольстве в Москве. Любопытно, что он шел по стопам другого известного шпиона – несколькими годами раньше в его должности работал легендарный полковник ВВС Стиг Веннерстрём[18].

Вернувшись в Швецию, Гульберг служил в контрразведке и через десять лет оказался одним из тех относительно молодых сотрудников Службы безопасности, которые под оперативным руководством Отто Даниэльссона арестовывали Веннерстрёма и сопровождали его к месту пожизненного заключения – в тюрьму Лонгхольмен.

Когда в 1964 году, при Пере Гуннаре Винге, тайную полицию реорганизовали в отдел безопасности Государственного полицейского управления, ГПУ/Безопасность, началось расширение штатов. Гульберг к тому времени проработал в Службе безопасности четырнадцать лет и считался одним из самых доверенных и надежных ветеранов.

Он ни при каких обстоятельствах не называл Службу государственной безопасности СЭПО, используя в формальной обстановке наименование ГПУ/Без, а в неформальной – только Без. Среди коллег Гульберг мог также упомянуть место своей работы как «Предприятие», или «Фирму», или попросту «Отдел», но только не СЭПО. Причина была проста. На протяжении многих лет «Фирма» занималась так называемым персональным контролем, то есть проверкой и регистрацией шведских граждан, которых подозревали в коммунистических и предательских взглядах. Понятия «коммунист» и «изменник родины» употреблялись в «Фирме» как синонимы. Ставшее впоследствии популярным сокращение «СЭПО» было создано потенциально предательским коммунистическим журналом «Кларте»[19] как негативное обозначение полицейских – гонителей коммунистов. Естественно, ни Гульберг, ни кто-либо другой из ветеранов слово «СЭПО» не использовал. Он никак не мог понять, почему его бывший начальник П. Г. Винге назвал свои мемуары «Глава СЭПО 1962–1970 гг.».

На дальнейшую карьеру Гульберга оказала влияние реорганизация 1964 года.

Само по себе появление ГПУ/Без означало, что тайная полиция превращалась в современную полицейскую организацию, как об этом упоминалось в служебной записке Министерства юстиции. Соответственно, понадобилось изменить штатное расписание. Постоянно требовались новые сотрудники, и их нужно было все время проверять. Тем временем враг получил благоприятные возможности для внедрения своей

агентуры. Это, в свою очередь, означало необходимость ужесточения внутреннего контроля – тайная полиция уже не могла больше оставаться неким внутренним клубом, состоявшим из отставных офицеров, где все друг друга знали и где протекция и знатные родители играли важную роль.

В 1963 году Гульберга перевели в другую структуру – вместо контрразведки он стал заниматься проверкой персонала, чему, после разоблачения Стига Веннерстрёма, придавалось особое значение. Именно в этот период взгляды населения стали предметом пристального изучения. И к концу 1960-х годов уже были составлены досье примерно на триста тысяч шведских граждан с подозрительными политическими симпатиями. Но контроля за шведскими гражданами было недостаточно. Следовало оптимизировать систему внутренней безопасности ГПУ/Без.

Дело Веннерстрёма оказало деморализующий эффект на ряды тайной полиции. Если полковник из штаба обороны, к тому же советник правительства по вопросам, связанным с ядерным оружием и политикой безопасности, мог работать на русских, – то откуда было взяться уверенности в том, что русские не имели агента на столь же ключевой позиции в Службе государственной безопасности? Где гарантии, что начальники и руководители среднего звена «Фирмы» на самом деле не работают на русских? Иными словами: кто должен шпионить за шпионами?

В августе 1964 года Эверта Гульберга вызвали на вечернее совещание к заместителю руководителя Службы государственной безопасности, начальнику отдела Хансу Вильгельму Франке. Кроме него, в совещании участвовали два человека из руководства «Фирмы» – заместитель руководителя канцелярии и финансовый директор.

День еще не закончился, а жизнь Гульберга круто изменилась. Начальство избрало его для особой миссии. Он получил новую должность – начальника только что образованного отдела с рабочим названием «Спецсекция», сокращенно СС. Для начала Гульберг переименовал его в группу «Спецаналитиков», но и это название продержалось всего несколько минут – пока финансовый директор не заметил, что СА звучит, мягко говоря, не лучше, чем СС. Окончательно организацию решили назвать «Секция спецанализов», ССА, а в повседневной речи просто «Секция», в отличие от названий «Отдел» или «Фирма», подразумевавших Службу государственной безопасности в целом.

Идея создания «Секции» принадлежала Франке. Он называл ее последним рубежом обороны. По его замыслу, «Секция» должна была

представлять собой суперзасекреченную структуру, размещенную на стратегически важных узлах «Фирмы», но абсолютно невидимую, не фигурирующую ни в служебных, ни в финансовых документах, чтобы ее невозможно было идентифицировать.

Миссия группы – блюсти безопасность нации.

Для осуществления своей идеи Франке обладал достаточной властью. Для создания скрытой структуры ему требовалась помощь финансового директора и руководителя канцелярии, но все трое были солдатами старой гвардии и соратниками по многочисленным разборкам с врагом.

В первый год структура состояла из Гульберга и троих специально отобранных сотрудников. За последующие десять лет «Секция» постепенно расширялась и достигла численности в одиннадцать человек, двое из которых были административными секретарями старой школы, а остальные – профессиональными охотниками за шпионами. Структура организации отличалась демократичностью: Гульберг – руководитель, остальные – сотрудники, почти ежедневно встречавшиеся со своим начальником. Эффективность работы ставилась выше престижа и бюрократических формальностей.

Формально Гульберг подчинялся целому ряду лиц, чей статус был ниже начальника канцелярии Службы безопасности, которому он должен был подавать ежемесячные отчеты. Но на практике Гульберг занимал уникальную позицию и был наделен экстраординарными полномочиями. Он, и только он, имел право принимать решение о контроле за верхушкой СЭПО. При желании Гульберг мог под лупой разглядывать жизнь самого Пера Гуннара Винге (что и было сделано в свое время). Он мог инициировать собственные расследования или прослушивание телефонов, не объясняя цели и не докладывая об этом начальству. Образцом для подражания ему служил легендарный американский шпион Джеймс Хесус Энглтон[20], занимавший аналогичную должность в ЦРУ, с которым ему даже довелось познакомиться лично.

В организационном плане «Секция» являлась микроструктурой внутри «Отдела», работавшей вне всей остальной Службы безопасности, над ней и параллельно с ней. Секция обрела даже географическую самостоятельность: у нее имелся офис на Кунгсхольмене, но из соображений безопасности на практике она работала в частной квартире из одиннадцати комнат, в районе Эстермальм. Квартиру перестроили в своеобразную крепость, которая никогда не оставалась без присмотра, поскольку в две ближайшие ко входу комнаты переехала на постоянное жительство преданная сотрудница, секретарь Элеанор Баденбринк. Она

была бесценным кадром, и Гульберг питал к ней безграничное доверие.

Он со своими сотрудниками не фигурировал ни в каких формальных бумагах Службы безопасности, которые представлялись в Государственное полицейское управление или в Министерство юстиции. Их деятельность финансировалась из «специального фонда». Даже начальник ГПУ/Без ничего не знал о самых тайных из тайных агентах, которые занимались самыми щепетильными делами.

Итак, к сорока годам Гульберг занимал такую позицию, что мог, никому не отчитываясь, начинать расследования в отношении кого угодно.

Конечно, он с самого начала отдавал себе отчет в том, что положение «Секции спецанализов» уязвимо в политическом отношении. Их должностные обязанности не были четко определены, а документация велась весьма нерегулярно.

В сентябре 1964 года премьер-министр Таге Эрландер подписал директиву, согласно которой «Секции спецанализов» выделялись бюджетные средства, а ее задачи определялись как проведение расследований особо деликатного свойства, важных с точки зрения безопасности государства. Эту директиву приняли к сведению, наряду с двенадцатью подобными делами, о которых заместитель начальника ГПУ/Без Ханс Вильгельм Франке доложил на одном из вечерних совещаний. Документ сразу пометили грифом секретности и внесли в имеющую аналогичный гриф особую учетную книгу ГПУ/Без.

Подпись премьер-министра означала, что «Секция» обрела юридический статус. Ее первый годовой бюджет составлял всего 52 000 крон. Столь скромный бюджет сам Гульберг считал гениальным ходом – в результате старт «Секции» представал пустяковым делом. На практике же подпись премьер-министра означала, что тот одобрил идею создания группы, которая отвечала бы за «внутренний персональный контроль». Подпись могла, однако, означать и то, что премьер-министр не возражает против создания группы, которая отвечала бы за проверку «лиц, требовавших особо деликатного подхода» и за пределами Службы безопасности – например, самого премьер-министра. Последний момент как раз и мог стать потенциальным тормозом.

Эверт Гульберг отметил, что «Джонни Уокер» у него в бокале закончился. Особой склонности к алкоголю у него никогда не наблюдалось, но после долгого дня и долгого путешествия он решил, что на нынешнем этапе его жизни не имеет никакого значения, выпьет он один бокал виски или два. Так что вполне можно повторить, если уж на то пошло. Он налил

себе еще порцию из миниатюрной бутылочки «Гленфиддик».

Самым деликатным из всего, чем ему пришлось заниматься, было, разумеется, дело Улофа Пальме.

День выборов 1976 года Гульберг запомнил от начала и до конца, в деталях и подробностях. Впервые в современной истории в Швеции к власти пришло буржуазное правительство. К сожалению, премьер-министром стал Турбьёрн Фельдин, а не Йёста Буман – выдвиженец старой закалки, который намного больше годился для этой должности. Но самое главное, Пальме потерпел поражение, и Гульберг мог теперь вздохнуть с облегчением.

Соответствовал ли Улоф Пальме должности премьер-министра или нет – эту тему очень любили обсуждать за обедом в самых тайных коридорах ГПУ/Без. В 1969 году Пера Гуннара Винге отправили в отставку после того, как тот обвинил Пальме в принадлежности к агентам влияния русской шпионской организации КГБ. Тогда в «Фирме» точку зрения Винге разделяли многие, но, к сожалению, во время своего визита в провинцию Норрботтен он рискнул открыто излагать свои взгляды в беседе с губернатором Рагнаром Лассинантти. Губернатор дважды вскинул брови, а затем проинформировал правительственную канцелярию. В результате чего Винге велели явиться для индивидуальной беседы.

К досаде Эверта Гульберга, вопрос о возможных контактах Пальме с советской разведкой так и остался без ответа. «Секция» любой ценой пыталась докопаться до истины и отыскать решающие улики, *smoking gun*[21], но так не смогла обнаружить никаких доказательств. С точки зрения Гульберга это свидетельствовало не столько о невиновности Пальме, сколько о его исключительном интеллекте и холодном расчете, благодаря которым он не совершал ошибок, типичных для других русских шпионов. Год за годом Пальме водил их за нос. В 1982 году, когда он вновь стал премьер-министром, этот вопрос снова обрел актуальность, но после того как прогремел выстрел на Свеавеген[22], он так и остался риторическим – теперь уже навеки.

В 1976 году «Секции» пришлось столкнуться с массой проблем. В ГПУ/Безопасности лишь немногие знали о ее существовании. Тем не менее на «Секцию» обрушилась волна критики. За прошедшее десятилетие из Службы безопасности по подозрению в политической неблагонадежности уволили в общей сложности шестьдесят пять человек. В большинстве случаев представленная документация не содержала неопровержимых

доказательств, и в результате некоторые высшие чины в ведомстве стали поговаривать о том, что «Секция» состоит из параноиков, сторонников «конспиративных теорий».

Гульберг до сих пор не мог успокоиться, вспоминая одно из дел, которое разбирала «Секция». Речь шла об одном принятом в 1968 году в ГПУ/Безопасность человеке, которого лично Гульберг считал явно неподходящим. Инспектор уголовного розыска Стиг Берглинг, лейтенант шведской армии, как выяснилось позже, оказался полковником советской военной разведки ГРУ. Гульберг четыре раза пытался добиться увольнения Берглинга, и всякий раз его попытки игнорировались. И только в 1977 году, когда Берглинга стали подозревать уже и за пределами «Секции», ситуация изменилась. Лучше поздно, чем никогда.

Дело Берглинга стало беспрецедентным скандалом в истории шведской службы безопасности.

В первой половине 1970-х годов в адрес «Секции» начала раздаваться все более резкая критика, в середине десятилетия Гульбергу неоднократно предлагали урезать бюджет, а кое-кто даже осмеливался утверждать, что их деятельность никому не нужна.

Эта критика означала, что будущее «Секции» оказалось под вопросом. В то время приоритетным направлением в ГПУ/Безопасность считалась угроза терроризма – применительно к шпионажу, дело во всех отношениях скучное, касавшееся в основном сбившейся с пути молодежи, которая связалась с арабскими или пропалестинскими элементами. Службу безопасности прежде всего волновал вопрос, надо ли выделять дополнительные ассигнования отделу персонального контроля для проверки проживающих в Швеции иностранных граждан, или же и в дальнейшем считать это прерогативой отдела по работе с иностранцами.

В результате сей бюрократической и несколько эзотерической дискуссии «Секция» решила, что ей необходим еще один сотрудник, который пользовался бы доверием и смог бы форсировать ее деятельность по контролю – а на деле, по шпионажу – за сотрудниками отдела по работе с иностранцами.

Выбор пал на молодого человека, который работал в ГПУ/Безопасность с 1970 года и чей послужной список, а также политическая благонадежность позволяли считать, что он сможет успешно стать сотрудником «Секции». В свободное время этот молодой человек участвовал в работе организации «Демократический альянс», которую социал-демократические СМИ оценивали как крайне правую. «Секция» не считала данный факт отягчающим обстоятельством. Трое ее сотрудников

уже состояли в «Демократическом альянсе», сама «Секция» сыграла определенную роль в его создании и даже оказывала «Союзу» некоторую финансовую поддержку. Нового сотрудника отобрали для «Секции» именно через эту организацию. Его звали Гуннар Бьёрк.

Эверту Гульбергу невероятно повезло: в тот самый день выборов 1976 года, когда Александр Залаченко решил остаться в Швеции и явился с просьбой предоставить ему политическое убежище в полицейский участок района Норрмальм, там как раз дежурил молодой Гуннар Бьёрк, сотрудник отдела по работе с иностранцами. Так и получилось, что Залаченко сразу попал в руки самого засекреченного агента.

Бьёрк оказался на высоте. Он сразу оценил роль Залаченко, прервал допрос и спрятал перебежчика в номере гостиницы «Континенталь». Причем Гуннар Бьёрк позвонил, чтобы сообщить об инциденте, не своему формальному начальнику из отдела по работе с иностранцами, а Эверту Гульбергу. Телефонный звонок раздался как раз тогда, когда помещения для голосования уже закрылись и, судя по всем сводкам, Пальме должен был проиграть. Гульберг как раз только что явился домой и уселся перед телевизором в ожидании результатов выборов. Поначалу он не слишком серьезно воспринял сообщение взволнованного дежурного, но затем все же отправился в отель «Континенталь», расположенный в двухстах пятидесяти метрах от гостиничного номера, где он на тот момент находился. И взял на себя командование делом Залаченко.

Начиная с этой минуты жизнь Эверта Гульберга радикальным образом изменилась. Слово «секретность» приобрело совершенно новое содержание и вес. Он решил создать вокруг перебежчика новую структуру.

В «Группу Залаченко» Гульберг автоматически включил Гуннара Бьёрка. Такое решение казалось оправданным и уместным, поскольку тот уже знал о существовании агента. Лучше было впустить его «внутрь», чем, рискуя безопасностью, оставить «снаружи». В результате Бьёрка передислоцировали с официального места работы, из отдела по работе с иностранцами, за письменный стол в квартире в районе Эстермальм.

В этой драматической ситуации Гульберг решил проинформировать лишь одного человека в ГПУ/Безопасность – шефа канцелярии, который и так уже знал о деятельности «Секции». Шеф канцелярии размышлял несколько суток, после чего заявил Гульбергу, что значение перебежчика слишком велико, поэтому необходимо проинформировать начальника ГПУ/Безопасность, а также правительство.

Недавно возглавивший ГПУ/Без бюрократ на тот момент знал о существовании «Секции спецанализов», но имел довольно смутное представление о том, чем она, собственно, занимается. Его назначили, чтобы разобраться с последствиями разоблачения деятельности Информационного бюро[23], и он уже рассчитывал на более высокий пост в полицейской иерархии. Из откровенной беседы с шефом канцелярии глава ГПУ/Без узнал, что «Секция» – тайная группа, созданная по решению правительства, которая выведена за рамки общей деятельности, и что расспрашивать о ней не следует. Поскольку управление на тот момент возглавлял человек, который в принципе не задавал вопросов, которые способны спровоцировать неприятные ответы, он понимающе кивнул, смирившись с существованием некой структуры под названием ССА и с тем, что ему нет до нее никакого дела.

Гульбергу не нравилась идея информировать начальника о Залаченко, но у него не оставалось выбора. Подчеркнув жесткую необходимость абсолютной секретности, он заручился согласием и составил инструкции, согласно которым даже начальник ГПУ/Безопасность не имел права обсуждать эту тему у себя в кабинете, не предприняв особых мер предосторожности. Было решено, что «Секция спецанализов» займется Залаченко.

О том, чтобы информировать премьер-министра, который уходит в отставку, не могло быть и речи. А приступающий к своим обязанностям премьер занимался исключительно назначением министров и переговорами с остальными буржуазными партиями.

Только через месяц после назначения нового состава правительства начальник ГПУ/Безопасность вместе с Гульбергом поехал в Русенбад[24] и проинформировал нового премьер-министра. Гульберг категорически возражал против того, чтобы вообще ставить правительство в известность, но глава ГПУ/Без настоял на своем – утаить важные сведения от премьер-министра было бы безответственно с конституционной точки зрения. Напрягая свои ораторские способности, Гульберг пытался убедить премьера в том, что информация о Залаченко не должна выйти за пределы его кабинета – ни министр иностранных дел, ни министр обороны, ни кто-либо другой из членов правительства не должны ничего знать.

Новость о том, что русский шпион такого уровня попросил политического убежища в Швеции, буквально потрясла Фельдина. Он заявил, что даже из соображений справедливости обязан обсудить этот вопрос хотя бы с лидерами остальных двух партий, входящих в

правительство. Гульберг был готов к такому повороту и разыграл козырную карту. Он перешел почти на шепот и сообщил, что в этом случае будет вынужден немедленно подать прошение об отставке. Эта угроза отрезвила Фельдина. По сути, она означала: если произойдет утечка информации и русские направят карательный отряд для ликвидации Залаченко, то премьер-министр будет нести за это персональную ответственность. А уж если человека, отвечавшего за безопасность перебежчика, вынудили уволиться, такое разоблачение обернется для Фельдина политической и медийной катастрофой.

Фельдин, еще не слишком освоивший новую для себя роль премьер-министра, сдался. Он одобрил директиву, согласно которой ответственность за безопасность и дебрифинг[25] Залаченко возлагалась на «Секцию». Он также гарантировал, что информация о русском перебежчике не выйдет за пределы его кабинета. Все эти распоряжения немедленно зафиксировали в секретных архивах. Таким образом, Фельдин подписал директиву, которая лишала его права обсуждать этот вопрос. Иными словами, ему предстояло просто забыть о Залаченко.

Правда, Фельдин настоял на том, чтобы один из сотрудников его администрации, особо доверенный статс-секретарь, был проинформирован и смог взять на себя посреднические функции в делах, связанных с перебежчиком. Гульбергу пришлось с этим смириться. Он без труда мог бы справиться со статс-секретарем. Начальник ГПУ/Без остался вполне доволен. Теперь дело Залаченко обрело легитимный характер, а в данном случае это означало, что он снимал с себя всякую ответственность.

Гульберг тоже остался доволен. Ему удалось очертить вокруг себя некий эзотерический круг, находясь в котором, он полностью контролировал потоки информации. Он, и только он, теперь контролировал все, что связано с Залаченко.

Вернувшись к себе в кабинет, Гульберг сел за письменный стол и составил список людей, обладавших информацией о русском перебежчике. Список включал его самого, Гуннара Бьёрка, оперативного руководителя «Секции» Ханса фон Роттингера, его заместителя Фредрика Клинтона, секретаря «Секции» Элеанор Баденбринк, а также двух сотрудников, в задачу которых входило записывать и анализировать информацию, полученную от Залаченко. Всего семеро. Про себя он назвал их «Внутренней группой».

За пределами «Секции» информацией обладали начальник ГПУ/Без, его заместитель и шеф канцелярии. Плюс премьер-министр и статс-секретарь. Итого двенадцать человек. Никогда еще сведения о столь

секретной информации не удавалось ограничить столь избранной группой.

Но потом Гульберг помрачнел. В тайну был посвящен еще один человек, тринадцатый. В тот роковой день рядом с Гуннаром Бьёрком находился юрист Нильс Бьюрман. Но никому бы не пришло в голову включить его в состав «Секции» – он не являлся сотрудником Службы безопасности, а просто проходил практику в ГПУ/Без. Бьюрман не обладал ни знаниями, ни должным статусом. Гульберг взвешивал разные варианты и предпочел просто отсечь его от этой истории. Он пригрозил молодому адвокату пожизненным заключением за государственную измену, если тот хоть словом обмолвится о Залаченко, а также подкупил его обещанием в будущем снабжать его работой и даже лестью, что внушило Бьюрману чувство собственной значимости.

Гульберг проследил за тем, чтобы начинающий юрист получил место в солидной адвокатской фирме с достойной репутацией, и благодаря его стараниям Бьюрмана буквально завалили перспективными делами. Правда, тот оказался такой посредственностью, что просто не воспользовался предоставленными ему возможностями. Через десять лет он ушел из адвокатской фирмы и начал собственную практику, а спустя некоторое время открыл адвокатскую контору с единственной секретаршей на площади Уденплан.

Все последующие годы Гульберг держал Бьюрмана в поле зрения. Он перестал наблюдать за ним только в конце 1980-х годов, когда начался распад Советского Союза и дело Залаченко утратило актуальность.

Для начала «Секция» рассчитывала благодаря Залаченко разобраться в загадке Пальме – она неотрывно занимала Гульберга. Соответственно, Пальме стал первой темой, которую Гульберг зондировал во время долгого допроса перебежчика.

Однако надежды его не оправдались, поскольку Залаченко никогда в Швеции не работал и вообще ничего не знал об этой стране. Правда, до него доходили слухи о некоем «Красном всаднике» – высокопоставленном шведском или, возможно, скандинавском политике, работавшем на КГБ.

Гульберг составил список лиц, имеющих отношение к Пальме. В него входили Карл Лидбум, Пьер Шори, Стен Андерссон, Марта Ульвскуг и еще несколько человек. До конца жизни Гульберг будет раз за разом возвращаться к этому списку, но так и не получит ответа на свои вопросы.

Внезапно он стал одним из избранных. Его тепло приветствовали в элитарном клубе хорошо знавшие друг друга игроки, контакты между которыми осуществлялись на основе личной дружбы и доверия, а не через

официальные каналы, в соответствии с бюрократическими правилами. Ему даже повезло встретиться с самим Джеймсом Хесусом Энглтоном и выпить виски в одном из закрытых клубов в Лондоне с шефом МИ-6.

Он стал одним из великих.

Гульберг никогда не смог бы похвастаться своими успехами, даже в мемуарах, которые опубликовали бы посмертно. Анонимность и скрытность – оборотные стороны его профессии. И еще постоянный страх, что Враг начнет следить за ним и за его маршрутами, и что он невольно выведет русских на след Залаченко.

Хотя по части конспирации и безопасности сам Залаченко вел себя как собственный злейший враг.

В первый год его анонимно поселили в служебной квартире, принадлежавшей «Секции». Ни в каких регистрах или официальных документах он не числился, и в «Группе Залаченко» считали, что впереди у них немало времени, чтобы срежиссировать его будущее. Только весной 1978 года перебежчик получил паспорт на имя Карла Акселя Бодина, а заодно и легенду. Его прошлое, зафиксированное в шведских регистрах, было от начала до конца фикцией. Но эта фикция внушала доверие и могла выдержать любую проверку.

Впрочем, зря они так старались. К этому времени Залаченко уже связался с этой проклятой шлюхой Агнетой Софией Саландер, носившей прежде фамилию Шёландер. Кстати, он даже посмел назвать ей свою настоящую фамилию – Залаченко.

Гульберг считал, что у бывшего шпиона в голове все помутилось. Он даже подозревал, что порою тому хочется, чтобы его разоблачили. Ему, казалось, требовалась эстрада и публичные выступления. Иначе объяснить его идиотскую тупость было трудно.

В его жизни появились шлюхи, он практиковал беспробудные запои, провоцировал инциденты с применением грубой силы, драки с охранниками ресторанов и многими другими. Залаченко попадал в шведскую полицию – трижды за пьянство и дважды за драки в ресторанах. И каждый раз «Секции» приходилось ограждать его от неприятностей и следить за тем, чтобы протоколы уничтожались, а записи в журналах изменялись. Гульберг приставил к нему Гуннара Бьёрка, чтобы тот почти круглосуточно курировал перебежчика. Все это было сопряжено с дополнительными сложностями, но ситуация оставалась безальтернативной.

А ведь все могло бы сложиться вполне удачно. В начале 1980-х годов

Залаченко усмирили, и он начал приспосабливаться к нормальной жизни. Но шлюху Саландер он так и не бросил; к тому же у них родились дочери, Камилла и Лисбет.

Лисбет Саландер.

Даже просто произносить ее имя Гульбергу было дискомфортно.

Еще когда девочкам было по девять или по десять лет, Лисбет вызывала у Гульберга чувство тревоги. Чтобы понять, что она не вполне нормальная, не обязательно быть психиатром. Гуннар Бьёрк докладывал, что она нетерпима по отношению к Залаченко, проявляет к нему жестокость и агрессию и, к тому же, похоже, нисколько его не боится. Она была не слишком-то словоохотлива, но демонстрировала свое недовольство самыми разными способами. Лисбет, конечно же, могла бы стать серьезным препятствием для спецслужб, но даже в самых смелых фантазиях Гульберг не мог представить себе, чем все в конце концов обернется. Больше всего на свете он боялся, что ситуация в семействе Саландер вызовет внимание социальных служб и спровоцирует какое-нибудь разбирательство, и тогда-то они сфокусируют свое внимание на персоне Залаченко. Он не раз настаивал, чтобы Залаченко оставил свою семью и вообще держался от нее подальше. Тот обещал, но все делал по-своему. У него появлялись и другие шлюхи. Почему-то они просто липли к нему. Но через несколько месяцев он всегда снова возвращался к Агнете Софии Саландер.

Чертов Залаченко.

Разве может шпион позволить своему пенису управлять своим поведением? Но Залаченко, казалось, пренебрегал всеми нормами и правилами, или, по крайней мере, считал себя выше их. Если бы он хотя бы просто трахал эту шлюху, еще ничего, но ведь он регулярно причинял своей подруге тяжкие телесные повреждения. Он, казалось, даже воспринимал это как забаву, как способ поиздеваться над своими опекунами из «Группы Залаченко», и избивал ее каждый раз только для того, чтобы доставить им неприятности.

В том, что Залаченко – не только подонок, но и психопат, Гульберг уже не сомневался, но выбирать ему не приходилось. У него был один-единственный перебежчик из агентов ГРУ, так что он не мог ими разбрасываться. И тот пользовался тем, что у Гульберга нет никакого выбора.

Он вздохнул. «Группа Залаченко» играла роль отряда чистильщиков, и от этого никуда не деться. Русский знал, что может позволить себе всякие вольности, а его кураторы потом утрясут его проблемы. Особенно он

злоупотреблял своей безнаказанностью в отношении Агнеты Софии Саландер.

Предупреждения поступали с разных сторон. Когда Лисбет Саландер едва исполнилось двенадцать лет, она отделала папашу ножом. Раны оказались несерьезными, но его отвезли в больницу Святого Георгия, и «Группе Залаченко» пришлось немало потрудиться, чтобы все замять. В тот раз Гульберг затеял со своим подопечным очень серьезный разговор. Он обстоятельнейшим образом объяснял ему, что тот больше никогда не должен контактировать с семейством Саландер, и Залаченко пообещал. Больше полугода он не приближался к своей семье, но потом поехал домой к Агнете Софии Саландер и избил ее с такой жестокостью, что остаток своей жизни она провела в стенах лечебницы.

Но Гульбергу даже в страшном сне не могло присниться, что Лисбет Саландер окажется маньячкой и психопаткой, и что она способна изготовить самодельную зажигательную бомбу. В тот день разыгрался настоящий триллер.

Началась череда расследований, и вся «Операция Залаченко», то есть вся «Секция», повисла на очень тонком волоске. Если бы Лисбет заговорила, то Залаченко могли бы разоблачить. В таком случае под угрозой провала оказались бы операции, которые проводили в Европе последние пятнадцать лет. И потом, возник бы риск того, что «Секцию» начали бы тщательно проверять. Этому следовало воспрепятствовать любой ценой.

Гульберг не мог успокоиться. На фоне их публичной проверки дело Информационного бюро показалось бы просто невинной забавой. Если б к архивам «Секции» открыли публичный доступ, то обнаружились бы обстоятельства, не вполне совместимые с конституцией, не говоря уже о многолетней слежке за Улофом Пальме и другими известными социал-демократическими деятелями. Даже спустя несколько лет после убийства Пальме эта тема носила весьма деликатный характер. В результате организовали бы комиссии по расследованию, а самого Гульберга и нескольких других сотрудников «Секции» обвинили бы в преступной деятельности. Более того, самые шустрые журналисты запустили бы версию, согласно которой за убийством Пальме стояла «Секция». А это, в свою очередь, привело бы к очередной серии разоблачений и обвинений. И самое ужасное заключалось в том, что за эти годы руководство Службы безопасности сменилось столько раз, что о существовании «Секции» не знал даже самый высший руководитель ГПУ/Без. Все контакты с ГПУ/Без в тот год застревали на столе нового заместителя начальника канцелярии, а

он уже десять лет как являлся постоянным соучастником «Секции».

Сотрудников «Группы Залаченко» охватили панические настроения и страх. Нежелательное развитие событий предотвратил Гуннар Бьёрк – он завербовал психиатра, которого звали Петер Телеборьян.

Телеборьяна ангажировали по совершенно другому поводу – его пригласили в отдел контрразведки ГПУ/Безопасность консультантом по делу некоего предпринимателя, которого подозревали в промышленном шпионаже. Контрразведчики решили как можно более деликатно выяснить, как он поведет себя в стрессовой ситуации. Телеборьян – молодой перспективный психиатр – не болтал всякой чепухи и предлагал конкретные и деловые варианты. Благодаря его рекомендациям Служба безопасности смогла предотвратить самоубийство и обратить этого шпиона в двойного агента, поставлявшего своим работодателям дезинформацию.

После атаки Саландер на Залаченко Бьёрк привлек Телеборьяна к работе «Секции» как консультанта по особо важным делам. И теперь его помощь требовалась больше, чем когда-либо раньше.

Проблема решалась очень простым путем. Карла Акселя Бодина отправляли на реабилитационное лечение. Агнета София Саландер поступила в клинику на длительный срок, поскольку получила тяжелейшую травму головного мозга. Все полицейские отчеты аккумулировались в ГПУ/Безопасность и через заместителя руководителя канцелярии передавались в «Секцию».

Петер Телеборьян только что получил должность заместителя главного врача в детской психиатрической клинике Святого Стефана в Уппсале. Всего-то и требовалось заключение судебно-психиатрической экспертизы, которое Бьёрк с Телеборьяном сочинили на пару. Затем они получили краткое и не слишком противоречивое заключение районного суда. Теперь речь шла о том, как представить дело. Конституционные нормы никто не нарушал. Ведь речь все-таки шла о государственной безопасности, народ должен был это понять.

А то, что Лисбет Саландер – невменяемая, было совершенно очевидно и не подлежало сомнению. Несколько лет в закрытой психиатрической лечебнице наверняка пошли бы ей на пользу. Гульберг кивнул и распорядился приступить к проведению операции.

Все детали пазла оказались на своих местах, и произошло это в то время, когда «Группу Залаченко» уже собирались распустить. Советский Союз прекратил свое существование, и вместе с ним канула в прошлое

эпоха величия Залаченко. Перебежчик стал маргиналом и вышел из употребления.

«Группа Залаченко» выбила для него щедрое выходное пособие из фондов Службы безопасности. Они обеспечили и оплатили ему самое достойное реабилитационное лечение, а еще через полгода со вздохом облегчения отвезли Карла Акселя Бодина в Арланду[26] и снабдили билетом в Испанию в один конец. Ему недвусмысленно дали понять, что отныне пути Залаченко и «Секции» разошлись.

Этот эпизод стал достойным завершением карьеры Гульберга: через неделю он в силу своего возраста вышел на пенсию и передал бразды правления наследнику престола – Фредрику Клинтону. Теперь Гульберга приглашали только в качестве консультанта и советника по особо деликатным вопросам. Он пробыл в Стокгольме еще три года и почти ежедневно ходил на службу, но заданий становилось все меньше. Постепенно он сам себя сократил и вернулся в родной город Лахольм, выполняя кое-какие отдельные поручения на расстоянии. В первые годы регулярно ездил в Стокгольм, но с годами число этих поездок свелось к минимуму.

Теперь уже персона Залаченко перестала его занимать. И так было до тех самых пор, пока он не проснулся однажды утром и не обнаружил на первых полосах всех газет сенсационную новость – дочь Залаченко обвинялась в убийстве трех человек.

Эти новостные сводки вызвали у Гульберга ощущения дискомфорта и растерянности. Он прекрасно понимал, что Бьюрман не случайно оказался опекуном Саландер, но не видел в этом непосредственной опасности: ему казалось, что старая история Залаченко не может снова всплыть на поверхность.

Саландер конечно, психически больна. То, что она устроила кровавую оргию, Гульберга не удивляло. Но ему даже не приходило в голову, что это может быть связано с Залаченко, пока он не включил утренние новости и не услышал о событиях в Госсеберге. Тогда-то и начал звонить на свою бывшую службу и в конце концов купил билет в Стокгольм.

«Секция» оказалась на пороге самого опасного кризиса – с тех самых пор, как он ее создал. Все грозило рухнут, как карточный домик.

Залаченко теперь мог сам добираться до туалета – после того, как больница снабдила его костылями, он научился перемещаться без посторонней помощи. Воскресенье и понедельник он посвятил тренировкам. У него по-прежнему адски болела челюсть, и он мог есть

только жидкую пищу, но теперь уже начал вставать и передвигаться на короткие расстояния.

Почти пятнадцать лет жизни Залаченко привыкал к протезам и костылям. Передвигаясь по палате, он осваивал искусство перемещаться беззвучно. Но каждый раз, когда его правая ступня касалась пола, ногу пронзала резкая боль.

Вспомнив, что Лисбет Саландер лежит в одной из соседних палат, в непосредственной близости от него, Залаченко стиснул зубы. Он потратил целый день на то, чтобы разузнать: она находится через две двери направо.

Около двух часов ночи, через десять минут после последнего визита ночной сестры, наступила полная тишина. Залаченко с трудом поднялся и нащупал костыли. Приблизился к двери, прислушался, но ничего не услышал. Тогда он открыл дверь и выполз в коридор. Из комнаты медсестер доносилась тихая музыка. Залаченко добрался до двери в конце коридора, открыл ее и изучил лестничную клетку. Там имелись лифты. Он двинулся обратно по коридору. Проходя мимо палаты Лисбет Саландер, остановился, оперся на костыли и с полминуты поотдыхал.

Как раз в эту ночь медсестры закрыли дверь в ее палату.

Лисбет услышала в коридоре слабые шаркающие звуки и насторожилась. Она так и не смогла установить источник звука. Ей казалось, что по коридору что-то осторожно тащат. На мгновение все стихло, и Лисбет подумала, уж не почудилось ли ей, но через полторы минуты звуки послышались снова. Теперь звуки удалялись, но ощущение тревоги усилилось.

Где-то снаружи находится Залаченко.

Лисбет Саландер чувствовала себя зафиксированной на постели. Шея под гипсовым воротником чесалась. У нее возникло острое желание встать. Постепенно ей удалось сесть, но на большее сил не хватало. Она опустилась обратно и положила голову на подушку.

Через некоторое время Лисбет ощупала воротник и обнаружила скреплявшие его кнопки, а потом расстегнула и швырнула его на пол. Ей сразу стало легче дышать.

Ей не помешало бы какое-нибудь оружие. Или хотя бы у нее появились силы, тогда она смогла бы подняться и покончить с ним – раз и навсегда.

Лисбет приподнялась на локте, зажгла ночник и огляделась. Ничего такого, что могло бы сыграть роль оружия, здесь не имелось. Потом ее взгляд упал на стол медсестры, стоявший возле стены, в трех метрах от ее кровати, и она заметила, что кто-то забыл там карандаш.

Лисбет подождала, пока ночная сестра совершит очередной обход, – сейчас к ней, похоже, заходят примерно каждые полчаса. Она предположила: очевидно, врачи считают, что ее состояние улучшается по сравнению с выходными, когда к ней заходили каждые пятнадцать минут или даже чаще. Сама Лисбет особой разницы не ощущала.

Снова оставшись одна, она напряглась, села и свесила ноги с кровати. К ее телу были прикреплены электроды, которые регистрировали пульс и дыхание, а кабели вели в ту же сторону, где лежал карандаш. Лисбет осторожно встала и вдруг покачнулась, полностью утратив равновесие. На секунду ей показалось, что она сейчас упадет в обморок, но Саландер оперлась о кровать и сфокусировала взгляд на столе перед собой, затем шаткой походкой дошла до места, протянула руку и схватила карандаш. Потом, пятясь, вернулась на кровать, и силы совершенно покинули ее.

Только через некоторое время она смогла вновь натянуть на себя одеяло.

Подняв карандаш, Лисбет пощупала кончик. Это был самый обычный карандаш из дерева, но свежезаточенный и острый, как шило. Вполне может сойти за колющее оружие, если ударить им в лицо или в глаз.

Она положила карандаш возле бедра, так, чтобы дотянуться до него в случае чего, и провалилась в сон.

Глава 6

Понедельник, 11 апреля

В понедельник Микаэль Блумквист встал утром в начале десятого и позвонил Малин Эрикссон, которая только-только заходила в редакцию «Миллениума».

– Привет, шеф-редактор, – сказал он.

– Я просто в шоке от того, что Эрики нет и что меня решили назначить новым главным редактором.

– Вот как?

– Она ушла. Ее письменный стол пуст.

– Тогда тебе, вероятно, придется потратить этот день на то, чтобы перебраться в ее кабинет.

– Я даже не знаю, что мне делать. Чувствую себя очень дискомфортно.

– Успокойся. Все решили, что в данной ситуации ты – лучший вариант. Да и вообще, ты в любой момент можешь обращаться ко мне и к Кристеру.

– Спасибо за доверие.

– Хорошо, – сказал Микаэль. – Работай как обычно. В ближайшее время мы будем решать проблемы по мере их появления.

– О’кей. Чем я могу тебе помочь?

Блумквист объяснил, что собирается остаться дома и весь день писать. До Малин вдруг дошло, что он докладывает ей так же, как, вероятно, докладывал Эрике Бергер о том, чем занимается. Ждет ли он каких-то комментариев с ее стороны. Или нет?

– У тебя есть для нас какие-нибудь поручения? – спросила она.

– Нет. Наоборот, если у тебя появятся поручения ко мне, звони. Я по-прежнему слежу за делом Саландер и решаю, что делать дальше, а все остальное, что касается журнала, – на твоей ответственности. Принимай решения. Я тебя поддержу.

– А если я буду принимать ошибочные решения?

– Если я увижу это или услышу, то скажу тебе. Но такое может произойти только в каком-то исключительном случае. В стандартной же ситуации ни одно решение не бывает на сто процентов правильным или ошибочным. Ты будешь принимать свои решения, скорее всего, не такие, какие приняла бы Эрика Бергер. А я в свою очередь принимал бы другие решения, и получился бы третий вариант. Но сейчас наступило время твоих решений.

– О’кей.

– Если хочешь стать дельным шефом, советуйся с другими. В первую очередь с Хенри и Кристером, потом со мной, и, наконец, самые сложные вопросы мы будем решать коллегиально на редакционных летучках.

– Я буду стараться.

– Ну и отлично.

Микаэль уселся на диване в гостиной с ноутбуком на коленях и проработал почти без перерывов весь понедельник. В итоге у него получился первый черновой вариант двух текстов, общим объемом в двадцать одну страницу. Эта часть материала была сфокусирована на убийстве их коллеги Дага Свенссона и его подруги Миа Бергман: он писал о том, над чем они работали, почему их убили и кто совершил эти убийства. Микаэль подсчитал, что для летнего тематического номера ему придется написать еще приблизительно сорок страниц. Теперь он размышлял над тем, как описать судьбу Лисбет Саландер, не нарушив ее права на неприкосновенность частной жизни. Блумквист ведь знал о ней такие секреты, которыми она ни в коем случае не хотела бы ни с кем делиться.

В понедельник Эверт Гульберг позавтракал в кафе «Фрейс» при гостинице. Он съел один тост и выпил чашку черного кофе. А потом взял такси и поехал на улицу Артиллеригатан, расположенную в районе Эстермальм. В 09.15 утра он позвонил в домофон, назвал свое имя, и ему тут же открыли. Гульберг поднялся на шестой этаж, где его прямо у лифта встретил пятидесятичетырехлетний Биргер Ваденшё – новый руководитель «Секции».

Когда Гульберг уходил на пенсию, Ваденшё был одним из самых молодых сотрудников «Секции». Так что Эверт даже не успел составить себе представление о нем.

Он предпочел бы по-прежнему видеть на этом месте дееспособного и решительного Фредрика Клинтона. Клинтон в свое время сменил Гульберга и возглавлял «Секцию» до 2002 года, когда диабет и болезни сосудов вынудили его выйти на пенсию. А что из себя представляет Ваденшё, Гульберг пока толком так и не понял.

– Привет, Эверт, – сказал Ваденшё, пожимая руку своему бывшему начальнику. – Хорошо, что вы нашли время приехать.

– Время – это почти единственное, в чем я не испытываю нехватки, – ответил Гульберг.

– Вы ведь знаете, нам не всегда удается поддерживать тесные

контакты с бывшими сослуживцами.

Проигнорировав эту реплику, Эверт Гульберг повернул налево, вошел в свой прежний кабинет и сел за круглый стол для переговоров, стоявший у окна. Вероятно, репродукции Шагала и Мондриана на стенах развесил Валеншё, решил он. В его время тут висели чертежи знаменитых кораблей, таких как «Крунан» и «Васа»[27]. В душе он был морским офицером и всегда мечтал о море, хоть и провел на нем всего несколько месяцев во время воинской службы. В целом комната выглядела почти точно так же, как и в момент его ухода на пенсию. О том, что с тех пор прошло немало времени, свидетельствовали только появившиеся в кабинете компьютеры.

Валеншё принес кофе.

– Остальные сейчас подойдут, – сказал он. – Я подумал, что нам следует сначала переговорить вдвоем.

– Сколько человек осталось в «Секции» с моих времен?

– Кроме меня, здесь, в офисе работают только Отто Хальберг и Георг Нюстрём. Хальберг в этом году выходит на пенсию, а Нюстрёму исполняется шестьдесят. Все остальные новые. Кое с кем из них вы уже раньше встречались.

– Сколько всего человек сейчас работает в «Секции»?

– Мы провели небольшую реструктуризацию.

– Вот как?

– На сегодня у нас здесь на полных ставках работает семь человек. Мы сократили штатное расписание. Но всего внутри ГПУ/Без в «Секции» насчитывается тридцать один человек. Большинство из них сюда вообще не заглядывает, а занимается своим обычным делом и негласно собирает для нас материал.

– Тридцать один сотрудник.

– Плюс семь. Ведь эта система создавалась вами. Мы лишь слегка ее подкорректировали, так что сегодня уместно говорить о внутренней и внешней структуре. Когда мы набираем новые кадры, их на некоторый период освобождают от службы, и они проходят у нас обучение. Этим занимается Хальберг. Базовое обучение занимает шесть недель. Мы проводим его в военно-морской школе. Потом они возвращаются обратно на свои должности в ГПУ/Без, но теперь уже находятся на службе у нас.

– Ясно.

– Вообще-то эта система зарекомендовала себя позитивно. Большинство сотрудников даже не имеют понятия о существовании друг друга. А здесь, в «Секции», мы в основном принимаем рапорты. Правила с ваших времен фактически не изменились. Организация должна иметь

горизонтальную структуру.

– А как обстоят дела с оперативной группой?

Ваденшё нахмурил брови.

Во времена Гульберга в «Секции» имелась маленькая оперативная группа, состоявшая из четырех человек, под командованием опытного инструктора Ханса фон Роттингера.

– Никак. Ведь Роттингер умер пять лет назад. У нас имеется молодой многообещающий сотрудник, который выполняет часть технической и оперативной работы, но обычно мы при необходимости ангажируем кого-нибудь из внешней организации. К тому же организовать прослушивание телефона или войти в квартиру теперь стало технически сложнее. Повсюду есть сигнализация и всякие другие прибамбасы…

Гульберг кивнул.

– А бюджет? – спросил он.

– Мы распоряжаемся примерно одиннадцатью миллионами в год. Треть идет на зарплаты, треть – на техническое обслуживание и треть – на оперативную деятельность.

– Значит, бюджет уменьшился?

– Немного. Правда, у нас сократился штат, то есть бюджет в пересчете на каждого сотрудника на самом деле увеличился.

– Понимаю. А в каких отношениях мы сейчас пребываем с Безом?

Ваденшё покачал головой.

– Шеф канцелярии и финансовый директор – свои люди. Формально только шеф канцелярии в курсе, чем мы занимаемся. Мы настолько засекречены, что нас просто не существует. Но на самом деле о нашем существовании знают еще несколько заместителей начальников. Которые всячески делают вид, что они не в курсе.

– Ясно. Следовательно, если возникнут проблемы, то для нынешнего руководства Службы безопасности это станет негативным сюрпризом. А как обстоят дела с руководством Министерства обороны и правительством?

– От Министерства обороны мы отгородились лет десять назад. А правительства сменяют друг друга.

– Значит, если начнется шторм, мы останемся в полном одиночестве?

Ваденшё кивнул.

– Это минус подобного менеджмента. Но очевидны и плюсы. Ведь наши задачи тоже изменились. После распада Советского Союза в Европе сложилась новая геополитическая ситуация. Нам все реже приходится охотиться за шпионами. Сейчас самое приоритетное направление нашей деятельности – терроризм. Но не менее важна оценка политической

ориентации людей, занимающих ключевые посты.

– Это всегда было важно.

В дверь постучали. Гульберг увидел респектабельно одетого мужчину лет шестидесяти и молодого человека в джинсах и пиджаке.

– Привет, ребята. Это Юнас Сандберг. Он проработал у нас четыре года и отвечает за оперативные дела. Я о нем рассказывал. А это Георг Нюстрём. Вы с ним встречались.

– Здравствуй, Георг, – сказал Гульберг.

Они пожали друг другу руки. Потом Гульберг обратился к Юнасу Сандбергу и спросил, разглядывая его:

– А ты откуда?

– Сейчас прямо из Гётеборга, – шутливо ответил Сандберг. – Я навещал его.

– Залаченко… – произнес Гульберг.

Сандберг кивнул.

– Присаживайтесь, господа, – сказал Ваденшё.

– А Бьёрк? – нахмурившись, поинтересовался Гульберг.

Ваденшё закурил сигариллу. Эверт снял пиджак и откинулся на спинку кресла за столом для совещаний.

Ваденшё взглянул на старца и удивился, до чего же тот исхудал.

– Его задержали в пятницу за нарушение закона о борьбе с проституцией, – ответил Георг Нюстрём. – Дело пока не возбудили, но он, в принципе, признал свою вину и уполз домой, поджав хвост. Сейчас живет в Смодаларё, в данный момент находится на больничном. В СМИ еще ничего не просочилось.

– Когда-то Бьёрк был одним из ведущих сотрудников «Секции», – сказал Гульберг. – Он играл ключевую роль в деле Залаченко… Что с ним случилось после того, как я ушел на пенсию?

– Он – один из очень немногих сотрудников, кто перешел из «Секции» обратно на внешнюю работу. Он ведь вылетал из гнезда и в ваше время.

– Да, тогда ему потребовался небольшой отдых, хотелось расширить кругозор. В восьмидесятых годах Бьёрк брал отпуск, уволился из «Секции» и работал военным атташе. До этого, начиная с семьдесят шестого года, работал с Залаченко дни и ночи напролет, и я решил, что ему действительно необходим тайм-аут. Он отсутствовал с восемьдесят пятого по восемьдесят седьмой год, а потом вернулся обратно.

– Можно сказать, что Бьёрк проработал в «Секции» до девяносто четвертого года, а потом перешел во внешнюю организацию. В девяносто

шестом году его назначили заместителем начальника отдела по работе с иностранцами. Ему приходилось уделять очень много времени своим непосредственным обязанностям. Разумеется, он все время поддерживал контакты с «Секцией», и до самого последнего времени мы с ним регулярно общались – примерно раз в месяц.

– Значит, он болен?

– У него ничего особенно серьезного, просто сильные боли – грыжа межпозвоночного диска. В последние годы она его периодически беспокоит. Два года назад Бьёрк пробыл на больничном четыре месяца, а в прошлом году в августе снова слег. Он должен был приступить к работе первого января, но ему продлили больничный, и теперь он ждет операции.

– А больничный позволяет ему бегать по шлюхам, – прокомментировал Гульберг.

– Да, он ведь не женат и, если я правильно понял, в течение многих лет регулярно общался с проститутками, – сказал Юнас Сандберг, который до этого молчал почти полчаса. – Я читал рукопись Дага Свенссона.

– Ясно. И все же кто-нибудь может объяснить мне, что, собственно, произошло?

– Насколько мы понимаем, по всей видимости, всю эту карусель затеял именно Бьёрк. Иначе просто невозможно объяснить, как материалы расследования девяносто первого года попали в руки к адвокату Бьюрману.

– Который тоже проводил время, бегая по шлюхам? – поинтересовался Гульберг.

– Насколько мне известно, нет. Во всяком случае, в материале Дага Свенссона он не упоминается. Зато он являлся опекуном Лисбет Саландер.

Ваденшё вздохнул.

– Вероятно, это мой прокол. Ведь вы с Бьёрком нейтрализовали Саландер в девяносто первом году, отправив ее в психушку. Мы рассчитывали, что она пробудет там значительно дольше, но ей назначили наставника, адвоката Хольгера Пальмгрена, которому удалось ее оттуда вытащить. Он поместил ее в приемную семью. Вы к тому времени уже были на пенсии.

– А что случилось потом?

– Мы за нею следили. Ее сестра, Камилла Саландер, тем временем жила в другой приемной семье, в Уппсале. Когда им исполнилось по семнадцать лет, Лисбет Саландер вдруг углубилась в свое прошлое. Она начала разыскивать Залаченко и изучать все доступные ей официальные регистры. Каким-то образом – мы точно не знаем – ей удалось узнать, что сестре известно, где находится Залаченко.

– Но каким образом?

Ваденшё пожал плечами.

– Если честно, не имею понятия. Сестры несколько лет вообще не встречались, а потом Лисбет Саландер отыскала Камиллу и пыталась выудить из нее все, что той известно. Их встреча закончилась бурной ссорой и даже потасовкой.

– Вот как?

– В те месяцы мы внимательно следили за Лисбет. Мы также известили Камиллу о том, что ее сестра агрессивна и психически больна. Она-то и связалась с нами после внезапного визита Лисбет, и мы активизировали слежку.

– Значит, ее сестра была твоим информатором?

– Камилла Саландер смертельно боялась своей сестры. В любом случае, Лисбет привлекла к себе внимание и по другим эпизодам. Она неоднократно конфликтовала с сотрудниками социальной комиссии, и мы пришли к заключению, что она по-прежнему представляет угрозу разоблачения Залаченко. Потом произошел тот инцидент в метро…

– Она напала на педофила…

– Вот именно. Она проявляла склонность к агрессии, у нее наблюдались явные психические отклонения. Мы посчитали, что всем будет спокойнее, если снова спрятать ее в каком-нибудь интернате, и решили воспользоваться случаем. Этим занялись Фредрик Клинтон и фон Роттингер. Они снова призвали Петера Телеборьяна и затеяли через него процесс в суде, добиваясь того, чтобы снова поместить ее в закрытую лечебницу. Адвокатом Саландер назначили Хольгера Пальмгрена, и, вопреки всем прогнозам, суд встал на его сторону. С той лишь оговоркой, что ей назначат опекуна.

– Но Бьюрман-то каким образом оказался причастен к этому делу?

– Осенью две тысячи второго года Пальмгрена разбил инсульт. Мы по-прежнему следили за Саландер и вмешивались, если ее имя снова всплывало. Я проследил за тем, чтобы ее опекуном назначили Бьюрмана. Заметьте: он понятия не имел о том, что она – дочь Залаченко. Расчет был прост – если она начнет болтать об отце, Бьюрман среагирует и поднимет тревогу.

– Бьюрман полный идиот. Его ни за что нельзя было подпускать к Залаченко и тем более к его дочери. – Гульберг посмотрел на Ваденшё. – Это серьезный просчет.

– Знаю, – сказал тот. – Но тогда это казалось правильным ходом, я ведь не мог предположить, что…

– Где сейчас находится ее сестра? Камилла Саландер?

– Мы не знаем. Когда ей исполнилось девятнадцать, она собрала вещи и покинула приемную семью. С тех пор о ней не было слышно ни звука. Она просто исчезла.

– О’кей, продолжай…

– У меня есть источник в полиции, который беседовал с прокурором Рикардом Экстрёмом, – сказал Сандберг. – Инспектор Бублански, который ведет расследование, полагает, что Бьюрман насиловал Саландер.

Гульберг взглянул на Сандберга с искренним изумлением, потом задумчиво провел рукой по подбородку.

– Насиловал? – переспросил он.

– У Бьюрмана на животе обнаружена татуировка с текстом: «Я садист, свинья, подонок и насильник».

Сандберг положил на стол цветную фотографию, сделанную на вскрытии. Гульберг, широко раскрыв глаза, уставился на живот Бьюрмана.

– Значит, это дело рук дочери Залаченко?

– Скорее всего. Она вовсе не так уж безобидна. Ей удалось как следует поколотить двоих хулиганов из мотоклуба «Свавельшё МК».

– Дочь Залаченко, – повторил Гульберг и снова повернулся к Ваденшё. – Знаешь, я думаю, тебе стоит нанять ее на работу.

Ваденшё настолько опешил, что Гульбергу пришлось объяснить: он пошутил.

– О’кей. Давайте примем за рабочую гипотезу, что Бьюрман ее насиловал и она ему отомстила. Что еще?

– Объяснить, что именно произошло, мог бы, разумеется, только сам Бьюрман. Но побеседовать с ним затруднительно, поскольку он мертв. Он не должен был знать, что она дочь Залаченко – ни в одном официальном регистре это не отражено. И все же на каком-то этапе Бьюрман обнаружил связь между ними.

– Черт подери, Ваденшё, она ведь знала, кто ее отец, и могла в любую минуту рассказать об этом Бьюрману!

– Я знаю. Мы… Я просто-напросто свалял дурака.

– Непростительная некомпетентность, – сказал Гульберг.

– Знаю. Я уже много раз сожалел об этом. Но Бьюрман был одним из немногих, кто вообще знал о существовании Залаченко, и я тогда подумал, что уж лучше пусть он обнаружит, что Саландер – дочь Залаченко, чем если это станет известно совершенно неизвестному опекуну. Она ведь, в принципе, могла рассказать об этом кому угодно.

Гульберг дернул себя за ухо.

– Ладно… продолжайте.

– Конечно, мы лишь выдвигаем гипотезы, – кротко сказал Георг Нюстрём. – Но мы пришли к выводу, что Бьюрман надругался над Саландер, а она ответила ему… – Он показал на татуировку на фотографии со вскрытия.

– Она настоящая дочь своего отца, – произнес Гульберг с оттенком восхищения в голосе.

– В результате Бьюрман связался с Залаченко, чтобы тот разобрался со своей дочерью. Ведь у него, как известно, имелось больше причин ненавидеть Лисбет Саландер, чем у кого-либо другого. А Залаченко, в свою очередь, перепоручил дело ребятам из «Свавельшё МК» и этому Нидерману, с которым он общается.

– Но как Бьюрману удалось…

Гульберг умолк.

Ответ был очевиден.

– Бьёрк, – сказал Ваденшё. – Единственное объяснение тому, как Бьюрман мог найти Залаченко: информацией его снабдил Бьёрк.

– Черт возьми, – возмутился Гульберг.

Лисбет Саландер испытывала раздражение и тревогу. Утром у нее появились две медсестры, чтобы перестелить ей постель. Они сразу обнаружили карандаш.

– Надо же! Каким образом он тут оказался? – воскликнула одна из сестер и под разящим взглядом Лисбет сунула находку к себе в карман.

Она вновь оказалась безоружной и к тому же настолько беспомощной, что даже не могла протестовать.

В выходные Лисбет чувствовала себя очень плохо. У нее страшно болела голова, и ей давали болеутоляющие средства. В плече Саландер ощущала тупую боль, которая резко обострялась, если она делала неосторожное движение или меняла положение тела. Молодая женщина лежала на спине, все с тем же фиксирующим воротником вокруг шеи – его оставили еще на несколько дней, пока рана в голове не начнет заживать. В воскресенье у нее поднялась температура до 38,7. Доктор Хелена Эндрин заметила на это, что инфекция все еще бродит по ее организму. Иными словами, Лисбет еще не выздоровела, и это было ясно и без термометра.

Надо же – она опять прикована к постели в казенном заведении… правда, на этот раз без фиксирующих ремней. Ремни в этот раз даже и не потребовались бы – Лисбет не могла даже сесть, не то что сбежать.

В понедельник днем ее навестил доктор Андерс Юнассон, и его лицо

показалось ей знакомым.

– Привет! Вы меня помните?

Лисбет покачала головой.

– Вы были почти в бессознательном состоянии, но я разбудил вас после операции. Я же вас и прооперировал. Мне просто хочется узнать, как вы себя чувствуете и всё ли в порядке.

Саландер посмотрела на него с удивлением. Неужели не очевидно, что всё далеко не в порядке?

– Я слышал, что вы ночью сняли с себя воротник.

Она кивнула.

– Мы вам надели воротник не ради забавы, а чтобы вы не двигали головой, пока не начнется процесс заживления.

Врач внимательно смотрел на неразговорчивую девушку.

– Что ж, – сказал он под конец. – Я только хотел на вас взглянуть.

Уже подойдя к двери, он услышал ее голос.

– Юнассон, правильно?

Он обернулся и с удивлением улыбнулся ей.

– Все верно. Ну раз уж вы запомнили мое имя, стало быть, вы намного бодрее, чем я думал.

– Так это вы извлекали из меня пулю?

– Именно я.

– А вы не могли бы рассказать мне, как обстоят мои дела? Я ни от кого не могу добиться внятного ответа.

Врач вернулся к кровати и посмотрел ей в глаза.

– Вам повезло. Вам стреляли в голову, но, к счастью, пуля не задела ни одну жизненно важную область. Сейчас еще сохраняется риск кровоизлияния в мозг, поэтому нельзя, чтобы вы двигались. У вас в организме засела инфекция; похоже, она проникла через рану на плече. Если нам не удастся подавить инфекцию антибиотиками, возможно, придется вас снова оперировать. Процесс заживления ран будет болезненным. Но, судя по моим наблюдениям, есть все основания надеяться, что вы полностью поправитесь.

– У меня могут образоваться какие-то мозговые нарушения?

Юнассон сделал паузу, а потом кивнул.

– Да, такой риск имеется. Однако все признаки указывают на то, что все будет хорошо. Кроме того, существует возможность, что у вас в мозге образуются рубцы, которые могут создать проблемы – например, в виде эпилепсии или какой-нибудь другой напасти. Но, честно говоря, это из области теории. На сегодня все выглядит хорошо, вы поправляетесь. Если

же в процессе излечения возникнут проблемы, тогда нам придется с ними разбираться. Я ответил достаточно ясно?

Она кивнула.

– Сколько времени мне придется так пролежать?

– Вы имеете в виду – в больнице? Пройдет, во всяком случае, недели две, прежде чем мы вас выпустим.

– Нет, я имею в виду – через какое время я смогу вставать, ходить и передвигаться?

– Не знаю. Это будет зависеть от того, как пойдет процесс заживления ран. Но мы сможем приступить к какой-либо форме физиотерапии не раньше, чем через две недели.

Лисбет долго и серьезно смотрела на него.

– У вас, случайно, нет сигареты? – спросила она.

Андерс Юнассон засмеялся и помотал головой.

– Сожалею. Курить здесь запрещено. Но я могу попросить, чтобы вам дали никотиновый пластырь или никотиновую жевательную резинку.

Она немного подумала и кивнула, потом снова посмотрела на него.

– Как дела у старого подлеца?

– С кем? Вы имеете в виду…

– С тем, кто поступил одновременно со мной.

– Похоже, вы с ним не дружите… Да ничего. Опасности для жизни нет, он вообще-то уже разгуливает на костылях. Чисто физически ему досталось сильнее, чем вам, и у него очень болезненная травма лица. Если я правильно понял, вы огрели его топором по голове…

– Он пытался меня убить, – сказала Саландер почти шепотом.

– Звучит зловеще. Мне пора идти. Хотите, чтобы я еще пришел вас навестить?

Лисбет немного подумала, потом кратко кивнула. Когда за ним закрылась дверь, она задумчиво уставилась в потолок. Залаченко дали костыли. Теперь ей стало ясно – вот какие звуки она слышала ночью.

Юнаса Сандберга, как самого молодого, послали организовывать ланч. Он вернулся с суши и легким пивом и начал выставлять еду на стол для совещаний. Эверт Гульберг ощутил даже приступ ностальгии – он вспомнил прежние времена, когда все происходило так же, если какая-нибудь операция вступала в критическую фазу и работа не прерывалась круглые сутки.

Разница, которую он отметил, заключалась, пожалуй, лишь в том, что в его время никому бы и в голову не пришла нелепая идея заказывать на ланч

сырую рыбу. Он предпочел бы, чтобы Сандберг принес фрикадельки с пюре и брусничным соусом. Еще повезло, что он не успел как следует проголодаться, потому смог с легкостью отставить суши в сторону и съесть кусочек хлеба и запить минеральной водой.

Они продолжали дискуссию и за обедом. Но теперь уже следовало подвести итоги и решить, какие требуется принимать меры. Затягивать с принятием решений непозволительно.

– Я совсем не знал Залаченко, – сказал Ваденшё. – Каким он был тогда?

– Боюсь, что он ничуть не изменился, – ответил Гульберг. – Пройдоха, с почти фотографической памятью на детали. Но, по-моему, он просто настоящая скотина и, пожалуй, не вполне адекватен.

– Юнас, ведь ты вчера с ним встречался. Какое у тебя сложилось впечатление? – спросил Ваденшё.

Сандберг отставил еду.

– Он все держит под контролем. Я уже рассказывал, что он выдвинул нам ультиматум: либо мы должны явить чудо и отмазать его, либо он сдаст «Секцию» со всеми потрохами.

– Он, что, совсем спятил? Как мы можем замять то, что уже стало добычей прессы? – поинтересовался Георг Нюстрём.

– А ему наплевать, что в наших силах, а что нет. Он просто шантажирует нас, – сказал Гульберг.

– Как вы оцениваете ситуацию? Он приведет свою угрозу в исполнение? Он действительно расскажет все СМИ? – спросил Ваденшё.

– Это почти невозможно предсказать, – неторопливо проговорил Гульберг. – Залаченко не бросается пустыми угрозами; он поступит так, как ему будет выгоднее. В этом отношении он вполне предсказуем. Если сможет извлечь пользу из контактов со СМИ… чтобы добиться амнистии или смягчения наказания, он на это пойдет. Или если почувствует, что его предали, и захочет отомстить.

– Невзирая на последствия?

– Вот именно, невзирая на последствия. Ему важно доказать, что он сильнее нас.

– Но ведь даже если Залаченко заговорит, еще не факт, что ему поверят. Чтобы сопоставить факты, им придется свериться с нашими архивами. А этого адреса он не знает.

– Ты хотел бы рискнуть? Предположим, что Залаченко заговорит. А кто заговорит следом за ним? И что нам делать, если его слова подтвердит Бьёрк? А еще есть Клинтон, который прикован к диализному аппарату…

Что произойдет, если он станет религиозным фанатиком и ополчится на всех и вся? А что, если ему захочется покаяться в грехах? Уж поверь мне, если кто-нибудь заговорит, то «Секции» конец.

– Но… Что же нам делать?

Все умолкли. Первым нарушил молчание Гульберг.

– Проблему нужно разъять на несколько частей. Во-первых, мы должны прикинуть, каковы будут последствия, если Залаченко заговорит. На наши головы обрушится вся проклятая конституционная Швеция. Нас уничтожат. Я думаю, многих служащих «Секции» ждет тюрьма.

– Но, с правовой точки зрения, наша деятельность легальна, мы ведь работаем по поручению правительства.

– Не болтай чепухи, – сказал Гульберг. – Ты и сам не хуже меня знаешь, что туманно сформулированная бумага, написанная в середине шестидесятых годов, сегодня ничего не стоит. Думаю, никому из нас не хотелось бы на своей шкуре проверить, что произойдет, если Залаченко заговорит.

Все снова умолкли.

– Стало быть, мы должны исходить из того, что необходимо заставить Залаченко замолчать, – подытожил Георг Нюстрём.

Гульберг кивнул.

– А для того, чтобы заставить его заткнуться, мы должны его подкупить, предложив ему нечто существенное. Но в том-то и дело, что он непредсказуем. Он с таким же успехом может «спалить» нас просто так, из вредности. Надо подумать, как мы можем его остановить.

– А он требует, чтобы мы помогли замять его дело и отправили Лисбет Саландер в психушку, – напомнил Юнас Сандберг.

– Ну, уж с Саландер мы как-нибудь справимся. Угрозу представляет сам Залаченко. И потом нам предстоит решить вторую часть проблемы – как ограничить масштабы потенциального ущерба. Заключение, составленное Телеборьяном в девяносто первом году, стало достоянием гласности и потенциально таит в себе не меньшую угрозу, чем Залаченко.

Георг Нюстрём кашлянул.

– Как только мы обнаружили, что заключение обнаружилось и попало в полицию, я принял меры. Я велел нашему юристу Форелиусу связаться с генеральным прокурором. Тот потребовал, чтобы у полиции отобрали все экземпляры заключения, и запретил распространять или копировать его.

– Что известно генеральному прокурору? – спросил Гульберг.

– Вообще ничего. Он действует по официальному запросу ГПУ/Без, ведь речь идет о засекреченном материале, и у генерального прокурора нет

выбора. Он просто не может действовать иначе.

– Хорошо. А кто прочитал этот отчет в полиции?

– У них имелись две копии, которые прочли Бублански, его коллега Соня Мудиг и наконец, руководитель предварительного следствия Рикард Экстрём. Мы, пожалуй, можем исходить из того, что еще двое полицейских… – Нюстрём полистал свои записи, – некие Курт Свенссон и Йеркер Хольмберг, по крайней мере, знакомы с содержанием документа.

– Значит, четверо полицейских и прокурор… Что нам о них известно?

– Прокурор Экстрём, сорок два года. Считается восходящей звездой. Работал следователем в Министерстве юстиции, занимался несколькими резонансными делами. Старательный. Сосредоточен на пиаре. Карьерист.

– Социал-демократ? – спросил Гульберг.

– Вероятно. Но не слишком активный.

– А расследованием, значит, руководит Бублански… Я видел его по телевизору на пресс-конференции. Похоже, он не любит выступать перед камерами.

– Ему пятьдесят два года, и у него очень внушительный послужной список. Но он имеет репутацию строптивого и упрямого человека. Он еврей, и довольно ортодоксальный.

– А эта женщина… Кто она такая?

– Соня Мудиг. Замужем, тридцать девять лет, имеет двоих детей. Сделала стремительную карьеру. Петер Телеборьян считает ее чересчур эмоциональной. Она все время во всем сомневается, все переспрашивает, все перепроверяет.

– О’кей.

– Курт Свенссон – мачо. Тридцать восемь лет. Изначально работал в отделе по борьбе с организованной преступностью в Сёдерурте и прославился пару лет назад, застрелив хулигана. Был оправдан по всем пунктам обвинения. Кстати, именно его Бублански посылал арестовывать Гуннара Бьёрка.

– Понятно. Случай с убийством нам следует записать в актив. Если потребуется поставить под сомнение действия команды Бублански, мы всегда сможем зацепиться за этого Свенссона как за профессионально непригодного полицейского. Полагаю, у нас сохранились соответствующие контакты в СМИ… А последний парень?

– Йеркер Хольмберг, пятьдесят пять лет, из Норрланда. На самом деле он следователь, специалист по обследованию места преступления. Пару лет назад ему предлагали пройти курсы, чтобы стать комиссаром, но он отказался. Его, похоже, вполне устраивает теперешняя работа.

– Кто-нибудь из них увлекается политикой?

– Нет. Отец Хольмберга в семидесятые годы был муниципальным советником от Партии центра.

– Ну и ну… Короче, группа состоит из весьма приличных парней. Можно предположить, что она достаточно сплоченная. Можем ли мы их как-нибудь изолировать?

– Есть еще и пятый полицейский, – сказал Нюстрём. – Ханс Фасте, сорок семь лет. Мне удалось узнать, что между Фасте и Бублански возникли серьезные разногласия – настолько серьезные, что Фасте взял больничный.

– Что нам о нем известно?

– Он вызывает неоднозначную реакцию. У него солидный послужной список и никаких серьезных нареканий в протоколе. Профессионал. Но с ним трудно иметь дело. Похоже, что он поссорился с Бублански из-за Лисбет Саландер.

– Как?

– Кажется, Фасте на полном серьезе воспринял историю о банде сатанисток-лесбиянок, о которой писали газеты. Он явно ненавидит Саландер и сам факт ее существования считает личным оскорблением. По всей видимости, именно он сфабриковал многие слухи. Я узнал от бывшего коллеги, что Фасте вообще с трудом работает вместе с женщинами.

– Любопытно, – сказал Гульберг и, немного поразмыслив, продолжил: – Поскольку газеты уже писали о банде лесбиянок, возможно, стоило бы развить эту линию. Симпатии к Саландер это, пожалуй, не прибавит.

– Но ведь полицейские, читавшие расследование Бьёрка, могут стать у нас на пути. Не могли бы мы их как-нибудь изолировать? – спросил Сандберг.

Ваденшё закурил новую сигариллу.

– Предварительное следствие возглавляет Экстрём…

– Однако самый главный там Бублански, – сказал Нюстрём.

– Да, но даже он не может нарушать административный протокол.

Ваденшё погрузился в размышления. А потом посмотрел на Гульберга.

– У вас больше опыта, чем у меня, но у всей этой истории столько нитей и ответвлений… По-моему, было бы уместно развести Бублански и Мудиг в одну сторону, а Саландер – в другую.

– Отлично, Ваденшё, – сказал Гульберг. – Мы так и сделаем. Бублански возглавляет расследование убийства Бьюрмана и той пары из Эншеде. Саландер в этой связи больше не актуальна. Теперь речь идет о

том немце, Нидермане. Значит, Бублански с его командой надо сосредоточиться на поисках Нидермана…

– О’кей.

– К Саландер они больше не имеют отношения. Кроме того, еще инициировано расследование событий в Нюкварне… Там ведь три старых убийства, которые, вроде бы, связаны с Нидерманом. Расследованием пока занимается группа из Сёдертелье, но эти два дела следует объединить. Значит, на некоторое время Бублански будет занят. Кто знает, может, ему и удастся схватить этого Нидермана…

– Не уверен.

– А этот Фасте… Можно ли вернуть его на работу? Кажется, ему можно поручить проверку подозрений в отношении Саландер.

– Я понимаю, что вы имеете в виду, – сказал Веденшё. – Следовательно, надо заставить Экстрёма развести эти два дела. Но сможем ли мы контролировать его?

– По идее, сможем, – ответил Гульберг, покосившись на Нюстрёма.

Тот кивнул:

– Об Экстрёме я позабочусь. Думаю, сейчас он просто мечтает забыть обо всем, что касается Залаченко. Он передал отчет Бьёрка по первому же требованию ГПУ/Без и уже заявил, что, разумеется, будет неукоснительно соблюдать все инструкции, связанные с государственной безопасностью.

– Что ты собираешься предпринять? – с подозрением спросил Ваденшё.

– Дайте мне разработать сценарий, – ответил Нюстрём. – Полагаю, мы просто-напросто деликатно объясним ему, как он должен действовать, если не хочет, чтобы его карьера резко оборвалась.

– Самую серьезную проблему представляет третья часть нашего пазла, – сказал Гульберг. – Ведь полиция обнаружила досье Бьёрка не собственноручно… Она получила его от какого-то журналиста. А СМИ, как вы все понимаете, в нашем случае – это проблема. Особенно «Миллениум».

Нюстрём открыл свой блокнот.

– Микаэль Блумквист, – произнес он.

Все присутствующие слышали о деле крупного афериста Ханса Эрика Веннерстрёма, и имя Микаэля Блумквиста было им знакомо.

– Даг Свенссон – журналист, которого убили, – работал в «Миллениуме». Он собирал материал о траффикинге и в результате вышел на Залаченко. Труп Свенссона обнаружил именно Микаэль Блумквист. Кроме того, он знаком с Лисбет Саландер и все время отстаивал тезис о ее

невиновности.

– Но откуда, черт возьми, он может знать дочь Залаченко? Это кажется слишком подозрительным совпадением.

– А мы и не считаем, что это случайность, – сказал Ваденшё. – Скорее всего Саландер является чем-то вроде связующего звена между всеми ними. Каким именно образом, нам пока неясно, но это единственное разумное предположение.

Гульберг молча начертил у себя в блокноте несколько концентрических окружностей, потом наконец поднял взгляд.

– Мне необходимо немного над этим поразмыслить. Пойду прогуляюсь. Встретимся снова через час.

Но прогулка заняла у Гульберга не час, как он обещал, а почти четыре часа. Он погулял десять минут, а потом нашел кафе, где подавали кофе самых экзотических типов, заказал чашку самого обычного черного кофе и уселся за угловой столик возле входа. Эверт напряженно размышлял, пытаясь распутать все узлы и время от времени что-то записывал в ежедневник.

Через полтора часа у него начал вырисовываться план.

План был так себе, но, перебирая всевозможные варианты, Гульберг пришел к выводу, что проблема требует принятия безотлагательных мер.

К счастью, есть человеческие ресурсы, и план вполне выполним.

Гульберг поднялся, нашел телефонную будку и позвонил Ваденшё.

– Нам придется еще ненадолго отложить встречу, – сообщил он. – Я должен еще кое-что сделать. Мы можем собраться в четырнадцать ноль-ноль?

Затем Гульберг дошел до площади Стуреплан и остановил такси. Вообще-то скромная пенсия государственного служащего не позволяла ему так роскошествовать, но, с другой стороны, он пребывал в том возрасте, когда уже не имело смысла копить деньги на какие-нибудь излишества. Гульберг назвал водителю адрес в районе Бромма.

Доехав через некоторое время до названного адреса, он пешком прошел квартал в сторону к югу и позвонил в дверь небольшого частного дома. Ему открыла женщина лет сорока.

– Добрый день. Мне нужен Фредрик Клинтон.

– А кто его спрашивает?

– Старый коллега.

Женщина кивнула и проводила его в гостиную, где с дивана с трудом поднимался Фредрик Клинтон. Ему было только шестьдесят восемь лет, но

выглядел он намного старше. Диабет и проблемы с сосудами постепенно разрушали организм.

– Гульберг, – удивленно произнес Клинтон.

Они довольно долго разглядывали друг друга, потом крепко обнялись.

– Я уже не думал, что когда-нибудь снова тебя увижу, – сказал Клинтон. – Наверняка, ты видел вот это.

И он показал на первую полосу вечерней газеты с фотографией Рональда Нидермана и заголовком «Убийцу полицейского ищут в Дании».

– Как ты себя чувствуешь? – поинтересовался Гульберг.

– Я болен.

– Вижу.

– Если мне не пересадят почку, я скоро умру. А вероятность получения новой почки крайне мала.

Гульберг кивнул.

Женщина подошла к дверям гостиной и спросила, не угостить ли Гульберга чем-нибудь.

– Кофе, пожалуйста, – ответил он, и когда она ушла, поинтересовался у Клинтона: – Кто эта женщина?

– Моя дочь.

Гульберг кивнул. Несмотря на тесное общение на протяжении долгих лет совместной работы в «Секции», в свободное время почти никто из коллег друг с другом не встречался. Гульберг в мельчайших подробностях знал черты характера своих сотрудников, их сильные и слабые стороны, но имел лишь смутное представление об их семьях. С Клинтоном он, пожалуй, общался самым тесным образом в течение двадцати лет. Гульберг знал, что Клинтон женат и что у него есть дети, однако имена дочери и бывшей жены или как Клинтон обычно проводит отпуск, ему известны не было. Словно все, что находилось за пределами «Секции», считалось закрытой темой и не обсуждалось.

– Зачем я тебе понадобился? – спросил Клинтон.

– Мне бы хотелось узнать, какого ты мнения о Ваденшё.

Бывший коллега покачал головой:

– Мне нет до него никакого дела.

– Я спрашиваю тебя потому, что ты знаешь его, он ведь проработал с тобою десять лет.

Клинтон вновь покачал головой:

– Сегодня «Секцией» руководит он. Мое мнение никому не интересно.

– Он справляется?

– Он не дурак.

– Но…

– Аналитик. Умеет составлять мозаику из отдельных элементов. Обладает интуицией. Непревзойденный администратор, у него всегда сходится бюджет, да так, как мы даже и не мечтали.

Гульберг кивнул. Но о самом существенном качестве Клинтон не упомянул.

– Ты готов вернуться на службу?

Клинтон посмотрел на Гульберга и долго колебался, прежде чем ответить.

– Эверт… Я через день провожу по десять часов при диализном аппарате в больнице. Поднимаясь по лестнице, я почти задыхаюсь. У меня нет сил. Совсем нет.

– Ты мне нужен. Последняя операция.

– Я не могу.

– Можешь. Ты сможешь через день проводить по десять часов на диализе. Ты сможешь не ходить по лестнице, а будешь ездить на лифте. А если потребуется, я устрою так, что тебя будут носить на руках – туда и обратно. Мне нужен твой интеллект.

Клинтон вздохнул.

– Ну ладно, колись, – сказал он.

– Мы столкнулись с чрезвычайно сложной ситуацией, которая требует оперативного вмешательства. Весь оперативный отдел Ваденшё состоит из юного сопливого щенка, Юнаса Сандберга, да и у самого Ваденшё, по-моему, нет точки опоры, которая нужна для того, чтобы что-то предпринять. Может, он и мастер показывать фокусы с бюджетом, но боится принимать оперативные решения и привлекать «Секцию» к конкретным задачам, без которых никак не обойтись.

Клинтон кивнул, потом улыбнулся.

– Операция должна вестись по двум разным фронтам. Одна ее часть касается Залаченко. Мне надо заставить его протрезветь и опомниться, и, думаю, я знаю, как мне следует действовать. Вторую часть работы придется выполнять здесь, в Стокгольме. Проблема в том, что в «Секции» нет никого, кто бы мог с этим справиться. Мне нужно, чтобы ты принял командование на себя. Это будет твой последний вклад. Я разработал план. Юнас Сандберг и Георг Нюстрём будут выполнять черную работу, а ты – руководить операцией.

– Ты не понимаешь, чего требуешь.

– Нет, я понимаю, чего требую. А соглашаться или нет, решать тебе. Но либо мы, старики, вносим свою лепту, либо через пару недель «Секция»

прекратит свое существование.

Клинтон оперся локтем о подлокотник дивана и опустил голову на ладонь, задумавшись минуты на две.

– Поделись, какой у тебя план, – сказал он под конец.

После этого Эверт Гульберг с Фредриком Клинтоном проговорили еще два часа.

Когда без трех минут два Гульберг вернулся, ведя за собой Фредрика Клинтона, Ваденшё не поверил своим глазам. Клинтон по виду напоминал скелет. Он переводил дыхание, опершись о плечо Гульберга, – казалось, что он ходит и дышит с трудом.

– Что происходит? – поинтересовался Ваденшё.

– Давайте продолжим совещание, – коротко сказал Гульберг.

Все вновь собрались за столом в кабинете Ваденшё.

Клинтон молча опустился в предложенное ему кресло.

– Все вы знаете Фредрика Клинтона, – начал Гульберг.

– Да, – ответил Ваденшё. – Вопрос в том, что он тут делает.

– Клинтон решил вернуться к активной работе. Он будет руководить оперативным отделом «Секции», пока мы не преодолеем нынешний кризис.

Гульберг поднял руку и отклонил протест Ваденшё еще до того, как тот успел его сформулировать.

– Клинтону тяжело. Ему потребуется помощь. Ему необходимо регулярно ложиться в клинику на диализ. Ваденшё, ты наймешь двух персональных ассистентов, которые будут оказывать ему любую практическую помощь. Но я хочу, чтобы вы твердо уяснили: все оперативные решения по этому делу будет принимать Клинтон.

Гульберг замолчал и подождал, но никто не рискнул возражать.

– У меня есть план. Думаю, что мы в силах справиться, но нам необходимо действовать безотлагательно, чтобы не упустить шансы, – продолжил он. – Кроме того, вопрос в том, насколько решителен нынешний состав «Секции».

Ваденшё воспринял реплику Гульберга как вызов.

– Расскажите.

– Во-первых, насчет полиции мы уже все обсудили. Поступим так, как запланировали. Постараемся нейтрализовать их, переориентируем дальнейшее расследование на побочную линию – поиски Нидермана. Этим займется Георг Нюстрём. Нам неважно, как сложится судьба Нидермана. Мы проследим за тем, чтобы Фасте поручили расследовать дело Саландер.

– Вероятно, это большого труда не составит, – сказал Нюстрём. – Я просто один на один побеседую с прокурором Экстрёмом.

– А если он заартачится…

– Не думаю. Он карьерист, и для него важнее всего собственная шкура. Но если возникнут осложнения, я, пожалуй, смогу найти какой-нибудь рычаг давления. Вряд ли ему захочется оказаться замешанным в скандал.

– Отлично. Теперь шаг номер два – это «Миллениум» и Микаэль Блумквист. Поэтому Клинтон и вернулся на службу, потому что требуются чрезвычайные меры.

– Я, наверное, не смог бы это одобрить, – сказал Ваденшё.

– Скорее всего, нет. Но манипулировать «Миллениумом» нам не удастся. Дело в том, что к ним попал в руки один-единственный документ – полицейский отчет Бьёрка от девяносто первого года. В данный момент, я полагаю, этот документ находится в двух, возможно, в трех местах. Отчет нашла Лисбет Саландер, но его каким-то образом заполучил Микаэль Блумквист. Это означает, что, пока Саландер была в бегах, она каким-то образом контактировала с Блумквистом.

Клинтон поднял палец и впервые заговорил после того, как пришел:

– Судя по этим фактам, мы можем составить впечатление о характере нашего противника. Блумквист не боится идти ва-банк. И дело Веннерстрёма – тому пример.

Гульберг кивнул.

– Блумквист передал отчет главному редактору Эрике Бергер, которая, в свою очередь, показала его Бублански. Значит, она тоже ознакомилась с документом. Предполагаю, что у Блумквиста есть копия, а еще одна имеется в редакции.

– Звучит убедительно, – согласился Ваденшё.

– «Миллениум» выходит раз в месяц, следовательно, их публикация появится не завтра. Значит, у нас есть время, однако необходимо заполучить обе эти копии. И тут мы не сможем действовать через генерального прокурора.

– Ясно.

– Значит, нам предстоит возобновить оперативную деятельность и организовать кражу со взломом у Блумквиста и в редакции «Миллениума». Ты справишься с этим, Юнас?

Юнас Сандберг покосился на Ваденшё.

– Эверт, ради бога, поймите нас… Мы такими вещами больше не занимаемся, – сказал тот. – Времена изменились, и теперь мы занимаемся взломом компьютеров, теленаблюдением и тому подобным. Для

оперативной деятельности у нас нет ресурсов.

Гульберг склонился над столом.

– Ваденшё! Значит, тебе придется немедленно раздобыть ресурсы для оперативной деятельности. Найми людей со стороны. Найми головорезов из югославской мафии, которые, если потребуется, дадут Блумквисту по башке. Но эти две копии необходимо изъять. Если отнять у них копии, без документов они ничего не смогут доказать. Если ты с этим не справишься, тогда лежи жопой кверху и жди, когда к тебе постучатся ребята из Отдела защиты конституции.

Гульберг и Ваденшё уставились друг на друга.

– Я могу это устроить, – неожиданно сказал Юнас Сандберг.

Гульберг покосился на молодого сотрудника.

– А ты уверен, что сумеешь провести такую акцию?

Сандберг кивнул.

– Хорошо. Отныне твоим начальником является Клинтон. Подчиняться будешь непосредственно ему.

Сандберг снова кивнул.

– В некоторых потребуется вести наблюдение. Наши оперативные ресурсы необходимо усилить, – сказал Нюстрём. – У меня кое-кто имеется на примете. Во внешней организации есть парень по имени Мортенссон, который работает в Безе, в отделе личной охраны. Он никого не боится и, по-моему, далеко пойдет. Я уже давно собирался перевести его сюда, во внутреннюю организацию, и даже взвешивал, не подойдет ли он на роль моего преемника.

– Звучит многообещающе, – сказал Гульберг. – Пусть это решает Клинтон.

– У меня есть еще одна новость, – продолжил Георг Нюстрём. – Боюсь, что существует и третья копия.

– Где?

– Мне сегодня днем сообщили, что у Лисбет Саландер теперь есть адвокат. Ее зовут Анника Джаннини, и она сестра Микаэля Блумквиста.

Гульберг кивнул.

– Ты прав. Блумквист наверняка снабдил сестру копией, иначе просто быть не может. Иными словами, нам некоторое время придется пристально наблюдать за всеми троими: за Бергер, Блумквистом и Джаннини.

– По поводу Бергер, думаю, нам беспокоиться не следует. Сегодня появился пресс-релиз о том, что она назначена главным редактором «Свенска моргонпостен». К «Миллениуму» она больше отношения не имеет.

– Хорошо. Но все-таки надо ее проверить. Что касается «Миллениума», то нам придется организовать прослушивание телефонов квартир сотрудников и, разумеется, редакции. Нам необходимо контролировать их электронную почту. Надо знать, с кем они встречаются и о чем беседуют. Хорошо бы также узнать их планы относительно разоблачения. Но прежде всего мы должны отобрать у них отчет. Иными словами, мы должны предусмотреть массу деталей.

– Эверт, вы намерены нацелить нас на оперативную деятельность против редакции журнала, – усомнился Ваденшё. – Это же самый опасный путь.

– У тебя нет выбора. Либо ты должен напрячься и начинать действовать, либо самое время передать бразды правления кому-нибудь другому.

Эта фраза прозвучала как вызов и тучей повисла над столом.

– Я думаю, что смогу справиться с «Миллениумом», – сказал наконец Юнас Сандберг. – Но это не решает главной проблемы. Что нам делать с вашим Залаченко? Если он заговорит, все остальные усилия пойдут насмарку.

Гульберг кивнул.

– Знаю. Это моя часть операции. Я думаю, что у меня имеется аргумент, способный заставить Залаченко замолчать. Но это потребует некоторых усилий. Я сегодня же еду в Гётеборг.

Он умолк и оглядел всех вокруг. От его проницательного взгляда Ваденшё вздрогнул.

– В мое отсутствие все оперативные решения будет принимать Клинтон, – сказал Гульберг.

После короткой паузы Ваденшё кивнул.

Только в понедельник вечером доктор Хелена Эндрин, после консультаций с коллегой Андерсом Юнассоном, признала состояние Лисбет Саландер настолько стабильным, что ей разрешили принимать посетителей.

Первыми к ней пропустили двух инспекторов уголовной полиции, которым разрешили задавать ей вопросы в течение пятнадцати минут. Лисбет молча наблюдала за тем, как к ней в палату вошли двое полицейских и пододвинули к себе стулья.

– Здравствуйте. Я инспектор уголовной полиции – Маркус Эрландер. Я работаю в отделе по борьбе с особо тяжкими преступлениями здесь, в Гётеборге. А это – моя коллега Соня Мудиг из Стокгольмской полиции.

Лисбет Саландер не ответила на приветствие, лицо ее оставалось безучастным. Она узнала Соню Мудиг – это инспектор из группы Бублански.

Эрландер холодно улыбнулся Лисбет.

– Меня предупредили, что обычно вы не слишком многословны с представителями власти. В таком случае хочу довести до вашего сведения, что вам не требуется ничего говорить. Однако я был бы признателен, если б вы уделили нам время и выслушали нас. У нас много дел и слишком мало времени, чтобы обсудить все сегодня. В дальнейшем нам представится еще не одна возможность поговорить.

Лисбет Саландер промолчала.

– Итак, во-первых, я хочу довести до вашего сведения: ваш друг Микаэль Блумквист сообщил нам, что адвокат по имени Анника Джаннини готова представлять ваши интересы и полностью в курсе дела. Блумквист утверждает, что уже раньше при каких-то обстоятельствах называл вам ее имя. Мне необходимо, чтобы вы подтвердили или опровергли его слова. Мне также нужно знать, хотите ли вы, чтобы адвокат Джаннини приехала в Гётеборг и представляла ваши интересы.

Лисбет Саландер ничего не ответила.

Анника Джаннини. Сестра Микаэля Блумквиста. Он упоминал о ней в одном из писем, но тогда Лисбет даже и в голову не приходило, что ей понадобится адвокат.

– Сожалею, но я просто-напросто вынужден просить вас ответить на этот вопрос. Достаточно сказать «да» или «нет». Если вы согласитесь, прокурор из Гётеборга свяжется с адвокатом Джаннини. Если вы откажетесь, суд назначит вам государственного защитника. Какой вариант вы выбираете?

Лисбет Саландер погрузилась в размышления. Она понимала, что ей действительно потребуется адвокат, но заполучить в защитники сестрицу этого Калле Чертова Блумквиста – это уже перебор. То-то он обрадуется. С другой стороны, неизвестный государственный защитник едва ли будет лучше. В конце концов она открыла рот и выдавила из себя одно-единственное слово:

– Джаннини.

– Хорошо. Спасибо. Теперь у меня будет к вам вопрос. Вы имеете право не говорить ни слова, пока не явится ваш адвокат, но мой вопрос, насколько я понимаю, никак не затрагивает ваших личных интересов. Полиция ищет тридцатисемилетнего гражданина Германии Рональда Нидермана, которого объявили в розыск – его подозревают в убийстве

полицейского.

Лисбет чуть не дрогнула бровью – вот это новость… Она не имела ни малейшего представления о том, что произошло после того, как она всадила топор в башку Залаченко.

– Гётеборгская полиция заинтересована в том, чтобы поймать его как можно скорее. Моя коллега из Стокгольма к тому же намерена допросить его в связи с тремя убийствами, в которых раньше подозревали вас. Так что мы просим вас о помощи. Отсюда наш вопрос: знаете ли вы хоть что-нибудь, что поможет нам установить его местонахождение?

Лисбет с подозрением переводила взгляд с Эрландера на Мудиг и обратно.

Они не знают, что он – мой брат.

Потом она задумалась: хочется ли ей, чтобы Нидерман оказался за решеткой. Больше всего Лисбет хотела бы запихать его в яму в Госсеберге и закопать. Наконец она пожала плечами, чего ей делать не следовало, поскольку левое плечо сразу же отозвалось острой болью.

– Какой день сегодня? – спросила она.

– Понедельник.

Она задумалась.

– Я впервые услышала имя Рональда Нидермана в прошлый четверг. Я выследила его в Госсеберге. Не имею ни малейшего представления о том, где он находится или куда мог сбежать. Могу только предположить, что он постарается поскорее скрыться в безопасном месте где-нибудь за границей.

– Почему вы думаете, что он намерен бежать за границу?

Лисбет задумалась.

– Потому что, пока Нидерман рыл мне могилу, Залаченко сказал, что к нему со всех сторон приковано внимание и что уже решено отправить Нидермана на некоторое время за границу.

Впервые Лисбет Саландер выдала такое количество информации полицейскому, с тех пор, как ей исполнилось двенадцать лет.

– А ведь Залаченко… ваш отец.

Значит, они уже в курсе. Неужели Калле Чертов Блумквист уже разболтал все ее тайны?

– Тогда я должен известить вас о том, что ваш отец подал в полицию заявление и обвиняет вас в попытке убийства. Сейчас прокурор решает вопрос о возбуждении уголовного дела. А на сегодняшний день уже известно, что вас арестовали за причинение тяжкого вреда здоровью. Вы раскроили Залаченко череп ударом топора.

Лисбет ничего не сказала.

Все довольно долго молчали. Потом Соня Мудиг подалась вперед и тихо произнесла:

– Я только хочу сказать, что мы, в полиции, не слишком верим версии Залаченко. Поговорите серьезно со своим адвокатом, и мы сможем позже вернуться к этому делу.

Эрландер кивнул, и полицейские встали.

– Спасибо за помощь насчет Нидермана, – сказал Эрландер.

Лисбет удивило, что представители закона вели себя корректно и почти дружелюбно. Особенно ее заинтриговала реплика Сони Мудиг. Это, конечно, неспроста, решила она.

Глава 7

Понедельник, 11 апреля – вторник, 12 апреля

В понедельник без четверти шесть вечера Микаэль Блумквист закрыл ноутбук и встал из-за кухонного стола. Он надел куртку и дошел пешком от своего дома на Бельмансгатан до офиса «Милтон секьюрити», располагавшегося возле Шлюза. Поднялся на лифте на третий этаж, и его сразу провели в комнату для совещаний. Он пришел ровно в шесть и оказался последним посетителем.

– Привет, Драган, – сказал он, пожимая руку Арманскому. – Спасибо, что согласились устроить этот неформальный брифинг.

Микаэль огляделся по сторонам. Помимо него и Драгана Арманского, в комнате находились Анника Джаннини, Хольгер Пальмгрен и Малин Эрикссон. Со стороны «Милтон секьюрити» на встрече присутствовал еще и Сонни Боман, который по поручению Арманского с первого дня подключился к расследованию дела Саландер.

Хольгер Пальмгрен впервые за два с лишним года появился на людях. Его врач, доктор А. Сиварнандан, ни за что не решился бы выпустить Пальмгрена из реабилитационного центра в Эрсте, но тот настоял на своем. Такси ему оплачивали из социальной службы, и в этой поездке его сопровождала личный ассистент Юханна Каролина Оскарссон, тридцати девяти лет, – зарплату ей выплачивал фонд, мистическим образом созданный для того, чтобы обеспечить Пальмгрену достойные условия для лечения и восстановления после инсульта. Теперь Каролина Оскарссон ожидала своего подопечного за кофейным столиком в соседней комнате. Она читала книгу, которую прихватила с собой.

Микаэль закрыл дверь.

– Хотел бы всем представить Малин Эрикссон, нового главного редактора «Миллениума». Я попросил ее присутствовать при нашей встрече, поскольку мы будем обсуждать вопросы, которые имеют самое непосредственное отношение и к ее работе.

– Хорошо, – сказал Арманский. – Все в сборе. Я весь внимание.

Микаэль подошел к доске, у которой сидел Арманский и взял маркер. Потом огляделся по сторонам.

– Наверное, это самое дурацкое из всех мероприятий, в которых мне доводилось участвовать, – сказал он. – Когда все закончится, я создам общественную организацию и назову ее «Рыцари дурацкого стола». Ее

задачей будет ежегодно устраивать ужин, на котором мы будем бранить Лисбет Саландер. Надеюсь, вы все вступите в нее.

Он сделал паузу.

– Реальная ситуация такова…

И начал выписывал столбики на доске. Он выступал чуть более получаса. А дискуссия продолжалась еще почти три часа.

Когда собрание закончилось, Эверт Гульберг уселся рядом с Фредриком Клинтоном. Они недолго и негромко переговаривались, а потом Гульберг встал. Старые соратники пожали друг другу руки.

Эверт взял такси, поехал обратно в гостиницу, забрал вещи, расплатился и вечерним поездом отправился в Гётеборг. Он ехал первым классом и занимал отдельное купе. Когда поезд миновал центр Стокгольма и мост Орстабрун, Гульберг достал шариковую ручку и блокнот с бумагой для писем, немного подумал и начал писать. Он заполнил примерно полстраницы, но потом передумал и вырвал ее из блокнота.

Фальсификация или экспертиза фальшивых документов в его служебные обязанности никогда не входила, но в данном случае задача облегчалась тем, что фальшивые письма он писал от своего собственного имени, и в них не было ни слова правды.

К тому моменту, когда поезд проезжал Халльсберг, Гульберг забраковал еще массу набросков, но постепенно все-таки нашел нужную интонацию. К моменту прибытия в Гётеборг он уже написал двенадцать писем, которые уже вполне сам для себя одобрил. При этом тщательно проследил за тем, чтобы на бумаге остались отчетливые отпечатки его пальцев.

На центральном вокзале Гётеборга ему удалось найти копировальный пункт и снять с писем копии. Затем он купил конверты и марки и опустил документы в ящик, почту из которого забирали в 21.00.

Гульберг взял такси и отправился в гостиницу «Сити-отель» на Лоренсбергсгатане, где Клинтон заранее забронировал ему номер. Между прочим, это была та же гостиница, где несколькими днями раньше ночевал Микаэль Блумквист. Гульберг сразу отправился в свой номер и присел на кровать. Он смертельно устал и к тому же вспомнил, что за весь день съел только два кусочка хлеба. Но есть ему по-прежнему не хотелось. Он разделся, вытянулся в постели и почти сразу же заснул.

Лисбет Саландер проснулась сразу же, как только услышала звук открывающейся двери, – как от толчка. Ей сразу стало ясно, что это не кто-

то из ночных сестер. Чуть приподняв веки, она увидела в дверном проеме силуэт человека на костылях. Залаченко застыл, рассматривая ее в свете, проникавшем из коридора.

Не шевелясь, Лисбет скосила глаза так, чтобы бросить взгляд на часы – они показывали 03.10.

Она перевела взгляд на несколько миллиметров и заметила стоявший на краю прикроватной тумбочки стакан с водой. Глядя на стакан, прикинула расстояние – до него можно было дотянуться, не перемещая туловища.

Потребуется какая-то микродоля секунды, чтобы протянуть руку и резким движением отбить верхушку стакана о жесткий край прикроватной тумбочки. Если Залаченко склонится над ней, можно будет за полсекунды всадить острие ему в горло. Лисбет просчитала другие варианты, но пришла к выводу, что стакан – единственное доступное ей оружие.

Она расслабилась и стала ждать.

Залаченко не двигаясь простоял в дверях две минуты.

Потом он осторожно закрыл дверь, и Лисбет услышала слабый скрип костылей – он удалялся от ее палаты.

Через пять минут она приподнялась на локте, дотянулась до стакана и сделала большой глоток. Затем спустила ноги с кровати, отсоединила электроды от руки и грудной клетки и, покачнувшись, встала. Примерно через минуту она почувствовала, что может двигаться. Потом добрела до двери, прислонилась к стене и перевела дух. Сначала ее прошиб холодный пот, а потом охватил приступ ярости.

Грёбаный Залаченко. Пора бы его прикончить.

Но где найти оружие?

В следующий миг по коридору застучали каблучки.

Черт возьми, электроды…

– Господи, зачем же вы встали? – воскликнула ночная сестра.

– Мне надо было… в туалет, – тяжело дыша, ответила Саландер.

– Немедленно ложитесь.

Сестра схватила Лисбет за руку и помогла ей дойти до кровати, а потом принесла судно.

– Если вам нужно в туалет, звоните нам. У вас есть для этого специальная кнопка.

Лисбет не ответила, сосредоточив все силы на том, чтобы выдавить из себя несколько капель.

Во вторник Микаэль Блумквист проснулся в половине одиннадцатого,

принял душ, включил кофеварку и уселся за компьютер. Накануне вечером, после встречи в «Милтон секьюрити», он отправился домой и проработал до пяти часов утра. Наконец журналист почувствовал, что материал начинает обретать какие-то реальные очертания. Хотя биография Залаченко по-прежнему казалась фрагментарной – Микаэль мог оперировать только той информацией, которую ему удалось выжать из Бьёрка, и теми деталями, которыми поделился Хольгер Пальмгрен.

А историю Лисбет Саландер в общих чертах он подготовил. В своем эссе Микаэль шаг за шагом описывал, как Лисбет стала добычей группы сторонников холодной войны из ГПУ/Без, как они заперли ее в детскую психиатрическую больницу – ради того, чтобы сохранить в тайне инцидент с Залаченко и его приключения.

Этот текст нравился Микаэлю уже гораздо больше. У него получится сенсационный материал, который буквально взорвет информационное пространство, и к тому же создаст проблемы для верхних эшелонов государственной бюрократии.

Блумквист закурил сигарету и задумался.

У него оставались два пробела, которые необходимо было заполнить. В одном случае задача представлялась вполне посильной. Ему нужно разоблачить Петера Телеборьяна. После его публикации знаменитого детского психиатра возненавидит вся Швеция.

Это первое.

Вторая проблема оказалась значительно сложней.

Заговор против Лисбет Саландер – Микаэль называл его инициаторов «Клубом Залаченко» – организовала Служба государственной безопасности. Он знал лишь одно имя – Гуннар Бьёрк, но в одиночку Гуннар Бьёрк никак не смог бы все это устроить. Наверняка существовала некая группа, нечто вроде отдела – с начальниками, ответственными лицами и бюджетом.

Правда, Микаэль все-таки не понимал, какие усилия нужно предпринять, чтобы вычислить этих людей. Он даже не знал, с чего начать. О структуре СЭПО у него имелись лишь самые приблизительные представления.

В понедельник Микаэль уже приступил к сбору материала. Он послал Хенри Кортеса по букинистическим магазинам с заданием покупать все книги, хоть как-то связанные с деятельностью Службы государственной безопасности. Около четырех часов дня Кортес принес ему домой шесть томов.

И Микаэль приступил к изучению горы книг на столе.

«Шпионаж в Швеции» Микаэля Русквиста («Темпус», 1988); «Начальник СЭПО в 1962–1970 гг.» Пера Гуннара Винге («Вальстрём и Видстранд», 1988); «Тайные силы» Яна Оттоссона и Ларса Магнуссона («Тиден», 1991); «Борьба за власть над СЭПО» Эрика Магнуссона («Корона», 1989); «Поручение» Карла Линдбума («Вальстрём и Видстранд», 1990), а также – немного неожиданно – «Агент на месте» Томаса Уайтсайда («Баллантайн», 1966), где рассказывалось о деле Веннерстрёма. Но речь шла, конечно, не о том самом Веннерстрёме, герое историй Микаэля. А о шпионе 1960-х годов.

Бо́льшую часть ночи на вторник Микаэль провел, читая или, по крайней мере, листая добытые Хенри Кортесом книги. Он сформулировал несколько выводов.

Во-первых, похоже, что большинство книг о Службе безопасности вышло в конце 1980-х годов. Поиск по Интернету показал, что никакой относительно новой литературы по этой теме нет.

Во-вторых, складывалось впечатление, что за все годы существования шведской тайной полиции никто не удосужился изложить какую-нибудь толковую историю ее деятельности. Что, впрочем, вполне объяснимо – ведь многие дела засекречены и писать о них затруднительно. Но, похоже, ни один институт, никто из исследователей или из представителей СМИ не занимался критическим анализом работы СЭПО.

Микаэль отметил еще одну особенность: ни в одной из книг, приобретенных Хенри Кортесом, не имелось списка использованной литературы. Подстрочные сноски отсылали лишь к статьям в вечерних газетах или к частным интервью, с вышедшими на пенсию ветеранами СЭПО.

Книга «Тайные силы» показалась очень увлекательной, но описывала только период до Второй мировой войны и годы войны. Мемуары П. Г. Винге Микаэль отнес к разряду пропагандистской литературы – уволенный и подвергшийся жесткой критике начальник СЭПО пытался оправдаться в глазах соотечественников. А в «Агенте на месте», прямо в первой главе, Микаэль нашел столько абсурдных высказываний о Швеции, что сразу решительно отправил книгу в корзину для бумаг.

Только в двух изданиях – «Борьба за власть над СЭПО» и «Шпионаж в Швеции» – была предпринята попытка серьезно проанализировать работу Службы государственной безопасности. Там приводились даты, имена и документы.

Особенно читабельной Микаэлю показалась книга Эрика Магнуссона. И хотя он не получил ответов на свои неотложные вопросы, но

представление о том, как выглядела и чем занималась «Фирма» в прошедшие десятилетия, у него в целом сложилось.

А вот книга Карла Линдбума «Поручение» потрясла Микаэля.

Автор излагал проблемы, с которыми столкнулся бывший посол в Париже, когда по поручению правительства проверял деятельность СЭПО после убийства Улофа Пальме и дела Эббе Карлссона[28]. Микаэль раньше не читал произведения Карла Линдбума, и его привлекли и ирония, и меткость наблюдений автора. Книга Линдбума тоже не давала Микаэлю ответы на его многочисленные вопросы, но он хотя бы начал представлять себе, с чем ему предстоит столкнуться.

Немного поразмыслив, журналист вытащил мобильный телефон и позвонил Хенри Кортесу.

– Привет, Хенри. Спасибо за то, что ты вчера для меня побегал.

– И чего же ты хочешь?

– Не мог бы ты еще немного побегать?

– Микке, мне надо заниматься работой. Я ведь теперь ответственный секретарь редакции.

– Это очень серьезный карьерный рост.

– Ну, и чего же ты хочешь?

– Деятельность СЭПО несколько раз официально проверяли. И одну из проверок проводил Карл Линдбум. Где-то хранятся многочисленные отчеты об этих проверках.

– Ну да.

– Принеси мне все, что сможешь раздобыть в Риксдаге: бюджеты, отчеты государственных комиссий, запросы и тому подобное. И закажи годовые отчеты СЭПО. Все, какие удастся скопировать.

– *Yes, massa*[29].

– Отлично. И, Хенри…

– Да?

– …все это мне потребуется завтра утром.

Лисбет Саландер целый день размышляла о Залаченко. Она знала, что он находится в двух шагах от нее, по ночам разгуливает по холлу и сегодня подходил к ее палате в 03.10 утра.

Она выследила его в Госсеберге с целью убить, но не смогла осуществить свое намерение. И Залаченко остался жив – и теперь находится менее чем в десяти метрах от нее. А сама она теперь по уши в дерьме. Лисбет не могла пока толком оценить масштабы обрушившихся на

нее неприятностей, но предполагала, что если ей не хочется снова оказаться в какой-нибудь психушке под охраной Петера Телеборьяна, то надо бежать и бесследно исчезнуть за границей.

Но в том-то и дело, что у нее едва хватало сил сесть в постели. Правда, ей все-таки стало немного легче. Голова хоть и продолжала болеть, но приступами, а не непрерывно, боль в плече затаилась где-то внутри и давала о себе знать, только когда она пыталась пошевелиться.

За дверью послышались шаги. Медсестра открыла дверь и впустила женщину в черных брюках, белой блузке и темном пиджаке. Симпатичная худенькая брюнетка, с короткой мальчишеской стрижкой, она излучала откровенную уверенность в себе, а в руке держала черный портфель.

Лисбет сразу обратила внимание, что у женщины такие же глаза, как у Микаэля Блумквиста.

– Привет, Лисбет. Меня зовут Анника Джаннини, – сказала посетительница. – Ты позволишь мне войти?

Лисбет равнодушно созерцала ее. Ей вдруг совершенно расхотелось встречаться с сестрой Микаэля Блумквиста, и она пожалела, что не отвергла ее предложение.

Выглядела Лисбет Саландер отталкивающе – голова была сплошь обмотана бинтами, вокруг глаз расплылись огромные пурпурные синяки и кровоподтеки.

– Я бы хотела прежде всего уточнить: действительно ли ты хочешь, чтобы я стала твоим адвокатом, – заговорила Анника Джаннини. – Обычно я принимаю участие только в гражданских делах, чаще всего защищая интересы женщин, которых изнасиловали или избили. Я не адвокат по уголовным делам. Но я детально изучила твое дело и хочу представлять твои интересы, если мне представится такая возможность. Должна также добавить, что Микаэль Блумквист – мой брат; наверное, тебе это уже известно. И что они с Драганом Арманским взялись оплачивать мою работу.

Она сделала паузу, но, поскольку никакой реакции со стороны потенциальной клиентки не последовало, продолжила:

– Если ты согласна, я буду действовать в твоих интересах. Подчеркиваю, не в интересах своего брата или Арманского. В судебных и уголовных делах мне будет также помогать твой бывший опекун Хольгер Пальмгрен. Он молодчина; даже выкарабкался из больничной койки ради того, чтобы тебе помочь.

– Пальмгрен? – переспросила Лисбет Саландер.

– Да.

– Ты с ним встречалась?

– Да. Он будет моим консультантом.

– Как он себя чувствует?

– Он чертыхается, но, как ни странно, кажется, нисколько за тебя не волнуется.

Лисбет улыбнулась кривой улыбкой – впервые после того, как попала в Сальгренскую больницу.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Анника.

– Как мешок с дерьмом, – ответила Саландер.

– О’кей. Ты хочешь, чтобы я была твоим адвокатом? Арманский с Микаэлем оплатят мою работу…

– Нет.

– Что ты имеешь в виду?

– Платить я буду сама. Я не возьму ни гроша от Арманского и Калле Блумквиста. Правда, я смогу заплатить тебе, только когда получу доступ к Интернету.

– Хорошо. Когда дойдет до дела, мы решим этот вопрос; да и основную часть моего гонорара все равно оплатит государство. Значит, ты согласна, чтобы я представляла твои интересы?

Лисбет кивнула.

– Хорошо. Тогда для начала я передам сообщение от Микаэля. Он выражается загадочно, но говорит, ты поймешь, что он имеет в виду.

– Вот как?

– Он говорит, что в основном рассказал мне все, за исключением нескольких вещей. Это касается, во-первых, тех твоих способностей, которые он обнаружил в Хедестаде.

Микаэлю известно, что у меня фотографическая память… и что я хакер. Об этом он умолчал.

– О’кей.

– Во-вторых, CD-диск. Не знаю, на что намекает мой брат, но он говорит, что тебе решать, захочешь ты рассказать мне об этом или нет. Ты понимаешь, что он имеет в виду?

Диск со сценами, как Бьюрман меня насилует.

– Да.

– О’кей…

Анника вдруг осеклась.

– Я немного сердита на брата. Хотя он сам меня нанял, он делится со мной только тем, что сам считает нужным. Ты тоже намерена скрывать от меня разные вещи?

Лисбет задумалась.

– Не знаю.

– Нам с тобой придется многое обсудить. Сейчас я не могу остаться, чтобы толком поговорить, поскольку через сорок пять минут у меня назначена встреча с прокурором Агнетой Йервас. Мне просто нужно было убедиться в том, что ты действительно хочешь воспользоваться моими услугами. Кроме того, я должна тебя проинструктировать.

– Вот как.

– Инструкция заключается в следующем. В мое отсутствие ты не должна говорить полиции ни слова, о чем бы тебя ни спрашивали. Даже если они станут тебя провоцировать и обвинять в разных проступках. Ты можешь мне это обещать?

– Запросто, – сказала Лисбет Саландер.

После напряженного понедельника Эверт Гульберг так устал, что на следующее утро проснулся только в девять часов – почти на четыре часа позднее обычного. Он пошел в ванную, умылся и почистил зубы, потом довольно долго изучал в зеркале свое лицо, после чего выключил свет и стал одеваться, достав из коричневого портфеля последнюю чистую рубашку и галстук с коричневым рисунком.

Спустившись к завтраку, Гульберг выпил чашку черного кофе и съел тост из белого хлеба с кусочком сыра и ложкой апельсинового джема. Потом выпил большой стакан минеральной воды.

Затем он отправился в холл гостиницы и позвонил из телефонной кабинки на мобильный телефон Фредрика Клинтона.

– Это я. Как обстановка?

– Обстановка непростая.

– Фредрик, как ты справляешься?

– Вполне себе справляюсь. У меня такое впечатление, что прошлое вернулось… Жаль только, что Ханса фон Роттингера нет в живых. Он лучше меня планировал операции.

– Вы с ним всегда были на равных и могли в любой момент заменить друг друга. Что вы частенько и делали.

– Я имею в виду интуицию. Он в этом плане всегда был сильнее.

– Какие новости?

– А Сандберг оказался малый не промах. Мы подключили нештатного сотрудника – Мортенссона. Он выполняет самые разные поручения. Мы уже прослушиваем домашний и мобильный телефоны Блумквиста. Сегодня будем заниматься телефонами Джаннини и «Миллениума». Сейчас изучаем

планы офисов и квартир. В самое ближайшее время мы намерены туда проникнуть.

– Ты должен сперва вычислить, где находятся все копии…

– Я уже сделал это. Нам очень повезло. Анника Джаннини сегодня в десять утра позвонила Блумквисту и спросила его как раз о том, сколько всего копий на руках. Из разговора стало ясно, что у Микаэля Блумквиста всего одна. Бергер сняла с отчета копию, но переправила ее Бублански.

– Что ж, отлично. Нам нельзя терять ни минуты.

– Знаю. Но действовать надо одновременно и в разных направлениях. Если мы не изымем все копии отчета Бьёрка разом, то у нас ничего не получится.

– Согласен.

– Задача немного усложнилась, поскольку Джаннини утром уехала в Гётеборг. Я отправил следом за ней команду внештатных сотрудников. Они уже вылетели.

– Хорошо.

Гульберг не мог сообразить, что бы еще сказать, и сделал долгую паузу.

– Спасибо, Фредрик, – сказал он наконец.

– И тебе спасибо. Гораздо веселее заниматься делом, чем сидеть в ожидании почки. Которая до меня так и не дойдет.

Они попрощались. Гульберг расплатился за гостиницу и вышел на улицу. Все сдвинулось с мертвой точки, и главное теперь – не совершить промаха.

Он дошел до гостиницы «Парк Авеню-отель», где попросил разрешения воспользоваться факсом и отправил письма, сочиненные накануне в поезде. Из гостиницы, в которой он останавливался, он решил факсы не посылать. Затем Гульберг вышел на Авеню и решил поймать такси. Здесь он остановился возле урны и разорвал на кусочки снятые с писем фотокопии.

Анника Джаннини беседовала с прокурором Агнетой Йервас пятнадцать минут. Ей нужно было узнать, какие обвинения прокурор намерена выдвинуть против Лисбет Саландер. Но судя по всему, Йервас и сама не знала, как сложатся события.

– Пока я ограничусь тем, что задержу ее за нанесение тяжкого вреда здоровью или за попытку убийства. Я имею в виду удар топором, который Лисбет Саландер нанесла своему отцу. А вы наверняка сошлетесь на право на необходимую оборону.

– Вполне возможно.
– Но, честно говоря, больше всего меня сейчас интересует убийца полицейского Нидерман.
– Понимаю.
– Я связалась с генеральным прокурором. Сейчас речь идет о том, чтобы передать все обвинения против вашей клиентки в прокуратуру в Стокгольме и объединить их с тамошними событиями.
– Значит, я буду исходить из того, что дело передадут в Стокгольм.
– Хорошо. В любом случае, я должна получить возможность допросить Лисбет Саландер. Когда это можно будет сделать?
– У меня есть заключение ее врача Андерса Юнассона. Он считает, что Лисбет Саландер еще несколько дней будет не в состоянии участвовать в допросах. Она получила серьезные физические травмы, и к тому же находится под воздействием болеутоляющих средств.
– Я получила аналогичные сведения. Вы наверняка понимаете, что это очень тормозит мою работу. Но повторяю, главное для меня сейчас – Рональд Нидерман. Ваша клиентка утверждает, что не знает, где он скрывается.
– Так оно и есть. Она не знает Нидермана. Просто сама его вычислила и начала выслеживать.
– Ясно, – сказала Агнета Йервас.

Эверт Гульберг шагнул в лифт Сальгренской больницы с букетом в руках. Одновременно с ним туда вошла коротко стриженная женщина в темном пиджаке, и он любезно придержал дверцу лифта, дав ей возможность первой подойти к столу дежурного при входе в отделение.
– Меня зовут Анника Джаннини. Я адвокат, и мне надо снова встретиться с моей клиенткой, Лисбет Саландер.
Эверт Гульберг повернул голову и изумленно посмотрел на женщину, которую только что выпустил из лифта. Потом, пока сестра проверяла удостоверение Джаннини и проверяла списки посетителей, перевел взгляд на ее портфель.
– Двенадцатая палата, – сказала сестра.
– Спасибо. Я уже была там, и найду дорогу сама.
Взяв портфель, она отошла, и Гульберг потерял ее из виду.
– Чем я могу вам помочь? – спросила сестра.
– Я хочу передать эти цветы Карлу Акселю Бодину.
– Ему запрещено принимать посетителей.
– Я знаю, но мне просто хочется передать ему цветы.

– Это можно.

Цветы Гульберг прихватил с собой в основном ради конспирации – ему хотелось получить представление о том, как выглядит отделение. Поблагодарив медсестру, он отправился к выходу и прошел мимо палаты Залаченко – номер 14, по сведениям Юнаса Сандберга.

На площадке Гульберг остановился и через дверное стекло проследил, как сестра с его цветами скрылась в палате Залаченко. Когда она вернулась обратно на место, Эверт распахнул дверь и мигом проскочил в четырнадцатую палату.

– Привет, Александр, – сказал он.

Залаченко уставился на нежданного посетителя.

– Я думал, что ты уже умер, – сказал он.

– Пока еще жив, – ответил Гульберг.

– Что тебе надо? – спросил Залаченко.

– А ты как думаешь? – Гульберг пододвинул стул для посетителей и сел.

– Вероятно, увидеть меня мертвым.

– Что ж, это было бы весьма желательно. Какого черта ты повел себя, как последний придурок? Ведь мы дали тебе новую жизнь, а ты угодил сюда…

Залаченко, если бы мог, улыбнулся бы. Он всегда считал, что шведская служба безопасности сплошь состоит из любителей, к каковым он причислял и Эверта Гульберга, и Свена Янссона, то есть Гуннара Бьёрка. Не говоря уже о таком полном дебиле, как Нильс Бьюрман.

– И теперь мы снова должны вытаскивать тебя из огня…

В свое время Залаченко получил тяжелые ожоги, поэтому он разозлился – это выражение ему не пришлось по вкусу.

– Нечего читать мне проповеди. Лучше вытащи меня отсюда.

– Именно это я и хотел бы с тобой обсудить.

Гульберг открыл портфель, который держал на коленях, достал блокнот и оторвал чистую страницу. Потом внимательно посмотрел на Залаченко.

– И все же я не могу не поинтересоваться: неужели ты действительно смог бы нас заложить, после всего того, что мы для тебя сделали?

– А ты как думаешь?

– Это зависит от того, до какой степени ты психопат.

– Не смей называть меня психопатом. Я пытаюсь выжить, и ради этого готов пойти на все.

Гульберг покачал головой.

– Нет, Александр! Просто ты поступаешь так, потому что ты злобная мразь. Ты хотел знать, что решила «Секция». Я пришел к тебе, чтобы сообщить тебе. На этот раз мы и пальцем не шевельнем, чтобы тебе помочь.

В глазах Залаченко впервые появилось выражение неуверенности.

– У тебя нет выбора, – сказал он.

– Выбор есть всегда, – ответил Гульберг.

– Я могу…

– Ты вообще ничего не можешь.

Гульберг глубоко вздохнул, сунул руку во внешнее отделение коричневого портфеля и достал пистолет «Смит и Вессон» калибра 9 мм, с позолоченной рукояткой. Двадцать пять лет назад он получил его в подарок от английского разведывательного управления в благодарность за добытую от Залаченко и переданную им бесценную информацию. Он назвал имя агента британской разведки МИ-5, который работал на русских, как и Филби.

Залаченко сначала удивился, потом усмехнулся.

– И что ты собираешься с ним делать? Застрелить меня? Тогда остаток своей убогой жизни ты проведешь в тюрьме.

– Не думаю, – сказал Гульберг.

Залаченко все-таки усомнился: а вдруг Гульберг не блефует?

– Разразится грандиозный скандал.

– Не надейся. Подумаешь, появится несколько статей… но через неделю никто уже и не вспомнит имя Залаченко.

У русского сузились глаза.

– Ты настоящая свинья и ублюдок, – сказал Гульберг с таким металлом в голосе, что Залаченко буквально пробрала ледяная дрожь.

В тот миг, когда он начал спускать протез с кровати, Гульберг поднял пистолет, целясь ему прямо в лоб, и нажал на спусковой крючок. Залаченко отбросило на подушку, он несколько раз судорожно дернулся и затих. На стене, за изголовьем кровати, из кровавых пятен образовался цветок. От выстрела у Гульберга зазвенело в ушах, и он машинально покрутил в ухе свободным указательным пальцем.

Потом он встал, подошел к Залаченко, приставил дуло ему к виску и еще дважды спустил курок. Ему хотелось убедиться, что этот мерзавец действительно мертв.

Услышав первый выстрел, Лисбет Саландер подскочила на кровати. Плечо пронзила сильная боль. Когда раздались следующие выстрелы,

Лисбет попыталась спустить ноги с кровати.

Анника Джаннини успела обменяться с Лисбет лишь несколькими фразами и теперь замерла, пытаясь понять, откуда доносятся громкие хлопки. По реакции Лисбет Саландер она поняла: произошло что-то из ряда вон выходящее.

– Лежи и не двигайся, – крикнула Анника.

Она придавила ладонью грудь Лисбет и так сильно прижала свою клиентку к постели, что Лисбет чуть не задохнулась.

Затем Анника стремительно подскочила к двери и приоткрыла ее. Она увидела двух медсестер – они бросились к палате, находящейся на две двери дальше по коридору. Первая из них, как вкопанная, застыла на пороге. Анника услышала ее крик: «Хватит, прекратите!». Затем женщина отступила на шаг, столкнулась со второй сестрой и крикнула:

– Он вооружен! Беги!

Обе сестры кинулись к соседней палате и спрятались там, закрыв за собой дверь. Через секунду Анника увидела, как в коридор вышел седой сухопарый мужчина в клетчатом пиджаке. В руке он держал пистолет. Анника ахнула – всего несколько минут назад они вместе ехали в лифте.

Потом их взгляды встретились.

Он выглядел растерянным. Но потом поднял пистолет, направил его на Аннику и шагнул вперед. Она мигом опустила голову, захлопнула дверь и в отчаянии огляделась. Рядом с нею стоял высокий стол, предназначенный для медсестер. Она рывком подтащила его к двери и блокировала столешницей ручку.

Услышав позади чьи-то шаги, Анника обернулась и увидела, что Лисбет Саландер пытается вылезти из постели. Адвокат бросилась к ней, обхватила ее руками и подняла ее. Она отсоединила электроды и капельницу, перенесла Лисбет в туалет и усадила на крышку стульчака. Потом повернулась и заперла дверь туалета. После этого извлекла из кармана пиджака мобильник и позвонила в полицию.

Эверт Гульберг приблизился к палате Лисбет Саландер и нажал на дверную ручку, но она оказалась заблокирована, и ему не удалось сдвинуть ее ни на микрон.

Он немного постоял перед дверью, не зная, что делать дальше. Конечно, Анника Джаннини находится в палате, но вопрос, лежит ли у нее в сумке копия отчета Бьёрка, остается открытым. Дверь закрыта, и у него не хватит сил выломать ее.

Впрочем, это и не входило в его планы. Ликвидировать угрозу со

стороны Джаннини – по части Клинтона. Его же дело – нейтрализовать только Залаченко.

Находясь в коридоре, Гульберг оглянулся по сторонам и обнаружил, что из разных дверей за ним наблюдают пара дюжин сестер, пациенты и посетители. Он поднял пистолет и выстрелил в картину, висевшую на стене в конце коридора. Соглядатаи исчезли, словно по взмаху волшебной палочки.

Эверт бросил последний взгляд на закрытую дверь, вернулся в палату Залаченко и заперся. Потом сел на стул и взглянул на русского перебежчика, который на протяжении многих лет был неотъемлемой частью его собственной жизни.

Примерно десять минут Гульберг просидел неподвижно, а потом услышал шум в коридоре и понял, что прибыла полиция. Ни о чем конкретном он не думал.

В последний раз Эверт поднял пистолет, прижал дуло к виску и нажал на спуск.

Судя по дальнейшему развитию событий, оказалось, что совершать самоубийство в Сальгренской больнице довольно рискованно. Эверта Гульберга сразу перевезли в травматологическое отделение, где за него взялся доктор Андерс Юнассон и незамедлительно предпринял множество реанимационных мер.

Второй раз за неделю Юнассон делал незапланированную операцию, во время которой извлекал пулю с цельнометаллической оболочкой из тканей человеческого мозга. После пятичасовой операции состояние Гульберга оставалось критическим, но он по-прежнему был жив.

В любом случае, повреждения у него оказались значительно более серьезными, чем у Лисбет Саландер. Несколько суток он находился между жизнью и смертью.

Микаэль Блумквист находился в кафе на Хурнсгатан, когда по радио сообщили, что пока не названный по имени мужчина шестидесяти шести лет, подозреваемый в покушении на жизнь Лисбет Саландер, застрелен в Сальгренской больнице Гётеборга. Микаэль тут же отставил на стол чашку с кофе, взял сумку с компьютером и поспешил в редакцию на Гётгатан. Он пересек площадь Мариаторгет и как раз сворачивал на Санкт-Польсгатан, когда у него зазвонил мобильник, и Микаэль ответил прямо на ходу.

– Блумквист.

– Привет, это Малин.

– Я слышал новости. А кто стрелял, это уже известно?

– Пока нет, но Хенри Кортес пытается это выяснить.

– Я уже в пути, буду на месте через пять минут.

В дверях «Миллениума» Микаэль столкнулся с Кортесом.

– Экстрём назначил пресс-конференцию на пятнадцать ноль-ноль, – сказал Хенри. – Я еду на Кунгсхольмен.

– Нам что-нибудь известно? – крикнул ему вслед Микаэль.

– Малин, – ответил Хенри и скрылся.

Микаэль направился в кабинет Эрики Бергер. Хотя нет, теперь это уже кабинет Малин Эрикссон. Она беседовала по телефону, что-то нервозно записывая на желтых листочках для заметок, и жестом предложила ему подождать. Микаэль отправился на редакционную кухню и налил кофе с молоком в две кружки. На кружках красовались логотипы Христианского союза молодежи и Социал-демократического союза. Когда он вернулся в кабинет Малин, та уже закончила разговор. Микаэль протянул ей кружку с логотипом Социал-демократического союза.

– Ну и дела, – сказала Малин. – Залаченко застрелили сегодня в тринадцать пятнадцать.

Она посмотрела на Микаэля.

– Я только что беседовала с медсестрой из Сальгренской больницы. Она говорит, что убийца – солидный мужчина лет семидесяти, он пришел за несколько минут до убийства и попросил передать Залаченко цветы. Затем несколько раз выстрелил в голову Залаченко, а потом выстрелил в себя. Залаченко мертв. Убийца пока жив, и его сейчас оперируют.

Микаэль облегченно выдохнул. Когда он услышал эту новость в кафе, сердце у него чуть не выскочило из груди. У него возникло паническое предчувствие, что стреляла Лисбет Саландер. Такой поворот событий серьезно осложнил бы его планы.

– А нам известно имя стрелка? – спросил он.

Малин покачала головой, и телефон снова зазвонил.

Когда она ответила, по разговору Микаэль понял, что из Гётеборга звонит фрилансер, которого Малин отправила в Сальгренскую больницу. Он помахал ей рукой, отправился к себе в кабинет и опустился на стул.

У Блумквиста было такое ощущение, будто он впервые за несколько недель появился на рабочем месте. У него накопилась кипа непрочитанной корреспонденции, но он решительно отодвинул бумаги в сторону и позвонил сестре.

– Джаннини слушает.

– Привет. Это Микаэль. Ты слышала, что произошло в Сальгренской

больнице?

– Ну да, я все слышала, причем собственными ушами.

– А ты где?

– В Сальгренской больнице. Этот мерзавец целился в меня.

Микаэль буквально онемел; несколько секунд он не мог понять, о чем толкует его сестра.

– Какого черта… Ты, что, была там?

– Ну да. Сказать по правде, мне еще не приходилось попадать в такие ситуации.

– Ты ранена?

– Нет. Но он пытался ворваться в палату Лисбет. Я блокировала дверь и заперлась вместе с нею в туалете.

У Микаэль вдруг почва уплыла под ногами. Его сестру чуть не…

– А что с Лисбет? – спросил он.

– С ней все в порядке. Я имею в виду, что в сегодняшней драме она не пострадала.

Блумквист вздохнул с облегчением.

– Анника, ты что-нибудь знаешь об убийце?

– Ровным счетом ничего. Это был пожилой мужчина, неплохо одетый. Мне показалось, что он выглядел немного растерянным. Я никогда не встречала его раньше, но за несколько минут до убийства мы вместе ехали в лифте.

– А ты уверена, что Залаченко мертв?

– Уверена. Я слышала три выстрела, и, насколько я знаю, все три раза стреляли в голову. Но здесь началась такая неразбериха – набежала тысяча полицейских, эвакуировали все отделение… Ведь здесь лежат пациенты с тяжелыми травмами, многих из них вообще нельзя перемещать. Когда прибыли полицейские, кому-то из них взбрело в голову непременно допросить Саландер, пока до них не дошло, что она сама еле жива. Я так орала на них, что чуть голос не сорвала.

Инспектор уголовной полиции Маркус Эрландер увидел Аннику Джаннини через открытую дверь палаты Лисбет Саландер. Адвокат прижимала к уху мобильный телефон, и Эрландер ждал, пока она закончит разговор.

Через два часа после убийства в холле по-прежнему царил кавардак. Палату Залаченко оцепили. Врачи пытались оказать ему помощь сразу после выстрелов, но вскоре отступили. Залаченко в помощи уже не нуждался. Тело отправили к патологоанатомам, и теперь следователи

вплотную занимались обследованием места преступления.

У Эрландера зазвонил мобильник – это был Фредрик Мальмберг из патрульной службы.

– Мы идентифицировали личность убийцы, – сказал Мальм без всяких приветствий. – Его зовут Эверт Гульберг, и ему семьдесят восемь лет.

Весьма преклонный возраст был у убийцы…

– И кто же он такой, черт возьми?

– Пенсионер, живет в Лахольме, бизнес-юрист. Мне только что звонили из ГПУ/Без и сообщили, что в отношении него было начато предварительное следствие.

– Когда именно и почему?

– Не знаю когда. А почему – потому, что он имел пагубную привычку рассылать официальным лицам бредовые письма с угрозами.

– И кому же, например?

– Например, министру юстиции.

Маркус Эрландер вздохнул. Значит, псих, правдолюб, борец с официальной властью.

– В СЭПО утром звонили из нескольких газет, где получили письма от Гульберга. Кстати, звонили и из Министерства юстиции, поскольку этот Гульберг недвусмысленно угрожал убить Карла Акселя Бодина.

– Я бы хотел получить копии этих писем.

– Из СЭПО?

– Ну да, черт возьми. Поезжай в Стокгольм и забери их лично, если потребуется. Я хочу, чтобы они лежали у меня на столе – к тому моменту, когда я вернусь в полицейское управление. То есть примерно через час.

Он на секунду замолчал, а потом задал еще один вопрос:

– Тебе звонили из СЭПО?

– Да, звонили.

– Я имею в виду – они тебе звонили, а не наоборот?

– Да. Именно они звонили.

– О’кей, – сказал Маркус Эрландер и отключил телефон.

Интересно, до чего же довели СЭПО, если они сами связались с полицией? Обычно они молчат как рыбы.

Ваденшё резко распахнул дверь в помещение «Секции», которое Фредрик Клинтон использовал как комнату отдыха. Клинтон нехотя приподнялся.

– Какого черта? – закричал Ваденшё. – Гульберг застрелил Залаченко, а потом пальнул себе в голову.

– Я знаю, – сказал Клинтон.

– Знаете? – воскликнул Ваденшё.

Он покраснел как рак, казалось, его вот-вот хватит удар.

– Он ведь, черт подери, стрелял в себя. Пытался совершить самоубийство. Он, что, сбрендил?

– А что, жив?

– Пока жив, но у него серьезно поврежден мозг.

Клинтон вздохнул.

– Как жаль, – произнес он.

– Жаль?! – воскликнул Ваденшё. – Гульберг просто сумасшедший. Неужели вам не понятно…

Клинтон оборвал его.

– У Гульберга рак желудка, толстой кишки и мочевого пузыря. Он уже давно обречен, и оставалось ему в лучшем случае месяца два.

– Рак?

– Последние полгода он носил с собой пистолет и собирался застрелиться, если боль станет невыносимой. Но валяться на больничной койке, униженный и беспомощный Эверт не хотел. Теперь он решил внести последний вклад в «Секцию». Он сделал эффектный жест и ушел красиво.

Ваденшё чуть не лишился дара речи.

– Вы знали, что он собирается убить Залаченко?

– Конечно, знал. Ему хотелось, чтобы Залаченко умолк навсегда. Ведь ты же знаешь, что угрожать ему или уговаривать бессмысленно.

– Но неужели вы не понимаете, какой скандал нам грозит? Вы, что, такой же психопат, как и Гульберг?

Клинтон с трудом поднялся, посмотрел Ваденшё прямо в глаза и протянул ему пачку факсов.

– Это было единственно возможное решение. Поверь мне, я скорблю по своему другу, но, скорее всего, скоро последую за ним. А насчет скандала… Некий экс-юрист-налоговик разослал откровенно параноидальные письма в газеты, полицию и Министерство юстиции. Взять хотя бы одно из них. Гульберг обвиняет Залаченко во всех смертных грехах, – в том числе в убийстве Пальме, и в попытке отравить население Швеции хлором. Письма явно написаны душевно психическим человеком, почерк местами неразборчив, кругом заглавные буквы, подчеркивания и восклицательные знаки. Мне импонирует его идея писать на полях.

Читая письма, Ваденшё, вышел из себя; он постоянно хватался рукой за лоб. Клинтон безучастно наблюдал за ним.

– Как бы там ни было, никому не придет в голову связывать убийство

Залаченко с «Секцией». В него стрелял слабоумный пенсионер.

Он выдержал паузу:

– Главное, что с этого момента тебе придется стать одним из нас. *Don't rock the boat*[30].

Он не сводил с Ваденшё глаз. В его взгляде вдруг сверкнул металл.

– Ты должен понять, что «Секция» – ударная сила шведской обороны. Мы – последний оборонительный рубеж. Наша миссия заключается в том, чтобы охранять безопасность страны. Все остальное не так уж и важно.

Ваденшё с сомнением смотрел на Клинтона.

– Нас не существует. Нас никто не собирается благодарить. Мы должны принимать решения, которые никто больше не рискнет принять. Особенно политики.

Слово «политики» он произнес с явным презрением.

– Делайте, что я скажу, и «Секция», возможно, выживет. Но для этого нам необходимы воля и решимость.

Ваденшё захлестнул приступ паники.

Хенри Кортес лихорадочно записывал все, что говорилось на пресс-конференции в полицейском управлении на Кунгсхольмене. Пресс-конференцию открыл прокурор Рикард Экстрём, который сообщил: утром было принято решение поручить расследование убийства полицейского в Госсеберге, по подозрению в котором разыскивается Рональд Нидерман, прокурору Гётеборгского судебного округа, а другое расследование, касающееся Нидермана, он берет лично под свой контроль. Нидермана соответственно, подозревают в убийстве Дага Свенссона и Миа Бергман. Об адвокате Бьюрмане ничего не было сказано. А Экстрём проведет расследование и выдвинет обвинение против Лисбет Саландер, которую подозревают в целой серии преступлений.

Он заявил, что решил предать гласности тот факт, что сегодня в Гётеборге застрелили отца Лисбет Саландер – Карла Акселя Бодина. Он и созвал пресс-конференцию, чтобы опровергнуть уже распространенную СМИ информацию, по поводу которой ему неоднократно звонили.

– Имеющиеся на данный момент сведения позволяют заявить, что дочь Карла Акселя Бодина, арестованная за покушение на убийство отца, не имеет к утренним событиям никакого отношения.

– Но кто же тогда убийца? – крикнул репортер из программы «Дагенс Эко».

– Личность человека, который в тринадцать часов пятнадцать минут стрелял в Карла Акселя Бодина и нанес ему смертельные ранения, а затем

пытался покончить с собой, идентифицирована. Это семидесятивосьмилетний пенсионер. Он давно и тяжело болен, и в связи с неизлечимой болезнью у него возникли серьезные психические проблемы.

– А он как-то связан с Лисбет Саландер?

– Нет, он никак с нею не связан; это мы можем утверждать с уверенностью. Они никогда не встречались и не знают друг друга. Семидесятивосьмилетний мужчина – трагическая личность. Он действовал на свой страх и риск, исходя из собственных соображений откровенно параноидального характера. Служба государственной безопасности уже предпринимает расследование по поводу его действий, поскольку он рассылал письма с угрозами известным политикам и в средства массовой информации. Не далее как сегодня утром в газеты и властные структуры от него поступили письма с угрозами убить Карла Акселя Бодина.

– Почему же в таком случае полиция не обеспечила Бодину защиту?

– Письма с угрозами были отправлены только вчера вечером… Так что времени, чтобы предотвратить преступление, фактически не осталось.

– А как зовут этого старца?

– Мы не хотели бы тиражировать эту информацию, пока не оповестим его близких.

– Но кто он такой?

– Насколько мне известно, он работал аудитором и юристом по налоговым делам и уже пятнадцать лет как на пенсии. Расследование продолжается, но, судя по его письмам, разыгралась настоящая трагедия, которую можно было бы предотвратить, если бы окружающая среда проявила к нему больше участия и внимания.

– Он угрожал еще кому-нибудь?

– Судя по имеющейся у меня информации, угрожал, но подробности я пока не знаю.

– И все же как все это связано с делом Лисбет Саландер?

– В настоящий момент на этот счет ничего не известно. У нас имеются личные показания Карла Акселя Бодина, которые он дал на допросе, а кроме того, против нее есть серьезные вещественные доказательства.

– А как насчет того, что Бодин пытался убить свою дочь?

– Это мы пока пытаемся выяснить. Существуют серьезные основания полагать, что так оно и было. Насколько мы можем судить на данный момент, речь идет о глубоких противоречиях в трагически разобщенной семье.

Хенри Кортес задумался, огляделся, почесал в ухе и отметил, что коллеги-журналисты записывают так же лихорадочно, как и он.

Когда Гуннар Бьёрк услышал по радио о выстрелах в Сальгренской больнице, у него началась паника и страшно разболелась спина.

Больше часа он сидел в полной прострации. Потом поднял трубку и начал названивать своему старому покровителю Эверту Гульбергу в Лахольм. Ему никто не ответил.

Из новостей Бьёрк узнал примерно то же самое, о чем заявили на пресс-конференции полиции: Залаченко застрелен семидесятивосьмилетним искателем справедливости.

Бог ты мой! Семьдесят восемь лет!

Он снова набрал номер Эверта Гульберга – и снова безрезультатно.

В конце концов тревога и паника одолели его. Оставаться в арендованном доме в Смодаларё он больше не мог. Бьёрк чувствовал себя беззащитным, словно весь мир ополчился на него. Ему требуется время, чтобы подумать и успокоиться. Он сложил в сумку одежду, болеутоляющие средства и туалетные принадлежности. Использовать свой телефон ему не хотелось, поэтому он добрел до телефонной будки около универсама, позвонил в Ландсурт и забронировал комнату в старом лоцманском доме. Ландсурт находился на краю света, и мало кому взбредет в голову искать его там. Он намеревался пробыть там две недели.

Бьёрк посмотрел на наручные часы. Надо было поспешить, чтобы успеть на последний паром. Он почти побежал домой, несмотря на боли в спине. Дома прошел прямо в кухню и проверил, выключена ли кофеварка, а потом направился в прихожую за сумкой. По пути он бросил взгляд в гостиную и остановился как вкопанный.

Он даже не сразу понял, что перед ним.

Люстра каким-то мистическим образом переместилась в пространстве – она покинула свое место под потолком и оказалась на журнальном столике. Вместо светильника на потолочном крюке болталась петля, спускаясь прямо к табуретке, которая обычно стояла на кухне.

Бьёрк, ничего не понимая, разглядывал петлю.

Потом он услышал позади себя какое-то движение, и у него подогнулись колени.

Он медленно обернулся.

Перед ним стояли двое мужчин, на вид лет тридцати пяти. Бьёрк отметил, что у них южноевропейская внешность. Он даже не успел среагировать, когда они мягко ухватили его под мышками, подняли и понесли спиной вперед к табуретке. Он пытался оказать сопротивление, но острая, как нож, боль пронзила ему спину. Когда его поднимали на

табуретку, Бьёрк уже был почти парализован.

Юнаса Сандберга сопровождал сорокадевятилетний мужчина по кличке Фалун, который в юности был профессиональным взломщиком, а потом переквалифицировался в слесаря, специалиста по замкам. Однажды в 1986 году Ханс фон Роттингер привлек Фалуна к операции, когда потребовалось вскрыть двери какому-то руководителю анархистского объединения. И с тех пор его постоянно нанимали вплоть до середины 1990-х годов, когда подобные операции прекратились. Ранним утром Фредрик Клинтон предложил Фалуну задание и десять тысяч крон за десятиминутную работу. И тем самым возобновил с ним отношения. Правда, Фалуну строго-настрого запретили грабить квартиру, которая являлась местом проведения операции. «Секция» все-таки избегала откровенно уголовных деяний.

Фалун не знал, кого именно представлял Клинтон, но предполагал, что речь идет о какой-то силовой структуре. Он читал Яна Гийу[31] и потому вопросов не задавал. Но вообще-то Фалун был не прочь после многих лет забвения вновь оказаться востребованным.

Его задание заключалось в том, чтобы просто открыть дверь. Будучи экспертом по вскрытию помещений, он имел при себе пистолет-отмычку. Тем не менее с замком квартиры Микаэля Блумквиста ему пришлось повозиться пять минут. Потом Фалун остался ждать на лестнице, а Юнас Сандберг переступил через порог.

– Я уже внутри, – сказал он в микрофон, прикрепленный к уху.

– Хорошо, – ответил ему в наушник Фредрик Клинтон. – Действуй спокойно и осторожно. Опиши, что ты видишь.

– Я нахожусь в холле: справа гардероб и полка для шляп, слева ванная. Квартира состоит из одной огромной комнаты, примерно в пятьдесят квадратных метров. Справа маленькая кухня с барной стойкой.

– Там есть какой-нибудь рабочий стол или что-то похожее…

– Видимо, он работает за кухонным столом или на диване в гостиной… Подождите.

Клинтон ждал.

– Да. На кухонном столе лежит папка с отчетом Бьёрка. Выглядит как оригинал.

– Хорошо. А на столе есть еще что-нибудь интересное?

– Книги. Мемуары П. Г. Винге. «Борьба за власть над СЭПО» Эрика Магнуссона. И еще с полдюжины подобных книг.

– А компьютер есть?

– Не вижу.

– Какой-нибудь сейф?

– Нет… Во всяком случае, я не вижу.

– Ладно. Не спеши. Обойди всю квартиру, шаг за шагом. Мортенссон рапортует, что Блумквист по-прежнему в редакции. Надеюсь, ты в перчатках?

– Еще бы.

Маркусу Эрландеру удалось поговорить с Анникой Джаннини, только когда они оба перестали говорить по мобильнику. Он зашел в палату Лисбет Саландер, протянул руку Аннике и представился. Потом поздоровался с Лисбет и спросил, как она себя чувствует. Та не удостоила его ответом. Тогда он снова обратился к Аннике.

– Я должен задать вам несколько вопросов.

– Задавайте.

– Вы можете рассказать, что произошло?

Анника Джаннини описала все эпизоды, что она пережила и как действовала – до того момента, как они с Лисбет Саландер забаррикадировались в туалете.

Погрузившись в размышления, Эрландер покосился на Лисбет, а потом – снова на ее адвоката.

– Значит, вы полагаете, что он подходил к этой комнате?

– Я слышала, как он пытался нажать на ручку двери.

– Вы в этом уверены? Когда человек напуган и взволнован, он подвержен панике.

– Я его слышала. Он меня увидел и направил на меня пистолет.

– Думаете, он пытался убить и вас?

– Не знаю. Я убрала голову и заблокировала дверь.

– Вы просто молодец. И вы молодец еще и потому, что перенесли свою клиентку в туалет. Дверь в палату такая хлипкая, что, если б он начал стрелять, пули, вероятно, прошили бы ее насквозь. Я просто пытаюсь понять, нападал ли он лично на вас или только отреагировал на то, что вы на него смотрели. Вы ведь оказались к нему ближе всех.

– Так оно и было.

– Вам показалось, что он вас знает или, может быть, вдруг вспомнил?

– Нет, вряд ли.

– Может быть, он видел ваши фотографии в газетах? Ведь вас цитировали в связи со многими громкими делами.

– Возможно. Я не могу этого отрицать.

– А раньше вы его никогда не видели?

– Я видела его в лифте, когда поднималась сюда.

– Вот как! Вы с ним разговаривали?

– Нет. Просто я задержала на нем взгляд… возможно, всего на полсекунды. В одной руке он держал букет цветов, а в другой – портфель.

– Вы встречались с ним взглядом?

– Нет. Он смотрел прямо перед собой.

– Он зашел в лифт первым или после вас?

Анника задумалась.

– Мы зашли, вроде бы, одновременно.

– У него был растерянный вид или…

– Нет. Он просто стоял и держал цветы.

– А что произошло потом?

– Я вышла из лифта. Он тоже сразу вышел, и я пошла к своей клиентке.

– Вы прошли прямо сюда?

– Да. Вернее, нет, не совсем. Я сначала подошла к дежурной и предъявила удостоверение. Ведь прокурор распорядился не допускать к моей клиентке посетителей.

– А где же в этот момент он находился?

Анника Джаннини поколебалась.

– Не могу точно сказать. Думаю, он следовал за мной. Да, погодите-ка… Из лифта он вышел первым, но остановился и придержал мне дверь. Не могу поклясться, но думаю, что он тоже прошел к дежурной. Просто я его опередила.

«Какой вежливый пенсионер-убийца», – подумал Эрландер.

– Да, он подошел к дежурной, – подтвердил полицейский. – Поговорил с медсестрой и передал ей цветы. Значит, вы этого не видели?

– Нет. Я ничего такого не помню.

Маркус Эрландер задумался, но так и не нашелся, что бы еще спросить. Что-то не давало ему покоя. Подобное чувство ему доводилось уже испытывать ранее, и он научился истолковывать его как сигнал от интуиции.

Убийцей оказался семидесятивосьмилетний Эверт Гульберг, бывший аудитор, который, возможно, еще консультировал фирмы по налоговым вопросам. Человек почтенного возраста. СЭПО только что инициировало в отношении него предварительное следствие, поскольку он оказался тем самым психом, рассылавшим письма с угрозами разным знаменитостям.

По опыту работы в полиции Эрландер знал, что на свете есть

множество психопатов – они одержимы маниакальными идеями, они преследуют знаменитостей, пытаются добиться их любви и даже селятся в лесу рядом с их виллами. А когда любовь остается безответной, она может быстро трансформироваться в агрессию и ненависть. Ему попадались сталкеры – они приезжали из Германии и Италии, чтобы преследовать молодую певицу из популярной поп-группы. Но когда она отказывалась незамедлительно контактировать с ними, они буквально зверели. Он видел рьяных борцов с властями, которые крайне агрессивно реагировали на несправедливости, реальные и мнимые. Среди них попадались и откровенные психопаты, и типы, помешанные на конспиративных теориях, утратившие связи с реальным миром.

Но некоторые из этих психов способны переходить от фантазий к действиям. И тому немало примеров. Разве убийство Анны Линд[32] не было делом рук маньяка? Однозначного ответа на этот вопрос не было и нет.

Однако инспектор уголовной полиции Маркус Эрландер не мог смириться с тем, что психически ущербный бывший аудитор – или кем бы он там, черт подери, ни был – преспокойно заходит в Сальгренскую больницу с букетом в одной руке и пистолетом в другой, и казнит того, кто являлся объектом полицейского расследования – его расследования. Человека, который в официальном регистре значился как Карл Аксель Бодин, но, по сведениям Микаэля Блумквиста, носил фамилию Залаченко и был предателем, перебежчиком, русским агентом и убийцей.

В лучшем случае Залаченко являлся свидетелем, а в худшем – был причастен к целой серии убийств. Эрландеру дважды удалось коротко допросить его, и оба раза он ни на секунду не поверил его заверениям в невиновности.

И вот теперь убийца проявил интерес к Лисбет Саландер – или, по крайней мере, к ее адвокату – и попробовал ворваться к ней в палату. А потом совершил попытку самоубийства, выстрелив себе в голову. Если верить врачам, сейчас он пребывал в критическом состоянии, так что спасти его вряд ли удастся. И пусть его плоть еще сопротивляется неизбежному исходу, есть основания полагать, что предстать перед судьей Эверту Гульбергу не суждено.

С подобным положением дел Маркус Эрландер никак не мог смириться. Хотя у него не было никаких доказательств того, что выстрелы Гульберга преследовали какие-то иные цели. Но в любом случае, он предпочел больше не рисковать.

– Я решил, что Лисбет Саландер надо перевести в другую палату. – Он

посмотрел на Аннику. – Там, в отсеке, справа от дежурной, есть палата, которая с точки зрения безопасности гораздо надежнее этой. За ней будут круглосуточно наблюдать с дежурного поста и из комнаты медсестер. Запрет на посещение распространяется на всех, кроме вас. К вашей клиентке смогут заходить только врачи и сестры Сальгренской больницы, и лица, получившие специальное разрешение. Я прослежу за тем, чтобы возле ее палаты установили круглосуточное наблюдение.

– Вы думаете, ей что-то угрожает?

– У меня нет никаких сведений о том, что кто-то или что-то ей угрожает. Но в данном случае я бы не хотел рисковать.

Лисбет Саландер внимательно слушала разговор между адвокатом и одним из своих извечных врагов – полицейским. Ей понравилось, что Анника Джаннини отвечает так точно, внятно и детально, а еще больше понравилась способность адвоката действовать хладнокровно и не поддаваться эмоциям.

С того самого момента, как Анника схватила ее и перенесла из постели в туалет, у Лисбет страшно болела голова. Ей хотелось как можно меньше и реже соприкасаться с персоналом – она не любила просить о помощи или проявлять слабость. Но голова болела так сильно, что Лисбет было трудно сколько-нибудь разумно мыслить. Так что она протянула руку и позвонила медсестре.

Анника Джаннини планировала свой визит в Гётеборг как пролог к долгосрочному проекту. Она хотела познакомиться с Лисбет Саландер, справиться о ее истинном состоянии и набросать примерный стратегический план защиты, который они с Микаэлем наметили накануне будущего судебного процесса. Поначалу Анника предполагала вернуться в Стокгольм тем же вечером, но драматические события в Сальгренской больнице не позволили ей поговорить с Лисбет. Врачи считали ее состояние стабильным, но клиентка оказалась в гораздо более плачевной ситуации, чем думала Анника: ее мучили головные боли и высокая температура. И врач по имени Хелена Эндрин была вынуждена прописать ей сильные болеутоляющие средства, антибиотики и покой. Как только клиентку перевели в новую палату и полицейский заступил на дежурство у дверей, Аннику, соответственно, выставили.

Поворчав, она посмотрела на часы – была уже половина пятого. Она не знала, что ей делать, – можно было поехать домой в Стокгольм, но тогда, если клиентке станет лучше, придется утренним поездом снова ехать сюда. Можно переночевать здесь, но в этом случает существует риск напрасно

потерять время, если Лисбет завтра не сможет принимать посетителей. Гостиницу Анника не заказывала – она старалась экономить средства своим клиенткам, как правило, женщинам, не слишком преуспевающим. Сначала она позвонила домой, а затем Лиллиан Юсефссон – своей коллеге, адвокату, члену Общества помощи женщинам и старой институтской подруге. Они не встречались два года и немного пощебетали, прежде чем Анника начала излагать свою просьбу.

– Я в Гётеборге, – сказала Анника. – Собиралась уехать вечером домой, но сегодня произошли некоторые события, и в связи с ними мне придется здесь заночевать. Ничего, если я заявлюсь к тебе непрошеным гостем?

– Как здорово! Конечно, заявляйся. Мы же не виделись целую вечность.

– А я не помешаю?

– Разумеется, нет. Я переехала и теперь живу на улице, пересекающей Линнегатан. У меня есть комната для гостей. Мы сможем вечером отправиться в ресторан и поболтать.

– Если у меня хватит сил, – сказала Анника. – В котором часу тебе будет удобно?

Они договорились, что Анника подойдет к шести.

Доехав на автобусе до Линнегатан, Анника провела следующий час в греческом ресторане, где заказала шашлык с салатом, поскольку страшно проголодалась, а потом долго сидела, размышляя над событиями минувшего дня. После выброса дозы адреналина ее начало слегка трясти, но она все же осталась довольна тем, что в момент опасности действовала без колебаний, эффективно и по-деловому, и сумела оперативно отреагировать на угрозу. В целом она осталась довольна собой.

Через некоторое время женщина извлекла из портфеля записную книжку, открыла ее и начала сосредоточенно изучать. Ее переполняли сомнения по поводу объяснений брата – вроде бы все звучало логично, но на самом деле в плане имелись большие пробелы. Но отступать она не собиралась.

В шесть часов Анника расплатилась, дошла до дома Лиллиан Юсефссон на Оливедальсгатан и набрала код в квартиру подруги. Она вошла в подъезд и огляделась в поисках лифта. И тут на нее напали. Она, конечно, этого не ожидала и поняла, что происходит, только когда ее грубо толкнули прямо на кирпичную стену перед подъездом. Анника ударилась о стену лбом и почувствовала острую боль.

В следующее мгновение она услышала поспешно удаляющиеся шаги,

звук открывшейся и снова закрывшейся двери. Поднявшись на ноги, Анника провела рукой по лбу и увидела на ладони кровь. Ни черта себе… Она растерянно огляделась и вышла на улицу, но ей удалось выхватить взглядом только чью-то спину, исчезнувшую за углом у площади.

Минуту она стояла в растерянности, прежде чем осознала, что лишилась портфеля и что ее только что ограбили. Потом до ее сознания дошло значение происшедшего. Нет. Папка с материалами о Залаченко. Анника почувствовала, как грудь ее холодеет, и сделала несколько нерешительных шагов вслед убегавшему мужчине, но почти сразу остановилась. Бесполезно, его уже не догнать.

Она медленно опустилась на край тротуара. Потом буквально взвилась в воздух и стала рыться в карманах пиджака. Записная книжка. Слава богу… Уходя из ресторана, она сунула ее вместо портфеля в карман. Там содержался набросок ее стратегии по делу Лисбет Саландер, расписанный по пунктам.

Анника кинулась обратно к двери, снова набрала код, взбежала по лестнице на четвертый этаж и заколотила в дверь Лиллиан Юсефссон.

Стрелки часов уже приближались к половине седьмого, когда Анника немного опомнилась и смогла позвонить Микаэлю. На лбу у нее красовался синяк, рассеченная бровь кровоточила. Лиллиан Юсефссон промыла ей рану спиртом и заклеила пластырем. Ехать в больницу Анника отказалась, зато попросила чашку чая. Только после этого она смогла снова рационально мыслить и для начала позвонила брату.

Микаэль Блумквист все еще находился в редакции «Миллениума». Они вместе с Хенри Кортесом и Малин Эрикссон пытались раздобыть информацию об убийце Залаченко. Рассказ Анники о том, что случилось, буквально потряс его.

– Ты не пострадала? – спросил он.

– Заработала синяк. Когда успокоюсь, буду в полном порядке.

– Что это было, ограбление?

– Они отняли мой портфель с папкой документов о Залаченко, которые ты мне дал. У меня их больше нет.

– Ничего страшного, я сделаю тебе новые копии.

Тут Блумквист внезапно умолк. От ужаса и страха у него похолодел затылок. Сначала Залаченко, потом Анника…

– Анника, я тебе перезвоню.

Микаэль закрыл ноутбук, сунул его в сумку и быстро покинул редакцию, не сказав ни единого слова. Он мчался так, словно за ним

гнались, – всю дорогу до Бельмансгатан и вверх по лестнице.

Дверь была заперта.

Как только он вошел в квартиру, сразу обратил внимание, что синяя папка, которую он оставил на кухонном столе, исчезла. Искать ее не имело смысла. Микаэль точно знал, где она находилась, когда он выходил из квартиры. Журналист медленно опустился на стул возле кухонного стола.

Неужели это происходит в реальности?

Кто-то побывал у него дома. Кто-то заметает следы, связанные с Залаченко.

Копии документов – и у него, и у Анники – исчезли.

Но у Бублански все-таки оставался экземпляр отчета.

Или уже нет?

Микаэль встал и подошел к телефону, но, уже подняв трубку, застыл на месте. Ведь кто-то побывал у него в квартире. Он вдруг с нескрываемым подозрением посмотрел на стационарный телефон и начал рыться в кармане пиджака в поисках мобильного. А когда нашел, вновь застыл, держа его в руке.

А ведь наверняка и мобильные телефоны так же легко прослушиваются.

Микаэль положил мобильный телефон рядом со стационарным и огляделся.

Я имею дело с профессионалом. Наверняка поставить квартиру на прослушку не составит труда.

Он снова сел за кухонный стол.

Взглянул на сумку с компьютером.

Интересно, легко ли взломать чужую электронную почту? У Лисбет Саландер это заняло бы всего пять минут.

Микаэль долго собирался снова подойти к телефону и позвонить сестре в Гётеборг. Он решил более тщательно подбирать формулировки.

– Привет… Как твои дела?

– Я в полном порядке, Микке.

– Расскажи, что произошло с того момента, как ты пришла в Сальгренскую больницу, и до нападения.

О событиях дня Анника рассказывала десять минут. Микаэль не обсуждал с ней детали ее рассказа, только время от времени задавал вопросы, пока не решил, что услышал достаточно. Он, конечно, очень переживал за сестру, но параллельно реконструировал четкую схему событий.

Когда Анника решила остаться в Гётеборге, была половина пятого. Она позвонила по мобильному телефону подруге и получила адрес и дверной код. Грабитель поджидал ее на лестнице ровно в шесть часов.

Ее мобильный телефон прослушивали. Это единственное, что приходит в голову.

Значит, и его мобильник тоже прослушивают.

Иначе они просто полные дебилы.

– Но они забрали папку с материалами о Залаченко, – повторила Анника.

Микаэль не знал, как себя вести. Тот, кто похитил у него папку, знает, что она украдена, так что ничего удивительного, если он расскажет об этом Аннике Джаннини по телефону.

– И мою тоже, – сказал он.

– Что?

Микаэль объяснил, что, прибежав домой, не обнаружил на кухонном столе синей папки.

– О’кей, – мрачным голосом произнес он. – Это катастрофа. Папки Залаченко больше нет. А она ведь служила неопровержимым доказательством.

– Микке… Мне очень жаль.

– Мне тоже, – сказал Микаэль – Черт возьми! Но это не твоя вина. Мне следовало предать этот отчет огласке сразу, в тот же день, когда я его получил.

– Что же нам теперь делать?

– Не знаю. Это самое худшее, что могло случиться. Теперь все наши планы пойдут насмарку. У нас просто нет никаких улик против Бьёрка и Телеборьяна.

Они побеседовали еще две минуты, и Микаэль решил закругляться.

– Я хочу, чтобы ты завтра же вернулась в Стокгольм, – сказал он.

– Прости, но мне необходимо встретиться с Саландер.

– Хорошо, повидайся с ней утром и приезжай во второй половине дня. Нам надо посидеть и подумать, что делать дальше.

После разговора Микаэль еще посидел на диване, глядя прямо перед собой. Потом он улыбнулся. Те, кто их подслушивал, теперь знают, что «Миллениум» потерял отчет Бьёрка от 1991 года и переписку между Бьёрком и доктором Петером Телеборьяном. Так что они считают, что они с Анникой теперь в отчаянии.

После того как прошлой ночью он изучал историю Службы

государственной безопасности, Микаэль усвоил, что основой любой шпионской деятельности является дезинформация. А он только что запустил дезинформацию, которая в перспективе может сослужить им чрезвычайно важную службу.

Журналист открыл сумку для ноутбука и вытащил копию, которую сделал для Драгана Арманского, но еще не успел передать. Теперь это единственный оставшийся экземпляр. Самое главное – не потерять его, и Микаэль, напротив, собирался немедленно снять с него по меньшей мере пять копий и раскидать их по разным надежным местам.

Потом он взглянул на часы и позвонил в редакцию «Миллениума». Малин Эрикссон была еще на месте, но собиралась уходить домой.

– Почему ты так неожиданно исчез?

– Будь добра, пока не уходи. Я сейчас приду, и мне обязательно надо кое-что с тобой обсудить до того, как ты уйдешь.

Блумквист уже несколько недель не успевал постирать, и все его рубашки лежали в корзине для грязного белья. Он взял с собой последнюю копию отчета Бьёрка, бритву и «Борьбу за власть над СЭПО», потом прогулялся до магазина «Дрессманн», где купил четыре рубашки, две пары брюк и десять пар трусов, и, забрав все это, отправился в редакцию. Малин Эрикссон подождала, пока он наскоро примет душ, и поинтересовалась, что случилось.

– Кто-то залез ко мне в квартиру и украл отчет о Залаченко. В Гётеборге кто-то напал на Аннику и похитил ее копию. Я не сомневаюсь, что ее телефон прослушивается, и, значит, скорее всего, мой телефон, а возможно, и твой, и все телефоны «Миллениума» поставлены на прослушку. Подозреваю, что если уж кто-то потрудился залезть ко мне в квартиру, то было бы глупо не воспользоваться случаем и не установить там прослушивающую аппаратуру.

– Вот оно что… – Расстроенная Малин Эрикссон покосилась на лежавший перед ней на письменном столе мобильный телефон.

– Работай как обычно. Звони по мобильному, только не выдавай никакой информации. Завтра мы предупредим Хенри Кортеса.

– О’кей. Он ушел час назад и оставил у тебя на столе гору отчетов государственных комиссий. И что ты будешь делать?

– Я собираюсь ночевать в «Миллениуме». Если они сегодня застрелили Залаченко, украли отчеты и начинили мою квартиру прослушивающей аппаратурой, то скорее всего, только начали действовать и еще не успели обработать редакцию. Здесь целый день были люди. Я не хочу на ночь оставлять редакцию пустой.

– Ты думаешь, что убийство Залаченко… Но ведь убийца – семидесятивосьмилетний психопат.

– Я не верю в такие совпадения. Кто-то решил вымарать все следы, связанные с Залаченко. Мне наплевать, кто этот семидесятивосьмилетний психопат и сколько идиотских писем он разослал министрам. Его явно наняли, он киллер и явился туда, чтобы убить Залаченко… А возможно, и Лисбет Саландер.

– Но он ведь совершил самоубийство или, во всяком случае, пытался… Разве это похоже на почерк наемного убийцы?

Микаэль задумался, а потом посмотрел главному редактору в глаза.

– Ему семьдесят восемь лет, и, возможно, нечего терять. Он явно к этому причастен, и когда мы все раскопаем – вдоль и поперек, – то сможем это доказать.

Малин внимательно разглядывала Микаэля – его лицо выдавало решимость и стойкость, таким она его прежде не видела. Она вдруг вздрогнула. Блумквист обратил внимание на ее реакцию.

– Ага, понимаешь!.. Теперь мы затеваем поединок уже не с бандой уголовников, а с государством и властями. Нам придется нелегко.

Эрикссон кивнула.

– Я не рассчитывал на то, что все зайдет так далеко. Малин, если хочешь выйти из игры, только скажи.

Она ненадолго задумалась, – интересно, а что сказала бы на ее месте Эрика Бергер. А потом упрямо покачала головой.

Часть 2
Республика хакеров

1–22 мая

Ирландский закон от 697 года запрещает женщинам нести воинскую службу. И тем самым свидетельствует о том, что ранее женщины принимали участие в сражениях. На протяжении истории многие народы – арабы, берберы, китайцы, филиппинцы, курды, раджпуты, маори, папуа, австралийские аборигены, микронезийцы и американские индейцы – пользовались услугами женщин-воинов.

О грозных воительницах Древней Греции существует множество легенд.

С детства их обучали искусству войны, как обращаться с оружием и как переносить физические тяготы.

Они жили отдельно от мужчин и отправлялись на войну в составе женских боевых подразделений.

Многие эпизоды повествуют о том, что часто женщины побеждали мужчин на поле боя. В античной греческой литературе – например, в «Илиаде» Гомера, написанной, предположительно, в 700 году до нашей эры – появляются амазонки.

Это слово впервые использовали древние греки. Дословно «амазонка» означает «безгрудая». Утверждают, что правую грудь женщинам удаляли, чтобы им легче было натягивать лук.

Знаменитые греческие врачи Гиппократ и Гален, вроде бы, утверждали, что подобная операция помогла бы женщинам стать более боеспособными. Но в то же время вряд ли такие операции на самом деле проводились. В этом и заключается лингвистическая загадка: приставка «а» в слове амазонка действительно означает «без».

Впрочем, высказывалась и прямо противоположная версия: якобы амазонками были женщины с огромной грудью.

Впрочем, ни в одном музее мира нет ни одного конкретного примера – картины, статуи или любого другого изображения, где женщина предстала бы без правой груди. Так что легенда об ампутации молочной железы не находит документального подтверждения.

Глава 8

Воскресенье, 1 мая – понедельник, 2 мая

Эрика Бергер глубоко вздохнула, распахнула дверь лифта и вошла в редакцию «Свенска моргонпостен». Часы показывали четверть одиннадцатого утра. Она выглядела очень элегантно – черные брюки, красный джемпер и темный пиджак. Был чудесный день, стояла прекрасная первомайская погода, и, проезжая через город, Эрика отметила, что представители рабочего движения уже начинают собираться на демонстрацию. Сама она лет двадцать не ходила на демонстрации.

Бергер немного постояла около лифта в полном одиночестве.

Первый день на новой работе.

Стоя у входа, она видела бо́льшую часть редакции с информационной стойкой в центре. Ее взгляд уткнулся в стеклянные двери в кабинет главного редактора, который на ближайший год станет ее рабочим местом.

Эрика была не вполне уверена, что годится на должность руководителя такой бесформенной и бесструктурной организации, какую представляла собой газета «Свенска моргонпостен». Пожалуй, она действительно рискнула совершить чересчур резкий переход – от «Миллениума» с пятью сотрудниками к ежедневной газете, в которой работают восемьдесят журналистов и еще примерно девяносто человек – администрация, технический персонал, дизайнеры, фотографы, рекламщики, дистрибьюторы и все прочие службы, участвующие в выпуске газеты. Плюс к этому издательство, производственная и управляющая компании. В общей сложности 230 человек.

На секунду Эрика задумалась, а не совершила ли она роковую ошибку.

Потом старшая из двух дежурных заметила, кто пришел в редакцию, вышла из-за стойки и протянула руку.

– Фру Бергер, добро пожаловать в «Свенска моргонпостен».

– Меня зовут Эрика. Добрый день.

– Беатрис. Добро пожаловать. Проводить вас к главному редактору Морандеру?.. Простите, я хотела сказать, к экс-главному редактору.

– Спасибо, он ведь сидит там, в стеклянной клетке, – с улыбкой сказала Эрика. – Думаю, я найду дорогу. А вам спасибо за вашу любезность.

Шагая сквозь редакционные помещения, она заметила, что все вокруг стихло и все взгляды обращены к ней. Эрика остановилась перед

полупустой информационной стойкой и приветливо кивнула.

– Через несколько минут у нас будет возможность поздороваться и познакомиться как следует, – сказала она, прошла дальше и постучала по раме стеклянной двери.

Главному редактору, покидающему пост, Хокану Морандеру было пятьдесят девять лет, и двенадцать из них он провел в стеклянной клетке в редакции «Свенска моргонпостен». Как и Эрику Бергер, его когда-то пригласили со стороны – то есть в свое время он так же впервые прошел весь этот маршрут через редакцию, как только что прошла она. Он рассеянно посмотрел на нее, бросил взгляд на наручные часы и поднялся.

– Привет, Эрика. Я думал, вы приступите к работе в понедельник.

– Я не смогла еще день просидеть дома… Мне просто не терпелось прийти сюда.

Морандер протянул ей руку.

– Добро пожаловать. Я очень рад, что вы меня сменяете.

– Как вы себя чувствуете? – спросила Эрика.

Он пожал плечами.

Секретарша Беатрис принесла кофе и сливки.

– У меня такое чувство, словно я уже наполовину выдохся. Мне даже говорить об этом не хочется. Сперва ты всю жизнь чувствуешь себя тинейджером, у которого впереди целая жизнь и бессмертие, а потом вдруг выясняется, что осталось уже совсем немного. Но в одном уверен – я не намерен потратить остаток жизни в этой стеклянной клетке.

Он непроизвольно дотронулся до груди – у него были проблемы с сердцем и сосудами. Именно они и послужили причиной его внезапного ухода. Поэтому Эрика была вынуждена приступить к работе на несколько месяцев раньше, чем оговаривалось изначально.

Бергер обернулась и посмотрела на редакционный зал. Привычный офисный пейзаж. Он был наполовину пуст, а репортер с фотографом направлялись к лифту, чтобы собрать репортаж о первомайских событиях.

– Если я помешала и вам сегодня не до меня, то я уйду.

– Мне сегодня придется написать передовицу на четыре с половиной тысячи знаков о первомайских демонстрациях. Я уже столько передовиц понаписал, что могу делать это на автопилоте. Если социалисты выступят за то, чтобы развязать войну с Данией, я должен объяснить, почему они не правы. Если социалисты выступят против войны с Данией, я тоже должен объяснить, почему они и в этом случае не правы.

– С Данией? – переспросила Эрика.

– Ну да. Просто первого мая невозможно обойтись без того, чтобы не

обсудить конфликты по вопросу об интеграции. А социалисты всегда не правы, независимо от того, за что они выступают. – Он вдруг засмеялся.

– Звучит довольно цинично.

– Что ж, добро пожаловать в «Свенска моргонпостен».

Эрика пока так и не могла составить себе впечатление о главном редакторе Хокане Морандере. В кругу главных редакторов его считали безликим бюрократом. Если судить по его передовицам, то возникал образ скучного консерватора, брюзжащего по поводу налогов и типичного либерального борца за свободу слова. Хотя Эрика лично с ним раньше не встречалась и не общалась.

– Расскажите мне о работе, – попросила она.

– Я уйду в конце июня. Так что два месяца нам предстоит работать параллельно. За это время вы сможете оценить и позитивные, и негативные факторы. Лично я циник, поэтому в основном воспринимаю все в негативном ключе.

Он поднялся и встал рядом с нею возле стеклянной стойки.

– Вы обнаружите, что за этой стойкой у вас целый отряд противников – дневные руководители и редакторы-ветераны создают свои маленькие империи и собственные клубы, куда вам вход заказан. Они будут пытаться нарушить границы, станут пропихивать собственные статьи и комментарии… Но вам понадобится проявить бдительность и решительность и не упускать из рук бразды правления, чтобы им сопротивляться.

Эрика кивнула.

– У вас будут ночные дежурные редакторы – Биллинг и Карлссон… Сами по себе они – отдельная глава. Друг друга они ненавидят, но, слава Богу, работают в разные смены. Ведут себя так, словно каждый из них – и ответственный, и выпускающий, и главный редактор. Еще есть Андерс Хольм – шеф отдела информации, с которым вам придется довольно часто контактировать. У вас с ним наверняка будут стычки. На самом деле он один из самых востребованных сотрудников «Свенска моргонпостен»… Есть несколько репортеров, которые корчат из себя примадонн. Есть и такие, которых уже давно следовало бы отправить на пенсию.

– Неужели хороших сотрудников вообще не найти?

Морандер вдруг засмеялся.

– Конечно, бывают. Но от вас самой зависит многое, с кем вы сможете сработаться, а с кем – нет. Во всяком случае, несколько первоклассных репортеров у нас есть.

– А как с руководством?

– Правление возглавляет Магнус Боргшё, он как раз и нанимал вас. Он обаятелен, немного старомоден и немного реформатор, но главное, он все решает. Есть несколько членов правления – в основном представители семьи владельцев, которые по большей части просто отсиживаются. А есть и парочка таких, которые вечно суетятся и делают вид, что это они всем управляют.

– Похоже, вас не слишком устраивает правление?

– У нас существует разделение труда: вы выпускаете газету, а они отвечают за финансовую сторону. Они не должны вмешиваться в содержание газеты, но тем не менее постоянно возникают разные ситуации… Честно говоря, Эрика, вам предстоит нелегкий период.

– Почему вы так решили?

– Золотая эпоха пришлась на шестидесятые годы. Но с той поры тираж сократился почти на сто пятьдесят тысяч экземпляров, и «Свенска моргонпостен» вскоре может стать нерентабельной. Мы проводим реструктуризацию и, начиная с восьмидесятого года сократили уже сто восемьдесят должностей. Мы перешли на формат таблоида, что следовало бы сделать еще двадцать лет назад. «Свенска моргонпостен» по-прежнему принадлежит к числу солидных газет – но еще немного, и мы перейдем в перечень изданий второго эшелона. Если уже не перешли.

– Но почему они выбрали именно меня? – спросила Эрика.

– Потому что средний возраст читателей «Свенска моргонпостен» – пятьдесят с плюсом, а новых двадцатилетних читателей – просто ноль. Газету «Свенска моргонпостен» следует полностью переформатировать. Правление решило, что на должность главного редактора надо выбрать самую эксцентричную кандидатуру, какую только можно себе представить.

– Женщину?

– Но не просто женщину, а женщину, разгромившую империю Веннерстрёма и прославившуюся как королева журналистских расследований, известную исключительной неподкупностью и твердостью убеждений. Подумайте сами. Это сильный ход. Если уж вы не сумеете обновить газету, то этого не сможет сделать никто. То есть «Свенска моргонпостен» не просто нанимает Эрику Бергер, а прежде всего делает ставку на репутацию Эрики Бергер.

В начале третьего Микаэль Блумквист вышел из кафе «Копакабана», расположенного возле кинотеатра у площади Хурнстулль. Он надел темные очки, и направляясь к метро, завернул на набережную. Почти сразу увидел знакомую серую «вольво», припаркованную прямо за углом. Проскочил

мимо машины, не сбавляя скорости, но успел обратить внимание на то, что у машины тот же номерной знак и что в ней никого нет.

Блумквист видел этот автомобиль уже в седьмой раз за последние четверо суток. Конечно, не исключено, что машина и раньше находилась поблизости от него, а то, что он обратил на нее внимание, просто чистая случайность. Впервые Микаэль заметил ее в среду утром, когда шел в редакцию «Миллениума» – она стояла рядом с его подъездом на Бельмансгатан. Случайно взглянув на номерной знак, он увидел буквы КАБ и вспомнил название фирмы, принадлежавшей Залаченко, – та называлась «Карл Аксель Бодин АВ», сокращенно тоже КАБ. Возможно, Микаэль и не обратил бы на машину никакого внимания, если б не увидел тот же номерной знак двумя часами раньше, когда обедал вместе с Хенри Кортесом и Малин Эрикссон на площади Медборгарплатсен. В тот раз «вольво» стояла на боковой улице, возле редакции «Миллениума».

Микаэль даже призадумался, уж не превратился ли в параноика, но, когда он после обеда навещал Хольгера Пальмгрена в реабилитационном центре в Эрсте, серый «вольво» стоял на гостевой парковке. Нет, это не случайность… Микаэль внимательно посмотрел по сторонам. Следующим утром, вновь заметив ту же машину, он уже ничуть не удивился.

Водителя Блумквист так ни разу и не видел, однако в беседе со службой регистрации автомобилей выяснилось, что машина зарегистрирована на имя некоего Йорана Мортенссона, сорока лет, проживающего на Виттангигатан в районе Веллингбю. После некоторых разысканий выяснилось, что Йоран Мортенссон является бизнес-консультантом и владеет собственной фирмой, зарегистрированной по адресу Флеммингатан, на острове Кунгсхольмен.

В целом у Мортенссона оказался впечатляющий послужной список.

В 1983 году, в восемнадцатилетнем возрасте, он начинал военную службу в разведывательном подразделении береговой охраны, а затем поступил в Вооруженные силы Швеции. Там дослужился до лейтенанта и в 1989 году переквалифицировался, поступив в Высшую школу полиции в Сольне. С 1991 по 1996 год работал в Стокгольмской полиции, откуда уволился в 1997 году и в 1999 году зарегистрировал собственную фирму.

Значит, СЭПО.

Микаэль даже прикусил нижнюю губу. Если только он не страдает паранойей на почве своих расследований, за ним следят, но настолько неуклюже, что ему удалось это обнаружить.

А может, вовсе и не так уж неуклюже? Ведь он обратил внимание на машину только потому, что номерной знак, по странному стечению

обстоятельств, вызвал у него определенные ассоциации. Если б не буквы КАБ, он бы никогда не обратил никакого внимания на машину.

В пятницу «КАБ» отсутствовал. Микаэль не был уверен, но ему показалось, что в этот день его сопровождала красная «ауди»; правда, разглядеть номер ему не удалось. Однако в субботу «вольво» опять заступила на дежурство.

Ровно через двадцать секунд после того, как Микаэль Блумквист покинул кафе «Копакабана», Кристер Мальм, сидевший за столиком на террасе кафе «Россос» на другой стороне улицы, вытащил цифровой аппарат «Никон» и сделал серию из двенадцати снимков. Он сфотографировал двух мужчин, вышедших из кафе «Копакабана» сразу после Микаэля и проследовавших за ним мимо кинотеатра.

Один из них был блондином неопределенного среднего возраста. Другой, в темных очках, выглядел постарше; у него была жидкая светло-рыжая шевелюра. Оба одеты в джинсы и темные кожаные куртки.

У серой «вольво» они расстались. Тот, что постарше, открыл дверцу машины, а тот, который помоложе, двинулся следом за Блумквистом в сторону метро.

Кристер Мальм опустил камеру и вздохнул. Он понятия не имел, зачем Микаэль так настоятельно просил его погулять в воскресенье днем рядом с кафе «Копакабана» и проверить, не обнаружится ли там серая «вольво» с конкретным регистрационным номером. Кристер получил инструкции, согласно которым ему следовало попытаться сфотографировать человека, который, как считал Микаэль, сразу после трех подойдет к машине и откроет дверцу. А параллельно ему поручалось проверить, не пойдет ли кто-нибудь по пятам за Микаэлем.

Это очень напоминало типичные сюжеты из приключений детектива Калле Блумквиста. Кристер Мальм все гадал, параноик ли Микаэль по натуре, или же он обладает какими-то аномальными талантами. После событий в Госсеберге Блумквист ушел в себя, с ним стало трудно общаться. Правда, он часто вел себя подобным образом, когда работал над какой-нибудь интригующей историей. Кристер помнил его таким же замкнутым и одержимым в период истории с Веннерстрёмом, но сейчас эти качества проявлялись отчетливее, чем когда-либо.

Однако Кристеру и самому пришлось убедиться, что за Микаэлем Блумквистом действительно следят. Неужели опять начнется очередная фантасмагория, которая, скорее всего, потребует от «Миллениума» времени, сил и ресурсов? Кристер Мальм считал, что теперь, когда главный

редактор дезертировал и возглавил «Большого Дракона» и стабильность «Миллениума», в которую было вложено столько усилий, вдруг оказалась под угрозой, не лучшее время для игры в литературных героев. Но с другой стороны, он уже не менее десяти лет не ходил ни на какие демонстрации, за исключением гей-парадов, так что в это первомайское воскресенье охотно откликнулся на просьбу Микаэля.

Кристер поднялся и побрел за преследователем Блумквиста, хотя этого от него уже не требовалось. Правда, уже на Лонгхольмсгатан он упустил злоумышленника из виду.

Решив, что его телефон, скорее всего, прослушивается, Микаэль для начала послал Хенри Кортеса купить старые мобильные телефоны, и тот буквально по бросовой цене раздобыл нераспроданную партию аппаратов «Эрикссон Т 10».

Микаэль купил анонимные номера телефонов и раздал резервные сим-карты Малин Эрикссон, Хенри Кортесу, Аннике Джаннини, Кристеру Мальму и Драгану Арманскому. Одну, разумеется, он оставил себе. Новые аппараты и номера использовались только для разговоров, абсолютно не предназначенных для чужих ушей. Повседневное же телефонное общение происходило по обычным официальным номерам. Иными словами, всем приходилось ходить с двумя мобильными телефонами.

Из кафе «Копакабана» Микаэль поехал в «Миллениум», где в этот уикенд дежурил Хенри Кортес. После убийства Залаченко Блумквист составил график дежурств, согласно которому в редакции «Миллениума» всегда кто-нибудь находился и кто-нибудь оставался ночевать. В список дежурных он включил себя самого, Хенри Кортеса, Малин Эрикссон и Кристера Мальма. Ни Лотту Карим, ни Монику Нильссон, ни менеджера по распределению рекламных площадей Сонни Магнуссона туда включать не стали. Им даже и не предлагали. Лотта Карим панически боялась темноты и ни за что в жизни не согласилась бы ночевать одна в редакции. Монику Нильссон темнота не смущала, но она всегда отличалась маниакальностью в написании своих статьей, а кроме того, принадлежала к тому типу людей, которые всегда уходят домой сразу после окончания рабочего дня. Сонни Магнуссону был шестьдесят один год, он не имел ничего общего с редакционной работой и вообще скоро собирался в отпуск.

– Что новенького? – поинтересовался Микаэль.

– Ничего особенного, – ответил Хенри Кортес. – Самая топовая новость сегодня – естественно, Первое мая.

Микаэль кивнул.

– Я посижу тут пару часов. Можешь пока заняться своими делами, только возвращайся к девяти.

Проводив Хенри Кортеса, Блумквист подошел к своему письменному столу и вытащил анонимный мобильный телефон. Он позвонил Даниэлю Улофссону, фрилансеру из Гётеборга. За прошедшие годы «Миллениум» опубликовал несколько его статей, и Микаэль очень ценил Улофссона за его умение добывать ценные материалы.

– Привет, Даниэль. Это Микаэль Блумквист. Ты свободен?

– Да.

– Мне нужно, чтобы ты занялся небольшим расследованием. Ты можешь выписать счет за пять дней, но никакой статьи от тебя не требуется. Или вернее, если захочешь, можешь написать на эту тему статью и мы ее опубликуем, но нас интересует только сам материал.

– *Shoot*[33].

– Дело весьма деликатное. Ты не должен обсуждать его ни с кем, кроме меня, и связываться со мной тебе придется только через электронную почту. При этом ты даже не должен упоминать о том, что занимаешься заданием «Миллениума».

– Звучит интригующе… Так что же от меня требуется?

– Я хочу, чтобы ты сделал репортаж из Сальгренской больницы. Мы назовем его «Скорая помощь», и сможем сравнить реальную жизнь и телесериал. Мне надо, чтобы ты несколько дней понаблюдал за работой отделений неотложной помощи и интенсивной терапии. Поговори с врачами, сестрами, нянечками и всеми, кто там работает. Какие у них условия работы, чем они занимаются и так далее. И, разумеется, мне понадобятся фотографии.

– Отделение интенсивной терапии? – переспросил Улофссон.

– Да. Мне бы хотелось, чтобы ты обратил внимание на послеоперационный уход за тяжелыми больными в коридоре одиннадцать-С. Я хочу знать, что этот коридор из себя представляет, кто там работает, как они выглядят и чем занимались раньше.

– Вот как, – сказал Даниэль Улофссон. – Если я не ошибаюсь, в одиннадцать-С находится на лечении некая Лисбет Саландер.

А этот Улофссон вовсе парень не промах…

– Неужели? – удивился Микаэль Блумквист. – Вот это да. Тогда разузнай, в какой палате она лежит, что находится в соседних помещениях и какой у нее распорядок дня.

– Мне кажется, что в этом репортаже речь пойдет совсем о другом, – сказал Улофссон.

– Как я уже сказал, меня интересуют только собранные тобой сведения.

Они обменялись адресами электронной почты.

Войдя в палату, сестра Марианна обнаружила, что Лисбет Саландер лежит на спине, прямо на полу.

– Ничего себе, – произнесла сестра Марианна.

Она не была уверена в том, подобает ли пациенту лежать на полу в отделении интенсивной терапии. В то же время медсестра не могла не признать, что другого подходящего места для моциона у пациентки просто нет.

Лисбет Саландер следовала рекомендациям физиотерапевта и пыталась на протяжении получаса делать отжимания, растяжки и приседания, и вся взмокла. У нее имелся длинный регистр движений, которые ей следовало ежедневно повторять, чтобы укрепить мускулатуру плеча и бедер после операции, проведенной три недели назад. Лисбет тяжело дышала и чувствовала, что находится далеко не в лучшей своей форме. Она здо́рово уставала, и при малейшем напряжении у нее моментально начиналась боль в плече. Но в целом Лисбет, несомненно, шла на поправку. Головные боли, мучавшие ее постоянно в первые дни после операции, уже почти не беспокоили ее.

Саландер считала, что уже достаточно здорова и что ее вполне могут уже выписать или хотя бы перевести в реабилитационное отделение. Но ей приходилось подчиняться больничному режиму. Во-первых, потому, что врачи еще не признали ее здоровой, а во-вторых – дверь в палату постоянно запиралась и находилась под наблюдением охранника, который постоянно торчал на стуле в коридоре.

Она считала, что уже вполне созрела для того, чтобы ее перевели в обычное реабилитационное отделение. Но после некоторых переговоров полиция и руководство больницы решили пока оставить Лисбет в палате номер 18. Это помещение легко было охранять, поблизости все время находился кто-нибудь из персонала, и она располагалась в конце коридора, который делал закорючку в виде буквы «Г». Было решено, что проще оставить Лисбет в коридоре 11 С, где персонал после убийства Залаченко проинструктирован относительно мер безопасности и уже в курсе ее сложной ситуации, чем переводить ее в другое отделение и менять уже освоенный распорядок.

В любом случае Лисбет Саландер еще предстояло пробыть в Сальгренской больнице несколько недель. Как только врачи объявят, что

она относительно здорова, ее перевезут в Стокгольм, в следственный изолятор Крунуберг, где она будет дожидаться решения суда. А принимать решение относительно ее выписки уполномочен только доктор Андерс Юнассон.

А провести первый серьезный допрос доктор Юнассон разрешил полиции только через десять дней после событий в Госсеберге. Аннику Джаннини это вполне устраивало. Но к сожалению, врач препятствовал и самой Аннике, регламентируя ее общение с клиенткой, и это ее раздражало.

После инцидента с убийством Залаченко доктор провел всестороннее обследование состояния Лисбет Саландер. Он также учитывал тот факт, что его пациентка, скорее всего, испытала большой стресс, поскольку ее подозревали в тройном убийстве. Андерс Юнассон не имел ни малейшего представления о том, насколько она виновна или невиновна, но, как врача, его этот вопрос ни в коей мере не интересовал. Он просто пришел к выводу, что Лисбет Саландер подверглась серьезным стрессовым нагрузкам. В нее трижды стреляли, и одна из пуль попала ей в голову. Она чудом избежала гибели, ее по-прежнему мучили сильные головные боли, у нее держалась температура.

Андерс Юнассон предпочел обезопасить себя и свою пациентку от случайностей. Даже если Саландер и в самом деле убийца, она – его пациентка, и он обязан позаботиться о ее скорейшем выздоровлении. Поэтому он запретил ее посещать, что никак не было связано с юридически мотивированным запретом прокурора. Просто он прописал ей лечение и полный покой.

В то же время доктор Андерс Юнассон полагал, что полная изоляция граничит с пытками и что в отрыве от друзей никто не может чувствовать себя хорошо. Поэтому он доверил адвокату Аннике Джаннини роль друга Лисбет Саландер. Юнассон поговорил с Анникой и объяснил ей, что она сможет навещать Лисбет каждый день и проводить с нею по одному часу. Ей разрешалось беседовать с пациенткой или просто сидеть молча, но их беседы, по мере возможности, не должны касаться житейских проблем Лисбет Саландер и предстоящих юридических баталий.

– Лисбет стреляли в голову, и она очень серьезно травмирована, – повторял он. – Думаю, что сейчас она уже вне опасности, но всегда существует риск – могут возобновиться кровотечения и возникнуть осложнения. Ей надо обеспечить покой, только так она сможет выздороветь. А уже после этого начнет решать свои проблемы с законом.

Анника Джаннини признала справедливой логику и аргументы доктора Юнассона. Она провела с Лисбет Саландер несколько абстрактных

бесед, в целом лишь очертив контуры их с Микаэлем стратегии. Но, конечно, никакие детали она обсуждать не могла. Лисбет Саландер была так накачана анальгетиками и так обессилена, что часто отключалась прямо посреди разговора.

Драган Арманский разглядывал фотографии, сделанные Кристером Мальмом, на которых двое мужчин выходили из кафе «Копакабана» вслед за Микаэлем Блумквистом. Снимки получились очень качественными.

– Нет, – сказал он. – Я никогда их раньше не видел.

Микаэль кивнул.

Встреча состоялась в понедельник утром в кабинете Арманского в «Милтон секьюрити». Микаэль проскочил в здание через гараж.

– Старший – это Йоран Мортенссон, владелец «вольво». Он преследовал меня не меньше недели, а может быть, даже и больше.

– И вы утверждаете, что он из СЭПО?

Микаэль показал досье, которое он собрал на Мортенссона – оно не требовало никаких комментариев. Арманский колебался: разоблачения Блумквиста вызывали у него противоречивые эмоции.

Никто не спорит: государственная тайная полиция часто попадает впросак – это касается не только шведской СЭПО, но, по всей видимости, и всех других разведывательных служб в мире. Взять хотя бы позорный эпизод, когда французская тайная полиция отправила команду водолазов-минеров в Новую Зеландию, чтобы взорвать судно «Рейнбоу уорриор», принадлежавшее Гринпису. Эту акцию смело можно расценить как самую дебильную операцию в истории разведки. Сравниться с ней по идиотизму может только причастность президента Никсона к Уотергейтскому скандалу.

Но как можно обойтись без скандалов с такими бездарными командующими? Кстати, ведь об успехах спецслужб никогда не сообщается, но когда случаются провалы или совершаются какие-нибудь глупости, средства массовой информации, как церберы, набрасываются на службу безопасности.

Арманский никогда не мог понять, как шведские газеты относятся к СЭПО.

С одной стороны, СМИ рассматривают СЭПО как незаменимый источник информации, и почти любой политический промах становится поводом для эффектных заголовков: «СЭПО подозревает, что…» Почему-то ссылка на СЭПО сразу придает статье вес и авторитет.

С другой стороны, и СМИ, и политики разных уровней дружно

набрасываются на сотрудников СЭПО, которые следят за шведскими гражданами, – если их, конечно, на этом деле поймают. И именно это противоречие внушало Арманскому сомнения в здравомыслии как политиков, так и СМИ.

Собственно говоря, сам по себе факт существования СЭПО Арманского ничуть не раздражал. Ведь должен же кто-нибудь следить за тем, чтобы спятившие национал-большевики, которые начитались Бакунина – или какого там еще там черта читают неонацисты, – не соорудили бомбу из минеральных удобрений с нефтью и не разместили ее в фургоне перед резиденцией Росенбада[34]. Следовательно, необходимость таких организаций, как СЭПО, нельзя отрицать, и Арманский считал, что присматривать за некоторыми гражданами во имя интересов всеобщей безопасности вполне уместно.

Проблема, естественно, заключается в том, что организация, призванная следить за гражданами, должна находиться под самым неусыпным общественным контролем, и к тому же за ней следует осуществлять строгий конституционный надзор. А деятельность СЭПО на практике оказывалась вне зоны доступа политиков и членов Риксдага, даже когда премьер-министр назначал специального инспектора, которому на бумаге предоставлялись все права. Арманскому давали почитать книгу Карла Линдбума «Поручение», и он был буквально потрясен. В США десяток руководителей СЭПО незамедлительно арестовали бы за обструкцию и подвергли бы публичным допросам комиссии Конгресса. В Швеции же они явно оставались за пределами критики.

Случай Лисбет Саландер продемонстрировал: что-то не в порядке с этой организацией. Впрочем, когда Микаэль Блумквист пришел и вручил Драгану Арманскому мобильный телефон, свободный от прослушки, тот решил, что журналист сошел с ума. Но после того как он углубился в детали и изучил снимки Кристера Мальма, ему пришлось с неохотой признаться, что подозрения Блумквиста небеспочвенны. Это не предвещало ничего хорошего и означало, что заговор против Лисбет Саландер, предпринятый пятнадцать лет назад, не был случайным эпизодом.

Для случайности тут было слишком много совпадений. Допустим, что Залаченко мог стать жертвой параноика и одержимого диссидента. Но почему-то почти одновременно у Микаэля Блумквиста и у Анники Джаннини похищают документы, составляющие основу доказательной базы. Это уже умысел. К тому же, ключевого свидетеля Гуннара Бьёрка обнаружили повешенным.

– Хорошо, – сказал Арманский и забрал у Микаэля документы. –

Значит, вы не возражаете, чтобы я передал это моему доверенному лицу?

– Значит, вы доверяете ему?

– Я знаю, что он безусловный приверженец демократии и придерживается высоких этических принципов.

– В СЭПО? – спросил Микаэль Блумквист с откровенным сомнением в голосе.

– Нам с вами все же придется найти точки соприкосновения. Мы с Хольгером Пальмгреном одобрили ваш план и сотрудничаем с вами, но я по-прежнему утверждаю, что собственными силами мы не справимся. Чтобы избежать плачевного финала, мы должны найти союзников среди властных структур.

– О’кей, – нехотя согласился Микаэль. – По правде сказать, я не привык делиться информацией о материале до того, как его опубликуют.

– Но ведь вы уже сделали это. Вы уже все рассказали – мне, своей сестре и Пальмгрену.

Микаэль кивнул.

– Вы поделились информацией, поскольку понимаете, что это дело выходит далеко за рамки статьи в вашем журнале. В данном случае вы не просто объективный репортер, а действующее лицо в цепочке событий.

Блумквист снова кивнул.

– И как действующему лицу вам требуется помощь, чтобы достичь поставленной цели.

Микаэль кивнул в третий раз. В любом случае, он не рассказал всего, что знал, ни Арманскому, ни Аннике Джаннини. У него по-прежнему имелись тайны от всего прочего человечества, которые он мог доверить только Лисбет Саландер. Он пожал Арманскому руку.

Глава 9

Среда, 4 мая

Эрика Бергер приступила к работе в качестве практикующего главного редактора и проработала в этом качестве только три дня. Действующий главный редактор «Свенска моргонпостен» Хокан Морандер скончался прямо в офисе, в середине рабочего дня. Он все утро просидел в своей стеклянной клетке, а Эрика вместе с ответственным секретарем Петером Фредрикссоном проводила совещание со спортивной редакцией. Она хотела познакомиться с сотрудниками и вникнуть в технологию их работы. Сорокапятилетний Фредрикссон считался, как и Эрика, относительным новичком в «Свенска моргонпостен», – он проработал здесь всего четыре года. Эрике он казался сдержанным, компетентным в самых разных вопросах и достойным человеком, поэтому она решила, что, когда приступит к командованию кораблем, будет во многом полагаться на его мнение. Значительную часть рабочего времени она прикидывала, на кого сможет опираться и кого сразу привлечет к руководящему звену. Фредрикссон, безусловно, входил в число кандидатов.

Вернувшись в центральную редакцию, они увидели, как Хокан Морандер поднялся и направился к двери стеклянной клетки. Выглядел он растерянным. Потом внезапно наклонился вперед, схватился за спинку офисного кресла и через несколько секунд рухнул на пол.

Он умер еще до прибытия «скорой помощи».

Во второй половине дня редакцию охватила растерянность. Около двух часов дня приехал председатель правления Боргшё и созвал сотрудников на краткую летучку, посвященную памяти главного редактора. По его словам, Морандер последние пятнадцать лет жизни посвятил газете, а журналистика порой требует очень высокой цены и великих жертв, вплоть до жизни. Потом он объявил минуту молчания.

Когда она закончилась, он начал оглядываться по сторонам, словно не зная, что делать дальше.

Смерть на рабочем месте – явление нетипичное, даже по-своему уникальное. Людям полагается умирать где-нибудь в другом месте. Они должны уходить на пенсию или попадать в больницу, и потом однажды в буфете становиться темой общего разговора. «Кстати, ты слышал, что старина Карлссон умер в пятницу?» «Да, сердце. Профсоюз обязательно пошлет цветы на похороны…»

Смерть прямо на рабочем месте и на виду перед коллегами задевает людей совсем по-другому. Эрика отметила, что вся редакция пребывает в состоянии шока. «Свенска моргонпостен» осталась без рулевого. И Бергер вдруг поняла, что многие сотрудники обратили к ней свои взгляды. Она – джокер.

И хотя ее никто об этом не просил и она толком не знала, что сказать, Эрика выступила на полшага вперед и заговорила – громко и уверенно:

– Я знала Хокана Морандера в общей сложности три дня. Это недолго, но даже столь краткое знакомство с ним позволяет мне искренне сожалеть о том, что мне не удалось узнать его поближе.

Она сделала паузу и уголком глаза заметила, что Боргшё взглянул на нее. Он, казалось, удивлялся тому, что она вообще решила высказаться. Эрика сделала еще шаг вперед. Не улыбайся. Тебе нельзя улыбаться, иначе у тебя будет нерешительный вид. Она заговорила на полтона громче.

– Внезапная кончина Морандера стала большой утратой и серьезной проблемой. Я должна была сменить его только через два месяца и рассчитывала, что у меня будет время познакомиться с его опытом и приобщиться к работе.

Она заметила, что Боргшё открыл рот и собирался что-то сказать.

– Однако судьба распорядилась иначе, и нам предстоит пережить некоторый период адаптации. Морандер был главным редактором ежедневной газеты, а на завтра ее выпуск никто не отменял. У нас осталось девять часов до выхода тиража из типографии и четыре часа до сдачи передовицы. Могу я узнать, кто из сотрудников был лучшим другом и ближайшим доверенным лицом Морандера?

Воцарилось молчание – сотрудники косились друг на друга.

Откуда-то слева до Эрики донесся голос:

– Возможно, я.

Гуннар Магнуссон, шестьдесят один год, секретарь редакции, отвечающий за титульную полосу газеты и работающий в «Свенска моргонпостен» с тридцати пяти лет.

– Кто-то должен написать некролог Морандеру. Я этого сделать не могу… С моей стороны это было бы слишком самонадеянным. Вы могли бы взять на себя труд написать такой текст?

Гуннар Магнуссон несколько секунд колебался, а потом кивнул:

– Да, я напишу.

– Мы используем всю первую полосу, а остальные статьи отложим на потом.

Гуннар еще раз кивнул.

– Нам потребуются фотографии…

Эрика покосилась направо и встретилась взглядом с главным бильд-редактором Леннартом Торкельссоном.

Тот кивнул.

– Что ж, пора вернуться к работе. В ближайшее время наш корабль, возможно, будет немного штормить. Мне потребуется ваша помощь, и прежде чем принимать решения, я буду с вами советоваться и полагаться на вашу компетентность и опыт. Вы ведь знаете, как делается эта газета, а мне еще некоторое время предстоит побыть в роли стажера.

Она повернулась к ответственному секретарю редакции Петеру Фредрикссону:

– Петер, насколько я поняла Морандера, вы – человек, к которому он испытывал безграничное доверие. На ближайшее время вам придется стать моим ментором и взвалить на свои плечи более существенный груз, чем обычно. Я попрошу вас стать моим консультантом. Вы согласны?

Он кивнул. Что ему еще оставалось делать?

Эрика вновь вернулась к титульной полосе.

– Еще одно… Морандер все утро писал передовицу. Гуннар, не могли бы вы подойти к его компьютеру и посмотреть, готова ли она? Если он даже не успел закончить, мы ее все равно опубликуем. Газета, которую мы делаем сегодня, по-прежнему является газетой Хокана Морандера.

Все молчали.

– Если кому-нибудь из вас нужна пауза, чтобы немного побыть в одиночестве и опомниться, пожалуйста, возьмите тайм-аут. Мы все-таки не роботы. Но вы все сами знаете, какой у нас дэдлайн.

Снова молчание. Эрика отметила, что некоторые кивали со сдержанным одобрением.

– *Go to work, boys and girls*[35], – тихо произнесла она.

Йеркер Хольмберг беспомощно развел руками.

Ян Бублански и Соня Мудиг не верили своим глазам. Курт Свенссон сохранял нейтралитет. Все трое рассматривали результаты предварительного расследования, которое Хольмберг завершил утром.

– Неужели ничего? – удивилась Соня.

– Ничего, – ответил Йеркер, помотав головой. – Утром мы получили заключительный отчет патологоанатомов. Версия самоубийства через повешение полностью подтверждается.

Все перевели взгляды на фотографии, сделанные в гостиной летнего домика в Смодаларё. Не возникало никаких сомнений в том, что Гуннар

Бьёрк, работавший в Службе государственной безопасности в должности заместителя начальника отдела по работе с иностранцами, добровольно влез на табуретку, прикрепил к крюку от люстры петлю, надел ее себе на шею и решительно оттолкнул табуретку на несколько метров. Патологоанатом не смог бы уверенно назвать точное время смерти, но в конце концов определил – все произошло 12 апреля, после обеда. 17 апреля Бьёрка обнаружил не кто иной, как Курт Свенссон. Произошло это после того, как Бублански, неоднократно пытавшийся связаться с Бьёрком, вышел из себя и послал Свенссона, чтобы снова привезти его в полицию.

В какой-то момент в течение этих дней крюк от люстры на потолке не выдержал тяжести, и тело Бьёрка свалилось на пол. Свенссон увидел его через окно и забил тревогу. Бублански и другие, прибывшие на место, поначалу решили, что Бьёрка кто-то задушил и подбросил сюда. Крюк от люстры группа технических экспертов обнаружила уже позже. Йеркеру Хольмбергу поручили выяснить, как именно умер Бьёрк.

– Нет никаких доказательств, что совершено преступление. И что в тот момент там был кто-то еще, кроме Бьёрка, – сказал Хольмберг.

– А люстра…

– На люстре обнаружены отпечатки пальцев хозяина дома, который повесил ее два года назад, и самого Бьёрка.

– А откуда веревка?

– С флагштока на заднем дворе. Кто-то отмотал примерно метра два. На подоконнике, перед дверью на террасу, лежала «финка». Владелец дома утверждает, что это его нож и он обычно лежит в ящике для инструментов под мойкой. Отпечатки пальцев Бьёрка найдены на ручке, лезвии и на ящике с инструментами.

– Ну и дела, – произнесла Соня Мудиг.

– И что там были за узлы? – спросил Курт Свенссон.

– Простейшие бабьи узлы. Сама удавка завязана как простая петля. Возможно, это единственное, что немного настораживает. Бьёрк ходил под парусами и знал, как вяжутся настоящие узлы. Но кто может знать, насколько человека, который готовится к самоубийству, заботит форма узлов…

– Наркотики?

– Согласно результатам токсикологической экспертизы, в крови Бьёрка обнаружены следы сильных обезболивающих препаратов. Этот препарат выписывается только по рецепту, и он как раз из тех лекарств, которые выписывали Бьёрку. Найдены еще и следы алкоголя, но столь незначительные, что и говорить не о чем. Иными словами, он был

относительно трезв.

– Патологоанатом отмечает, что у него есть ссадины.

– Трехсантиметровая ссадина на внешней стороне левого колена. Царапина. Я думал, как он мог оцарапаться, и понял, что есть дюжина разных вариантов – например, он мог стукнуться о край стула или что-нибудь в этом роде.

Соня Мудиг подняла фотографию, которая зафиксировала деформированное лицо Бьёрка. Петля врезалась так глубоко, что под складкой кожи самой веревки не было видно. Лицо выглядело отечным.

– Можно заключить, что, он, вероятно, провисел несколько часов, возможно, почти сутки, прежде чем сорвался с крюка. Вся кровь сконцентрирована отчасти в голове, поскольку удавка не давала ей разливаться по телу, отчасти в нижних конечностях. Когда крюк вырвался, тело ударилось о край стола грудной клеткой, и там появилась глубокая ссадина. Но эта рана появилась уже после наступления смерти.

– Что за отталкивающий вид, – сказал Курт Свенссон.

– Веревка была такой тонкой, что глубоко врезалась и остановила приток крови. Он, вероятно, потерял сознание за несколько секунд и умер через одну-две минуты.

Бублански с раздражением захлопнул отчет о предварительном расследовании. Залаченко и Бьёрк оба, похоже, умерли в один день, и это ему очень не нравилось. Одного застрелил параноик и борец с властями, а другой покончил с собой. Но, как ни крути, обследование места преступления ни в малейшей степени не подтверждало подозрения, будто кто-то помог Бьёрку отправиться на тот свет.

– Он испытал стресс, – сказал Бублански. – Он знал, что дело Залаченко вот-вот получит огласку и что он сам рискует попасть в тюрьму за нарушение закона о борьбе с сексуальными услугами и может оказаться в центре внимания СМИ. Не знаю, чего Бьёрк боялся больше. Он был нездоров, и довольно долгое время его донимали хронические боли… Просто не знаю. Я был бы признателен, если б он оставил письмо или что-нибудь в этом роде.

– Многие самоубийцы не оставляют никаких прощальных писем.

– Знаю… Ладно. Выбора у нас нет. Будем считать, что с Бьёрком мы разобрались.

Эрика Бергер не могла пересилить себя и сразу занять кресло Морандера в стеклянной клетке, отодвинув его личные вещи в сторону. Она договорилась с Гуннаром Магнуссоном о том, что тот свяжется с семьей

Морандера и вдова подойдет, когда ей будет удобно, чтобы собрать принадлежащие ей вещи.

Вместо этого Эрика, предварительно высвободив себе пространство, уселась за центральный стол, прямо посреди редакторского корпуса, водрузила там свой ноутбук и приняла командование на себя. Поначалу по следам этого трагического события в журналистских и редакторских рядах царили смута и неразбериха. И тем не менее через три часа после того, как Эрика приступила к руководству газетой, титульная страница «Свенска моргонпостен» была сдана в печать. Гуннар Магнуссон написал четыре колонки о жизни и заслугах Хокана Морандера, в центре полосы поместили портрет покойного, его незаконченную передовицу – слева, а внизу дали серию фотографий.

Это противоречило законам дизайна, но с точки зрения эмоционального воздействия было как раз то, что надо.

Около шести часов вечера Эрика просматривала рубрики титульной полосы и обсуждала тексты с ведущим редактором. В это время к ней подошел Боргшё и тронул ее за плечо. Она подняла взгляд.

– Можно мне попросить вас на несколько слов?

Они прошли к кофейному автомату в комнате для ланча.

– Я только хочу сказать, что мне очень понравилось, как вы сегодня приступили к руководству. Думаю, вам удалось удивить всех нас.

– Мне кажется, у меня и выбора-то особенно не было. Но когда я освоюсь, все встанет на свои места.

– Мы это понимаем.

– Мы?

– Я имею в виду и команду редакции, и правление. Особенно правление. В частности, после того, что произошло сегодня, я больше чем когда-либо уверен: мы не ошиблись, остановив свой выбор на вас. Вы пришли сюда в очень сложный момент и были вынуждены принимать дела в условиях крайне деликатной ситуации.

Эрика покраснела – такого с ней не случалось с четырнадцати лет.

– Могу ли я дать вам добрый совет…

– Разумеется.

– Я слышал, что вы тут обменивались мнениями по поводу распределения материалов с Андерсом Хольмом, шефом отдела информации.

– У нас разные представления о том, где и как разместить статью о налоговых инициативах правительства. Он решил поставить статью на место, отведенное для новостей. А нам следует подавать информацию

нейтрально. Комментарии можно раскрывать на титульной полосе. И раз уж мы затронули эту тему, – я буду время от времени писать передовицы, но я, как вы знаете, не принадлежу к какой-либо политической партии, поэтому нам надо решить вопрос о том, кто возглавит отдел, работающий над титульной полосой.

– Этим пока может заняться Магнуссон, – сказал Боргшё.

Эрика Бергер пожала плечами.

– Мне все равно, кого вы назначите. Лишь бы это был тот, кто полностью разделяет позицию газеты.

– Согласен. Могу лишь пожелать, чтобы вы предоставили Хольму некоторую свободу. Он давно работает в «Свенска моргонпостен» и уже пятнадцать лет возглавляет информационный отдел. Он классный профессионал. Хольм бывает упрям, но во многих аспектах ему нет равных.

– Я знаю. Морандер мне говорил. Но все же нам придется работать в команде. И новости тоже должны занять свое место. В конце концов, вы наняли меня, чтобы обновлять газету.

Боргшё рассеянно кивнул.

– О’кей. Будем решать проблемы по мере их возникновения.

Анника Джаннини чувствовала себя усталой и раздраженной, когда в среду вечером, возвращаясь в Стокгольм, садилась на Гётеборгском центральном вокзале в поезд X2000. Ей казалось, что в последний месяц она буквально поселилась в этом поезде и вообще перестала видеться с семьей. Анника отправилась в вагон-ресторан за кофе, вернулась на свое место и открыла папку с записями последней беседы с Лисбет Саландер, которая также являлась еще одной причиной ее усталости и раздражения.

Она что-то скрывает, думала Джаннини. Эта дуреха не рассказывает мне правды. И Микке тоже что-то темнит… Одному Богу известно, что у них на уме.

Анника также констатировала, что, поскольку ее брат и клиентка не общаются друг с другом, заговор – если таковой существует – возник на почве молчаливого согласия. Они молчат о вещах, о которых им кажется естественным молчать. Толком неизвестно, в чем дело, но Микаэль считает необходимым что-то скрывать.

Анника боялась, что ее брат что-то скрывает, руководствуясь ложными соображениями этики и солидарности. Он считал себя другом Лисбет Саландер. Анника знала своего брата и его граничащую с фанатазимом лояльность по отношению к людям, которых он однажды причислил к

своим друзьям. Даже если друг оказывался не на высоте и вовсе был не прав.

Она знала, что Микаэль мог бы смириться со множеством глупостей, но что существовала какая-то условная граница, преступать которую было нельзя. Где именно эта граница пролегала, зависело от конкретного персонажа, но Анника знала, что в некоторых случаях Микаэль полностью порывал отношения с близкими друзьями, если они совершали нечто, на его взгляд, аморальное и неприемлемое. Тогда он бывал неумолим, порывая с ними раз и навсегда, и это обсуждению не подлежало. Микаэль даже не отвечал на телефонные звонки, если бывший приятель звонил, чтобы смиренно попросить прощения.

Что происходило в голове брата, Анника еще могла бы понять. Но она не имела ни малейшего представления о том, что творилось в голове Лисбет Саландер. Временами ей казалось, что там пустота.

Микаэль предупреждал ее, что Лисбет бывает порой упрямой и неконтактной. До встречи с нею Анника думала, что так будет лишь на первом этапе, и весь вопрос в том, чтобы завоевать ее доверие. Однако после месяца встреч и бесед – правда, первые две недели прошли впустую, поскольку клиентка была не в силах общаться, – Анника констатировала, что их контакты по большей части являются односторонними.

Иногда ей также казалось, что Лисбет Саландер пребывает в глубокой депрессии и не проявляет ни малейшего интереса к своей жизни и к своему будущему. Она словно не понимал, или ее не волновало то, что Анника не сможет обеспечить ей полноценную защиту, если от нее утаить важные факты и события. Работать на ощупь Анника не могла.

Лисбет Саландер была мрачна и лаконична. Она делала долгие паузы, но если все же высказывалась, то четко формулировала свои мысли. Часто она вообще не отвечала, а иногда вдруг отвечала на вопрос, который Анника задавала ей несколько дней назад. Во время полицейских допросов Лисбет сидела в постели, безучастно молчала и равнодушно смотрела прямо перед собой. Лишь когда инспектор Маркус Эрландер спрашивал ее о том, что ей известно о Рональде Нидермане, она выходила из состояния оцепенения и по-деловому отвечала на его вопросы. Но стоило ему сменить тему беседы, как она снова надевала маску равнодушия и снова устремляла перед собою невидящий взгляд.

Анника была готова к тому, что Лисбет не скажет полиции ни слова. Из принципа она не общалась с представителями властей, что в данном случае можно было считать удачей. Хотя Анника чисто формально время от времени призывала свою клиентку отвечать на вопросы полиции, на самом

деле полное молчание Саландер ее очень устраивало. Объяснялось все очень просто: молчание не содержало никакой лжи, в которой ее смогли бы уличить, и никаких противоречий, которые представили бы ее в невыгодном свете на судебном процессе.

Но тем не менее бескомпромиссность клиентки удивляла Аннику Джаннини. Однажды, оставшись один на один с Лисбет, она спросила, почему та чуть ли не демонстративно отказывается общаться с полицейскими.

– Они исказят мои слова и обернут их против меня.

– Но если ты отказываешься все объяснить, тебя осудят.

– Ну и пусть! Не я заварила всю эту кашу. А если им хочется меня осудить, то это не моя проблема.

Но постепенно Лисбет Саландер рассказала почти обо всем, что произошло в Сталлархольме; правда, слова из нее Аннике приходилось буквально вытягивать клещами. Она только не могла объяснить, откуда у Магге Лундина взялась пуля в ноге. Как Анника ни приставала к ней с этим вопросом, Лисбет только вызывающе смотрела на нее и усмехалась.

Она рассказала и о том, что случилось в Госсеберге, хотя и умолчала о том, по каким причинам выслеживала своего отца. Саландер явилась туда с целью убить его – как утверждал прокурор – или привести его в чувство? С юридической точки зрения разница была просто колоссальной.

Когда Анника вспомнила про ее бывшего опекуна, адвоката Нильса Бьюрмана, Лисбет и вовсе замкнулась. Она все время отвечала, что не убивала его и что ее пока никто в этом и не обвиняет.

А когда Анника перешла к ключевому моменту во всей истории – роли доктора Петера Телеборьяна в событиях 1991 года, – Лисбет вообще замолчала.

«Так не пойдет, – решила Анника. – Если Лисбет мне не доверяет, мы проиграем процесс. Мне придется поговорить с Микке».

Лисбет Саландер сидела на краю кровати и смотрела в окно. Она видела фасад по другую сторону парковки. После того как Анника Джаннини встала и в порыве гнева захлопнула за собой дверь, она просидела неподвижно уже больше часа. Ее снова беспокоила головная боль, хотя и не сильная и какая-то отдаленная, но чувствовала она себя неважно.

Анника раздражала ее. С практической точки зрения Лисбет было ясно, зачем адвокат постоянно копается в деталях ее прошлого. С рациональной точки зрения она понимала, для чего Аннике нужны

абсолютно все факты. Но ей совершенно не хотелось делиться – ее чувства и ее поступки никого не касаются. Никто не должен лезть в ее жизнь. В том, что ее отец оказался патологическим садистом и убийцей, нет ее вины. И она не виновата также и в том, что ее брат – профессиональный убийца. К счастью, никто не знает, что он ее брат. Иначе рано или поздно ей это тоже припомнили бы во время психиатрического обследования, которое, конечно же, будет назначено. Она не убивала Дага Свенссона и Миа Бергман. И не она назначала себе опекуна, оказавшегося подонком и насильником.

Тем не менее именно ее жизнь сейчас стала предметом сплетен и пересудов, и ей приходится объясняться и просить прощения за то, что она защищала себя.

Ей хотелось, чтобы ее оставили в покое.

В конце концов, главное обрести внутреннее равновесие. Лисбет и не рассчитывала, что кто-нибудь станет ей другом. Анника Чертова Джаннини наверняка выступает на ее стороне, но ее дружба носит профессиональный характер, поскольку она – адвокат Лисбет. А еще где-то болтается Калле Чертов Блумквист… Анника довольно сдержанно высказывалась о брате, а Лисбет никогда о нем и не спрашивала. Она и не рассчитывала, что он будет ею интересоваться – после того, как будет раскрыто убийство Дага Свенссона и он получит долгожданный материал.

Ее интересовало, что о ней думает Драган Арманский, после всего того, что случилось.

Ей было бы любопытно узнать, как оценивает ситуацию Хольгер Пальмгрен.

Анника Джаннини уверяла, что они оба – на ее стороне, в ее углу ринга, но это ведь только слова. Они ничего не могут сделать, чтобы решить ее приватные проблемы.

Лисбет задумалась о том, какие чувства испытывает к ней Мириам Ву.

Задумалась она и том, как относится к себе самой, и пришла к выводу, что собственная жизнь ей в целом безразлична.

Внезапно к ней ворвались – охранник вставил ключ в замок и впустил к ней в палату доктора Андерса Юнассона.

– Добрый вечер, фрёкен Саландер. Как ваше самочувствие сегодня?

– О’кей, – ответила она.

Врач проверил ее журнал и убедился в том, что у нее нормальная температура. Лисбет привыкла к тому, что доктор навещает ее пару раз в неделю. Из всех людей, которые появлялись у нее и показывали на нее пальцем, только к нему она испытывала определенную долю доверия.

Лисбет ни разу не заметила, чтобы он на нее подозрительно косился. Он заходил к ней в палату, перекидывался с ней парой фраз и проверял, как ее физическое самочувствие. Он не задавал никаких вопросов о Рональде Нидермане или Александре Залаченко, не спрашивал, все ли у нее в порядке с головой и почему полиция держит ее взаперти. Его, похоже, интересовало лишь, как функционируют ее мышцы, в каком состоянии находится ее рана и каково ее самочувствие в целом.

К тому же ему пришлось копаться у нее в мозгу в самом прямом, физическом смысле. А она считала, что человек, который копался в твоем мозгу, заслуживает уважения. К своему удивлению, она обнаружила, что воспринимает визиты Андерса Юнассона без неприязни, несмотря на то, что он ее щупал и анализировал графики ее температурных показателей.

– Не возражаешь, если я тебя осмотрю?

Он провел обычный осмотр – посмотрел ее зрачки, послушал дыхание, и измерил пульс. А потом взглянул на анализы крови и проверил показатели РОЭ.

– Как мои дела? – поинтересовалась Лисбет.

– Ты идешь на поправку, но надо больше внимания уделять гимнастике. И ты расчесываешь раны на голове. Прекращай!

Юнассон сделал паузу.

– Можно задать тебе личный вопрос?

Она покосилась на него.

Врач дождался, чтобы она кивнула.

– Эта татуировка с драконом… Я не видел ее целиком, но судя по всему, она огромная и покрывает бóльшую часть спины. Зачем ты ее себе сделала?

– А ты ее не видел?

Он вдруг улыбнулся.

– Я видел ее, но только мельком. Когда ты находилась в моем обществе без одежды, мне некогда было на тебя смотреть – я останавливал кровотечение, извлекал из тебя пули и тому подобное.

– Но почему тебя это интересует?

– Из чистого любопытства.

Лисбет Саландер задумалась. В конце концов она посмотрела на него.

– Я сделала ее по личным соображениям, о которых мне не хотелось бы распространяться.

Андерс Юнассон задумчиво кивнул.

– О’кей. Извини, что спросил.

– Хочешь на нее посмотреть?

Он явно удивился.

– А почему бы и нет.

Лисбет повернулась к нему спиной и задрала рубашку на голову, при этом она встала так, чтобы свет от окна освещал ее спину. Андерс Юнассон убедился, что дракон располагается на правой стороне спины. Он начинался высоко на плече и заканчивался на бедре, куда закруглялась часть хвоста. Татуировка была эффектной и профессионально выполненной и выглядела как настоящее произведение искусства.

Через некоторое время Лисбет повернула голову.

– Ну и как? Теперь ты доволен?

– Очень красиво. Но должно быть, тебе пришлось выдержать адскую боль.

– Ну да, – призналась она. – Было больно.

Андерс Юнассон покидал палату Лисбет Саландер в некотором замешательстве. Ее физическое состояние его вполне устраивало, но он никак не мог понять эту чудаковатую девушку. Для того, чтобы прийти к выводу, что она пребывает в душевном кризисе, не требовалось сдавать магистерский экзамен по психологии. Разговаривала она с ним относительно любезно, но никакого доверия не испытывала. Андерс знал, что она ведет себя вежливо и по отношению к остальному персоналу, но наглухо замолкает, когда ее посещают полицейские. Саландер демонстрировала замкнутость и постоянно держалась от окружающих на расстоянии.

Полиция держала ее под прицелом, а прокурор намеревался предъявить ей обвинения в попытке убийства и нанесении тяжкого вреда здоровью. Андерс Юнассон просто никак не мог поверить в то, что такая хрупкая субтильная девушка обладала такой физической силой, чтобы предпринять действия, сопряженные с грубым насилием, да еще и по отношению к взрослому мужчине.

О драконе он спросил в основном для того, чтобы найти какую-нибудь личную тему для разговора. На самом деле его не слишком-то интересовало, зачем она себя так разукрасила, но он предполагал, что раз Лисбет решилась нанести на себя такую эпическую татуировку, то это имело для нее какое-то особое значение. Так что эта тема казалась вполне подходящей для того, чтобы завязать разговор.

Юнассон начал посещать ее два раза в неделю. Вообще-то он не обязан был это делать – ее лечащим врачом считалась доктор Хелена Эндрин. В то же время Андерс возглавлял отделение травматологии и

чрезвычайно гордился своим успехом в ту ночь, когда Лисбет Саландер привезли в больницу. Он принял безошибочное решение, когда предпочел извлечь пулю, и, судя по всему, у Саландер после ранения не возникло никаких осложнений вроде провалов в памяти, ограничения физических функций и прочих признаков инвалидности. Если процесс ее выздоровления продолжится без всяких аномалий, то она покинет больницу с рубцом на голове, но без каких-либо тяжелых последствий. Но, конечно, о том, какие рубцы образовались у нее в душе, он судить не мог.

Подойдя к своему кабинету, врач обнаружил, что возле двери, прислонившись к стене, стоит мужчина в темном пиджаке, с всклокоченной шевелюрой и холеной бородой.

– Доктор Юнассон?

– Да.

– Здравствуйте, меня зовут Петер Телеборьян. Я главный врач психиатрической клиники Святого Стефана в Уппсале.

– Конечно, я вас знаю.

– Приятно слышать. Если у вас найдется время, я хотел бы с вами поговорить.

Андерс Юнассон открыл дверь в свой кабинет.

– Чем я могу быть вам полезен? – поинтересовался он.

– Речь идет об одной из ваших пациенток. О Лисбет Саландер. Мне нужно ее повидать.

– Вот как? В таком случае вам необходимо попросить разрешения у прокурора. Она находится под следствием, и посетители к ней не допускаются. Посещения надо также заранее согласовывать с адвокатом Лисбет Саландер…

– Да-да, я в курсе. Я подумал, что мы с вами сможем обойтись без бюрократических формальностей. Поскольку я врач, вы могли бы пропустить меня к ней по чисто медицинским показаниям.

– В принципе, такая мотивировка вполне уместна. И все же я не совсем понимаю, чем обязан вашему визиту.

– Когда Лисбет Саландер находилась на стационарном лечении в клинике Святого Стефана, я несколько лет был ее психиатром. Я наблюдал за ней до восемнадцати лет, когда по решению суда ее выпустили из интерната – правда, под присмотр опекуна. Следует заметить, что я, естественно, был против этого. С тех пор ей фактически предоставили полную свободу, и сегодня мы наблюдаем результат.

– Понимаю, – сказал Андерс Юнассон.

– Я по-прежнему считаю себя ответственным за нее и хотел бы иметь

возможность сравнить, насколько ухудшилось ее состояние за последние десять лет.

– Ухудшилось?

– По сравнению с тем периодом, когда она получала квалифицированную помощь. Я полагал, что, как коллеги, мы всегда сможем договориться и прийти к согласию…

– Кстати, пока я не забыл… Возможно, как коллега коллеге, вы поможете мне разобраться в одном вопросе. Когда она поступила в Сальгренскую больницу, я решил полностью обследовать ее, чтобы составить исчерпывающую картину ее состояния здоровья. Один коллега запросил судебно-медицинское заключение по поводу Лисбет Саландер, написанное неким доктором Йеспером Х. Лёдерманом.

– Совершенно верно. Йеспер писал докторскую диссертацию под моим научным руководством.

– Ясно. Но по-моему, судебно-медицинское заключение составлено очень расплывчато.

– Неужели?

– Оно не содержит никакого диагноза и производит впечатление академических выводов о состоянии пациента, который упорно молчит.

Петер Телеборьян засмеялся.

– Да, с нею нелегко. Как следует из заключения, она последовательно отказывалась разговаривать с Лёдерманом, в результате чему ему пришлось выражаться неопределенно. И это вполне оправданно.

– Согласен. Но, тем не менее, в заключении рекомендовалось поместить ее в интернат.

– Эта рекомендация опиралась на предшествующую историю Лисбет Саландер. Ведь за многие годы у нас накопился опыт наблюдений за ее болезненным состоянием.

– Вот этого-то я никак и не могу понять. Когда она к нам поступила, мы пытались получить из клиники Святого Стефана копию ее журнала, но до сих пор не получили.

– Сожалею, но по решению суда на документ наложен гриф секретности.

– Понимаю. Однако как же мы здесь можем обеспечить ей надлежащий уход, если нам не дают доступа к ее журналу? Ведь сейчас медицинскую ответственность за нее несем мы.

– Я занимался ею с тех пор, как ей исполнилось двенадцать лет, и думаю, во всей Швеции нет врача, который так исчерпывающе представляет себе картину ее болезни.

– И что же это за картина?

– Лисбет Саландер страдает серьезными психическими нарушениями. Как вам известно, психиатрия не является точной наукой. Я бы воздержался от окончательного диагноза, но у нее наблюдаются откровенно навязчивые идеи с явными чертами параноидальной шизофрении. Плюс на определенных этапах обостряются маниакально-депрессивные черты и отсутствие эмпатии.

Андерс Юнассон секунд десять смотрел на Телеборьяна, а потом развел руками.

– Никогда не рискнул бы спорить по поводу диагноза с доктором Телеборьяном… Но вам никогда не приходила в голову более примитивная причина ее проблем?

– То есть?

– Например, синдром Аспергера[36]. Я, конечно, не проводил никакого психиатрического обследования Лисбет Саландер, но, на уровне предположения, остановился бы на какой-то форме аутизма. Во всяком случае, ее неприятие общих норм поведения можно объяснить аутизмом.

– Мне очень жаль, но пациенты с синдромом Аспергера обычно не поджигают своих родителей. У Лисбет Саландер ярко выраженная форма социопатии, поверьте мне.

– Я согласен, что она чересчур замкнута, но не рискнул бы причислить ее к параноидальным социопатам.

– Она исключительно манипулятивна, – сказал Петер Телеборьян. – Она демонстрирует то, что, на ее взгляд, вам хочется увидеть.

Юнассон нахмурился. Высказывания Петера Телеборьяна противоречили его собственной комплексной оценке Лисбет Саландер. Вот уж он ни за что не посчитал бы ее манипулятивной. Напротив, она твердо соблюдала дистанцию с окружающими и не демонстрировала абсолютно никаких эмоций. Андерс попытался совместить нарисованную Телеборьяном картину с собственным представлением о Лисбет Саландер.

– Вы ведь наблюдали ее в течение короткого периода, когда травмы и ранения вынудили ее вести пассивный образ жизни. А я видел дикие вспышки ярости и необъяснимой ненависти с ее стороны. Я много лет пытался помочь Лисбет Саландер. И поэтому я здесь. Я предлагаю сотрудничество между Сальгренской больницей и клиникой Святого Стефана.

– И в чем же, по-вашему, будет заключаться наше с вами сотрудничество?

– Вы будете решать ее физические проблемы, и я уверен, что никто

лучше вас с этим не справится. Но меня очень тревожит ее психическое состояние, и я хотел бы подключиться к процессу исцеления на ранней стадии. Я готов предложить любую посильную помощь.

– Понимаю.

– Мне нужно навестить ее, чтобы для начала оценить ее состояние.

– Я понимаю. Но, к сожалению, ничем не могу вам помочь.

– Простите?..

– Как я уже сказал, она ограничена в правах. Если вы хотите назначить ей психиатрическое лечение, вам придется просить разрешения у прокурора Йервас, которая принимает решения по таким вопросам, и только при участии адвоката Анники Джаннини. Если речь идет о судебно-психиатрической экспертизе, то вы можете ее проводить только по поручению суда.

– Именно всех этих бюрократических препятствий я и хотел бы избежать.

– Да, но на данный момент я несу ответственность за Лисбет Саландер. И если ей вскоре придется предстать перед судом, то нам необходимо получить документальные обоснования всех принятых нами мер. Значит, мы вынуждены следовать всем бюрократическим процедурам.

– Я понимаю. Могу даже признаться, что я уже получил запрос от стокгольмского прокурора Рикарда Экстрёма по поводу судебно-психиатрической экспертизы. Она понадобится в связи с судебным процессом.

– Вот и хорошо. Тогда вы получите разрешение посещать Лисбет Саландер без всяких нарушений регламента с нашей стороны.

– Но боюсь, что пока мы станем заниматься бюрократической волокитой, ее состояние постепенно ухудшится. Меня интересует только ее здоровье.

– Меня тоже, – сказал Андерс Юнассон. – И честно говоря, лично я не вижу никаких признаков того, что Саландер психически больна. У нее серьезные ранения, и она загнана в очень тяжелую жизненную ситуацию. Но я совершенно не согласен с тем, что она шизофреничка или страдает от параноидальных навязчивых идей.

Доктор Петер Телеборьян еще довольно долгое время пытался уговорить Андерса Юнассона изменить свое решение. Но в конце концов он понял, что все бесполезно, резко встал и попрощался.

После этого Андерс Юнассон долго сидел, задумчиво разглядывая кресло, в котором сидел доктор Телеборьян. Случалось и раньше, что

другие врачи контактировали с ним, делились своими соображениями и давали советы по поводу лечения тех или иных пациентов. Но одно дело, когда это делали врачи, уже работавшие с данными пациентами и отвечавшие за ту или иную форму проводимого лечения. И совсем другое дело, когда перед ним, словно летающая тарелка, возник психиатр и потребовал допустить его, в обход всех бюрократических процедур, к пациенту, которого он не видел на протяжении многих лет.

Через некоторое время Андерс Юнассон взглянул на часы и отметил, что уже почти семь часов вечера. Он поднял трубку и позвонил Мартине Карлгрен, психологу Сальгренской больницы, которую в случае необходимости приглашали в травматологическое отделение.

– Привет. У тебя, вероятно, уже закончился рабочий день… Я тебя от чего-нибудь отрываю?

– Ничего страшного. Я дома и ничем особенным не занята.

– А я тут сижу и размышляю. Ты ведь беседовала с нашей пациенткой Лисбет Саландер. Не могла бы ты поделиться со мной своими впечатлениями?

– Я трижды посещала ее и предлагала ей поговорить. Она вежливо, но решительно отказалась.

– Какое она произвела на тебя впечатление?

– Что ты имеешь в виду?

– Мартина, я знаю, что ты не психиатр, но ты вполне компетентный специалист. Какое у тебя создалось о ней впечатление?

Карлгрен задумалась.

– Даже не знаю, как лучше ответить на твой вопрос. Я дважды встречалась с ней, когда она относительно недавно поступила и чувствовала себя настолько плохо, что мне даже не удалось наладить с ней контакт. Потом я посетила ее примерно неделю назад по просьбе Хелены Эндрин.

– Почему Хелена просила тебя к ней зайти?

– Лисбет Саландер физически стало намного лучше, но она в основном лежит и смотрит в потолок. Доктор Эндрин хотела, чтобы я за ней понаблюдала.

– И ты понаблюдала?

– Я представилась, мы пару минут поговорили. Я спросила, как она себя чувствует и не нужно ли ей с кем-нибудь поговорить. Она ответила, что нет. Я спросила, не могу ли чем-нибудь ей помочь. Она попросила меня втайне от всех принести ей пачку сигарет.

– Она проявляла раздражение или враждебность?

Мартина ответила не сразу.

– Я бы не сказала. Она была нейтральна, но держалась на большой дистанции. То, что она попросила принести ей сигареты, я восприняла скорее как шутку, чем как серьезную просьбу. Я спросила, не хочется ли ей что-нибудь почитать и не принести ли ей книг. Она поначалу отказалась, но потом спросила, нет ли у меня каких-нибудь научных журналов, со статьями о генетике и исследованиях мозга.

– О чем?

– О генетике.

– О генетике?

– Да. Я ответила, что в нашей библиотеке есть кое-какие научно-популярные издания по этой теме. Это ее заинтересовало. Она сказала, что уже читала некоторые книги, и назвала несколько базовых работ, о которых я никогда не слышала. То есть ее больше интересовали академические исследования.

– Вот как? – изумился Андерс Юнассон.

– Я сказала, что в библиотеке для пациентов таких специальных изданий, вероятно, нет, у нас ведь там больше Филипа Марлоу[37], чем научной литературы. Но я обещала посмотреть, что мне удастся найти.

– И ты что-нибудь нашла?

– Я нашла в библиотеке несколько номеров журналов «Нью Ингленд джорнал оф медисин» и «Нейчэр». Она была очень довольна и поблагодарила меня за мои усилия.

– Но ведь это же научные журналы, в них публикуются в основном сугубо академические статьи.

– Она читает их с большим интересом.

Андерс Юнассон замолчал.

– Как ты оцениваешь ее психическое состояние?

– Она необщительна. И не стала обсуждать со мной никаких личных проблем.

– Как ты считаешь, она психически больна? Она страдает маниакально-депрессивными психозами или паранойей?

– Вовсе нет. Иначе я подняла бы тревогу. Саландер, безусловно, очень своеобразна, у нее серьезные проблемы, и она находится в состоянии стресса. Однако она спокойна, деловита и, похоже, справляется со своей ситуацией.

– О’кей.

– Но почему ты спрашиваешь? Что-нибудь случилось?

– Нет, ничего не случилось. Просто я так и не смог в ней разобраться.

Глава 10

Суббота, 7 мая – четверг, 12 мая

Микаэль Блумквист отложил в сторону папку с материалами расследования, проведенного гётеборгским фрилансером Даниэлем Улофссоном, и задумчиво взглянул в окно, на поток пешеходов, который струился по Гётгатан. Ему очень нравилось, что его кабинет выходит на оживленную улицу. Здесь круглосуточно кипела жизнь, и, сидя у окна, он никогда не чувствовал себя изолированным от общества или одиноким.

Микаэля не покидало ощущение стресса, хотя никаких неотложных дел у него не было. Он упорно продолжал работать над статьями, которые планировал разместить в летнем номере «Миллениума», но постепенно убедился, что материал получается слишком объемным и не поместится даже в тематический номер. Когда он раскопал дело Веннерстрёма, у него тоже материалы не помещались в один номер. Блумквист решил опубликовать материалы отдельной книгой. У него уже набралось порядка 150 страниц, и он рассчитывал, что вся книга будет состоять примерно из 300–350 страниц.

Он уже изложил основные события. Описал убийство Дага Свенссона и Миа Бергман и объяснил, как получилось, что их тела обнаружил именно он. Изложил свои соображения по поводу того, почему Лисбет Саландер стала подозреваемой. Целую главу, объемом в тридцать семь страниц, он посвятил критике, во-первых, всей газетной чепухи о Лисбет, а во-вторых, прокурора Рикарда Экстрёма и, следовательно, всего полицейского расследования. После того как Блумквист изучил видеозапись пресс-конференции Экстрёма, на которой Бублански чувствовал себя явно не в своей тарелке и явно был недоволен поспешными выводами прокурора, он смягчил критику в адрес Бублански и его коллег.

После драматического вступления Микаэль совершил исторический экскурс и описал прибытие в Швецию Залаченко, а также детские годы Лисбет Саландер и события, которые привели к тому, что ее заперли в больнице Святого Стефана в Уппсале. Микаэль приложил максимум усилий, чтобы разоблачить доктора Петера Телеборьяна и покойного Гуннара Бьёрка.

Он цитировал судебно-психиатрическую экспертизу 1991 года и объяснял, почему Лисбет Саландер представляла угрозу для анонимных государственных чиновников, которые встали на сторону русского

перебежчика, а также публиковал фрагменты из переписки между Телеборьяном и Бьёрком.

Далее Блумквист повествовал о новой жизни Залаченко в качестве гражданина Швеции и его бандитских деяниях. Он описывал жизнь его сообщника Рональда Нидермана, историю с похищением Мириам Ву и вмешательством Паоло Роберто. Наконец Микаэль воссоздал события в Госсеберге, в финале которых Лисбет Саландер подстрелили и закопали, и объяснил, как нелепо убили полицейского, и как вначале поймали и затем упустили Нидермана.

Дальше история застопорилась. Ему по-прежнему не хватало многих материалов. Гуннар Бьёрк действовал не в одиночку. Все эти свершившиеся события, несомненно, вдохновила целая группа лиц, обладавшая ресурсами и влиянием. Иначе всего этого не произошло бы. В конце концов Микаэль пришел к выводу, что противоправные действия по отношению к Лисбет Саландер не могли быть санкционированы правительством или руководством Службы государственной безопасности. Он сделал такой вывод не потому, что питал доверие к властным структурам, а только благодаря знанию человеческой натуры. Если б у них имелась политическая поддержка, удержать операцию такого рода в тайне было бы невозможно. Кто-нибудь обязательно начал бы выяснять с кем-нибудь отношения и все выболтал бы, вследствие чего СМИ вышли бы на дело Саландер еще несколько лет тому назад.

Микаэль представлял себе «Клуб Залаченко» как маленькую анонимную группу активистов. Но он не мог идентифицировать никого из этих людей, кроме разве что Йорана Мортенссона – сорокалетнего полицейского, находящегося на какой-то секретной должности и занимавшегося слежкой за самим Микаэлем.

Блумквист считал, что книгу следует успеть напечатать к самому началу процесса над Лисбет Саландер. Вместе с Кристером Мальмом они планировали карманное издание в мягкой обложке, чтобы рассылать ее одним пакетом с летним, более дорогим номером «Миллениума». Микаэль распределил поручения между Хенри Кортесом и Малин Эрикссон, которым предстояло написать статьи об истории Службы государственной безопасности, о деле Информационного бюро и тому подобном.

В том, что процесс против Лисбет Саландер состоится, никаких сомнений быть не могло.

Прокурор Рикард Экстрём возбудил против нее дело – она обвинялась в причинении тяжкого вреда здоровью Магге Лундина и жестоком избиении или попытке убийства Карла Акселя Бодина – он же Александр

Залаченко.

Дата судебного процесса еще не была назначена, но Микаэль узнал от коллег-журналистов, что Экстрём планирует назначить его на июль – если, конечно, позволит состояние здоровья Лисбет Саландер. Микаэль воспринял это обстоятельство как стратегический трюк: судебный процесс посреди лета всегда привлекает меньше внимания, чем в другое время года.

Он нахмурился и посмотрел в окно своего кабинета в редакции «Миллениума».

Вся эта катавасия еще в самом разгаре. Заговор против Лисбет Саландер продолжается. Только так и можно объяснить цепочку последних событий – прослушивание телефонов, нападение на Аннику Джаннини и кражу отчета о Саландер от 1991 года. А возможно, и убийство Залаченко.

Но где раздобыть доказательства?

Микаэль вместе с Малин Эрикссон и Кристером Мальмом решил, что к судебному процессу издательство «Миллениума» выпустит книгу Дага Свенссона о траффикинге. Лучше уж представить весь пакет сразу, откладывать сроки издания нет никакого смысла. Напротив – как раз к этой дате книга вызовет самый горячий интерес. Малин назначили ответственным редактором книги Дага Свенссона, а Хенри Кортес помогал Микаэлю в написании книги о деле Саландер. И так получилось, что Лотта Карим и Кристер Мальм (вопреки своей воле) стали временными ответственными секретарями редакции «Миллениума», где оставался единственный репортер – Моника Нильссон. Испытывая такие непосильные перегрузки, вся редакция «Миллениума» смиренно взмолилась о пощаде, и Малин Эрикссон пришлось заключить контракты с несколькими независимыми журналистами. За внештатников, естественно, предстояло выложить немало денег, но выбора не оставалось.

Микаэль записал на желтом листочке для заметок, что ему нужно обратиться к семье Дага Свенссона в связи с авторскими правами. Он уже выяснил, что единственными наследниками Дага являются его родители, проживающие в Эребру. На практике ему не требовалось разрешения, чтобы издать книгу под именем Дага Свенссона, но он все равно собирался лично съездить к ним в Эребру, чтобы получить их одобрение. Он долго откладывал эту поездку, поскольку занимался слишком многими делами одновременно, но, похоже, теперь уже самое время расставить все точки.

Хотя оставалось выяснить еще сотню других деталей.

Например, как ему писать о Лисбет Саландер. Чтобы принять окончательное решение, Микаэлю обязательно требовалось лично встретиться с ней и получить ее согласие на то, чтобы раскрыть правду или

хотя бы часть правды. А поговорить с Лисбет лично он не мог, поскольку она находилась под наблюдением полиции и посещать ее было запрещено.

Сестра помочь ему в этом тоже не могла. Она очень пунктуально соблюдала все правила и не собиралась примерять на себя роль девочки на побегушках, которая носит секретные записки от Микаэля Блумквиста. Анника также не делилась с ним содержанием своих бесед с клиенткой, кроме тех случаев, когда речь шла о заговоре и ей требовалась помощь. Микаэля это раздражало, но в то же время его радовала ее принципиальность. В результате он даже не знал, поделилась ли Лисбет с Анникой откровениями о том, что бывший опекун ее насиловал и что она отомстила ему, сделав у него на животе шокирующую татуировку. Пока Анника об этом ничего не говорила, Микаэль тоже молчал.

Но из-за изоляции Лисбет Саландер возникала еще одна глобальная проблема. Она являлась компьютерным экспертом и хакером, и Микаэль знал об этом, а Анника – нет. Микаэль поклялся Лисбет никогда не раскрывать ее тайну и слово свое сдержал, но сейчас ему очень не хватало этих ее навыков.

Значит, каким-то образом следует наладить контакты с Лисбет Саландер…

Он вздохнул, снова открыл папку Даниэля Улофссона и вынул из нее два листочка. Один из них представлял собой выписку из документов регистрационной службы: паспорт Идриса Хиди, 1950 года рождения, – мужчины с усами, желтоватой кожей и темными волосами, седеющими на висках.

На второй бумаге Даниэль подводил итоги своего изучения биографии Идриса Хиди.

Хиди был курдским беженцем из Ирака. Улофссон раскопал гораздо больше информации об Идрисе Хиди, чем о любом другом сотруднике больницы. Причина такого внимания заключалась в том, что Идрис Хиди одно время привлекал внимание прессы, и его имя упоминалось во многих текстах Медиаархива.

Идрис Хиди родился в 1950 году в городе Мосул, на севере Ирака, получил инженерное образование и в 1970-е годы своим активным трудом способствовал экономическому расцвету страны. В 1984 году он начал преподавать в строительно-технической гимназии в Мосуле. Хиди не был политическим активистом, но, к сожалению, являлся курдом, а в Ираке Саддама Хусейна курдов считали «потенциальными преступниками». Первого октября 1987 года отца Идриса Хиди арестовали по подозрению в том, что он курдский политический активист. В чем именно заключалось

его преступление, так никто и не уточнил, но его казнили как изменника родины, вероятно, в январе 1988 года. А через два месяца иракская тайная полиция арестовала и Идриса Хиди, как раз когда он только начинал урок по теории сопротивления материалов для мостовых конструкций. Его отвезли в тюрьму недалеко от Мосула, где в течение одиннадцати месяцев пытали и заставляли признаться. Но каких именно признаний от него ожидали, Идрис Хиди никак не мог понять, а значит, пытки не прекращались.

Первого марта 1989 года дядя Идриса Хиди заплатил местному лидеру партии Баас сумму, соответствующую пятидесяти тысячам шведских крон. Эта сумма оказалась достаточной компенсацией за ущерб, нанесенный Идрисом Хиди иракскому государству. Через два дня его освободили и отдали на попечение дяди. Выйдя из тюрьмы, он весил тридцать девять килограммов и не мог ходить. Перед освобождением ему раздробили левое бедро, чтобы он не мог бегать и участвовать в разных акциях сопротивления режиму.

На протяжении нескольких недель Идрис Хиди находился между жизнью и смертью. Когда он все-таки немного пришел в себя, дядя перевез его в деревню, в шестидесяти километрах от Мосула. За лето Идрис восстановился и окреп настолько, что смог передвигаться на костылях. Вопрос о том, что ему делать дальше, оставался открытым. В августе до него неожиданно дошли известия о том, что тайная полиция схватила двух его братьев. Больше Хиди их так и не увидел. Он предполагал, что оба покоятся под какой-нибудь песочной пирамидой под Мосулом. В сентябре дяде стало известно, что Идриса Хиди снова разыскивает полиция Саддама Хусейна. Он решил обратиться к анонимному аферисту, который за вознаграждение, соответствующее тридцати тысячам шведских крон, переправил Хиди через границу с Турцией и с помощью фальшивого паспорта – дальше в Европу.

19 октября 1989 года Идрис Хиди приземлился в стокгольмском аэропорту Арланда. Он не знал ни единого слова по-шведски, но в соответствии с полученной инструкцией сразу обратился в полицию и на ломаном английском попросил политического убежища. Его перевезли в лагерь для беженцев в Весбю, в Уппланде, где он и пребывал последующие два года, пока Государственное миграционное управление не решило, что у Хиди нет достаточных оснований для получения вида на жительство в Швеции.

К тому моменту Идрис уже выучил шведский язык, и ему была оказана медицинская помощь в связи с искалеченным бедром. Его дважды

прооперировали, и он уже мог передвигаться без костылей. За это время в Швеции состоялась масштабная дискуссия по вопросу о судьбах беженцев, а на их лагерь было совершено покушение. И Берт Карлссон основал партию «Новая демократия».

У Идриса Хиди появился новый адвокат, который выступил публично и рассказал о его ситуации. Так Идрису обеспечили место в Медиаархиве. Судьбой Хиди озаботились другие проживавшие в Швеции курды, в частности члены боевого братства Бакси. Последовали митинги протеста, в адрес министра по вопросам иммиграции Биргит Фриггебу поступали петиции. Вся эта ситуация получила медийный резонанс. Государственное миграционное управление вынужденно изменило свое решение, и Хиди получил вид на жительство с правом работы в Королевстве Швеция. В январе 1992 года он покинул лагерь для беженцев в статусе свободного гражданина.

После пребывания в лагере для беженцев Идрису Хиди пришлось решать новые задачи. Он искал работу и одновременно продолжал долечивать больное бедро. Очень скоро Идрис обнаружил, что его образование инженера-строителя, многолетние профессиональные заслуги и университетские оценки в Швеции нисколько не ценятся. Он работал разносчиком газет, мойщиком посуды, уборщиком и шофером такси. Но с работой разносчика газет Хиди не справился – он просто-напросто не мог быстро подниматься по лестницам. В профессии шофера такси ему нравилось все, за исключением двух обстоятельств: он совершенно не знал географию окрестностей Стокгольма и, к тому же, не мог сидеть неподвижно больше часа подряд – боль в бедре становилась невыносимой.

В мае 1998 года Хиди переехал в Гётеборг. Некий дальний родственник сжалился над ним и предложил ему постоянную работу в клининговой фирме. Работать на полную ставку Идрис не мог, и ему предложили на полставки на должность руководителя уборщиц в Сальгренской больнице, с которой фирма давно сотрудничала. Он занимался всякой всячиной и относительно легкой работой – шесть дней в неделю драил полы в нескольких коридорах, включая коридор 11-С.

Микаэль Блумквист прочитал досье, составленное Даниэлем Улофссоном, и изучил паспортную фотографию Идриса Хиди. Потом зашел через Интернет в Медиаархив, выбрал оттуда несколько статей, которые Улофссон использовал в качестве источника, внимательно прочитал их и надолго задумался. Даже закурил сигарету – с уходом Эрики Бергер запрет на курение в помещении редакции сразу отменили, а Хенри Кортес даже демонстративно оставлял у себя на столе пепельницу.

Под конец Микаэль вытащил страницу, которую Даниэль Улофссон посвятил доктору Андерсу Юнассону. Прочитав текст, он нахмурился.

В понедельник машины с уже известным ему номером и буквами КАБ Микаэль на своем горизонте не обнаружил. Слежки вроде бы не было, но он все же решил не рисковать. От Академического книжного магазина Блумквист прошел до бокового входа в универмаг «НК», а потом сразу же вышел обратно через главный вход – следить за кем-нибудь в универмаге вряд ли было бы посильной задачей для кого-нибудь. Оба его мобильника были отключены.

Микаэль прошел через Галерею к площади Густава Адольфа и мимо здания Риксдага направился в Старый город. Насколько он мог видеть, слежки за ним никто не вел. Он плутал по маленьким улочкам, а потом подошел к нужному дому и позвонил в дверь издательства «Свартвитт»[38].

Было половина третьего дня. Микаэль пришел экспромтом, но редактор Курдо Бакси оказался на месте. Он искренне обрадовался, увидев гостя.

– Наконец-то ты нас вспомнил, – сердечно поприветствовал его Курдо. – Почему ты теперь никогда к нам не заходишь?

– Вот видишь, зашел, – ответил Микаэль.

– Ну да, не прошло и трех лет…

Они пожали друг другу руки.

Микаэль Блумквист знал Курдо Бакси с 1980-х годов и был одним из тех, кто оказывал ему практическую помощь, когда тот начал выпускать журнал «Свартвитт», по ночам тиражируя его пиратским способом в Центральном объединении профсоюзов. За этим занятием Курдо застал будущий охотник за педофилами из организации «Спасем детей» Пер-Эрик Острём, который в 1980-е годы являлся секретарем комиссии центрального профсоюза рабочих Швеции. Как-то поздно ночью Острём зашел в копировальный центр и обнаружил там распечатки первого номера «Свартвитт». Бакси был расстроен и не на шутку перепуган. Взглягув на бездарную обложку, Острём заявил, что так убого, черт побери, журнал выглядеть не может. Потом он нарисовал логотип, который в следующие пятнадцать лет украшал «Свартвитт», пока журнал не прекратил свое существование, превратившись в книжное издательство «Свартвитт». Микаэль в то время переживал очень нелегкий период своей жизни. Он тогда работал пиарщиком в профсоюзном объединении – это был его первый и последний опыт освоения новостийного пространства. Пер-Эрик Острём уговорил его прочесть корректуру и оказать журналу «Свартвитт»

помощь с редактированием.

С тех пор Курдо Бакси и Микаэль Блумквист подружились.

Микаэль уселся на диван, а Курдо принес кофе из автомата, стоявшего в коридоре. Они немного поболтали о разных пустяках, как это обычно бывает, когда люди давно не виделись. Правда, им все время приходилось прерываться, поскольку у Бакси непрерывно звонил мобильный телефон и он кратко отвечал на курдском или, возможно, на арабском, или на каком-то другом непонятном Микаэлю языке. Так бывало и раньше, во время прежних визитов Блумквиста в издательство «Свартвитт» – люди звонили со всех концов мира, чтобы поговорить с Курдо.

– Дорогой Микаэль, у тебя озабоченный вид. Тебя что-то волнует? – поинтересовался Бакси.

– Ты не мог бы на пять минут отключить мобильник, чтобы нас не прерывали?

Курдо выключил мобильник.

– О’кей… Мне нужна помощь в одном важном деле, причем немедленно, но это должно остаться между нами.

– Выкладывай.

– В восемьдесят девятом году в Швецию из Ирака прибыл курдский беженец по имени Идрис Хиди. Когда его пригрозили выслать, твоя семья помогла ему. И в итоге он со временем получил вид на жительство. Я не знаю, кто ему помогал, – твой отец или какой-то другой родственник.

– Я знаю Идриса. Ему помогал мой дядя Махмут Бакси. Но почему ты о нем спрашиваешь?

– Он сейчас работает в Гётеборге. Мне требуется его помощь в одном деле, и я готов ему заплатить.

– Что это за дело?

– Курдо, ты мне доверяешь?

– Конечно, доверяю. Мы всегда были друзьями.

– Я хочу поручить ему одно довольно деликатное задание. Очень необычное. Я не хочу рассказывать, в чем оно состоит, но заверяю тебя, что в нем нет ничего противозаконного или такого, что может создать проблемы тебе или Идрису Хиди.

Курдо пристально посмотрел на Микаэля.

– Понятно. Значит, рассказывать, о чем идет речь, ты не хочешь…

– Чем меньше людей будет знать, тем лучше. Твоя помощь мне требуется для того, чтобы Идрис согласился со мной встретиться и выслушать мое предложение.

Курдо ненадолго задумался, затем подошел к письменному столу и открыл ежедневник. Через минуту он нашел телефон Идриса Хиди и поднял телефонную трубку. Беседа шла на курдском. По выражению лица Бакси Микаэль видел, что он начал беседу с обычных приветствий и ни к чему не обязывающих реплик. Потом Курдо перешел на серьезный тон и стал излагать свою просьбу. Через некоторое время он обратился к Микаэлю:

– Когда ты хочешь с ним встретиться?

– Если можно, в пятницу, во второй половине дня. Спроси, могу ли я прийти к нему домой.

Курдо поговорил еще немного и повесил трубку.

– Идрис Хиди живет в пригороде Ангеред, – сказал он. – У тебя есть его адрес?

Блумквист кивнул.

– В пятницу около пяти он будет дома и с удовольствием с тобой встретится.

– Спасибо, Курдо, – сказал Микаэль.

– Он работает в Сальгренской больнице уборщиком.

– Я знаю.

– Если верить газетам, ты замешан в этой истории с Саландер.

– Верно.

– В нее стреляли.

– Вот именно.

– И, кажется, она лежит в Сальгренской больнице.

– И это верно.

А Курдо Бакси не лыком шит…

Он понимал, что Блумквист задумал какую-то авантюру, ведь это вполне в его духе. Близкими друзьями они не были, но Микаэль всегда приходил на помощь Курдо, если возникала необходимость. Когда они сталкивались на каком-нибудь празднике или в ресторане, то всегда выпивали вместе по паре кружек пива.

– А меня не втянут во что-то, о чем мне следовало бы знать? – спросил Курдо.

– Нет, тебя ни во что не втянут, не волнуйся. Твоя роль заключалась лишь в том, чтобы представить меня одному из твоих знакомых. И повторяю: я не собираюсь просить Идриса Хиди о чем-либо противозаконном.

Курдо кивнул. Одного слова Микаэля ему было достаточно.

Блумквист поднялся.

– Я твой должник.

– Д, ладно, мы с тобой всегда выручаем друг друга, – ответил Бакси.

Хенри Кортес положил телефонную трубку на рычаг и так громко забарабанил пальцами по письменному столу, что Моника Нильссон сердито взглянула на него, нахмурив брови. Он был глубоко погружен в собственные мысли. И хоть Моника вообще пребывала в крайнем раздражении, она решила не позволять себе срываться на Хенри.

Нильссон знала, что Блумквист непрерывно шушукается с Кортесом, Малин Эрикссон и Кристером Мальмом – они обсуждают историю Лисбет Саландер, а на них с Лоттой Карим свалилась вся рутинная работа по подготовке следующего номера журнала, который с уходом Эрики Бергер остался без руля и ветрил. Малин сама по себе, вроде бы, и неплохой вариант, но ей не хватает смелости и авторитета, которые были у Эрики Бергер. А Кортес еще просто сопляк.

Моника Нильссон была раздражена не потому, что чувствовала себя обойденной и жаждала взять на себя часть их работы – этого ей хотелось бы в самую последнюю очередь. В ее задачи входило собирать для «Миллениума» информацию о деятельности правительства, Риксдага и государственных структур. Ей нравилась эта работа и она знала ее вдоль и поперек. На нее возлагалось еще множество других обязанностей – Моника вела еженедельную колонку в профсоюзной газете, выполняла разные общественные поручения для «Международной амнистии» и так далее. Ей еще только не хватало выполнять обязанности главного редактора «Миллениума» и работать как минимум по двенадцать часов ежедневно, отказываясь от своих выходных и свободного времени.

В то же время Монике казалось, что в «Миллениуме» что-то изменилось. Журнал вдруг стал чужим. Что случилось конкретно, она не могла даже объяснить.

Микаэль Блумквист как обычно, вел себя совершенно безответственно, он то и дело отправлялся в какие-то таинственные поездки и появлялся на работе, когда ему заблагорассудится. И хотя он являлся совладельцем «Миллениума» и мог сам определять, что и когда ему делать, но все-таки и ему не мешало бы проявлять чуть больше дисциплинированности.

Кристер Мальм считался вторым совладельцем в журнале, но толку от него было мало, независимо от того, находился ли он на рабочем месте или в отпуске. Безусловно, он был одарен и вполне мог справляться с функциями главного редактора, если Эрика оказывалась очень занята или уезжала в отпуск. Но Кристер в основном выполнял решения, принятые

кем-то другим. Он был незаменим, когда речь шла о графическом дизайне или о презентациях, но совершенно беспомощен, когда нужно было спланировать номер журнала.

Моника Нильссон нахмурилась.

Нет, она все же несправедлива. Ее раздражало то, что ситуация в редакции каким-то образом изменилась – сотрудники журнала больше не были единой неделимой командой, как раньше. Микаэль работал с Малин и Хенри, а все остальные как бы оказывались побоку. Эти трое объединилсь, они образовали некий внутренний круг, запирались в кабинете Эрики… то есть в кабинете Малин, – а когда выходили оттуда, то хранили полное молчание. При Эрике редакция была очень дружным коллективом. Моника не понимала, что произошло, но чувствовала, что ее не посвящают в тайны и не принимают в расчет.

Микаэль работал над историей Саландер, но никто не услышал от него даже намека, о чем там идет речь. С другой стороны, ничего необычного в этом не было. Когда-то он так же молчал и про Веннерстрёма – даже Эрика ничего не знала об этом проекте. Но на этот раз у него в доверенных лицах оказались Хенри и Малин.

Словом, Моника испытывала раздражение. Ей требовался отпуск. Ее тянуло хотя бы на короткое время вырваться на свободу. Она увидела, что Хенри Кортес натягивает вельветовый пиджак.

– Я ненадолго уйду, – сказал он. – Передай, пожалуйста, Малин, что меня не будет часа два.

– Что-то важное?

– Думаю, у меня наклевывается материал. Действительно хороший материал. Об унитазах. Я хочу кое-что проверить, но, если все сойдется, у нас будет отличная статья для июньского номера.

– Об унитазах? – переспросила изумленная Моника Нильссон, глядя ему вслед.

Эрика Бергер стиснула зубы и отправила на распечатку статью о приближающемся суде над Лисбет Саландер. Это была небольшая заметка в два столбца, предназначенная для пятой полосы, на которую обычно помещали новости о внутренней жизни. Был четверг, часы показывали 15.30. Она проработала в «Свенска моргонпостен» двенадцать дней.

Эрика минуту смотрела на текст, потом нахмурилась, подняла трубку и позвонила шефу информационного отдела Андерсу Хольму.

– Привет. Это Бергер. Не могли бы вы найти репортера Юханнеса Фриска и сразу же прийти вместе с ним ко мне в кабинет?

Она положила трубку и терпеливо ждала, пока в стеклянной клетке не появился Хольм, ведя за собой Юханнеса Фриска.

Эрика взглянула на наручные часы.

– Двадцать две, – сказала она.

– Что? – спросил Хольм.

– Двадцать две минуты. Вам потребовалось двадцать две минуты, чтобы встать из-за стола, пройти пятнадцать метров до Юханнеса Фриска и заявиться вместе с ним ко мне.

– Вы не сказали, что это срочно. Я очень занят.

– Но я и не сказала, что это может подождать. Я распорядилась, чтобы вы вместе с Юханнесом Фриском зашли ко мне в кабинет. Я сказала «сразу» и имела в виду «сразу», а не вечером, и не на следующей неделе, и не тогда, когда вам заблагорассудится оторвать свою задницу от стула.

– Послушайте, я считаю…

– Закройте дверь.

Эрика подождала, пока Андерс Хольм закроет за собой дверь.

Тем временем она молча изучала его. Он, без сомнения, очень компетентный шеф отдела информации, в его задачи входит следить за тем, чтобы страницы «Свенска моргонпостен» ежедневно заполнялись текстами – качественно написанными и расположенными в том порядке, о котором договаривались на утренней летучке. Хольму ежедневно приходилось жонглировать колоссальным количеством рабочих задач. Он делал это, не роняя ни одного мяча.

Проблема с Андерсом Хольмом заключалась в том, что он постоянно игнорировал решения, которые принимала Эрика. В течение двух недель она пыталась найти к нему подход. Пыталась убеждать его, действовала методом директив, уговаривала одуматься – в общем, использовала методы кнута и пряника. Она хотела донести до него свою точку зрения на газету.

Но без толку.

Текст, который она отвергала во второй половине дня, все равно попадал в газету вечером, когда Эрика уходила домой. «У нас выпала одна статья, и образовалась дыра, которую мне пришлось заполнять».

Заголовок, который одобряла Эрика, внезапно забраковывался и заменялся совершенно другим. При этом выбор не всегда оказывался неверным, но с нею не обсуждался.

Все делалось демонстративно и с вызовом.

Причем, как правило, речь шла о мелочах. Например, редакционное совещание внезапно переносилось с 14.00 на 13.30, а ее не информировали, и когда она наконец появлялась, большинство решений уже было принято.

«Извините, я не успел вам сообщить».

Эрика Бергер не могла понять, почему Андерс Хольм занял такую позицию по отношению к ней, но уже убедилась, что дипломатические приемы на него не действуют. Она пока не привлекала к обсуждению этого вопроса других сотрудников редакции, пытаясь решить этот вопрос между ними двоими. Но результат оказался нулевым, поэтому настало время высказаться отчетливее, на этот раз в присутствии сотрудника Юханнеса Фриска, с тем расчетом, чтобы содержание дискуссии непременно стало известно всей редакции.

– В самом начале моей работы здесь я сказала, что у меня имеется особый интерес ко всему, что касается Лисбет Саландер. Я объяснила, что хочу заранее иметь информацию обо всех готовящихся статьях и намерена просматривать и лично одобрять все, что запланировано к публикации. Я напоминала вам об этом практически при каждом удобном случае, и в последний раз – на совещании в прошлую пятницу. Какая часть данной инструкции осталась вам непонятной?

– Все планируемые или готовящиеся к печати тексты упоминаются в ежедневной служебной записке в нашей интрасети. Они всегда пересылаются на ваш компьютер. Вас все время информируют.

– Пустая болтовня. Когда мне сегодня утром бросили «Свенска моргонпостен» в почтовый ящик, там на самом видном месте для новостей красовалось три столбца о Саландер и о ситуации вокруг Сталлархольма.

– Этот текст написала Маргарета Орринг. Она работает у нас внештатно и сдала статью только вчера около семи часов вечера.

– Маргарета Орринг позвонила с предложением написать эту статью еще в одиннадцать утра. Вы одобрили эту идею и поручили ей работать над статьей около половины двенадцатого. А на совещании в два часа дня вы ни словом об этом не упомянули.

– Но ведь все эти сведения присутствуют в ежедневной служебной записке.

– Неужели? Там значится следующее: «Маргарета Орринг, интервью с прокурором Мартиной Франссон. Тема: в Сёдертелье обнаружены наркотики».

– Основным материалом и было интервью с Мартиной Франссон по поводу конфискации анаболических стероидов, и в связи с этим был задержан потенциальный покупатель из «Свавельшё МК».

– Вот именно. А в служебной записке нет ни слова о «Свавельшё МК» или о том, что в интервью речь пойдет о Магге Лундине и Сталлархольме, и тем самым о расследовании дела Лисбет Саландер.

– Полагаю, что эти факты всплыли уже по ходу интервью…

– Андерс, я не могу понять почему, но вы лжете мне прямо в глаза. Я разговаривала с Маргаретой Орринг, автором статьи. Она изложила вам четкий план интервью.

– Сожалею, но я не понял, что фокус будет направлен на Саландер. А текст я получил поздно вечером. Что же мне было делать? Снимать весь материал? А ведь Орринг представила очень занимательный текст…

– Тут мы с вами сходимся – текст замечательный. Тем самым это уже ваша третья ложь примерно за три минуты. Орринг представила текст в пятнадцать часов двадцать минут, то есть задолго до того, как я около шести часов ушла домой.

– Бергер, мне не нравится ваш тон.

– Замечательно. В таком случае я могу сообщить вам, что не одобряю ни вашего тона, ни ваших трюков, ни вашей лжи.

– Это звучит так, будто вы подозреваете, что я плету против вас интриги.

– Кстати, вы так и не ответили на мой вопрос. Теперь перейдем ко второму пункту. Сегодня у меня на письменном столе появляется текст Юханнеса Фриска. Я не помню, чтобы мы обсуждали его на летучке в два часа. Как же так получилось, что один из наших сотрудников целый день работает над материалом о Саландер, а мне об этом ничего не известно?

Юханнес Фриск заерзал.

– Значит, так… Мы делаем газету, и вполне естественно, что в портфеле есть сотни текстов, о которых вам неизвестно. У нас в «Свенска моргонпостен» существует определенный рабочий график, к которому все должны приспосабливаться. У меня нет ни времени, ни возможности разбираться с некоторыми текстами особым образом.

– А я не просила вас разбираться с некоторыми текстами особым образом. Я требовала, чтобы, во-первых, меня информировали обо всем, что затрагивает дело Саландер, и, во-вторых, чтобы без моего одобрения на эту тему ничего не публиковалось. Спрашиваю еще раз, какую часть данной инструкции вы так и не поняли?

Хольм вздохнул и скорчил мину страдальца.

– О’кей, – сказала Эрика. – Тогда простите меня за прямоту. Я не намерена и дальше склочничать с вами. Посмотрим, дойдет ли до вас следующий пассаж. Если подобное повторится еще раз, я сниму вас с должности шефа информационного отдела. Это станет сенсацией и сотрясет журналистский муравейник, но в конце концов вам придется сидеть и редактировать семейную страницу, страницу с комиксами или что-

нибудь подобное. Я не могу себе позволить иметь на должности шефа информационного отдела человека, на которого не могу полагаться, человека, который не соблюдает корпоративный этикет и не выполняет мои распоряжения. Вам все понятно?

Андерс Хольм развел руками, в знак того, что считает обвинения Эрики Бергер беспочвенными.

– Вы меня поняли? Да или нет?

– Я слышу, что вы говорите.

– Я спросила, понимаете ли вы меня? Да или нет?

– Неужели вы действительно думаете, что вам это позволят? Газета выходит, потому что я и другие винтики механизма работаем на износ. Правление будет…

– Правление пойдет мне навстречу. Я нахожусь здесь для того, чтобы обновить газету. У меня есть четко сформулированная задача, которая подробно обсуждалась, и меня наделили правом проводить кадровые ротации на уровне руководителей. Я хочу избавиться от мертвечины и привнести в газету свежую кровь. А вы, Хольм, определенно кажетесь мне мертвечиной.

Она умолкла.

Андерс Хольм метнул в нее грозный взгляд. Он был взбешен.

– Это все, – сказала Бергер. – Я предлагаю вам хорошенько подумать обо всем том, о чем мы сегодня поговорили.

– Я не считаю…

– Это ваше право. Всё. Вы свободны.

Хольм развернулся и покинул стеклянную клетку. Эрика смотрела, как он удаляется через редакционный зал по направлению к кафе. Юханнес Фриск поднялся с тем, что последовать за ним.

– Юханнес, а вас я пока не отпустила. Сядьте.

Эрика взяла его статью и еще раз пробежала ее глазами.

– Насколько я понимаю, вы работаете здесь временно?

– Да. Я проработал пять месяцев, и мне осталось доработать как раз последнюю неделю.

– Сколько вам лет?

– Двадцать семь.

– Простите меня! Сожалею, что вам пришлось стать свидетелем сцены, как мы с Хольмом сцепились. Расскажите о вашем материале.

– Сегодня утром я получил сигнал и поделился сведениями с Хольмом. Он сказал, чтобы я вплотную занялся этим вопросом.

– О’кей. Здесь речь идет о том, что полиция проверяет, замешана ли

Лисбет Саландер в продаже анаболических стероидов. Этот материал как-то связан со вчерашней статьей из Сёдертелье, где тоже обнаружили анаболики?

– Насколько мне известно, нет. Эта история с анаболиками имеет отношение к ее контактам с боксером Паоло Роберто и его знакомыми.

– Разве Паоло Роберто как-то связан с торговлей анаболиками?

– Что вы! Нет, разумеется, нет. Просто речь идет в основном о боксерской среде. Саландер занимается боксом в одном из клубов района Сёдер, где тусуются разные темные личности. Но ведь я излагаю точку зрения полиции, а не свою. Просто им вдруг пришло в голову, что Саландер может быть причастна к торговле анаболиками.

– Значит, материал основан не на реальных фактах, а на слухах и домыслах?

– Скорее, это не слухи, а версия полиции. Правы они или нет, я не могу судить.

– О’кей, Юханнес. Я хочу, чтобы вы понимали – то, что я сейчас с вами обсуждаю, никак не связано с моими отношениями с Андерсом Хольмом. Я считаю вас одаренным журналистом. Вы хорошо пишете и умеете выделять важные детали. Иными словами, статья интересная. Проблема заключается лишь в том, что я не верю в то, что там написано.

– Уверяю вас, я ничего не приврал.

– Я объясню вам, почему статья вызывает у меня сомнения в достоверности. Откуда поступили сведения?

– Из источника в полиции.

– От кого именно?

Юханнес Фриск усомнился, это была вполне естественная реакция. Как и любой журналист в любой точке мира, он не хотел называть свой источник. С другой стороны, Эрика Бергер – главный редактор и имеет полное право требовать от него такую информацию.

– От полицейского из отдела по борьбе с особо тяжкими преступлениями, по имени Ханс Фасте.

– Кто кому звонил: он вам или вы ему?

– Он позвонил мне.

Эрика кивнула.

– А почему, как вы думаете, он решил вам позвонить?

– Я пару раз брал у него интервью, когда разыскивали Лисбет Саландер. Тогда мы и познакомились.

– И он знает, что вам двадцать семь лет, что вы временный сотрудник и что через вас он может предать гласности информацию, с подачи

прокурора…

– Да, я все это понимаю. Но ко мне поступил сигнал из следственного отдела полиции; я поехал, попил кофе с Фасте, и он выдал мне информацию. Я процитировал его дословно. Разве я сделал что-то не так?

– Я уверена, что вы все точно процитировали. Дальше должно было произойти следующее: вы делитесь информацией с Андерсом Хольмом, который идет ко мне в кабинет, объясняет ситуацию, и мы вместе решаем, как нам поступить.

– Понимаю. Но я…

– Вы передали материал Хольму, который возглавляет информационный отдел. И поступили правильно. Это Хольм нарушил процедуру. Но давайте все же проанализируем ваш текст. Во-первых, почему Фасте заинтересован, чтобы эта информация просочилась в прессу?

Юханнес Фриск пожал плечами.

– Вы не знаете, или вам все равно?

– Я не знаю.

– О'кей. Если я начну утверждать, что материал в целом – клевета и Саландер не имеет никакого отношения к анаболическим стероидам, что вы на это скажете?

– Я не смог бы доказать обратное.

– Вот именно. Значит, вы полагаете, что мы должны опубликовать материал, который, возможно, не соответствует действительности, только потому, что мы не имеем доказательств обратного?

– Нет, как журналисты, мы несем ответственность. Но ведь нам всегда приходится балансировать. Мы не можем отказываться от публикации, если у нас есть источник, который высказывает свои мнения.

– Это из области философии. Мы можем спросить, почему источник хочет опубликовать ту или иную конкретную информацию. Позвольте объяснить вам, почему я распорядилась, чтобы вся информация о Саландер проходила через мой письменный стол. Дело в том, что ни у кого в «Свенска моргонпостен» не имеется столько сведений по данной теме, кроме меня. Юридическая редакция в курсе того, что я владею эксклюзивной информацией на эту тему и не имею права ею ни с кем делиться. «Миллениум» будет публиковать материал, который я, согласно контракту, не имею права разглашать в «Свенска моргонпостен», несмотря на то, что я здесь работаю. Информацию я получила, будучи главным редактором «Миллениума», и в настоящий момент я оказалась между двух стульев. Вы понимаете, что я имею в виду?

– Да.

– И мои сведения из «Миллениума» позволяют мне категорически утверждать, что данный материал – клевета, целью которой является навредить Лисбет Саландер накануне судебного процесса.

– Навредить Лисбет Саландер нелегко, если иметь в виду уже все сделанные разоблачения…

– Эти разоблачения в основном строятся на домыслах и искажении фактов. Ханс Фасте – один из главных фальсификаторов; он постоянно утверждает, что Лисбет Саландер страдает паранойей и что она склонная к насилию лесбиянка, увлекающаяся сатанизмом и нетрадиционным сексом. Средства массовой информации приняли всерьез фальшивку Фасте только потому, что источник казался им серьезным, а писать о сексе всегда увлекательно. Теперь он продолжает свою клеветническую кампанию под новым углом, стремясь еще больше опорочить Лисбет Саландер в глазах общественности, и хочет, чтобы «Свенска моргонпостен» ему в этом способствовала. Извините, но пока я здесь, этому не бывать.

– Я понимаю.

– Правда? Отлично. Тогда я могу подытожить все сказанное одной фразой. Журналист обязан подвергать сомнению и критически оценивать – а не просто повторять – сведения, из какого бы высокопоставленного источника в государственных структурах они ни исходили. Вы пишете хорошо, но этот талант полностью обесценивается, если вы забываете об азах профессии.

– Я понял.

– Я собираюсь снять вашу статью.

– О’кей.

– Она не годится. Я не доверяю ее содержанию.

– Понятно.

– Но это не означает, что я не доверяю вам.

– Спасибо.

– Поэтому я собираюсь вернуть вас на рабочее место и предложить вам новое задание.

– Вот как?

– По условиям моего контракта с «Миллениумом» я не могу разглашать сведения, известные мне о деле Саландер. Вместе с тем я являюсь главным редактором газеты, которая может проиграть профессиональный забег, поскольку не обладает имеющейся у меня информацией.

– Вот как…

– А этого допускать нельзя. Ситуация просто уникальная и касается

исключительно Саландер. Поэтому я решила выбрать репортера, которому буду помогать двигаться в нужном направлении, чтобы публикация «Миллениума» не застала нас врасплох.

– А вы думаете, что «Миллениум» опубликует о Саландер что-нибудь неожиданное?

– Я не думаю, я знаю. «Миллениум» придерживает сенсацию, которая перевернет всю историю Саландер с ног на голову. И я просто не нахожу себе места от того, что не могу дать этому материалу ход. Однако делать нечего…

– Но вы утверждаете, что снимете мой текст, поскольку знаете, что он не соответствует… То есть тем самым вы утверждаете, что в материале имеется нечто такое, что упустили все остальные журналисты?

– Точно.

– Извините, но трудно поверить в то, что все шведские массмедиа угодили в такую ловушку…

– Лисбет Саландер стала объектом массированной кампании в СМИ. А в таких случаях стандартные правила перестают действовать, и в прессу может попасть любая «утка».

– То есть вы хотите сказать, что Саландер совсем не такая, какой ее изображают?

– Попробуйте представить себе, что она не виновата в том, в чем ее обвиняют, и что ее образ, созданный прессой, – просто фейк, и что тут задействованы совсем другие силы, чем те, о которых нам пока известно.

– Вы уверены в том, что говорите?

Эрика Бергер кивнула.

– И, следовательно, то, что я пытался опубликовать, является просто продолжением кампании против нее?

– Именно.

– Но вы не можете открыть карты?

– Не могу.

Юханнес Фриск всерьез призадумался. Эрика Бергер ждала его реакции.

– О’кей… Что я должен сделать?

– Возвращайтесь на свое рабочее место и начинайте размышлять над другой версией. И не торопитесь; я бы хотела иметь возможность непосредственно перед началом судебного процесса опубликовать развернутый материал – пусть даже на целую полосу, – где будут проанализированы разные утверждения, высказанные в адрес Лисбет Саландер. Начните с прочтения всех газетных и журнальных статей и

составьте перечень всего, что о ней говорили. И тестируйте каждое отдельное утверждение «сывороткой правды».

– Ага…

– Ваше журналистское «я» должно быть начеку, кто распространяет сведения, почему и в чьих интересах.

– Но к началу суда меня в «Свенска моргонпостен», вероятно, уже не будет. Как уже говорил, я работаю последнюю неделю.

Эрика вытащила пластиковую папку из ящика письменного стола и положила перед Юханнесом Фриском листок бумаги.

– Я решила продлить срок вашего контракта на три месяца. Вы дорабатываете неделю на прежней должности, а в понедельник являетесь сюда.

– Ага…

– Если, конечно, вы хотите продолжать сотрудничать с «Свенска моргонпостен».

– Я бы очень хотел.

– Мы с вами подпишем контракт на выполнение исследовательской работы, выходящей за рамки обычной редакционной деятельности. Подчиняться вы будете непосредственно мне. А затем начнете собирать для «Свенска моргонпостен» материал о процессе над Саландер.

– Шефу информационного отдела это не понравится…

– По поводу Хольма не волнуйтесь. Я уже побеседовала с шефом юридической редакции и договорилась… Проблем возникнуть не должно. Но вы должны проводить исследования в тени, а не для сводок новостей. Это вас устроит?

– Супер.

– Ну и отлично… тогда всё. До встречи в понедельник.

Эрика выпроводила его из стеклянной клетки.

Подняв взгляд, она увидела, что с другой стороны центральной стойки за ней наблюдает Андерс Хольм. Он сразу опустил глаза и притворился, что не смотрит на нее.

Глава 11

Пятница, 13 мая – суббота, 14 мая

В пятницу утром по дороге из редакции «Миллениума» к старому дому Лисбет Саландер на Лундагатане Микаэль Блумквист тщательно проверил, нет ли за ним слежки. Он собирался ехать в Гётеборг – на встречу с Идрисом Хиди. Надо обеспечить надежный вид транспорта и уехать незамеченным, не оставив никаких следов. Поезд Микаэль сразу отверг, поскольку не хотел использовать кредитную карточку. Обычно он одалживал машину у Эрики Бергер, но теперь лишился этой возможности. Блумквист размышлял, не попросить ли ему Хенри Кортеса или кого-нибудь другого взять машину напрокат, но в этом случае пришлось бы заполнять какие-нибудь документы.

В конце концов его осенило. В банкомате на Гётгатан он обналичил довольно крупную сумму денег и дошел до старого дома Лисбет. Здесь с марта стояла брошенная ею темно-красная «хонда». Дверцу Микаэль открыл ключами самой хозяйки. Он проверил приборы и убедился, что бензобак наполовину полон. Затем тронулся с места и через мост Лильехольмсбрун отправился в сторону дороги Е4.

В 14.50 Блумквист припарковался в Гётеборге, на маленькой улочке, неподалеку от Авеню. Затем заскочил в первое попавшееся по пути кафе и пообедал. В 16.10 он сел в трамвай, идущий в Ангеред, и доехал до центра. Довольно долго – минут двадцать – искал адрес Идриса Хиди. В конце концов Микаэль явился на встречу примерно с десятиминутным опозданием.

Идрис Хиди хромал. Он открыл дверь, пожал Блумквисту руку и пригласил его в гостиную, обставленную по-спартански. На комоде, возле стола, за который он предложил Микаэлю сесть, стояла дюжина фотографий в рамочках. Журналист начал их изучать.

– Это мои родные, – сказал Идрис Хиди.

Говорил хозяин дома с сильным акцентом, и Микаэль решил про себя, что он провалился бы на языковом тесте, который предлагала проводить Народная партия.

– Это ваши братья?

– Моих двух братьев – они крайние слева – Саддам Хусейн убил в восьмидесятые годы, так же как и отца, он – в центре. Братьев отца тоже убил Саддам – в девяностых. Мама умерла в двухтысячном году. Мои три

сестры живы. Они проживают за границей. Две – в Сирии, а младшая сестра – в Мадриде.

Микаэль кивнул.

Идрис Хиди налил ему кофе по-турецки.

– Курдо Бакси передавал вам привет.

Идрис Хиди кивнул.

– Он объяснил вам, что мне надо?

– Курдо сказал только, что вы хотите предложить мне работу, но какую именно, не уточнил. Разрешите мне сразу предупредить, что я не берусь за работу, в которой есть что-либо противозаконное. Я не могу позволить себе оказаться замешанным в чем-то подобном.

– В том, что я хотел бы вам предложить, нет ничего противозаконного, но возможно, моя просьба покажется вам необычной. Сама работа займет примерно пару недель, и задание должно выполняться ежедневно. С другой стороны, оно займет у вас примерно минуту в день. За это я готов платить вам тысячу крон в неделю. Деньги вы получите прямо в руки, они из моего кармана и через налоговые инстанции проводиться не будут.

– Понятно. Что я должен делать?

– Вы ведь работаете уборщиком в Сальгренской больнице?

Идрис Хиди снова кивнул.

– Одно из ваших рабочих заданий заключается в том, чтобы каждый день – или, если я правильно понял, шесть дней в неделю – убирать в коридоре 11-С, расположенном в отделении интенсивной терапии.

Идрис Хиди опять кивнул.

– Вот что я хочу, чтобы вы делали…

Микаэль Блумквист склонился над столом и изложил свою просьбу.

Прокурор Рикард Экстрём задумчиво разглядывал посетителя. Он в третий раз встречался с комиссаром Георгом Нюстрёмом. Морщинистое лицо последнего обрамляли короткие седые волосы. В первый раз тот посетил его сразу после убийства Залаченко и предъявил удостоверение, подтверждавшее, что он работает в ГПУ/Без. Они довольно долго беседовали, и говорили чуть ли не шепотом.

– Для меня важно, чтобы вы поняли – я ни в коем случае не пытаюсь повлиять на то, как вы будете действовать или как вам следует выполнять ваши обязанности, – заявил Нюстрём.

Экстрём кивнул.

– Я подчеркиваю, что вы ни при каких обстоятельствах не должны предавать огласке полученные от меня сведения.

– Понимаю, – ответил Экстрём.

Хотя, честно говоря, он толком ничего не понял, но не хотел в этом признаваться и задавать слишком много вопросов. Выглядеть идиотом ему не хотелось. Экстрём усвоил, что дело Залаченко требует особой деликатности и что визиты Нюстрёма носят неформальный характер, но они санкционированы высокопоставленными лицами из Службы государственной безопасности.

– Речь идет о человеческих жизнях, – уже во время первого визита объяснил Нюстрём. – Все, что касается фактов о деле Залаченко, Служба безопасности засекретила. Я могу лишь подтвердить, что он является перебежчиком, бывшим агентом советской военной разведки и одной из ключевых фигур в агрессивных действиях русских против Западной Европы в семидесятые годы.

– Понимаю… То же самое утверждает и Микаэль Блумквист.

– И в этом Блумквист совершенно прав. Он – журналист, и докопался до одного из самых секретных дел шведской обороны за всю историю.

– Он опубликует эти сведения.

– Разумеется. Он представитель массмедиа – со всеми их преимуществами и недостатками. Мы живем при демократии, и, естественно, не можем оказывать давление на прессу. Недостатком в данном случае является то, что Блумквист знает лишь частицу правды о Залаченко, и многие его сведения – «липа».

– Понятно.

– Блумквист не понимает, что если правда о Залаченко выйдет наружу, русские смогут вычислить многих наших информаторов и источников в России. Это означает, что люди, рискующие жизнью ради демократии, могут быть убиты.

– Но ведь в России теперь демократия? Ведь времена коммунистов канули в прошлое…

– Это иллюзия. Люди, которые занимались шпионажем против России, никогда не будут прощены. В мире не существует такого режима, который с этим смирится, пусть даже за давностью лет. Многие из этих источников по-прежнему активны…

Никаких таких агентов не было и в помине, но прокурор Экстрём, конечно же, не мог этого знать. Ему приходилось верить Нюстрёму на слово. К тому же ему льстило то, что его посвятили в самые засекреченные сведения. Конечно, он был потрясен тем, что шведская служба безопасности сумела настолько глубоко внедриться в Россию, как намекал Нюстрём. Прокурор понимал, что подобная информация, естественно,

никак не подлежит разглашению.

– Сначала мы вас тщательно проверили, и только после этого мне поручили связаться с вами, – сказал Нюстрём.

Соблазняя, всегда приходится нащупывать слабые стороны человека. Слабость прокурора Экстрёма заключалась в его убежденности в собственной значимости. Он, как и все прочие люди, был очень падок на лесть, которая давала ему понять, что он – единственный, избранный.

– Мы резюмировали, что вы – человек, пользующийся большим доверием у полиции… и, разумеется, в правительственных кругах, – добавил Нюстрём.

Экстрёма эта лесть буквально обезоружила. Тот факт, что некие чиновники в правительстве испытывают к нему доверие, означал, что он может рассчитывать на поощрение, если правильно разыграет свои карты. Это обещало ему определенные бонусы в дальнейшей карьере.

– Я понимаю… И чего вы, собственно, хотели бы?

– Моя задача заключается в том, чтобы как можно деликатнее снабжать вас информацией. Вы, конечно, понимаете, насколько усложнилась вся эта история. С одной стороны, вы в полном соответствии с законом проводите предварительное следствие, и на вас ложится колоссальная ответственность. Никто – ни правительство, ни Служба государственной безопасности, ни кто-либо еще не вправе препятствовать вашим действиям. Ваша задача заключается в том, чтобы докопаться до истины и привлечь виновных к ответственности. Это одна из важнейших функций в правовом государстве.

Экстрём кивнул.

– С другой стороны, если вся правда о Залаченко станет достоянием гласности, это будет воспринято как величайшая национальная катастрофа…

– И какова цель вашего визита?

– Для начала, я обязан предупредить вас о деликатности сложившегося положения. По-моему, Швеция не находилась в столь тяжелой ситуации со времен Второй мировой войны. Можно сказать, что теперь судьба страны в каком-то смысле зависит от вас.

– Кто ваш начальник?

– Сожалею, но я не вправе раскрывать имена людей, курирующих это дело. Могу лишь сообщить вам, что меня уполномочили на самом высочайшем уровне.

О, господи… Так он действует по поручению правительства. Ни в коем случае нельзя допустить утечку, иначе разразится политическая

катастрофа.

Нюстрём отметил, что Экстрём проглотил наживку.

– Я могу оказать вам информационную помощь. Мне предоставлены очень широкие полномочия, и я могу, по собственному усмотрению, предоставить вам материалы, которые принадлежат к числу самых засекреченных в нашей стране.

– Вот как…

– Это означает, что если у вас возникнут вопросы по любому поводу, вам следует обращаться ко мне. Вы не должны контактировать ни с кем другим из Службы безопасности, кроме меня. Мне поручено стать вашим гидом по этому лабиринту, и если возникнет конфликт интересов, мы с вами должны найти решение совместными усилиями.

– Понятно. В таком случае я хотел бы выразить вам и вашим коллегам благодарность за то, что вы готовы облегчить мою задачу.

– Мы хотели бы, чтобы судебный процесс, несмотря на всю сложность ситуации, все-таки состоялся.

– Хорошо. Заверяю вас, что буду проявлять особую деликатность. Мне ведь не впервые приходится иметь дело с засекреченной информацией…

– Да, нам это прекрасно известно.

У Экстрёма возникло множество вопросов, которые Нюстрём педантично записал, а потом постарался, по мере возможности, на них ответить. Во время третьего визита Экстрёму предстояло получить ответы еще на несколько вопросов, и главный из них звучал так: что на самом деле представляет собой отчет Бьёрка от 1991 года?

– Это очень проблематично, – сказал Нюстрём.

Он и вправду выглядел очень озабоченным.

– Хотелось бы заметить, что с тех пор как этот отчет всплыл на поверхность, у нас почти круглосуточно работала аналитическая группа, и она пыталась выяснить, что именно произошло. Сейчас мы уже приближаемся к тому, чтобы сделать выводы. И выводы эти крайне негативные.

– Это вполне объяснимо – ведь, согласно отчету, Служба безопасности вступила в сговор с психиатром Петером Телеборьяном с целью поместить Лисбет Саландер в психиатрическую клинику.

– Если бы все было так просто, – сказал Нюстрём и усмехнулся.

– Просто?

– Ну да. Если бы все обстояло именно так просто… Любое совершенное преступление должно повлечь за собой возбуждение уголовного дела. И должно быть осуждено. Но в том-то и заключается

проблема, что этот отчет не соответствует имеющимся в нашем архиве документам.

– Что вы имеете в виду?

Нюстрём достал и раскрыл синюю папку.

– У меня здесь имеется настоящий отчет, написанный Гуннаром Бьёрком в девяносто первом году. Здесь есть также оригиналы писем, которыми он обменивался с Телеборьяном и которые хранились в нашем архиве. Проблема в том, что эти две версии не совпадают.

– Объясните.

– К несчастью, Бьёрк повесился. Мы предполагаем, что это связано с разоблачением его сексуальных «гастролей». «Миллениум» собирался предать дело огласке, и Бьёрк впал в такой ступор, что предпочел покончить с собой.

– Да…

– В оригинале отчета содержится расследование попытки Лисбет Саландер убить отца, Александра Залаченко, при помощи зажигательной бомбы. Первые тридцать страниц расследования, которые обнаружены Блумквистом, соответствуют оригиналу. Там не содержится ничего примечательного. Только на странице тридцать три, где Бьёрк делает выводы и дает рекомендации, возникают расхождения.

– То есть как это?

– В оригинальной версии Бьёрк дает пять четких рекомендаций. К чему скрывать, что в частности он советует не предавать дело Залаченко огласке в СМИ и тому подобное… Бьёрк предлагает, чтобы Залаченко – он ведь получил тяжелые ожоги – проходил реабилитацию за границей. И так далее. Он предлагает также обеспечить Лисбет Саландер самое лучшее психиатрическое лечение.

– Вот как…

– Проблема заключается как раз в том, что в текст были внесены некоторые незначительные изменения. Например, на странице тридцать четыре появляется абзац, в котором Бьёрк будто бы предлагает признать Саландер психически больной, – тогда ее высказываниям не будут доверять, если кто-нибудь начнет задавать вопросы о Залаченко.

– А в оригинале этого нет?

– Вот именно. Гуннар Бьёрк никогда ничего подобного не предлагал. К тому же, это было бы противозаконным. Он предлагал, чтобы ее отправили на лечение, в котором она действительно нуждалась. А в той копии, которую нашел Блумквист, все это уже стало заговором.

– А можно мне прочитать оригинал?

– Пожалуйста. Но я должен буду забрать отчет с собой. Прежде чем вы его прочтете, хочу обратить ваше внимание на приложение, которое состоит из переписки между Бьёрком и Телеборьяном. Здесь уже все сфабриковано. Речь идет не просто о некоторых изменениях, а о грубых фальсификациях.

– О фальсификациях?

– По-моему, в данном случае это единственно уместное слово. В оригинале предусмотрено поручение суда Петеру Телеборьяну провести судебно-психиатрическую экспертизу Лисбет Саландер. Ничего из ряда вон выходящего в этом нет. Лисбет Саландер в двенадцатилетнем возрасте попыталась убить отца при помощи зажигательной бомбы. Напротив, было бы подозрительно, если бы ее не подвергли психиатрической экспертизе.

– Совершенно справедливо.

– Если бы вы оказались на месте прокурора, думаю, вы тоже потребовали бы социального и психиатрического обследования.

– Разумеется.

– Телеборьян к тому времени слыл известным и уважаемым детским психиатром, и к тому же имел опыт работы в области судебной медицины. Когда ему передали это поручение, он провел всестороннее обследование и пришел к выводу, что Лисбет Саландер психически больна… Я не хотел бы оперировать профессиональной терминологией.

– О’кей…

– Телеборьян включил свои выводы в этот отчет, который направил Бьёрку, а тот представил его в суд. В конце концов суд принял решение о том, что Саландер следует поместить в больницу Святого Стефана.

– Понимаю.

– А в версии Блумквиста экспертиза, проведенная Телеборьяном, полностью отсутствует. Вместо этого там есть переписка между Бьёрком и Телеборьяном, в которой Бьёрк инструктирует его и призывает сфальсифицировать результаты психиатрического обследования.

– И вы полагаете, что это фальшивка?

– Без сомнений.

– Но кто может быть заинтересован в такой фальсификации?

Нюстрём отложил отчет и помрачнел.

– В этом-то и весь подвох.

– И каков ответ на этот вопрос?..

– Мы не знаем. Именно этот вопрос и занимает наших экспертов. И мы до сих пор не получили ответа.

– А может, все это – плод богатого воображения Блумквиста?

Нюстрём засмеялся.

– Мы тоже сначала так подумали. Но нет. Мы полагаем, что почти одновременно с написанием оригинального отчета была запущена и сфальсифицированная его версия.

– Неужели это возможно?

– И это приводит к неутешительным выводам. Автор фальшивки был полностью осведомлен. И, кроме того, он получил доступ к пишущей машинке, которой пользовался Гуннар Бьёрк.

– Вы хотите сказать…

– Мы не знаем, где именно Бьёрк писал отчет. Он мог пользоваться машинкой дома, или на работе, или еще в каком-то месте. И здесь напрашиваются два варианта. Либо автор фальшивки работал в психиатрии или судебной медицине и намеренно стремился опорочить Телеборьяна. Либо фальшивку запустили в недрах Службы государственной безопасности, совершенно с другой целью.

– Но зачем?

– Дело происходило в девяносто первом году. Это мог быть какой-нибудь русский агент в ГПУ/Без, выследивший Залаченко. А раз так, то мы вынуждены сейчас проверять огромное количество старых персональных дел.

– Но если бы об этом стало известно КГБ, тогда все давно бы уже просочилось наружу.

– А вам не откажешь в логике… Но не забывайте, что именно в то время Советский Союз распался и КГБ распустили. И мы не знаем, какие у них операции сорвались. Возможно, это была спланированная, но затем отложенная операция. У КГБ этого не отнимешь – они большие мастера фальсифицировать документы и запускать дезинформацию.

– Но какую цель мог преследовать КГБ в таком случае?

– Этого мы тоже не знаем. Вполне возможно, что они стремились нанести непоправимый ущерб репутации шведского правительства.

– Значит, вы считаете, что результаты медицинского освидетельствования Саландер не содержат никаких искажений?

– Именно так я и считаю. Можете не сомневаться. Между нами говоря, Саландер абсолютно сумасшедшая. Так что не сомневайтесь, закрытая психиатрическая лечебница – самое подходящее место для нее.

– Так значит, унитазы? – задумчиво переспросила исполняющая обязанности главного редактора Малин Эрикссон.

Она не могла избавиться от ощущения, что Хенри Кортес ее

разыгрывает.

– Унитазы, – повторил коллега и кивнул.

– Ты собираешься опубликовать статью об унитазах? В «Миллениуме»?

Моника Нильссон расхохоталась. Она видела, с каким откровенным энтузиазмом Хенри отправлялся на совещание в пятницу – все в нем выдавало журналиста, который уже подготовил материал.

– О’кей, тогда объясни.

– А все очень просто, – сказал Кортес. – Строительство – одна из ведущих отраслей промышленности Швеции. Эту отрасль практически невозможно переместить за границу, хотя «Сканска» и притворяется, что имеет в Лондоне офис и все такое. Строить дома все равно приходится в Швеции.

– Да, но это не сенсация.

– Конечно. Но сенсация заключается в том, что строительная отрасль на пару световых лет отстает от остальной промышленности Швеции – и по конкурентоспособности, и по эффективности. Если бы компания «Вольво» ориентировалась бы в производстве на эти же принципы, то новейшая модель автомобиля стоила бы порядка одного или двух миллионов крон. Любая нормально функционирующая отрасль стремится снижать себестоимость. А у строителей все наоборот. Они игнорируют принцип уменьшения себестоимости, и в результате цена за квадратный метр увеличивается. А государство субсидирует строительство из налоговых средств, чтобы цена не взлетала до небес.

– Неужели это материал для статьи?

– Послушай, все не так просто. Представь себе, например, что если бы ценообразование на гамбургеры с семидесятых годов развивалось бы таким же образом, то бигмак стоил бы сейчас около ста пятидесяти крон, или еще больше. Страшно даже подумать, во сколько обошелся бы бигмак с картошкой и колой, но моей зарплаты в «Миллениуме» надолго, пожалуй, не хватило бы. Кто из сидящих за этим столом пошел бы в «Макдоналдс» покупать гамбургеры по сотне?

Никто не откликнулся.

– Вот именно. А когда компания «Нордик констракшн компани»[39] наскоро возводит дешевые новостройки в районе Госхага на острове Лидингё, она берет за трехкомнатную квартиру по десять или двенадцать тысяч крон в месяц. Многие ли из нас справятся с такими расходами?

– Мне это не по карману, – сказала Моника Нильссон.

– Да. Но ты уже проживаешь в районе Данвикстулл, в двушке, которую

тебе двадцать лет назад приобрел отец. И если захочешь ее продать, то получишь около полутора миллионов. А что делать сейчас молодым, двадцатилетним, которые хотят съехать из родительского дома? Для них это непосильные суммы. Поэтому они снимают жилье или торчат дома с мамашами до самого выхода на пенсию.

– Но все же при чем тут унитазы? – поинтересовался Кристер Мальм.

– Сейчас мы это обсудим. Весь вопрос в том, почему цена на жилье так непомерно задрана? Да потому, что те, кто заказывают строительство домов, вообще не компетентны. Представь себе. Жилищно-коммунальное предприятие звонит в строительную компанию, типа «Сканска», сообщает, что хочет заказать сто квартир, и спрашивает, сколько это будет стоить. «Сканска» составляет калькуляцию и отвечает: скажем, пятьсот миллионов крон. Соответственно, цена квадратного метра окажется порядка икс крон, и въехать в квартиру будет стоить десять тысяч в месяц. В «Макдоналдс» ведь можно не ходить, но жить где-то надо в любом случае, значит, тебе придется платить столько, сколько тебе назначат.

– Хенри, дорогой… Давай ближе к делу.

– Ну, я-то как раз о деле. Почему, например, ты въезжаешь в бараки в районе Хаммарбюхамнен и платишь по десять штук ежемесячно? Только потому, что строительным фирмам нет никакого дела до снижения себестоимости. В любом случае все издержки – за счет клиента. Значительная часть стоимости жилья формируется за счет расходов на стройматериалы. А стройматериалами торгуют оптовики, которые назначают собственные цены. От фонаря. И поскольку никакой настоящей конкуренции нет, то одна ванна стоит в Швеции пять тысяч крон. Та же ванна, от того же производителя, в Германии стоит две тысячи крон. И никакие рациональные аргументы не помогут, эту ценовую разницу оправдать невозможно.

– О’кей.

– Для примера можно прочитать отчеты правительственной комиссии, которая занималась вопросами стоимости строительства в конце девяностых годов. С тех пор почти ничего не изменилось. Никто не взял на себя труд проводить со строительными фирмами переговоры о несоответствии в ценообразовании. Заказчики без всяких условий оплачивают стоимость, и в конечном счете все расходы покрывают жильцы или налогоплательщики.

– Хенри, но что же все-таки с унитазами?

– Кое-что все-таки немного улучшилось, со времен образования Комиссии по стоимости строительства. Правда, на местном уровне, в

основном за пределами Стокгольма. Есть заказчики, которые не смирились с высокими ценами на жилье. И типичный пример – компания «Карлскрунахем», которая строит дешевле всех остальных, поскольку просто самостоятельно закупает материалы. Кроме того, в дело вмешалась торговая компания «Свенск Хандель». Они считают цены на стройматериалы вообще неадекватными и пытаются облегчить заказчикам задачу, так чтобы они смогли получать аналогичную, но более дешевую продукцию. Год назад на строительной выставке в Эльвшё даже вспыхнул конфликт. Компания «Свенск Хандель» представила там торговца из Таиланда, который продавал унитазы примерно по пятьсот крон за штуку.

– Вот как? И что же?

– Ближайшим конкурентом оказалась оптовая компания «Витавара АБ», которая продавала настоящие шведские унитазы по тысяче семьсот крон за штуку. И мудрые заказчики из управляющих компаний крепко призадумались: а зачем им выкладывать по тысячу семьсот крон, когда они могут купить аналогичный унитаз из Таиланда за пятьсот?

– Может, у шведского качество более высокое? – спросила Лотта Карим.

– Ничего подобного. Равноценная продукция.

– Таиланд, – произнес Кристер Мальм. – А что если они используют детский труд, или еще что-то такое, что может объяснить низкую цену?

– Нет, – ответил Хенри Кортес. – Детский труд используется в Таиланде в основном в текстильной промышленности и в производстве сувениров. Ну и, разумеется, дети стали живым товаром для педофилов. Это там теперь – настоящая отрасль экономики. ООН контролирует детский труд, и я проверил эту фирму. У них всё в порядке. Это большое, современное и респектабельное предприятие по производству бытовой техники.

– Так вот оно что… Значит, речь идет о странах с низкооплачиваемым уровнем оплаты труда? Так что ты рискуешь написать статью, призывающую вытеснить с рынка шведские предприятия и заменить их таиландскими. Долой шведских работников, давайте закроем наши предприятия и будем импортировать продукцию из Таиланда!.. Центральному объединению профсоюзов такие призывы точно не понравятся.

Широко улыбнувшись, Хенри Кортес откинулся на спинку стула с демонстративно самодовольным видом.

– А вот и нет, – сказал он. – Угадайте, где «Витавара АВ» производит свои унитазы по тысяче семьсот крон за штуку?

Все замолчали.

– Во Вьетнаме, – произнес Хенри.

– Этого не может быть, – возразила главный редактор Малин Эрикссон.

– Может, – сказал Кортес. – Они производят там унитазы по договору субподряда по крайней мере уже десять лет. А шведских работников выгнали еще в девяностые годы.

– Черт побери…

– И вот мы уже приблизились к самой главной теме. Если бы унитазы импортировали прямо из Вьетнама, то они стоили бы около трехсот девяноста крон за штуку. Угадайте, почему во Вьетнаме дешевле, чем в Таиланде?

– Не может быть…

Хенри Кортес кивнул. Он буквально расплылся в улыбке.

– «Витавара АВ» размещает заказы на предприятии, которое называется «Фонг Су индастриз». А эта контора значится у ООН в списке тех, которые засветились во время проверки две тысячи первого года как использующие детский труд. Но вообще-то основную массу рабочих там составляют заключенные.

Малин Эрикссон улыбнулась.

– Ну что ж, – сказала она. – Совсем неплохо. Когда ты вырастешь, то наверняка станешь настоящим журналистом. И когда же ты планируешь закончить работу над материалом?

– Через две недели. Мне надо еще очень многое уточнить. В частности, из области международной торговли. И, кроме того, в качестве героя статьи требуется *bad guy*[40], поэтому я хочу проверить, кто владеет компанией «Витавара АВ».

– Значит, мы сможем опубликовать статью в июньском номере? – спросила Малин с надеждой в голосе.

– Уверен на все сто.

Инспектор уголовной полиции Ян Бублански с полным безразличием взирал на прокурора Рикарда Экстрёма. Их встреча продолжалась уже сорок минут, и Бублански еле сдерживал себя – ему хотелось протянуть руку, схватить лежащий на столе Экстрёма экземпляр Свода законов Швеции и стукнуть им прокурора по башке. На минуту он даже призадумался, что произойдет, если он так и поступит. Этот факт, конечно, станет достоянием вечерних газет. А его непременно привлекут к суду и обвинят в нанесении телесных повреждений.

Так что с этой идеей пришлось распрощаться. Цивилизованная человеческая особь не поддается подобным импульсам, как бы вызывающе ни вела себя противоположная сторона. Ведь самому инспектору Бублански чаще всего приходилось разбираться именно с теми, кто поддавался необдуманным порывам.

– Что ж, – сказал Экстрём. – Я считаю, что мы достигли согласия.

– Нет, мы не достигли согласия, – ответил Бублански и встал. – Но именно ты возглавляешь предварительное следствие.

Бормоча что-то себе под нос, он свернул в коридор, где находился его служебный кабинет. А потом вызвал к себе инспекторов Курта Свенссона и Соню Мудиг – эта парочка и имелась в его распоряжении на тот момент. Йеркер Хольмберг же весьма некстати решил взять двухнедельный отпуск.

– Зайдите ко мне в кабинет, – сказал Бублански. – И захватите кофе.

Когда они расселись, шеф группы открыл блокнот с записями, которые он сделал во время встречи с Экстрёмом.

– Значит, на данный момент ситуация складывается следующим образом: наш руководитель предварительного следствия снял с Лисбет Саландер все обвинения, касающиеся тех убийств, за которые ее разыскивали. То есть она больше не имеет отношения к тому предварительному следствию, которым занимаемся мы.

– Это все-таки можно рассматривать как некоторый прогресс, – сказала Соня Мудиг.

Курт Свенссон, как всегда, промолчал.

– А я в этом как раз не уверен, – возразил Бублански. – Саландер по-прежнему подозревается в тяжких преступлениях, связанных со Сталлархольмом и Госсебергой. Но в сферу нашего внимания это расследование больше не входит. Мы должны сосредоточиться на поисках Нидермана и разобраться, что произошло на лесном кладбище в Нюкварне.

– Понятно.

– Но совершенно ясно, что Экстрём инициирует судебное преследование Лисбет Саландер. Дело переведено в Стокгольм и выделено в отдельное производство.

– Вот как?

– И угадайте, кто будет проводить расследование?

– Мне даже страшно это себе представить.

– Ханс Фасте вернулся на службу и будет помогать Экстрёму со следствием по делу Саландер.

– Но это же идиотизм! Фасте совершенно не подходит для этой задачи – ведь все, что касается Лисбет Саландер, действует на него как красная

тряпка на быка.

– Я знаю. Но у Экстрёма имеется неопровержимый аргумент. Фасте находился на больничном со времени… нервного срыва в апреле. А дело Лисбет несложное и вполне перспективное, и он запросто сможет на нем сконцентрироваться.

Пауза.

– Стало быть, сегодня вечером мы должны передать ему все материалы о Саландер.

– А история с Гуннаром Бьёрком, СЭПО и отчетом девяносто первого года…

– Фасте с Экстрёмом займутся всем этим.

– Я не могу с этим согласиться, – сказала Соня Мудиг.

– Я тоже. Но Экстрём – сам шеф и его поддерживают в высших бюрократических структурах. Иными словами, наша работа по-прежнему заключается в том, чтобы найти убийцу. Курт, как у нас обстоят дела?

Курт Свенссон покачал головой.

– Нидерман исчез с концами. Признаюсь, что за все годы работы в полиции я ни разу не сталкивался с подобным феноменом. Нам не удалось обнаружить никого, кто знал бы его или имел представление о том, где он находится.

– Да, это загадка, – сказала Соня Мудиг. – Стало быть, его разыскивают за убийство полицейского в Госсеберге, за причинение тяжкого вреда здоровью другого полицейского, за попытку убить Лисбет Саландер, за дерзкое ограбление и за избиение медсестры Аниты Касперссон… А также за убийство Дага Свенссона и Миа Бергман. Во всех этих случаях есть солидная доказательная база.

– Это уже кое-что. А как насчет финансового эксперта «Свавельшё МК»?

– Виктора Йоранссона и его сожительницы Лены Нюгрен? У нас имеются технические доказательства – отпечатки пальцев и ДНК с тела Йоранссона. И все это свидетельствует о том, что к преступлениям причастен Нидерман. Он поцарапался, когда наносил побои.

– О’кей. О «Свавельшё МК» есть что-нибудь новое?

– Сонни Ниеминен возглавил правление клуба, пока Магге Лундин сидит в следственном изоляторе за похищение Мириам Ву, в ожидании суда. До нас дошли слухи, что Ниеминен объявил огромное вознаграждение за сведения о местонахождении Нидермана.

– Тогда вообще непонятно, почему того пока не нашли. А как обстоят дела с машиной Йоранссона?

– Поскольку мы обнаружили машину Аниты Касперссон во дворе у Йоранссона, то можно предположить, что Нидерман сменил транспортное средство. Но никаких следов машины Йоранссона так и не нашлось.

– А вообще возникает вопрос: скрывается ли Нидерман по-прежнему в Швеции? И если да, то где и у кого? Или он уже успел перебраться в надежное место за границей? Какие у нас есть предположения на этот счет?

– У нас нет никаких доказательств того, что он сбежал за границу, но такой поворот событий вполне логичен.

– Где же он в таком случае мог бросить машину?

Соня Мудиг и Курт Свенссон замотали головами. В девяти случаях из десяти выслеживать объявленного в розыск конкретного преступника особой сложности для полиции не представляло. Следовало выстроить логическую цепочку и начинать ее раскручивать. Кто его приятели? С кем он вместе сидел в тюрьме? Где живет его подружка? С кем он любит выпивать? Где он в последний раз пользовался мобильным телефоном? Где находится его машина?

В конце этой цепочки обычно и обнаруживался разыскиваемый человек.

Проблема с Рональдом Нидерманом заключалась в том, что у него не было ни приятелей, ни подружки, он не шатался по кабакам и не имел мобильного телефона, номер которого знала бы полиция.

Стало быть, все силы были брошены на поиски машины Виктора Йоранссона, которой, как предполагалось, воспользовался Рональд Нидерман. Если бы машина нашлась, то стало бы ясно, в каком направлении продолжать дальнейшие поиски.

Поначалу в полиции рассчитывали, что машина найдется в течение нескольких суток, скорее всего, на какой-нибудь стоянке в Стокгольме. Однако несмотря на все усилия, автомобиль словно канул в воду.

– Если Нидерман прячется за границей, то где именно? Вот в чем вопрос…

– Он гражданин Германии, и естественно было бы предположить, что он направился именно туда.

– В Германии он объявлен в розыск. И ни с кем из старых приятелей в Гамбурге, вроде бы, не связывался.

Курт Свенссон замахал рукой.

– Если он собирался удрать в Германию, на кой черт ему понадобилось ехать в Стокгольм? Гораздо проще было бы доехать до Мальмё и перебраться через Эресунд по мосту или на каком-нибудь пароме.

– Разумеется. Маркус Эрландер из Гётеборга в первые дни

сосредоточил поиски именно на этом направлении. Полиция Дании проинформирована о машине Йоранссона. И мы можем с уверенностью сказать, что на паромах Нидерман не переправлялся.

– Но он отправился в Стокгольм и заехал в «Свавельшё МК», где убил кассира и скрылся – как можно предположить – с энной суммой денег. Каким будет его следующий шаг?

– Ему необходимо выбраться из Швеции, – сказал Бублански. – Логично было бы воспользоваться каким-нибудь паромом через Балтику. Но Йоранссона с сожительницей убили девятого апреля, поздно ночью. Стало быть, Нидерман мог уехать на пароме на следующий день. Сигнал тревоги поступил к нам через шестнадцать часов после их гибели, и только тогда мы начали разыскивать машину.

– Если бы он отчалил утром на пароме, то оставил бы автомобиль Йоранссона возле какого-нибудь из причалов, – заметила Соня Мудиг.

Курт Свенссон кивнул.

– А может, мы не нашли машину Йоранссона просто потому, что Нидерман покинул страну на севере, через Хапаранду? Конечно, ехать через Ботнический залив дольше и дальше, но шестнадцати часов ему вполне могло хватить, чтобы успеть пересечь границу с Финляндией.

– Да, но тогда ему пришлось бы бросить машину где-то в Финляндии, и к настоящему моменту тамошние коллеги ее уже обнаружили бы…

Все погрузились в размышления.

Наконец Бублански встал и подошел к окну.

– Но, вопреки логике и здравому смыслу, автомобиль Йоранссона по-прежнему не обнаружен. Возможно, преступник нашел какое-то укрытие, где он просто залег на дно, на дачу или…

– На дачу – едва ли. В такое время года все владельцы домов выезжают посмотреть, как у них там дела.

– И едва ли он укрылся где-то близ «Свавельшё МК». Ему вряд ли хотелось бы столкнуться с кем бы то ни было из них.

– Стало быть, нам следует исключить из зоны поиска весь преступный мир. Может быть, есть какая-нибудь подружка, о которой нам не известно?

По-прежнему в гипотезах и версиях не было недостатка, но фактов – никаких.

Когда Курт Свенссон ушел домой, Соня Мудиг вернулась к кабинету Яна Бублански и постучала о дверной косяк. Бублански приветливо махнул ей рукой и жестом пригласил войти.

– У тебя найдется пара минут?

– Ты насчет чего?

– Насчет Саландер.

– О’кей.

– Мне не нравится эта ситуация – с Экстрёмом, Фасте и новым судебным процессом. Ты ведь читал отчет Бьёрка. Я тоже читала. Ее просто изолировали в девяносто первом году, и Экстрём в курсе этого. Что за чертовщина?

Бублански снял очки и засунул их в нагрудный карман.

– Понятия не имею.

– Но у тебя есть какие-нибудь соображения?

– Экстрём утверждает, что отчет Бьёрка и его переписка с Телеборьяном – стопроцентные фальшивки.

– Чушь. Иначе Бьёрк сказал бы это, когда мы его сюда привозили.

– Экстрём заявляет, что Бьёрк отказывался говорить на эту тему, поскольку дело имело гриф секретности. Меня упрекнули в том, что я допрашивал его, опережая события.

– Мне все меньше и меньше нравится Экстрём.

– На него давят со всех сторон.

– Это его не оправдывает.

– Но у нас нет монополии на истину. По словам Экстрёма, он получил доказательства того, что отчет сфальсифицирован – настоящего отчета с таким инвентарным номером не существует. Он говорит также, что фальшивка сделана на высоком уровне и содержит смесь правды и вымысла.

– Но какая часть является правдой, а какая – вымыслом?

– Сюжетная рамка в какой-то степени правдива. Залаченко действительно отец Лисбет Саландер, он подонок и действительно избивал ее мать. У них в семье возникла типичная проблема – мать не хотела заявлять в полицию, и потому насилие продолжалось несколько лет. Бьёрку поручили расследовать тот самый эпизод, когда Лисбет попыталась убить отца при помощи зажигательной бомбы. Он начал переписку с Телеборьяном, но вся корреспонденция – причем именно та, которая нам доступна, – фальшивка. Телеборьян провел самое стандартное психиатрическое обследование Саландер и констатировал, что у нее налицо отклонения от нормы, а прокурор решил не давать ее делу дальнейший ход. Ей требовалось лечение, и ее поместили в больницу Святого Стефана.

– Если это фальшивка, то кто ее автор? И какую цель она преследует?

Бублански развел руками.

– Ты, что, меня разыгрываешь?

– Нет. А Экстрём, насколько я понял, намерен потребовать провести повторное медицинское обследование Саландер.

– Я категорически возражаю.

– Нас это больше не касается. История Саландер – уже не наше дело.

– А Ханса Фасте-то подключили… Ян, если эти мерзавцы еще раз предпримут атаку на Саландер, я буду обращаться в средства массовой информации…

– Нет, Соня. Прошу тебя, не делай этого. Во-первых, у нас больше нет доступа к отчету, и поэтому твои утверждения окажутся бездоказательными. Все решат, что ты просто чокнутая, и тогда твоей карьере конец.

– Отчет у меня по-прежнему есть, – сказала Соня Мудиг почти шепотом. – Я сняла копию для Курта Свенссона, но еще не успела ему передать, когда генеральный прокурор стал отбирать у нас копии.

– Если ты обнародуешь информацию об отчете, тебя не просто уволят, а обвинят в грубейшем должностном подлоге и в выдаче СМИ засекреченной информации.

Мудиг секунду сидела молча, разглядывая своего начальника.

– Соня, ты ничего не будешь предпринимать. Обещай мне.

Она сомневалась.

– Нет, Ян, обещать я не могу. Во всей этой истории есть что-то очень и очень подозрительное.

Бублански кивнул.

– Ты права. Но мы не знаем, какие у нас в данный момент враги и кто они.

Соня Мудиг склонила голову набок.

– А ты собираешься что-нибудь предпринять?

– А вот это я не намерен обсуждать с тобой. Просто положись на меня. Сейчас вечер пятницы. Устрой себе уикенд. Отправляйся домой и забудь вообще обо всем, о чем мы тут с тобой говорили.

В субботу, в половине второго дня, охранник Никлас Адамссон оторвался от учебника экономики – через три недели ему предстояло сдавать экзамен. Его отвлек шум вращающихся щеток тарахтящей тележки уборщика. «Наверное, это черномазый», – подумал охранник. Тот всегда вежливо здоровался, но отличался неконтактностью и не реагировал на шутки Никласа.

Охранник увидел, как тот достал бутылку «Аякса», пару раз побрызгал на стойку дежурного и потом начисто вытер тряпкой. Потом схватил

швабру и несколько раз прошелся ею вокруг стойки в тех местах, куда не доставали щетки тележки. Никлас Адамссон снова уткнулся в книгу и продолжил чтение.

Через десять минут уборщик добрался и до самого Адамссона в самом конце коридора. Они кивнули друг другу. Охранник встал, чтобы уборщик мог обработать пол вокруг стула перед дверью палаты Лисбет Саландер. Никлас видел уборщика почти каждый раз, когда ему приходилось заступать на этот пост, но никак не мог запомнить его имя – какое-то типичное для арабов и им подобных. Адамссону и в голову не приходило проверять у него удостоверение. С одной стороны, в комнату заключенной черномазый не входит – там по утрам наводит порядок одна из уборщиц; а с другой – хромой уборщик едва ли мог представлять сколько-нибудь серьезную угрозу.

Покончив с делами в конце коридора, уборщик отпер дверь рядом с палатой Лисбет Саландер. Адамссон покосился на него, но и это нельзя было посчитать каким-либо отступлением от ежедневной рутины. В конце коридора располагался чулан, куда складывался инвентарь. В следующие пять минут уборщик опорожнил ведро, почистил щетки и заполнил тележку пластиковыми пакетами для мусорных корзин. Под конец он закатил тележку в чулан.

Идрис Хиди знал, что в холле есть охранник. Этот светловолосый парень, лет двадцати пяти, обычно сидел там два или три дня в неделю, читая книги по экономике. Хиди решил, что тот работает в охране на полставки, параллельно учась в университете, и что он интересуется происходящим вокруг не больше, чем кусок кирпича.

Что предпримет Адамссон, если Идрис ействительно попытается войти в палату к Лисбет Саландер?

И чего, собственно, добивается Микаэль Блумквист?

Идрису Хиди хотелось бы это знать. Разумеется, Идрис читал о Микаэле в газетах; он почему-то сразу догадался, что тот интересуется Лисбет Саландер из коридора 11-С. Идрис ожидал, что его попросят что-нибудь ей пронести, но в таком случае ему пришлось бы отказаться, поскольку он не имел права к ней входить и даже никогда ее не видел. Однако предложение, которое ему сделали, стало для него полной неожиданностью.

Идрис не усмотрел в нем ничего нелегального. Покосившись в приоткрытую дверь, он увидел, что Адамссон вновь сидит на стуле перед дверью, углубившись в книгу. Идрис с удовлетворением отметил, что

поблизости нет ни души – как, впрочем, и почти всегда, поскольку чулан находился в тупике, в самом конце коридора. Затем он сунул руку в карман рабочего халата и достал новый мобильный телефон «Сони Эрикссон Z600». Идрис Хиди видел такой в рекламном объявлении и знал, что аппарат стоит примерно три с половиной тысячи крон и снабжен всеми прибамбасами модных мобильных устройств.

Идрис взглянул на дисплей и отметил, что телефон находится в рабочем состоянии, но сигналы вызова у него отключены – и звуковой, и вибрационный. Он поднялся на цыпочки и отвинтил круглый белый колпак, прикрывавший вентиляционное отверстие, которое соединяло чулан с палатой Лисбет Саландер. Потом заложил телефон в отверстие так, чтобы его не было видно, – в точности так, как просил Микаэль Блумквист.

Весь этот ритуал занял примерно тридцать секунд. На следующий день она уже займет около десяти секунд: ему предстоит вынуть телефон, заменить аккумулятор и положить телефон обратно. Старый аккумулятор следовало унести домой и за ночь зарядить.

Вот и все, что требовалось от Идриса Хиди.

Правда, Саландер это не поможет. С ее стороны стены решетка привинчена крепко. Телефон она в любом случае не сможет достать, если только не раздобудет крестовую отвертку и стремянку.

– Я об этом знаю, – сказал Микаэль. – Но она даже не дотронется до мобильника.

Все эти уловки Идрису Хиди следовало повторять ежедневно до тех пор, пока Микаэль Блумквист не отменит свое задание.

И за эту работу Идрису Хиди предлагалось по тысяче крон в неделю, минуя налоги. Кроме того, по окончании контракта телефон останется в его распоряжении.

Идрис покачал головой. Он, разумеется, понимал, что Микаэль Блумквист затевает какую-то авантюру, но в чем конкретно заключается это дело, никак не мог догадаться. Для чего нужно сложить включенный, но никуда не подсоединенный мобильный телефон в вентилятор в запертом чулане? Смысл аферы такого уровня не доходил до Хиди. Если Блумквист хотел пообщаться с Лисбет Саландер, куда проще было бы подкупить кого-нибудь из сестер и передать с нею телефон. А так никакой логики он не находил.

Хиди покачал головой. С другой стороны, почему бы ему не оказать Микаэлю Блумквисту услугу, раз тот готов платить по тысяче крон в неделю? И никаких вопросов Хиди не собирался задавать.

Доктор Андерс Юнассон слегка замедлил шаг, когда увидел, что возле его дома на Хагагатан, прислонившись к воротам, стоит мужчина лет сорока с хвостиком. Мужчина показался ему знакомым и к тому же приветливо кивнул.

– Доктор Юнассон?

– Да, это я.

– Простите, что беспокою вас на улице, перед домом. Но я не хотел бы беспокоить вас на работе, а мне необходимо с вами поговорить.

– В чем дело и кто вы такой?

– Меня зовут Микаэль Блумквист. Я журналист и работаю в журнале «Миллениум». Дело касается Лисбет Саландер.

– А, теперь я вас узнал. Кажется, вы вызвали Службу спасения, когда ее обнаружили… Это вы заклеили ей рану серебристым пластырем?

– Я.

– Это вы очень ловко придумали. Но, сожалею, я не могу обсуждать состояние своих пациентов с журналистами. Вам придется обратиться в пресс-службу Сальгренской больницы.

– Вы меня не так поняли. Мне не нужны сведения, я здесь по частному вопросу. Вы можете не говорить мне ни слова и не выдавать никакой информации. Все как раз наоборот. Это я хочу снабдить вас информацией.

Андерс Юнассон нахмурился.

– Пожалуйста, – взмолился Микаэль. – Поверьте, не в моих привычках приставать к хирургам на улице, но у меня к вам очень важное дело. Тут за углом есть кафе. Можно мне угостить вас кофе?

– О чем вы хотите говорить?

– О будущем и благополучии Лисбет Саландер. Я ее друг.

Андерс Юнассон сомневался. Он понимал, что если бы к нему вот так подошел совершенно незнакомый человек, он непременно отказался бы. Но Микаэль Блумквист был знаменитостью, и раз уж он решил о чем-то ему сообщить, то Андерс Юнассон решил, что речь идет о действительно важном деле.

– Я ни при каких условиях не буду давать интервью и не стану обсуждать состояние своей пациентки.

– Вот и отлично, – сказал Микаэль.

Юнассон коротко кивнул и отправился с Блумквистом в кафе.

– Но что именно вы хотели бы мне сообщить? – спросил он, когда им принесли кофе. – Я могу вас выслушать, но комментировать ничего не намерен.

– Вы не хотели бы, чтобы я вас процитировал или запятнал бы вашу

репутацию в СМИ. Я бы хотел сразу заверить вас: этого не произойдет. Я буду считать, что нашего с вами разговора никогда не было.

– О’кей.

– Я хочу попросить вас об одолжении. Но для начала я должен четко объяснить, почему вынужден об этом вас попросить, и тогда вы сможете решить, позволяют ли ваши принципы оказать мне такую услугу.

– Мне не очень-то нравится этот разговор.

– Пожалуйста, выслушайте меня. Вы – врач Лисбет Саландер, и ваша задача заключается в том, чтобы позаботиться о ее физическом и душевном здоровье. Я – друг Лисбет Саландер, и моя задача состоит в том же самом. Я не врач и, конечно, не могу копаться у нее в черепе, извлекая пули, и тому подобное… Но я обладаю другими знаниями, возможно, не менее важными для ее благополучия.

– Неужели?

– Я – журналист, и раскопал правду о том, что произошло с нею на самом деле.

– О’кей.

– Я могу рассказать в общих чертах, о чем речь, а выводы вы уже сделаете сами.

– Хорошо.

– Начать надо, вероятно, с того, что адвокатом Лисбет Саландер является Анника Джаннини. Вы с ней встречались.

Андерс Юнассон кивнул.

– Анника моя сестра, и ее услуги по защите Лисбет Саландер оплачиваю я.

– Вот как?

– То, что она моя сестра, вам легко проверить. Речь идет об услуге, просить о которой Аннику я не могу. Она не обсуждает со мной все, что относится к Лисбет Саландер, поскольку обязана соблюдать служебную тайну и подчиняется корпоративной этике.

– Допустим.

– Я полагаю, что вы читали о Лисбет в газетах.

Юнассон опять кивнул.

– Ее описывали как психически ущербную девицу, как лесбиянку, совершающую массовые убийства. Все это лажа. Лисбет Саландер не психопатка, она ничуть не глупее нас с вами. А ее сексуальные предпочтения не должны никого касаться.

– Но если я в курсе дела, то сейчас ситуация резко изменилась. Теперь в совершении убийств подозревают того немца.

– И это совершенно справедливо. Рональд Нидерман виновен, он убийца и опасный маньяк. Но у Лисбет Саландер имеются враги. Действительно серьезные заклятые враги. Некоторые из них трудятся в Службе государственной безопасности.

Андерс Юнассон с сомнением поднял брови.

– Когда Лисбет Саландер было двенадцать лет, ее заперли в детской психиатрической больнице в Уппсале, поскольку она приобщилась к тайне, которую в СЭПО стремились любой ценой сохранить. Ее отец, Александр Залаченко, которого убили в Сальгренской больнице, – перебежчик, советский шпион, реликт времен холодной войны. Он также известен жестоким обращением с женщинами и много лет подряд избивал мать Лисбет. Когда девочке исполнилось двенадцать, она нанесла ответный удар, попытавшись убить Залаченко с помощью зажигательной бомбы. Поэтому ее и заперли в детскую психиатрическую лечебницу.

– Я не понимаю. Если она пыталась убить своего отца, то, возможно, именно поэтому ее и отправили на психиатрическое лечение.

– Моя версия – которая будет опубликована – заключается в том, что в СЭПО было известно, что именно произошло, но они предпочли защищать Залаченко, поскольку он являлся важным источником информации. Иными словами, они сфальсифицировали диагноз и проследили за тем, чтобы Лисбет упекли.

Лицо Андерса Юнассона выражало неверие, и Микаэль улыбнулся.

– Я могу документально подтвердить все, что сейчас рассказываю вам. И я опубликую эту историю к началу суда над Лисбет. Поверьте – это произведет эффект взорвавшейся бомбы.

– Понимаю.

– Я разоблачу двух врачей, которые, действуя в интересах СЭПО, помогли упрятать Лисбет в сумасшедший дом. Я без страха и упрека предам их публичному позору. Один из этих врачей – известный и уважаемый человек. Но, как я уже сказал, у меня имеется вся необходимая документация.

– Я вас понимаю. Если какой-то врач действительно замешан в подлоге и фальсификации, то это позор для всех представителей нашей профессии.

– Нет, я не верю в коллективную вину. Это позор для тех, кто к этому причастен. То же самое относится и к СЭПО. Я не сомневаюсь, что там наверняка есть порядочные люди. Но в нашем случае действовала группа сектантов. Когда Лисбет Саландер исполнилось восемнадцать лет, они снова попытались отправить ее в интернат. Но тогда им это уже не удалось,

зато ей назначили опекуна. Когда начнется судебный процесс, они вновь попытаются масимально опорочить ее. Мне – или, вернее, моей сестре – придется напрячь все свои усилия, чтобы Лисбет оправдали и признали дееспособной.

– О’кей.

– Но Лисбет придется выступить во всеоружии. Таковы условия игры. Я должен также заметить, что несколько полицейских в этом поединке защищают интересы Лисбет. В их число, правда, не входит руководитель предварительного следствия, который возбудил против нее дело.

– Ну и ну…

– Лисбет требуется помощь, чтобы подготовиться к суду.

– Я понимаю. Но я не адвокат.

– Но вы врач, и вы с ней общаетесь.

Глаза Андерса Юнассона сузились.

– То, о чем я хочу вас попросить, неэтично и даже может считаться противозаконным.

– Вот оно что.

– Но с моральной точки зрения оправданно. Ее права умышленно нарушают те, кто обязан бы отвечать за ее защиту.

– Неужели?

– Я могу привести пример. Вам известно, что ее запрещено посещать, она не имеет права читать прессу или общаться с внешним миром. К тому же прокурор добился того, что ее адвокату запретили разглашать информацию. Анника последовательно придерживается служебных инструкций. Зато сам прокурор охотно поставляет информацию для журналистов, которые продолжают писать о Лисбет Саландер всякие небылицы.

– Неужели?

– Вот, например, эта статья.

Микаэль вытащил вечернюю газету недельной давности.

– «Источник в следственных органах утверждает, что Лисбет неадекватна, и газета позволяет себе спекуляции о ее душевном здоровье».

– Я читал статью. Это «липа».

– Значит, вы не считаете Саландер сумасшедшей?

– На этот счет я не имею права высказываться. Зато мне известно, что никаких психиатрических экспертиз не проводилось. Следовательно, эта статья – «липа».

– О’кей. Но я могу, опираясь на документы, доказать, что эти сведения выдал полицейский по имени Ханс Фасте, работающий на прокурора

Экстрёма.

– Вот как…

– Экстрём потребует, чтобы процесс происходил за закрытыми дверьми, а это означает, что никому со стороны не дадут изучить и оценить доказательства против Саландер. Но есть кое-что и похуже… Поскольку прокурор изолировал Лисбет, она не сможет собрать материал, который поможет ей защититься от нападок.

– Но насколько я понимаю, этим должен заниматься ее адвокат.

– Лисбет, как вы наверняка уже успели заметить, очень своеобразная личность. У нее есть тайны, в которые я посвящен, но я не имею права посвящать в них Аннику. Только сама Лисбет может решить, захочет ли она обнародовать некоторые факты в суде и таким образом защитить себя.

– Ага.

– А чтобы иметь возможность принять решение, ей потребуется вот это.

Микаэль положил на столик принадлежащий Лисбет Саландер карманный персональный компьютер «Палм Тангстен Т3» и зарядное устройство.

– Это важнейшее оружие из арсенала Лисбет. Оно ей необходимо.

Андерс Юнассон посмотрел на карманный компьютер с подозрением.

– Но почему бы вам не передать это ее адвокату?

– Потому что только Лисбет знает, как раздобыть доказательный материал.

Андерс Юнассон долго сидел молча, не прикасаясь к компьютеру.

– Позвольте мне рассказать вам о докторе Петере Телеборьяне, – сказал Микаэль и извлек папку, где у него хранились самые важные материалы.

Они просидели еще более двух часов, беседуя почти шепотом.

Субботним вечером, в начале девятого Драган Арманский покинул офис «Милтон секьюрити» и дошел до синагоги прихода Сёдер, расположенной на Санкт-Польсгатан. Он позвонил, представился, и раввин впустил его внутрь.

– У меня здесь назначена встреча со знакомым, – сказал Арманский.

– Вам на второй этаж. Я провожу вас.

Раввин предложил Арманскому кипу, которую тот, хоть и сомневался, но все же надел. Он воспитывался в мусульманской семье, поэтому носить кипу и посещать синагогу не входило в число его каждодневных привычек. С кипой на голове он даже чувствовал себя не вполне комфортно.

Ян Бублански тоже был в кипе.

– Привет, Драган. Спасибо, что нашел для меня время. Я попросил раввина выделить нам комнату, чтобы нам никто не помешал.

Арманский уселся напротив Бублански.

– Полагаю, у тебя имеются веские причины для такой суперсекретности.

– Не стану юлить. Я знаю, что ты – друг Лисбет Саландер.

Арманский кивнул.

– Я хочу знать, что вы с Блумквистом затеяли, чтобы помочь Саландер.

– Почему ты решил, что мы что-то затеяли?

– Потому что прокурор Рикард Экстрём много раз спрашивал меня, насколько «Милтон секьюрити» в курсе расследования дела Саландер. Он интересуется не шутки ради, а потому что беспокоится, как бы ты не выкинул какой-нибудь трюк, который повлияет на климат в массмедиа.

– Ага…

– А раз Экстрём беспокоится, значит, он знает или боится, что ты намерен что-то предпринять. Или, по крайней мере, он беседовал с кем-то, кто этого боится.

– Интересно, с кем же?

– Драган, давай не будем ходить вокруг да около. Ты знаешь, что Саландер в девяносто первом году подвергалась преследованиям, и я боюсь, что во время нового судебного процесса против нее снова предпримут атаку.

– Ты, как полицейский в демократической стране, должен действовать, если у тебя имеется какая-то информация.

Бублански кивнул.

– А я и намерен действовать. Только вопрос в том, как.

– Объясни толком, что тебе надо.

– Я хочу знать, что вы с Блумквистом задумали. Я думаю, что вы не сидите сложа руки.

– Но откуда мне знать, что я могу тебе доверять?

– Как ты знаешь, есть отчет от девяносто первого года, обнаруженный Микаэлем Блумквистом…

– Я с ним ознакомился.

– У меня больше нет доступа к отчету.

– У меня тоже. Оба экземпляра, имевшиеся у Блумквиста и его сестры, исчезли.

– Исчезли? – переспросил Бублански.

– Экземпляр Блумквиста украли, когда к нему вломились в квартиру, а

копия Анники Джаннини пропала при разбойном нападении на нее в Гётеборге. Все это произошло в тот самый день, когда убили Залаченко.

Бублански замолчал.

– Но почему нам об этом ничего не известно?

– Как выразился Микаэль Блумквист, любой факт подается в горячем виде, и только в нужный момент. А все остальные публикации либо опережают события, либо плетутся за ними.

– Но вы… Разве он собирается что-то опубликовать?

Арманский коротко кивнул.

– Сам подумай: нападение в Гётеборге и взлом квартиры здесь, в Стокгольме. И все это в один день. Это означает, что наши противники действуют очень организованно, – сказал Бублански.

– Кроме того, мне, вероятно, следовало бы упомянуть о том, что, согласно многим неоспоримым фактам, телефон Анники Джаннини прослушивается.

– То есть кто-то многократно нарушает закон.

– Значит, теперь нам следовало бы вычислить, кто они – наши противники, – сказал Драган Арманский.

– Я тоже над этим размышляю. Понимаешь, внешне все выглядит так, будто в СЭПО заинтересованы в том, чтобы отчет Бьёрка был забыт. Но, Драган… Речь идет о Службе безопасности Швеции. Это государственная структура. Я не могу поверить в то, что СЭПО может такое санкционировать. Я никогда не мог бы даже представить, что они способны на нечто подобное.

– Понимаю. Мне тоже трудно с этим смириться. Не говоря уже о том факте, что кто-то заявляется в Сальгренскую больницу и отстреливает Залаченко башку…

Бублански молчал.

– А Гуннару Бьёрку вдруг ни с того ни с сего приходит в голову взять и повеситься.

Этой фразой Арманский забил последний гвоздь.

– Значит, вы считаете, что речь идет о серии организованных убийств. Я знаю Маркуса Эрландера, который проводил расследование в Гётеборге. Он полагает, что это событие – результат импульсивного действия больного человека. А мы скрупулезно исследовали смерть Бьёрка – скорее всего, он совершил самоубийство.

Арманский кивнул.

– Эверт Гульберг, семидесяти восьми лет, больной раком, уже обреченный, он за несколько месяцев до убийства проходил курс лечения

от клинической депрессии. Я велел Фреклунду раскопать все, что можно найти о Гульберге в официальных документах.

– И?..

– Он служил в армии в Карлскруне в сороковые годы, потом изучал юриспруденцию и постепенно стал консультантом по налоговым делам в сфере частного предпринимательства. В течение примерно тридцати лет у него имелся офис в Стокгольме. Он держался в тени, обслуживал частных клиентов… Да кто бы они там ни были. В девяносто первом году вышел на пенсию, в девяносто четвертом переехал к себе домой в Лахольм… В его биографии нет ничего примечательного.

– Но?..

– Но некоторые детали озадачивают. Фреклунд не может обнаружить ни единой ссылки на Гульберга в каком-либо контексте. О нем никогда не упоминали ни в одной газете, и никто не знает, кто числился его клиентом. Короче, такое впечатление, что он никогда не занимался никакой профессиональной деятельностью.

– Что ты хочешь сказать?

– Напрашивается мысль о СЭПО. Залаченко был русским перебежчиком, и, конечно же, он находился в поле зрения «безопасников». Дальше – ведь кто-то сумел в девяносто первом году упечь Лисбет Саландер в психушку. Не говоря уже о том, что кто-то проникал в квартиры, устраивал провокации и прослушивал телефоны пятнадцать лет спустя… Но я тоже не думаю, что за этим стоит СЭПО. Микаэль Блумквист называет их «Клубом Залаченко» – он считает, что это группка сектантов… Которая состоит из сторонников холодной войны и прячется в каких-то катакомбах СЭПО.

Бублански кивнул.

– Но что же нам теперь делать?

Глава 12

Воскресенье, 15 мая – понедельник, 16 мая

Комиссар Торстен Эдклинт, начальник Отдела защиты конституции при Службе государственной безопасности, держась за мочку уха, задумчиво разглядывал генерального директора уважаемой частной охранной фирмы «Милтон секьюрити». Тот неожиданно позвонил ему и настоятельно пригласил на воскресный ужин к себе домой на остров Лидингё. Жена Арманского Ритва приготовила великолепное жаркое.

Они ужинали, обмениваясь репликами. Эдклинт не мог догадаться, что, собственно, Арманскому надо. После ужина Ритва удалилась смотреть телевизор, оставив их за столом одних. И тогда Арманский начал рассказывать историю Лисбет Саландер.

Эдклинт медленно крутил в руках бокал с красным вином.

Драган Арманский вовсе не дурак. И Эдклинт это знал.

Они с Арманским познакомились двенадцать лет назад. Тогда одна дама – член Риксдага от Левой партии – стала получать анонимные угрозы. Она заявила об этом руководителю своей партийной группы в Риксдаге, после чего тот проинформировал отдел безопасности законодательного собрания. Угрозы поступали в письменной и вульгарной форме, и по ним можно было заключить, что анонимный автор писем лично знал члена Риксдага.

В результате история стала достоянием Службы государственной безопасности. Пока продолжалось расследование, депутату обеспечили охрану.

Отдел личной охраны Службы государственной безопасности в то время получал не так много средств и его ресурсы были ограниченными – несмотря на то, что эта структура отвечала и отвечает за охрану королевской семьи и премьер-министра, а также – по мере необходимости – за охрану отдельных министров и лидеров партий. Но скромные ресурсы не могут обеспечить определенные потребности, и большинство шведских политиков на самом деле вынуждены обходиться без серьезной личной охраны в какой-либо форме.

Женщине-депутату обеспечивали охрану в связи с несколькими публичными выступлениями, но только до конца рабочего дня. Хотя как раз по вечерам вероятность нападения со стороны какого-нибудь придурка как раз возрастала. Член Риксдага понимала, что вряд ли Служба безопасности

способна по-настоящему ее защитить.

Жила она в собственном доме в районе Накка.

Как-то раз дама вернулась домой поздно вечером после дискуссий в финансовой комиссии и обнаружила, что кто-то проник в дом через дверь террасы, исписал непристойными эпитетами стены гостиной, а также умудрился позаниматься онанизмом в спальне члена Риксдага. Она подняла трубку, позвонила в «Милтон секьюрити» и попросила обеспечить ее личную безопасность. Об этом своем решении она не уведомила СЭПО, и, когда следующим утром отправилась выступать в школу в Тэбю, государственные и частные охранники сцепились в лобовом столкновении.

Торстен Эдклинт в то время был заместителем начальника отдела личной охраны. Он не мог смириться с ситуацией, когда частные головорезы перебегают дорогу государственным головорезам. В то же время он считал, что член Риксдага не зря тревожится за свою безопасность – то, что злоумышленник добрался до ее постели и оставил такие зримые следы своего пребывания, доказывало, что официально назначенные охранники со своими задачами не справились.

Вместо того чтобы устроить состязание, Эдклинт пригласил на обед руководителя «Милтон секьюрити» Драгана Арманского. Они решили, что ситуация, возможно, серьезнее, чем предполагали в СЭПО, и что есть основания усилить охрану депутата.

Эдклинту к тому же хватило ума признать, что команда у Арманского не только обладает необходимой для этой работы компетентностью, но неплохо подготовлена, а возможно, даже и лучше оснащена. Так что они договорились: «Милтон» будет осуществлять личную охрану, а Служба безопасности займется расследованием преступления и оплатит счет.

Эдклинт и Арманский обнаружили, что симпатизируют друг другу и могут сотрудничать. Кстати, впоследствии им еще многократно приходилось вместе выполнять какие-нибудь задания. Эдклинт высоко ценил профессиональную компетентность Драгана Арманского, и, когда тот пригласил его на ужин и попросил о личном доверительном разговоре, он с готовностью согласился встретиться. Хотя, конечно, никак не ожидал, что Арманский подложит ему на колени бомбу с горящим бикфордовым шнуром.

– Насколько я понял, ты утверждаешь, что Служба государственной безопасности занимается чисто криминальной деятельностью…

– Нет, – сказал Арманский. – Ты меня неправильно понял. Я утверждаю, что такой деятельностью занимаются только несколько сотрудников Службы государственной безопасности. Я ни на секунду не

поверю в то, что подобные действия санкционированы руководством Службы безопасности или одобрены государственными структурами в какой-либо форме.

Эдклинт стал рассматривать фотографии Кристера Мальма – на них человек садился в машину с регистрационным номером, начинавшимся с букв КАБ.

– Драган, послушай! А это не розыгрыш?

– Мне бы очень хотелось, чтобы это было шуткой.

Эдклинт призадумался.

– И что же, по-твоему, черт возьми, я должен с этим делать?

На следующее утро Торстен Эдклинт сидел у себя в кабинете и задумчиво протирал очки. Он был седовласым мужчиной с большими ушами и волевым лицом. Хотя на какое-то мгновение его лицо могло бы показаться скорее растерянным, чем волевым. Ему почти не удалось поспать этой ночью, поскольку ему не давали покоя размышления о том, как ему поступить с полученной от Драгана Арманского информацией. И вот теперь он сидел у себя в рабочем кабинете, в Полицейском управлении на острове Кунгсхольмен и не знал, что делать.

Служба государственной безопасности являлась институтом, необходимость которого на словах признавали все партии Швеции (ну, почти все), но в то же время создавалось впечатление, что они ей не доверяют и плетут вокруг нее разные головокружительные интриги. Скандалов, конечно, было хоть отбавляй, особенно в леворадикальные семидесятые годы, когда кое-какие конституционные нарушения и вправду имели место. Но после пяти государственных проверок СЭПО, которые увенчались жесткой критикой, выросло новое поколение сотрудников.

Это были юные активисты новой школы, набранные из настоящих полицейских подразделений, занимавшихся экономическими преступлениями, связанными с торговлей оружием и крупными аферами, – полицейские, привыкшие расследовать реальные преступления, а не заниматься политическими фантазиями.

Службу государственной безопасности модернизировали, теперь Отделу защиты конституции отводилась новая ведущая роль. Его задачей, согласно сформулированному правительством документу, стало предупреждение и раскрытие угроз внутренней безопасности государства. Один из основных пунктов этого декрета звучал так: «незаконная деятельность, имеющая своей целью путем насилия, угроз или принуждения изменить наш государственный строй, вынудить

руководящие политические органы или ведомства к принятию определенных решений или чинить препятствия отдельным гражданам в осуществлении прав и свобод, закрепленных в конституции».

Отделу защиты конституции, следовательно, вменялось охранять шведскую демократию от реальных или предполагаемых антидемократических элементов. К ним с ходу причисляли анархистов и нацистов. Первых – поскольку те упорно оказывали гражданское неповиновение и устраивали поджоги меховых магазинов. Вторых – потому что они изначально являлись противниками демократии.

Торстен Эдклинт получил юридическое образование и начинал как прокурор, а затем двадцать один год проработал в Службе государственной безопасности. Сперва он трудился на поприще личной охраны, а затем перешел в Отдел защиты конституции, где занимался решением различных задач – от аналитических до административных – и постепенно возглавил этот отдел. Иными словами, Торстен Эдклинт являлся самым высшим полицейским чином по защите шведской демократии. Сам он считал себя демократом. Эдклинт сформулировал свою служебную задачу весьма упрощенно. Конституция утверждалась Риксдагом, и он обязан следить за тем, чтобы она оставалась незыблемой и неприкосновенной.

Шведская демократия строится на одном-единственном законе, который можно обозначить тремя буквами – АСС. Эта аббревиатура расшифровывается как «Акт о свободе самовыражения». АСС предусматривает неотъемлемое право говорить, публиковать, думать и верить во все, что угодно. Это право распространяется на всех шведских граждан, от остервенелого нациста до кидающегося камнями анархиста. А также всех, кто располагается в интервале между ними.

Все остальные конституционные акты – такие как, например, «Акт о форме правления» – практически являются лишь виньетками свободы слова. Следовательно, АСС – закон, на котором зиждется демократия. Эдклинт считал своей миссией обеспечивать гражданам законное право публиковать и высказывать все, что им заблагорассудится, даже если сам он ни в малейшей степени не согласен с содержанием их публикаций или высказываний.

Тем не менее, свобода не означает вседозволенности, концепцию которой отстаивают в культурно-политических дебатах некоторые фанаты свободы слова, и прежде всего педофилы и расистские группировки. Любая демократия имеет свои пределы, и пределы АСС обозначены в «Акте о свободе печати», АСП. Он предусматривает четыре принципиальных пункта отступления от демократии. Запрещается публиковать детскую

порнографию и некоторые описания сексуального насилия, причем независимо от того, насколько художественными их считает автор. Запрещаются подстрекательства и призывы к преступной деятельности. Запрещаются клевета и оскорбления в адрес кого бы то ни было. И запрещается разжигание национальной розни в любой форме.

АСП также утвержден Риксдагом и содержит некоторые допустимые с социальной точки зрения ограничения демократии. Иными словами, составляется некий общественный договор, который является основой цивилизованного сообщества. Суть законодательства заключается в том, что никто не имеет права травить или унижать другого человека.

Поскольку АСС и АСП – законы, то необходимы институты, которые смогут гарантировать их соблюдение. В Швеции эта функция распределена между двумя структурами, одна из которых – канцлер юстиции (КЮ) – должна возбуждать судебное преследование за преступления против АСП.

Но Торстена Эдклинта такая ситуация не устраивала. Он считал, что КЮ традиционно проявлял непростительную терпимость к фактам прямого нарушения шведской конституции. КЮ обычно отвечал, что принцип демократии стоит во главе угла и что ему следует вмешиваться и возбуждать дела только в случае крайней необходимости. Правда, подобная позиция в последние годы все чаще подвергалась критике, особенно после того, как генеральный секретарь шведского отделения Хельсинкского комитета по правам человека Роберт Хорд представил отчет об оценке деятельности КЮ. Выяснилось, что тот много лет бездействовал. В отчете констатировалось, что было почти невозможно возбудить дело и осудить кого-либо за нарушения закона о разжигании национальной розни.

Второй структурой, которая гарантировала соблюдение законов, являлся Отдел защиты конституции при Службе государственной безопасности.

Комиссар Торстен Эдклинт относился к своей задаче в высшей степени серьезно. Он считал, что занимает самый важный пост из тех, которые доступны шведскому полицейскому, и ни за что не променял бы его ни на какую другую должность в юридических или полицейских структурах Швеции. Он просто-напросто являлся единственным полицейским в стране, официально наделенным функциями политической полиции. Такая задача требовала особой деликатности, мудрости и справедливости. Опыт многих стран демонстрировал, что политическая полиция может с легкостью превратиться в главную угрозу демократии.

Массмедиа и общество привычно считали, что задача Отдела защиты конституции в основном сводится к слежке за нацистами и агрессивными

веганами. Отдел действительно уделял большое внимание этим отщепенцам. Но в сферу его контроля входил еще целый ряд организаций и явлений. Если бы, к примеру, король или главнокомандующий вдруг решили, что парламентаризм изжил себя и Риксдаг следует заменить военной диктатурой или чем-либо подобным, к королю или главнокомандующему оказалось бы приковано пристальное внимание Отдела защиты конституции. Или если бы, например, группа полицейских решила бы вдруг раздвинуть рамки законов до такой степени, что защищенные основным законом права индивида оказались бы ущемлены, Отдел защиты конституции тоже обязан был отреагировать. В таких серьезных случаях предполагалось, к тому же, что следствие возглавит генеральный прокурор.

Проблема, разумеется, заключалась в том, что Отдел защиты конституции занимался почти исключительно анализом и контролем, а не оперативной деятельностью. Поэтому нацистов арестовывали главным образом либо обычные полицейские, либо другие подразделения Службы безопасности.

Подобную практику Торстен Эдклинт считал крайне неудовлетворительной. Почти все приличные страны не жалеют средств на содержание того или иного варианта конституционного суда, в задачи которого, в частности, входит следить за тем, чтобы власти не посягали на демократию. В Швеции же этим занимаются только канцлер юстиции или омбудсмен юстиции, которые, однако, должны ориентироваться на решения, принимаемые другими людьми. Если бы в Швеции был конституционный суд, адвокат Лисбет Саландер мог бы незамедлительно возбудить дело против шведского государства за нарушение ее конституционных прав. Тогда суд имел бы возможность затребовать все архивы и вызывать на допросы кого угодно, включая премьер-министра, пока вопрос не будет решен. А так максимум, что мог сделать адвокат, это подать заявление омбудсмену юстиции, который, однако, не имел таких полномочий, чтобы явиться в Службу государственной безопасности и затребовать там всю необходимую документацию.

На протяжении многих лет Торстен Эдклинт ратовал за создание конституционного суда. Если бы в Швеции был такой институт, ему не пришлось бы сейчас ломать голову, как поступить с информацией, которую ему предоставил Драган Арманский. Он просто составил бы заявление в полицию и передал бы документы в суд. И дал бы делу ход.

Но в теперешних обстоятельствах Торстен Эдклинт не имел юридических полномочий, чтобы инициировать предварительное

следствие.

Он вздохнул и сунул в рот порцию жевательного табака.

Если сведения Драгана Арманского соответствуют действительности, значит, какие-то ведущие сотрудники Службы безопасности проигнорировали тяжкие преступления против шведской гражданки, затем, фабрикуя фальсификации, заперли ее дочь в психиатрическую лечебницу и, наконец, развязали руки бывшему русскому шпиону и предоставили ему возможность свободно заниматься делами, напрямую связанными с траффикингом, оружием и наркотиками.

Торстен Эдклинт напрягся.

Ему даже не хотелось считать, сколько законов было нарушено за это время. Не говоря уже о проникновении в квартиру Микаэля Блумквиста, нападении на адвоката Саландер и, возможно, причастности к убийству Александра Залаченко. Впрочем, во все это Торстен Эдклинт просто отказывался верить.

У него не было ни малейшего желания ввязываться во всю эту путаницу. Но, к сожалению, он все-таки угодил в нее в тот самый момент, когда принял приглашение Драгана Арманского на ужин.

Теперь перед ним со всей неотвратимостью встал вопрос, как с этой ситуацией разбираться. Формально вопрос требовал однозначного ответа. Если история, рассказанная Арманским, соответствует действительности, то Лисбет Саландер лишили закрепленных основным законом прав и свобод. С точки зрения конституции, возникал также целый клубок подозрений и противоречий. Например, как могли ведущие политические структуры или ведомства принимать определенные решения, кто или что могли повлиять на их противоправные решения и действия. А это уже входило в компетенцию Отдела защиты конституции.

Торстен Эдклинт, как полицейский, которому стало известно о совершении преступления, просто обязан связаться с прокурором и подать петицию. Хотя если отбросить все формальности, ответ оказывался не столь очевидным.

Инспектор уголовной полиции Моника Фигуэрола, несмотря на свою эксцентричную фамилию, родилась в провинции Даларна, в семье, проживавшей в Швеции по меньшей мере со времен Густава Васы[41]. Она относилась к числу тех женщин, которые всегда привлекают к себе внимание. Это объяснялось несколькими обстоятельствами: ей было тридцать шесть лет, глаза голубые, рост 184 сантиметра, коротко стриженные, вьющиеся золотисто-русые волосы. Она хорошо выглядела и

одевалась так, чтобы подчеркнуть свою привлекательность.

А еще она могла похвастаться исключительно хорошей спортивной формой.

В тинейджерском возрасте Моника преуспела в легкой атлетике и в семнадцать лет чуть не попала в шведскую олимпийскую сборную. Легкую атлетику она с тех пор оставила, но фанатично тренировалась в фитнес-зале по пять вечеров в неделю. Женщина занималась спортом так увлеченно и так всерьез, что эндорфины функционировали как своего рода наркотические препараты, и когда она прекращала тренироваться, у нее начинался абстинентный синдром. Она бегала, поднимала тяжести, играла в теннис, занималась карате и, к тому же, почти десять лет посвятила бодибилдингу.

В последние два года Моника сократила экстремальные занятия – раньше она занималась на силовых тренажерах по два часа ежедневно. Теперь женщина уделяла этим занятиям совсем немного времени, но разносторонние занятия спортом сделали ее тело настолько мускулистым, что недоброжелательно настроенные коллеги обычно называли ее Господин Фигуэрола. Когда она ходила в майках или летних платьях, все в первую очередь обращали внимание на ее бицепсы и лопатки.

Многих ее коллег-мужчин, помимо телосложения, задевало еще и то, что она была не просто *pretty face*[42]. Моника окончила гимназию с наивысшими оценками, в двадцатилетнем возрасте получила квалификацию полицейского и потом в течение девяти лет служила в полиции Уппсалы, в свободное время изучая юриспруденцию. Попутно и буквально шутя она заодно получила специальность политолога. Запоминать и анализировать огромные пласты знаний не составляло для нее никакого труда. Детективы или другую развлекательную литературу Моника не читала, зато с огромным интересом поглощала литературу по самым разным областям знаний – от международного права до античной истории.

В полиции Моника начинала свою карьеру с патрульной службы – из-за чего улицы Уппсалы потеряли покой – и дошла до должности инспектора уголовного розыска. Она работала сперва в отделе по борьбе с особо тяжкими преступлениями, а потом перешла в подразделение, занимавшееся экономической преступностью.

В 2000 году Моника поступила на работу в Службу государственной безопасности в Уппсале, а в 2001-м переехала в Стокгольм. Поначалу Фигуэрола служила в контрразведке. Но Торстен Эдклинт, который знал ее отца и внимательно следил за ее карьерой, почти сразу же забрал ее в

Отдел по защите конституции.

…Когда Эдклинт наконец решил, что все-таки не должен игнорировать информацию Драгана Арманского, он немного поразмыслил, а затем поднял трубку и вызвал к себе в кабинет Монику Фигуэролу. Она пока успела проработать в Отделе защиты конституции менее трех лет и, следовательно, по-прежнему оставалась больше настоящим полицейским, чем чинушей.

В тот день Моника была одета в облегающие синие джинсы, бирюзовые босоножки на небольшом каблучке и темно-синий пиджак.

– Чем ты в данный момент занимаешься? – первым делом спросил Эдклинт, жестом приглашая ее сесть.

– Мы разбираемся с ограблением мини-маркета в Сунне, которое произошло две недели назад.

Служба государственной безопасности, разумеется, не расследовала ограбления продовольственных магазинов – подобная базовая деятельность входила в компетенцию полиции. Моника возглавляла группу из пяти сотрудников Отдела защиты конституции, которая занималась анализом политической преступности.

В своей работе они главным образом пользовались несколькими компьютерами, подсоединенными к базе происшествий, которую составляла полиция. По большому счету любое заявление, зафиксированное в каком-нибудь полицейском округе Швеции, попадало в базу данных, которой распоряжалась Фигуэрола.

Компьютеры были снабжены специальными программами, которые автоматически сканировали каждый полицейский отчет, реагируя на триста десять специфических слов, таких как, например, «черномазый», «скинхед», «свастика», «иммигрант», «анархист», «хайль», «нацист», «национал-демократ», «предатель», «жидовская шлюха» или «любитель негров». Компьютер сигнализировал, если в полицейском отчете встречалось подобное ключевое слово, и сотрудники группы сразу извлекали и изучали соответствующий отчет. В зависимости от контекста, они могли затем инициировать предварительное следствие и дальнейшее расследование.

Отдел защиты конституции каждый год публиковал отчет под названием «Угрозы государству и его безопасность», который являлся единственным источником надежной статистики политической преступности. Статистика строилась исключительно на заявлениях в местные органы полиции.

В случае с ограблением мини-маркета в местечке Сунне компьютер

среагировал на три ключевых слова: «иммигрант», «наплечная нашивка» и «черномазый». Двое молодых мужчин в масках, угрожая пистолетами, ограбили магазин, принадлежавший иммигранту. Они похитили сумму порядка 2780 крон и блок сигарет. Один из грабителей был в короткой куртке с нашивкой в виде шведского флага на плече, а второй неоднократно кричал хозяину магазина: «Чертов черномазый!» – и заставил его лечь на пол.

Всего этого оказалось достаточно, чтобы сотрудники Фигуэролы добились начала предварительного следствия и попытались выяснить, не принадлежат ли грабители к нацистским группировкам провинции Вермланд и не следует ли в таком случае отнести ограбление к преступлениям на почве расизма, поскольку один из грабителей продемонстрировал соответствующие взгляды. Если это подтвердится, то инцидент будет включен в статистический отчет следующего года, который затем будет проанализирован и включен в европейскую статистику, ежегодно составляемую в офисе Евросоюза в Вене. Но могло также выясниться, что грабителями оказались скауты, просто купившие куртку со шведским флагом, и что владельцем магазина по чистой случайности оказался иммигрант, откуда и возникло слово «черномазый». В таком случае группе Фигуэролы пришлось бы вычеркнуть это ограбление из статистики.

– У меня есть для тебя непростое поручение, – сказал Торстен Эдклинт.

– Вот как, – ответила Моника.

– С этой работой ты можешь попасть в опалу, и тогда – конец твоей карьере.

– Понятно.

– Но с другой стороны, если ты справишься с заданием, при удачном раскладе тебе светит серьезное повышение по службе. Я собираюсь перевести тебя в оперативное подразделение нашего отдела.

– Простите, что напоминаю, но в Отделе защиты конституции нет оперативного подразделения.

– В том-то и все дело, – сказал Торстен Эдклинт. – Но отныне такое подразделение есть. Я создал его сегодня утром. В настоящий момент оно состоит из одного-единственного человека. Из тебя.

Моника посмотрела на него с недоверием.

– Задача нашего отдела – охранять конституцию от внутренних угроз, которые обычно представляют собой нацисты или анархисты. А что если угроза конституции исходит от нашей собственной организации? Что нам

делать в таком случае?..

Полчаса он пересказывал ей историю, услышанную накануне вечером от Драгана Арманского.

– Но кто – источник этих сведений? – поинтересовалась Фигуэрола.

– Это сейчас неважно. Сфокусируйся на полученной информации.

– Меня только интересует, считаете ли вы источник заслуживающим доверия.

– Я знаком с этим источником много лет и полагаю, что он в высшей степени заслуживает доверия.

– Это звучит… Я даже не знаю, как сказать. Честно говоря, неправдоподобно.

Эдклинт кивнул.

– Напоминает шпионский роман, – сказал он.

– Но какое задание вы хотите мне поручить?

– С этой минуты ты освобождаешься от всех остальных обязанностей. Твоя единственная задача – проверить степень правдивости этой истории. Ты должна либо подтвердить, либо опровергнуть данные утверждения. Докладывать будешь лично мне, и никому больше.

– О, господи, – сказала Моника Фигуэрола. – Теперь я понимаю, что вы имели в виду, говоря, что я могу угодить в немилость.

– Да. Но если эти сведения или даже малая часть этих фактов подтвердится, это будет означать, что мы приблизились к порогу конституционного кризиса, с которым обязаны разобраться.

– С чего мне начать? Как действовать?

– Начинай с самого элементарного. Сперва прочитай отчет, написанный Гуннаром Бьёрком в девяносто первом году. Потом вычисли людей, которые могут следить за Микаэлем Блумквистом. По сведениям моего источника, машина принадлежит некому Йорану Мортенссону, сорока лет, полицейскому, проживающему в Веллингбю на Виттангигатан. Потом надо установить личность второго легавого, которого сфотографировал коллега Микаэля Блумквиста. Вот этого молодого блондина.

– О’кей.

– Затем внимательно изучи биографию Эверта Гульберга. Я о нем никогда не слышал, но мой источник утверждает, что он должен как-то быть связан со Службой безопасности.

– Получается, что кто-то из Беза заказал семидесятивосьмилетнему старику убить шпиона? Я в это не верю.

– Тем не менее придется проконтролировать. Расследование должно

проводиться в строжайшей тайне. Прежде чем что-либо предпринять, обязательно информируй меня. Я не хочу, чтобы пошли круги по воде.

– Вы поручаете мне очень серьезное многоступенчатое расследование. Как же я сумею справиться в одиночку?

– Тебе не придется работать в одиночку. Ты должна лишь произвести разведку боем. Если придешь и скажешь, что проверила и ничего не обнаружила, то все прекрасно. А если обнаружишь что-либо подозрительное, то будем решать, что делать дальше.

Обеденный перерыв Моника провела в спортзале полицейского управления – она занималась на силовых тренажерах. Обед, состоявший из черного кофе с бутербродом и фрикаделек со свекольным салатом, Фигуэрола отнесла к себе в кабинет. Там она закрыла дверь, убрала все с письменного стола и принялась читать отчет Гуннара Бьёрка, параллельно жуя бутерброд.

Женщина прочла также приложение к отчету в виде переписки между Бьёрком и доктором Петером Телеборьяном и выписала из отчета все имена и отдельные события, которые следовало проверить. Через два часа она встала и принесла еще кофе из кофейного автомата. Выходя из кабинета, заперла дверь, в соответствии с инструкциями ГПУ/Без.

Первым делом Моника решила проверить регистрационный номер отчета.

Она позвонила в регистратуру и получила ответ, что отчета с таким номером не существует.

Затем Фигуэрола обратилась к архиву СМИ. На сей раз ей повезло. Две вечерние газеты и одна утренняя сообщали о человеке, серьезно пострадавшем во время пожара в машине на Лундагатан в тот самый день 1991 года. Жертвой несчастного случая стал мужчина средних лет, но имя его не упоминалось. В одной из вечерних газет утверждалось, что, по словам свидетеля, машину умышленно подожгла какая-то девочка. Значит, речь шла о той самой зажигательной бомбе, которую Лисбет Саландер метнула в русского агента по фамилии Залаченко. По крайней мере, само происшествие, похоже, действительно имело место.

Гуннар Бьёрк, который значился как автор отчета, тоже существовал в реальности и являлся высокопоставленным должностным лицом отдела по работе с иностранцами, страдал от грыжи межпозвоночного диска и, к сожалению, скончался, совершив суицид.

Отдел кадров так и не смог сообщить, чем занимался Гуннар Бьёрк в 1991 году. Сведения имели гриф секретности даже для сотрудников ГПУ/

Без. Впрочем, ситуация вполне стандартная.

То, что Лисбет Саландер в 1991 году проживала на Лундагатан, а последующие два года провела в детской психиатрической клинике Святого Стефана, удалось выяснить сразу. По крайней мере, содержание отчета в этом плане не противоречило реальности.

Психиатра Петера Телеборьяна многие знали, он часто выступал по телевидению. В 1991 году специалист работал в клинике Святого Стефана, а сейчас занимал должность главного врача.

Моника Фигуэрола долго размышляла над отчетом. А потом позвонила заместителю начальника отдела кадров.

– У меня тут возник серьезный вопрос, – сказала она.

– Какой?

– Мы в Отделе защиты конституции проводим исследование, и нам нужны кое-какие сведения о психической стабильности и общем психическом здоровье. Необходимо проконсультироваться с психиатром или другим специалистом, имеющим право доступа к секретной информации. Мне рекомендовали доктора Петера Телеборьяна, и я хотела бы знать, могу ли к нему обратиться.

Прошло несколько минут, прежде чем она получила ответ.

– Доктор Петер Телеборьян несколько раз привлекался у нас в качестве внештатного консультанта. Он имеет допуск к секретным материалам, и вы можете в общих чертах обсудить с ним засекреченную информацию. Но для того, чтобы обратиться к нему, вы должны выполнить бюрократическую процедуру: получить согласие своего начальника и послать формальный запрос на разрешение проконсультироваться с доктором Петером Телеборьяном.

Моника даже слегка вздрогнула. Она разведала то, что могло быть известно лишь очень ограниченному кругу лиц: Петер Телеборьян имел дела с ГПУ/Без. Тем самым достоверность отчета хотя бы частично подтверждалась.

Фигуэрола отложила в сторону отчет и приступила к изучению других фактов, которыми ее снабдил Торстен Эдклинт. Она углубилась в сделанные Кристером Мальмом снимки двух типов, которые, как утверждалось, не далее как первого мая преследовали Микаэля Блумквиста от кафе «Копакабана».

Проверив автомобильную базу данных, Моника убедилась, что Йоран Мортенссон тоже существует в действительности и владеет автомобилем «вольво» серого цвета с указанным регистрационным номером. Потом в отделе кадров Службы безопасности ей подтвердили, что он является

сотрудником ГПУ/Без. Даже самая поверхностная проверка показывала, что и эта информация, похоже, верна.

Сердце Моники ёкнуло еще раз.

Йоран Мортенссон работал в отделе личной охраны на должности телохранителя и входил в команду сотрудников, неоднократно обеспечивавших безопасность премьер-министра. Несколько недель назад его временно перевели в отдел контрразведки. От служебных обязанностей его освободили 10 апреля, через несколько дней после того, как Александра Залаченко и Лисбет Саландер доставили в Сальгренскую больницу. Правда, в подобных временных перемещениях не было ничего экстремального, если для выполнения каких-то срочных заданий не хватало сотрудников.

Затем Фигуэрола позвонила заместителю начальника отдела контрразведки, которого знала лично, поскольку недолгое время работала у него в отделе. Она спросила, занят ли Йоран Мортенссон чем-то важным или его можно пригласить для проведения расследования в Отдел защиты конституции.

Заместитель начальника контрразведки удивился. Вероятно, Монику Фигуэролу неверно информировали. Йорана Мортенссона из отдела личной охраны в контрразведку никто не переводил. Увы.

Положив трубку, Моника еще пару минут смотрела на телефон. В личной охране считали, что Мортенссона перевели в контрразведку. Контрразведка это отрицала. Такие перемещения обычно должны рассматриваться и одобряться начальником канцелярии. Моника потянулась к трубке, чтобы позвонить начальнику канцелярии, но остановилась. Отдел личной охраны мог перевести Мортенссона только с одобрения начальника канцелярии. Но в контрразведке Мортенссона нет, и начальник канцелярии не может об этом не знать. А если он переведен в какой-то другой отдел, который следит за Микаэлем Блумквистом, то начальник канцелярии непременно должен быть в курсе.

Торстен Эдклинт велел ей следить, чтобы не пошли круги по воде. А позвонить начальнику канцелярии означало бы швырнуть огромный камень в маленький пруд.

В половине одиннадцатого утра, в понедельник, усаживаясь за свой письменный стол в стеклянной клетке, Эрика Бергер вздохнула с облегчением. Ей очень хотелось выпить свежего горячего кофе из автомата. Первые два часа рабочего дня она провела на двух собраниях. Сначала – на пятнадцатиминутной утренней летучке, на которой ответственный секретарь редакции Петер Фредрикссон наметил основные направления

работы на день. Поскольку Эрика не доверяла Андерсу Хольму, ей все больше приходилось полагаться на мнение Фредрикссона.

А потом она провела целый час с председателем правления Магнусом Боргшё, начальником финансового отдела «Свенска моргонпостен» Кристером Сельбергом и директором по маркетингу Ульфом Флудином. Совещание было посвящено ухудшающейся ситуации на рекламном рынке и снижению объемов розничных продаж. Главный маркетолог и начальник финансового отдела считали, что необходимо срочно принять меры для того, чтобы минимизировать потери.

– В первом квартале мы справились с проблемой благодаря временному подъему рекламного рынка и тому, что в конце года двое сотрудников ушли на пенсию. Их должности остались вакантны, – сказал Ульф Флудин. – Данный квартал мы, вероятно, закончим с незначительным минусом. Однако нет никаких сомнений в том, что бесплатные газеты «Метро» и «Стокгольм-Сити» будут по-прежнему поглощать столичный рекламный рынок. Нам ничего не остается, кроме как прогнозировать откровенный дефицит в третьем квартале.

– Что мы может противопоставить? – спросил Боргшё.

– Единственная возможная альтернатива – сокращения. Мы никого не сокращали с две тысячи второго года. Но, по моим подсчетам, до конца года нам необходимо сократить десять ставок.

– И какие же именно ставки? – поинтересовалась Эрика Бергер.

– Нам придется урезать отовсюду и понемногу, сокращая по должности в разных подразделениях. Например, в спортивной редакции сейчас шесть с половиной ставок. А нам придется сократить их до пяти.

– Если я правильно понимаю, спортивная редакция уже сейчас работает из последних сил. Это означает, что нам придется сократить спортивные полосы в целом.

Флудин пожал плечами.

– Я не против обсудить и более удачные предложения.

– Более удачных предложений у меня нет, но принцип таков: если мы сократим персонал, значит, нам придется сократить количество полос, а если мы сделаем газету тоньше, то у нас снизится количество читателей и, тем самым, количество рекламодателей.

– Вечный замкнутый круг, – сказал начальник финансового отдела Сельберг.

– Меня взяли на работу с тем, чтобы предотвратить подобный сценарий. Это означает, что я должна полностью изменить облик газеты и сделать ее более привлекательной для читателей. Но если сокращать

персонал, то эта задача окажется невыполнимой.

Эрика обратилась к Боргшё:

– Как долго газета может прожить в условиях стресса? Какой дефицит мы можем себе позволить, пока ситуация не изменится?

Боргшё напрягся.

– С начала девяностых годов газета поглотила значительную часть своих прежних накоплений. За последние десять лет наш портфель акций потерял в цене примерно тридцать процентов. Бо́льшая часть этих фондов инвестирована в компьютерную технику. То есть фактически у нас катастрофические потери.

– Я обратила внимание, что у «Свенска моргонпостен» имеется собственная система текстового редактирования, именуемая АХТ. Во сколько обошлась ее разработка?

– Примерно в пять миллионов крон.

– Я не вижу тут логики. На рынке существуют уже готовые дешевые коммерческие программы. Зачем «Свенска моргонпостен» понадобилось разрабатывать собственную?

– Ах, Эрика! Если бы я знал ответ на этот вопрос… Нас уговорил бывший руководитель технического отдела. Он считал, что в перспективе так будет дешевле и что «Свенска моргонпостен» сможет потом продавать лицензии на программное обеспечение другим изданиям.

– И кто-нибудь купил у вас программное обеспечение?

– Да, одна местная норвежская газета.

– Замечательно, – усталым голосом сказала Эрика Бергер. – Следующий вопрос: у нас компьютеры пятилетней давности…

– В ближайший год нам вряд ли светит приобретение новых компьютеров, – ответил Флудин.

Дискуссия продолжалась.

До Бергер вдруг дошло, что Флудин с Сельбергом просто игнорируют ее соображения. Они уже были уверены, что газету спасут только сокращения. Возможно, с точки зрения директора по маркетингу и начальника финансового отдела, такая мера и могла показаться вполне уместной. Но для нового главного редактора это исключено. Ее раздражало то, что они отвергали все ее аргументы с любезными улыбками, заставляя ее почувствовать себя тинейджером, который сдает экзамен. Они не произнесли ни единого недопустимого слова, но их отношение к ней показалось ей откровенно издевательским.

Не загружай себе голову такими сложными вещами, малышка.

Боргшё так и не поддержал ее. Он, вроде бы, присутствовал на встрече

и выслушал обе стороны; но он хотя бы не позволил себе такого пренебрежения по отношению к ней.

Эрика вздохнула, включила лэптоп и открыла электронную почту. Ей пришло девятнадцать сообщений. Четыре из них оказались спамом, содержащим предложения: купить виагру, испробовать киберсекс с *The sexiest Lolitas on the net*[43] всего за четыре доллара США в минуту, и еще более вульгарное – *Animal Sex, Juiciest Horse Fuck in the Universe*[44], а также подписку на электронную сводку новостей с сайта mode.nu, которую распространяла какая-то назойливая фирма, наводнившая рынок рекламными предложениями и не прекращавшая их рассылать, сколько бы раз Эрика ни отказывалась от этой продукции. Еще семь мейлов оказались так называемыми письмами из Нигерии, от вдовы бывшего директора государственного банка в Абудже, – она предлагала ей колоссальные суммы, если только Эрика, в целях укрепления доверия, согласится инвестировать небольшой капитал. Словом, всякий спам.

Были и другие сообщения. Утренняя и дневная служебные записки, три отчета от ответственного секретаря редакции Петера Фредрикссона о подготовке ключевого материала текущего номера, письмо от ее личного аудитора (он хотел бы встретиться, чтобы сверить изменения в зарплате после перехода из «Миллениума» в «Свенска моргонпостен»), а также сообщение от ее стоматолога-гигиениста, напоминавшего о том, что подошло время ежеквартального визита. Эрика решила занести дату и время визита к врачу в свой электронный ежедневник и сразу же обнаружила, что ничего не выйдет, поскольку на этот день у нее запланирована большая редакционная конференция.

Наконец она открыла последний мейл, присланный с адреса «centralred@smpost.se» с заголовком «К сведению главного редактора» и, взглянув на текст, медленно опустила на стол чашку с кофе.

> ШЛЮХА! ЧТО ТЫ ИЗ СЕБЯ КОРЧИШЬ? ЧЕРТОВА ДЫРКА. ТВОИ НОМЕРА ТУТ НЕ ПРОЙДУТ. ШЛЮХА, ТЕБЯ БУДУТ ТРАХАТЬ В ЗАДНИЦУ ОТВЕРТКОЙ. ЧЕМ БЫСТРЕЕ ТЫ ОТСЮДА СВАЛИШЬ, ТЕМ ЛУЧШЕ.

Эрика подняла взгляд и невольно поискала глазами Андерса Хольма. На рабочем месте его не было, и в редакционном зале она его тоже не увидела. Взглянув на адрес отправителя, Бергер подняла трубку и позвонила Петеру Флемингу, ответственному за техническое обеспечение «Свенска моргонпостен».

– Привет. Кто пользуется адресом «centralred@smpost.se»?

– Никто. В «Свенска моргонпостен» такого адреса нет.

– Я только что получила мейл с этого адреса.

– Это фейк. Сообщение содержит вирус?

– Нет. Во всяком случае, антивирусная программа не среагировала.

– О’кей. Такого адреса не существует. На самом деле нет ничего проще, чем сымитировать адрес, похожий на настоящий. В сети имеются сайты, через которые можно посылать подобные сообщения.

– А отследить такое сообщение можно?

– Почти невозможно, если отправитель не настолько глуп, чтобы посылать мейлы со своего домашнего компьютера. Вероятно, реально можно проследить IP-адрес сервера, но если он пользуется адресом, заведенным, например, на Hotmail, то след оборвется.

Эрика поблагодарила за информацию, потом задумалась.

Она и раньше получала письма с угрозами или послания от откровенных психов. Но это сообщение явно было связано с ее новой работой в качестве главного редактора «Свенска моргонпостен». Интересно, кто его послал – какой-нибудь психопат-одиночка, прочитавший о ней в связи со смертью Морандера? Или же отправитель находится с нею под одной крышей?

Моника Фигуэрола долго размышляла, как ей поступить с делом Эверта Гульберга. Преимущество работы в Отделе защиты конституции заключалось в том, что имеющиеся у нее полномочия позволяли ей запросить почти любой полицейский отчет, составленный в пределах Швеции, который сигнализировал о преступности на почве расизма или политики. Кстати, Александр Залаченко являлся иммигрантом, а одна из задач Моники, в частности, состояла в том, чтобы предотвращать проявления насилия по отношению к лицам, рожденным за пределами Швеции, и определять, какими мотивами – расистскими или нет – руководствовались преступники. Так что она имела законное право ознакомиться с расследованием убийства Залаченко, чтобы решить, не примыкал ли Эверт Гульберг к какой-нибудь расистской организации или не руководствовался ли он, совершая убийство, собственными расистскими убеждениями. Она затребовала отчет об этом инциденте и внимательно его прочитала. К нему прилагались также письма, посланные Гульбергом министру юстиции. Моника убедилась в том, что, помимо ряда оскорбительных личных выпадов и обвинений в адрес правосудия, в них присутствуют слова «черномазый» и «государственный изменник».

Стрелка часов приближалась к отметке пять. Фигуэрола заперла весь материал в сейф у себя в кабинете, выбросила стаканчик из-под кофе, выключила компьютер и поставила отметку о том, что покидает рабочее место. Быстро дойдя до гимнастического зала на площади Сант-Эриксплан, весь следующий час она посвятила разминке.

Закончив тренировку, Моника отправилась домой, в свою двухкомнатную квартиру на Понтоньергатан, приняла душ и поужинала – поздно, но соблюдая заповеди здорового питания. С минуту она раздумывала, не позвонить ли Даниэлю Мугрену, который жил в трех кварталах от нее, на той же улице. Даниэль был столяром и культуристом, и три года подряд тренировался вместе с нею. В последние месяцы они встречались также для занятий дружеским сексом. Секс, конечно, приносил почти такое же чувство удовлетворения, как напряженная тренировка в зале. Но в свои зрелые 30 с плюсом – или, скорее, 40 с минусом – Моника Фигуэрола стала задумываться, а не пора ли ей найти постоянного партнера и вообще устроить свою жизнь. Возможно, даже завести детей, а почему бы и нет. Правда, Даниэль Мугрен для всего этого не подходил…

Немного поразмыслив, Моника решила, что ей не хочется с ним встречаться. Вместо этого она улеглась в постель с книгой по античной истории. В полночь женщина уже спала.

Глава 13

Вторник, 17 мая

Во вторник Моника Фигуэрола проснулась в десять минут седьмого, совершила длинную пробежку вдоль Норр Мэларстранд, приняла душ и в десять минут девятого уже вошла в здание полицейского управления. Раннее утро она посвятила составлению служебной записки, в которой обобщила сделанные накануне выводы.

В девять часов прибыл Торстен Эдклинт. Моника дала ему двадцать минут на то, чтобы прочитать утреннюю почту, а потом подошла к его двери и постучалась. Ее служебную записку начальник читал десять минут; Моника терпеливо ждала. Он дважды прочитал четыре листа формата А4 от начала до конца и только потом поднял на нее взгляд.

– Значит, начальник канцелярии, – задумчиво произнес Эдклинт.

Она кивнула.

– Без его ведома Мортенссона никуда командировать не могли. Следовательно, он должен знать о том, что Мортенссон находится не в контрразведке, как считают его коллеги из личной охраны.

Торстен Эдклинт снял очки, вытащил бумажную салфетку и стал их основательно протирать. Он задумался. Они часто встречались с начальником канцелярии Альбертом Шенке на совещаниях и внутренних конференциях, но утверждать, что он его слишком хорошо знает, Эдклинт не рискнул бы. Шенке был коренастый мужик, с редкими светло-рыжими волосами, и с годами объем его талии все увеличивался. Эдклинт знал, что тому около пятидесяти пяти лет и что он проработал в ГПУ/Без лет двадцать пять или даже больше. Последнее десятилетие он возглавлял канцелярию, а до этого работал заместителем начальника канцелярии и на других административных должностях. Эдклинт воспринимал Шенке как человека сдержанного, неболтливого и способного при необходимости действовать жестко. Он понятия не имел, чем тот занимается в свободное время, но вспомнил, что как-то увидел его в гараже полицейского управления в спортивной одежде и с клюшками для гольфа через плечо. А несколько лет назад они как-то случайно столкнулись с Шенке в оперном театре.

– Мне тут кое-что пришло в голову, – сказала Моника.

– Что именно?

– Эверт Гульберг. В сороковых годах он служил в армии, а в

пятидесятых стал юристом-налоговиком и исчез из виду.

– И?..

– Вообще-то мы говорили о нем, как о наемном убийце.

– Я знаю, что это звучит маловероятно, но…

– Мне пришло в голову, что нам слишком мало известно о нем, и потому его биография кажется сфальсифицированной. В пятидесятых и шестидесятых годах и Информационное бюро, и СЭПО создавали фирмы за пределами этого здания.

Торстен Эдклинт кивнул.

– Меня как раз интересовало, когда ты придешь к этому выводу.

– Мне потребуется разрешение, чтобы посмотреть личные дела пятидесятых годов, – сказала Моника Фигуэрола.

– Нет, – ответил Торстен Эдклинт и покачал головой. – Мы не можем воспользоваться архивом без разрешения начальника канцелярии, а нам нельзя привлекать внимания, пока мы не выйдем на след.

– Тогда что же мне делать дальше?

– Мортенссон, – сказал Эдклинт. – Узнай, чем он занимается.

Лисбет Саландер, запертая в своей палате, изучала вентиляционный люк в окне, когда услышала, как ключ в замке повернулся и в комнату вошел доктор Андерс Юнассон. Было начало одиннадцатого вечера. Его появление сбило ее с толку – она начинала строить планы побега из Сальгренской больницы.

Лисбет уже измерила люк со всех сторон и убедилась, что голова ее пройдет беспрепятственно, но с остальными частями тела, пожалуй, могут возникнуть сложности. От земли ее отделяло три этажа, но если разорвать простыни и приспособить трехметровый удлинитель от торшера, то эту проблему удалось бы решить.

Она обдумывала свой план досконально, шаг за шагом.

Но возникала еще одна проблема – одежда. На ней были трусы, казенная ночная рубашка и казенные же пластиковые шлепанцы. Из наличных денег у нее было двести крон, которые ей выдала Анника Джаннини для покупки сладостей в больничном киоске. Этого хватило бы, во-первых, на приобретение в магазине «секонд-хенд» дешевых джинсов с футболкой, при условии, что она сумеет найти в Гётеборге «секонд-хенд», а во-вторых, на телефонный разговор с Чумой. А уж потом все может как-нибудь уладиться. Через несколько суток после побега Лисбет собиралась улететь в Гибралтар, а потом начать новую жизнь под новым именем в какой-нибудь другой части света.

Андерс Юнассон кивнул в знак приветствия и опустился на стул для посетителей. Саландер села на край кровати.

– Привет, Лисбет. Прости, что в последние дни не успевал тебя навещать! У меня в отделении неотложной помощи дел невпроворот, да еще ко мне на практику прислали двух молодых врачей…

Лисбет кивнула. Честно признаться, она и не ждала, что доктор Андерс Юнассон должен специально приходить ее навещать.

Врач взял ее журнал и принялся внимательно изучать температурные кривые и схему приема препаратов. Он отметил, что температура постоянно держится между 37 и 37,2 и что за прошедшую неделю она ни разу не получила болеутоляющих таблеток.

– Вообще-то твой врач – доктор Эндрин. Она тебе нравится?

– Она неплохая, – ответила Лисбет без особого энтузиазма.

– Не возражаешь, если я тебя осмотрю?

Она снова кивнула. Достав из кармана ручку с фонариком, доктор наклонился и посветил ей в глаза, чтобы проверить, как сжимаются и расширяются зрачки, велел открыть рот и осмотрел горло. Потом осторожно взял ее руками за шею и несколько раз повернул в разные стороны голову.

– Затылок не болит? – спросил он.

Лисбет помотала головой.

– А как обстоит дело с головной болью?

– Иногда дает о себе знать, а потом проходит.

– Процесс заживления еще продолжается. Головные боли постепенно перестанут тебя беспокоить.

У нее еще была короткая стрижка, и, чтобы нащупать шрам над ухом, ему требовалось лишь отогнуть в сторону прядь волос. Шрам заживал хорошо, но на ране еще сохранялась корочка.

– Ты снова расчесала рану… Завязывай с этим делом.

Лисбет кивнула еще раз. Юнассон взял ее за левый локоть и поднял руку.

– Можешь поднять руку самостоятельно?

Она вытянула руку вверх.

– Плечо болит или доставляет какие-нибудь неприятные ощущения?

Саландер помотала головой.

– Тянет?

– Чуть-чуть.

– Думаю, тебе надо активнее тренировать мышцы плеча.

– Когда сидишь взаперти, это нелегко.

Доктор улыбнулся:

– Это не навсегда. Ты делаешь упражнения, как велит физиотерапевт?

Она опять ответила кивком.

Юнассон достал стетоскоп и ненадолго прижал его к собственной руке, чтобы согреть. Потом сел на край кровати, расстегнул ее ночную рубашку, послушал сердце и измерил пульс. Затем попросил ее наклониться вперед, приставил стетоскоп к спине и послушал легкие.

– Покашляй.

Лисбет покашляла.

– О’кей. Можешь застегнуть рубашку. С точки зрения медицины, ты идешь на поправку.

Саландер кивнула. Она ожидала, что теперь он встанет и пообещает заглянуть через несколько дней, но Юнассон остался сидеть и довольно долго молчал, казалось, над чем-то размышляя.

Лисбет терпеливо ждала.

– Знаешь, почему я стал врачом? – вдруг спросил он.

Она покачала головой.

– Я вырос в рабочей семье. Мне всегда хотелось стать врачом. В детстве я собирался быть психиатром. Я был очень продвинутым.

Как только он упомянул слово «психиатр», Лисбет вдруг посмотрела на него с пристальным вниманием.

– Но я не был уверен, что смогу осилить занятия. Сразу после окончания гимназии я выучился на сварщика и около года проработал в этом качестве.

Он кивнул, словно в знак подтверждения своих слов.

– Я считал, что было бы неплохо иметь что-то в запасе на случай, если мне не удастся завершить медицинское образование. Между сварщиком и врачом немало общего. И тому, и другому приходится что-то чинить. Вот теперь я работаю в Сальгренской больнице и сшиваю таких, как ты.

Она нахмурила брови – уж не подтрунивает ли он над ней? Но доктор выглядел совершенно серьезно.

– Лисбет… я хотел бы знать…

Он замолчал, и очень надолго.

Саландер уже готова была спросить, что ему надо, но сдержалась и терпеливо ждала.

– Я хотел бы знать, не рассердишься ли ты, если я попрошу разрешения задать тебе личный вопрос. Я хочу задать его как частное лицо. То есть не как врач. Я не стану записывать твой ответ и обещаю ни с кем его не обсуждать. Если не захочешь, можешь не отвечать.

– Но что именно?
– Это бестактный и очень личный вопрос.
Она посмотрела ему в глаза.
– С тех пор как тебя в двенадцать лет заперли в больнице Святого Стефана в Уппсале, ты даже не отвечаешь, когда какой-нибудь психиатр пытается с тобой поговорить. Но почему?
Глаза Лисбет Саландер потемнели. Пару минут она просто смотрела на Андерса Юнассона ничего не выражающим взглядом и молчала.
– Но почему это тебя интересует? – в конце концов спросила она.
– Честно говоря, я и сам толком не знаю. Думаю, что я пытаюсь кое в чем разобраться.
Она сжала губы.
– Я не разговариваю с психиатрами, потому что они никогда не слушают то, что я говорю.
Андерс Юнассон кивнул и внезапно рассмеялся.
– О’кей. Скажи мне, а что ты думаешь о Петере Телеборьяне?
Андерс Юнассон произнес это имя так неожиданно, что Лисбет почти вздрогнула. Ее глаза заметно сузились.
– Какого черта ты без конца задаешь вопросы? Что тебе надо?
Ее голос вдруг напрягся и зазвучал как наждак о железо.
Андерс Юнассон наклонился к ней так близко, что почти вторгся на ее личную территорию.
– Потому что… Психиатр по имени Петер Телеборьян, довольно известный и авторитетный врач, за последние дни дважды настойчиво добивался моего разрешения навестить тебя.
Лисбет вдруг почувствовала, как по спине пробежали ледяные мурашки.
– Суд обязал его провести судебно-психиатрическую экспертизу твоего состояния.
– И что же?
– Мне Петер Телеборьян не нравится. Я ему отказал. В последний раз он явился сюда, в отделение, без предупреждения и пытался прорваться к тебе через медсестру.
Лисбет поджала губы.
– Он вел себя нагло и произвел на меня крайне неблагоприятное впечатление. Поэтому я и спрашиваю, что ты о нем думаешь.
На этот раз настала очередь Андерса Юнассона терпеливо дожидаться ответа Лисбет Саландер.
– Телеборьян – подонок, – сказала она под конец.

– Ты испытываешь к нему личную неприязнь?
– Можно сказать и так.
– Я беседовал с одним чиновником; он требовал, чтобы я пропустил к тебе Телеборьяна.
– И что же?
– Я спросил, имеется ли у него медицинское образование, позволяющее оценивать твое состояние, и предложил ему отправиться куда-нибудь подальше. Правда, в более дипломатичных выражениях.
– О’кей.
– Последний вопрос. Почему ты мне все это рассказываешь?
– Но ты же спросил.
– Да. Но ведь я врач и тоже изучал психиатрию. Почему же ты со мной разговариваешь? Значит ли это, что ты доверяешь мне?
Лисбет не ответила.
– Тогда я буду трактовать это именно так. Я хочу, чтобы ты знала: ты – моя пациентка. Следовательно, я действую только в твоих интересах, а не в чьих-то.
Она посмотрела на него с подозрением. Юнассон немного посидел молча, глядя на нее, а потом заговорил в непринужденном тоне:
– С медицинской точки зрения ты более или менее здорова. Тебе требуется еще максимум несколько недель реабилитации. Но, к сожалению, ты уже достаточно поправилась.
– К сожалению?
– Да. – Он улыбнулся. – Ты уже чувствуешь себя хорошо.
– Что ты имеешь в виду?
– Я имею в виду, что у меня нет никаких законных причин удерживать тебя здесь и, следовательно, прокурор сможет скоро потребовать, чтобы тебя перевезли в следственный изолятор в Стокгольм. Тебе придется дожидаться суда, который состоится через шесть недель. Полагаю, что запрос поступит уже на следующей неделе. А значит, Петеру Телеборьяну представится случай все-таки осмотреть тебя.
Саландер буквально застыла в постели.
Андерс Юнассон рассеянно посмотрел на нее, наклонился и поправил ей подушку. А потом заговорил так, словно просто размышлял вслух:
– У тебя нет ни головной боли, ни повышенной температуры; значит, доктор Эндрин тебя, вероятно, выпишет.
Он внезапно поднялся.
– Спасибо, что поговорила со мной. Я еще зайду к тебе до того, как тебя перевезут.

Он уже дошел до двери, когда Лисбет его окликнула:
– Доктор Юнассон.
Он обернулся к ней.
– Спасибо.
Он еще раз коротко кивнул, а потом вышел и запер дверь.

Лисбет Саландер долго сидела, изучая запертую дверь. Потом улеглась на спину и уставилась в потолок. Вдруг что-то отвлекло ее от мрачных размышлений – она ощутила под затылком что-то твердое. Подняв подушку, Лисбет, к своему изумлению, увидела маленький мешочек, которого там точно не было раньше. Она открыла мешочек и, ничего не понимая, уставилась на карманный компьютер «Палм Тангстен T3» с зарядным устройством. Потом, присмотревшись, заметила на верхнем крае корпуса маленькую царапину. Ее сердце забилось с удвоенной силой. Это был ее собственный «Палм». Но как он здесь оказался?

Она растерянно перевела взгляд обратно на запертую дверь.

Андерс Юнассон… вот так сюрприз! Она очень разволновалась. Затем быстро включила компьютер и тут же обнаружила, что он защищен паролем.

Лисбет разочарованно уставилась на требовательно мигающий экран. Как же я, черт побери, должна… Потом она заглянула в мешочек и обнаружила на дне свернутую полоску бумаги. Вытряхнув полоску из мешочка, развернула ее и прочла написанную аккуратным почерком строчку.

ТЫ ЖЕ ХАКЕР. ДОГАДАЙСЯ! КАЛЛЕ Б.

Впервые за несколько недель Лисбет рассмеялась. Вот и расплата за старые обиды… Она задумалась на несколько секунд, потом взяла стилус и написала комбинацию цифр 9277, что на клавиатуре соответствовало буквам WASP – ее прозвищу «Оса». Именно этот код Калле Чертову Блумквисту потребовалось разгадать, когда он без приглашения явился в ее квартиру на Фискаргатан и отключал охранную сигнализацию.

Не сработало.

Она попробовала 52553, что соответствовало буквам KALLE.

Тоже не сработало. Поскольку Калле Чертов Блумквист, вероятно, предполагал, что она будет пользоваться компьютером, то явно выбрал какой-то простой пароль. Подписался он «Калле», хотя обычно ненавидел это имя. Лисбет немного поразмыслила над ассоциациями. Это должно

быть тоже оскорбление. Потом набрала 63663, что соответствовало слову PIPPI[45].

Компьютер послушно запустился.

На экране возник смайлик со словесным пузырем:

> Ну вот – а ведь оказалось довольно просто. Предлагаю тебе кликнуть на сохраненные документы.

Она немедленно нашла стоявший первым в очереди документ «Привет, Салли», кликнула на него и прочла:

> Прежде всего – это только между нами. Твой адвокат, то есть моя сестра Анника, понятия не имеет о том, что у тебя есть доступ к компьютеру. Так что смотри, не проболтайся.
>
> Не знаю, насколько ты понимаешь, что происходит за запертой дверью твоей палаты, но, как ни странно (вопреки твоему характеру), тебе помогают несколько дураков, которые лояльны к тебе. Когда все закончится, я собираюсь основать общественную организацию, которую намерен назвать «Рыцари дурацкого стола». Единственной целью организации будет собираться на ежегодный ужин, чтобы развлекаться и всячески ругать тебя. (Нет, тебя, конечно, никто не собирается приглашать.)
>
> Ну, ладно. Ближе к делу. Анника готовится к судебному процессу. Проблема заключается лишь в том, что она, работая на тебя, соблюдает идиотский принцип неприкосновенности частной жизни, как это ни глупо. А значит, она даже мне не рассказывает, о чем вы с ней беседуете, и в данной ситуации это нам несколько мешает. К счастью, она, разумеется, хотя бы прислушивается к поступающей информации.
>
> Нам с тобой обязательно нужно пообщаться.
>
> Не пользуйся моим электронным адресом. Может, я и ненормальный, но у меня есть веские основания подозревать, что мою почту читаю не только я. Если захочешь что-нибудь передать, заходи на Yahoo «Stolliga_Bordet»[46]. Имя: Pippi, пароль: p9i2p7p7i.
>
> *Микаэль*

Лисбет дважды прочитала письмо и еще раз озадаченно посмотрела на карманный компьютер. После периода полного компьютерного целибата у нее начинался киберабстинентный синдром. Интересно, каким местом думал Калле Чертов Блумквист, когда протаскивал к ней компьютер – он позабыл, что для выхода в Сеть ей потребуется мобильный телефон…

Лисбет лежала и размышляла, что делать дальше, когда вдруг услышала шаги в коридоре. Она немедленно выключила компьютер и запихнула его под подушку. Когда в замке стал поворачиваться ключ, Саландер обнаружила, что мешочек и зарядное устройство остались лежать на прикроватной тумбочке. Она протянула руку, сунула мешочек под одеяло и зажала моток кабеля между ног. Когда вошла ночная сестра, Лисбет лежала спокойно, уставившись в потолок.

Сестра приветливо поздоровалась и спросила, как она себя чувствует и не надо ли ей чего-нибудь. Лисбет ответила, что чувствует себя хорошо и что ей хотелось бы парочку сигарет. Эту просьбу любезно отклонили, зато выдали ей упаковку никотиновой жевательной резинки. Когда сестра закрывала за собой дверь, Лисбет мельком увидела расположившегося на стуле в коридоре охранника. Она дождалась, когда шаги стали удаляться, снова достала компьютер, включила его и попыталась подключиться к Интернету.

Она не поверила своим глазам, когда компьютер вдруг подал сигнал, что соединение найдено и есть выход в сеть.

Не может быть. Просто невероятно.

Лисбет выскочила из постели с такой скоростью, что раненое бедро отозвалось болью, и растерянно оглядела свою палату. Но как? Медленно обойдя комнату, она осмотрела каждый угол и закуток…

Нет, мобильного телефона в комнате не было.

И тем не менее компьютер поймал Сеть. Она усмехнулась. Радиоуправляемая связь поддерживалась через мобильный телефон посредством Bluetooth, имевшего радиус действия 10–12 метров. Лисбет устремила взгляд к вентиляционному отверстию под потолком.

Чертов Калле Блумквист установил телефон прямо рядом с ее палатой. Иначе это чудо объяснить было невозможно.

Но тогда можно было протащить и телефон… Хотя, конечно, аккумуляторы.

Ее «Палм» требовалось заряжать раз в три дня или около того. Мобильный телефон, подключенный к сети, сажал аккумуляторы быстро. Блумквист – или, скорее всего, кто-то, кого он нанял – должен был регулярно менять аккумуляторы.

Зарядное устройство к ее компьютеру он, разумеется, прислал. Обойтись без него она не могла. Конечно, намного легче спрятать и использовать один предмет, чем два. А Блумквист все-таки не дурак…

Для начала Лисбет задумалась над тем, где хранить компьютер. Для этого необходимо было найти потайное место. Кроме одной розетки возле двери, имелись еще розетки за кроватью, на панели, куда включалась лампа на тумбочке и электронные часы. Вообще-то туда же включалось еще и радио, но его унесли, и от него осталось пустое пространство. Лисбет улыбнулась. Места хватило и для карманного компьютера, и для зарядного устройства. А днем она сможет ставить компьютер на зарядку, не вынимая его из тумбочки.

Лисбет Саландер почувствовала себя счастливой. Впервые за два месяца она включила компьютер и вышла в Интернет, и ее сердце колотилось от радости. «Серфить» по Сети через карманный компьютер «Палм» с крошечным экраном и стилусом, конечно, не то же самое, что через ноутбук с семнадцатидюймовым экраном. Но… *она в Сети!* Находясь в постели в Сальгренской больнице, она может переместиться в любую точку мира.

Для начала Лисбет зашла на частную домашнюю страничку, где размещалась реклама ничем не примечательных фотографий неизвестного фотографа-любителя по имени Джилл Бейтс из Джобсвилла, штат Пенсильвания. Лисбет как-то раз проверила и установила, что города с таким названием – Джобсвилл – не существует. Тем не менее Бейтс отснял там 200 фотографий и выложил целую галерею, в мелком масштабе. Саландер прокрутила до снимка номер 167, кликнула и получила увеличенное изображение. Оно изображало церковь в Джобсвилле. Лисбет подвела курсор к вершине шпиля и кликнула. Тут же всплыло окно с требованием имени и пароля. Она взяла стилус и в качестве логина вывела слово Remarkable, а в качестве пароля – A (89)Cx#magnolia.

Появилась клеточка с текстом «ERROR – You have the wrong password»[47] и клавиша с «OK – Try again»[48]. Лисбет знала, что если кликнет на «OK – Try again» и попробует ввести новый пароль, то снова получит ту же клеточку – и так месяцы и годы, сколько ни пытайся. Вместо этого она кликнула на букву «O» в слове «ERROR».

Экран потемнел. Потом открылась мультипликационная дверь, и оттуда выплыла девица, напоминающая Лару Крофт, расхитительницу гробниц. Материализовался словесный пузырь с текстом «WHO GOES

THERE?»[49].

Лисбет кликнула на пузырь и написала слово Wasp – Оса. Ей сразу ответили «PROVE IT – OR ELSE…»[50], а мультипликационная Лара Крофт начала снимать с предохранителя пистолет. Лисбет знала, что это не пустая угроза. Если она наберет неверный пароль три раза подряд, страничка погаснет, а имя Оса вычеркнут из списка членов. Она аккуратно вывела пароль MonkeyBusiness.

Экран снова изменил параметры, и на синем фоне возник текст:

> Welcome to Hacker Republic, citizen Wasp. It is 56 days since your last visit. There are 10 citizens online. Do you want to (a) Browse the Forum (b) Send a Message (c) Search the Archive (d) Talk (e) Get laid?[51]

Лисбет кликнула на клеточку «(г) Поговорить», потом перешла к перечню меню «Who’s online?»[52] и получила список имен: Andy, Bambi, Dakota, Jabba, BuckRogers, Mandrake, Pred, Slip, Sisterjen, SixOfOne, Trinity.

> «Hi gang»[53], – написала Оса.
>
> «Wasp. That really U?[54] – сразу же откликнулся SixOfOne. – Look who’s home»[55].
>
> «Куда ты пропала?» – спросил Trinity.
>
> «Чума говорил, что у тебя какие-то проблемы», – написал Dakota.

Лисбет была не уверена, но подозревала, что Dakota – женщина. Остальные граждане онлайн, включая и того, кто именовал себя Sisterjen, были парнями. Республика хакеров (когда Лисбет в последний раз заходила в сеть) насчитывала шестьдесят два гражданина, в том числе всего четыре девушки.

> «Привет, Trinity, – написала Лисбет. – Привет, все».
>
> «Почему ты приветствуешь Trinity? Между вами есть что-то сугубо личное? А мы, остальные, чем тебе не угодили?» – написал Dakota.
>
> «У нас забита стрелка, – написал Trinity. – Оса общается только с интеллигентными ребятами».

Его обматерили сразу с пяти сторон.

Из шестидесяти двух сограждан Оса лично встречалась только с двумя. Один из них был Чума – Plague, который сейчас в виде исключения отсутствовал в Сети. Второй – Trinity, иначе Троица, англичанин, жил в Лондоне. Два года назад Лисбет провела в его обществе несколько часов – тогда он помогал им с Микаэлем Блумквистом разыскивать Харриет Вангер. Он организовал незаконное прослушивание домашнего телефона в мирном пригороде Сент-Олбанс. Лисбет возилась со стилусом, ей не хватало клавиатуры.

«Ты еще на месте?» – спросил Mandrake.

Саландер набрала:

«Сорри. У меня только Palm. Получается медленно».

«Что случилось с твоим компьютером?» – поинтересовался Pred.

«С ним все о’кей. Проблемы у меня».

«Расскажи старшему брату», – написал Slip.

«Меня арестовали».

«Что случилось? Поделись!» – сразу донеслось с трех сторон.

Лисбет суммировала все, что с нею произошло, в пяти строчках, и ее приключения восприняли с сочувствием и заботой.

«Как ты себя чувствуешь?» – поинтересовался Trinity.

«У меня дырка в башке».

«Я не замечаю разницы», – констатировал Bambi.

«У Осы всегда в башке ветер», – заявил Sisterjen.

После его реплики компания разразилась серией оскорбительных комментариев в его адрес. Никто не сомневался, что Оса еще даст многим фору по части умственных способностей.

Лисбет улыбнулась.

Потом Dakota подключился снова:

«Погодите. Это же нападение на гражданина Республики хакеров. Чем будем отвечать?»

«Нанесем ядерный удар по Стокгольму?» – предложил SixOfOne.

«Нет, это будет перебор», – сказала Оса.

«Жахнем маленькую бомбочку?»

«SixOfOne, прекрати».

«Мы можем вырубить весь Стокгольм», – предложил Mandrake.

«Как насчет вируса, который парализует правительство?»

Вообще-то граждане Республики хакеров рассылкой вирусов не занимались. Напротив, статус хакеров подразумевал, что они непримиримые противники тех идиотов, которые рассылают компьютерные вирусы с единственной целью – вывести из строя Сеть и навредить компьютерам. Ведь хакеры – информационные наркоманы, и им нужна именно действующая Сеть, которую можно взламывать.

Впрочем, предлагая парализовать шведское правительство, хакеры вовсе не бахвалились. Республика хакеров представляла собой эксклюзивный клуб лучших из лучших, элитное подразделение. И любая армия выложила бы колоссальные суммы, если бы удалось уговорить их сотрудничать с каким-либо государством. Но это было слишком маловероятным.

Все они были Computer Wizards[56] и, безусловно, умели создавать и рассылать компьютерные вирусы. Они также часто проводили специальные кампании, если того требовала ситуация. Несколько лет назад у одного гражданина Республики хакеров, который работал программистом в Калифорнии, один преуспевающий дотком свистнул патент и еще имел наглость подать на него в суд. В итоге все активисты Республики хакеров в течение полугода энергично и последовательно взламывали и выводили из строя каждый компьютер, принадлежавший данной фирме. Все их коммерческие тайны и электронные сообщения – вместе с несколькими сфальсифицированными документами, из которых следовало, что генеральный директор фирмы уклоняется от налогов, – с удовольствием выкладывались в Интернете вместе со сведениями о тайной любовнице генерального директора и фотографиями с вечеринки в Голливуде, где он нюхает кокаин. Через полгода фирма обанкротилась, но еще несколько лет спустя кое-кто из злопамятных представителей «народных мстителей» Республики хакеров занимался тем, что время от времени банкротил бывшего генерального директора.

Если полсотни самых лучших хакеров в мире решили бы совместными усилиями предпринять нападение на какое-нибудь государство, оно, вероятно, выжило бы, но понесло бы ощутимые потери. Если бы Лисбет

согласилась, то эти потери, по всей видимости, исчислялись бы миллиардами. Она задумалась.

> «Пока не надо. Но если дела пойдут не так, как мне хочется, я попрошу о помощи».
>
> «Только скажи», – написал Dakota.
>
> «Давненько мы не ссорились с каким-нибудь правительством», – прокомментировал Mandrake.
>
> «Я предлагаю создать систему реверса налоговых платежей. Напишем программу, приспособленную к такой маленькой стране, как Норвегия», – написал Bambi.
>
> «Отлично, но Стокгольм находится в Швеции», – написал Trinity.
>
> «Подумаешь, какая разница. Можно сделать так…»

Откинувшись на подушку, Лисбет Саландер усмехнулась. Она следила за беседой и раздумывала над тем, почему ей так трудно говорить о себе с людьми при личной встрече, но так легко вести непринужденные беседы и доверять самые сокровенные тайны клану совершенно незнакомых идиотов в Интернете. Но Лисбет Саландер если и ощущала себя частью какой-то семьи и команды, то только общаясь с этими полными психами. На самом деле никто из них не мог ей помочь в ее проблемах со шведскими властями. Но она знала, что, если потребуется, они устроят какую-нибудь силовую акцию, не жалея ни времени, ни энергии. Через них она также могла организовать себе убежище за границей. Ведь именно благодаря контактам Чумы ей удалось через Интернет раздобыть норвежский паспорт на имя Ирене Нессер.

Лисбет не имела ни малейшего представления о том, как выглядят граждане Республики хакеров. Она даже не знала, чем они занимаются вне Сети – в этом отношении граждане умышленно держались в тени. Например, SixOfOne утверждал, что он – темнокожий американский гражданин из католической среды и проживает в Торонто, в Канаде. Но с таким же успехом это могла оказаться белая женщина, лютеранка, живущая в Шёвде, в Швеции.

Лучше всех Лисбет знала Чуму, который когда-то представил ее «семье» – без солидных рекомендаций никому не удалось бы протиснуться в ряды этой эксклюзивной компании. Для вступления в клуб обязательно требовалось личное знакомство с кем-нибудь из граждан – в ее случае это был Чума.

В Сети Чуму считали продвинутым и социально активным гражданином. На самом же деле он был чрезвычайно упитанным и социально неадаптированным тридцатилетним пенсионером-инвалидом. Он проживал в районе Сундбюберг, мылся очень редко, и в квартире у него пахло, как в обезьяннике. Лисбет навещала его редко – ей вполне хватало общения с ним в Сети.

Пока в Республике хакеров продолжалась беседа, Оса загрузила почту, пришедшую на ее личный почтовый ящик. К одному из сообщений, присланных гражданином Ядом, прилагалась улучшенная версия ее программы «Асфиксия 1.3», которая находилась на открытом доступе для всех граждан Республики в Архиве. Эта программа позволяла Лисбет контролировать в Интернете компьютеры других людей. Яд объяснял, что он успешно пользуется программой и что его дополненная версия включает последние версии программ Unix, Apple и Windows.

Лисбет коротко поблагодарила его за усовершенствования.

А через час, когда в США день начал клониться к вечеру, к чату подключились еще с полдюжины «граждан», которые поздравили Осу с возвращением домой и присоединились к дискуссии. Когда Лисбет наконец решила выйти из Сети, речь шла о том, как можно заставить компьютер шведского премьер-министра посылать любезные, но совершенно идиотские сообщения другим главам правительств, и даже организовалась рабочая группа, которой предстояло внести в этот вопрос ясность. В завершение Лисбет написала короткое сообщение:

> «Продолжайте обсуждение, но ничего не предпринимайте без моего одобрения. Вернусь, когда смогу подключиться».

Все передавали ей поцелуи и советовали как следует пролечить дырку в башке.

Покинув Республику хакеров, Лисбет зашла в поисковую систему, на «www.yahoo.com», в частную информационную группу «Stolliga_Bordet». В информационную группу входили только двое – она сама и Микаэль Блумквист. В почтовом ящике оказалось одно-единственное сообщение, посланное два дня назад, под заголовком «Сперва прочти это».

> Привет, Салли. Ситуация на данный момент такова.
>
> Полиция пока не обнаружила твою квартиру и не имеет доступа к диску со сценой изнасилования. Диск является очень

веским доказательством, но я не хочу отдавать его Аннике без твоего разрешения. У меня также находятся ключи от твоей квартиры и паспорт на имя Ирене Нессер.

Зато полиция завладела рюкзаком, который ты брала с собой в Госсебергу. Не знаю, нет ли в нем чего-нибудь компрометирующего.

Лисбет немного поразмыслила. Подумаешь… Термос с остатками кофе, несколько яблок и смена одежды. Волноваться не о чем.

Тебя, скорее всего, обвинят в причинении тяжкого вреда здоровью либо в попытке убийства Залаченко, а также в нанесении тяжких телесных повреждений Карлу Магнусу Лундину из «Свавельшё МК» в Сталлархольме. А именно в том, что ты прострелила ему стопу и ударом ноги выбила челюсть. Хотя надежный источник из полиции сообщает, что доказательства в обоих случаях не слишком убедительные.

Но имей в виду, что важно следующее.

1. Пока Залаченко был жив, он все отрицал. Он утверждал, что в тебя стрелял и закапывал тебя в лесу Нидерман. Он также подал в полицию заявление, обвинив тебя в покушении на его жизнь. Прокурор начнет доказывать, что ты уже во второй раз пытаешься убить Залаченко.

2. Ни Магге Лундин, ни Сонни Ниеминен ни словом не обмолвились о том, что произошло в Сталлархольме. Лундин арестован за похищение Мириам Ву. Ниеминена отпустили.

Лисбет приняла все к сведению, лишь пожав плечами: все это она уже обсуждала с Анникой Джаннини. Положение, конечно, аховое, но все это не новость. Она откровенно призналась во всем, что произошло в Госсеберге, но не стала сообщать никаких деталей о Бьюрмане.

В течение пятнадцати лет Зала находился под защитой, и при этом неважно, что он творил. Ему многократно помогали, заметая следы его деяний. Многие сделали карьеры, прикрываясь Залаченко. Получается, что некоторые властные структуры Швеции помогали сокрытию преступлений против отдельных граждан.

Если эта информация выплывет наружу, разразится

политический скандал, который затронет и буржуазное, и социал-демократическое правительства. Это означает, что для начала ряд облеченных властью чиновников из СЭПО будут обвинены в преступной и аморальной деятельности. Даже если срок давности по отдельным преступлениям истек, скандала все равно не миновать. Речь идет об очень важных персонах, которые уже стали пенсионерами или приблизились к пенсионному возрасту. Они пойдут на все, только чтобы избежать разоблачений, и ты внезапно вновь окажешься разменной пешкой в их игре. На этот раз им, однако, надо не просто принести в жертву пешку – теперь им придется активно защищать свою репутацию, отмывать свое имя от позора. Так что им придется упечь тебя в дурдом.

Лисбет призадумалась и прикусила нижнюю губу.

Итак, дело обстоит так: они знают, что больше не смогут скрывать тайну Залаченко. История известна мне, а я – журналист. Они понимают, что рано или поздно я ее опубликую. Для них сейчас это не столь важно, поскольку он мертв. Теперь им придется бороться уже за собственное выживание. Поэтому первыми у них на повестке дня стоят следующие задачи.

1. Им необходимо убедить суд (или, иными словами, общественность) в том, что решение запереть тебя в 1991 году в клинику Святого Стефана было обоснованным – что ты действительно была психически больна.

2. Им необходимо отделить «дело Лисбет Саландер» от «дела Залаченко». Они пытаются подвести фундамент под следующую концепцию: «Да, конечно, Залаченко был законченным подонком, но этот факт не имел никакого отношения к решению запереть в клетке его дочь. Ее изолировали от общества, потому что признали душевнобольной, а все остальные версии – просто инсинуации борзописцев. Нет, мы никогда не потворствовали Залаченко и его преступлениям – все это околесица и больные фантазии нездоровой двенадцатилетней девочки».

3. Проблема, разумеется, заключается в следующем: если предстоящий суд тебя оправдает и, следовательно, признает нормальной, то тем самым они не смогут скрыть то, что незаконно поместили тебя в 1991 году в лечебницу. А значит, им

надо любой ценой добиться, чтобы тебя определили в закрытое психиатрическое учреждение. Если суд вынесет определение, что ты психически больна, то и СМИ потеряют интерес к «делу Саландер». Так уж они устроены.

Ты здесь?

Лисбет мысленно кивнула. Все это она уже и сама успела просчитать. Проблема заключалась в том, что она просто не знала, что предпринять.

Лисбет, поверь мне, – судьба этого матча будет решаться в СМИ, а не в зале суда. К сожалению, суд будет – «в целях защиты личных интересов» – проходить за закрытыми дверьми.

В день убийства Залаченко ко мне залезли в квартиру. На дверях нет никаких следов взлома, в квартире ничего не тронули, кроме одного. Исчезла папка из летнего дома Бьюрмана с отчетом Гуннара Бьёрка от 1991 года. Одновременно напали на мою сестру и украли ее копию. Эта папка – неопровержимая улика, одна из важнейших в твоем деле.

Я делаю вид, будто мы потеряли бумаги о Залаченко. На самом же деле у меня была третья копия, которую я собирался передать Арманскому. Я снял с нее еще несколько копий и распределил экземпляры по разным местам.

Наши оппоненты, в лице некоторых представителей властей и отдельных психиатров, вместе с прокурором Рикардом Экстрёмом, естественно, готовятся к судебному процессу. У меня есть источник, который снабжает меня кое-какими сведениями о том, что происходит, но я подозреваю, что у тебя гораздо больше возможностей найти необходимую информацию…

В таком случае дело не терпит отлагательств.

Прокурор будет пытаться определить тебя в закрытое психиатрическое учреждение. Ему способствует твой старый знакомый Петер Телеборьян.

У Анники не будет возможности запустить кампанию в СМИ, хотя прокурор будет потихоньку сливать им любую информацию. То есть у Анники связаны руки.

Зато я не связан никакими ограничениями. Я могу писать все, что угодно, и в моем распоряжении к тому же имеется целый журнал.

Не хватает двух важных деталей.

Во-первых, мне нужны доказательства того, что прокурор Экстрём взял в сообщники Телеборьяна – и они снова хотят упечь тебя в психушку. А я хочу выступить по телевидению в самом раскрученном ток-шоу и предъявить документы, полностью опровергающие аргументы со стороны обвинения.

Во-вторых. Чтобы иметь возможность вести медийную войну против СЭПО, мне придется предать огласке то, что ты, скорее всего, считаешь своими личными секретами. О неприкосновенности частной жизни на этот раз, вероятно, придется забыть, учитывая все то, что писалось о тебе, начиная с Пасхи. Я должен создать в СМИ совершенно иное представление о тебе – даже если, на твой взгляд, это будет вторжением в твое сугубо личное пространство. Так что мне понадобится твое согласие. Понимаешь, что я имею в виду?

Лисбет открыла архив в Stolliga_Bordet. Он содержал двадцать шесть файлов разного размера.

Глава 14

Среда, 18 мая

В среду Моника Фигуэрола встала в пять часов утра, устроила короткую пробежку, а потом приняла душ и надела черные джинсы, белую майку и тонкий серый льняной жакет. Затем сварила кофе, налила его в термос и приготовила бутерброды. Также она надела кобуру и достала из оружейного сейфа пистолет «ЗИГ-Зауэр». В начале седьмого завела свою машину – белый «Сааб 9–5» – и отправилась на улицу Виттангигатан, расположенную в районе Веллингбю.

Йоран Мортенссон жил в пригороде, на верхнем этаже трехэтажного дома. За вторник Моника собрала о нем всю доступную информацию из открытых источников. Он был не женат, что, правда, не мешало ему с кем-нибудь совместно проживать. Он не имел никаких претензий от налогового инспектора, не владел крупным состоянием и, казалось, вел довольно скромный образ жизни. Больничный он брал редко.

Единственный достойный внимания факт его биографии заключался в том, что Мортенссон владел лицензией на целых шестнадцать единиц стрелкового оружия. В том числе – три охотничьих ружья и разного рода личное огнестрельное оружие. Поскольку у него имелись лицензии, то ничего противозаконного в его увлечении не было, но Моника Фигуэрола относилась с вполне обоснованным недоверием к людям, которые собрали у себя такую массу оружия.

«Вольво» с регистрационным номером, начинавшимся на КАБ, стояла на парковке, метрах в сорока от того места, где припарковалась Моника. Она налила себе в бумажный стаканчик полчашки черного кофе и съела багет с салатом и сыром, потом очистила апельсин и не торопясь начала его есть, дольку за долькой.

Во время утреннего обхода Лисбет Саландер выглядела разбитой и жаловалась на сильную головную боль. Она попросила таблетку альведона, и ей ее выдали без всяких дискуссий.

Через час головная боль усилилась. Лисбет вызвала медсестру и попросила еще одну таблетку альведона. Это тоже не помогло. К обеду у нее настолько разболелась голова, что сестра вызвала доктора Эндрин, которая после краткого осмотра прописала сильные болеутоляющие таблетки.

Лисбет положила таблетки под язык и, как только ее оставили одну, тут же выплюнула.

Около двух часов ее начало рвать. Около трех часов это повторилось.

В четыре, перед самым уходом доктора Хелены Эндрин, в отделении появился Андерс Юнассон. Они немного посовещались.

– Ее тошнит, и у нее сильные головные боли. Я дала ей дексофен. Просто не понимаю, что с нею творится… В последнее время она активно выздоравливала. Может, это какой-то грипп…

– У нее высокая температура? – спросил доктор Юнассон.

– Нет, час назад было всего тридцать семь и две. С РОЭ ничего серьезного.

– О’кей. Я буду ночью за ней присматривать.

– Я ухожу в отпуск на три недели, – сказала доктор Эндрин. – Тебе или Свантессону придется заняться ею. Но Свантессон ее совсем не знает и дела с ней не имел…

– О’кей. На время твоего отпуска я вызываюсь быть ее лечащим врачом.

– Отлично. Если наступит какой-нибудь кризис и тебе понадобится помощь, естественно, звони.

Они вместе ненадолго зашли в палату Лисбет. Та лежала с несчастным видом, натянув одеяло до кончика носа. Андерс Юнассон положил ей руку на лоб и констатировал, что лоб влажный.

– Думаю, нам придется провести небольшое обследование.

Он поблагодарил доктора Эндрин и пожелал ей приятного вечера.

Около пяти доктор Юнассон обнаружил, что температура у Лисбет подскочила до 37,8, и зафиксировал это в журнале. Он трижды посетил ее за вечер и заметил по журналу, что температура держится на уровне 38 градусов – слишком высоко, чтобы считаться нормальной, и слишком низко, чтобы создавать серьезную проблему. Около восьми часов он распорядился сделать ей рентген головы.

Получив рентгеновские снимки, Андерс Юнассон их внимательно изучил. Ничего негативного он не увидел, но констатировал наличие едва заметного затемнения в непосредственной близости от пулевого отверстия. После этого доктор Юнассон записал в ее журнале обтекаемую и ни к чему не обязывающую формулировку:

«Рентгеновское обследование не дает оснований для определенных выводов, но состояние пациентки в течение дня явно ухудшилось. Не исключено, что имеется небольшое кровоизлияние, которого не видно на рентгеновских снимках. В ближайшее время пациентке необходим покой и

постоянное наблюдение».

В среду Эрика Бергер пришла на работу в половине седьмого утра. В почтовом ящике у нее накопились двадцать три электронных сообщения.

Отправителем одного из них значился «redaction-sr@sverigesradio.com». Короткий текст содержал одно-единственное слово:

ШЛЮХА

Эрика вздохнула и уже подняла указательный палец, чтобы стереть сообщение, но в последний момент передумала. Она перелистала входящие письма и открыла сообщение, пришедшее два дня назад. Отправителем тогда числился «centralred@smpost.se».

Ничего себе. Два письма со словом «шлюха», отправленными фиктивными представителями массмедиа.

Эрика открыла новую папку, назвав ее «МедиаПсих» и перебросила в нее оба сообщения. Потом приступила к изучению утренней подборки новостей из отдела информации.

Йоран Мортенссон вышел из дома в 7.40 утра, сел в «вольво» и отправился в сторону Сити, а потом свернул через острова Стура Эссинген и Грёндаль в район Сёдермальма. Проехав по Хурнсгатан, он направился к Бельмансгатан, завернул налево, на Тавастгатан возле паба «Бишопс армз» и припарковался прямо на углу.

Монике Фигуэроле повезло, как может повезти только дуракам. Как только она подъехала к пабу, от него отъехал фургон, и у тротуара на Бельмансгатан образовалось свободное место, так что она встала носом прямо к перекрестку Бельмансгатан и Тавастгатан. Отсюда, с возвышения перед пабом, открывался исключительный обзор. Ей был виден кусочек заднего стекла машины Мортенссона, стоящей на Тавастгатан. Прямо перед ней, на крутом спуске к переулку Прюссгренд, находился дом с адресом Бельмансгатан, 1. Фасад она видела сбоку и, соответственно, подъезд был ей не виден, но как только кто-нибудь выходил на улицу, Моника это фиксировала. Ей было абсолютно понятно, какая надобность привела Мортенссона в данный район.

В этом доме жил Микаэль Блумквист.

Моника Фигуэрола должна была признать, что район вокруг Бельмансгатан, 1 категорически неудобен для слежки. За расположенным в «котловане» подъездом напрямую можно наблюдать лишь с пешеходного

прохода и мостика, перекинутого через Бельмансгатан, возле старого подъемника Мариахиссен и зданием Мэларпалатсет. Там нет места для парковки, а на пешеходном мостике наблюдатель будет открыт всем взорам, как ласточка на старых телефонных проводах. Место у перекрестка Бельмансгатан и Тавастгатан, где припарковалась Моника, было в принципе единственным, откуда она, сидя в машине, могла иметь полный обзор, но вместе с тем и ее саму, сидящую в машине, внимательный наблюдатель вполне мог с легкостью заметить.

Фигуэрола оглянулась. Выходить из машины и прогуливаться ей не хотелось – она знала, что сразу привлечет к себе внимание. Ее примечательная внешность всегда мешала ее работе в полиции.

Микаэль Блумквист вышел из подъезда в 9.10. Моника записала время. Окинув взглядом пешеходный мостик над началом Бельмансгатан, журналист двинулся в гору, как раз в ее сторону.

Фигуэрола вытащила и развернула на пассажирском сиденье карту Стокгольма. Потом открыла блокнот, достала из кармана ручку, взяла мобильный телефон и притворилась, что разговаривает. Голову она склонила так, чтобы рука закрывала часть лица.

Она видела, как Микаэль Блумквист бросил беглый взгляд на Тавастгатан. Он знал, что за ним следят, и не мог не заметить машину Мортенссона, но пошел дальше, не проявив к ней никакого интереса.

Действует спокойно и хладнокровно. А кое-кто мог бы распахнуть дверцу машины и задать трепку водителю…

Через секунду он оказался в нескольких шагах от ее машины. И хотя Моника была полностью погружена в поиски какого-то адреса на карте Стокгольма, одновременно разговаривая по телефону, она почувствовала, что Микаэль Блумквист, проходя мимо, на нее посмотрел.

С подозрением относится ко всему, что находится поблизости.

В зеркало заднего вида с пассажирской стороны она могла наблюдать, как его силуэт удаляется по направлению к Хурнсгатан. Фигуэрола пару раз видела Блумквиста по телевизору, но живьем встречала впервые. На нем были синие джинсы, футболка и серый пиджак, на плече висела сумка. Шел он широкими шагами, пружинистой походкой. Довольно эффектный мужчина.

На углу, возле паба, появился Йоран Мортенссон и проследил взглядом за Микаэлем Блумквистом. Через плечо у него висела солидных размеров спортивная сумка, и он как раз заканчивал разговаривать по мобильному телефону.

Фигуэрола ожидала, что он последует за объектом, но, к ее удивлению,

он перешел через улицу прямо перед ее машиной, свернул налево и стал спускаться со склона к подъезду Микаэля. В следующую секунду мимо машины Моники прошел мужчина в синем комбинезоне и присоединился к Мортенссону.

Эй, а ты откуда взялся?

Они остановились прямо у подъезда Микаэля Блумквиста. Мортенссон набрал код, и оба скрылись за дверью.

Собираются проверить квартиру. Вечер актеров-любителей… Ни черта себе, он хоть понимает, во что он ввязался?

Потом Моника подняла взгляд к зеркалу заднего вида и вздрогнула от изумления, вновь увидев Микаэля Блумквиста. Он вернулся обратно и стоял метрах в десяти позади нее, достаточно близко, чтобы проследить за Мортенссоном и его сообщником с верхушки крутого спуска к дому № 1 по Бельмансгатан. Моника посмотрела на его лицо. На нее он не глядел, зато явно видел, как Йоран Мортенссон скрылся в подъезде. Почти сразу после этого Блумквист развернулся и продолжил путь в сторону Хурнсгатан.

Полминуты Фигуэрола просидела неподвижно.

Он знает, что за ним следят. Держит ситуацию под контролем. Но почему он ничего не предпринимает? Нормальный человек задал бы им трепку… Видимо, он что-то замышляет.

Микаэль Блумквист положил телефонную трубку и задумчиво посмотрел на блокнот, лежащий на письменном столе. Из государственного реестра транспортных средств он только что узнал, что машина с блондинкой, которую он видел на Бельмансгатан, принадлежит некой Монике Фигуэрола, 1969 года рождения, проживающей на Понтоньергатан, на острове Кунгсхольмен. Поскольку в машине сидела женщина, Микаэль мог предположить, что это была сама Фигуэрола.

Она говорила по мобильному телефону, сверяясь с развернутой на пассажирском сиденье картой. Микаэль не имел никаких оснований полагать, что она как-то связана с делом Залаченко, но регистрировал любые подозрительные детали вокруг себя и особенно рядом со своим домом.

Он вышел из оцепенения и громко позвал Лотту Карим.

– Кто эта девушка? Раздобудь ее паспортную фотографию, узнай, где она работает, и собери все, что сможешь о ней найти.

– О’кей, – сказала Лотта и вернулась обратно за свой письменный стол.

Кристер Сельберг, начальник финансового отдела «Свенска

моргонпостен», выглядел растерянным. Он отложил в сторону лист формата А4 с девятью краткими пунктами, подготовленными Эрикой Бергер к еженедельному совещанию бюджетной комиссии.

Финансовый директор Ульф Флудин казался озабоченным.

А лицо председателя правления Боргшё, как обычно, не выражало никаких эмоций.

– Это невозможно, – с любезной улыбкой заявил Сельберг.

– Почему же? – поинтересовалась Эрика.

– Правление никогда на такое не пойдет. Это противоречит здравому смыслу.

– Давайте вернемся к началу, – предложила Бергер. – Меня взяли на работу для того, чтобы вновь сделать газету прибыльной. Для этого мне нужны какие-то активы. Так ведь?

– Да, но…

– Я не могу издавать ежедневную газету, сидя в стеклянной клетке и гадать на кофейной гуще.

– Неужели вы не понимаете? Экономические реалии держат нас в рамках.

– Возможно, не понимаю. Зато я разбираюсь в том, как делать газеты. А реальность такова, что за последние пятнадцать лет штат «Свенска моргонпостен» сократился в целом на сто восемнадцать человек. Предположим, что половину заменили за счет новой техники и прочее, но количество пишущих тексты репортеров уменьшилось за это время на целых сорок восемь человек.

– Мы были вынуждены произвести эти сокращения. Иначе газету давно бы пришлось закрыть.

– Пока еще преждевременно утверждать, что вынужденно, а что нет. За последние три года сократили восемнадцать репортерских ставок. Кроме того, на сегодня целых девять ставок в «Свенска моргонпостен» вакантны и в какой-то степени покрываются временными сотрудниками. Спортивной редакции катастрофически не хватает персонала. Там должно быть девять сотрудников, а уже более года две ставки никем не заняты.

– Нам приходится экономить средства, только и всего.

– В отделе культуры не занято три ставки. В экономической редакции не хватает одной ставки. Юридической редакции практически не существует – там у нас имеется только руководитель, который на каждое задание отправляет репортеров из общей редакции. И так далее. Газета всерьез не отслеживает деятельность государственных управлений и ведомств как минимум лет восемь. И по этой части мы пребываем в полной

зависимости от внештатных работников и материалов Телеграфного агентства. А как вам известно, Телеграфное агентство уже много лет назад упразднило у себя соответствующую редакцию. Иными словами, в Швеции не существует ни одной печатной структуры, которая освещает деятельность государственных управлений и ведомств.

– Газетная индустрия оказалась в незавидной ситуации…

– Но реальность такова, что «Свенска моргонпостен» либо следует немедленно закрыть, либо правление должно перейти к решительным действиям. У нас сегодня не хватает сотрудников, и им приходится ежедневно создавать по много текстов. Статьи получаются убогие, поверхностные и недостоверные. Следовательно, народ просто перестанет читать «Свенска моргонпостен».

– Вы не понимаете того…

– Я устала слушать, что я чего-то не понимаю. Я не какая-нибудь ученица на курсах повышения квалификации, и я нахожусь здесь не ради забавы.

– Но мы не можем принять ваше предложение.

– Почему же?

– Если мы последуем вашему рецепту, то газета перестанет приносить прибыль.

– Послушайте, Сельберг! Вы собираетесь в этом году раздать двадцати трем акционерам газеты огромную сумму в качестве дивидендов. Плюс еще совершенно нелепые бонусы девяти членам правления, которые обойдутся «Свенска моргонпостен» почти в три миллиона крон. Себе самому вы начислили бонус – четыреста тысяч крон – в качестве вознаграждения за то, что провели сокращения в «Свенска моргонпостен». Разумеется, это не такой огромный кусок, какой отхватывают себе некоторые директора «Скандии», но с моей точки зрения вы не стоите ни единого эре. Бонус надо выплачивать, когда вы сделаете что-нибудь такое, что укрепит газету. А ваши сокращения на самом деле ослабляют «Свенска моргонпостен» и углубляют кризис.

– Это крайне несправедливо. Правление одобрило все предложенные мною меры.

– Правление одобряло ваши меры, поскольку вы гарантировали распределение дивидендов. С этим надо немедленно покончить.

– Значит, вы на полном серьезе предлагаете, чтобы правление отменило все выплаты дивидендов и бонусов? Неужели вы считаете, что держатели акций пойдут на такие меры?

– Я предлагаю объявить этот год годом нулевой прибыли. Это даст

экономию почти в двадцать один миллион крон и возможность укрепить персонал и экономическое положение «Свенска моргонпостен». Предлагаю также снизить зарплату руководителям. Моя зарплата – восемьдесят восемь тысяч крон, что является чистым безумием для газеты, которая не может позволить себе даже заполнить штат спортивной редакции.

– То есть вы хотите снизить собственную зарплату? Вы ратуете за своего рода коммунизм в области оплаты труда?

– Не говорите ерунды. Вы, с учетом годового бонуса, получаете сто двенадцать тысяч крон в месяц. Это ненормально. Если б газета находилась в стабильном положении и приносила громадную прибыль, вы вполне могли бы раздавать какие угодно бонусы. Но сейчас вам не время раздавать себе бонусы. Я предлагаю наполовину сократить зарплату всем руководителям.

– Вы не понимаете, что наши акционеры хотят зарабатывать деньги. Это называется капитализмом. Если вы предложите им терять деньги, они больше не захотят быть акционерами.

– Я не предлагаю им терять деньги, но дело вполне может дойти и до этого. Собственность подразумевает ответственность. Как вы справедливо отметили, речь идет о капитализме. Владельцы «Свенска моргонпостен» хотят иметь прибыль. Но правила игры таковы, что рынок решает, когда будет прибыль или убыток. Согласно вашим рассуждениям, вы хотите, чтобы правила капитализма касались сотрудников «Свенска моргонпостен» избирательно, не затрагивая акционеров и лично вас.

Сельберг вздохнул и закатил глаза. Он в растерянности попытался встретиться взглядом с Боргшё, но тот задумчиво изучал состоявшую из девяти пунктов программу Эрики Бергер.

Моника Фигуэрола ждала целых сорок девять минут.

Наконец Йоран Мортенссон с неизвестным мужчиной вышли из подъезда дома номер один по Бельмансгатан. Когда они двинулись в верх, в ее направлении, она приподняла камеру «Никон» с телеобъективом 300 миллиметров и сделала два снимка. Затем, убрав камеру в бардачок, вновь обратилась к карте, но случайно бросила взгляд в сторону старого подъемника Мариахиссен и вытаращила глаза от удивления. На краю верхнего яруса Бельмансгатан, рядом с входом в Мариахиссен, стояла темноволосая женщина и цифровой камерой снимала Мортенссона с сообщником.

Какого черта… Неужели на Бельмансгатан шпионы проводят свою конференцию?

Мортенссон с незнакомцем расстались на вершине горы, они даже не обменялись ни единым словом. Мортенссон направился к своей машине на Тавастгатан, завел мотор, выехал и исчез из поля зрения Моники Фигуэролы.

Она перевела взгляд на зеркало заднего вида и увидела спину мужчины в комбинезоне. Потом подняла взгляд и увидела, что женщина с камерой закончила снимать и направляется в ее сторону.

Орел или решка?

Про Йорана Мортенссона Моника уже знала, кто он такой и чем занимается. Мужчина в комбинезоне и женщина с камерой были темными лошадками. Но если бы она вышла из машины, то рисковала попасть в поле зрения женщины с камерой.

Моника продолжала сидеть на месте. В зеркало заднего вида она наблюдала, как мужчина в комбинезоне свернул налево, на Бреннчюркагатан. Она дождалась, пока женщина с камерой дойдет до расположенного прямо перед ней перекрестка, но, вместо того чтобы последовать за мужчиной в комбинезоне, та развернулась на 180 градусов и двинулась вниз, к Бельмансгатан, 1.

Фигуэрола увидела женщину лет тридцати пяти, с темными, коротко стриженными волосами, в темных джинсах и черной куртке. Как только она немного спустилась с горы, Моника распахнула дверцу машины и побежала к Бреннчюркагатан. Мужчины в комбинезоне видно не было. В следующую секунду от тротуара отъехал фургон «тойота». Фигуэрола увидела мужчину в полупрофиль и запомнила номер машины. Даже если бы она и не запомнила номер, мужчину все равно удалось бы отследить: по бокам фургона располагался рекламный баннер «Ларс Фаульссон. Замки и ключи», и рядом – номер телефона.

Моника не бросилась бегом к машине, чтобы последовать за «тойотой», а пошла обратно спокойно и поднялась на гору как раз вовремя, чтобы увидеть, как женщина с камерой заходит в подъезд Микаэля Блумквиста.

Сев в машину, Фигуэрола записала номер фургона и телефона фирмы Ларса Фаульссона, потом почесала в затылке. Вокруг места, где живет Микаэль Блумквист, сгущается какая-то мистика. Моника подняла взгляд и посмотрела на крышу его дома. Она уже знала, что квартира располагается в мансарде, но по чертежам из городского управления жилищного строительства установила, что она находится с другой стороны дома и выходит окнами на пролив Риддарфьерден и Старый город. Эксклюзивное место жительства в знаменитом старинном квартале. Может, он хвастливый

выскочка?

Через девять минут женщина с камерой вышла из подъезда. Вместо того чтобы снова подняться в гору, к Тавастгатан, она продолжила спускаться и свернула направо в переулок Прюссгренд.

Если у нее там припаркована машина, все пропало. Если же она пойдет пешком, то выйти из «котлована» сможет только одним путем – поднявшись по Бреннчюркагатан, около переулка Пустегренд, ближе к Шлюзу.

Фигуэрола вышла из машины, свернула налево по Бреннчюркагатан в сторону Шлюза. Она уже почти дошла до Пустегренд, когда ей навстречу вывернула женщина с камерой. Удача. Моника проследовала за ней мимо отеля «Хилтон» к площади Сёдермальмсторг, перед Городским музеем, возле Шлюза. Женщина спешила и не смотрела по сторонам. Фигуэрола держалась метров на тридцать сзади. У Шлюза женщина зашла в вестибюль метро, и Моника ускорила шаг, но остановилась, увидев, что та вместо дверей метро вошла в газетный киоск.

Пока женщина стояла в очереди, Фигуэрола ее разглядывала. Около 170 сантиметров ростом, на вид довольно спортивная. Обута в кроссовки. Когда она встала перед продавцом, у Моники вдруг возникло ощущение, что перед ней сотрудник полиции. Женщина купила коробочку жевательного табака Catch Dry, вышла обратно на площадь Сёдермальмсторг и свернула направо, перейдя через улицу Катаринавеген.

Фигуэрола двинулась следом. Она была почти уверена, что женщина ее не заметила. Та скрылась за углом, и Моника поспешила за ней, отставая метров на сорок.

Завернув за угол, она обнаружила, что женщина бесследно исчезла. Моника остановилась в полной растерянности. Дьявол. Она медленно пошла мимо ворот, потом ее взгляд упал на вывеску. «Милтон секьюрити».

Фигуэрола кивнула сама себе и вернулась обратно на Бельмансгатан.

Она поехала на Гётгатан, где располагалась редакция «Миллениума», и следующие полчаса кружила по улицам вокруг редакции, но машины Мортенссона так и не увидела. К обеду Моника вернулась в полицейское управление и следующие полчаса провела в спортзале, занимаясь силовыми упражнениями.

– У нас возникла проблема, – сказал Хенри Кортес.

Малин Эрикссон и Микаэль Блумквист оторвали взгляды от досье на Залаченко. Была половина второго дня.

– Садись, – сказала Малин.

– Речь идет о фирме «Витавара АБ», которая производит унитазы во Вьетнаме и продает их по тысяче семьсот крон за штуку.

– Вот как… В чем же состоит проблема? – поинтересовался Микаэль.

– Фирма «Витавара АБ» оказалась дочерним предприятием компании «СвеаБюгг АБ».

– Вот оно что. Это ведь довольно крупная компания.

– Да. Председателя правления зовут Магнус Боргшё, и он председатель-профессионал. Он, в частности, является также председателем правления «Свенска моргонпостен» и владеет примерно десятью процентами акций «Свенска моргонпостен».

Микаэль внимательно посмотрел на Хенри Кортеса.

– Ты уверен?

– Уверен. Шеф Эрики Бергер – отпетый мерзавец, использующий во Вьетнаме детский труд.

– Вот это да, – произнесла Малин Эрикссон.

Около двух часов дня ответственный секретарь редакции Петер Фредрикссон постучался в стеклянную клетку Эрики Бергер. Он явно был чем-то расстроен.

– В чем дело?

– Мне немного неловко. Одна из сотрудниц редакции получила от вас сообщения.

– От меня?

– Вот именно.

– И что же?

Он протянул ей несколько листов формата А4 с распечаткой электронных сообщений, адресованных Эве Карлссон, двадцатишестилетней временной сотруднице отдела культуры. Отправителем значилась «erikaberger@smpost.se».

> *Эва, любимая. Я хочу ласкать тебя и целовать твою грудь. Страсть переполняет меня, и я ничего не могу с собой поделать. Прошу тебя ответить на мои чувства. Мы можем встретиться? Эрика.*

Эва Карлссон не ответила на первый мейл.

В последующие дни она получила еще два послания.

> *Дорогая, любимая Эва. Умоляю, не отвергай меня. Я*

буквально схожу с ума от желания. Хочу видеть тебя обнаженной. Ты должна стать моей. Тебе будет со мной хорошо. Ты не пожалеешь. Я покрою поцелуями каждый сантиметр твоей обнаженной кожи, твою прекрасную грудь, твою нежную пещеру. Эрика.

Эва. Почему ты не отвечаешь? Не бойся меня. Не отталкивай меня. Ты ведь уже не невинна и понимаешь, о чем идет речь. Я хочу заниматься с тобой сексом и щедро тебя вознагражу. Если ты будешь добра ко мне, то и я отплачу тебе добром. Ты спрашивала о возможности продления работы в газете. В моей власти ее продлить и даже превратить временную ставку в постоянную. Давай встретимся сегодня вечером в 21.00 в гараже, около моей машины. Твоя Эрика.

– Вот оно что, – сказала Эрика Бергер. – И ее, конечно, интересует, действительно ли я пристаю к ней с этими непристойными предложениями?

– Не совсем… Я хочу сказать…

– Петер, выкладывайте начистоту.

– Она, похоже, не поверила в то, что вы автор первого мейла. Во всяком случае, она очень удивилась. Но потом решила, что это полная чушь и не в вашем стиле, и теперь…

– И теперь?

– Она считает ситуацию крайне щепетильной и не знает, что ей делать. К тому же она вам симпатизирует, вы ей нравитесь… как руководитель. Поэтому она и пришла ко мне за советом.

– Понятно. И что вы ей сказали?

– Я сказал, что кто-то подделал ваш адрес и теперь преследует ее. Или, возможно, вас обеих. И я обещал поговорить с вами.

– Спасибо. Будьте добры, пришлите ее ко мне через десять минут.

Эрика принялась составлять текст совершенно особого сообщения.

Я вынуждена информировать вас об инциденте. Один из сотрудников «Свенска моргонпостен» получил по электронной почте несколько писем, отправленных от моего имени и содержащих грубые сексуальные домогательства. Лично я тоже получила сообщения вульгарного содержания от отправителя, использующего адрес «Свенска моргонпостен», который

начинается на «centralred». В «Свенска моргонпостен», как известно, такого адреса не существует.

Я проконсультировалась с начальником технического отдела. Он сообщил, что адрес отправителя легко подделать. Как именно это делается, я не имею понятия, но в Интернете якобы имеются сайты, позволяющие фальсифицировать мейлы. Я с сожалением вынуждена констатировать, что подобному занятию предается какой-то психопат.

Я хочу знать, не получал ли еще кто-нибудь из сотрудников подобные электронные послания. В таком случае прошу незамедлительно обратиться к ответственному секретарю редакции Петеру Фредрикссону. Если подобные шутки будут продолжаться, нам придется заявить обо всем в полицию.

Эрика Бергер, главный редактор

Она распечатала один экземпляр, а затем отослала мейл коллективной рассылкой всем сотрудникам концерна «Свенска моргонпостен».

В ту же минуту в дверь постучала Эва Карлссон.

– Здравствуйте, садитесь, – сказала Эрика. – Я слышала, что вы получили от меня электронные письма.

– Ой, я и не думала, что их посылали вы.

– Тридцать секунд назад вы, во всяком случае, получили письмо от меня. Это сообщение я написала собственноручно и разослала всем сотрудникам.

Она протянула Эве Карлссон распечатанную копию.

– О’кей. Я понимаю, – сказала та.

– Я сожалею, что кто-то избрал вас мишенью для этой недостойной кампании.

– Вы не должны просить прощения за трюки какого-то психопата.

– Мне просто хочется убедиться в том, что вы больше не считаете, будто я имею отношение к этим письмам.

– А я вовсе и не думала, что их посылаете вы.

– Что ж, и на том спасибо, – улыбнулась Эрика.

Остаток дня Моника Фигуэрола посвятила сбору информации. Для начала она заказала паспортную фотографию Ларса Фаульссона, чтобы убедиться, что именно его видела в компании Йорана Мортенссона. Потом

заглянула в реестр осужденных за уголовные преступления – и сразу получила результат.

Ларс Фаульссон, сорока семи лет, известный под кличкой Фалун, начинал свою карьеру в семнадцатилетнем возрасте с угона автомобилей. В 1970-х и 1980-х годах его дважды арестовывали и осуждали за кражи со взломом и за сбыт краденого. В первый раз Фаульссона приговорили к небольшому тюремному заключению, а во второй раз – к трем годам тюрьмы. В то время его считали *up and coming*[57] – восходящей звездой криминальной среды, и он допрашивался по подозрению еще как минимум в трех преступлениях, одним из которых было довольно запутанное и получившее широкую огласку ограбление сейфа в универмаге Вестероса. Выйдя на свободу в 1984 году, он взялся за ум – или, по крайней мере, не совершал больше преступлений, за которые его арестовывали бы и выносили бы приговор. Фалун переквалифицировался в слесаря-специалиста по замкам и в 1987 году основал собственную фирму «Ларс Фаульссон. Замки и ключи», зарегистрированную по одному из адресов на площади Норртулль.

Установить личность неизвестной женщины, фотографировавшей Мортенссона с Фаульссоном, оказалось проще, чем предполагала Моника. Она просто позвонила в службу информации «Милтон секьюрити» и объяснила, что ищет их сотрудницу, с которой какое-то время назад встречалась, но забыла, как ее зовут. Зато она могла ее подробно описать. Монике сообщили, что это похоже на Сусанн Линдер, и переключили телефон на нее. Когда Сусанн Линдер ответила, Фигуэрола извинилась, сказав, что, вероятно, ошиблась номером, и повесила трубку.

Она заглянула в реестр записи актов гражданского состояния и выяснила, что в Стокгольмском лене имеется восемнадцать женщин по имени Сусанн Линдер. Три из них находились в возрасте тридцати пяти лет. Одна проживала в Норртелье, одна – в Стокгольме и одна – в Накке. Моника заказала их паспортные фотографии и сразу определила, что та Сусанн Линдер, которую она видела на Бельмансгатан и за которой шла по пятам, была зарегистрирована в Накке.

Наконец она подвела итоги работы за день в служебной записке и отправилась к Торстену Эдклинту.

Около пяти часов Микаэль Блумквист поморщился и отодвинул от себя папку с материалами Хенри Кортеса. Кристер Мальм уткнулся в распечатку статьи Хенри – он прочитал ее уже четыре раза. Сам Кортес сидел на диване в кабинете Малин Эрикссон, изображая жертву.

– Кофе, – сказала Малин и поднялась.

Вскоре она вернулась с четырьмя кружками и кофейником.

Микаэль вздохнул.

– Статья просто чертовски хороша, – сказал он. – Первоклассное исследование, все подтверждено документами. Отличная драматургия, главный герой – *bad guy,* который всю дорогу надувает честных шведских квартиросъемщиков, впрочем, не нарушая букву закона, но настолько жаден и туп, что размещает заказы во Вьетнаме на предприятии, использующем детский труд.

– К тому же статья хорошо написана, – добавил Мальм. – На следующий день после того, как мы ее опубликуем, Боргшё станет персоной нон грата в шведской экономике. Телевидение ухватится за этот текст, и Боргшё займет достойное место рядом с директорами «Скандии» и другими аферистами. Настоящая горячая новость от «Миллениума». Хенри, ты просто молодец.

Микаэль кивнул.

– И все же ситуация с Эрикой – настоящая ложка дегтя в бочке с медом, – сказал он.

Кристер кивнул.

– А в чем, собственно, проблема? – спросила Малин. – Ведь не Эрика занимается аферами. Мы имеем полное право заинтересоваться деятельностью любого председателя правления, даже если он, по чистой случайности, является ее начальником.

– В том-то и дело, что это очень серьезная проблема, – сказал Микаэль.

– Эрика Бергер никуда отсюда не ушла, – продолжил Мальм. – Она владеет тридцатью процентами «Миллениума» и до сих пор заседает у нас в правлении. К тому же является председателем до тех пор, пока мы на следующем собрании правления не изберем Харриет Вангер, а это будет не раньше августа. Эрика работает в «Свенска моргонпостен», где она тоже входит в правление… И именно их председателя мы собираемся пригвоздить к позорному столбу.

Повисла мрачная тишина.

– Что же нам, черт возьми, делать? – спросил Хенри. – Снимать статью?

Микаэль посмотрел Кортесу прямо в глаза.

– Нет, Хенри. Мы не будем снимать статью. Мы в «Миллениуме» не привыкли пасовать перед трудностями. Но нам придется заняться кое-какой черной работой. Мы не можем просто так взять и ошарашить Эрику своей публикацией.

Мальм кивнул и поднял палец.

– Мы ставим Эрику перед жестким выбором. Ей придется либо продавать акции и немедленно уходить из правления «Миллениума», либо, при самом худшем раскладе, она потеряет работу в «Свенска моргонпостен». В любом случае она окажется перед неразрешимым конфликтом интересов. Честно говоря, Хенри… Я согласен с Микаэлем, что мы должны опубликовать статью, но возможно, нам придется передвинуть ее в следующий номер.

Блумквист кивнул.

– Поскольку мы тоже оказались перед трудным выбором, – сказал он.

– Хотите, я ей позвоню? – предложил Кристер.

– Нет, – ответил Микаэль. – Я сам ей позвоню и договорюсь о встрече. Скажем, сегодня вечером.

Торстен Эдклинт внимательно слушал Монику Фигуэролу. Она описывала цирковое шоу, которое развернулось вокруг дома Микаэля Блумквиста на Бельмансгатан. Он почувствовал, что почва потихоньку начинает ускользать у него из-под ног.

– Значит, сотрудник ГПУ/Без вошел в подъезд Микаэля Блумквиста вместе с бывшим взломщиком сейфов, который переквалифицировался в слесаря – специалиста по замкам…

– Именно так.

– И что же они делали на лестнице, по-твоему?

– Я этого не знаю. Но они отсутствовали целых сорок девять минут. Можно, разумеется, предположить, что Фаульссон вскрыл дверь и Мортенссон провел это время в квартире Блумквиста.

– А что они там, по-твоему, могли бы делать?

– Если б они устанавливали подслушивающую аппаратуру, то на это понадобилась бы всего минута. Значит, Мортенссон, вероятно, рылся в бумагах Блумквиста. Или искал еще что-то, что держится дома.

– Но ведь Блумквист уже предупрежден… Они ведь уже украли у него из дома отчет Бьёрка.

– В том-то и дело. Журналист знает, что за ним следят, а теперь и сам следит за своими преследователями. Он держится очень хладнокровно.

– Что ты имеешь в виду?

– Блумквист явно что-то замышляет. Он собирает информацию и намерен предать действия Йорана Мортенссона огласке. Это единственное объяснение.

– А потом появилась эта Линдер…

– Сусанн Линдер, тридцать четыре года, проживает в Накке. Раньше работала в полиции.

– В полиции?

– Она окончила школу полиции и шесть лет проработала в группе Сёдермальма. Потом внезапно уволилась, без видимых причин. Несколько месяцев оставалась безработной, а потом поступила в «Милтон секьюрити».

– Драган Арманский, – задумчиво сказал Эдклинт. – Сколько времени она провела в доме?

– Девять минут.

– И чем она занималась?

– Я могу только предполагать. Раз она фотографировала Мортенссона с Фаульссоном, то, скорее всего, собирает на них компромат. Это означает, что охранное предприятие «Милтон секьюрити» сотрудничает с Блумквистом и установило камеры наблюдения у него в квартире или на лестнице. Возможно, она заходила, чтобы снять с камер информацию.

Эдклинт вздохнул. История Залаченко казалась ему чересчур запутанной и начинала его раздражать.

– Ладно. Спасибо. Иди домой. Мне надо это обдумать.

Моника Фигуэрола отправилась в тренажерный зал на площади Сант-Эриксплан и занялась спортом.

Микаэль Блумквист позвонил Эрике Бергер в «Свенска моргонпостен» с синего резервного телефона Т10.

В этот момент Эрика проводила совещание, на котором обсуждала с редакторами, как подавать статью о международном терроризме.

– Привет! Подожди секунду… – Она прикрыла трубку рукой и огляделась. – Думаю, мы все обсудили.

Оставшись в стеклянной клетке одна, Бергер вернулась к разговору с Микаэлем.

– Привет, Микаэль. Прости, что не сразу отвечаю. У меня работы выше крыши, мне приходится вникать в тысячу вещей…

– Я тоже, собственно, не сижу сложа руки, – сказал Микаэль.

– Как продвигается история Саландер?

– Все хорошо. Но я звоню не по этому поводу. Мне нужно с тобой встретиться. Сегодня вечером.

– Я бы с удовольствием, но мне придется торчать тут до восьми. И я смертельно устала. Я на ногах уже с шести утра.

– Рикки… Сейчас речь идет не о наших сексуальных играх. Мне

необходимо с тобой поговорить. Это важно.

Эрика на секунду замолчала.

– В чем дело?

– Ничего хорошего. Но поговорим при встрече.

– О’кей. Я буду у тебя дома около половины девятого.

– Нет, не у меня дома. Это долгая история, но моя квартира еще какое-то время будет на карантине. Приходи в «Котелок Самира», выпьем пива.

– Я за рулем.

– Хорошо. Тогда выпьем легкого пива.

В половине девятого в кафе Эрика Бергер зашла в кафе «Котелок Самира». Она была раздражена, ибо не могла себе простить, что ни разу даже не позвонила Микаэлю с того дня, как ушла в «Свенска моргонпостен». Но она никогда не чувствовала себя настолько заваленной делами, как сейчас.

Микаэль Блумквист уже сидел за столиком в углу. Он помахал ей рукой. Увидев его, Эрика застыла. На секунду Микаэль показался ей чужим, и она почувствовала, что смотрит на него другими глазами.

Кто это?.. Господи, как я устала…

Потом он встал и поцеловал ее в щеку. До нее наконец дошло, что несколько недель она даже не вспоминала о нем и безумно по нему соскучилась. Неужели все, что с ней происходило в «Свенска моргонпостен», ей просто приснилось и она сейчас проснется на своем диване в «Миллениуме»? Просто невероятно.

– Привет, Микаэль!

– Привет, шеф-редактор. Ты голодна?

– На часах половина девятого. У меня другая система питания.

Но потом Эрика все же обнаружила, что смертельно голодна. Самир принес им меню, и она заказала легкое пиво и маленькую порцию кальмаров с ломтиками картошки. Микаэль заказал себе кус-кус и тоже легкое пиво.

– Ну, и как ты поживаешь? – спросила она.

– Наступили драматические времена. Я по горло завален работой.

– Как дела с Саландер?

– Она – тоже часть моей работы.

– Микке, ты не бойся, я не собираюсь никому выдавать твои секреты.

– Прости, что отвечаю так уклончиво. Понимаешь, я и сам во многом еще не разобрался. Я бы с удовольствием рассказал тебе, но на это уйдет полночи… Как тебе живется в роли шефа «Свенска моргонпостен»?

– Ну, уж точно не так, как в «Миллениуме».

Она немного помолчала.

– Приходя домой, я засыпаю, как свеча, которую загасили. А когда просыпаюсь, у меня перед глазами маячат бюджеты и калькуляции. Мне очень тебя не хватает. Может, пойдем к тебе домой и поспим? На секс у меня нет сил, но я бы с удовольствием свернулась и уснула у тебя под боком.

– Прости, Рикки. Но моя квартира сейчас – не лучшее место.

– Почему? Что-нибудь случилось?

– Ну да. Одна команда установила у меня в квартире жучки и прослушивает каждое мое слово. А я установил камеры скрытого наблюдения, и они показывают, что происходит, когда меня нет дома. Думаю, нам не стоит демонстрировать всему миру твою голую попу.

– Ты шутишь?

Блумквист покачал головой.

– Нет. Но я хотел с тобою встретиться вовсе не из-за этого.

– Что случилось? У тебя такой испуганный вид…

– Ну… Ты перешла в «Свенска моргонпостен». А мы в «Миллениуме» раскопали материал, который потопит твоего председателя правления. Он, видишь ли, причастен к использованию труда детей и политзаключенных во Вьетнаме. Словом, у нас с тобой намечается конфликт интересов.

Эрика отложила вилку и пристально посмотрела на Микаэля. Она сразу поняла, что он не шутит.

– Дело вот в чем, – сказал Блумквист. – Боргшё – председатель правления и мажоритарный акционер компании под названием «СвеаБюгг», которой, в свою очередь, полностью принадлежит дочерняя фирма «Витавара АБ». Они производят унитазы во Вьетнаме, на предприятии, которое значится в ООН как предприятие, использующее детский труд.

– Повтори, пожалуйста.

Микаэль в деталях пересказал статью Хенри Кортеса, затем открыл рюкзак и вытащил копии документов. Эрика внимательно прочла статью Кортеса, потом подняла взгляд и посмотрела Микаэлю в глаза. Ее охватила безотчетная паника пополам с недоверием.

– Но почему сразу после моего ухода «Миллениум» начал доскональную проверку членов правления «Свенска моргонпостен»?

– Рикки, это не так.

Он объяснил, откуда взялся этот материал.

– И давно ты об этом знаешь?

– С сегодняшнего дня. Хотя мне все это не по душе.

– И какие у вас планы?

– Не знаю. Но мы будем публиковать статью. Мы не можем сделать исключение только потому, что речь идет о твоем шефе. Хотя никто из нас не хочет навредить тебе.

Он развел руками.

– Мы просто в отчаянии. Особенно Хенри.

– Я ведь по-прежнему вхожу в правление «Миллениума». Я – совладелец… Это будет воспринято как…

– Я знаю, как это будет воспринято. В «Свенска моргонпостен» тебя просто смешают с дерьмом.

Эрика почувствовала, что буквально валится с ног от усталости. Она сжала зубы, чтобы не поддаться импульсу и не попросить Микаэля не публиковать эту историю.

– Вот черт, проклятье, – произнесла она. – А материал действительно опирается на надежные источники?

Микаэль кивнул.

– Я целый вечер изучал документы Хенри. Так что Боргшё грозит публичный позор.

– Что вы намерены делать?

– А что бы сделала ты, если б мы обнаружили этот материал два месяца назад?

Эрика Бергер внимательно посмотрела на своего друга и любовника, с которым ее связывали двадцать лет жизни и работы. Потом опустила глаза.

– Ты прекрасно знаешь, что бы я сделала.

– Это трагическая случайность. Здесь нет ничего личного, поверь мне. Я и сам очень расстроен. Поэтому и просил тебя о встрече. Нам надо решить, как поступать.

– Нам?

– Дело в том, что… Мы могли бы дать эту статью в июньский номер. Но я ее уже снял. Ее опубликуют не раньше августа. Однако, если тебе потребуется, мы перенесем ее и на попозже.

– Понятно. – В ее голосе чувствовался холодный металл.

– Я предлагаю ничего не решать сегодня вечером. Возьми документы домой и поразмышляй. Ничего не предпринимай, пока мы не выработаем общую стратегию. Времени у нас еще много.

– Общую стратегию?

– Ну да. Тебе придется либо заблаговременно уйти из правления «Миллениума», либо покинуть «Свенска моргонпостен». Но усидеть на

обоих стульях тебе не удастся.

Эрика кивнула.

– Я настолько тесно связана с «Миллениумом», что, сколько бы я ни уходила, никто все равно не поверит, что я не причастна к этому.

– Есть и альтернативный вариант. Ты можешь взять статью для публикации в «Свенска моргонпостен», выступить против Боргшё и потребовать его ухода. Я уверен, что Хенри Кортес не будет возражать. Только абсолютно ничего не предпринимай, пока мы не договоримся.

– Неплохо для начала! Я добьюсь увольнения человека, который пригласил меня на работу…

– Я сожалею.

– Он, кстати, совсем неплохой человек.

Микаэль кивнул.

– Охотно верю. Но он алчный тип.

Эрика кивнула и встала.

– Я поеду домой.

– Рикки, я…

Она не дала ему договорить.

– Прости, я очень устала. Спасибо, что предупредил меня. Мне необходимо все обдумать и понять, что на самом деле произошло.

Микаэль кивнул.

Бергер ушла и даже не поцеловала его в щеку, как обычно. И предоставила ему оплачивать счет самому.

Эрика оставила машину в двух сотнях метров от «Котелка Самира», и на полпути туда почувствовала такое сильное сердцебиение, что была вынуждена остановиться и прислониться к стене возле какого-то подъезда. Ее мутило.

Она стояла довольно долго, вдыхая прохладный майский воздух. Вдруг до нее дошло, что, начиная с первого мая, она работала в среднем по пятнадцать часов в сутки. Уже почти три недели. Интересно, как она будет чувствовать себя через три года? И как чувствовал себя Морандер, когда упал замертво прямо посреди редакции?

Через десять минут она пошла обратно к «Котелку Самира» и столкнулась с Микаэлем – он как раз выходил из дверей. Блумвист остановился как вкопанный.

– Эрика…

– Ничего не говори, Микаэль. Мы с тобой уже такие давние друзья, что ничто не может разрушить нашу дружбу. Ты мой лучший друг, и сейчас

ситуация такая же, как два года назад, когда ты уехал в Хедестад, только наоборот. Я чувствую себя застрессованной и замученной.

Он кивнул и заключил ее в объятия. Она вдруг почувствовала, что на глаза навернулись слезы.

– Три недели в «Свенска моргонпостен» меня уже сокрушили, – сказала она и засмеялась.

– Ну-ну. А, по-моему, сломить Эрику Бергер не так-то легко.

– Твоя квартира под надзором, а я слишком устала, чтобы ехать домой в Сальтшёбаден. Я засну за рулем и разобьюсь. Я только что приняла решение: дойду до гостиницы «Скандик Краун» и сниму номер. Пойдем со мной.

Он кивнул.

– Теперь она называется «Хилтон».

– Мне уже все равно.

Они отправились в гостиницу и по дороге не проронили ни слова. Микаэль обнимал Эрику за плечи. Глядя на него, она отметила, что он устал не меньше ее.

Они подошли прямо к портье, сняли двухместный номер и расплатились кредитной карточкой Эрики. Затем поднялись в номер, разделись, приняли душ и забрались в постель. У Эрики так болели мышцы, будто она пробежала марафонскую дистанцию. Они немного пообнимались и угасли, словно задутые свечки.

Никто из них даже не догадался, что за ними следят, и они не обратили никакого внимания на мужчину, наблюдавшего за ними в холле гостиницы.

Глава 15

Четверг, 19 мая – воскресенье, 22 мая

Бо́льшую часть ночи со среды на четверг Лисбет Саландер читала статьи Микаэля и те главы его книги, которые были уже почти готовы. Поскольку прокурор Экстрём назначил суд на июль, Блумквист решил, что тираж книги должен быть напечатан не позднее двадцатого июня. Это означало, что у Калле Чертова Блумквиста оставался примерно месяц, чтобы завершить книгу и заполнить в тексте все пустоты.

Лисбет не понимала, как он сможет все успеть, но ведь это была его проблема, а не ее. А ее проблема заключалась в том, чтобы решить, как относиться к вопросам, которые он задал.

Она взяла свой «Палм Тангстен Т3», набрала пароль и заглянула на «Stolliga_Bordet» – проверить, не прислал ли он чего-нибудь нового за прошедшие сутки. Убедившись, что нет, Лисбет открыла документ, который Микаэль озаглавил «Главные вопросы». Текст она знала уже почти наизусть, но на всякий случай прочла еще раз.

Он изложил там стратегию, которую ей уже объясняла Анника Джаннини. Когда адвокат разговаривала с нею, Лисбет слушала довольно рассеянно и отстраненно, словно это касалось кого-то другого. Но Микаэль Блумквист, в отличие от Анники Джаннини, знал ее тайны и потому имел возможность излагать аргументы в пользу своей позиции более убедительно. Лисбет перешла к четвертому пункту.

> Теперь твоя дальнейшая судьба целиком и полностью зависит от тебя. Сколько бы ради тебя ни старалась Анника или как бы мы с Арманским, Пальмгреном и остальными не поддерживали тебя, это не сыграет особой роли. Я не собираюсь тебя к чему-то подстрекать. Тебе самой следует решить, как тебе поступить. Либо ты склонишь суд на свою сторону, либо позволишь им себя засудить. Но, чтобы выиграть, тебе придется приложить определенные усилия.

Она выключила компьютер и взглянула на потолок. Микаэль просил у нее разрешения предать огласке ее историю – без купюр и без прикрас. В принципе он хотел изъять из книги главу о том, что Бьюрман ее насиловал. Он даже уже написал эту часть книги, но решил ее изъять и замаскировать

ее отсутствие тем, что Бьюрман вступил в сговор с Залаченко, но потом они не нашли друг с другом общего языка, и Нидерману пришлось его убить. А в мотивы Бьюрмана он даже и не пытался вникнуть.

Калле Чертов Блумквист усложнял ей жизнь.

Лисбет надолго задумалась.

В два часа ночи она взяла компьютер и открыла текстовый редактор. Потом кликнула на новый документ, достала стилус и начала по буквам набирать текст.

> Меня зовут Лисбет Саландер. Я родилась 30 апреля 1978 года. Моя мать – Агнета София Саландер. Когда я родилась, ей было 17 лет. Мой отец – психопат, убийца и женоненавистник по имени Александр Залаченко. Раньше он работал нелегальным агентом советской военной разведки ГРУ в Западной Европе.

Поскольку Лисбет приходилось тыкать в каждую букву по отдельности, она потратила массу времени. Ей приходилось формулировать в голове каждую фразу, и она уже не вносила в набранный текст ни единой правки. Лисбет просидела до четырех часов утра, а потом выключила компьютер и поставила его на зарядку в нишу за прикроватной тумбочкой. К этому времени она уже успела написать текст, соответствующий двум страницам формата А4 с одним интервалом.

Эрика Бергер проснулась в семь утра. Она чувствовала себя разбитой, хоть и проспала восемь часов подряд. А Микаэль Блумквист даже не шелохнулся – он крепко спал.

Для начала Эрика включила мобильник и проверила, не пришли ли ей какие-нибудь эсэмэски. Судя по всему, ей одиннадцать раз звонил муж, Грегер Бекман. «Черт побери. Я забыла позвонить…» Она набрала номер и объяснила ему, где находится и почему не приехала домой накануне вечером. Муж разозлился.

– Эрика, никогда так не делай. Ты знаешь, что дело не в Микаэле, но ночью я не мог найти себе места. Я до смерти боялся, что с тобой что-то случилось. Если ты не приезжаешь домой, то должна позвонить и сообщить. О таких вещах не забывают.

Грегер Бекман прекрасно знал, что Микаэль Блумквист – любовник его жены. Он смирился с этим фактом и не возражал против их союза. Но раньше, когда Эрика собиралась остаться у Микаэля, она всегда сперва звонила мужу и объясняла ситуацию. На этот же раз она отправилась в

«Хилтон» с единственной мыслью – поспать.

– Прости, – сказала Эрика. – Я вчера просто-напросто была очень измотана.

Он немного поворчал.

– Грегер, пожалуйста, не сердись. У меня сейчас на это нет сил. Обругаешь меня вечером.

Муж немного успокоился, пообещав отругать ее, как только она попадется ему на глаза.

– О’кей. Как там Блумквист?

– Спит… – Она вдруг рассмеялась. – Хочешь верь, а хочешь нет, но мы уснули в течение пяти минут после того, как легли. Такого прежде не бывало.

– Эрика, это уже не смешно. Может, тебе следует сходить к врачу?

После разговора с мужем она позвонила в колл-центр «Свенска моргонпостен» и оставила сообщение для ответственного секретаря редакции Петера Фредрикссона. Она объясняла, что в связи с некоторыми обстоятельствами задерживается и придет позже обычного, а также просила отменить запланированную встречу с сотрудниками отдела культуры.

Потом Эрика нашла свою сумку, извлекла оттуда зубную щетку и отправилась в ванную. А затем вернулась к кровати и разбудила Микаэля.

– Привет, – пробормотал он.

– Привет, – ответила она. – Давай-ка ступай в ванную, мыться и чистить зубы.

– Чего?

Он сел и стал оглядываться с таким растерянным видом, что Эрике пришлось объяснить ему, что он находится в гостинице «Хилтон», возле Шлюза. Микаэль кивнул.

– Так вот. Отправляйся в ванную.

– А для чего?

– А для того, что когда ты оттуда выйдешь, я хочу заняться с тобой сексом.

Он посмотрел на наручные часы.

– И поспеши. У меня в одиннадцать совещание, и мне нужно по крайней мере полчаса на макияж. И по пути на работу еще надо успеть купить чистую майку. У нас остается около двух часов, чтобы наверстать упущенные шансы.

Микаэлю пришлось отправиться в ванную.

Йеркер Хольмберг припарковал «форд» своего отца перед домом бывшего премьер-министра Турбьёрна Фельдина в Осе, около местечка Рамвик, в муниципалитете Хернёсанд. Он вылез из машины и огляделся. Четверг, утренние часы. Моросил дождь, поля уже основательно позеленели. В свои семьдесят девять Фельдин больше активно сельским хозяйством не занимался, и Хольмберга заинтересовало, кто же тогда тут сеет и жнет. Он знал, что за ним наблюдают из кухонного окна, в сельской местности так принято. Он сам вырос неподалеку от Рамвика, рядом с мостом Сандёбрун – в одном из красивейших мест в мире, как считал Йеркер Хольмберг.

Он поднялся на крыльцо и постучал в дверь.

Бывший лидер Партии центра, конечно, постарел, но, похоже, по-прежнему был бодр и полон сил.

– Привет, Турбьёрн! Меня зовут Йеркер Хольмберг. Мы с вами встречались – правда, в последний раз довольно давно. Я – сын Густава Хольмберга, который был депутатом от Партии центра в семидесятых и восьмидесятых годах.

– Привет, Йеркер! Я тебя узнаю. Если не ошибаюсь, ты работаешь полицейским в Стокгольме… В последний раз мы виделись, должно быть, лет десять-пятнадцать назад.

– Думаю, даже больше. Можно мне войти?

Пока Турбьёрн Фельдин наливал кофе, Йеркер уселся за кухонный стол.

– Надеюсь, с твоим отцом все в порядке. С ним ничего плохого не случилось?

– Нет. Отец чувствует себя хорошо и в данный момент чинит крышу на доме.

– Сколько ему сейчас лет?

– Два месяца назад исполнился семьдесят один.

– Вот как, – сказал Фельдин, усаживаясь. – Тогда чем обязан твоему визиту?

Йеркер Хольмберг уставился в окно кухни. Рядом с его машиной появилась сорока и начала изучать землю. Затем он обратился к Фельдину:

– Простите, что свалился на вас как снег на голову, но у меня серьезная проблема. Не исключено, что после нашего с вами разговора я вылечу с работы. Иными словами, я приехал к вам по служебной надобности, но мой шеф – он возглавляет отдел по борьбе с насильственными преступлениями – об этом визите не знает.

– Вот как…

– И если я ничего не предприму, то боюсь, что мое бездействие приведет к совершению грубых противозаконных действий, к тому же повторно.

– Может быть, ты все же сначала все мне объяснишь?

– Речь идет о некоем Александре Залаченко. Он был шпионом русского ГРУ и перебежал в Швецию в день выборов семьдесят шестого года. Здесь ему дали политическое убежище и привлекли к работе на СЭПО. У меня есть основания полагать, что вы в курсе этой истории.

Турбьёрн Фельдин пристально посмотрел на Йеркера.

– Это долгая история, – сказал Хольмберг и начал рассказывать о предварительном следствии, в котором участвовал в последние месяцы.

Эрика Бергер перевернулась на живот, сцепила руки в замок и оперлась о них головой. Внезапно она улыбнулась.

– Микаэль, ты никогда не задумывался о том, что мы с тобой на самом деле законченные психи?

– Интересно, почему же?

– По крайней мере, я. Я все время тебя хочу. Прямо как обезумевшая школьница.

– Вот как.

– А потом мне хочется поехать домой и переспать с мужем.

Микаэль засмеялся.

– Я знаю одного очень толкового врача, – сказал он.

Она ткнула его пальцем в живот.

– Микке, мне начинает казаться, что вся история с переходом в «Свенска моргонпостен» – роковая ошибка.

– Ерунда. Для тебя это великолепный шанс. Если кто и может вдохнуть жизнь в этого монстра, так это только ты.

– Да, возможно. Но в том-то и проблема. «Свенска моргонпостен» производит впечатление трупа. А ты еще вчера вечером добавил мне забот с Магнусом Боргшё… Я вообще не могу понять, что я там делаю.

– Подожди, все утрясется.

– Да. Но ситуация с Боргшё вовсе не внушает оптимизма. Даже не знаю, как распутать этот клубок.

– Я тоже не знаю. Но в конце концов все утрясется.

Эрика немного полежала молча.

– Мне тебя не хватает.

Микаэль кивнул и посмотрел на нее.

– Мне тебя тоже.

– Что нужно для того, чтобы ты перешел в «Свенска моргонпостен» и возглавил там отдел информации?

– Ни за что на свете. Да и разве там не Хольм, или как там его зовут, начальник информационного отдела?

– Да. Но он идиот.

– В этом ты права.

– Ты его знаешь?

– Конечно. В восьмидесятые годы я три месяца временно работал под его началом. Он – жуткое дерьмо, и любит натравливать людей друг на друга. Кроме того…

– Что, кроме того?

– Да, ничего. Не хочу разносить сплетни.

– Расскажи.

– Девушка по имени Улла, которая тоже работала на временной ставке, утверждала, что он приставал к ней с сексуальными домогательствами. Я не знаю, насколько это соответствует действительности. Но профсоюзы даже пальцем не шевельнули, а у нее как раз заканчивался контракт, и ей его не продлили.

Эрика Бергер посмотрела на часы, вздохнула, спустила ноги с кровати и скрылась в ванной комнате. Пока она потом вытиралась и натягивала одежду, Микаэль не двигался с места.

– Я немного еще полежу, – сказал он.

Она поцеловала его в щеку, помахала рукой и исчезла.

Моника Фигуэрола припарковалась в двадцати метрах от машины Йорана Мортенссона на Лунтмакаргатан, около улицы Улофа Пальме. Она видела, как Мортенссон прошел примерно шестьдесят метров к автомату и оплатил стоянку машины, а потом двинулся в сторону Свеавеген.

Моника не успевала оплатить парковку – пока будет платить, он уйдет. Она последовала за Мортенссоном до Кунгсгатан, где он свернул налево и скрылся в здании Кунгсторнет. Фигуэрола выругалась про себя, но выбора не оставалось, и, выждав три минуты, она последовала за ним в кафе. Он сидел на первом этаже и беседовал с каким-то типом лет тридцати пяти, блондином, довольно спортивного вида. Наверняка из полиции, подумала Моника.

В собеседнике Мортенссона она узнала того типа, которого Кристер Мальм сфотографировал 1 мая у кафе «Копакабана».

Моника взяла кофе, села в другом конце зала и открыла газету «Дагенс нюхетер». Свои дела Мортенссон с компаньоном обсуждали тихо, до нее не

доносилось ни слова. Достав мобильный телефон, она притворилась, что разговаривает, хотя необходимости в этом не было никакой – никто из мужчин на нее не смотрел. При помощи телефона Моника сделала два снимка, хотя и понимала, что они будут иметь разрешение 72 и, следовательно, окажутся плохого качества, зато пригодятся для доказательства того, что встреча имела место.

Примерно через пятнадцать минут блондин поднялся и покинул кафе. Фигуэрола выругалась про себя. Почему она не осталась снаружи? Она узнала бы его, когда он выходил из здания. Ей хотелось встать и немедленно броситься в погоню, но Мортенссон спокойно сидел на месте, допивая кофе, и Моника предпочла не привлекать к себе внимание преследованием его анонимного компаньона.

Секунд через сорок Мортенссон встал и отправился в туалет. Как только за ним закрылась дверь, Фигуэрола вскочила и твердым шагом вышла на Кунгсгатан. Она прошлась вперед и назад, но блондин уже успел скрыться.

Фигуэрола побежала к перекрестку со Свеавеген, но нигде его не увидела и кинулась в метро. Бесполезно.

Когда Моника вернулась обратно к Кунгсторнет, Мортенссон тоже исчез.

Вернувшись к «Котелку Самира», где она накануне вечером оставила свой БМВ, Эрика Бергер крепко выругалась.

Машина была на месте, но ночью кто-то проколол все четыре колеса. Ублюдки проклятые, ругнулась она про себя, клокоча от злости.

Однако выбора у нее не было. Эрика позвонила в службу эвакуации и попросила помощи. Ждать она не могла, поэтому засунула ключи от машины в выхлопную трубу, чтобы эвакуаторы могли попасть внутрь, потом дошла до площади Мариаторгет и остановила такси.

Лисбет Саландер зашла на страницу Республики хакеров и, обнаружив, что Чума в Сети, послала ему весточку. Он тут же отозвался.

Привет, Оса. Как дела в больнице?
Более или менее. Мне требуется твоя помощь.
Господи!
Никак не думала, что придется об этом просить.
Должно быть, дело серьезное.
Йоран Мортенссон, живет в Веллингбю. Мне нужен доступ к

его компьютеру.

О’кей.

Весь материал надо пересылать Микаэлю Блумквисту из «Миллениума».

Я это устрою.

«Старший брат» контролирует телефон Калле Блумквиста и, вероятно, его электронную почту. Посылай материал на его адрес на Hotmail.

О’кей.

Если я окажусь недоступна, Блумквисту потребуется твоя помощь. Надо, чтобы у него была возможность с тобой связаться.

Ну-ну.

Он немного прямолинеен, но ты можешь на него полагаться.

Ну-ну.

Сколько ты хочешь?

Чума на несколько секунд замолчал.

Это связано с твоей ситуацией?

Да.

Это может тебе помочь?

Да.

Тогда ничего не надо.

Спасибо. Но не в моих правилах оставаться в долгу. Мне будет нужна твоя помощь вплоть до суда. Я заплачу 30 000.

У тебя есть деньги?

Есть.

О’кей.

Пожалуй, нам понадобится Trinity. Думаешь, ты сможешь заманить его в Швецию?

Для чего?

Для того, на чем он собаку съел. Я заплачу ему стандартный гонорар + расходы.

О’кей. Кого?

Она объяснила, что требуется сделать.

В пятницу утром доктор Андерс Юнассон озабоченно и любезно созерцал явно раздраженного инспектора уголовной полиции Ханса Фасте,

сидевшего напротив за письменным столом.

– Сожалею, – сказал Юнассон.

– Я ничего не понимаю. Я думал, что Саландер уже здорова… Я приехал в Гётеборг, отчасти чтобы ее допросить, а отчасти чтобы перевезти ее в камеру в Стокгольме, где ей будет очень удобно.

– Сожалею, – повторил врач. – Я бы охотно ее отпустил, поскольку, честно говоря, лишних палат у нас нет. Но…

– А может, она симулирует?

Юнассон засмеялся.

– Нет, это исключено. Понимаете, Лисбет Саландер прострелили голову. Я извлек пулю из ее головы, и выживет она или нет, никто не знал – шансов было пятьдесят на пятьдесят. Она выжила, и прогнозы были исключительно благоприятными. И мы с коллегами уже собирались ее выписывать. Но со вчерашнего дня у нее наблюдается явное ухудшение. Она жаловалась на сильную головную боль, и у нее внезапно поднялась температура, которая теперь скачет вниз-вверх. Вчера у нее было тридцать восемь, и ее дважды рвало. Ночью температура спустилась почти до нормы, и я подумал, что это какая-то случайность. Однако когда я осматривал Саландер сегодня утром, у нее было почти тридцать девять, а это серьезно. Сейчас температура опять немного понизилась.

– Но что с ней?

– Не знаю, но температурные колебания говорят о том, что это не грипп и не что-то подобное. С чем именно это связано, я не могу сказать, но, возможно, у нее просто аллергическая реакция на какое-нибудь лекарство или на что-то другое…

Он загрузил на компьютере снимок и повернул монитор к Хансу Фасте.

– Я велел сделать рентген головы. Как видите, к месту ранения примыкает затемнение. Я не могу определить его происхождение. Это может быть рубец, образовавшийся в процессе заживления, а может быть, и небольшое кровоизлияние. Но пока мы не выясним, в чем дело, я не могу ее выпустить, как бы мне того ни хотелось.

Ханс Фасте разочарованно кивнул. Какой смысл спорить с врачами, ведь они властвуют над жизнью и смертью и являются чуть ли не главными наместниками Бога на земле… Хотя полицейские, наверное, все же главнее. Во всяком случае, чтобы определить, насколько серьезно состояние Лисбет Саландер, ему не явно хватало компетентности.

– И что же теперь будет?

– Я прописал ей полный покой и отменил физиотерапию – теперь ей

необходима лечебная гимнастика из-за пулевых ранений плеча и бедра.

– О’кей… Мне надо позвонить в Стокгольм, прокурору Экстрёму. Видите ли, для нас это сюрприз. Что я могу ему сказать?

– Два дня назад я уже мог бы согласиться на ее перевод – например, в конце этой недели. Но, похоже, с этим придется подождать. Так что можете сообщить ему, что едва ли я смогу принять решение в течение следующей недели, и не исключено, что пройдет еще недели две, прежде чем вам позволят перевезти ее в тюрьму в Стокгольм. Все будет зависеть только от ее состояния.

– Суд назначен на июль…

– Если не произойдет ничего экстраординарного, она к тому времени уже будет на ногах.

Инспектор уголовной полиции Ян Бублански с подозрением разглядывал подтянутую спортивную женщину по другую сторону столика. Они сидели в уличном кафе на Норр Меларстранд и пили кофе. В этот чудесный день, в пятницу 20 мая, воздух казался по-летнему теплым. Она предъявила удостоверение на имя Моники Фигуэрола из ГПУ/Без, когда он уже собирался уходить домой – а дело было в пять часов, – представилась и предложила побеседовать за чашечкой кофе.

В начале Бублански вел себя как угрюмый и замкнутый мужлан. Через несколько минут Моника заглянула ему в глаза и сказала, что никто не давал ей официального задания его допросить и что у него, естественно, есть полное право ничего не говорить. Он спросил, а какое у нее собственно к нему дело, и она чистосердечно призналась в том, что ее начальник поручил ей провести неофициальное расследование – где правда, а где фальсификация в так называемой истории Залаченко, которую иногда также именуют историей Саландер. Заодно она объяснила, что, возможно, даже не вправе задавать ему вопросы, а уж отвечать на них или нет – придется решать ему.

– Чем я могу вам посодействовать? – спросил наконец Бублански.

– Расскажите, что вам известно о Лисбет Саландер, Микаэле Блумквисте, Гуннаре Бьёрке и Александре Залаченко. Что их объединяет? Или разъединяет?

В итоге они проговорили больше двух часов.

Торстен Эдклинт обстоятельно и долго размышлял над тем, как ему действовать дальше. После пяти дней расследования Моника Фигуэрола раздобыла ряд неопровержимых доказательств того, что в ГПУ/Без

творится что-то несусветное. Он понимал, что действовать надо осторожно, пока у него еще не собран весь материал. Но Эдклинт не имел полномочий проводить оперативные действия, особенно в отношении собственных сотрудников. Так что в сложившейся ситуации он и сам оказался в ситуации конституционного кризиса.

Следовательно, ему требовалось найти некую формулу, которая позволила бы придать его действиям оттенок легальности. В кризисной ситуации Эдклинт всегда мог сослаться на свое полицейское удостоверение – ведь расследование преступлений является неоспоримым долгом полицейского. Но данное преступление было столь деликатного свойства и так тесно связано с конституционными правами граждан, что позволь он себе хоть один неверный шаг – и, скорее всего, окажется без работы. Так что всю пятницу он провел в размышлениях, запершись у себя в кабинете.

В конце концов Эдклинт пришел к выводу, что Драган Арманский прав, несмотря на то, что все это казалось полным абсурдом. Внутри ГПУ/Без возникла группа, которая взяла на себя смелость действовать за пределами своих полномочий или параллельно своим официальным задачам. Поскольку эта деятельность продолжалась много лет – по меньшей мере с 1976 года, когда в Швецию прибыл Залаченко, – она была хорошо организована и имела надежное прикрытие сверху. Насколько высоко тянулись нити от заговорщиков, Эдклинт не имел представления.

Он вывел в блокноте три имени.

> Йоран Мортенссон, личная охрана. Инспектор уголовного розыска.
>
> Гуннар Бьёрк, заместитель начальника Иностранного отдела. Умер. (Самоубийство?)
>
> Альберт Шенке, начальник Канцелярии, ГПУ/Без.

Моника Фигуэрола сделала вывод, что Мортенссона перевели из личной охраны якобы в контрразведку, где он на самом деле не появился. Произойти без ведома начальника канцелярии это не могло. Исключено. И Мортенссон занимается слежкой за журналистом Микаэлем Блумквистом, что не имеет никакого отношения к контрразведке.

К списку следовало добавить еще два имени, которые не имели отношения к ГПУ/Без.

> Петер Телеборьян, психиатр.
>
> Ларс Фаульсон, слесарь по замкам.

Телеборьяна несколько раз приглашали в ГПУ/Без в качестве консультанта-психиатра, в конце 1980-х и в начале 1990-х годов. Собственно говоря, его приглашали трижды, и Эдклинт ознакомился с соответствующими архивными отчетами. Первый случай был экстраординарным: контрразведка вычислила в телекоммуникационной индустрии русского информатора. Судя по биографии, в случае разоблачения он мог бы решиться на самоубийство. Телеборьян провел исчерпывающие обследования и пришел к выводу, что информатора можно превратить в двойного агента. В остальных двух случаях психиатра привлекали по куда менее серьезным поводам: в связи с алкогольными проблемами одного сотрудника ГПУ/Без и из-за эксцентричного сексуального поведения дипломата одной из африканских стран.

Однако ни Телеборьян, ни Фаульссон – в особенности Фаульссон – не занимали в ГПУ/Без никаких должностей. Тем не менее их деятельность имеет отношение к… К чему?

Заговор самым непосредственным образом связан с покойным Александром Залаченко – перебежавшим агентом советской структуры ГРУ, который, согласно фактам, прибыл в Швецию в день выборов 1976 года. И о котором никто никогда не слышал. Разве такое возможно?

Эдклинт попытался представить себе, как могли бы развиваться события, будь он сам каким-нибудь начальником в ГПУ/Без в 1976 году, когда перебежал Залаченко. Как бы он поступил? Он бы все полностью засекретил. Иначе невозможно. О перебежчике должен знать только самый узкий круг, иначе информация могла бы просочиться обратно к русским и…

Но насколько узок этот круг?

Оперативный отдел?

Суперсекретный оперативный отдел?

Согласно правилам, Залаченко должен был оказаться в ведении контрразведки. А скорее всего – военной разведки, но там не имели ни ресурсов, ни компетенции для такого рода оперативной деятельности. Значит, СЭПО.

Но в отдел контрразведки Залаченко так и не попал. Ключевой фигурой является Бьёрк – он вплотную занимался Залаченко. Но к контрразведке он никогда отношения не имел. Бьёрк – это загадка. Формально с 1970-х годов он числился в отделе по работе с иностранцами, но на самом деле почти не показывался там до 1990-х годов. И вот он внезапно стал заместителем начальника…

К тому же Бьёрк – главный источник информации Блумквиста. Но как

тому удалось заставить Бьёрка раскрыть такую взрывоопасную тайну? И кому – журналисту?

Все из-за шлюх. Бьёрк увлекался малолетними проститутками, и «Миллениум» собирался его разоблачить. Вероятно, Блумквист шантажировал Бьёрка.

Потом к делу подключается Лисбет Саландер.

Покойный адвокат Нильс Бьюрман служил в отделе по работе с иностранцами одновременно с Бьёрком, к ним и обратился Залаченко.

И что же дальше?

Кто-то должен был принять решение. В отношении перебежчика такого масштаба распоряжение могли спустить с самого верха. Из правительства. Без поддержки им было не обойтись. Иначе просто невозможно себе это представить.

Или?..

Эдклинт почувствовал, как по спине побежали мурашки. Формально все понятно. В отношении перебежчика масштаба Залаченко необходимо поддерживать режим максимальной секретности. Он бы и сам так решил. Вероятно, так решило и правительство Фельдина. И это вполне объяснимо и оправданно.

Однако то, что произошло в 1991 году, никакими правилами не регламентировалось. Бьёрк призвал на помощь Петера Телеборьяна, чтобы запереть Лисбет Саландер в детской психиатрической больнице под предлогом того, что она психически больна. Это уже преступление, причем из разряда тяжких. У Эдклинта по спине вновь побежали мурашки.

А ведь кому-то приходилось принимать решения. На этот раз речь шла не просто о правительстве… Премьер-министром тогда был Ингвар Карлссон, а следом за ним Карл Бильдт. Ни один политик не посмел бы предпринять шаг, который противоречил всем законам и правосудию. А в случае если бы все выплыло на поверхность, разразился бы катастрофический скандал.

Если тут замешано правительство, то Швеция ни на йоту не лучше любой диктатуры мира.

Нет, этого просто не может быть.

А дальше – события в Сальгренской больнице 12 апреля. Залаченко так кстати становится жертвой помешанного маньяка и борца за справедливость – и в тот же самый миг вскрывают квартиру Микаэля Блумквиста и нападают на Аннику Джаннини. В обоих случаях похищают отчет Гуннара Бьёрка от 1991 года. Эту информацию абсолютно *off the record*[58] сообщил Драган Арманский. Заявления в полицию никто не

подавал.

И вдруг ни с того ни с сего Гуннар Бьёрк – человек, которого Эдклинту больше всех хотелось бы вызвать на серьезный разговор, совершает самоубийство…

В такую цепь совпадений Торстен Эдклинт никак не мог поверить. Инспектор уголовной полиции Ян Бублански тоже не верит, что это случайность. Не верит и Микаэль Блумквист. Эдклинт снова схватился за фломастер.

Эверт Гульберг. 78 лет. Юрист-налоговик???

Черт побери, кто же он такой, этот Эверт Гульберг?

Эдклинт уже собрался позвонить руководителю ГПУ/Без, но передумал. Ведь он не знал, куда внутри организации ведут нити заговора. Короче говоря, он не знал, на кого может полагаться.

После того как Эдклинт отверг возможность обращаться к кому-либо в стенах ГПУ/Без, он задумался, а не обратиться ли ему к обычной полиции. Ян Бублански руководит расследованием дела Рональда Нидермана и, конечно, был бы заинтересован в любой дополнтельной информации. Но это невозможно по чисто политическим соображениям…

Он ощущал, что на него свалился тяжкий груз ответственности.

Под конец остался только один вариант, который казался конституционно оправданным, и, возможно, защитил бы его, если бы его в дальнейшем заподозрили бы в нелояльности. Ему надо обратиться к своему начальнику и заручиться политической поддержкой своих действий.

Эдклинт посмотрел на часы – около четырех дня. Он поднял трубку и позвонил министру юстиции, которого знал уже несколько лет и с которым встречался на разных заседаниях в министерстве. Не прошло и пяти минут, как его соединили.

– Здравствуйте, Торстен, – поприветствовал его министр юстиции. – Мы давно не общались. Чем могу быть полезен?

– Честно говоря, я, вероятно, звоню для того, чтобы узнать, насколько вы мне доверяете.

– Доверяю? Ну и вопрос. Лично я доверяю вам на сто процентов. Но почему вы спрашиваете?

– У меня к вам колоссальная экстраординарная просьба… Мне необходимо встретиться с вами и с премьер-министром. И срочно.

– Ничего себе.

– Если позволите, я бы не стал сейчас ничего объяснять, пока мы не

сможем говорить с глазу на глаз. Я сейчас занимаюсь делом, настолько заслуживающим внимания, что считаю необходимым проинформировать и вас, и премьер-министра.

– Это звучит серьезно.

– Это действительно серьезно.

– Это как-то связано с террористами и угрозами…

– Нет. Но это даже серьезнее. Я рискую своей карьерой, обращаясь к вам с такой просьбой. Я бы и не стал затрагивать эту тему, если бы не считал ситуацию чересчур серьезной.

– Понятно. Так вот почему вы спросили о доверии… Ну и когда бы вы хотели встретиться с премьер-министром?

– Если возможно, прямо сегодня вечером.

– Я уже начинаю волноваться.

– К сожалению, у вас есть для этого повод.

– Сколько времени займет встреча?

Эдклинт подумал.

– Чтобы вникнуть во все детали, вероятно, потребует-ся час.

– Я вам перезвоню.

Министр юстиции перезвонил в течение пятнадцати минут и сообщил, что премьер-министр сможет принять Торстена Эдклинта у себя дома в 21.30. Когда Эдклинт заканчивал разговор, руки у него стали влажными.

О'кей… завтра утром возможно мне придется поставить крест на моей карьере.

Он снова поднял трубку и позвонил Монике Фигуэроле.

– Привет, Моника. Ты должна сегодня вечером в двадцать один ноль-ноль явиться на службу. И оденься получше, пожалуйста.

– Я всегда хорошо одета, – обиделась Фигуэрола.

Премьер-министр смотрел на начальника Отдела защиты конституции. Взгляд его, скорее всего, можно было бы описать как недоверчивый. Эдклинту показалось, что за стеклами очков премьер-министра с огромной скоростью вращаются шестеренки.

Премьер-министр перевел взгляд на Монику Фигуэролу, которая за время часового доклада ни разу не проронила ни слова. Он увидел необычайно высокую спортивную натренированную женщину, которая смотрела на него почтительно и с надеждой. Потом повернулся к министру юстиции, который буквально побледнел от всего услышанного.

Наконец премьер-министр глубоко вздохнул, снял очки и надолго устремил взгляд куда-то вдаль.

– Думаю, нам надо налить еще кофе, – наконец сказал он.

– Да, спасибо, – откликнулась Моника Фигуэрола.

Эдклинт кивнул, и министр юстиции налил им кофе из стоявшего на столе термоса.

– Позвольте мне подытожить все случившееся. Мне бы хотелось убедиться в том, что я вас правильно понял, – сказал премьер-министр. – Вы подозреваете, что внутри Службы государственной безопасности существует группа заговорщиков, действия которой выходят за рамки их конституционных обязанностей, и что эта самая группа на протяжении нескольких лет занималась делами, которые можно квалифицировать как криминальную деятельность.

Эдклинт кивнул.

– И вы пришли ко мне, поскольку перестали доверять руководству Службы государственной безопасности?

– Можно и так сказать, – ответил Эдклинт. – Я решил обратиться прямо к вам, поскольку такого рода деятельность противоречит конституции, но я не знаю цели этих действий и не уверен, все ли я правильно истолковываю. Возможно, сама деятельность легитимна и санкционирована правительством. В таком случае я рискую совершить действия, основанные на ошибочной или неверно истолкованной информации, и тем самым сорвать проводимую тайную операцию.

Премьер-министр посмотрел на министра юстиции. Они оба понимали, что Эдклинт стремится себя подстраховать.

– Я ни о чем подобном не слышал. Вам об этом что-нибудь известно?

– Абсолютно ничего, – ответил министр юстиции. – Ни в одном из известных мне отчетов Службы государственной безопасности не содержится ничего подобного.

– Микаэль Блумквист считает, что внутри СЭПО действовала какая-то фракция. Он называет ее «Клуб Залаченко».

– Я даже никогда не слышал о том, что в Швеции оказался русский перебежчик такого масштаба… Стало быть, это случилось во времена правительства Фельдина…

– Я никогда бы не поверил в то, что правительство Фельдина могло бы скрыть подобные факты, – сказал министр юстиции. – Возможно, перебежчик такого высокого уровня стал приоритетной задачей для следующего правительства.

Эдклинт откашлялся.

– Буржуазное правительство передало бразды правления Улофу Пальме. Не секрет, что кое-кто из моих предшественников в ГПУ/Без

считает, что Пальме…

– Вы имеете в виду, что кто-то забыл проинформировать социал-демократическое правительство?

Эдклинт кивнул.

– Я хочу напомнить, что Фельдин занимал свою должность два срока. И оба раза правительство раскалывалось на два лагеря. В семьдесят девятом году Фельдина сменил Ула Ульстен, и у него было правительство меньшинства. Потом правительство еще раз раскололось, когда его покинули модераты, и Фельдин правил вместе с Народной партией. Можно предположить, что процедура передачи власти вызвала в администрации правительства некоторый беспорядок. Не исключено даже, что о Залаченко знал очень узкий круг, и даже премьер-министр Фельдин просто не располагал достаточной информацией, чтобы по цепочке передать ее Пальме.

– Но на кого же тогда ложится ответственность? – спросил премьер-министр.

Все, кроме Моники Фигуэролы, покачали головами.

– Предполагаю, что вся эта история неизбежно станет достоянием СМИ, – сказал премьер-министр.

– Микаэль Блумквист и «Миллениум» выступят с публикациями. Иными словами, мы можем оказаться в безальтернативной ситуации.

Эдклинт намеренно употребил слово «мы». Премьер-министр кивнул в знак согласия – он понимал всю серьезность ситуации.

– Что ж, прежде всего позвольте мне поблагодарить вас за то, что вы немедленно обратились ко мне по этому поводу. Обычно я не принимаю посетителей по первому требованию, но министр юстиции сказал, что вы – человек разумный и что наверняка произошло нечто экстраординарное, если вы просите о встрече, минуя обычную процедуру.

Эдклинт немного перевел дух. Что бы ни случилось, гнев премьер-министра обрушится не на него.

– Теперь нам надо просто решить, что с этим делать. У вас есть какие-нибудь предложения?

– Возможно, – уклончиво ответил Эдклинт.

Он замолчал так надолго, что Моника Фигуэрола кашлянула.

– Можно мне сказать?

– Пожалуйста, – ответил премьер-министр.

– Если правительству об этой операции неизвестно, значит, она незаконна. В таком случае ответственный за нее, то есть тот или те государственные служащие, которые превысили свои полномочия,

являются преступниками. Если все заявления Микаэля Блумквиста получат подтверждение, значит, какая-то группа сотрудников ГПУ/Без занимается уголовной деятельностью. Тогда проблема распадается на две части.

– Что вы имеете в виду?

– Во-первых, надо ответить на вопрос, как такое стало возможным. Кто за это ответствен? Как внутри уважаемой полицейской организации мог возникнуть подобный заговор? Хочу напомнить, что я сама работаю в ГПУ/Без и горжусь этим. Как это могло так долго продолжаться? Каким образом их деятельность удавалось скрывать и финансировать?

Премьер-министр кивнул.

– На эту тему еще наверняка будут написаны книги, – продолжала Моника Фигуэрола. – Но ясно одно: ведь наверняка осуществлялось финансирование, и речь шла о нескольких миллионах крон ежегодно, по меньшей мере. Я просмотрела бюджет Службы государственной безопасности и не нашла там никакой статьи, которую можно приписать «Клубу Залаченко». Но, как вам известно, существуют какие-то анонимные фонды, информацией о которых владеют начальник канцелярии и финансовый директор, но мне она недоступна.

Премьер-министр мрачно кивнул.

Почему с СЭПО вечно возникают такие ситуации?

– Во-вторых, требуется выяснить, кто в этом замешан. Или, точнее, каких людей следует арестовать.

Премьер-министр напрягся.

– На мой взгляд, ответы на эти вопросы зависят от того, какое решение вы примете в ближайшие минуты.

Торстен Эдклинт задержал дыхание. Если бы он мог сейчас стукнуть Монику Фигуэролу ногой по щиколотке, он бы это сделал. Она внезапно обесценила все риторические приемы и заявила, что премьер-министр несет личную ответственность. Эдклинт и сам собирался подвести его к этому выводу, только намного более деликатным дипломатичным путем.

– Какое же решение, вы считаете, я должен принять? – поинтересовался премьер-министр.

– На мой взгляд, у нас общие интересы. Я проработала в Отделе защиты конституции три года и считаю, что это дело имеет ключевое значение для шведской демократии. Служба государственной безопасности в последние годы действовала в рамках конституции. Я, естественно, не хочу, чтобы скандал отразился на ГПУ/Без. Для нас важно подчеркнуть, что речь идет о преступной деятельности отдельных персон.

– Деятельность такого рода, разумеется, не санкционирована

правительством, – сказал министр юстиции.

Моника Фигуэрола кивнула и на несколько секунд задумалась, а потом добавила:

– С вашей стороны, я думаю, важно, чтобы скандал не отразился на правительстве. А он обязательно разразится, если правительство попытается замять эту историю.

– Правительство не может скрывать информацию о той или иной преступной деятельности, – ответил министр юстиции.

– Что ж… Мы можем гипотетически предположить, что правительство решится это сделать. В таком случае разразится скандал вселенского масштаба.

– Продолжайте, – предложил премьер-министр.

– В настоящее время ситуация усугубляется тем, что нам, в Отделе защиты конституции, для расследования этой истории приходится практически заниматься сомнительной в правовом отношении деятельностью. Мы хотим, чтобы все было законно, с юридической и с конституционной точки зрения.

– Мы все этого хотим, – заявил премьер-министр.

– В таком случае я предлагаю, чтобы вы как премьер-министр отдали распоряжение Отделу защиты конституции немедленно распутать этот узел. Дайте нам письменное поручение и наделите нас необходимыми полномочиями.

– Я не уверен, что ваше предложение законно, – усомнился министр юстиции.

– В том-то и дело, что оно законно. Правительство наделено властью принимать меры в том случае, если возникает угроза изменения конституции нелегитимным путем. Если группа военных или полицейских начинает проводить самостоятельную внешнюю политику, то это значит, что в стране де-факто произошел государственный переворот.

– Внешнюю политику? – спросил министр юстиции.

Премьер-министр кивнул.

– Залаченко перебежал к нам из иностранной державы, – напомнила Моника Фигуэрола. – Информация, которой он делился, по сведениям Микаэля Блумквиста, передавалась зарубежным разведкам. Если это делалось без ведома правительства, значит, имел место государственный переворот.

– Ваша позиция мне ясна.

Премьер-министр кивнул.

– Теперь позвольте мне изложить свою.

Поднявшись, он прошелся вокруг стола и остановился перед Эдклинтом.

– У вас талантливая сотрудница. И к тому же она высказывается откровенно и без купюр.

У Эдклинта пересохло в горле. Он кивнул. Премьер-министр обратился к министру юстиции:

– Позвоните госсекретарю и директору правового департамента. К завтрашнему утру мне нужен документ, предоставляющий Отделу защиты конституции экстраординарные полномочия для действий по данному делу. Отделу поручается определить степень соответствия реальности обсужденных нами проблем, собрать документацию о масштабах дела, а также выяснить, какие люди за него ответственны и в нем замешаны.

Эдклинт еще раз кивнул.

– Документ не должен содержать поручения проводить предварительное следствие. Возможно, я ошибаюсь, но думаю, что назначать руководителя предварительного следствия в такой ситуации имеет право только генеральный прокурор. Однако я могу дать вам поручение провести собственное расследование с целью выяснения всех обстоятельств дела. Следовательно, вы готовите отчет правительственной комиссии. Это понятно?

– Да. Но я хотел бы подчеркнуть, что являюсь в прошлом прокурором.

– Вот как. Мы попросим директора правового департамента разобраться и точно определить, как это должно выглядеть в формальном отношении. В любом случае вы несете персональную ответственность за данное расследование. Необходимых сотрудников подберете себе сами. Если вы обнаружите доказательства преступной деятельности, вам следует передать эту информацию генеральному прокурору, который уже будет принимать решение о возбуждении судебного преследования.

– Мне надо проверить, как именно полагается действовать, но думаю, вы должны проинформировать спикера и конституционную комиссию Риксдага… Сведения очень скоро станут достоянием гласности, – сказал министр юстиции.

– Иными словами, нам надо работать оперативно, – ответил премьер-министр.

– Но… – запнулась Моника Фигуэрола.

– Но что? – спросил премьер-министр.

– Остаются две проблемы. Во-первых, публикация «Миллениума» может совпасть с началом нашего расследования, а во-вторых, через несколько недель начнется процесс над Лисбет Саландер.

– Мы можем узнать, когда «Миллениум» собирается давать публикацию?

– Можно попробовать узнать, – предложил Эдклинт. – Последнее, чего бы нам хотелось, это вмешиваться в деятельность СМИ.

– Что касается этой девушки, Саландер… – начал министр юстиции.

Он призадумался.

– Ужасно, если она действительно подверглась таким противозаконным действиям, как утверждает «Миллениум»… Неужели такое возможно?

– Боюсь, что да, – ответил Эдклинт.

– В таком случае мы должны проследить за тем, чтобы ее восстановили в правах, и, главное, чтобы она не стала жертвой новых правонарушений, – заметил премьер-министр.

– А каким образом? – поинтересовался министр юстиции. – Правительство ни при каких обстоятельствах не может диктовать свои условия, когда речь идет о возбуждении судебного преследования. Это было бы нарушением закона.

– Может, нам поговорить с прокурором…

– Нет, – возразил Эдклинт. – Будучи премьер-министром, вы не имеете права каким-либо образом оказывать влияние на судебный процесс.

– Иными словами, Саландер придется предстать перед судом, – сделал вывод министр юстиции. – Только если она проиграет процесс и подаст апелляцию в правительство, правительство сможет подключиться и помиловать ее или дать распоряжение генеральному прокурору проверить, имеются ли основания для нового процесса.

Потом он добавил:

– Но это лишь в случае, если ее приговорят к тюремному заключению. Если же ее решат поместить в закрытое психиатрическое учреждение, правительство ничего не сможет сделать. Это медицинский вопрос, а премьер-министр не обладает компетенцией решать, здорова она или больна.

В десять вечера в пятницу Лисбет Саландер услышала, как в дверь палаты вставляют ключ. Она немедленно выключила карманный компьютер и спрятала его под подушку. Подняв взгляд, она увидела, как Андерс Юнассон закрывает за собой дверь.

– Добрый вечер, фрёкен Саландер, – поздоровался он. – Как мы себя чувствуем сегодня вечером?

– У меня раскалывается голова и высокая температура, – ответила

Лисбет.

– Очень плохо.

Впрочем, она не выглядела слишком измученной температурой или головной болью. Десять минут доктор Андерс Юнассон посвятил ее осмотру и обнаружил, что к вечеру температура снова сильно поднялась.

– Очень досадно, что процесс твоего выздоровления притормозился, как раз когда ты в последние недели стала так успешно поправляться. Теперь я, к сожалению, еще пару недель не смогу тебя выписать.

– Двух недель должно хватить.

Он посмотрел на нее долгим изучающим взглядом.

Расстояние между Лондоном и Стокгольмом, если ехать по суше, по самым приблизительным подсчетам, составляет 1800 километров, для преодоления которых теоретически требуется примерно двадцать часов. На самом деле около двадцати часов ушло только на то, чтобы достичь границы между Германией и Данией. Небо затянули свинцовые грозовые тучи.

В понедельник, когда Троица оказался посреди моста через Эресунд, хлынул ливень. Троица сбавил скорость и включил дворники.

Езда по европейским дорогам на машине представлялась ему кошмаром, поскольку континентальная Европа упорно ездила по неправильной стороне дороги. Он уложил вещи в фургон в субботу утром, переправился на пароме от Дувра до Кале, а потом пересек Бельгию через Льеж, переехал немецкую границу возле Ахена и по автобану двинулся на север, к Гамбургу и дальше, в Данию.

Его компаньон Боб Собака дремал на заднем сиденье. Они вели машину по очереди и останавливались только перекусить в придорожных кафе. Они стабильно ехали со скоростью девяносто километров в час. Фургону было восемнадцать лет, и эта скорость была для него максимально доступной.

Конечно, существовал более простой способ добраться от Лондона до Стокгольма, но ввезти в Швецию около тридцати килограммов электронного оборудования регулярным авиарейсом, к сожалению, едва ли представлялось возможным. А при поездке по суше они пересекли шесть государственных границ, но ни один таможенник или паспортный контроль их не остановил. Троица был горячим сторонником ЕС, правила которого упрощали ему визиты на континент.

Троице было тридцать два года, он родился в городе Брэдфорд, но с детства жил в северной части Лондона. Формально он получил весьма

скромное образование – в девятнадцать лет закончил профессиональное училище, получил диплом техника телевизионного оборудования и три года действительно проработал наладчиком в компании «Бритиш телеком».

На самом же деле уровень его теоретических знаний по электронике и компьютерной технике позволил бы ему с легкостью одержать победу в поединке с любым профессором-снобом. Троица сроднился с компьютерами еще в десятилетнем возрасте и впервые взломал компьютер, когда ему было тринадцать. Он тренировался и совершенствовался, и настолько преуспел, что к шестнадцати годам уже соперничал с самыми продвинутыми хакерами мира. Одно время он проводил за монитором каждую свободную минуту – писал собственные программы и размещал в Сети каверзные ловушки. Его охотно привечали в Би-би-си, в английском Министерстве обороны и в Скотланд-Ярде. Ему удалось даже ненадолго взять на себя командование британской атомной подводной лодкой, патрулировавшей в Северном море. К счастью, Троица принадлежал к категории любопытных сетевых фанатов, а не злоумышленников. Как только вламывался и получал доступ к компьютеру и сканировал его тайны, он терял к нему интерес. Максимум, что он себе позволял – и то довольно редко, – это рискованные шутки. Например, отвечая на запрос о дислокации, компьютер атомной подводной лодки предлагал капитану подтереть себе задницу. Последний инцидент, кстати, вызвал бурю эмоций в Министерстве обороны. И до Троицы дошло, что если государство всерьез угрожает хакерам длительными сроками тюремного заключения, то хвастаться своими способностями, вероятно, не лучшая идея.

Он получил диплом телевизионного техника, поскольку уже знал, как работает телефонная сеть, но потом пришел к выводу, что она безнадежно устарела, и переквалифицировался в частного консультанта по охране – устанавливал системы сигнализации и контролировал их работу. Некоторым особо избранным клиентам он мог еще предлагать такие услуги, как наблюдение и прослушивание телефонов.

Троица стал одним из основателей Республики хакеров.

А Оса – одной из ее граждан.

Когда они с Бобом Собакой приближались к Стокгольму в воскресенье вечером, было половина восьмого. Проехав комплекс «ИКЕА» при торговом центре «Кунгенс курва» в столичном пригороде Шерхольмен, Троица извлек мобильный телефон и вызвал записанный там номер.

– Чума, – сказал он.

– Вы где?

– Ты сказал, чтобы я позвонил, как проеду «ИКЕА».

Чума описал дорогу к турбазе на острове Лонгхольмен, где он забронировал коллегам из Англии комнату. Поскольку Чума почти никогда не выходил из квартиры, они условились на следующий день встретиться у него дома в десять утра.

Немного поразмыслив, Чума решился на трудовой подвиг – к приходу гостей помыл посуду, прибрался и проветрил квартиру.

Часть 3
Диск поврежден

27 мая – 6 июня

Историк Диодор Сицилийский (сведения которого некоторые другие историки считают ненадежным источником), в I веке до нашей эры описывал амазонок в Ливии – так в те времена называли всю территорию Северной Африки, расположенную к западу от Египта. Государство амазонок являлось гинократией, – то есть только женщины имели право занимать официальные посты, в том числе и военные.

Согласно легенде, государством амазонок правила царица Мирина, которая во главе 30 000 женщин-пехотинцев и 3 000 женщин-кавалеристов пронеслась через Египет и Сирию до Эгейского моря, разгромив на своем пути несколько армий, укомплектованных мужчинами. Когда Мирина погибла, ее войска истребили.

Армия царицы Мирины оставила в этих краях свой след. Женщины Анатолии взялись за оружие, чтобы отразить нападение с Кавказа, и уничтожили солдат-мужчин во время масштабного геноцида. Ливийские амазонки освоили любые виды оружия, в частности луки, копья, секиры и пики. Идею бронзовых кольчуг и доспехов они позаимствовали у греков.

Амазонки отвергали брак как идею подчинения мужчине. Для зачатия и рождения детей их на некоторое время освобождали от службы, – чтобы они могли вступить в связь со случайными анонимными мужчинами из близлежащих мест. Только женщине, убившей в сражении мужчину, можно было отдать свою невинность.

Глава 16

Пятница, 27 мая – вторник, 31 мая

В пятницу Микаэль Блумквист покинул редакцию «Миллениума» в половине одиннадцатого вечера. Он спустился по лестнице на первый этаж, но вышел не на улицу, а свернул налево и прошел по подвальному этажу во внутренний двор, а оттуда через соседний дом на Хёкенсгатан. Навстречу ему, из развлекательного центра «Мусебакке» двигалась группа молодежи, но никто не обратил на него никакого внимания. Сторонний наблюдатель должен был подумать, что Микаэль, как обычно, ночует в редакции «Миллениума», по привычке, которую он взял за правило еще в апреле. На самом же деле ночное дежурство в редакции сегодня выпало Кристеру Мальму.

Микаэль кружил минут пятнадцать по переулкам и пешеходным дорожкам вокруг «Мусебакке», а потом направился к дому номер 9 по Фискаргатан. Он набрал код, открыл дверь в подъезд, поднялся по лестнице на верхний этаж и воспользовался ключами Лисбет Саландер, чтобы попасть в ее квартиру. Затем отключил сигнализацию. Он всегда немного терялся, когда входил в квартиру Лисбет, состоявшую из двадцати одной комнаты, только три из которых были обставлены.

Первым делом Блумквист сварил кофе и приготовил бутерброды, а потом пошел в кабинет Лисбет и включил ее ноутбук.

Когда в начале апреля у него украли отчет Бьёрка и он обнаружил, что за ним следят, Микаэль оборудовал в квартире Лисбет личный штаб и перенес к ней на письменный стол всю важную документацию. Здесь он проводил несколько ночей в неделю – спал в ее постели и работал на ее компьютере. Лисбет, когда отправилась в Госсебергу, чтобы расправиться с Залаченко, стерла в компьютере всю информацию. Микаэль предполагал, что она, вероятно, не планировала возвращаться. Он использовал ее системные диски, чтобы вернуть компьютер в рабочее состояние.

Начиная с апреля, он даже ни разу не подключал интернет-кабель к своему компьютеру. Войдя в Сеть, Микаэль запустил программу ICQ и вызвал адрес, который она создала для него и сообщила через yahoo «Stolliga_Bordet».

«Привет, Салли».
«Как дела?»

«Я переработал две главы, которые мы с тобой обсуждали на прошлой неделе. Новая версия лежит на Yahoo. Что у тебя нового?»

«Готовы семнадцать страниц. Сейчас положу их на Stolliga Bordet».

«О’кей. Получил. Я прочту, и поговорим».

«У меня есть кое-что еще».

«Что?»

«Я создала еще одну группу на Yahoo под рубрикой Riddarna – Рыцари».

Микаэль улыбнулся.

«О’кей. Рыцари Дурацкого стола».

«Пароль yacaraca 12».

«О’кей».

«Нас всего четверо. Ты, я, Чума и Троица».

«Твои загадочные сетевые приятели…»

«Страховка».

«О’кей».

«Чума скопировал информацию с компьютера прокурора Экстрёма. Мы взломали его в апреле».

«О’кей».

«Если я лишусь компьютера, Чума будет держать тебя в курсе».

«Отлично. Спасибо».

Микаэль отключил ICQ и зашел в только что созданную на Yahoo группу «Riddarna». Там он обнаружил присланную Чумой ссылку на анонимный http-адрес, состоявший из одних цифр. Блумквист скопировал адрес в Explorer, нажал клавишу Enter и сразу попал на какую-то домашнюю страничку в Интернете, которая содержала шестнадцать гигабайт, представлявших собой жесткий диск Рикарда Экстрёма.

Чума явно не стал заморачиваться, он просто целиком скопировал винчестер прокурора. Так что Микаэлю пришлось потратить больше часа, чтобы хотя бы примерно рассортировать его содержимое. Он отбросил системные файлы, программное обеспечение и бесконечное множество предварительных следствий, датированных несколькими прошлыми годами, и в конце концов скачал четыре папки. Три из них имели рубрики

«ПредСл/Саландер», «Спам/Саландер» и «ПредСл/Нидерман» соответственно. Четвертая папка представляла собой копию электронных сообщений прокурора Экстрёма вплоть до 14.00 вчерашнего дня.

– Спасибо тебе, Чума, – восхитился Блумквист.

Целых три часа он читал материалы предварительного следствия и стратегии Экстрёма в преддверии суда над Лисбет Саландер. Много внимания, как и следовало предполагать, уделялось ее ментальному состоянию. Экстрём требовал проведения исчерпывающей судебно-психиатрической экспертизы и рассылал массу сообщений, призывавших незамедлительно перевести ее в следственный изолятор «Крунуберг».

Прокурор занимался поисками Нидермана, но они, как убедился Микаэль, пока, похоже, никаких результатов не дали. Расследование возглавлял Бублански. Ему удалось найти кое-какие вещественные доказательства против Нидермана по делу об убийстве Дага Свенссона и Миа Бергман, а также в деле об убийстве адвоката Бьюрмана. Микаэль сам способствовал сбору изрядной части этих доказательств во время трех долгих допросов в апреле, и если Нидермана когда-нибудь арестуют, то ему придется выступать в качестве свидетеля. Наконец-то ДНК из нескольких капель пота и двух волосков из квартиры Бьюрмана объединили с ДНК из комнаты Нидермана в Госсеберге. Та же ДНК обнаружилась и на останках финансового эксперта «Свавельшё МК» Виктора Йоранссона.

Но у Экстрёма имелось очень мало информации о Залаченко.

Микаэль закурил сигарету, подошел к окну и посмотрел на остров Юргорден[59].

Экстрём сейчас вел два предварительных следствия, на которые разделили изначально единое дело. При этом все, что касалось Лисбет Саландер, находилось в компетенции инспектора Ханса Фасте, Бублански же занимался исключительно Нидерманом.

Конечно, было бы логично, если бы Экстрём, как только в предварительном следствии возникло имя Залаченко, связался с генеральным директором Службы государственной безопасности и узнал бы, кто такой Залаченко на самом деле. Но ни в электронной почте, ни в регистрационном журнале или заметках никаких следов подобных контактов Экстрёма Микаэль не обнаружил. И все-таки какой-то информацией о Залаченко он владел. В заметках Блумквист наткнулся на некоторые загадочные формулировки.

Отчет о Саландер – фальшивка. Оригинал Бьёрка не соответствует версии Блумквиста. Гриф секретности.

Далее следовали записи, из которых можно было сделать вывод, что

Лисбет Саландер – парараноидальная шизофреничка, так что в 1991 году ее действительно следовало запереть в психушку.

Связь между двумя расследованиями Микаэль обнаружил в разделе «Спам» насчет Лисбет Саландер. Всю дополнительную информацию прокурор оценил как не относящуюся к делу. То есть он не намеревался использовать ее в судебном процессе или включать в доказательства против Саландер. Сюда входило все или почти все, что относилось к прошлому Залаченко.

Словом, все расследование проводилось крайне небрежно.

Интересно, подумал Микаэль, что можно считать случайностью, а что было кем-то спланировано? И где проходит граница? И знает ли Экстрём о существовании некоей границы?

Или, может быть, кто-то сознательно снабжает Экстрёма вроде бы достоверной, но вводящей в заблуждение информацией?

Микаэль зашел на Hotmail и следующие десять минут проверял десяток своих анонимных почтовых ящиков. Он каждый день непременно проверял адрес, который дал инспектору уголовной полиции Соне Мудиг, правда, не слишком надеясь, что она даст о себе знать. Поэтому удивился, когда, открыв этот почтовый ящик, нашел там сообщение от «ressallskap9april@hotmail.com». Сообщение состояло из одной строчки:

Кафе «Мадлен», второй этаж, суббота 11.00.

Микаэль кивнул и задумался.

Чума хотел пообщаться с Лисбет Саландер в ICQ около полуночи. Он прервал на полуслове ее работу над описанием жизни под опекой Хольгера Пальмгрена. Она раздраженно посмотрела на дисплей.

«Что тебе надо?»
«Привет, Оса, приятно тебя слышать».
«Да, да. Что?»
«Телеборьян».

Лисбет села в кровати и напряженно уставилась на экран компьютера.

«Рассказывай».
«Троица все устроил в рекордные сроки».
«Как?»

«Мозгоправ не сидит на месте. Он все время курсирует между Уппсалой и Стокгольмом, и нам никак не удается организовать hostile takeover[60]».

«Знаю. Но как?»

«Он два раза в неделю играет в теннис. Примерно по два часа. Оставил компьютер в машине на подземной стоянке».

«Ага».

«Троица без проблем отключил в машине сигнализацию и достал компьютер. Ему потребовалось тридцать минут, чтобы скопировать все через Firewire и инсталлировать “Асфиксию”».

«Где?»

Чума назвал http-адрес сервера, где он сохранил жесткий диск доктора Петера Телеборьяна.

«Цитируя Троицу… This is some nasty shit[61]».

«?»

«Взгляни на его жесткий диск».

Лисбет Саландер откючилась от Чумы, зашла в Интернет, нашла указанный сервер и последующие три часа просматривала папку за папкой в компьютере Телеборьяна.

Она обнаружила переписку между психиатром и человеком, который имел адрес на Hotmail и посылал зашифрованные сообщения. Поскольку она имела доступ к ключу шифрующей программы Телеборьяна, прочесть корреспонденцию ей не составило труда. Звали человека Юнас, фамилия отсутствовала. В своей переписке Юнас с Телеборьяном проявляли патологический интерес к состоянию здоровья Лисбет Саландер.

Что ж, мы сможем доказать факт заговора.

Однако больше всего Лисбет Саландер заинтересовали сорок семь папок, содержащих 8756 снимков с жестким детским порно. Снимок за снимком, она открывала изображения детей лет пятнадцати или младше, в основном девочек. На ряде фотографий оказались совсем маленькие дети. Некоторые из снимков были садистского характера.

Лисбет обнаружила ссылки по меньшей мере на дюжину адресатов в разных странах, которые обменивались друг с другом материалами детского порно.

Она прикусила нижнюю губу. Лицо ее при этом оставалось безучастным.

Лисбет вспоминала те ночи, когда она, двенадцатилетняя, лежала привязанной ремнями в «лишенной раздражителей» палате детской психиатрической клиники Святого Стефана. Телеборьян всегда появлялся из полумрака и рассматривал ее при свете ночника.

Она знала. Он ее так и не тронул, но она всегда знала.

Лисбет проклинала себя – ей следовало заняться Телеборьяном еще несколько лет назад, но она вытесняла его из головы и игнорировала его существование.

Тем самым она позволила ему продолжать совершать злодеяния.

Через некоторое время Лисбет вызвала в ICQ Микаэля Блумквиста.

Микаэль провел ночь в квартире Лисбет Саландер на Фискаргатан. Он выключил компьютер только в половине седьмого утра, и когда засыпал, ему все мерещились снимки грубой детской порнографии. Проснулся Блумквист в четверть одиннадцатого, выскочил из постели Лисбет, принял душ и заказал такси, которое подобрало его перед театром «Сёдра театерн». Без пяти одиннадцать он остановил машину на Биргер Ярлсгатан и пешком дошел до кафе «Мадлен».

Соня Мудиг сидела за столом, перед ней стояла чашка черного кофе.

– Привет! – поздоровался Микаэль.

– Я очень рискую, – сказала она, не ответив на приветствие. – Если кто-нибудь узнает, что я с вами встречалась, меня выгонят с работы и могут даже осудить.

– Я не собираюсь ни с кем делиться.

Соня нервничала.

– Один из моих коллег только что побывал у экс-премьер-министра Турбьёрна Фельдина. Он ездил к нему по собственной инициативе, и тоже может лишиться работы.

– Понятно.

– Я требую гарантий анонимности для нас обоих.

– Я даже не знаю, о каком коллеге вы говорите.

– Я расскажу, но вы должны пообещать, что он останется анонимным источником.

– Обещаю.

Она покосилась на часы.

– Вы торопитесь?

– Да. Я через десять минут встречаюсь с мужем и детьми в пассаже Стурегаллериан. Мой муж думает, что я на работе.

– А Бублански об этом ничего не знает?

– Нет, не знает.

– О’кей. Вы с коллегой являетесь источниками, и вам обоим гарантируется полная анонимность, до могилы.

– Мой коллега – это Йеркер Хольмберг, с которым вы встречались в Гётеборге. Его отец – член Партии центра, и Йеркер знает Фельдина с детства. Он поехал к нему с частным визитом, чтобы разузнать о Залаченко.

– Ясно.

У Микаэля вдруг заколотилось сердце.

– Фельдин производит впечатление порядочного человека. Хольмберг рассказал ему о Залаченко и спросил, что ему известно о перебежчике. Фельдин ничего не ответил. Потом Хольмберг поделился с ним нашими подозрениями: люди, прикрывавшие Залаченко, заперли Лисбет Саландер в психушку. Фельдин очень нервничал.

– Ясно.

– Фельдин рассказал, что сразу после того, как его назначили премьер-министром, его посетил руководитель СЭПО и еще один коллега. Они рассказали ему душераздирающую шпионскую историю о русском агенте, перебежавшем в Швецию, и объяснили, что это самая охраняемая военная тайна Швеции, что это беспрецедентный эпизод в истории шведской обороны.

– О’кей.

– Фельдин признался, что не знал, как ему следовало поступить. Премьер-министром он стал только что, и у его правительства еще не было опыта. Ведь страной более сорока лет правили социалисты. Ему объяснили, что принимать решение он должен лично и что если он начнет консультироваться с членами правительства, то СЭПО снимает с себя всякую ответственность. Фельдину все это показалось неприемлемым, но он не знал, что ему делать.

– О’кей.

– Под конец он решил, что вынужден поступить так, как предлагают господа из СЭПО. Он подписал директиву, согласно которой Залаченко полностью поступал в их распоряжение. Он обязался никогда ни с кем не обсуждать этот эпизод, а сам так и не узнал имени перебежчика.

– Понятно.

– И хотя Фельдин потом находился у власти два срока, он об этом деле практически так ничего не слышал. Правда, он поступил как настоящий мудрец – настоял на том, чтобы в тайну посвятили госсекретаря, который должен был функционировать как *go between*[62] между министерской канцелярией и теми, кто охранял Залаченко.

– Вот как?

– Госсекретаря зовут Бертиль К. Янерюд, ему сейчас шестьдесят три года, и он является генеральным консулом Швеции в Амстердаме.

– Черт побери!

– Когда Фельдин понял, что ситуация осложняется, он сел и написал письмо Янерюду.

Соня Мудиг передала через стол конверт.

Дорогой Бертиль!

Тайна, которую мы оба защищали, когда я возглавлял правительство, стала сейчас объектом пристального внимания. Человека, которого это дело касалось, уже нет в живых, и ему не может быть причинен ущерб. Зато могут пострадать другие люди.

Крайне важно получить ответы на некоторые вопросы.

Человек, который доставит это письмо, работает неофициально и пользуется моим доверием. Я прошу тебя выслушать его рассказ и ответить на вопросы, которые он задаст.

Будь добр и прояви свое знаменитое здравомыслие.

ТФ

– В письме, следовательно, имеется в виду Йеркер Хольмберг.

– Нет. Хольмберг просил Фельдина не указывать имени. Он объяснил, что не знает, кто именно поедет в Амстердам.

– Вы хотите сказать…

– Мы с Йеркером все обсудили. Мы с ним уже ходим по такому тонкому льду, что нам требуются скорее весла, чем альпинистские кошки. У нас нет решительно никаких полномочий, чтобы ехать в Амстердам и допрашивать генерального консула. А вы вполне можете поехать.

Микаэль сложил письмо и уже начал засовывать его в карман пиджака, когда Мудиг крепко схватила его за руку.

– Информацию за информацию, – сказала она. – Мы хотим знать, что вам расскажет Янерюд.

Блумквист кивнул.

Соня встала.

– Минутку. Вы сказали, что к Фельдину приходили два человека из СЭПО. Один из них был руководитель. А кто второй?

– Фельдин встречался с ним только однажды и не мог припомнить его имени. Никаких записей во время встречи не велось. Он помнит, что тот был худой, с тонкими усиками. Его представили как начальника «Секции для спецанализов» или что-то вроде этого. Фельдин потом изучал штатное расписание СЭПО, но такого отдела обнаружить не смог.

«Клуб Залаченко», – подумал Микаэль.

Соня Мудиг снова села, казалось, в нерешительности.

– О’кей, – сказала она наконец. – Пускай меня расстреляют. Оказалось, что имеется запись, о которой не подумали ни Фельдин, ни посетители.

– Какая?

– Регистрационный журнал Фельдина в Русенбаде.

– И?..

– Йеркер запросил журнал. Это не секретный документ.

– И что же?

Соня все еще сомневалась.

– Согласно журналу, премьер-министр встречался с руководителем СЭПО и его сотрудником для обсуждения вопросов общего характера.

– Там стояло какое-то имя?

– Да. Э. Гульберг.

Микаэль почувствовал, как кровь ударила ему в голову.

– Эверт Гульберг, – произнес он.

Лицо Мудиг выражало решительность. Она кивнула, потом встала и ушла.

А Блумквист остался в кафе «Мадлен».

Он достал анонимный мобильный телефон и забронировал авиабилет в Амстердам. Самолет вылетал из аэропорта Арланда в 14.50. Микаэль дошел до магазина мужской одежды «Дрессманн» на Кунгсгатан и приобрел чистую рубашку и смену белья, потом завернул в аптеку «Клара», где купил зубную щетку и туалетные принадлежности. Все время проверяя, нет ли за ним слежки, он прыгнул в отправлявшийся в аэропорт экспресс и оказался в Арланде всего лишь за десять минут до вылета.

В 18.30 Микаэль уже снял номер в довольно убогом отеле в квартале красных фонарей, примерно в десяти минутах ходьбы от центрального вокзала Амстердама.

Почти два часа он пытался определить местонахождение в городе генерального консула Швеции и около девяти часов вечера все-таки связался с ним по телефону. Используя свое красноречие, Микаэль всячески подчеркивал, что у него неотложное дело первостепенной важности и что ему необходимо обсудить его без промедлений, и в конце

концов добился от консула согласия на встречу в воскресенье, в десять утра.

После этого Микаэль вышел на улицу и слегка перекусил в ресторане неподалеку от гостиницы. Около одиннадцати он уже спал.

Генеральный консул Бертиль К. Янерюд, угощавший гостя кофе у себя в апартаментах, оказался не слишком словоохотлив.

– Ну… И что же потребовало такой срочности?

– Александр Залаченко. Русский перебежчик, который прибыл в Швецию в семьдесят шестом году, – сказал Микаэль, протягивая ему записку Фельдина.

Янерюд смутился. Он прочел письмо и бережно отложил его в сторону.

Следующие полчаса Микаэль объяснял, в чем заключается проблема и почему Фельдин написал это письмо.

– Я… Я не имею права обсуждать это дело, – сказал наконец Янерюд.

– Нет, имеете.

– Нет, я могу обсуждать его только перед конституционной комиссией Риксдага.

– Вполне допускаю, что такой случай вам представится. Но в письме вас просят проявить свое здравомыслие.

– Фельдин – порядочный человек.

– Я в этом нисколько не сомневаюсь. К тому же я не собираю информацию о вас или о Фельдине. Не надо выдавать мне никаких военных тайн, которые, возможно, раскрыл Залаченко.

– А я и не знаю никаких тайн. Я даже не знал, что его звали Залаченко… Мне он известен только под псевдонимом.

– Под каким же?

– Его называли Рубен.

– О’кей.

– Я не имею права это обсуждать.

– Имеете, имеете, – повторил Микаэль, усаживаясь поудобнее. – Дело в том, что вся эта история вскоре станет достоянием общественности. И когда это произойдет, СМИ либо опорочат вас, либо охарактеризуют как достойного человека и добропорядочного государственного чиновника, который в безнадежной ситуации сделал все, что от него зависело. Ведь Фельдин поручил вам роль посредника между ним и теми, кто занимался Залаченко. Это мне уже известно.

Янерюд кивнул.

– Расскажите.

Чиновник молчал почти целую минуту.

– Я не получал никогда никакой информации. Я был молод и неопытен. Я виделся с ними приблизительно дважды в год, пока это было актуально. Мне сообщали, что Рубен… что Залаченко жив и здоров, что он сотрудничает и выдает бесценную информацию. Я никогда не интересовался деталями. Да и к чему они мне…

Микаэль ждал.

– Перебежчик раньше находился в других странах и ничего не знал о Швеции. Так что политика национальной безопасности вполне могла бы обойтись и без него. Пару раз я информировал премьер-министра, но чаще всего сказать мне бывало нечего.

– О’кей.

– Спецслужбы утверждали, что используют его традиционным образом и что получаемую от него информацию пропускают по нашим обычным каналам. Что я мог сказать? Если я спрашивал, что это означает, они высокомерно улыбались и отвечали, что это выходит за рамки моей компетенции. Я чувствовал себя идиотом.

– А вы никогда не задумывались над тем, что вся эта история с Залаченко развивается по ошибочному сценарию?

– Нет. Ничего подобного мне не казалось. Я считал, что СЭПО знает, что делает, что там у них есть опыт и навыки. Но я не имею права обсуждать это дело.

К тому времени Янерюд уже в течение нескольких минут его обсуждал.

– Но все это не имеет значения. Сейчас важно только одно.

– Что именно?

– Имена людей, с которыми вы встречались.

Янерюд вопросительно взглянул на Микаэля.

– Сотрудники, курировавшие Залаченко, значительно превысили свои полномочия. Они занимались криминальной деятельностью и против них инициировано предварительное следствие. Поэтому-то Фельдин и послал меня к вам. Он не знает имен, ведь встречались с ними вы.

Янерюд моргал и сжимал губы.

– Вы встречались с Эвертом Гульбергом… Он был главным.

Янерюд кивнул.

– Сколько раз вы с ним виделись?

– Он присутствовал на всех встречах, кроме одной. За те годы, что Фельдин был премьер-министром, мы встречались раз десять.

– Где вы встречались?

– В вестибюле какой-нибудь гостиницы. Чаще всего в «Шератоне», однажды в «Амарантен» на Кунгсхольмене и несколько раз в пабе «Континенталя».

– А кто еще присутствовал на встречах?

Янерюд растерянно заморгал.

– Это было так давно, что я не помню.

– Попытайтесь вспомнить.

– Одного из них звали Клинтон. Как американского президента.

– А имя?

– Фредрик Клинтон. Я с ним встречался раза четыре, или пять.

– О’кей… А кто еще?

– Ханс фон Роттингер. Меня с ним познакомила моя мать.

– Ваша мать?

– Да, она знала семью фон Роттингер. Ханс фон Роттингер сразу мне очень понравился. И пока он вдруг не появился на встрече вместе с Гульбергом, я представления не имел о том, что он работает в СЭПО.

– Он там и не работал, – сказал Микаэль.

Янерюд побледнел.

– Он работал в какой-то структуре, которая называлась «Секция для спецанализов», – сказал Микаэль. – Что вам о ней известно?

– Ничего… Я хочу сказать, что ведь именно они и занимались перебежчиком.

– Да. Но, согласитесь, любопытно, что их нет в организационной структуре СЭПО.

– Но ведь это абсурд…

– Вот именно! Но как вы договаривались о встречах? Они звонили вам, или вы им?

– Нет… На каждой встрече мы договаривались, где и когда встретимся в следующий раз.

– А если вам требовалось с ними связаться? Например, чтобы изменить время встречи или что-нибудь в этом роде?

– У меня был номер телефона, по которому я мог позвонить.

– Какой номер?

– Честно говоря, не помню.

– Чей это был номер?

– Не знаю. Я им ни разу так и не воспользовался.

– О’кей. Тогда следующий вопрос… Кому вы передали это дело?

– Что вы имеете в виду?

– Когда Фельдин ушел в отставку, кто занял ваше место?

– Не знаю.

– Вы писали какой-нибудь рапорт?

– Нет, ведь дело считалось суперсекретным. Мне даже не разрешали ничего записывать.

– И вы ничего не передавали своему преемнику?

– Нет.

– Но как все это происходило?

– Когда Фельдин ушел в отставку, он передал все дела и полномочия Уле Ульстену. А мне сказали, что нам следует подождать до следующих выборов. Тогда Фельдина вновь избрали, и наши встречи возобновились. Потом на выборах восемьдесят второго года победили социалисты. Полагаю, что Пальме подобрал кого-нибудь мне на смену. Я же перешел на работу в Министерство иностранных дел и стал дипломатом. Меня направили в Египет, потом в Индию…

Микаэль еще по инерции продолжал задавать вопросы. Но он уже не сомневался, что вытянул из Янерюда максимум сведений.

Три имени.

Фредрик Клинтон.

Ханс фон Роттингер.

И Эверт Гульберг – тот, кто застрелил Залаченко.

Они и составляли «Клуб Залаченко».

Микаэль поблагодарил Янерюда за беседу и за информацию. Затем заказал такси и поехал обратно к центральному вокзалу. Уже сидя в такси, он опустил руку в карман пиджака и выключил магнитофон.

Блумквист приземлился в Арланде в половине восьмого вечера, в воскресенье.

Эрика Бергер задумчиво разглядывала картинку на экране монитора. Потом через стену стеклянной клетки окинула взглядом полупустую редакцию. Андерса Хольма на работе не было. Она не видела никого, кто проявлял к ней интерес, открыто или украдкой. У нее не было никакого повода подозревать, что кто-то из сотрудников редакции желает причинить ей вред.

Сообщение пришло минуту назад. Отправителем значился «redax@aftonbladet.com», и Эрика удивилась, почему именно «Афтонбладет».

Адрес явно был сфальсифицирован. Текста в письме вообще не было. На этот раз ей прислали фотографию в формате jpg, которую Эрика загрузила в программе фотошоп.

Снимок был из разряда порнографических. Он изображал обнаженную женщину с гигантской грудью и поводком вокруг шеи. Она стояла на четвереньках, и к ней пристроились сзади.

Автор даже не потрудился сделать коллаж и ретушировать изображение. Он просто заменил лицо в оригинале и вклеил лицо Эрики Бергер. Ее фотографию нашли в архивах статей в «Миллениуме», которые находились в открытом доступе.

А под снимком кисточкой из «Фотошопа» вывели одно слово.

Шлюха.

Уже девятая анонимка, содержавшая слово «шлюха». И отправителем каждый раз значился какой-нибудь из крупных медийных концернов Швеции. Ее явно преследовал какой-то киберманьяк.

Оказалось, что прослушивать телефоны сложнее, чем взламывать чужие компьютеры. Троица с легкостью локализовал кабель домашнего телефона прокурора Экстрёма. Но проблема заключалась в том, что тот редко или, скорее, вообще никогда не вел служебных бесед по стационарному телефону. А установить подслушивающее устройство на рабочий телефон Экстрёма в полицейском управлении Троице даже не пришло Троице в голову – для этого требовался общий доступ к шведской кабельной сети, которого он не имел.

Зато они с Бобом Собакой почти неделю потратили на попытки идентифицировать мобильный телефон Экстрёма на фоне помех от примерно двухсот тысяч других мобильных телефонов в радиусе километра от полицейского управления.

Троица с Бобом Собакой использовали систему под названием RFTS[63]. В принципе, о ней знали многие. Ее разработало американское АНБ[64]. Она опиралась на данные спутников, которые вели точечное наблюдение за очагами кризисов и столицами по всему миру, вызывающими особый интерес.

АНБ обладало гигантскими ресурсами и запускало колоссальную сеть, чтобы в определенном регионе зафиксировать множество мобильных разговоров одновременно. Каждый отдельный разговор локализовался и подвергался цифровой обработке с помощью компьютеров, запрограммированных реагировать на определенные слова и фразы – например, «террорист» или «Калашников». Если подобное слово встречалось, компьютер автоматически посылал сигнал тревоги, после чего

какой-нибудь оператор подключался и прослушивал разговор, чтобы определить, представляет он интерес или нет.

Гораздо сложнее было идентифицировать конкретный мобильный телефон. При помощи исключительно чувствительной аппаратуры АНБ могло сконцентрироваться на определенном районе, выделять и прослушивать отдельные разговоры. Техника опиралась на простой, но не стопроцентно надежный принцип. Гораздо сложнее идентифицировались исходящие разговоры, в то время как засечь входящий разговор было легче, поскольку он начинался с набора нужного номера, благодаря чему распознается сигнал.

Правда, между Троицей и АНБ лежала непреодолимая экономическая пропасть. Агентство распоряжалось годовым бюджетом в несколько миллиардов американских долларов. На него постоянно работали около 12 000 агентов, имея при этом доступ новейшим технологиям в области компьютеров и телефонии. Троица же владел фургоном примерно с тридцатью килограммами электронного оборудования, бо́льшая часть которого была собрана руками Боба Собаки. Агентство АНБ, при помощи глобального наблюдения со спутников, фокусировало исключительно чувствительные антенны на конкретном здании в любой точке мира. У Троицы же имелась лишь сконструированная Бобом Собакой антенна с радиусом эффективного действия приблизительно 500 метров.

Троице приходилось припарковывать фургон со всей своей чудо-техникой на Бергсгатан или на какой-нибудь другой из близлежащих улиц. Только после особых усилий ему удалось откалибровать оборудование – так, чтобы оно идентифицировало мобильный телефон прокурора Рикарда Экстрёма по его номеру, который все равно что отпечатки пальцев. Все осложнялось еще и тем обстоятельством, что Троица не знал шведский язык, поэтому ему приходилось через другой мобильный телефон направлять разговоры домой к Чуме, который непосредственно занимался прослушиванием.

В течение пяти суток Чума до полного изнеможения слушал огромное количество входящих и исходящих разговоров полицейского управления и соседних зданий. Он вникал во все детали актуальных расследований, намечаемых любовных свиданиях и записывал на магнитофон множество разговоров, содержащих разный трэш. На пятый день, поздно вечером, Троица послал сигнал, который цифровой дисплей сразу идентифицировал как мобильный номер прокурора Экстрёма. Чума зафиксировал параболическую антенну на точной частоте.

Система RFTS в основном сосредоточивалась на входящих разговорах.

Антенна Троицы просто-напросто перехватывала вызовы с мобильного номера Экстрёма, которые посылались в эфир из любой точки Швеции.

Теперь Троица мог начать записывать на пленку разговоры Экстрёма. Он зафиксировал и голос прокурора, который должен был обрабатывать Чума.

Тот пропустил цифровую запись голоса Экстрёма через программу под названием VPRS, что расшифровывалось как Voiceprint Recognition System[65]. Он определил дюжину часто встречающихся слов, например «о’кей» или «Саландер». Получив пять отдельных примеров одного слова, Чума исследовал, сколько времени занимает их произнесение, каковы тембр голоса и какая частота, как расставляется ударение и множество других отличительных признаков. В результате он получил графическую кривую, а заодно и возможность прослушивать и исходящие разговоры прокурора Экстрёма: его парабола постоянно отлавливала разговоры, в которых повторялась графическая кривая Экстрёма с десятком повторяющихся слов. Эта техника была далека от совершенства, но приблизительно пятьдесят процентов звонков, которые Экстрём делал со своего мобильного телефона из любого места поблизости от полицейского управления, прослушивалось и записывалось на пленку.

Но, к сожалению, такая технология имела один явный дефект. Как только прокурор Экстрём покидал полицейское управление, Троица терял возможность прослушивать его телефон, если не знал, где тот находится, и не мог припарковаться в непосредственной близости от его мобильника.

Наконец-то, получив распоряжение из самой высокой инстанции, Торстен Эдклинт смог создать компактное оперативное подразделение на легальных основаниях. Он отобрал четырех сотрудников, особое предпочтение отдавая молодым талантам с опытом службы в обычной полиции, относительно недавно приглашенным в ГПУ/Без. Двое из них раньше работали в отделе по борьбе с мошенничеством, один – в финансовой полиции, еще один – в отделе по борьбе с особо тяжкими преступлениями.

Их пригласили в кабинет к Эдклинту, чтобы сообщить о характере задания и требовании соблюдать полную секретность. Эдклинт подчеркнул, что расследование инициировано по требованию премьер-министра. Начальником нового подразделения назначили Монику Фигуэрола, которая возглавила расследование с энтузиазмом, соответствовавшим ее внешности.

Однако расследование все же продвигалось медленно. Поскольку

следователи все-таки не были уверены в том, кто входит в круг подозреваемых и что именно нужно расследовать. Эдклинт с Фигуэроли неоднократно обсуждали, а не лучше ли сразу арестовать Мортенссона и начать задавать ему вопросы, но каждый раз решали все-таки подождать – подобный арест рассекретил бы расследование.

Только во вторник, через одиннадцать дней после встречи с премьер-министром, Моника явилась в кабинет к Эдклинту.

– Думаю, мы кое-что обнаружили, – заявила она.

– Садись.

– Эверт Гульберг.

– Да?

– Один из наших следователей поговорил с Маркусом Эрландером, который проводит расследование убийства Залаченко. Эрландер утверждает, что уже через два часа после убийства с гётеборгской полицией связались из ГПУ/Без и передали информацию о письмах Гульберга с угрозами.

– Очень оперативно.

– Да. Даже слишком оперативно. Из ГПУ/Без в Гётеборг по факсу переслали девять писем, авторство которых приписывается Гульбергу. Но возникает одна проблема.

– Какая?

– Два письма были адресованы в министерства – министру юстиции и министру по вопросам демократии.

– Я уже в курсе.

– Да, но письмо к министру по вопросам демократии было зарегистрировано в министерстве только на следующий день. Его доставили с вечерней почтой.

Эдклинт уставился на Монику. Впервые он испугался, что все его подозрения окажутся небеспочвенными. А она упрямо продолжала:

– Иными словами, из ГПУ/Без прислали копию письма с угрозами еще до того, как оно дошло до адресата.

– О, господи, – произнес Эдклинт.

– Факс посылал сотрудник отдела личной охраны.

– Кто?

– Не думаю, чтобы он имел к этому отношение. Ему положили письма на стол и вскоре после убийства велели связаться с полицией Гётеборга.

– Но от кого поступило распоряжение?

– От секретаря начальника канцелярии.

– Господи, Моника… Ты понимаешь, что это означает?

– Да.

– Это означает, что сотрудники ГПУ/Без замешаны в убийстве Залаченко.

– Нет. Это означает, что некие люди внутри ГПУ/Без знали о том, что будет совершено убийство. Вопрос только в том, какие именно?

– Начальник канцелярии…

– Да. Но я начинаю подозревать, что этот «Клуб Залаченко» находится за пределами нашего здания.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Мортенссон. Его перевели из отдела личной охраны, и он теперь работает самостоятельно. На прошлой неделе мы наблюдали за ним целыми днями. Насколько нам известно, он не связывался ни с кем из нашего здания. Ему звонят по мобильному телефону, который нам не удается прослушать. Мы не знаем номера, но это точно не его собственный телефон. Мортенссон встречался с тем блондином, личность которого установить нам пока не удалось.

Эдклинт нахмурился. В тот же миг в дверь постучал Андерс Берглунд – сотрудник, приглашенный в новое оперативное подразделение и раньше работавший в финансовой полиции.

– Мне кажется, я обнаружил Эверта Гульберга, – сообщил Берглунд.

– Заходи, – сказал Эдклинт.

Берглунд положил на стол обтрепанную по краям черно-белую фотографию. Эдклинт с Фигуэролой стали ее разглядывать. На ней был изображен мужчина, которого они оба сразу узнали. Это был легендарный полковник-шпион Стиг Веннерстрём, и его вводили в дверь два крепких, одетых в штатское полицейских.

– Эта фотография из издательства «Олен & Окерлунд», она была опубликована в журнале «Се» весной шестьдесят четвертого года. Ее сделали в связи с судебным процессом, на котором Веннерстрёма приговорили к пожизненному заключению.

– Вот оно что…

– На заднем плане видны три человека. Справа – комиссар Отто Даниэльссон, арестовывавший Веннерстрёма.

– Да…

– Посмотрите на человека, который стоит чуть слева за Даниэльссоном.

Эдклинт и Фигуэрола увидели высокого мужчину с тонкими усиками и в шляпе, чем-то похожего на писателя Дэшилла Хэммета[66].

– Сравните его лицо с паспортной фотографией Гульберга. Ее сделали,

когда ему было шестьдесят шесть лет.

Эдклинт нахмурил брови.

– Я бы, пожалуй, не поручился, что это тот же человек.

– А я могу поручиться, – сказал Берглунд. – Переверните снимок.

На обратной стороне фотографии имелся штамп. Судя по всему, фотография принадлежала издательству «Олен & Окерлунд», а фотографа звали Юлиус Эстхольм. Карандашом был написан текст: «Стиг Веннерстрём с двумя полицейскими по бокам входит в здание Стокгольмского суда. На заднем плане: О. Даниэльссон, Э. Гульберг и Х. В. Франке».

– Эверт Гульберг, – сказала Моника Фигуэрола. – Он все-таки работал в ГПУ/Без.

– Нет, – возразил Берглунд. – По техническим причинам работать в ГПУ/Без он тогда не мог. По крайней мере, когда делался снимок.

– Но почему?

– ГПУ/Без создали на четыре месяца позже. На этом снимке он по-прежнему работает в Государственной тайной полиции.

– А кто такой этот Х. В. Франке? – поинтересовалась Моника Фигуэрола.

– Ханс Вильгельм Франке, – ответил Эдклинт. – Он умер в начале девяностых, а в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов являлся заместителем начальника Государственной тайной полиции. Был своего рода легендарной личностью, как и Отто Даниэльссон. Я встречался с ним пару раз.

– Во как, – сказала Моника Фигуэрола.

– Он оставил ГПУ/Без в конце шестидесятых. Франке не смог найти общий язык с Винге, и его чуть ли не уволили, когда ему было примерно пятьдесят – пятьдесят пять лет. Он открыл собственную фирму.

– Собственную фирму?

– Да, стал консультантом по вопросам безопасности для частных предприятий. У него был офис на площади Стуреплан, но он время от времени еще и читал лекции на занятиях по повышению квалификации в ГПУ/Без. Там-то я с ним и встречался.

– Понятно. А что же не поделили Винге и Франке?

– Они не сработались. Во Франке было что-то от ковбоя, ему повсюду мерещились агенты КГБ, а Винге был типичным бюрократом, представителем старой школы. Правда, последнего вскоре уволили – по иронии судьбы, за то, что он решил, будто Пальме работает на КГБ.

– Ну и ну, – произнесла Моника, разглядывая фотографию, на которой

Гульберг и Франке стояли рядом.

– Думаю, нам пора снова побеседовать с министром юстиции, – сказал Эдклинт.

– Сегодня вышел номер «Миллениума», – сказала Фигуэрола.

Эдклинт метнул в нее пристальный взгляд.

– Там нет ни слова о Залаченко, – сообщила она.

– Значит, у нас, скорее всего, есть еще месяц до следующего номера. Это, пожалуй, обнадеживающая но-вость. Нам нужно взяться за Блумквиста. А то он как ручная граната с выдернутой чекой в самом центре навозной кучи…

Глава 17

Среда, 1 июня

Микаэль Блумквист никак не ожидал встретить кого-либо на последнем марше лестницы, ведущей к его мансарде на Бельмансгатан, 1.

Было семь часов вечера. Когда он увидел блондинку с короткими вьющимися волосами, сидевшую на верхней ступеньке, то резко остановился. По паспортной фотографии, которую раздобыла Лотта Карим, Микаэль сразу опознал в блондинке Монику Фигуэрола из ГПУ/Без.

– Привет, Блумквист! – приветливо поздоровалась она и захлопнула книгу, которую только что читала.

Покосившись на обложку, Микаэль заметил, что книга на английском языке и посвящена восприятию Бога в эпоху античности. Он поднял глаза и взглянул на нежданную посетительницу. Та встала. Она была в летнем платье с короткими рукавами, а на перилах висела кирпичного цвета кожаная куртка.

– Нам надо с вами поговорить, – сказала Моника.

Блумквист пригляделся. Высокая, выше его – правда, впечатление усиливалось еще и потому, что он стоял на две ступеньки ниже. Окинув взглядом сначала ее руки, потом ноги, Микаэль отметил, что мышцы у нее развиты значительно лучше, чем у него.

– Вы пару часов в неделю проводите в спортзале, – сказал он.

Она улыбнулась и достала удостоверение.

– Меня зовут…

– Вас зовут Моника Фигуэрола, вы шестьдесят девятого года рождения и проживаете на Понтоньергатан на Кунгсхольмене. Родились в Бурленге, работали в полиции в Уппсале. И уже три года служите в ГПУ/Без, в Отделе защиты конституции. Вы увлекаетесь спортом, когда-то входили в элиту спортивного мира и чуть не попали в шведскую олимпийскую сборную. Почему я вас заинтересовал, позвольте спросить?

Моника удивилась столь глубоким познаниям о собственной персоне, но кивнула и быстро опомнилась.

– Как хорошо, – сказала она весело. – Значит, вам известно, кто я и что вам не следует меня бояться.

– Не следует?

– Есть люди, которым необходимо побеседовать с вами в спокойной обстановке. Поскольку ваша квартира и мобильный телефон, похоже,

прослушиваются, а по некоторым причинам нашу с вами встречу не следует афишировать, меня послали, чтобы пригласить вас на встречу.

– С какой стати я должен куда-то ехать с человеком, работающим в СЭПО?

Фигуэрола немного подумала.

– Ну… Предположим, что вы любезно откликнетесь на личное приглашение. Или, если вас это больше устраивает, я могу надеть на вас наручники и забрать с собой.

Она мило улыбнулась. Микаэль улыбнулся в ответ.

– Послушайте, Блумквист… Я понимаю, что у вас нет особых оснований доверять кому-либо из ГПУ/Без. Но поверьте, не все, кто там работает, являются вашими врагами, а у моего начальства есть весьма веские причины встретиться с вами и побеседовать.

Он выжидал.

– Так как вам больше хочется? В наручниках или добровольно?

– В этом году полиция уже однажды надевала на меня наручники. Так что квота уже исчерпана. Так куда же мы поедем?

Свой новенький «Сааб 9–5» Моника припарковала за углом, в переулке Прюссгренд. Когда они сели в машину, она извлекла мобильный телефон, нажала на клавишу быстрого набора и сказала:

– Мы будем на месте через пятнадцать минут.

Фигуэрола велела Микаэлю пристегнуть ремень безопасности и поехала через Шлюз в сторону района Эстермальм. Они остановились на улице, пересекавшей Артиллеригатан. Моника повернулась к Микаэлю и секунду сидела неподвижно, глядя на него.

– Блумквист… Не волнуйтесь. Вы ничем не рискуете.

Микаэль ничего не ответил. Он пока вообще не понимал, о чем идет речь. Моника набрала код подъезда, после чего они поднялись на лифте на четвертый этаж, к квартире, на которой висела табличка: Мартинссон.

– Мы просто одолжили эту квартиру для сегодняшней встречи, – объяснила она, открывая дверь. – Направо, в гостиную.

Первым Микаэль увидел Торстена Эдклинта. Что его нисколько не удивило, поскольку Служба безопасности имеет самое непосредственное отношение ко всему происходящему. А Эдклинт – начальник Моники Фигуэрола. Уже тот факт, что начальник Отдела защиты конституции распорядился доставить его сюда, свидетельствовал о том, что кто-то явно забеспокоился.

Потом Блумквист увидел возле окна еще одного человека. И когда тот повернулся, Микаэль удивился.

Это был министр юстиции.

Затем до него донесся какой-то звук справа, и журналист увидел, что из кресла поднимается человек с очень знакомым лицом. Хотя, конечно, он никак не рассчитывал на то, что Моника Фигуэрола привезет его на конспиративную вечернюю встречу с премьер-министром.

– Добрый вечер, господин Блумквист, – поздоровался премьер-министр. – Простите, что мы пригласили вас на встречу, не предупредив о ней заранее. Но мы обсудили ситуацию и сошлись на том, что нам необходимо с вами побеседовать. Могу ли я предложить вам кофе или что-нибудь из напитков?

Микаэль огляделся. Он увидел обеденный стол из темного дерева, загроможденный стаканами, чашками из-под кофе и остатками бутербродов. Они, наверное, сидят тут уже несколько часов.

– Минеральную воду, – попросил он.

Фигуэрола налила ему воды. Они расселись на диванах и креслах, а Моника осталась где-то на заднем плане.

– Он опознал меня; знал, как меня зовут, где я живу, где работаю и даже что увлекаюсь спортом, – сказала она.

Премьер-министр поспешно взглянул на Торстена Эдклинта, а потом посмотрел на Микаэля. Тот вдруг понял, что у него в этом раунде на руках козырная карта. Премьер-министр от него явно чего-то хочет, но, скорее всего, представления не имеет о том, что Блумквисту известно, а что нет.

– Я просто пытаюсь держать в поле зрения всех действующих лиц этой истории, – непринужденно сказал Микаэль.

Надо же, черт побери, приходится блефовать не с кем-нибудь, а с самим премьер-министром.

– А откуда вы узнали имя Моники Фигуэролы? – поинтересовался Эдклинт.

Микаэль взглянул на начальника Отдела защиты конституции. Он не имел ни малейшего представления, что побудило премьер-министра пригласить его на тайную встречу, на арендованной квартире в Эстермальме. Но его это не могло не вдохновить. Вариантов развития событий можно было бы насчитать не так уж и много. Однако весь этот механизм привел в движение Драган Арманский; он передал информацию какому-то доверенному лицу, а им, вероятно, оказался Эдклинт или кто-то из его ближайшего окружения.

Микаэль рискнул.

– С вами беседовал один наш общий знакомый, – сказал он Эдклинту. – Вы поручили Монике Фигуэроле выяснить, что к чему. А она

обнаружила, что некоторые активисты СЭПО организовали незаконное прослушивание, залезали ко мне в квартиру и так далее. Так что вы убедились в том, что «Клуб Залаченко» существует. Вы разволновались так, что решили дать делу ход. Но какое-то время еще сидели у себя в кабинете, не зная, к кому вам следует обращаться. Потом обратились к министру юстиции, а тот – к премьер-министру. И вот мы здесь. Чем я могу помочь?

Судя по всему, Микаэль имел в СЭПО надежный источник и следил за каждым шагом Эдклинта. Когда у последнего расширились зрачки, журналист понял, что блеф сработал. И продолжил:

– «Клуб Залаченко» шпионит за мной, я шпионю за ними, и вы – тоже. Но теперь уже премьер-министру стало не до шуток – он рассержен и обеспокоен. Он понимает, что все может обернуться грандиозным скандалом, и в результате правительство будет вынуждено подать в отставку.

Моника вдруг улыбнулась и подняла стакан с минеральной водой. Она поняла, что Блумквист блефует, и догадалась, как ему удалось выяснить ее имя и размер обуви. Поэтому он и поражает всех своей осведомленностью.

«Он увидел меня в машине на Бельмансгатан. Он чрезвычайно осторожен. Запомнил номер машины и вычислил меня. А все остальное – интуиция», – подумала она, но промолчала.

Премьер-министр выглядел растерянным.

– Значит, вот что нас ждет? – спросил он. – Скандал, который сметет правительство?

– Правительство – не моя забота, – ответил Микаэль. – Моя задача – разоблачать дерьмо типа «Клуба Залаченко».

Премьер-министр кивнул.

– А моя задача заключается в том, чтобы руководить страной и не нарушать конституцию.

– Следовательно, то чем я занимаюсь, имеет отношение к правительству. Но мне нет никакого дела до правительства.

– Давайте ближе к делу. Почему, как вы думаете, я организовал эту встречу?

– Вам нужно разузнать, что мне известно и что я собираюсь делать.

– Отчасти верно. Но, точнее говоря, мы угодили в конституционный кризис. Позвольте мне все же для начала заявить, что правительство не имеет к этому никакого отношения. Мы оказались не готовы к этой ситуации. Я никогда ни слова не слышал о том, что вы называете «Клубом Залаченко». Министр юстиции – тоже. Торстен Эдклинт, занимающий в ГПУ/Без высокий пост и проработавший в СЭПО много лет, также

абсолютно не в курсе.

– Это ко мне не относится.

– Я понимаю. Но нам нужно знать, когда вы намерены опубликовать свою статью и что именно вы собираетесь написать. Я просто задаю вопрос. Я не пытаюсь оказать на вас какое-нибудь давление.

– Неужели?

– Поймите, Блумквист! Самое глупое, что я мог бы сделать в создавшейся ситуации, это попытаться повлиять на содержание вашей статьи. И в то же время я намерен предложить вам сотрудничество.

– Тогда объясните.

– Когда мы убедились в том, что в исключительно деликатной структуре системы государственного управления существовал заговор, я распорядился провести расследование.

Премьер-министр обратился к министру юстиции:

– Не могли бы вы точно объяснить, в чем заключается распоряжение правительства?

– Разумеется. Торстен Эдклинт получил задание выяснить не откладывая в долгий ящик, имеются ли доказательства. Он должен аккумулировать всю информацию и передать ее генеральному прокурору. А уж тот, в свою очередь, решит, следует ли возбуждать дело. Так что инструкция предельно четкая.

Микаэль кивнул.

– Сегодня вечером Эдклинт докладывал, как продвигается расследование. Мы довольно долго дискутировали о конституционных нюансах. Мы, разумеется, заинтересованы в том, чтобы все соответствовало букве закона.

– Естественно, – сказал Микаэль.

И по его тону нетрудно было бы догадаться, что он абсолютно не верит заверениям премьер-министра.

– Расследование находится сейчас на деликатном этапе. Нам пока еще не удалось выяснить, кто именно к этому причастен. На это потребуется время. Поэтому мы и послали Монику Фигуэрола пригласить вас на наше совещание.

– Она с этим прекрасно справилась. Особого выбора у меня не оставалось.

Премьер-министр нахмурился и покосился на Монику.

– Это я просто так сказал, – добавил Микаэль. – Она действовала просто образцово. Чем я могу быть вам полезен?

– Мы хотим знать, когда вы собираетесь опубликовать статью.

Расследование, конечно, не афишируется, и, если выступите прежде, чем Эдклинт его завершит, вы можете испортить все дело.

– А когда вам хочется, чтобы я опубликовал материал? После следующих выборов?

– Это решать вам. Тут я повлиять не могу. Прошу только сказать, когда вы намерены напечатать статью, чтобы мы знали, когда у нас крайний срок окончания расследования.

– Ясно. Вы говорили о сотрудничестве…

Премьер-министр кивнул.

– Понимаете, при нормальных обстоятельствах я никогда не пригласил бы журналиста на подобное совещание.

– При нормальных обстоятельствах вы, вероятно, сделали бы все, чтобы не допустить журналистов на подобное совещание.

– Скорее всего. Но, насколько я понимаю, вас волнует множество факторов. Вы известны как журналист, который беспощадно борется с любыми проявлениями коррупции. Тут у нас с вами никаких противоречий не возникает.

– Никаких?

– Нет. Никаких. Впрочем, есть некоторые противоречия, возможно, юридического характера. Но у нас с вами одна цель. Если этот «Клуб Залаченко» на самом деле существует, то он не только является криминальной группировкой, но и представляет угрозу безопасности государства. Его необходимо ликвидировать, а виновные предстанут перед законом. Думаю, вы со мной согласны?

Микаэль кивнул.

– Насколько я понял, вы знаете об этой истории больше, чем кто-либо другой. Мы предлагаем вам поделиться сведениями. Если бы речь шла о стандартном полицейском расследованим обычного преступления, руководитель предварительного следствия мог бы вызвать вас на допрос. Но здесь, как вы понимаете, положение особое.

Микаэль помолчал, обдумывая ситуацию.

– А что я получу взамен, если соглашусь на сотрудничество?

– Ничего. Я с вами не торгуюсь. Если вы захотите опубликовать материал хоть завтра утром, пожалуйста. Я не хотел бы оказаться замешанным в какую-либо авантюру, сомнительную в конституционном отношении. Я призываю вас к сотрудничеству, поверьте, только ради нашего всеобщего благополучия.

– «Ничего» может означать довольно многое, – заявил Блумквист. – Я бы хотел вам признаться… Я страшно зол. Зол на государство, на

правительство, на СЭПО и на тех мерзавцев, которые без всяких резонов упекли двенадцатилетнюю девочку в психиатрическую лечебницу, а затем еще и проследили за тем, чтобы ее объявили недееспособной.

– Судьбу Лисбет Саландер правительство уже взяло под контроль, – сказал премьер-министр и улыбнулся. – Микаэль, лично я глубоко возмущен тем, что с нею случилось. Поверьте мне, виновные не останутся безнаказанными. Но для начала нам нужно узнать, кто конкретно в этом повинен.

– Я понимаю, это ваши проблемы. Для меня же главное, чтобы Лисбет Саландер оправдали и признали дееспособной.

– Тут я не в силах вам помочь. Законы мне не подвластны, и я не могу воздействовать на решение прокурора и суда. Оправдать ее должен суд.

– О’кей, – сказал Микаэль. – Вы хотите сотрудничать. Тогда дайте мне возможность ознакомиться с расследованием Эдклинта, и я скажу вам, когда намерен опубликовать материал.

– Я не могу предоставить вам такую возможность. Если б я пошел на это, то поставил бы себя по отношению к вам в такое же положение, в какое предшественник министра юстиции когда-то поставил себя по отношению к некоему Эббе Карлссону.

– Но я не Эббе Карлссон, – холодно заметил Микаэль.

– Это я уже понял. Однако Торстен Эдклинт, разумеется, имеет право сам решить, какими сведениями в рамках своей компетенции он может с вами поделиться.

– Что ж, – произнес Блумквист. – Я хочу знать, кем был Эверт Гульберг.

Все погрузились в молчание.

– Эверт Гульберг, по моим сведениям, на протяжении многих лет являлся начальником того подразделения ГПУ/Без, которое вы именуете «Клубом Залаченко», – наконец ответил Эдклинт.

Премьер-министр сурово посмотрел на него.

– Думаю, ему это уже известно, – извиняющимся голосом сказал тот.

– Верно, – подтвердил Микаэль. – Он начал работать в СЭПО в пятидесятых годах и в шестидесятых стал начальником псевдоотдела, который назывался «Секция спецанализов». Именно он и курировал Залаченко.

Премьер-министр покачал головой.

– Вы знаете больше, чем следовало бы. Мне бы очень хотелось понять, как вы до всего этого докопались, но я не стану у вас спрашивать.

– В моем досье имеются кое-какие пробелы, – сказал Микаэль. – Я

хочу их заполнить. Снабдите меня недостающей информацией, и я стану вашим союзником.

– Как премьер-министр, я не могу выдавать такую информацию. А Торстен Эдклинт подвергнет себя очень большому риску, если пойдет на это.

– Не говорите чепухи. Я знаю, чего хотите вы; вы знаете, чего хочу я. Если вы передадите мне информацию, я буду рассматривать вас как источники. То есть вы станете анонимами. Я намерен выложить в своем материале правду так, как ее понимаю я. Если вы причастны к этим делам, я так и напишу – и прослежу за тем, чтобы вас никогда больше снова не избрали. Но пока у меня нет никаких оснований так думать.

Премьер-министр взглянул на Эдклинта и кивнул. С точки зрения Микаэля, руководитель правительства только что совершил преступление, хотя и абстрактного свойства – он дал молчаливое согласие на то, чтобы Микаэлю раскрыли засекреченную информацию.

– Эту проблему можно решить довольно просто, – сказал Эдклинт. – Я возглавляю расследование и наделен полномочиями привлекать тех или иных сотрудников. Зачислить вас в штат нельзя, поскольку тогда вам придется подписать обязательство не разглашать сведения. Но я могу привлечь вас в качестве внешнего консультанта.

Жизнь Эрики Бергер теперь ограничивалась бесконечными совещаниями и круглосуточной работой. Пытаясь заменить скончавшегося главного редактора Хокана Морандера, она постоянно чувствовала, что ей не хватает ни знаний, ни подготовки.

Только в среду вечером, почти через две недели после того, как Микаэль Блумквист передал ей папку с досье Хенри Кортеса на председателя правления Магнуса Боргшё, Эрика выкроила время, чтобы вникнуть в эту проблему. А открыв папку, поняла: она не спешила, помимо всего прочего, еще и потому, что ей просто не хотелось браться за это дело. Эрика уже заранее знала, что, какое бы решение она ни приняла, катастрофы не избежать.

Домой, на виллу в пригороде Сальтшёбаден, она вернулась непривычно рано – около семи часов вечера. Отключила в холле сигнализацию и с удивлением отметила, что мужа, Грегера, нет дома. Только через некоторое время она вспомнила, что утром нежно поцеловала его, поскольку он уезжал в Париж читать лекции и собирался вернуться только к выходным. Кстати, Эрика отметила, что не имеет представления о том, кому он будет читать лекции и какие именно.

То есть простите, но муж у меня где-то затерялся.

Она почувствовала себя персонажем из книги доктора Ричарда Шварца и задумалась, а не требуется ли ей помощь психотерапевта.

Эрика поднялась на второй этаж, наполнила ванну и разделась. Папку с материалами она взяла с собой и за последующие полчаса все прочитала, а закончив, улыбнулась. Хенри Кортес может превратиться в очень перспективного журналиста. Ему двадцать шесть лет, и он четыре года проработал в «Миллениуме», куда пришел сразу после окончания Школы журналистики. Эрика даже почувствовала гордость: в статье об унитазах и Боргшё чувствовался фирменный стиль «Миллениума», и каждая строчка получала документальное подтверждение.

Вместе с тем она очень переживала всю эту ситуацию. Магнус Боргшё был хорошим человеком и ей в общем-то нравился. Скромный, внимательный, не лишенный шарма и вроде без особых амбиций… Не говоря уже о том, что он являлся ее начальником и работодателем.

Проклятый Боргшё. Вот дурак…

Эрика задумалась, не найдутся ли какие-нибудь альтернативные варианты или смягчающие обстоятельства, хоть и сознавала, что выгородить его не удастся.

Отложив папку на подоконник, она вытянулась в ванне и погрузилась в размышления.

«Миллениум», конечно, опубликует эту статью, – тут второго не дано. Будь Эрика по-прежнему главным редактором журнала, она ни секунды не колебалась бы, а тот факт, что ей заранее показали материал, – просто дружеский жест, который подчеркивает, что «Миллениум», по мере возможности, хочет смягчить вредные последствия лично для нее. А если бы сложилась обратная ситуация – например, газета «Свенска моргонпостен» раскопала аналогичное дерьмо о председателе правления «Миллениума» (каковым, кстати, по роковому стечению обстоятельств является сама Эрика Бергер), – она тоже не стала бы раздумывать, публиковать ее или нет.

Публикация станет серьезным ударом по престижу Магнуса Боргшё. Самое серьезное обвинение, собственно говоря, заключается не в том, что его фирма «Витавара АБ» заказывала унитазы во Вьетнаме, на предприятии, входящем в черный список ООН как эксплуатирующее детский труд. Гораздо более отягчающим фактором является то, что в данном случае используется еще и труд заключенных, или попросту рабов. И среди этих заключенных наверняка найдутся те, кого можно считать политическими заключенными. И Магнус Боргшё, зная об этих

обстоятельствах, все равно продолжал заказывать унитазы у «Фонг Су индастриз». Подобная патологическая алчность, как показывали примеры других опозорившихся капиталистов, ставших героями уголовной хроники, вроде бывшего директора «Скандии», всегда вызывала у шведского народа бурю негодования.

Магнус Боргшё, естественно, станет утверждать, что не подозревал ни о чем подобном. Но на такой случай Хенри Кортес раздобыл неопровержимые документы, и если Боргшё только заикнется об этом, как его тут же уличат во лжи. Известно, что в июне 1997 года, когда Магнус Боргшё ездил во Вьетнам подписывать первые контракты, он провел там десять дней и, в частности, посещал заводы предприятия. Если он вздумает утверждать, будто не понял, что многим из работников всего по двенадцать-тринадцать лет, то будет выглядеть идиотом. Также у Хенри Кортеса имелись доказательства того, что в 1999 году соответствующая комиссия ООН включила «Фонг Су индастриз» в перечень предприятий, эксплуатирующих детский труд. Об этом тогда писали многие газеты, а две общественные организации – и в частности, пользующаяся международным авторитетом лондонская «Международная ассоциация по предотвращению эксплуатации детского труда» – независимо друг от друга разослали письма фирмам, снабжавшим «Фонг Су» заказами. В «Витавара АБ» направили не менее семи писем, и два из них были адресованы лично Магнусу Боргшё, так что ему никак не удастся сделать вид, будто он ничего не знал. Лондонская организация с радостью передала документацию Хенри Кортесу, подчеркнув, что фирма «Витавара АБ» ни разу на письма не ответила. К тому же, Магнус Боргшё еще дважды ездил во Вьетнам – в 2001 и 2004 годах, – чтобы продлить контракты.

Скандал, который прокатится по массмедиа, буквально сметет Боргшё. Если у него хватит ума, он покается и уйдет со всех руководящих постов. Если же начнет обороняться, то на судебном процессе его буквально превратят в мальчика для битья.

Эрику Бергер не волновало, занимает ли Боргшё пост председателя правления в «Витавара АБ» или нет. Но ее напрямую касалось то, что он являлся еще и председателем правления «Свенска моргонпостен». Публикация означала, что его вынудят уйти в отставку. Газета балансирует над пропастью, и она, Эрика, только-только приступила к ее реструктуризации.

Тем более катастрофично для газеты будет иметь на должности председателя правления человека с погубленной репутацией. В любом случае ему придется покинуть «Свенска моргонпостен».

Так что Эрика Бергер могла выбрать две возможные линии поведения.

Она могла явиться к Боргшё, раскрыть карты, показать документацию и попытаться вынудить его подать в отставку до появления материала в печати.

Или же, если он заупрямится, она могла молниеносно созвать правление, проинформировать его о ситуации и инициировать увольнение Боргшё. А если правление будет возражать, она сама будет вынуждена незамедлительно уйти с должности главного редактора «Свенска моргонпостен».

К тому времени, когда Эрика все обдумала, вода в ванне уже совсем остыла. Бергер приняла душ, вытерлась, пошла в спальню и надела халат. Потом взяла мобильный телефон и позвонила Микаэлю Блумквисту. Тот не ответил. Тогда она спустилась на первый этаж, чтобы поставить кофе и впервые с начала работы в «Свенска моргонпостен» проверить, не показывают ли по телевизору какой-нибудь фильм, который помог бы ей расслабиться.

Она проходила мимо двери в гостиную и вдруг почувствовала резкую боль в ступне. Взглянув на ногу, увидела, что та сильно кровит. Она сделала еще один шаг, и боль пронзила всю ногу. Эрика доскакала на одной ноге до кресла, стилизованного под старину, и села. Подняв ногу, она, к своему ужасу, обнаружила, что в пятку ей вонзился осколок стекла. Сначала ее просто охватила паника. Потом она выпрямилась, ухватилась за осколок и выдернула его. Стало адски больно, и из раны хлынула кровь.

Эрика выдвинула ящик стоящего в холле комода, где у нее хранились шарфы, перчатки и шапочки, нашла какой-то шарф, быстро обмотала им ногу и крепко завязала. Шарфа не хватило, и она подкрепила его еще одной импровизированной повязкой. Кровотечение удалось немного приостановить.

Еще не опомнившись от шока, Эрика начала рассматривать осколок стекла. Откуда он здесь взялся? Потом она обнаружила, что на полу холла есть еще осколки.

Черт возьми, что здесь стряслось?

Она встала, бросила взгляд в гостиную и увидела, что большое панорамное окно с видом на озеро Сальтшён разбито, а весь пол усыпан мелкими осколками.

Эрика отступила к входной двери и надела туфли, которые сбросила, придя домой. Вернее, она надела одну туфлю, а в другую сунула пальцы раненой ноги и, кое-как доковыляв на одной ноге в гостиную, огляделась.

Потом она заметила посреди гостиной кирпич.

Эрика добрела до двери террасы и вышла на задний двор.

На фасаде дома кто-то метровыми буквами спреем вывел слово:

ШЛЮХА

В начале десятого вечера Моника Фигуэрола открыла Микаэлю Блумквисту дверцу машины, а сама обошла вокруг и уселась на водительское сиденье.

– Отвезти вас домой или лучше высадить где-нибудь в другом месте?

Микаэль смотрел куда-то в пространство ничего не видящим взглядом.

– Честно говоря, я даже не понимаю, где нахожусь. Мне еще никогда не приходилось оказывать давление на премьер-министра.

Моника усмехнулась.

– Вы довольно удачно разыграли свои карты, – сказала она. – Я и не подозревала, что у вас такой талант картежника.

– Я взвешивал каждое свое слово.

– Да, но вы притворялись, будто знаете несколько больше, чем оно есть на самом деле. Я поняла это, когда сообразила, как вы меня вычислили.

Микаэль повернулся и взглянул на ее профиль.

– Вы записали номер моей машины, когда я сидела на пригорке возле вашего дома.

Он кивнул.

– Вы разыграли все так, будто знаете, что обсуждается в канцелярии премьер-министра.

– Почему же вы ничего не сказали?

Фигуэрола бегло взглянула на него и повернула на улицу Грев Турегатан.

– Правила игры. Я не должна была там стоять. Но мне больше негде было припарковаться. А вы держите ситуацию под жестким контролем, не так ли?

– Вы сидели, разложив на переднем сиденье карту, и говорили по телефону. Я запомнил номер машины и потом машинально проверил. Я проверяю все машины, на которые реагирую. Чаще всего все оказывается ложной тревогой. В вашем же случае я обнаружил, что вы работаете в СЭПО.

– Я следила за Мортенссоном. А потом обнаружила, что вы следите за ним благодаря Сусанн Линдер из «Милтон секьюрити».

– Арманский поручил ей документировать все, что происходит вокруг

моей квартиры.

– Поскольку она исчезла в вашем подъезде, Арманский, вероятно, установил в квартире какой-то вариант скрытого наблюдения.

– Верно. У нас есть прекрасная видеозапись того, как они проникают в квартиру и роются в моих бумагах. У Мортенссона был с собой портативный фотокопировальный аппарат. Вы вычислили его сообщника?

– Он в данном случае никакого интереса не представляет. Слесарь по замкам, с криминальным прошлым, которому, вероятно, платят за вскрытие вашей двери.

– Имя?

– Анонимность источника гарантируется?

– Разумеется.

– Ларс Фаульссон, сорок семь лет. Кличка – Фалун. В восьмидесятых годах был осужден за взлом сейфа и разные другие делишки. Держит магазинчик на площади Норртулль.

– Спасибо.

– Давайте прибережем наши тайны до завтрашнего совещания.

На прощание они договорились, что Блумквист на следующий день посетит Отдел защиты конституции, чтобы они уже могли начать обмениваться сведениями. Они как раз проезжали площадь Сергельторгет, когда Микаэль вдруг произнес:

– Знаете что? Я смертельно голоден. Я обедал около двух часов дня и, когда вы меня забрали, шел домой, собираясь приготовить макароны. А вы ели?

– Кажется, да, но уже давно.

– А давайте поедем в какое-нибудь заведение с приличной едой.

– В принципе всю еду можно считать приличной.

Он покосился на нее.

– Я думал, вы фанатик здоровой пищи.

– Нет, я фанатик спорта. Если тренируешься, можно есть все, что угодно. В разумных пределах, разумеется.

Моника затормозила на виадуке и по дороге обдумывала варианты. Вместо того чтобы свернуть в сторону Сёдера, она поехала прямо на остров Кунгсхольмен.

– Я плохо разбираюсь в заведениях в вашем районе, но знаю отличный боснийский ресторанчик на площади Фридхемсплан. Они пекут очень вкусные буреки[67].

– Звучит обнадеживающе, – сказал Микаэль Блумквист.

Букву за буквой, Лисбет Саландер набирала на компьютере свою исповедь. В среднем она уделяла этому занятию по пять часов в сутки. Она тщательно обдумывала формулировки и внимательно следила за тем, чтобы опустить те детали и подробности, которые могли быть обращены против нее.

Тот факт, что она находилась взаперти, оказался даже очень кстати. Она пребывала в палате в одиночестве и могла работать в любое время. Правда, когда звякали связки ключей или приближался звук отпираемого замка, ей приходилось немедленно прятать компьютер.

> Когда я запирала дачу Бьюрмана, что возле Сталлархольма, на мотоциклах подъехали Карл Магнус Лундин и Сонни Ниеминен. Поскольку они какое-то время безуспешно разыскивали меня по заданию Залаченко/Нидермана, они очень удивились, застав меня на даче. Магге Лундин слез с мотоцикла, заявив: «Мне кажется, эту шлюху надо отодрать». Они с Ниеминеном вели себя настолько агрессивно, что мне пришлось применить приемы необходимой обороны. Я уехала оттуда на мотоцикле Лундина, который потом оставила возле торгового центра в Эльвшё.

Лисбет перечитала абзац и осталась вполне довольна написанным. Незачем вдаваться в подробности и рассказывать о том, что Магге Лундин обозвал ее шлюхой, а она в ответ схватила пистолет Сонни Ниеминена и в отместку прострелила байкеру ногу. Полиция, вероятно, могла это вычислить, но доказывать, что именно так все и было, – это их забота. Лисбет не намеревалась облегчать им работу, признаваясь в чем-то, что могло закончиться тюремным заключением за нанесение тяжкого вреда здоровью и все такое прочее.

Текста уже набралось на тридцать три страницы, и Лисбет уже приближалась к финалу. Она не слишком обременяла себя изложением деталей и нюансов, а кое-где даже откровенно их замалчивала, и лишь изредка упоминала о них уже на следующих этапах развития сюжета.

Немного подумав, Лисбет прокрутила текст назад и перечитала абзац, повествующий о грубом, садистском изнасиловании, которому ее подверг адвокат Нильс Бьюрман. Этому эпизоду она уделила больше всего времени; кстати, он относился к тем немногим фрагментам, который Лисбет неоднократно переделывала, пока конечный результат наконец ее не удовлетворил. Сам акт она описала в девятнадцать строчек. В них Саландер

деловито излагала, как он ее ударил, бросил животом на кровать, заклеил скотчем рот и надел на нее наручники. Далее она сообщала, что за ночь он позволил себе по отношению к ней неоднократные насильственные действия сексуального характера, включавшие как анальные, так и оральные вторжения. Затем описывала, как, насилуя ее, он обмотал ей вокруг шеи предмет одежды – ее собственную футболку – и душил так долго, что она на время потеряла сознание. Далее следовало еще несколько строчек текста, в которых Лисбет перечисляла орудия, использовавшиеся во время изнасилования: короткий хлыст, анальную затычку, грубый искусственный пенис и зажимы, которые он закреплял на ее сосках.

Лисбет наморщила лоб, изучая текст. В конце концов она взяла стилус и отстучала еще несколько строчек.

> В какой-то момент, пока я по-прежнему лежала с заклеенным ртом, Бьюрман обратил внимание на тот факт, что я увлекаюсь татуировками и пирсингом; особенно он сосредоточился на кольце в левом соске. Он спросил, нравится ли мне пирсинг, а потом вышел из комнаты и очень скоро вернулся с булавкой, которой проткнул мне правый сосок.

Перечитав новый текст, она кивнула в знак одобрения. Бюрократический тон придавал тексту такой сюрреалистический стиль, что он казался от начала и до конца плодом мрачной фантазии.

История звучала на сто процентов неправдоподобно.

Этого-то и добивалась Саландер.

Тут Лисбет услышала бряцание связки ключей. Она немедленно выключила компьютер и поместила его в нишу за прикроватной тумбочкой. Вошла Анника Джаннини, и Лисбет нахмурила брови. Уже начало десятого вечера, и обычно Джаннини так поздно не появлялась.

– Привет, Лисбет!

– Привет!

– Как ты себя чувствуешь?

– Я еще не готова.

Анника вздохнула.

– Лисбет… Суд назначили на тринадцатое июля.

– Нормально.

– Нет, это ненормально. Время уходит, а ты по-прежнему мне не доверяешь. Я начинаю бояться, что совершила колоссальную ошибку, согласившись быть твоим адвокатом. Чтобы у нас появился хотя бы

малейший шанс, ты должна мне доверять. Мы должны понимать и доверять друг другу.

Лисбет посмотрела на Аннику Джаннини долгим изучающим взглядом. Под конец откинулась на подушку и уставилась в потолок.

– Я знаю, что нам надо делать, – сказала она. – Я изучила план Микаэля, и он прав.

– Я в этом не уверена, – ответила Анника.

– А я уверена.

– Полиция снова намерена тебя допросить – это некий Ханс Фасте из Стокгольма.

– Пусть допрашивает. Я не скажу ему ни слова.

– Тебе придется давать объяснения.

Лисбет пристально посмотрела на Аннику Джаннини.

– Повторяю. Полиции мы не скажем ни слова. Когда мы явимся на этот суд, у прокурора не найдется никаких показаний против нас. У них будет только моя объяснительная записка, которую я сейчас составляю, и многие фрагменты которой покажутся им невероятными. А получат они ее всего за несколько дней до суда.

– И когда же ты собираешься взяться за перо и начать писать свои мемуары?

– Ты получишь их через несколько дней. Но к прокурору они должны попасть только непосредственно перед судом.

Лицо Анники Джаннини выражало сомнение.

Лисбет усмехнулась.

– Ты твердишь о доверии. А я могу тебе довериться?

– Разумеется.

– О’кей. Тогда не могла бы ты тайком пронести мне карманный компьютер, чтобы я могла общаться с людьми по Интернету?

– Нет. Конечно, нет. Если об этом кто-нибудь пронюхает, меня привлекут к судебной ответственности и лишат лицензии адвоката.

– А если такой компьютер принесет мне кто-нибудь другой, ты заявишь в полицию?

Анника удивленно подняла брови.

– Если я об этом не узнаю…

– А если узнаешь? Что ты сделаешь?

Анника надолго задумалась.

– Закрою на это глаза. И что дальше?

– Этот гипотетический компьютер вскоре пришлет тебе гипотетический мейл. Когда ты его прочтешь, я хочу, чтобы ты снова ко

мне пришла.

– Лисбет…

– Подожди. Дело обстоит так. Прокурор играет краплеными картами. Я в любом случае оказалась в проигрыше, а цель суда – упечь меня в закрытую психиатрическую лечебницу.

– Я знаю.

– Чтобы выжить, я должна бороться, и мне приходится нарушать правила игры.

В конце концов Джаннини кивнула.

– Когда ты пришла ко мне впервые, ты передала мне привет от Микаэля Блумквиста. Он тогда сказал, что сообщил тебе почти все, кроме нескольких эпизодов. Один из них касался моих способностей, которые он обнаружил во время нашего пребывания в Хедестаде.

– Да.

– Он имел в виду то, что я классно владею компьютером. Настолько хорошо, что могу скопировать и прочесть содержимое компьютера прокурора Экстрёма.

Анника Джаннини побледнела.

– Тебе ни в коем случае нельзя в такое ввязываться. Ты ведь не сможешь воспользоваться этим материалом в суде, – сказала Лисбет.

– Да, едва ли.

– Следовательно, тебе ничего об этом не известно.

– О’кей.

– Зато кто-нибудь другой – например, твой брат – сможет опубликовать фрагменты этого материала. Планируя стратегию, ты должна это учитывать.

– Понятно.

– Анника, исход этого процесса будет зависеть от того, кто кого переиграет.

– Я знаю.

– Как адвокат, ты мне вполне подходишь. Я тебе доверяю и нуждаюсь в твоей помощи.

– Ну и ну…

– Но если ты будешь меня осуждать за то, что я использую неэтичные методы и тормозить меня, мы проиграем.

– Понимаю.

– В таком случае скажи мне об этом сейчас. Тогда мне придется тебя уволить и найти себе другого адвоката.

– Лисбет, я не могу пойти на нарушение закона.

– Тебе не придется ничего нарушать. Но ты должна закрыть глаза на то, что это буду делать я. Ты сможешь?

Лисбет Саландер почти минуту терпеливо ждала, пока Анника Джаннини наконец кивнула.

– Хорошо. Давай я в общих чертах расскажу тебе о содержании своей объяснительной записки.

Они проболтали два часа.

Моника Фигуэрола оказалась права – буреки в боснийском ресторане превзошли все ожидания. Когда она возвращалась из туалета, Блумквист мельком окинул взглядом ее с головы до ног. Она двигалась грациозно, как балерина, но ее тело… Микаэль восхитился. Ему очень хотелось протянуть руку и пощупать мышцы ее ног.

– Как долго вы тренируетесь? – поинтересовался он.

– С подросткового возраста.

– И сколько часов в неделю уделяете тренировкам?

– Два часа в день. Иногда три.

– Зачем? То есть я понимаю, зачем люди занимаются спортом, но…

– Вы считаете, что это слишком много?

– Простите, я и сам не знаю, что имел в виду.

Моника улыбнулась; похоже, его вопросы совсем ее не рассердили.

– Может быть, вас раздражает вид девушки с развитой мускулатурой, вам это кажется неженственным и непривлекательным?

– Вовсе нет. Вам это почему-то идет. Вы очень сексуальны.

Она снова улыбнулась.

– Я сейчас снижаю нагрузки. Десять лет назад я занималась бодибилдингом, и делала это с удовольствием. Но теперь мне надо соблюдать осторожность, чтобы мышцы не превратились в жир и я не раздалась. Поэтому сейчас я занимаюсь силовыми упражнениями раз в неделю, а остальное время посвящаю бегу, бадминтону, плаванию и тому подобному. Это больше отдых, чем серьезные тренировки.

– О’кей.

– Я занимаюсь спортом, потому что это приятно. Любители усиленных тренировок – настоящие фанаты. Тело вырабатывает определенные гормоны, и ты попадаешь от них в зависимость. Стоит перестать ежедневно бегать, как наступает почти что ломка. Зато когда отдаешься спорту полностью, чувствуешь себя просто великолепно. Это почти так же классно, как хороший секс.

Микаэль засмеялся.

– Вам бы стоило начать тренироваться, – сказала Моника. – У вас в талии притаились лишние калории.

– Знаю, – согласился Блумквист. – Меня замучили уколы совести. Иногда я все же беру себя в руки, начинаю бегать и сбрасываю пару килограммов… Но потом погружаюсь в какое-нибудь дело на пару месяцев, и тогда мне не хватает времени на спорт.

– В последние месяцы вы были, вроде бы, довольно заняты.

Он вдруг стал серьезным, потом кивнул.

– За последние две недели я много чего о вас прочла. В поисках Залаченко и Нидермана вы обскакали полицию – на несколько кругов.

– Но с Лисбет Саландер мне не сравниться.

– Как вам удалось отыскать их в Госсеберге?

Микаэль пожал плечами.

– Обычное расследование. Нидермана обнаружил не я, а ответственный секретарь нашей редакции, или теперешний главный редактор, – Малин Эрикссон. Ей удалось выйти на него через реестр акционерных обществ, поскольку он входил в правление фирмы Залаченко «КАБ».

– Понятно.

– А почему вы начали работать в СЭПО? – спросил Блумквист.

– Хотите верьте, хотите нет, но я старомодная сторонница демократии. Я считаю, что полиция необходима и что демократия нуждается в защите. Поэтому я очень горжусь тем, что работаю в Отделе защиты конституции.

– Вот оно что, – произнес Микаэль.

– Вы не любите Службу государственной безопасности?

– Я не люблю организации, которые находятся за пределами парламентского контроля. Они могут позволить себе злоупотребления властью, какие бы благие цели не преследовали. А вас почему интересует античная религия?

Моника подняла брови.

– Вы читали книгу с таким названием, сидя у меня на лестнице.

– Ну конечно. Меня привлекает эта тема.

– Вот как?

– Я интересуюсь очень многим. Работая в полиции, изучала юриспруденцию и государственное устройство. А до того – историю науки и философию.

– Неужели у вас нет слабых сторон?

– Я не читаю художественной литературы, не хожу в кино, а по телевизору смотрю только новости. А вы? Почему вы стали журналистом?

– Потому что существуют такие организации, как СЭПО, которые недоступны парламентскому надзору и периодически нуждаются в разоблачениях… – Микаэль улыбнулся. – Честно говоря, толком не знаю. На самом деле ответ тот же, что и у вас. Я верю в конституционную демократию, а ее время от времени надо защищать.

– Как вы сделали в случае с финансистом Хансом Эриком Веннерстрёмом?

– Вроде того.

– Вы не женаты. И состоите в связи с Эрикой Бергер?

– Эрика Бергер замужем.

– О'кей. Значит, все слухи о вас – просто досужие вымыслы… У вас есть подружка?

– Постоянной – нет.

– Значит, эти слухи верны.

Микаэль пожал плечами и снова улыбнулся.

Главный редактор Малин Эрикссон провела весь вечер за кухонным столом у себя дома в Орсте. Она сидела, склонившись над распечатками бюджета «Миллениума», и так погрузилась в них, что бойфренду Антону пришлось постепенно оставить попытки завязать с ней нормальный разговор. Он помыл посуду, сварил себе кофе и приготовил бутерброд, потом оставил ее в покое и уселся перед телевизором смотреть повтор американского сериала «Место преступления».

Раньше Малин Эрикссон приходилось заниматься только семейным бюджетом, и то это казалось ей сложной задачей. Правда, Малин доводилось помогать Эрике Бергер с балансовыми отчетами за месяц, и в целом она представляла себе, как их составлять. Теперь же Эрикссон вдруг стала главным редактором, и ответственность за бюджет издания легла на ее плечи. А после полуночи она решила, что ей в любом случае необходим помощник, с которым она могла бы советоваться. Ингела Оскарссон, которая раз в неделю занималась бухгалтерией, за бюджет не отвечала, и, стало быть, нечего было рассчитывать на ее помощь в вопросах о том, сколько нужно платить фрилансерам или есть ли у редакции деньги на покупку нового лазерного принтера сверх суммы, выделенной на техническое перевооружение. На практике ситуация выглядела просто забавно – «Миллениум» даже приносил прибыль, но только потому, что Эрика Бергер постоянно балансировала на нулевом бюджете. Даже такая элементарная покупка, как новый цветной лазерный принтер за 45 000 крон, откладывалась на потом, а пока покупался черно-белый принтер за

8000.

На секунду Малин даже позавидовала Эрике – с ее бюджетом в «Свенска моргонпостен» купить принтер для нее все равно что заказать себе чашечку кофе.

На последнем годовом собрании акционеров экономическое положение «Миллениума» было признано вполне благополучным, но плюсовой баланс возникал за счет продаж книги Микаэля Блумквиста о деле Веннерстрёма. Суммы, предусмотренные на повседневные расходы, таяли с катастрофической скоростью, чему в немалой степени способствовали расходы того же Микаэля, связанные с историей Саландер. Скромные ресурсы журнала не позволяли сотрудникам постоянно брать напрокат автомобили, жить в гостиницах, ездить на такси, оплачивать сбор информации и покупать дополнительные мобильные телефоны.

Подписав счет фрилансера Даниэля Олофссона из Гётеборга, Малин вздохнула. Микаэль Блумквист одобрил счет на сумму в 14 000 крон за недельную работу по сбору материала, который даже не был предназначен для публикации. Гонорар Идрису Хиди из Гётеборга можно провести как «услуги по оплате анонимных источников», которых нельзя называть поименно, но это значит, что ревизор будет упрекать их за отсутствие квитанции, и этот вопрос придется согласовать с правлением. К тому же, «Миллениум» оплачивал расходы Анники Джаннини, которой требовались наличные на покупку билетов на поезд и всего прочего.

Малин отложила ручку и взглянула на получившиеся у нее конечные суммы. Микаэль Блумквист беспечно спустил на историю Саландер более 150 000 крон сверх бюджета.

Так больше продолжаться не может.

Она поняла, что ей придется с ним поговорить.

Планам Эрики Бергер посидеть на диване перед телевизором не суждено было осуществиться. Вместо этого она провела вечер в отделении неотложной помощи больницы в районе Накка. Осколок стекла вонзился так глубоко, что кровотечение не удавалось остановить, и осмотр показал, что отломавшийся кончик осколка по-прежнему гнездится у нее в пятке и его необходимо удалить. Эрике сделали местное обезболивание, достали осколок, а потом зашили рану тремя стежками.

На протяжении всего визита в больницу Бергер, ругаясь, периодически пыталась звонить то Грегеру Бекману, то Микаэлю Блумквисту. Но ни муж, ни любовник так и не соизволили ответить. Около десяти вечера ногу крепко забинтовали, она одолжила костыли, взяла такси и вернулась домой.

Некоторое время Эрика, ковыляя на одной ноге и на кончиках пальцев второй, подметала в гостиной и заказывала новое оконное стекло. Сначала ей повезло: вечер в городе выдался спокойным, и служба срочной замены оконных стекол прибыла в течение двадцати минут. Но на этом везение и закончилось: окно гостиной было настолько велико, что стекла нужного размера на складе не оказалось. Мастер предложил временно закрыть окно фанерным щитом, на что Эрика с благодарностью согласилась.

Пока устанавливали щит, она позвонила дежурному частного охранного предприятия НИП, что расшифровывалось как «Накка интегрейтед протекшн», и спросила, какого черта их дорогостоящая сигнализация не сработала, когда кто-то запустил кирпичом в самое большое окно виллы площадью в двести пятьдесят квадратных метров.

Предприятие НИП прислало машину с техниками. И после осмотра дома был вынесен вердикт: специалист, несколько лет назад устанавливавший сигнализацию, очевидно, забыл подключить провода от окон гостиной.

Бергер даже не нашлась что сказать.

Охранное предприятие предложило устранить неполадки на следующее утро. Эрика вежливо отказалась от их услуг. Вместо этого она позвонила ночному дежурному «Милтон секьюрити», объяснила ситуацию и выразила желание, чтобы ей как можно скорее установили сигнализацию во всем доме. «Да, я знаю, что необходимо подписать контракт, но передайте Драгану Арманскому, что звонила Эрика Бергер, и проследите за тем, чтобы утром сигнализацию установили».

В конце концов она позвонила и в полицию. Ей сообщили, что не могут принять заявление, поскольку у них нет ни одной свободной машины, и посоветовали на следующий день обратиться в местное полицейское отделение.

«Спасибо. Шли бы вы подальше…»

Потом Эрика долго сидела и никак не могла успокоиться, пока уровень адреналина не нормализовался и она не осознала, что ей предстоит спать в неохраняемом доме в одиночестве, когда вокруг разгуливает кто-то, называющий ее шлюхой и проявляющий маниакальную склонность к насилию.

Она даже задумалась, а не поехать ли в город, чтобы переночевать в гостинице. Но Эрика Бергер никогда не была робкого десятка; она ненавидела, когда ее загоняли в угол, и никогда не подчинялась диктату обстоятельств.

«Я не позволю какому-то подонку выставить меня из собственного

дома, не дождетесь».

Она предприняла некоторые примитивные меры предосторожности.

Микаэль Блумквист рассказывал ей, как Лисбет Саландер управилась с серийным убийцей Мартином Вангером, используя клюшку для гольфа. Поэтому она отправилась в гараж и не меньше десяти минут искала мешок с клюшками, который, кстати, не видела лет пятнадцать. Выбрала железную клюшку – ею уж ударишь, так ударишь и поместила ее в спальне, на доступном расстоянии от кровати. Она также оставила короткую клюшку в холле и еще одну – на кухне. Потом принесла из подвала молоток и спрятала его в ванной комнате, возле спальни.

После этого Эрика вытащила из рюкзака баллончик со слезоточивым газом и водрузила его на ночной столик. Потом отыскала резиновую заглушку и заблокировала дверь в спальню. Впрочем, вряд ли урод, называвший ее шлюхой и расколотивший окно, окажется таким дебилом, что в течение ночи вернется обратно.

Ближе к часу ночи она наконец почувствовала себя вполне готовой к обороне. В «Свенска моргонпостен» ей нужно быть к восьми утра. Заглянув в ежедневник, Эрика обнаружила, что начиная с десяти часов утра, у нее назначено четыре совещания. Нога сильно ныла, и Эрика хромала, опираясь на пальцы. Она разделась и залезла в постель. Ночной рубашки у нее не было в принципе, и она подумала, не стоит ли надеть футболку или что-нибудь другое, но поскольку с юности спала голой, то решила, что пущенный в окно гостиной кирпич не должен менять ее личных привычек.

Потом Эрика долго лежала без сна и размышляла.

Шлюха.

Она получила девять электронных писем, содержавших слово «шлюха» и будто бы отправленных из разных СМИ. Первое пришло из ее собственной редакции, но адрес отправителя был сфальсифицирован.

Эрика выползла из кровати и принесла новый лэптоп, который ей подарили в связи с назначением в «Свенска моргонпостен».

Первое письмо – самое вульгарное и самое агрессивное из всех, где ее хотели трахнуть отверткой – пришло 16 мая, десять дней назад.

Письмо номер два пришло через два дня, 18 мая.

Затем, после недельной паузы, письма стали приходить снова, теперь уже с периодичностью примерно раз в двадцать четыре часа. Потом атаке подвергся ее дом и на стене появилась надпись «шлюха».

За это время Эва Карлссон из отдела культуры получила непристойные послания, автором которых являлась якобы сама Эрика. И вовсе не факт,

что только Эва получила неприличные послания; вполне возможно, что автор писем преуспел и в других направлениях – и кто-то еще из ее коллег получил почту как бы от нее, а ей об этом ничего не известно.

Эта мысль вызвала у нее приступ бешенства.

Однако все же самую большую проблему представляла атака дома в Сальтшёбадене.

Кому-то пришло в голову добраться сюда, вычислить ее жилище и бросить в окно кирпич. Нападение не было импровизацией – ублюдок прихватил с собой баллон с краской. В этот же миг Эрика похолодела, поняв, что, возможно, следует включить в этот перечень еще одну вражескую выходку. В ту ночь, которую они с Микаэлем Блумквистом провели в «Хилтоне», у ее машины прокололи все четыре колеса.

Напрашивался вывод – столь же досадный, сколь и очевидный. За ней охотится какой-то маньяк. Он бродит где-то неподалеку и по непонятной причине изводит Эрику Бергер.

То, что атаке подвергся ее дом, вполне понятно – он находится там, где находится, и его трудно замаскировать или переместить. Но раз нападению подвергся ее автомобиль, когда он стоял припаркованным в случайном месте, значит, маньяк все время пребывает в непосредственной близости от нее.

Глава 18

Четверг, 2 июня

В пять минут десятого Эрику разбудил звонок мобильного телефона.

– Доброе утро, фрёкен Бергер. Это Драган Арманский. Насколько я понимаю, у вас ночью что-то стряслось.

Эрика объяснила, что произошло, и спросила, может ли «Милтон секьюрити» взять на себя функции «Накка интегрейтед протекшн».

– Во всяком случае, мы возьмемся установить сигнализацию, которая будет функционировать, – саркастически сказал Арманский. – Проблема в том, что в ночное время ближайшая машина у нас находится в центре Накки. В случае экстренного вызова она прибудет минут через тридцать. Если мы возьмемся за эту работу, мне придется передать ваш дом подрядчику. У нас есть договор о сотрудничестве с местным охранным предприятием из Фисксэтры, которое, при благоприятных обстоятельствах, может добраться до вас по экстренному вызову за десять минут.

– Это лучше, чем НИП, они вообще не появляются.

– Хочу вас проинформировать о том, что мои подрядчики – семейное предприятие, состоящее из отца, двух сыновей и двух двоюродных братьев. Они греки, хороший народ, отца я знаю уже много лет. Они работают примерно триста двадцать дней в году. О тех днях, когда они не смогут работать из-за отпусков или чего-то другого, вам будут сообщать заранее, и тогда придется рассчитывать на нашу машину из Накки.

– Мне это подходит.

– Я пришлю к вам специалиста сегодня в первой половине дня. Его зовут Давид Русин, и он уже в пути. Парень проанализирует ситуацию и просчитает риски. Если вас не будет дома, ему потребуются ваши ключи и разрешение на обследование дома от подвала до чердака. Он сфотографирует здание, участок и окрестности.

– Понятно.

– Русин обладает большим опытом, и мы представим вам предложения по мерам безопасности. План будет готов через несколько дней. В перечень услуг войдет сигнализация на случай нападения, пожарная безопасность, эвакуация и защита на случай вторжения.

– О’кей.

– Мы хотим также, чтобы на случай чрезвычайного происшествия вы знали, *что* вам следует делать в течение тех десяти минут, пока до вас

будет добираться машина из Фискэтры.

– Хорошо.

– Сигнализацию мы установим уже сегодня к вечеру. Но потом надо будет подписать контракт.

Закончив разговор с Драганом Арманским, Эрика сообразила, что проспала. Она взяла мобильный телефон, позвонила ответственному секретарю редакции Петеру Фредрикссону, объяснила, что изувечилась, и попросила его отменить совещание в десять часов.

– Вы плохо себя чувствуете? – спросил он.

– Я поранила ногу, – ответила Эрика. – Прихромаю, как только смогу.

Для начала она сходила в примыкавший к спальне туалет. Потом надела черные брюки и одолжила у мужа домашнюю тапку, в которую помещалась забинтованная нога, выбрала черную блузку и прихватила жакет. Прежде чем вытащить из-под дверей спальни резиновую заглушку, она вооружилась баллончиком со слезоточивым газом.

Эрика медленно прошла через дом и включила кофеварку. Завтракала она за кухонным столом, все время прислушиваясь к звукам в окрестностях. Как раз когда Бергер наливала себе вторую чашку кофе, в дверь позвонил Давид Русин из «Милтон секьюрити».

Моника Фигуэрола прогулялась пешком до Бергсгатан и вызвала своих четверых сотрудников на раннюю утреннюю летучку.

– Теперь нам обозначили дэдлайн, – сказала она. – Мы должны завершить нашу работу к тринадцатому июля, когда начнется суд над Лисбет Саландер. Это значит, что у нас в запасе чуть больше месяца. Давайте проанализируем все варианты и решим, что для нас сейчас самое главное. Кто хотел бы начать?

Берглунд откашлялся.

– Блондин, который встречается с Мортенссоном. Кто он?

Все дружно закивали.

– У нас есть его фотографии, но мы не знаем, где его искать. Объявить его в розыск мы не можем.

– А Гульберг? Должна существовать какая-то история, которую можно раскопать. Мы знаем, что он служил в Тайной государственной полиции с начала пятидесятых годов до шестьдесят четвертого года, когда создали ГПУ/Без. Потом след его теряется.

Моника кивнула.

– Так мы могли бы сделать вывод о том, что «Клуб Залаченко» – это некая структура, основанная в шестьдесят четвертом году. Задолго до

появления здесь Залаченко…

– Цель, вероятно, была другой. Тайная организация внутри организации.

– Это было после Веннерстрёма. Тогда все посходили с ума.

– Своего рода тайная шпионская полиция?

– Вообще-то за границей имеются аналоги. В США в шестидесятых годах внутри ЦРУ создали особую группу внутреннего надзора. Ею руководил Джеймс Энглтон, и она чуть не взорвала ЦРУ изнутри. Служаки Энглтона были фанатиками и психами – они в каждом сотруднике ЦРУ подозревали русского агента. В результате деятельность ЦРУ оказалась во многом парализованной.

– Но факты таковы…

– Где хранятся старые личные дела?

– Гульберга там нет. Я проверял.

– А бюджет? Ведь такая операция должна каким-то образом финансироваться…

Продолжению дискуссии помешал перерыв на ланч, а Фигуэрола извинилась и отправилась в спортзал, чтобы спокойно подумать.

Эрика, хромая, приковыляла в редакцию «Свенска моргонпостен» только ближе к ланчу. Из-за сильной боли в ноге она вообще не могла прикоснуться ступней к полу. Доскакав до стеклянной клетки, Бергер с облегчением опустилась в кресло. Петер Фредрикссон взглянул на нее со своего места за центральным столом. Эрика жестом пригласила его зайти.

– Что-то случилось? – спросил он.

– Я наступила на осколок стакана, и он вонзился мне в пятку.

– Как вам не повезло…

– Да, не повезло. Петер, а кому-нибудь еще приходили новые странные сообщения?

– Насколько мне известно, нет.

– О’кей. Следите, пожалуйста, за этим. Мне надо знать, если вокруг «Свенска моргонпостен» будет происходить что-нибудь экстремальное.

– Что вы имеете в виду?

– Боюсь, что какой-то подонок, рассылающий скандальные письма, избрал меня в качестве жертвы. Поэтому мне надо знать, если вы вдруг почувствуете, что происходит что-то из ряда вон выходящее.

– Вы имеете в виду сообщения типа полученных Эвой Карлссон?

– Что угодно. Я уже получила кучу непристойных писем, где меня обвиняют в самых разных грехах и предлагают совершить со мною разные

развратные действия.

Фредрикссон сник.

– И как давно это продолжается?

– Пару недель. А теперь рассказывайте. Что у нас будет завтра в газете?

– Не знаю.

– Что значит «не знаю»?

– Хольм и глава криминального отдела ступили на тропу войны.

– Вот как… И в чем же причина конфликта?

– В Юханнесе Фриске. Вы продлили с ним контракт и поручили готовить репортаж, а он держит в тайне, о чем пишет.

– Он не имеет права рассказывать об этом. Это мое распоряжение.

– Он так и говорит. Поэтому Хольм и глава криминального отдела на вас разозлились.

– Что ж. Назначьте на три часа встречу с криминальным отделом, и я объясню им ситуацию.

– Хольм довольно зол…

– А я довольно зла на Хольма. Так что еще посмотрим, кто из нас злее.

– Он настолько зол, что пожаловался в правление.

Эрика подняла взгляд.

Черт возьми. Пора приниматься за Боргшё.

– После обеда придет Боргшё, он хотел бы с вами встретиться. Подозреваю, что это заслуга Хольма.

– О’кей. В котором часу?

– В два.

Петеру Фредрикссону пора было приступать к написанию статьи в номер.

Во время обеда к Лисбет Саландер зашел доктор Андерс Юнассон. Она отодвинула тарелку с тушеными овощами. Врач, как всегда, бегло осмотрел ее, но она отметила, что отныне он стал более рассеянным.

– Ты здорова, – заключил он.

– Тебе не мешало бы изменить тут что-то с едой.

– С едой?

– Ты не можешь организовать мне пиццу или что-нибудь в этом роде?

– Сожалею. Бюджет не позволяет.

– Я так и думала.

– Лисбет, завтра мы будем подробно обследовать твое состояние…

– Понятно. А я здорова.

– Ты достаточно здорова, чтобы тебя можно было перевозить в тюрьму в Стокгольм.

Саландер кивнула.

– Я, вероятно, смог бы потянуть с переездом еще недельку, но мои коллеги очень удивятся.

– Не надо.

– Точно?

Она кивнула.

– Я готова. Все равно деваться некуда – рано или поздно…

– Что ж, – сказал Юнассон. – Тогда я разрешу тебя транспортировать. Это означает, что тебя, вероятно, почти сразу же перевезут.

Она снова кивнула.

– Возможно, это произойдет уже на выходных. Администрация больницы не заинтересована в том, чтобы тебя здесь держать.

– Это понятно.

– Э… значит, твоя игрушка…

– Она будет находиться в дырке за прикроватной тумбочкой. – Лисбет показала, где.

– О’кей.

Они немного посидели молча, а потом Андерс Юнассон поднялся.

– Я должен навестить других пациентов, которые нуждаются в моей помощи.

– Спасибо за все. Я твоя должница.

– Я просто выполнял свою работу.

– Нет. Ты сделал значительно больше. Я этого не забуду.

Микаэль Блумквист вошел в здание полицейского управления через подъезд на Польхемсгатан. Его встретила Моника Фигуэрола и провела в офисы Отдела защиты конституции. В лифте они молча покосились друг на друга.

– Разве это разумно, что я появляюсь в полицейском управлении? – спросил Микаэль. – Меня кто-нибудь может увидеть, и возникнут вопросы.

Моника кивнула.

– Здесь мы проведем только одно совещание. А потом будем встречаться в маленьком офисе, который мы арендовали на площади Фридхемсплан. Отдел защиты конституции – небольшое самостоятельное подразделение, которое никого в ГПУ/Без не волнует. Мы находимся на другом этаже, не там, где остальная часть СЭПО.

Блумквист кивнул Торстену Эдклинту, не обмениваясь с ним

рукопожатием, и поздоровался с двумя сотрудниками, очевидно входившими в следственную группу. Те представились как Стефан и Андерс. Микаэль отметил, что своих фамилий они не называли.

– С чего начнем? – поинтересовался он.

– Как насчет того, чтобы начать с кофе… Моника?

– Спасибо, с удовольствием.

Блумквист отметил, что начальник Отдела защиты конституции секунду поколебался, прежде чем встать, принести кофейник и поставить его на стол, где уже были приготовлены чашки. Торстен Эдклинт, вероятно, предполагал, что подавать кофе будет Фигуэрола. Микаэль также заметил, что Эдклинт улыбнулся про себя, и расценил это как добрый знак. Потом он посерьезнел.

– Честно говоря, я не знаю, как быть в такой ситуации. Вероятно, присутствие журналиста на рабочем совеща-нии в Службе государственной безопасности – событие из ряда вон выходящее. То, что мы сейчас будем обсуждать, во многих отношениях является секретными сведениями.

– Мне нет никакого дела до военных тайн. Меня интересует «Клуб Залаченко».

– Но нам необходимо прийти к какому-то компромиссу. Во-первых, присутствующие здесь сотрудники не должны называться в вашей статье по имени.

– О’кей.

Эдклинт посмотрел на Микаэля Блумквиста с удивлением.

– Во-вторых, вы не должны разговаривать с кем-либо из сотрудников, кроме меня и Моники Фигуэрола. Что вам можно рассказывать, решаем мы.

– Если у вас длинный перечень требований, вам следовало зачитать его вчера.

– Вчера я не успел все обдумать.

– Тогда я вам кое-что скажу. Вероятно, в первый и последний раз в моей профессиональной карьере я стану сообщать полиции содержание неопубликованного материала. Так что, если процитировать вас… Честно говоря, я не знаю, как быть в такой ситуации.

Все присутствовавшие замолчали.

– Возможно, нам…

– А что, если…

Эдклинт с Моникой заговорили хором – и тут же умолкли.

– Меня интересует «Клуб Залаченко». Вы намерены предъявить обвинение именно ему. Так что давайте ближе к делу, – предложил

Микаэль.

Эдклинт кивнул.

– Что у вас есть?

Тот объяснил, что раскопали Моника Фигуэрола и ее ребята, и показал фотографию Эверта Гульберга вместе с полковником-шпионом Стигом Веннерстрёмом.

– Отлично. Я хотел бы получить копию этой фотографии.

– Она имеется в архиве издательства «Олен & Окерлунд», – сказала Моника.

– Она имеется на столе передо мной. С текстом на обратной стороне, – возразил Микаэль.

– Ладно, дайте ему копию, – распорядился Эдклинт.

– Это значит, что Залаченко убила «Секция».

– Убийство и самоубийство совершил человек, обреченный на смерть от рака. Гульберг пока жив, но, по прогнозам врачей, ему остается максимум несколько недель. У него после попытки самоубийства такие повреждения головного мозга, что он уже в принципе превратился в овощ.

– Именно он в основном отвечал за Залаченко, когда тот перебежал в Швецию.

– Откуда вам это известно?

– Гульберг встречался с премьер-министром Турбьёрном Фельдином через шесть недель после прибытия Залаченко.

– Вы можете это доказать?

– Да. Эта встреча зафиксирована в журнале посетителей канцелярии премьер-министра. Гульберг приходил вместе с тогдашним начальником ГПУ/Без.

– Он ведь уже умер?

– Но Фельдин жив и готов об этом рассказать.

– Разве вы…

– Нет, я с Фельдином не беседовал. Но с ним беседовали. Имени назвать я не могу – источнику гарантирована анонимность.

Микаэль рассказал, как отреагировал Турбьёрн Фельдин на информацию о Залаченко и как он сам ездил в Голландию и беседовал с Янерюдом.

– Значит, «Клуб Залаченко» находится где-то в этом здании, – сказал журналист, указывая на фотографию.

– Отчасти. Мы считаем, что это некая структура внутри организации. «Клуб Залаченко» не мог существовать без поддержки ключевых фигур всей службы. Но мы полагаем, что так называемая «Секция спецанализов»

обосновалась где-то за пределами здания.

– То есть получается, что человек может числиться сотрудником СЭПО, получать там зарплату, а на самом деле отчитываться перед другим работодателем.

– Похоже, что так.

– Так кто же в этом здании работает на «Клуб Залаченко»?

– Мы пока не знаем. Но у нас есть несколько подозреваемых.

– Мортенссон, – предложил Микаэль.

Эдклинт кивнул.

– Мортенссон работает в СЭПО, а когда он требуется «Клубу Залаченко», его освобождают от повседневной работы, – сказала Моника Фигуэрола.

– Как такое возможно чисто практически?

– Хороший вопрос.

Эдклинт натянуто улыбнулся.

– Вы не хотели бы начать работать у нас?

– Ни за что на свете.

– Я шучу. Но вопрос вполне естествен. У нас есть на подозрении один человек, но мы пока не можем подкрепить подозрения доказательствами.

– Послушайте, это должен быть кто-то, наделенный административными полномочиями.

– Мы подозреваем начальника канцелярии Альберта Шенке, – сказала Моника Фигуэрола.

– Вот мы и подошли к первому камню преткновения, – добавил Эдклинт. – Мы сообщили вам имя, но сведения не подкреплены документами. Как вы намереваетесь с этим поступить?

– Я не могу публиковать имя, не имея документации. Если Шенке невиновен, он подаст на «Миллениум» в суд за клевету.

– Отлично. Значит, договорились. Наше сотрудничество невозможно без взаимного доверия. Теперь ваша очередь. Что есть у вас?

– Три имени, – сказал Микаэль – Первые два были членами «Клуба Залаченко» в восьмидесятые годы.

Эдклинт и Фигуэрола напряглись.

– Ханс фон Роттингер и Фредрик Клинтон. Роттингер уже умер, Клинтон сейчас на пенсии, но оба входили в ближайшее окружение Залаченко.

– А третье имя? – спросил Эдклинт.

– Телеборьян контактирует с типом по имени Юнас. Фамилии мы не знаем, но нам известно, что он входит в «Клуб Залаченко» образца две

тысячи пятого года. Мы даже подозреваем, не он ли заснят вместе с Мортенссоном возле кафе «Копакабана».

– А в каком контексте возникло имя Юнас?

– Лисбет Саландер проникла в компьютер Петера Телеборьяна, и мы получили шанс проследить за корреспонденцией, из которой следует, что Телеборьян плетет заговор при участии Юнаса таким же образом, как в девяносто первом году делал это при участии Бьёрка. Юнас дает Телеборьяну инструкции. И теперь мы подошли ко второму камню преткновения, – сказал Микаэль, улыбаясь Эдклинту. – Я могу подтвердить свои слова документально, но не могу передать вам документацию, не раскрыв источника. Вам придется верить мне на слово.

Эдклинт задумался.

– Может, это какой-нибудь коллега Телеборьяна из Уппсалы, – предположил он. – Ладно. Давайте начнем с Клинтона и фон Роттингера. Расскажите, что вам известно.

Председатель правления Магнус Боргшё пригласил Эрику Бергер к себе в кабинет, рядом с залом заседаний правления. Выглядел он озабоченным.

– Я слышал, что вы поранились, – сказал он, показывая на ее ногу.

– Пустяки, – ответила Эрика и, прислонив костыли к его письменному столу, уселась в кресло для посетителей.

– Что ж, тогда хорошо. Эрика, вы проработали у нас уже месяц, и мне хотелось бы обсудить, как идут дела. Какие у вас впечатления?

Я должна поговорить с ним о «Витаваре». Но как? Когда?

– Я осваиваю ситуацию. И, на мой взгляд, имеются две проблемы. С одной стороны, у «СМП» экономические сложности, и бюджет начинает душить газету. С другой стороны, в редакции «СМП» накопилось очень много балласта.

– А положительных сторон нет?

– Есть. Много опытных и компетентных профессионалов. Но есть и такие, которые мешают работать.

– Со мною разговаривал Хольм…

– Я знаю.

Боргшё поднял брови.

– Он поделился со мной впечатлениями от общения с вами. И почти все они негативные.

– Правильно. У меня тоже имеется целый ряд соображений на его счет.

– Негативных? Плохо, если вы не можете с ним сработаться…

– Я совершенно спокойно могу с ним работать. А вот у него со мной возникают проблемы… – Эрика вздохнула. – Он доводит меня до бешенства. Хольм опытен и, без сомнения, один из самых компетентных акул информационного рынка, каких я встречала. Вместе с тем он мерзавец. Он плетет интриги и натравливает людей друг на друга. Я проработала в СМИ двадцать пять лет, но с такими интриганами прежде не сталкивалась.

– Ему приходится твердо держать в своих руках бразды правления. Ведь он находится в самой гуще событий.

– Я понимаю. Но это не значит, что он должен вести себя как диктатор. К сожалению, из-за Хольма почти невозможно заставить всех сотрудников работать единой командой. Он как напасть. И, похоже, искренне считает, что должностная инструкция предписывает ему править, разрушая.

– Довольно жесткий приговор.

– Я даю Хольму месяц. Если он не изменит свою линию поведения, я уволю его с должности руководителя информационного отдела.

– Этого вы сделать не сможете. Ваша работа заключается не в том, чтобы разваливать организационную структуру.

Эрика замолчала и пристально посмотрела на председателя правления.

– Простите, но хотела бы напомнить вам, что вы наняли меня именно для этого. Мы ведь с вами так сформулировали контракт, чтобы он давал мне право свободно проводить в редакции те реформы, которые я сочту необходимыми. Я ведь и пришла сюда с тем, чтобы обновить газету, а это невозможно без того, чтобы изменить организационную структуру и устоявшиеся принципы работы.

– Хольм посвятил «СМП» всю жизнь.

– Да. Но ему пятьдесят восемь лет, и он отправится на пенсию через шесть лет, а я не могу себе позволить все это время терпеть такой балласт. Магнус, поймите меня правильно. С того момента, как я переступила порог стеклянной клетки, моя задача заключается в том, чтобы сделать газету качественным изданием и увеличить тираж. Хольму придется выбирать: либо играть по моим правилам, либо заниматься чем-то другим. Я не потерплю никого, кто намерен мне помешать или будет вредить «СМП» как-то иначе.

Дьявол… Я должна упомянуть вопрос о «Витаваре». И тогда Боргшё полетит вверх тормашками.

Боргшё неожиданно улыбнулся.

– Я сдаюсь – вы эффективный менеджер.

– Да, хотя в данном случае я предпочла бы обойтись без силовых

методов. Мне нужно делать хорошую газету, а это возможно, только если наладить обратную связь и найти сотрудников, которым нравится работа.

После беседы с Боргшё Эрика хромая отправилась обратно в свою стеклянную клетку. На душе у нее было тягостно. Она проговорила с Боргшё сорок пять минут, ни словом не упомянув фирму «Витавара». Иными словами, была с ним не слишком откровенна и честна.

Включив компьютер, Бергер обнаружила, что ей пришло сообщение от «MikBlom@millenium.nu». Поскольку она прекрасно знала, что такого почтового адреса в «Миллениуме» не существует, ей не составило труда понять, что это вновь напоминает о себе ее киберсталкер. Она прочитала сообщение.

ДУМАЕШЬ, БОРГШЁ СМОЖЕТ ТЕБЯ СПАСТИ, МАЛЕНЬКАЯ ШЛЮХА? КАК ТАМ ТВОЯ НОЖКА?

Эрика подняла глаза и осмотрела редакцию. Ее взгляд упал на Хольма, который как раз смотрел на нее. Встретившись в ней глазами, он кивнул и улыбнулся.

«Письма шлет кто-то из “СМП”», – подумала Эрика.

Совещание в Отделе защиты конституции завершилось только в начале шестого. Они договорились о том, что снова встретятся на следующей неделе, а если Микаэлю Блумквисту потребуется связаться с ГПУ/Без раньше, то он обратится к Монике Фигуэрола. Микаэль взял сумку с ноутбуком и поднялся.

– Как мне теперь отсюда выбраться? – спросил он.

– Вам, пожалуй, не следует разгуливать тут в одиночку, – заметил Эдклинт.

– Я его провожу, – предложила Моника. – Подождите несколько минут, пока я приберусь у себя в кабинете.

Затем они вместе направились через Крунубергспаркен в сторону площади Фридхемсплан.

– И что же теперь будет? – поинтересовался Микаэль.

– Мы будем поддерживать контакты, – ответила Мо-ника.

– Кажется, мне начинает нравиться иметь дело с СЭПО, – сказал журналист и улыбнулся.

– Хотите, попозже вместе поужинам?

– Опять в боснийском ресторане?

– Нет, я не могу позволить себе каждый вечер ходить по ресторанам. Я

хотела пригласить вас к себе и что-нибудь приготовить на скорую руку. – Она остановилась и улыбнулась. – Знаешь, чего мне сейчас хочется?

– Нет.

– У меня большое желание отвести тебя к себе домой и раздеть.

– Не стоит.

– Знаю. Но я не собираюсь докладывать об этом своему начальнику.

– Еще неизвестно, чем закончится вся эта история. Мы можем оказаться по разные стороны баррикад.

– Я готова рискнуть. Пойдешь добровольно, или надеть наручники?

Микаэль кивнул. Моника взяла его под руку и повела в сторону Понтоньергатан. Они разделись за тридцать секунд начиная с того момента, как закрыли за собой дверь ее квартиры.

Давид Русин, консультант по вопросам безопасности из «Милтон секьюрити», уже ждал Эрику Бергер, когда она около семи вечера вернулась домой. Из-за сильной боли в ноге Эрика еле доковыляла до кухни и опустилась на ближайший стул. Русин предложил ей чашку кофе.

– Спасибо. А что, приготовление кофе тоже входит в договор о предоставляемых «Милтон секьюрити» услугах?

Она вежливо улыбнулась. Давид Русин был полноватый пятидесятилетний мужчина с рыжей аккуратной бородой.

– Спасибо, что разрешили мне воспользоваться вашей кухней.

– Это самое меньшее, что я могла для вас сделать. Как дела?

– Днем здесь побывали наши техники и установили современную сигнализацию. Позже я покажу вам, как она работает. Я изучил ваш дом от подвала до чердака и прошелся по окрестностям. Теперь мне предстоит обсудить ситуацию с коллегами, и через несколько дней мы проведем анализ, с результатом которого ознакомим вас позже. А пока нам с вами надо обсудить кое-какие детали.

– О’кей.

– Во-первых, мы должны подписать несколько бумаг. Окончательный контракт сформулируем позже – в зависимости от того, о каких услугах договоримся. Но для начала мы подпишем контракт о том, что вы поручаете «Милтон секьюрити» установку сигнализации. Это стандартный двусторонний договор, согласно которому мы предъявляем к вам определенные требования и принимаем на себя ряд обязательств, касающихся неразглашения сведений и тому подобного.

– Вы предъявляете требования ко мне?

– Да. Сама по себе сигнализация не поможет, если в вашей гостиной

появится какой-нибудь психопат с автоматом в руках. Чтобы меры безопасности имели смысл, нам надо, чтобы вы с мужем помнили о некоторых вещах и выполняли определенные рутинные действия. Я обговорю их с вами по пунктам.

– О’кей.

– Не стану предвосхищать окончательные результаты анализа, но я представляю себе ситуацию следующим образом. Вы с мужем живете на вилле. За домом у вас находится пляж, и поблизости имеются отдельные большие виллы. Насколько я мог заметить, соседям ваш дом виден не слишком хорошо – он расположен достаточно изолированно.

– Верно.

– Это означает, что нападающему легко приблизиться к вашему дому, оставаясь незамеченным.

– Соседи справа бо́льшую часть года отсутствуют, а слева живет пожилая пара, они довольно рано ложатся спать.

– Именно. Кроме того, дома обращены торцами друг к другу, там мало окон. Если злоумышленник заходит на ваш участок – свернуть с дороги и оказаться позади дома можно за пять секунд, – то его уже никто не увидит. За домом у вас массивная живая изгородь, гараж и большое отдельное здание.

– Это студия мужа.

– Он, как я понял, художник.

– Верно. И что же дальше?

– Преступник, разбивший окно и разукрасивший фасад, мог действовать совершенно беспрепятственно. Возможно, он рисковал, что кто-нибудь услышит звук бьющегося стекла и среагирует, но дома стоят под углом друг к другу, и звук поглощается фасадами.

– Ну да.

– Второй момент – у вас очень большой дом, примерно двести пятьдесят квадратных метров, плюс чердак и подвал. В нем одиннадцать комнат, размещенных на двух этажах.

– Дом просто огромный. Он принадлежал родителям Грегера и достался ему в наследство.

– Попасть внутрь можно разными путями: через парадный вход, через террасу, через балкон второго этажа и через гараж. Кроме того, имеются окна первого этажа и шесть подвальных окон, на которых не было сигнализации. И наконец, можно проникнуть внутрь, воспользовавшись пожарной лестницей с задней стороны дома и чердачным окошком, которое закрывается просто на крючок.

– Звучит так, будто все двери дома гостеприимно открыты… Что же нам делать?

– Сегодня мы установили только временную охрану. Но на следующей неделе вернемся и установим основательную сигнализацию, подключив к ней все окна первого этажа и подвала. Она будет защищать от вторжения на случай, если вы с мужем в отъезде.

– О’кей.

– Однако нынешняя ситуация возникла из-за того, что вы подверглись прямой атаке со стороны конкретного индивида. Это значительно серьезнее. Мы ничего не знаем о том, кто этот человек, каковы его мотивы и как далеко он готов зайти. Но определенные выводы можно сделать и сейчас. Если бы речь шла только об анонимных угрозах по почте, мы оценили бы степень опасности как невысокую, но мы имеем дело с человеком, который потрудился доехать до вашего дома – а до Сальтшёбадена путь неблизкий – и совершить покушение. Это явно «звоночек».

– Согласна.

– Я в течение дня разговаривал с Арманским, и мы сошлись на том, что существует реальная угроза.

– Вот как.

– Пока мы не узнаем побольше о том, кто вам угрожает, нам необходимо исключить всякий риск.

– Что означает…

– Во-первых. Сигнализация, которую мы сегодня установили, состоит из двух компонентов: из обычного комплекта, который включается, когда вас нет дома, и из детекторов движения на первом этаже, которые вы должны включать, когда ночью находитесь наверху.

– О’кей.

– Это сопряжено со сложностями, поскольку вам придется каждый раз, когда вы спускаетесь вниз, отключать сигнализацию.

– Понятно.

– Во-вторых, сегодня мы заменили дверь в вашу спальню.

– Заменили дверь?

– Да. Мы установили надежную стальную дверь. Не беспокойтесь, она выкрашена в белый цвет и выглядит как обычная дверь спальни. Разница в том, что, когда вы ее закрываете, она автоматически запирается. Чтобы открыть ее изнутри, требуется лишь нажать на ручку, как с любой другой дверью. Но чтобы открыть ее снаружи, надо набрать код из трех цифр на панели, расположенной прямо на ручке.

– О’кей.

– Если вас начнут преследовать в пределах дома, то у вас, следовательно, имеется надежная комната, где вы сможете забаррикадироваться. Стены там прочные, а чтобы выломать дверь, потребуется довольно много времени, даже при наличии под рукой специальных инструментов. И в-третьих, мы установим камеры наблюдения, так что, находясь в спальне, вы сможете видеть, что происходит на заднем дворе и на первом этаже. Это будет ближе к концу недели, и одновременно мы установим детекторы движения снаружи дома.

– Господи… Похоже, спальня в дальнейшем станет не слишком романтическим местом.

– Там будет всего лишь маленький монитор. Мы можем встроить его в гардеробную или в шкаф, чтобы он не торчал у вас перед глазами.

– О’кей.

– Ближе к концу недели я хочу сменить двери в кабинете и в одной из комнат внизу. Если что-то произойдет, вы сможете запереть дверь и быстро оказаться в безопасности, пока будете ждать помощи.

– Понятно.

– Если запустите охранную сигнализацию по ошибке, вам следует незамедлительно позвонить на центральный пульт «Милтон секьюрити» и отменить вызов. Для этого вам потребуется назвать зарегистрированный у нас пароль. Если вы забудете пароль, бригада выедет на вызов в любом случае, и тогда вам придется заплатить некоторую сумму денег.

– Ясно.

– В-четвертых, в четырех местах дома сейчас имеется сигнализация на случай нападения. Здесь, в кухне, в холле, в рабочем кабинете на втором этаже и в спальне. Сигнализация состоит из двух кнопок, на которые надо нажать одновременно и не отпускать в течение трех секунд. Вы сможете сделать это одной рукой, но права на ошибку у вас не будет.

– Вот оно что.

– Если вы запустите сигнализацию на случай нападения, произойдут три события. Во-первых, сюда немедленно направятся машины. Ближайшая приедет из Фисксэтры, и в течение десяти-двенадцати минут здесь окажутся два крепких парня. Во-вторых, приедет машина «Милтон секьюрити» из Накки. Ей потребуется в лучшем случае двадцать или, скорее, двадцать пять минут. В-третьих, автоматически вызывается полиция. Иными словами, с интервалом в несколько минут на место прибудут несколько машин.

– О’кей.

– Этот вызов нельзя отменить так, как при ошибочном запуске основной охранной сигнализации. То есть вы не сможете позвонить и сказать, что произошла ошибка. Даже если встретите нас на подъезде к дому и заявите об ошибке, полиция все равно войдет в дом. Нам надо будет убедиться, что здесь нет никого, кто приставил пистолет к голове вашего мужа или что-нибудь подобное. Сигнализацию на случай нападения вы должны использовать только при возникновении реальной опасности.

– Ясно.

– Это не обязательно должно быть физическое нападение. Достаточно, чтобы кто-нибудь попытался проникнуть в дом или появился на заднем дворе и так далее. Если почувствуете минимальную угрозу, используйте эту сигнализацию, но действуйте разумно.

– Обещаю.

– Я заметил, что у вас в разных местах дома расставлены клюшки для гольфа.

– Да. Я сегодня ночевала одна.

– Я бы на вашем месте поехал в гостиницу. Что до меня, то, пожалуйста, принимайте собственные меры предосторожности. Однако надеюсь, вы понимаете, что клюшкой для гольфа нападающего легко можно убить.

– Ну да.

– Если такое произойдет, то вас, по всей видимости, привлекут к судебной ответственности за убийство по неосторожности. Если же вы сообщите, что расставили клюшки в качестве оружия, то это уже смогут квалифицировать как умышленное убийство.

– Значит, я должна…

– Не продолжайте. Я знаю, что вы собираетесь сказать.

– Если кто-нибудь на меня нападет, то я, конечно, захочу проломить этому человеку башку.

– Я вас понимаю. Но смысл привлечения «Милтон секьюрити» как раз в том, чтобы у вас была альтернатива. Вы сможете рассчитывать на помощь и, главное, не окажетесь в ситуации, когда вам придется проламывать чью-либо башку.

– О’кей.

– И кстати, чем вам помогут клюшки, если он явится с огнестрельным оружием? Залог безопасности в том, чтобы на шаг опережать того, кто хочет причинить вам вред.

– А что мне делать, если у меня появился преследователь-маньяк?

– Старайтесь не дать ему шанса войти к вам в доверие. На настоящий

момент ситуация такова: мы закончим установку оборудования только дня через два, и после этого нам будет необходимо еще побеседовать с вашим мужем. Он должен получить такую же информацию о системе безопасности, как и вы.

– Ага.

– А до тех пор, честно говоря, мне бы не хотелось, чтобы вы тут жили.

– Я не могу никуда переехать. Муж вернется домой через пару дней. Но мы оба довольно много ездим, и кто-то из нас периодически остается тут в одиночестве.

– Понимаю. Но речь идет о нескольких днях, пока мы не установим оборудование. Не могли бы вы пока пожить у кого-нибудь из знакомых?

У Эрики мелькнула мысль о квартире Микаэля Блумквиста, но она вспомнила, что сейчас это не лучшая идея.

– Спасибо, но я все-таки лучше останусь дома.

– Этого я и боялся… В таком случае мне бы хотелось, чтобы до конца недели у вас кто-нибудь пожил.

– Но кто, например?

– К вам может на время переехать кто-нибудь из знакомых?

– Наверняка. Но не в половине восьмого вечера, если у меня по заднему двору разгуливает сумасшедший убийца.

Давид Русин ненадолго задумался.

– О’кей. Вы бы не возражали против компании сотрудника «Милтон секьюрити»? Я могу позвонить и узнать, свободна ли сегодня вечером девушка по имени Сусанн Линдер. Она наверняка не прочь заработать несколько лишних сотен.

– Сколько это стоит?

– Об этом вы сможете договориться с нею, за рамками всех формальных договоров. Но я действительно не хочу, чтобы вы оставались тут в одиночестве.

– Я не боюсь темноты.

– Это я уже понял, иначе бы вы сегодня тут не ночевали. Но Сусанн Линдер к тому же бывший сотрудник полиции. Она может прийти к вам в порядке исключения. Организация личной охраны – совсем другое дело, и достаточно дорогостоящее.

Давид Русин сумел все-таки убедить Эрику Бергер. Она вдруг поняла, что он пытается предотвратить опасность, грозящую ее жизни. А если считать, что страхи преувеличены, и не принимать во внимание его профессиональную озабоченность, тогда зачем было вообще звонить в «Милтон секьюрити» и просить их установить сигнализацию?

– О’кей. Звоните. Я постелю ей в комнате для гостей.

Только около девяти вечера Моника Фигуэрола и Микаэль Блумквист, завернувшись в простыни, вышли на кухню и приготовили себе салат из спагетти, тунца, бекона и других остатков, хранившихся в холодильнике Моники. Ужин они запивали водой.

Женщина хихикнула.

– Что?

– Подозреваю, что Эдклинт был бы слегка шокирован, если б увидел нас сейчас. Он велел мне не упускать тебя из поля зрения, но вряд ли имел в виду занятия сексом.

– А все из-за тебя. Ты ведь лишила меня выбора: я мог идти либо добровольно, либо в наручниках.

– А я и не отказываюсь. Но тебя не пришлось долго уговаривать.

– Может, ты и не знаешь этого – хотя думаю, ты все прекрасно все понимаешь, – но ты сама по себе просто сексуальный магнит. Какой же мужик устоит?

– Спасибо. Но я не так уж и сексуальна. И не слишком часто занимаюсь сексом.

– Неужели?

– Ну да. У меня редко с кем доходит до постели. Весной я встречалась с одним парнем, но все уже кончено.

– Почему же?

– Он довольно милый, но наши отношения превратились в унылое состязание по армрестлингу. Я оказалась сильнее, и ему это не пришлось по душе.

– О’кей.

– Тебе бы тоже хотелось посоревноваться со мной в армрестлинге?

– Ты хочешь знать, комплексую ли я из-за того, что ты более тренированная и физически сильная, чем я? Нет, нисколько.

– Честно говоря, многие парни интересуются мной, но потом начинают меня провоцировать, пытаясь различными способами одержать верх. Особенно когда обнаруживают, что я из полиции.

– Я не собираюсь с тобой соревноваться. Я сильнее тебя в своем деле, а ты сильнее меня в своем.

– Отлично. Такой подход меня устраивает.

– Но почему ты решила меня соблазнить?

– Обычно я поддаюсь импульсам. Так получилось и с тобой.

– О’кей. Но ты ведь работаешь в полиции, и не где-нибудь, а в СЭПО,

и расследуешь дело, где я являюсь одним из действующих лиц…

– Ты считаешь, что с моей стороны это был профессионально неэтичный поступок? Возможно, да, мне не следовало этого делать. И если это станет достоянием гласности, у меня начнутся серьезные проблемы. Эдклинт просто взбесится.

– Я не собираюсь ни с кем откровенничать.

– Спасибо.

Они немного помолчали.

– Не знаю, что из всего этого получится. Ты ведь, насколько я поняла, не сторонник семейных отношений, да?

– Да. К сожалению. И я, в общем-то, не ищу себе постоянную подругу.

– О’кей. Будем считать, что меня предупредили. Пожалуй, я тоже не ищу себе постоянного бойфренда. Может, сохраним наш союз как дружеский альянс?

– Желательно. Моника, я не стану никому рассказывать о наших отношениях. Но если обстановка накалится, у меня возникнет непримиримый конфликт с твоими коллегами.

– Честно говоря, не думаю. Эдклинт – человек справедливый. И мы действительно хотим разобраться с этим «Клубом Залаченко». Если ты действительно прав, то это просто какое-то адское изобретение.

– Посмотрим.

– С Лисбет Саландер у тебя тоже была связь.

Микаэль Блумквист поднял взгляд на Монику Фигуэролу.

– Понимаешь… Я не открытая книга, которую может прочитать каждый желающий. Мои отношения с Лисбет никого не касаются.

– Но она дочь Залаченко.

– Да. И ей приходится с этим мириться. Но она не Залаченко. Между ними, черт возьми, огромная разница.

– Я не хотела никого обидеть. Меня интересует, почему тебя так волнует эта история.

– Лисбет – мой друг. И этим все сказано.

Сусанн Линдер из «Милтон секьюрити», в джинсах, черной кожаной куртке и в кроссовках, прибыла в Сальтшёбаден около девяти часов вечера. Она получила от Давида Русина инструкции и обошла с ним вокруг дома. Ее снаряжение – лэптоп, телескопическая дубинка, баллончик со слезоточивым газом, наручники и зубная щетка – умещалось в зеленой военной сумке, которую она распаковала в комнате для гостей. После этого Эрика Бергер предложила ей кофе.

– Спасибо. Вы наверняка считаете меня гостем, которого надо развлекать всеми доступными способами. На самом же деле я вовсе не гость. Я – неизбежное зло, которое внезапно ворвалось в вашу жизнь, пусть и на пару дней. Я шесть лет прослужила в полиции и уже четыре года работаю в «Милтон секьюрити». Я – профессиональный охранник.

– Вот как.

– Вам угрожает опасность, и я нахожусь здесь в качестве охранника, чтобы вы могли спокойно спать или работать, читать книги или делать то, что вам хочется. Если вам хочется выговориться, я с удовольствием послушаю. А если нет, то у меня с собой имеется книга, которую я могу почитать.

– О'кей.

– Я хочу сказать, что вы должны вести нормальную жизнь и не обязаны меня развлекать. Иначе я буду только мешать вам. Лучше всего смотрите на меня как на своего временного сотрудника.

– Должна признаться, что вся эта ситуация для меня в новинку. Будучи главным редактором «Миллениума», я тоже подвергалась угрозам, но на чисто профессиональном уровне. А тут какой-то мерзавец…

– Который преследует именно вас.

– Что-то в этом роде.

– Организация настоящей личной охраны будет стоить огромных денег, и вам придется договариваться лично с Драганом Арманским. Чтобы это имело смысл, должна существовать четкая и конкретная угроза. Для меня же это просто подработка. Я возьму по пятьсот крон за ночь – и буду до конца недели спать здесь, а не дома. Это дешево и намного меньше того счета, который я выставила бы, работай я по заданию «Милтон секьюрити». Вам это подходит?

– Подходит.

– Если что-нибудь произойдет, я хочу, чтобы вы заперлись в спальне и предоставили разбираться мне. Ваша задача – нажать на кнопку сигнализации, которая установлена на случай нападения.

– Ясно.

– Я говорю серьезно. Если начнутся боевые действия, я не хочу, чтобы вы путались у меня под ногами.

Около одиннадцати Эрика Бергер отправилась спать. Закрывая дверь спальни, она услышала, как щелкнул замок, не торопясь разделась и улеглась в постель.

Несмотря на то, что гостья уговаривала не развлекать ее, Эрика и

Сусанн два часа общались на кухне. В обществе Сусанн Эрика чувствовала себя комфортно, и они прекрасно понимали друг друга, обсуждая психологические факторы, толкающие некоторых мужчин на преследование женщин. Сусанн Линдер заявила, что плюет на всякую психологическую фигню. Главное то, что таких психов нужно вовремя остановить, и работа в «Милтон секьюрити» давала ей возможность заниматься именно этим.

– Почему вы ушли из полиции? – поинтересовалась Эрика Бергер.

– Лучше спросите, почему я стала полицейским.

– О’кей. Почему вы стали полицейским?

– Потому что, когда мне было семнадцать, мою близкую подругу ограбили и изнасиловали в машине три подонка. Я пошла работать в полицию, поскольку моя голова была забита романтическими представлениями вроде того, что полиция существует для предотвращения подобных преступлений.

– Да…

– Мне не удалось предотвратить ни единого правонарушения. В качестве полицейского я всегда прибывала на место уже после того, как преступление свершилось. Меня просто бесили остолопы из патрульной службы. Я скоро поняла, что некоторые правонарушения даже не расследуются. Ваш случай – классический тому пример. Вы ведь пытались звонить в полицию и заявлять о случившемся?

– Да.

– И полиция приехала?

– Не совсем. Мне посоветовали подать заявление в ближайшее отделение.

– О’кей. Значит, вам все понятно. Теперь я работаю у Арманского и начинаю действовать *до* совершения преступления.

– Вы занимаетесь только теми делами, когда угрожают женщинам?

– Я занимаюсь самыми разными проблемами. Анализирую вопросы безопасности, личную охрану, слежку и тому подобное. Но чаще всего я охраняю людей, которым угрожают, и мне здесь нравится гораздо больше, чем в полиции.

– О’кей.

– Есть, конечно, и минусы.

– Какие?

– Мы помогаем только тем клиентам, которые способны заплатить за наши услуги.

Лежа в постели, Эрика продолжала размышлять над словами Сусанн

Линдер. Деньги на защиту есть далеко не у всех. Сама она даже не пикнула, когда Давид Русин предложил ей сменить несколько дверей, установить двойную сигнализацию и поручить мастерам выполнение целого перечня работ. Все эти меры безопасности обойдутся ей примерно в 50 000 крон. Но ее это нисколько не смущает – деньги у нее есть.

Все-таки она почти не сомневалась, что ей угрожает кто-то, кто как-то связан с «СМП». Ведь этот кто-то знал о том, что она повредила ногу. Она сразу же заподозрила Андерса Хольма. Он ей не нравился и, соответственно, сразу попадал под подозрение. Но с другой стороны, когда Эрика появилась в редакции на костылях, новость молниеносно стала достоянием гласности.

А еще ей придется разрешить проблему с Боргшё…

Внезапно Эрика вскочила в постели, нахмурилась и огляделась по сторонам. Интересно, а куда она положила папку Хенри Кортеса с материалами о Боргшё и фирме «Витавара АБ»?

Эрика встала, натянула халат и оперлась о костыль. Потом открыла дверь спальни, прошла в кабинет и включила верхний свет. Нет, в кабинете она не была после того, как… как читала папку, лежа накануне вечером в ванне. А потом положила ее на подоконник.

Эрика заглянула в ванную комнату. Папки на окне не было.

Она долго стояла, вспоминая, что делала накануне.

«Я вылезла из ванны, пошла на кухню и поставила кофе, а потом наступила на осколок. С этого мгновения меня отвлекли другие проблемы».

Она не помнила, видела ли утром папку. Но, вроде бы, она никуда ее не переносила.

Внезапно Эрика похолодела. В последующие пять минут она систематично обыскала ванную, перетряхнула кипы бумаг и пачки газет на кухне и в спальне. В конце концов ей пришлось смириться с тем, что папка исчезла.

В промежутке – между тем, как она наступила на стекло, и появлением утром Давида Русина – кто-то зашел в ванную и забрал папку «Миллениума» с материалами о компании «Витавара АБ».

Потом до Эрики дошло, что в ее доме хранятся и другие секреты.

Она быстро доковыляла обратно до спальни и выдвинула нижний ящик стоящего возле кровати комода. У нее буквально замерло сердце. У всех и у каждого есть свои тайны. Свои тайны Эрика хранила в комоде, в спальне. Она не вела регулярный дневник, но время от времени кое-что записывала. Там хранились старые, еще со времен ранней юности, любовные письма.

В комоде лежал конверт с фотографиями. Тогда, в молодости, когда они фотографировались, их все забавляло. Но сейчас для публичной демонстрации эти кадры совершенно не годились. Когда Эрике было лет двадцать пять или около того, она состояла в клубе «Экстрим», который организовывал частные вечеринки для любителей наряжаться в кожаную и лакированную одежду. На некоторых из этих фотографий она выглядела не слишком респектабельно.

Но – самое катастрофическое – там находилась видеозапись, сделанная во время отпуска в начале девяностых годов, когда они с мужем гостили у художника по стеклу Торкеля Боллингера в его летнем домике на Коста дель Соль. Во время отпуска Эрика обнаружила, что ее муж явный бисексуал, и они вместе оказались в постели у Торкеля.

Так они провели волшебный упоительный отпуск. Видеокамеры только-только входили в моду, и фильм, который они сняли шутки ради, безусловно, не предназначался для семейного просмотра с детьми.

Ящик комода оказался пуст.

Надо же, черт побери, какой идиотизм!

А на дне ящика кто-то выписал распылителем хорошо знакомые ей пять букв.

Глава 19

Пятница, 3 июня – суббота, 4 июня

Ранним утром пятницы, около четырех часов Лисбет Саландер закончила писать автобиографию и отправила копию Микаэлю Блумквисту на адрес Stolliga_Bordet на почтовом сервере Yahoo. После этого она просто валялась в постели, уставившись в потолок.

Лисбет вдруг сообразила, что 30 апреля ей исполнилось двадцать семь лет, но она даже не вспомнила о своем дне рождения. Саландер уже не раз проводила очередной день рождения в неволе, с тех пор как ее заперли в детской психиатрической клинике Святого Стефана. И в общем-то, если обстоятельства обернутся против нее, то появится шанс в будущем отметить в психушке немало таких знаменательных дат.

Но Лисбет не намеревалась с этим мириться.

Когда ее впервые лишили свободы в первый раз, она едва достигла подросткового возраста. Теперь она взрослая и обладает весомыми знаниями и навыками. Лисбет задумалась над тем, сколько ей потребуется времени, чтобы сбежать, обосноваться в безопасном месте где-нибудь за границей, раздобыть новые документы и начать новую жизнь.

Встав с кровати, Лисбет отправилась в туалет и посмотрелась в зеркало. Она уже не хромала. Пощупала внешнюю сторону бедра, где пулевое ранение благополучно зажило и остался только шрам. Потом подняла и опустила руки, подвигала взад-вперед плечами. Немного тянуло, но она чувствовала себя практически здоровой. Постучав по голове, Лисбет решила, что ее мозг не слишком пострадал от того, что его продырявила пуля.

Просто ей чертовски повезло.

Пока у нее не появился доступ к карманному компьютеру, она строила планы побега из охраняемой палаты Сальгренской больницы. Но доктор Андерс Юнассон и Микаэль Блумквист, снабдившие ее компьютером, скорректировали ее первоначальные планы. Прочитав тексты Микаэля, Лисбет надолго погрузилась в размышления. Она анализировала и взвешивала все «за» и «против», обдумывала его план и свои возможности. На сей раз в порядке исключения она решила последовать его совету – протестировать систему. Микаэль Блумквист уверял, что ей, собственно, нечего терять, и предлагал совершенно иную возможность. Если его план не сработает, ей просто придется планировать побег из клиники Святого

Стефана или из какой-то другой психушки.

Но на самом деле жажда мести заставила ее принять предложенную Микаэлем схему.

Лисбет ничего не прощала.

Залаченко, Бьёрк и Бьюрман мертвы.

Но Телеборьян жив.

Так же, как и ее братишка Рональд Нидерман. Хотя, в принципе, он вовсе не по ее части. Конечно, Нидерман помогал убивать и закапывать ее, но это не слишком важно.

Если нас с ним сведет когда-нибудь судьба, тогда посмотрим, а пока что за ним гоняется полиция.

Но Микаэль прав – в этой подпольной сделке участвовали и другие, неизвестные лица, искалечившие ее жизнь. Ей необходимо разузнать имена и персональные идентификационные номера этих анонимных лиц.

В результате Лисбет решила последовать плану Микаэля. Она изложила голую неприукрашенную правду о своей жизни, сухую автобиографию на сорока страницах. Долго возилась с формулировками, и в каждой фразе придерживалась только фактов. Микаэль прав: шведские массмедиа уже растиражировали о ней такие ужасы и небылицы, что никакие ее откровения уже не смогут нанести ущерб ее репутации.

В то же время автобиографию нельзя было назвать чистой стопроцентной правдой: Лисбет не собиралась излагать всю правду о себе и своей жизни. Вот уж это совершенно ни к чему.

Саландер снова легла на кровать и забралась под одеяло, чувствуя какое-то необъяснимое раздражение. Она протянула руку и достала принесенный Анникой Джаннини блокнот, которым почти не пользовалась.

На первой странице она прочитала одну-единственную строчку:

$(x^3+ y^3 = z^3)$

Прошлой зимой Лисбет провела несколько недель на Карибских островах, отчаянно размышляя над теоремой Ферма. Вернувшись в Швецию, она продолжала разгадывать уравнения, пока не занялась поисками Залаченко. И теперь ее не покидало ощущение, что она уже нашла решение…

Но она не могла его вспомнить.

Невозможность что-то вспомнить Лисбет Саландер воспринимала как незнакомый феномен. Она проверяла себя – заходила в Интернет и выбирала наобум несколько HTML-кодов, которые мельком просматривала, запоминала и потом точно воспроизводила.

Она не утратила своей фотографической памяти, которую считала проклятием.

Да и вообще мозги работали как всегда.

Все-таки ей казалось, что она вроде бы нашла решение теоремы Ферма, но не могла сообразить, как, когда и где.

Однако самое худшее заключалось в том, что она уже не испытывала к этой загадке никакого интереса. Теорема Ферма ее отныне не увлекала. Так уж была устроена Лисбет Саландер – она загоралась какой-нибудь загадкой, но, разгадав ее, сразу теряла к ней всякий интерес.

Именно так произошло и с теоремой Ферма. Она перестала привлекать ее внимание и провоцировать ее интеллектуальные возможности. Подумаешь, ведь это всего лишь какая-то крошечная формула, несколько закорючек на бумаге… И с какой стати Лисбет должна ею заниматься?

Это ее беспокоило. Она отложила блокнот.

Ей нужно поспать.

Но вместо этого Лисбет достала компьютер и вошла в Интернет. Немного подумав, зашла на жесткий диск Драгана Арманского, который не посещала с тех пор, как заполучила компьютер. Арманский сотрудничал с Микаэлем Блумквистом, но особой необходимости знать, чем он занимается, она не испытывала.

Лисбет стала рассеянно просматривать его электронную почту. Потом нашла выводы насчет обеспечения безопасности в доме Эрики Бергер, сделанные Давидом Русином, и удивленно подняла брови.

Эрику Бергер кто-то преследует.

Она обнаружила докладную записку сотрудницы Сусанн Линдер, которая провела прошлую ночь у Эрики Бергер и отослала отчет до наступления утра. Лисбет отметила время отправления: сообщение ушло около трех ночи. Там сообщалось о том, что Бергер обнаружила исчезновение из комода в спальне личных дневников, писем и фотографий, а также видеозаписей сугубо интимного характера.

Обсудив ситуацию, мы с фру Бергер пришли к выводу, что кража, вероятно, произошла в то время, когда она находилась в больнице, в Накке, после того как поранилась, наступив на осколок стекла. Примерно в течение двух с половиной часов дом оставался без присмотра, а сигнализация от НИП не была подключена. Все остальное время, до момента обнаружения кражи, в доме находились либо Эрика Бергер, либо Давид Русин.

Можно прийти к выводу о том, что преследователь постоянно

держал фру Бергер под наблюдением и мог видеть, что она уехала на такси, а также, возможно, что она повредила ногу и хромает. В итоге, воспользовавшись ситуацией, он проник в дом…

Лисбет отсоединилась от жесткого диска Арманского и в задумчивости выключила компьютер. Она испытывала противоречивые чувства.

У нее не было причин любить Эрику Бергер. Она все еще помнила унижение, которое пережила однажды, увидев, как Микаэль Блумквист накануне Нового года идет к своему дому по Хорнсгатан в обнимку с Эрикой. Возможно, в то мгновение она пережила самый сильный шок в своей жизни, и снова поддаваться подобным чувствам не намеревалась.

Лисбет вспомнила, что испытала тогда совершенно непреодолимую ненависть, ей захотелось догнать их и ударить Эрику Бергер.

Ей стало очень стыдно.

Но теперь она исцелилась.

Хотя причин любить Эрику Бергер у нее не прибавилось.

Затем она задумалась над тем, какие кадры могла содержать видеозапись Бергер *«сугубо интимного характера»*. У нее самой имелась видеозапись, запечатлевшая, как этот подонок Нильс Бьюрман ее насилует. Теперь эта запись находится в распоряжении Микаэля Блумквиста. Лисбет задумалась: а как бы она сама отреагировала, если бы кто-нибудь проник к ней в квартиру и похитил эту запись? Собственно говоря, Микаэль Блумквист именно так и поступил. Правда, он не намеревался причинить ей вред.

Ну и ну…

Как все сложно.

В ночь на пятницу Эрике Бергер так и не удалось поспать. Она без конца хромала по вилле, а Сусанн Линдер присматривала за ней. Страх, как густой туман, следовал за нею по всему дому.

Около половины третьего ночи Сусанн Линдер удалось уговорить Эрику Бергер если не поспать, то хотя бы лечь в постель и отдохнуть. Когда та наконец захлопнула за собой дверь спальни, Сусанн вздохнула с облегчением, потом открыла свой лэптоп и отправила отчет приложением к электронному письму Драгану Арманскому. Едва успев отправить сообщение, она услышала, что Эрика снова встала и бродит по комнатам.

Около семи утра ей в конце концов удалось заставить хозяйку дома позвонить в «СМП» и взять на этот день больничный. Бергер с неохотой согласилась, что на работе от нее сейчас будет мало проку, и уснула на

диване в гостиной перед закрытым фанерой окном. Сусанн Линдер принесла одеяло и укрыла ее, после чего сварила себе кофе, позвонила Драгану Арманскому и рассказала, по какой причине Давид Русин вызвал ее сюда.

– Я тоже не сомкнула ночью глаз, – сказала Сусанн.

– О’кей. Оставайся у Бергер. Пойди ложись и поспи пару часиков, – велел Арманский.

– Я не знаю, как мы будем выставлять счет…

– Решим позднее.

Эрика спала до половины третьего дня, а проснувшись, обнаружила, что Линдер спит в кресле в другом конце гостиной.

В пятницу утром Моника Фигуэрола проспала и уже не успела перед работой совершить утреннюю пробежку. Она обвинила в этом досадном факте Микаэля Блумквиста, приняла душ и вытолкала его из постели.

А Микаэль поехал в «Миллениум», где удивил всех столь ранним появлением. Он пробормотал что-то невнятное, принес кофе и позвал к себе в кабинет Малин Эрикссон и Хенри Кортеса. Целых три часа они просматривали статьи для следующего тематического номера и проверяли, как продвигаются дела с выпуском книг.

– Вчера мы отправили книгу Дага Свенссона в типографию, – сказала Малин. – Она выйдет в формате покетбука.

– О’кей.

– Номер будет посвящен The Lisbeth Salander Story[68], – сказал Хенри Кортес. – Они несколько раз переносили суд, но теперь он назначен на среду, на тринадцатое июля. К этому времени тираж уже будет напечатан, но мы не станем распространять его до середины недели. Ты сам потом решишь, когда его выпустить.

– Хорошо. Значит, остается книга о Залаченко, а это пока сплошной мрак. Условно мы назовем ее «Секция». В первую часть книги войдет практически тот же материал, что и будет опубликован в «Миллениуме». Исходная точка – убийство Дага Свенссона и Миа Бергман, а далее – поиски Лисбет Саландер, Залаченко и Нидермана. Во второй части мы изложим все, что знаем о «Секции».

– Микаэль! Учти, пожалуйста, что хоть типография и готова идти нам на уступки, но мы должны сдать готовый к печати оригинал не позднее конца июня, – сказала Малин. – Кристеру потребуется, по крайней мере, пара-тройка дней для верстки. Так что у нас остается чуть более двух недель. Не знаю, как мы все успеем.

– Конечно, раскопать всю историю мы не успеем, – признал Микаэль. – Но, по-моему, мы бы не успели этого и за год. В этой книге мы расскажем только о том, что уже произошло. Если не будет хватать ссылок на источники, я изложу свою авторскую версию. Высказывать предположения надо четко и открыто. Следовательно, мы расскажем о том, что произошло и сошлемся на документы, которыми располагаем. А уж потом напишем про то, что, на наш взгляд, могло произойти.

– Звучит не слишком-то убедительно, – сказал Хенри Кортес.

Малин покачала головой.

– Если я утверждаю, что сотрудник СЭПО вламывался ко мне в квартиру, и могу предоставить видеозапись, значит, я могу документально подтвердить сказанное. Если же я заявляю, что он делал это по поручению «Секции», то высказываю предположение, которое не могу подтвердить документально, но в свете остальных разоблачений оно выглядит вполне обоснованным. Понимаешь?

– О’кей.

– Я не успею написать все сам. Хенри, вот перечень текстов, которые придется подготовить тебе. Малин, ты будешь помогать Хенри так же, как с редактированием книги Дага Свенссона. Все три имени выносятся на обложку в качестве соавторов. Согласны?

– Конечно, – ответила Малин. – Но у нас есть еще кое-какие проблемы.

– Какие?

– Пока ты сидишь с книгой о Залаченко, нам тут приходится выполнять чертовски много работы…

– И ты считаешь, что я полностью выпадаю из процесса?

Эрикссон кивнула.

– Ты права. Я сожалею.

– Ничего страшного. Мы все знаем, что, когда ты увлечен каким-то сюжетом, для тебя больше ничего не существует. Но мы не справляемся. Я не справляюсь. У Эрики Бергер на подхвате была я. У меня есть Хенри, он ас, но он работает над твоим материалом не меньше тебя. Даже считая тебя, нам все равно не хватает в редакции двух человек.

– О’кей.

– И я не Эрика Бергер, у меня нет ее навыков. Я только учусь работать. Моника Нильссон выбивается из сил, Лотта Карим тоже, но нам даже не хватает времени задуматься.

– Это временно. Как только начнется судебный процесс…

– Нет, Микаэль. На этом все не закончится. Когда начнется суд, будет просто ад. Помнишь, как было с делом Веннерстрёма? Мы не увидим тебя

еще месяца три, пока ты будешь мотаться по разным телевизионным передачам.

Микаэль вздохнул, потом медленно кивнул.

– Что ты предлагаешь?

– Чтобы осенью «Миллениум» выжил, нам надо взять новых сотрудников, как минимум двоих. У нас не хватает сил на то, что мы пытаемся делать, и…

– И?..

– И я не уверена, что мне хочется это делать.

– Понимаю.

– Я серьезно. Я уже поднаторела быть ответственным секретарем, и это было *piece of cake*[69] под руководством Эрики Бергер. Мы договаривались, что летом проведем эксперимент… о’кей, мы его провели. Из меня вышел плохой главный редактор.

– Ерунда, – возразил Хенри Кортес.

Малин помотала головой.

– О’кей, – сказал Микаэль. – Я понимаю, что ты имеешь в виду. Но не забывай: у нас сложилась экстремальная ситуация.

Малин улыбнулась.

– Ты можешь считать это претензией со стороны персонала, – сказала она.

Оперативное подразделение Отдела защиты конституции всю пятницу пыталось разобраться с полученной от Микаэля Блумквиста информацией. Двое сотрудников перебрались во временный офис на Фридхемсплан, куда стекалась вся документация. Сложность возникала из-за того, что служебная компьютерная сеть располагалась в полицейском управлении, и, следовательно, сотрудникам приходилось перемещаться между двумя зданиями по нескольку раз в день. И хотя дорога занимала всего десять минут, но это напрягало. Зато уже к обеду они раскопали массу документальных свидетельств о том, что Фредрик Клинтон и Ханс фон Роттингер в 1960-х и начале 1970-х годов имели отношение к Службе государственной безопасности.

Ханс фон Роттингер изначально служил в военной разведке и несколько лет проработал в департаменте, который координировал деятельность Вооруженных сил Швеции со Службой государственной безопасности. Фредрик Клинтон начинал свою службу в военно-воздушных силах и приступил к работе в СЭПО, в отделе по контролю за сотрудниками в 1967 году.

Но в начале 1970-х годов оба покинули ГПУ/Без – Клинтон в 1971 году, а фон Роттингер – в 1973-м. Клинтон стал консультантом в сфере частного предпринимательства, а фон Роттингер перешел с военной на гражданскую службу. Он начал заниматься исследованиями для международной организации по атомной энергетике и обосновался в Лондоне.

Моника Фигуэрола только ближе к вечеру постучала в кабинет к Эдклинту и объявила, что сведения о карьере Клинтона и фон Роттингера после ухода из ГПУ/Без, скорее всего, сфальсифицированы и являются прикрытием. Проследить путь Клинтона оказалось нелегко. Консультант в сфере частного предпринимательства может по большому счету заниматься всем чем угодно, и он не обязан отчитываться ни перед кем о своей деятельности. Судя по налоговым декларациям, Клинтон неплохо зарабатывал, но, к сожалению, он консультировал в основном анонимные фирмы, базировавшиеся в Швейцарии или подобных странах. Следовательно, доказать, что это фальшивка, было не просто.

Зато фон Роттингер никогда не переступал порога офиса в Лондоне, в котором вроде бы работал. Здание, где он, согласно документам, трудился, в 1973 году снесли и за счет него расширили станцию «Кингс-Кросс». Скорее всего при разработке легенды кто-то допустил промах. В течение дня команда Фигуэролы побеседовала с несколькими вышедшими на пенсию сотрудниками международной компании по атомной энергетике и установила, что никто из них никогда о Хансе фон Роттингере не слышал.

– Значит, все ясно, – сказал Эдклинт. – Теперь остается узнать, чем они занимались на самом деле.

Моника Фигуэрола кивнула.

– Как мы поступим с Блумквистом?

– Что вы имеете в виду?

– Мы обещали сообщить ему, если найдем что-нибудь о Клинтоне с Роттингером.

Эдклинт задумался.

– Ничего не поделаешь. Через некоторое время он и сам до этого докопается, а нам лучше поддерживать с ним хорошие отношения. Можешь ему рассказать, только будь лаконична.

Фигуэрола пообещала. Они еще немного поболтали о своих планах на выходные: двое сотрудников Моники собирались продолжить работу, сама же она намеревалась отдохнуть.

После этого женщина покинула рабочее место и отправилась в спортзал, где провела два часа, яростно наверстывая упущенное утром

время. Придя домой около семи, она приняла душ, приготовила примитивный ужин и уселась перед телевизором слушать новости. В половине восьмого Моника уже не находила себе места. Надев спортивный костюм, она остановилась возле входной двери и задумалась.

Чертов Блумквист.

Моника открыла мобильный телефон и позвонила ему на анонимный номер.

– Мы раскопали некоторую информацию о Роттингере и Клинтоне.

– Расскажи, – попросил Микаэль.

– Если приедешь в гости, расскажу.

– Вот оно что, – произнес Блумквист.

– Я только что переоделась в спортивный костюм, чтобы сбросить немного лишней энергии, – сказала Моника. – Мне отправляться или ждать тебя?

– Не возражаешь, если я появлюсь после девяти?

– Не возражаю.

Около восьми вечера в пятницу к Лисбет Саландер наведался доктор Андерс Юнассон. Он уселся на стул для посетителей и откинулся на спинку.

– Будешь меня осматривать? – поинтересовалась Лисбет Саландер.

– Нет. Сегодня не буду.

– О’кей.

– Сегодня мы проанализировали твое состояние и сообщили прокурору, что можем тебя выписать.

– Ясно.

– Они хотели забрать тебя в гётеборгский следственный изолятор прямо сегодня вечером.

– Так быстро?

Он кивнул.

– В Стокгольме кто-то явно торопится с тобой разобраться. Я сказал, что должен завтра провести кое-какие заключительные тесты и не выпущу тебя раньше воскресенья.

– Зачем?

– Не знаю. Меня раздражает их прессинг.

Лисбет Саландер даже улыбнулась. Будь у нее в распоряжении несколько лет, она смогла бы превратить доктора Андерса Юнассона во вполне законченного анархиста. По большому счету, он проявлял явную склонность к гражданскому неповиновению.

– Фредрик Клинтон, – произнес Микаэль, глядя в потолок над кроватью Моники.

– Если ты зажжешь эту сигарету, я загашу ее о твой пупок, – предупредила женщина.

Микаэль изумленно посмотрел на сигарету, которую машинально вытащил из кармана пиджака.

– Извини, – сказал он. – А на балконе можно покурить?

– Только если потом почистишь зубы.

Он кивнул, завернулся в простыню и отправился на балкон. Моника последовала за ним на кухню, налила себе большой стакан холодной воды и прислонилась к косяку балконной двери.

– Фредрик Клинтон?

– Он жив, он связующее звено между настоящим и прошлым.

– Клинтон при смерти. Ему требуется новая почка, и он проводит время в основном на диализе и других процедурах.

– Но пока он жив. Мы могли бы связаться с ним и задать ему некоторые вопросы напрямую. Может, он согласился бы рассказать…

– Нет, – возразила Моника. – Во-первых, это уже предварительное следствие, а оно поручено полиции. В этом отношении никакого «мы» не существует. Во-вторых, мы с тобой заключили соглашение: ты получаешь информацию, но не предпринимаешь никаких действий, которые могут воспрепятствовать расследованию.

Микаэль посмотрел на нее, улыбнулся и загасил сигарету.

– Ну и ну, – сказал он. – Служба безопасности надела на меня короткий поводок.

Она вдруг задумалась.

– Микаэль, а ведь это не шутки.

В субботу утром, когда Эрика Бергер ехала в «Свенска моргонпостен», на душе у нее скребли кошки. Ей только показалось, что она смогла взять под свой контроль процесс выпуска газеты. На выходных Эрика планировала отдохнуть – впервые с начала работы в «СМП». Но расслабиться ей не удалось – пропажа сугубо личных и интимных предметов вместе с материалами о деятельности Боргшё вывела ее из равновесия.

Во время бессонной ночи, в основном проведенной на кухне в обществе Сусанн Линдер, Эрика ожидала, что «Пасквилянт» нанесет ей удар и что ее нелестные изображения станут достоянием гласности.

Интернет – превосходное орудие для подонков.

Господи помилуй, это чертово видео, где я кувыркаюсь с мужем и другим мужчиной, может стать добычей вечерних газет. И тогда самые интимные кадры станут достоянием публики и разойдутся по всему миру…

Сусанн Линдер все-таки уговорила ее лечь, но всю ночь паника и страх не давали ей спать.

В восемь утра Бергер встала и поехала в «СМП». Оставаться в стороне она не могла – если буря настигнет ее, Эрика хотела встретить ее лицом к лицу.

Однако в полупустой по случаю субботы редакции все выглядело как обычно. Когда она проходила мимо центральной стойки, сотрудники приветливо поздоровались. У Андерса Хольма был выходной, и его обязанности выполнял Петер Фредрикссон.

– Доброе утро, а я думал, что вы сегодня будете отдыхать, – поприветствовал он Эрику.

– Я тоже. Но вчера мне нездоровилось, а сегодня надо кое-что сделать. Как дела? Что-нибудь случилось?

– Нет, в плане новостей утро выдалось спокойным. Самые горячие новости – на деревообрабатывающем заводе в Даларна намечается подъем; в Норрчёпинге произошло ограбление, один человек ранен.

– О’кей. Я немного посижу в стеклянной клетке и поработаю.

Эрика села, прислонила костыли к книжной полке и зашла в Интернет. Первым делом она проверила почту. Ей пришло несколько писем, но от «Пасквилянта» ничего не было. Эрика нахмурила брови. С момента кражи прошло двое суток, а он еще не использовал похищенные документы. Почему? Собирается сменить тактику? Будет шантажировать? Просто хочет держать меня на мушке?

Ничем конкретным Эрика не занималась – просто открыла файл со стратегией «СМП», которую раз за разом пыталась сформулировать. Пятнадцать минут она сидела, уставившись в монитор, но буквы сливались у нее перед глазами.

Потом Эрика попробовала позвонить Грегеру, но так и не смогла с ним связаться. Она даже не знала, функционирует ли за границей его мобильный телефон. Если бы она напряглась, то, конечно, сумела бы его разыскать, но чувствовала себя совершенно бессильной. Ее парализовали страх и отчаяние.

Эрика попробовала позвонить Микаэлю Блумквисту, чтобы рассказать о краже папки с документами про Боргшё, но его телефон не отвечал.

В десять часов, так толком ничего и не сделав, Бергер решила поехать домой. Она как раз протянула руку, чтобы выключить компьютер, когда услышала сигнал ICQ. Эрика растерянно посмотрела на строчки меню. Что такое ICQ, она знала, но общалась посредством этой программы редко и с начала работы в «СМП» ни разу ею не пользовалась.

Она нехотя кликнула на «Ответить».

«Привет, Эрика».

«Привет. Кто это?»

«Я по личному делу. Ты одна?»

Неужели это «Пасквилянт»?

«Да. А кто ты?»

«Мы встречались дома у Калле Блумквиста, когда он вернулся из Сандхамна».

Эрика Бергер с недоумением уставилась в экран и только через несколько секунд сообразила.

Лисбет Саландер. Ничего себе.

«Ты на месте?»

«Да».

«Никаких имен. Ты знаешь, кто я?»

«Как я могу узнать, что это не провокация?»

«Мне известно, откуда у Микаэля на шее появился шрам».

Эрика сглотнула. Об этом знали только четыре человека на свете, и одним из них была Лисбет Саландер.

«О’кей. Но как ты смогла выйти на меня в чате?»

«Я довольно хорошо разбираюсь в компьютерах».

Лисбет Саландер, конечно, ас. Но какую чертовщину она придумала, чтобы общаться из Сальгренской больницы, где лежит взаперти с апреля… это было выше понимания Эрики.

«О’кей».

«Я могу на тебя положиться?»

«Что ты имеешь в виду?»

«Об этом разговоре никто не должен знать».

Не хочет, чтобы полиция узнала, что у нее имеется доступ к Сети… Конечно, нет. Поэтому и беседует в чате с главным редактором одной из крупнейших газет Швеции.

«Нет проблем. Чего ты хочешь?»
«Хочу вернуть долги».
«Что ты имеешь в виду?»
«“Миллениум” меня поддерживал».
«Мы делали свою работу».
«А другие газеты – нет.
Ты не виновата в том, в чем тебя обвиняют.
Тебя преследует маньяк».

Эрика Бергер вдруг почувствовала свое сердцебиение. После долгих колебаний она ответила:

«Что тебе известно?»
«Украденное видео. Ограбление».
«Да. Ты можешь помочь?»

Написав этот вопрос, Эрика Бергер не поверила собственным глазам. Чистейшее безумие. Лисбет Саландер лежит в Сальгренской больнице, оправляясь после тяжелейших ранений, и у нее своих проблем выше головы. Вряд ли Эрике пришло бы в голову обратиться к ней за помощью.

«Не знаю. Я могу попробовать».

«Но как?»

«Вопрос. Ты думаешь, что этот подонок находится внутри „СМП”?»

«Я не могу этого доказать».

«Почему ты так думаешь?»

Прежде чем ответить, Эрика надолго задумалась.

«Предчувствие. Все началось, когда я стала работать в “СМП”. Другие люди в “СМП” получили отвратительные письма от “Пасквилянта”, написанные якобы мною».

«От “Пасквилянта”?»

«Так я называю этого мерзавца».
«О’кей. Почему объектом внимания “Пасквилянта” стала именно ты?»
«Не знаю».
«Что-нибудь указывает на личную неприязнь?»
«Что ты имеешь в виду?»
«Сколько в “СМП” сотрудников?»
«Чуть больше 230, включая издательство».
«Скольких ты знаешь лично?»
«Трудно сказать. Со многими журналистами и сотрудниками я за эти годы встречалась при разных обстоятельствах».
«Ты с кем-нибудь из них раньше ссорилась?»
«Нет. Ничего конкретного».
«Может, кто-нибудь тебе мстит?»
«Мстит? Но за что?»
«Месть – мощная движущая сила».

Глядя на монитор, Эрика пыталась понять, на что намекает Лисбет Саландер.

«Ты еще здесь?»
«Да. Почему ты спрашиваешь про месть?»
«Я прочла составленный Русином список инцидентов, которые ты связываешь с “Пасквилянтом”».
«Почему я не удивляюсь?.. О’кей. И что из этого?»
«На маньяка не похоже».
«Что ты имеешь в виду?»
«Маньяк подвинут на сексе. А тут, похоже, кто-то прикидывается маньяком. Трахать отверткой… просто фарс какой-то».
«Вот как?»
«Я сталкивалась с настоящими маньяками. Они куда более извращенные, вульгарные и мерзкие. Они проявляют любовь и ненависть одновременно. Тут что-то не так».
«Ты считаешь, что это недостаточно вульгарно?»
«Да. Письмо Эве Карлссон – настоящий фейк. Кто-то сводит счеты».
«Неужели? Я об этом не думала».
«Это не маньяк. Кто-то преследует лично тебя».

«О’кей. Что ты предлагаешь?»
«Ты мне доверяешь?»
«Возможно».
«Мне нужен доступ к сети “СМП”».
«Подожди».
«Сейчас же. Меня скоро перевезут, и я лишусь Интернета».

Эрика сомневалась. Открыть доступ к сети «СМП»… кому? Законченной психопатке? Возможно, в убийствах Лисбет и не виновна, но она определенно отличается от нормальных людей.

Но что ей терять?

«Как?»
«Я должна загрузить в твой компьютер программу».
«У нас брандмауэры».
«Ты мне поможешь. Запусти Интернет».
«Уже запущен».
«Explorer?»
«Да».
«Я напишу адрес. Скопируй и вставь его в Explorer».
«Готово».
«Перед тобой перечень программ. Кликни на “Асфиксия сервер” и скачай».

Эрика выполнила инструкцию.

«Готово».
«Запусти “Асфиксию”. Кликни на “установить” и выбери Explorer».

Это заняло три минуты.

«Готово».
«О’кей. Теперь ты должна перезагрузить компьютер. Мы ненадолго утратим контакт».
«О’кей».
«Когда мы снова соединимся, я переведу твой жесткий диск на один сервер в Сети».
«О’кей».

«Перезагружай. До скорого».

Пока компьютер перезагружался, Эрика Бергер восхищенно смотрела на экран. Она задумалась, все ли у нее в порядке с головой. Потом снова раздался сигнал ICQ.

«Привет, это опять я».

«Привет».

«Будет быстрее, если это сделаешь ты. Запусти Интернет и скопируй адрес, который я тебе пошлю».

«О’кей».

«Сейчас у тебя появится вопрос. Кликни на “Старт”».

«О’кей».

«Сейчас тебя попросят назвать жесткий диск. Назови его SMP-2».

«О’кей».

«Можешь пока сходить за кофе. Это займет некоторое время…»

Субботним утром Моника Фигуэрола проснулась около восьми – примерно на два часа позже обычного. Она села в постели и посмотрела на Микаэля Блумквиста. Тот храпел.

Well. Nobody is perfect[70]. Она задумалась над тем, к чему приведут их отношения. К числу надежных мужчин, с которыми можно планировать долгосрочные отношения, Микаэль явно не относился. Такой вывод она сделала, ознакомившись с его биографией. С другой стороны, Моника и сама не была уверена, что ей хочется стабильных отношений, которые заканчиваются семьей, кухней и детьми. Еще с юности она предприняла несколько неудачных попыток, и в результате сделала вывод, что стабильные отношения чересчур идеализируются. Ее самой продолжительной связью было двухлетнее совместное проживание с одним коллегой в Уппсале.

Вместе с тем она не относилась к тем девушкам, которые увлекаются *one night stands*[71], хотя и считала секс незаменимым терапевтическим средством против подавляющего большинства недугов. А секс с Микаэлем Блумквистом ее вполне устраивал. Даже более чем устраивал. Он неплохой парень, и с ним легко можно поладить.

Но не так-то легко ответить на вопросы: что это за отношения – летний романс? Влюбленность? Неужели она влюбилась?

Моника пошла в ванную, сполоснула лицо и почистила зубы, надела шорты для бега и тонкую куртку, и бесшумно вышла из квартиры. Она уделила некоторое время растяжкам и совершила сорокапятиминутную пробежку мимо больницы Роламбсхов, вокруг района Фредхелль и вернулась домой через Смедсудден. В девять Моника вернулась домой и обнаружила, что Блумквист по-прежнему спит. Она наклонилась и стала кусать его за ухо, пока он в полной растерянности не открыл глаза.

– Доброе утро, дорогой. Надо, чтобы кто-нибудь потер мне спину.

Он посмотрел на нее и пробормотал что-то невнятное.

– Что ты сказал?

– А зачем тебе принимать душ? Ты и так насквозь мокрая.

– Я пробежалась. Тебе следовало бы ко мне присоединиться.

– Если б я попытался поддерживать твой темп, боюсь, что тебе пришлось бы вызывать службу спасения. Остановка сердца на Северной набережной озера Меларен.

– Чушь какая-то… Что ж, пора просыпаться.

Он потер ей спину и намылил плечи. И бедра. И живот. И грудь. И через некоторое время Фигуэрола, полностью утратив интерес к водным процедурам, увлекла Микаэля обратно в постель. Кофе они пили в кафе на набережной Норр Мэларстранд, когда часы показывали уже одиннадцать.

– А ведь я могу к тебе привыкнуть, – сказала Моника. – Мы знакомы всего несколько дней…

– Ты меня притягиваешь, как магнит. Я думаю, ты и сама уже заметила.

Она кивнула.

– Интересно, почему?

– Прости, я не могу ответить на этот вопрос. Я никогда не понимаю, почему какая-то женщина меня вдруг увлекает, а другая оставляет совершенно равнодушным.

Моника улыбнулась.

– Я сегодня свободна, – сказала она.

– А я – нет. У меня работы выше крыши вплоть до начала суда, а последние три ночи я провел у тебя, вместо того чтобы заниматься делом.

– Очень жаль.

Блумквист кивнул, встал и поцеловал ее в щеку. Моника ухватила его за рукав рубашки.

– Мне бы очень хотелось продолжать с тобой общаться.

– Я был бы рад, – кивнул он. – Но нам придется потерпеть, пока мы не разберемся с этой историей.

И исчез, шагая к Хантверкаргатан.

Эрика Бергер принесла кофе и стала смотреть на монитор. В течение пятидесяти трех минут абсолютно ничего не происходило, только экран периодически гас.

Потом вновь возник сигнал ICQ.

> «Готово. У тебя на жестком диске очень много дерьма, в частности, два вируса».
>
> «Сорри. Какой следующий шаг?»
>
> «Кто администратор компьютерной сети “СМП”?»
>
> «Не знаю. Вероятно, Петер Флеминг. Он – начальник технического отдела».
>
> «О’кей».
>
> «Что я должна делать?»
>
> «Ничего. Иди домой».
>
> «Только и всего?»
>
> «Я объявлюсь».
>
> «Оставить компьютер включенным?»

Но Лисбет Саландер уже покинула ее ICQ. Эрика Бергер разочарованно уставилась в экран. В конце концов она выключила компьютер и отправилась на поиски кафе, где можно было бы спокойно посидеть и поразмышлять.

Глава 20

Суббота, 4 июня

Около Шлюза Микаэль Блумквист выскочил из автобуса, поднялся на лифте Катаринахиссен на холм Мусебакке и дошел до дома номер 9 по Фискаргатан. В ближайшем магазине он купил хлеб, молоко и сыр. Вернувшись домой, сначала положил продукты в холодильник, а затем включил компьютер Лисбет Саландер.

После некоторого размышления Микаэль также включил синий телефон «Эрикссон Т10». На обычный мобильный телефон он решил плюнуть, поскольку все равно не хотел разговаривать ни с кем, кто не имел отношения к истории Залаченко. Оказалось, что за прошедшие сутки ему звонили семь раз – трижды Хенри Кортес, дважды Малин Эрикссон и один раз Эрика Бергер.

Для начала Блумквист позвонил Хенри Кортесу, который сидел в кафе в районе Васастан и хотел обсудить некоторые мелочи. Никаких неотложных дел у него не было.

Малин Эрикссон звонила просто так, узнать, как дела и сообщить, что всё в порядке.

Потом Микаэль позвонил Эрике Бергер, но у нее было занято.

Он открыл страничку «Stolliga_Bordet» и обнаружил окончательную версию биографии Лисбет Саландер. Блумквист улыбнулся, кивнул, распечатал документ и сразу начал его читать.

Лисбет Саландер нажимала на клавиши своего маленького компьютера «Палм Тангстен Т3». Проникнув в компьютерную сеть «СМП», она целый час разбиралась с ее содержимым, при этом пользовалась регистрационным адресом Эрики Бергер – заниматься адресом Петера Флеминга Лисбет не стала. Полные права администратора ей не понадобились бы. Ее интересовал доступ к административному сайту «СМП» с личными файлами, куда у Эрики был неограниченный доступ.

Лисбет очень жалела, что Микаэль Блумквист не смог вместо карманного компьютера протащить в больницу ее ноутбук с полноценной клавиатурой и 17-дюймовым экраном. Она скачала себе перечень всех сотрудников «СМП» и стала его изучать. Он включал двести двадцать три человека, из них восемьдесят две женщины.

Для начала Лисбет вычеркнула всех женщин. Диагноз «сумасшествие»

у женщин она не исключала, но по статистике, в подавляющем большинстве случаев женщин преследуют мужчины. Оставался сто сорок один человек.

Опять-таки согласно статистике, большинство «пасквилянтов» пребывает либо в подростковом, либо в среднем возрасте. Поскольку подростки в «СМП» не работали, Лисбет начертила диаграмму и вычеркнула всех старше пятидесяти пяти и моложе двадцати пяти. После этого осталось сто три человека.

Саландер задумалась. Времени оставалось мало – возможно, даже меньше двадцати четырех часов. Лисбет приняла решение и одним махом вычеркнула всех работников отделов маркетинга, рекламы, художественного оформления, охраны и техники, сосредоточив внимание на группе журналистов и редакционного персонала. Получился список из сорока восьми мужчин в возрасте от двадцати шести до пятидесяти четырех лет.

Тут послышался звон связки ключей. Лисбет тотчас выключила компьютер и пристроила его под одеялом между ног. Ей доставили ее последний обед в Сальгренской больнице, и Лисбет с тоской посмотрела на тушеную капусту. К тому же она знала, что после обеда ей некоторое время не дадут спокойно работать, поэтому положила компьютер в дырку за тумбочкой и терпеливо ждала, пока две женщины родом из Эритреи пропылесосят палату и перестелят кровать.

Одну из них звали Сара, и она в последний месяц регулярно приносила Лисбет по несколько сигарет «Мальборо лайт». Она также снабдила пациентку зажигалкой, которую та прятала за прикроватной тумбочкой. Лисбет с благодарностью приняла две сигареты, которые собиралась выкурить ночью возле вентилятора.

Только около двух, когда все опять успокоилось, Саландер достала компьютер и подключилась к Сети. Она хотела сразу вернуться к административному сайту «СМП», но сообразила, что не следует забывать о собственных проблемах. Ежедневную проверку она начала с «Stolliga_Bordet». За последние трое суток Микаэль Блумквист не выложил там ничего нового; интересно, чем же он занимается.

Этот чертов Блумквист опять закрутил интрижку с какой-нибудь грудастой бабищей.

Потом Лисбет проверила, не добавил ли чего-нибудь Чума. Не добавил.

Дальше она занялась проверкой жестких дисков про-курора Рикарда Экстрёма, где нашла скучную корреспонденцию о предстоящем суде, и

доктора Петера Телеборьяна.

Каждый раз, когда она заходила на жесткий диск Телеборьяна, у нее возникало чувство, будто температура ее тела на несколько градусов понижается.

Лисбет нашла результаты своей судебно-медицинской экспертизы, которые он уже сформулировал, хотя официально написать их мог только после осмотра. Прогноз, по его версии, несколько улучшился, но в целом ничего нового не появилось. Лисбет скачала экспертизу и отправила на адрес «Stoliiga_Bordet», потом стала проверять электронную почту Телеборьяна, открывая одно письмо за другим, – и чуть не упустила коротенькое сообщение:

Суббота, 15.00, у кольца на Центральном вокзале. Юнас.

Дьявол. Юнас. Он встречается во множестве писем, адресованных Телеборьяну. Использует адрес на Hotmail. Личность неизвестна.

Лисбет Саландер перевела взгляд на электронные часы на тумбочке. 14.28. Она сразу нажала на ICQ Микаэля Блумквиста, но ответа не последовало.

Микаэль распечатал 220 страниц текста, выключил компьютер и уселся за кухонный стол Лисбет Саландер с ручкой в руках, намереваясь заняться правкой.

В целом текст ему нравился, но в материалах зияло огромное белое пятно. Как найти остальных членов «Секции»? Малин Эрикссон права: скорее всего, это невозможно. К тому же у него цейтнот.

Лисбет сердито выругалась и попыталась вызвать в ICQ Чуму. Тот не отвечал. Она покосилась на часы. 14.30.

Саландер села на край кровати и стала вспоминать адреса ICQ. Сперва попробовала адрес Хенри Кортеса, потом Малин Эрикссон. Никто не отвечал.

Суббота.

У всех выходной.

Она покосилась на часы. 14.32.

Лисбет попыталась достучаться до Эрики Бергер. Безуспешно.

Я же велела ей идти домой. Черт возьми. 14.33.

Она могла бы послать SMS Микаэлю Блумквисту на мобильник… Но он прослушивается. Лисбет прикусила нижнюю губу.

В конце концов она в отчаянии повернулась к тумбочке и вызвала медсестру. В 14.35 Лисбет услышала, что в дверь вставляется ключ, и к ней заглянула сестра Агнета, женщина лет пятидесяти.

– Здравствуйте. У вас проблемы?

– Доктор Андерс Юнассон сейчас в отделении?

– Вы себя плохо чувствуете?

– Я хорошо себя чувствую. Но мне надо обменяться с ним парой слов. Если возможно.

– Я его только что видела. А в чем дело?

– Мне необходимо с ним поговорить.

Сестра Агнета нахмурила брови. Пациентка Саландер обычно вызывала сестер, только если у нее болела голова или возникала какая-то другая неотложная проблема. Она никогда не вступала в споры и ни разу не просила о встрече с конкретным врачом. Правда, сестра Агнета отметила, что доктор Юнассон много возился с арестованной пациенткой, которая обычно бывала полностью закрыта для внешнего мира. Возможно, ему удалось установить с ней какой-то контакт.

– Ладно. Я узнаю, есть ли у него время, – любезно сказала сестра Агнета и закрыла дверь.

И заперла ее. Часы показывали 14.36, а потом сразу же перескочили на 14.37.

Лисбет встала с кровати и подошла к окну. Она регулярно косилась на часы. 14.39. 14.40.

В 14.44 она услышала шаги в коридоре и бряцание связки ключей охранника. Андерс Юнассон бросил на нее вопросительный взгляд и остановился, увидев в глазах Лисбет отчаяние.

– Что-нибудь случилось?

– Кое-что случается как раз сейчас. У тебя мобильник с собой?

– Что?

– Мобильный телефон. Мне необходимо позвонить.

Андерс Юнассон с сомнением покосился на дверь.

– Андерс… Мне нужен мобильник. Немедленно!

Услышав в ее голосе отчаяние, он сунул руку во внутренний карман и передал ей телефон, который Лисбет буквально вырвала у него из рук. Позвонить Микаэлю Блумквисту она не могла – предполагалось, что его телефон прослушивается. А номер анонимного синего «Эрикссон Т10» он ей не давал – зачем, если она все равно не сможет ему позвонить? Поколебавшись десятую долю секунды, Лисбет набрала номер Эрики Бергер, и после трех сигналов та ответила.

Эрика Бергер находилась в своей машине «БМВ», в километре от дома, когда раздался неожиданный звонок. Правда, этим утром Лисбет Саландер уже удалось ее шокировать.

– Бергер.

– Это Саландер. На объяснения времени нет. У тебя есть номер анонимного телефона Микаэля? Того, который не прослушивается?

– Да.

– Позвони ему. Немедленно! Телеборьян встречается с Юнасом у кольца на Центральном вокзале в пятнадцать ноль-ноль.

– Что это…

– Торопись. Телеборьян. Юнас. Кольцо на вокзале. Пятнадцать ноль-ноль. У него четверть часа.

Лисбет оборвала связь, чтобы не дать Эрике тратить драгоценные секунды на ненужные вопросы, и покосилась на часы – там как раз появились цифры 14.46.

Эрика затормозила и припарковалась на обочине. Вытащив из сумки записную книжку, она нашла номер, полученный от Микаэля в тот вечер, когда они встречались в «Котелке Самира».

Услышав писк мобильного телефона, Микаэль Блумквист встал из-за кухонного стола и вернулся в кабинет Лисбет Саландер.

– Да?

– Это Эрика.

– Привет.

– Телеборьян встречается с Юнасом у кольца на Центральном вокзале в пятнадцать ноль-ноль. У тебя осталось несколько минут.

– Что-что?

– Телеборьян…

– Я слышал. Откуда тебе об этом известно?

– Кончай дискуссию и вперед!

Микаэль покосился на часы. 14.47.

– Спасибо. Пока.

Он схватил сумку с ноутбуком и, не дожидаясь лифта, бросился вниз по лестнице. На бегу он набрал номер синего Т10 Хенри Кортеса.

– Где ты находишься?

– В Академическом книжном магазине.

– Телеборьян встречается с Юнасом у кольца на Центральном вокзале в пятнадцать ноль-ноль. Я уже в пути, но тебе ближе.

– О, черт! Бегу.

Микаэль добежал по Гётгатан и с максимальной скоростью помчался в сторону Шлюза. Там он, задыхаясь, покосился на наручные часы. Возможно, в словах Моники Фигуэролы о пользе пробежек что-то есть. 14.56.

Ему не успеть.

Он принялся искать такси.

Лисбет вернула телефон Андерсу Юнассону.

– Спасибо, – сказала она.

– Телеборьян? – спросил доктор, который слышал весь разговор.

Саландер кивнула и посмотрела ему в глаза.

– Телеборьян – настоящий подонок. Ты даже не представляешь себе, какой.

– Да. Но я могу представить себе, что в настоящий момент происходит что-то такое, от чего ты разволновалась больше, чем за все это время. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Лисбет улыбнулась Андерсу Юнассону кривой улыбкой.

– Полагаю, ты в ближайшее время получишь ответ на этот вопрос, – сказала она.

Хенри Кортес выскочил из академического книжного магазина как ошпаренный. Он пересек Свеавеген по виадуку у улицы Местер Самуэльсгатан, спустился вниз и завернул на улицу Кларабергсвиадуктен через Васагатан. Потом перескочил через Кларабергсгатан между отчаянно сигналившими ему автобусом и двумя машинами и ровно в 15.00 проскользнул в двери Центрального вокзала.

Перепрыгивая через три ступеньки, он спустился по эскалатору на главный этаж и пробежал мимо книжного киоска; только тут, сбавив скорость, чтобы не привлекать к себе внимания, он стал усиленно всматриваться в людей поблизости от кольца.

Ни Телеборьяна, ни мужчины, которого сфотографировал у кафе Кристер Мальм и которого они считали Юнасом, видно не было. Хенри посмотрел на часы. 15.01. Он дышал так, будто пробежал Стокгольмский марафон.

Кортес наугад пробежал через зал и выскочил из дверей, выходивших на Васагатан. Остановился, огляделся и стал рассматривать всех в поле зрения, одного человека за другим, но не нашел ни Петера Телеборьяна, ни Юнаса.

Хенри развернулся и снова бросился в здание вокзала. 15.03. У кольца было пусто.

Потом он поднял взгляд, и перед ним буквально на секунду мелькнули взъерошенный профиль и бородка Петера Телеборьяна, выходившего из газетного киоска в другом конце зала. В следующую секунду рядом с ним материализовался мужчина с фотографий Кристера Мальма. А вот и Юнас!

Они пересекли центральный зал и вышли на Васагатан через северный выход. Хенри Кортес перевел дух, вытер ладонью пот со лба и направился следом за этой парочкой.

Блумквист прибыл на Стокгольмский центральный вокзал на такси в 15.07. Он поспешил в главный зал, но не увидел там ни одного знакомого лица.

Микаэль достал свой Т10, собираясь вызвать Хенри Кортеса, но телефон у него в руке зазвонил сам.

– Я их вижу. Они сидят в пабе «Три кубка» на Васагатан, возле спуска к поездам, на линию Аккала.

– Спасибо, Хенри. А ты где?

– Стою у барной стойки и пью пиво. Я это заслужил.

– О’кей. Они знают меня в лицо, поэтому я заходить не буду. У тебя, вероятно, нет возможности слышать их разговор…

– Ни малейшей. Я вижу спину Юнаса, а этот чертов Телеборьян бормочет себе под нос так, что даже по губам ничего не разобрать.

– Ясно.

– Но у нас может возникнуть проблема.

– Какая?

– Этот Юнас выложил на стол бумажник и мобильный телефон. А поверх бумажника положил ключи от машины.

– О’кей. Это я беру на себя.

Мобильный телефон Моники Фигуэрола исполнил лейтмотив из фильма «Однажды на Диком Западе», и она отложила книгу о восприятии Бога в античности, которую ей все никак не удавалось дочитать.

– Привет. Это Микаэль. Что делаешь?

– Сижу дома и разбираю фотографии старых поклонников. Меня сегодня в очередной раз предали.

– Прости. Машина у тебя поблизости?

– Когда я в последний раз смотрела, она была на стоянке перед домом.

– Отлично. Ты не хочешь прокатиться по городу?

– Не жажду… Что-то случилось?

– Петер Телеборьян пьет пиво с Юнасом в районе Васастан. А поскольку я завел привычку сообщать обо всем в СЭПО, то подумал, что может быть, ты захочешь подключиться.

Моника тут же соскочила с дивана и протянула руку к ключам от машины.

– Ты не шутишь?

– Нет, не шучу. Кстати, перед Юнасом на столе лежат автомобильные ключи.

– Я мигом.

Малин Эрикссон по телефону не отвечала, но Микаэлю повезло – он поймал Лотту Карим, которая бродила по универмагу «Охлен» и искала мужу подарок на день рождения. Блумквист потребовал, чтобы она взялась за сверхурочную работу, и попросил ее немедленно отправляться в паб, а потом снова позвонил Кортесу.

– План такой. Через пять минут за мной заедут на машине. Мы припаркуемся на Йернвегсгатан, неподалеку от паба.

– О’кей.

– Через несколько минут появится Лотта Карим, она тебе поможет.

– Отлично.

– Когда они станут уходить, садись на хвост Юнасу. Иди за ним пешком и сообщай мне по мобильному, где вы находитесь. Нам надо знать, когда он приблизится к машине. Лотта пусть следит за Телеборьяном. Если мы не успеем, запиши номер его машины.

– О’кей.

Моника Фигуэрола припарковалась возле гостиницы «Нордик Лайт Отель», перед терминалом, откуда поезда отправлялись в аэропорт. Буквально через минуту Микаэль Блумквист открыл дверцу с водительской стороны.

– В каком пабе они сидят? – спросила Моника.

Микаэль объяснил.

– Я должна вызвать подкрепление.

– Не беспокойся. Мы держим их под контролем. У семи нянек дитя без глазу.

Фигуэрола посмотрела на него с подозрением.

– А как ты узнал об этой встрече?

– Сорри. Анонимный источник.

– У вас, что, в «Миллениуме» есть какая-то собственная разведка? –

воскликнула она.

Микаэль стоял почти счастливый – всегда приятно обыграть СЭПО на их поле.

На самом же деле он не имел ни малейшего представления о том, как получилось, что Эрика Бергер позвонила ему и сообщила о встрече Телеборьяна с Юнасом. Начиная с десятого апреля, она ничего не знала о редакционной работе «Миллениума». Про Телеборьяна Эрика, разумеется, слышала, но Юнас возник только в мае, и, насколько Микаэлю было известно, она не знала даже о его существовании и уж тем более о том, что им интересуются в «Миллениуме» и СЭПО.

В самое ближайшее время со старой подругой надо серьезно поговорить.

Глядя на экран карманного компьютера, Лисбет напряглась. После беседы по мобильнику доктора Юнассона она отогнала от себя все мучительные размышления о «Секции» и сосредоточилась на проблемах Эрики Бергер. После долгих сомнений Саландер вычеркнула из оставшейся группы подозреваемых всех женатых мужчин в возрасте от 26 до 54 лет. Она знала, что это ее решение не основано ни на рациональных соображениях, ни на надежной статистике или научных наблюдениях. «Пасквилянтом» вполне мог оказаться солидный отец семейства с пятью детьми и собакой, или кто-то из охранников, или даже женщина, хотя в это Лисбет не верила.

Ей лишь захотелось уменьшить количество имен в списке, в результате чего группа подозреваемых сократилась с сорока восьми до восемнадцати человек. Среди оставшихся, как заметила Лисбет, оказались в основном известные репортеры и начальники, или руководители среднего звена в возрасте тридцати пяти лет и старше. Если среди них она ничего и никого интригующего не обнаружит, район поисков можно будет опять расширить.

В четыре часа дня Лисбет зашла на домашнюю страничку Республики хакеров и перекинула список Чуме. Через несколько секунд он вышел на связь.

«18 имен. И что?»

«Небольшой параллельный проект. Можешь отнестись к нему как к тесту».

«О’кей, и что же?»

«Одно из имен принадлежит мерзавцу. Найди его».

«Какие критерии поиска?»

«Работать надо быстро. Завтра меня отрежут от Сети. До этого нам нужно его найти».

Она объяснила ситуацию Эрики Бергер с «Пасквилянтом».

«О’кей. А какая с этого будет выгода мне?»

Лисбет Саландер на секунду задумалась.

«Я не приеду к тебе к Сундбюберг и не устрою там пожар».
«А ты собиралась?»
«Я плачу деньги каждый раз, когда прошу тебя что-нибудь для меня сделать. На сей раз работа не для меня. Считай это налоговым сбором».
«Ты начинаешь разбираться в социальных вопросах».
«Вот именно».

«О’кей».

Она переслала коды доступа к редакции «СМП» и отключила ICQ.

В 16.20 позвонил Хенри Кортес.
– Они, похоже, начинают расходиться.
– Хорошо, мы готовы.
Тишина.
– Они расстаются перед пабом. Юнас идет на север. Лотта движется за Телеборьяном на юг.
Когда по Васагатан прошел Юнас, Микаэль поднял палец и указал на него. Моника кивнула. Через несколько секунд Микаэль увидел и Хенри Кортеса. Фигуэрола завела машину.
– Он пересекает Васагатан и идет в сторону Кунгсгатан, – сказал Хенри Кортес.
– Держись на дистанции, чтобы он тебя не заметил.
– На улице довольно много народу.
Тишина.
– Он идет на север по Кунгсгатан.
– На север по Кунгсгатан, – повторил Микаэль.
Моника нажала на газ и вывернула на Васагатан. На светофоре им пришлось немного подождать.

– Где вы сейчас? – спросил Микаэль, когда они свернули на Кунгсгатан.

– На уровне универмага «ПАБ». Он двигается на большой скорости. А теперь поворачивает на Дроттнинггатан, на север.

– Дроттнинггатан, на север, – повторил Микаэль.

– О’кей, – сказала Моника.

Она нарушила правила на повороте и доехала до улицы Улофа Пальме. Завернув туда, остановилась перед офисным центром. Юнас пересек улицу Улофа Пальме и направился к Свеавеген. Хенри Кортес двигался следом по другой стороне.

– Он повернул на восток…

– Мы видим вас обоих.

– Он заворачивает на Холлендаргатан… Так… Машина. Красная «ауди».

– Машина, – сказал Микаэль, записывая номер, который поспешно тараторил Кортес.

– В какой стороне она припаркована? – спросила Моника Фигуэрола.

– Носом к югу, – доложил Кортес. – Он выезжает перед вами на улицу Улофа Пальме… сейчас.

Фигуэрола уже начала движение и как раз проезжала Дроттнинггатан. Она посигналила, напугав двух пешеходов, пытавшихся перебежать на красный свет.

– Спасибо, Хенри. Отсюда мы берем его на себя.

Красная «ауди» двинулась на юг по Свеавеген. Моника поехала следом, одновременно включая мобильный телефон и набирая левой рукой номер.

– Сообщите, пожалуйста, данные по номеру машины, красная «ауди», – сказала она, повторив номер, полученный от Хенри Кортеса. – Юнас Сандберг, семьдесят первого года рождения… Что вы сказали?.. Хельсингёрсгатан, район Чиста… Спасибо.

Микаэль записывал добытые сведения.

Вслед за красной «ауди» они выехали через Хамнгатан на набережную и потом сразу свернули на Артиллеригатан. Юнас Сандберг припарковался в квартале от Музея армии, потом пересек улицу и скрылся в подъезде какого-то дома постройки рубежа веков.

– Ну и ну, – произнесла Моника Фигуэрола, покосившись на Микаэля.

Тот понимающе кивнул. Всего через квартал отсюда находился дом, в котором премьер-министр арендовал квартиру для личной встречи.

– Просто молодцы, ничего не скажешь, – сказала Моника.

Тут же позвонила Лотта Карим и сообщила, что Петер Телеборьян, поднявшись по эскалатору на вокзале, вышел на Кларабергсгатан, а потом направился в полицейское управление на Кунгсхольмене.

– В полицейское управление. В семнадцать ноль-ноль в субботу? – переспросил Микаэль.

Фигуэрола и Блумквист посмотрели друг на друга. Несколько секунд Моника размышляла, потом взяла мобильный телефон и позвонила инспектору уголовной полиции Яну Бублански.

– Здравствуйте. Это Моника из ГПУ/Без. Мы какое-то время назад встречались на Северной набережной.

– Что вам угодно? – спросил Бублански.

– У вас кто-нибудь дежурит на выходных?

– Соня Мудиг.

– Я хотела попросить об одной услуге. Как вы думаете, она сейчас в здании полиции?

– Сомневаюсь. Субботний вечер, да и погода прекрасная.

– Вы не могли бы найти ее или кого-нибудь другого из вашего отдела, кто потрудился бы дойти до коридора прокурора Рикарда Экстрёма? Меня интересует, не проходит ли у него совещание.

– Совещание?

– У меня нет времени объяснять. Мне нужно знать, не встречается ли он с кем-нибудь, и если да, то с кем.

– Вы хотите, чтобы я шпионил за прокурором, являющимся моим начальником?

Моника нахмурила брови, потом пожала плечами.

– Да, – сказала она.

– О’кей, – произнес Бублански и положил трубку.

На самом деле Соня Мудиг находилась ближе к полицейскому управлению, чем опасался Бублански. Она вместе с мужем пила кофе на балконе, в доме у подруги, жившей в районе Васастан. Они отдыхали от детей, поскольку родители Сони на одну неделю отпуска забрали внуков к себе, и планировали провести время по старинке – где-нибудь перекусить и отправиться в кино.

Бублански сообщил ей, в чем дело.

– А какой у меня будет повод, чтобы зайти к Экстрёму?

– Я вчера обещал прислать ему новые материалы о Нидермане, но, уходя, забыл их ему отправить. Бумаги лежат у меня на письменном столе.

– Хорошо, – сказала Соня Мудиг и посмотрела на мужа и подругу. –

Мне надо съездить в управление. Я возьму машину и, если повезет, вернусь через час.

Муж вздохнул, подруга – тоже.

– Вообще-то я на дежурстве, – напомнила Соня на всякий случай.

Она припарковалась на Бергсгатан, поднялась в кабинет Бублански и забрала три листочка формата А4, содержавшие скудные результаты поисков Рональда Нидермана, объявленного в розыск за убийство полицейского.

«Да уж, информации явно не хватает», – подумала Соня.

Потом она вышла на лестницу и поднялась на один этаж. При входе в коридор остановилась. Этим летним вечером в полицейском управлении было почти совсем безлюдно. Мудиг не кралась, просто шла очень тихо. Перед закрытой дверью в кабинет Экстрёма она замерла, услышала голоса и прикусила нижнюю губу.

Внезапно храбрость куда-то улетучилась, и она почувствовала себя неуютно. В обычной ситуации Соня постучала бы в дверь, открыла бы ее с возгласом: «Ой, вы еще на месте!» – и просто вошла бы, но сейчас это казалось неуместным.

Мудиг огляделась.

Почему Бублански ей позвонил? И что это за совещание?

Она покосилась на противоположную сторону коридора. Напротив кабинета Экстрёма располагался маленький конференц-зал, рассчитанный на десять человек. Она и сама выслушала там множество докладов.

Мудиг зашла в темный конференц-зал и тихо прикрыла дверь. Жалюзи были опущены, а отделявшая зал от коридора стеклянная стена занавешена шторами. Соня пододвинула стул, села и отогнула штору так, чтобы образовалась маленькая щелка, сквозь которую был виден коридор.

Ей стало не по себе. Если кто-нибудь откроет дверь и войдет, будет очень сложно объяснить, что она тут делает. Соня вынула мобильный телефон и посмотрела на часы дисплея. Почти шесть. Она отключила звук, откинулась на спинку стула и начала разглядывать закрытую дверь в кабинет Экстрёма.

В семь часов вечера Чума вызвал Лисбет Саландер.

«О’кей, я раздобыл права сисадмина в “СМП”».
«Где?»

Он переслал ей http-адрес.

«За 24 часа мы не успеем. Хоть у нас и есть электронная почта всех 18, но на то, чтобы взломать их домашние компьютеры, понадобятся дни. Большинство, вероятно, субботним вечером даже не сидят в Сети».

«Чума, сосредоточься на домашних компьютерах, а я займусь компьютерами “СМП”».

«Я так и подумал. Возможности твоего КПК слегка ограниченны. Хочешь, чтобы я сконцентрировался на ком-то конкретном?»

«Нет. Любой из них может оказаться…»

«О’кей».

«Чума».

«Да».

«Если мы до завтра никого не найдем, я хочу, чтобы ты продолжал».

«О’кей».

«Я тебе заплачу».

«Да ладно, будем считать это просто развлечением».

Лисбет отключила ICQ и зашла на http-адрес, куда Чума скачал все административные права «СМП». Вначале она посмотрела, подключен ли к системе компьютер Петера Флеминга и находится ли тот в «СМП». Его там не было, и Лисбет использовала его полномочия и зашла на почтовый сервер «СМП». В итоге она смогла читать всё, что пересылалось по электронной почте, даже письма, уже давно удаленные с конкретных адресов.

Саландер начала свои поиски с сорокатрехлетнего Эрнста Теодора Биллинга, одного из ночных редакторов «СМП». Она вошла в его почтовый ящик и начала двигаться от последних сообщений к более ранним. На каждое Лисбет тратила по две секунды – вполне достаточно, чтобы составить представление о содержании письма и о его отправителе. Через несколько минут она усвоила, как выглядят рутинные сообщения типа служебных записок, графиков и тому подобных скучных вещей, и стала их просто прокручивать.

Изучая одно письмо за другим, Лисбет дошла до посланий трехмесячной давности. Потом начала смотреть по месяцам, читая только рубрики и открывая лишь те сообщения, которые чем-то привлекали ее внимание. Она узнала, что Эрнст Биллинг был связан с женщиной по имени София, но обращался к ней в весьма грубых выражениях. Правда, в

этом не было ничего особенного, поскольку Биллинг, как оказалось, использовал грубости и вульгарности по отношению к большинству людей, которым писал что-либо личное, – к репортерам, дизайнерам и прочим. Тем не менее Лисбет сочла странным, что мужчина с легкостью адресует своей девушке такие слова, как «чертова жирдяйка», «безмозглая башка» или «проклятая сука».

Изучив архивы его писем за последний год, она махнула на него рукой – правда, еще зашла в его Explorer и проследила за его прогулками по Сети. Выяснилось, что он, как и большинство мужчин его возрастной категории, периодически посещает порносайты, но в основном, похоже, использует Интернет в рабочих целях. Лисбет также выяснила, что он интересуется машинами и часто заглядывает на сайты с новыми моделями.

Примерно через час Саландер вычеркнула Биллинга из списка и перешла к Ларсу Эрьяну Вольбергу, пятидесяти одного года, репортеру-ветерану из юридической редакции.

Торстен Эдклинт приехал в полицейское управление в субботу вечером, около половины восьмого. Его там уже ждали Моника Фигуэрола и Микаэль Блумквист. Втроем они уселись за тот же конференц-стол, за которым Блумквист сидел накануне.

Эдклинт подумал, что, предоставив Блумквисту доступ в этот коридор, он ступил на очень тонкий лед и что многие внутренние правила и инструкции уже нарушены. Моника Фигуэрола, конечно, не имела права приглашать его по собственной инициативе. Обычно в тайные коридоры ГПУ/Без не допускались даже жены и мужья – им приходилось просто дожидаться своих супругов на лестнице. А Блумквист к тому же еще и журналист… В будущем его следует пускать только во временный офис на Фридхемсплан.

Правда, с другой стороны, по коридорам частенько бегают посторонние, получившие особые приглашения, – иностранные гости, научные работники, преподаватели, временные консультанты…

Пожалуй, Блумквиста можно отнести к категории временных консультантов. Вся эта болтовня про классификацию мер безопасности все равно пустые слова. Какой-то человек решает, что некая личность наделяется определенными полномочиями. И Эдклинт решил, что, если подвергнется критике, будет утверждать, что лично наделил Блумквиста подобными полномочиями.

Разумеется, если между ними не возникнет недопонимания.

Эдклинт уселся и посмотрел на Монику.

– Как ты узнала о встрече?

– Мне позвонил Блумквист около четырех, – ответила она с улыбкой.

– А вы как узнали о встрече?

– Мне сообщил о ней источник, – сказал Микаэль Блумквист.

– Я должен сделать вывод, что вы каким-то образом следите за Телеборьяном?

Фигуэрола помотала головой.

– У меня тоже первым делом возникла такая мысль, – сказала она насмешливо, так, будто Микаэль и не присутствовал в комнате. – Однако не сходится. Даже если кто-то по поручению Блумквиста следит за Телеборьяном, этот человек не смог бы заранее просчитать, что тот будет встречаться именно с Юнасом Сандбергом.

Эдклинт медленно кивнул.

– И… что же остается? Незаконное прослушивание или что-то подобное?

– Могу вас заверить, что я никого незаконно не прослушиваю, и даже не слышал о том, чтобы нечто подобное происходило, – сказал Микаэль, желая напомнить о своем присутствии. – Будьте реалистами. Незаконное прослушивание – это прерогатива государственных организаций.

Эдклинт сжал губы.

– Значит, вы не хотите рассказывать, откуда у вас появилась информация о встрече?

– Нет, не хочу. Я уже рассказал. Мне сообщил источник. Источнику гарантирована анонимность. Может, нам стоит лучше сконцентрироваться на том, что нам удалось выведать?

– Я не люблю незавязанных узелков, – сказал Эдклинт. – Ну да ладно. Что нам известно?

– Его зовут Юнас Сандберг, – начала Моника Фигуэрола. – Профессиональный водолаз-подрывник, учился в школе полиции в начале девяностых. Работал сперва в Уппсале, потом в Стокгольме.

– Ты ведь у нас из Уппсалы…

– Да, но мы с ним разминулись примерно на год. Я начала работать как раз когда он перебрался в Сёдертелье.

– О’кей.

– Его наняли в отдел контрразведки ГПУ/Без в девяносто восьмом году. А в двухтысячном перевели на секретную должность за границу. Согласно нашим собственным архивам, официально он находится при посольстве в Мадриде. Я связывалась с посольством – они не имеют представления о том, кто такой Юнас Сандберг.

– Точно так же, как и Мортенссон. Официально переведен куда-то, где его на самом деле нет.

– Чтобы подобные операции проводились систематически, за ними должен стоять начальник канцелярии.

– В обычной ситуации никто бы не стал в этой путанице разбираться. Мы обращаем на нее внимание, поскольку целенаправленно изучаем. Если же кто-нибудь начнет цепляться, ему просто скажут: «Секретно», или что это связано с терроризмом.

– Еще надо кое-что проверить относительно бюджета.

– Финансовый директор?

– Возможно.

– О'кей. Еще?

– Юнас Сандберг живет в Соллентуне. Он не женат, но у него есть ребенок от учительницы из Сёдертелье. Никаких замечаний по службе. Лицензия на два вида огнестрельного оружия. Вредных привычек не имеет, трезвенник. Единственное, что несколько нетипично, – он, похоже, верующий и в девяностых годах принадлежал к церкви «Слово жизни».

– Откуда ты это узнала?

– Я побеседовала со своим бывшим начальником из Уппсалы. Он хорошо помнит Сандберга.

– Отлично. Христианского вероисповедания, водолаз-подрывник, с двумя видами оружия и ребенком в Сёдертелье… Что еще?

– Мы установили его личность около трех часов назад. Информация ведь и так собрана довольно быстро.

– Извини. Что нам известно о доме на Артиллеригатан?

– Пока немногое. Стефану пришлось отловить кого-то из бюро жилищного планирования. У нас есть план дома. Это кооперативный дом, построенный на рубеже веков, шестиэтажный с двадцатью двумя квартирами плюс восемь квартир во флигеле во дворе. Я посмотрела жильцов, но не обнаружила ничего особенно примечательного. Двое осуждались за преступления.

– Кто именно?

– Некий Линдстрём с первого этажа, шестидесяти трех лет. В семидесятых годах был осужден за манипуляции со страховкой. Некий Витфельт с третьего этажа, сорок семь лет, дважды осуждался за избиение бывшей жены.

– Ну и ну…

– В доме живут различные представители среднего класса. Интерес представляет только одна квартира.

– Какая?

– На верхнем этаже. Одиннадцать комнат, что-то вроде представительских апартаментов. Квартирой владеет фирма под названием «Беллона АБ».

– И чем она занимается?

– Одному богу известно. Проводит анализы рынка и имеет ежегодный оборот порядка тридцати миллионов крон. Все владельцы «Беллоны» проживают за границей.

– Ну да.

– И что же?

– Ничего особенного. Просто займитесь «Беллоной» более пристально.

В дверях появился сотрудник, которого Микаэлю представили как просто Стефана.

– Здравствуйте, шеф, – поприветствовал он Торстена Эдклинта. – Получается довольно забавно. Я посмотрел историю квартиры «Беллоны».

– И?.. – спросила Моника.

– Фирма «Беллона» была основана в семидесятые годы и купила квартиру после смерти предыдущего владельца – женщины по имени Кристина Седерхольм, тысяча девятьсот семнадцатого года рождения.

– Вот как?

– Седерхольм была замужем за Хансом Вильгельмом Франке – ковбоем, который поссорился с Пером Гуннаром Винге, когда основали ГПУ/Без.

– Что ж, для начала неплохо, – сказал Торстен Эдклинт. – Очень хорошо. Моника, за квартирой нужно установить круглосуточное наблюдение. Узнайте, какие там имеются телефоны. Мне надо знать, кто там бывает и на каких машинах приезжают гости. Ну, как обычно.

Эдклинт покосился на Блумквиста. Он, казалось, хотел что-то сказать, но удержался. Микаэль поднял брови.

– Вы довольны полученной информацией? – спросил в конце концов Эдклинт.

– Вполне. А вы довольны сотрудничеством с «Миллениумом»?

Эдклинт медленно кивнул.

– Вы понимаете, что я рискую и мне могут грозить неприятности? – спросил он.

– Только не с моей стороны. Я рассматриваю получаемую здесь информацию как сведения от источника, которому гарантирована анонимность. Я буду излагать факты, не упоминая, каким образом их

получил. Прежде чем сдавать материал в печать, я возьму у вас формальное интервью. Если не захотите отвечать, вы просто скажете: «Без комментариев». Или сможете высказать свои соображения о «Секции спецанализов». Решать будете сами.

Эдклинт кивнул.

Микаэль был почти счастлив. За каких-то несколько часов «Секция» вдруг обрела физическую форму, и это был настоящий прорыв.

Соня Мудиг с грустью отметила, что совещание в кабинете прокурора Экстрёма затягивается. На столе конференц-зала она нашла забытую бутылку минеральной воды и уже дважды звонила мужу, сообщить, что задерживается. Она пообещала ему компенсацию в виде приятного вечера, как только она вернется домой. Но постепенно ей становилось все более и более не по себе, и в конце концов она почувствовала себя едва ли не преступницей.

Совещание закончилось только в половине восьмого. Совершенно неожиданно для Сони дверь кабинета открылась, и в коридор вышел Ханс Фасте. Следом за ним появился Петер Телеборьян, затем показался пожилой седовласый мужчина, которого Мудиг раньше не видела. Последним вышел прокурор Экстрём и, надевая на ходу пиджак, выключил верхний свет и запер дверь.

Соня Мудиг поднесла мобильный телефон к щели в занавесках и дважды сфотографировала людей перед дверью кабинета. Постояв несколько секунд, они двинулись по коридору.

Пока компания проходила мимо конференц-зала, Соня затаила дыхание. А когда дверь на лестницу наконец захлопнулась, Мудиг почувствовала, что вся покрылась холодным потом. Она с трудом поднялась со стула, словно ее ноги стали ватными.

Вечером в начале девятого Монике Фигуэрола позвонил Бублански.

– Вы хотели знать, было ли у Экстрёма совещание?

– Хотела, – согласилась Моника.

– Оно только что закончилось. Экстрём встречался с доктором Петером Телеборьяном, а также с моим бывшим сотрудником инспектором Хансом Фасте и пожилым человеком, которого мы не знаем.

– Минутку, – сказала Моника Фигуэрола, прикрыла телефон рукой и обратилась к остальным: – Мы не зря старались. Телеборьян поехал прямиком к прокурору Экстрёму.

– Вы слушаете?

– Простите. У нас есть какое-нибудь описание неизвестного третьего мужчины?

– Даже лучше. Я пошлю вам его фотографию.

– Снимок!.. Чудесно. С меня причитается.

– Готов простить вам долг, если вы признаетесь, что происходит.

– Я вам перезвоню.

На минуту за столом воцарилось молчание.

– О’кей, – сказал под конец Эдклинт. – Телеборьян встречается с представителем «Секции» и потом едет прямо к прокурору Экстрёму. Я бы дорого дал, чтобы узнать, что они там обсуждали.

– Можете спросить у меня, – предложил Микаэль Блумквист.

Эдклинт с Фигуэрола посмотрели на него.

– Они встречались, чтобы уточнить детали стратегии, как им через месяц вести себя на суде против Лисбет Саландер.

Моника окинула его пристальным взглядом, потом медленно кивнула.

– Это всего лишь гипотеза, – заметил Эдклинт. – Если вы, конечно, не обладаете паранормальными способностями.

– Никакая это не гипотеза, – возразил Микаэль. – Они встречались, чтобы обсудить детали судебно-психиатрической экспертизы Саландер. Телеборьян как раз закончил писать заключение.

– Нонсенс. Саландер еще не обследовали.

Микаэль Блумквист пожал плечами и открыл сумку с ноутбуком.

– Раньше это Телеборьяну не мешало. Вот последний вариант заключения судебно-психиатрической экспертизы. Как видите, она датирована тем числом, когда начнется суд.

Эдклинт с Моникой внимательно изучили бумаги, потом обменялись многозначительными взглядами и посмотрели на журналиста.

– И где же вы это раздобыли? – поинтересовался Эдклинт.

– Сорри. Анонимный источник.

– Блумквист… Мы должны доверять друг другу. Вы скрываете информацию. У вас есть и другие подобные сюрпризы?

– Да. Разумеется, у меня есть свои секреты. Я также убежден в том, что и вы не сообщаете мне обо всем, что делается в СЭПО. Разве не так?

– Это не одно и то же.

– Нет. Это как раз одно и то же. Вся эта наша акция подразумевает тесное сотрудничество. Мы должны именно доверять друг другу. Я не скрываю ничего, что может помочь вашему расследованию деятельности «Секции» или других преступлений. Я уже передал материал, который доказывает, что Телеборьян вместе с Бьёрком в девяносто первом году

совершили преступление. И предупредил о том, что он собирается сделать то же самое сейчас. И вот – подтверждающий это документ.

– Но вы скрытничаете.

– Да, я этого и не отрицаю. Вам придется либо прекратить со мной сотрудничать, либо смириться с этим.

Моника деликатно подняла палец.

– Извините, но означает ли это, что прокурор Экстрём – сообщник «Секции»?

Микаэль нахмурил брови.

– Не уверен. Я скорее склоняюсь к тому, что «Секция» просто использует его в своих целях. А он, идиот, об этом даже не догадывается. Он карьерист, но мне кажется, что по большому счету порядочный, хотя и немного ограниченный тип. В то же время, по сведениям одного источника, он на полном серьезе воспринял все, что ему рассказывал Телеборьян о Лисбет Саландер – в то время, когда ее еще разыскивали.

– То есть вы хотите сказать, что им легко манипулировать?

– Точно. А Ханс Фасте – просто придурок, который поверил в то, что Лисбет Саландер действительно лесбиянка-сатанистка.

На вилле в Сальтшёбадене Эрика Бергер находилась в полном одиночестве и чувствовала себя настолько напуганной и растерянной, что не могла ни на чем сосредоточиться. Ей все время казалось, что кто-нибудь вот-вот позвонит и расскажет, что кадры с ней выложены в Интернете, на одном из сайтов.

Эрика поймала себя на том, что снова и снова мысленно возвращается к Лисбет Саландер. Напрасно связывать с нею надежды, это становится все более ясно. Саландер лежит взаперти в Сальгренской больнице, к ней никого не пускают и даже не разрешают читать газеты. И все же она на редкость предприимчивая и мужественная девушка. Несмотря на изоляцию, сумела связаться с Эрикой в ICQ, а потом и по телефону… А два года назад, безумно рискуя, уничтожила империю Веннерстрёма и спасла «Миллениум»…

В восемь часов вечера в дверь постучала Сусанн Линдер. Эрика вздрогнула, будто кто-то выстрелил в ее комнате из пистолета.

– Привет, Бергер. Сидишь в потемках с мрачными мыслями?

Эрика кивнула и зажгла свет.

– Привет. Я пойду поставлю кофе…

– Нет. Лучше я. Есть что-нибудь новенькое?

Так, ничего особенного. Лисбет Саландер дала о себе знать и взяла

мой компьютер под контроль. А еще позвонила и сказала, что Телеборьян встречается днем с каким-то Юнасом на Центральном вокзале.

– Нет. Ничего нового, – сказала Эрика. – Но я бы хотела, чтобы ты помогла мне кое-что проверить.

– О’кей.

– А что если это не маньяк, а кто-то из моего окружения, желающий свести со мной счеты?

– А в чем разница?

– Маньяк – это неизвестная мне личность, тип, который просто зациклился на мне. Во втором случае мы имеем дело со знакомым, который хочет мне отомстить или испортить мне жизнь по каким-то личным мотивам.

– Интересная идея… Как она возникла?

– Я… обсуждала сегодня эту ситуацию с одним человеком. Назвать ее я не могу, но он предполагает, что угрозы от настоящего маньяка выглядели бы иначе. Прежде всего маньяк не стал бы писать письма Эве Карлссон. Этот поступок совершенно не вписывается в типичную картину.

Сусанн Линдер медленно кивнула:

– В этом что-то есть… Знаешь, я ведь так и не читала писем, о которых ты говоришь. Можно мне на них взглянуть?

Эрика принесла лэптоп на кухонный стол и включила его.

Около десяти часов вечера Моника Фигуэрола и Микаэль Блумквист вышли из полицейского управления и остановились на том же месте в парке Крунубергспаркен, что и накануне.

– Опять мы оказались здесь… Ты собираешься исчезнуть, чтобы работать, или хочешь пойти ко мне домой и заняться сексом?

– Ну…

– Микаэль, я не хочу тебя неволить. Если тебе надо работать, ступай.

– Послушай, Фигуэрола, я уже начинаю от тебя зависеть.

– Но ты, конечно же, не желаешь ни от кого зависеть. Ты это имеешь в виду?

– Нет. Не совсем так. Но сегодня ночью я должен кое с кем поговорить, и это займет некоторое время. Ты заснешь раньше, чем я освобожусь.

Она кивнула.

– Пока.

Микаэль поцеловал ее в щеку и направился к автобусной остановке на Фридхемсплан.

– Блумквист, – окликнула она.

– Что?

– Завтра утром я тоже свободна. Если успеешь, приходи, позавтракаем вместе.

Глава 21

Суббота, 4 июня – понедельник, 6 июня

Составляя досье на шефа информационного отдела Андерса Хольма, Лисбет Саландер испытывала сложные чувства. Ему было пятьдесят восемь лет, и, следовательно, он не входил в намеченную ею группу, но Лисбет все-таки включила его, поскольку он и Эрика Бергер откровенно недолюбливали друг друга. Хольм держался как откровенный интриган и рассылал разным адресатам электронные письма с сообщениями о том, что кто-то не справился со своей работой.

Лисбет сразу отметила, что Хольму не нравится Эрика Бергер и что значительное место в его письмах занимают пассажи о том, что заявила или натворила *«эта баба»*. В Интернете он посещал исключительно сайты, имеющие отношение к его работе. Не исключено, что у него имелись другие интересы, но им он явно уделял время не на службе, пользуясь другим компьютером.

Лисбет сохранила его в списке кандидатов на роль «Пасквилянта», хотя и изначально считала его аутсайдером. Хольм слишком амбициозен и высокомерен, такой не станет ходить окольными путями и сочинять анонимные письма. Если бы он вздумал назвать Эрику Бергер шлюхой, то сделал бы это открыто. К тому же, он не стал бы утруждать себя и ночью залезать в чужой дом. Слишком не похоже на него.

Около десяти Лисбет решила сделать паузу и зашла на «Stolliga_Bordet», но Микаэль Блумквист пока не откликнулся. Она немного расстроилась – ее интересовало, чем он занимается и успел ли на встречу Телеборьяна с Юнасом.

Потом Лисбет вернулась к серверу «СМП».

Следующим в списке значился двадцатидевятилетний секретарь спортивной редакции Клас Лундин. Открыв его электронную почту, она затаила дыхание и прикусила нижнюю губу, потом закрыла ящик Лундина и начала изучать электронную почту Эрики Бергер.

Она прокрутила сообщения, возвращаясь от последних к более ранним. Их было не так уж и много, поскольку адрес Эрики в газете существовал только со 2 мая. Самую первую утреннюю служебную записку она получила от ответственного секретаря редакции Петера Фредрикссона. А потом в первый день ее работы многие прислали пожелания успешной работы в «СМП».

Лисбет принялась тщательно изучать каждое письмо, полученное Эрикой Бергер. Судя по переписке с шефом информационного отдела Андерсом Хольмом, между ними с первого же дня возникли трения. Они, похоже, расходились во мнениях по каждому вопросу, и Лисбет заметила, что Хольм осложнял Эрике жизнь, посылая ей по два-три сообщения даже по самым пустяковым поводам.

Она перескакивала через рекламу, спам и новостные рассылки. Ее интересовала только личная корреспонденция. Она читала внутренние бюджетные калькуляции, аналитические выкладки по рекламе и маркетингу и недельную переписку с главным финансистом газеты Кристером Сельбергом, которая, как ей показалось, была чревата серьезным конфликтом по поводу сокращений. Эрика Бергер получала возмущенные письма от заведующего юридической редакцией – по поводу практиканта по имени Юханнес Фриск, которого она заставила работать над каким-то материалом, вроде бы не слишком важным. После первых сообщений с формальными приветствиями и поздравлениями в связи с новым назначением казалось, что никто на уровне боссов не видел ничего позитивного ни в одном аргументе или предложении Эрики.

Через некоторое время Лисбет прокрутила почту обратно и занялась предварительными статистическими подсчетами. Она пришла к выводу, что среди всех боссов «СМП» только четверо не пытались подорвать позиции Эрики Бергер. Это были председатель правления Боргшё, ответственный секретарь редакции Петер Фредрикссон, отвечавший за титульную полосу Гуннар Магнуссон и шеф отдела культуры Себастиан Страндлунд.

Интересно, они в «СМП» что-нибудь слышали о женщинах? У них все боссы – мужчины.

Меньше всего Эрика Бергер контактировала с шефом отдела культуры: за все время работы в «СМП» она обменялась с Себастианом Страндлундом только двумя мейлами. Самые любезные и куртуазные мейлы присылал редактор титульной страницы Магнуссон. Боргшё был сдержан и краток. Все остальные боссы считали своим долгом нанести Эрике как можно больше ударов в спину.

Какого вообще черта эта мужланская команда пригласила Бергер на работу, если они, похоже, занимаются только тем, что изо всех сил пытаются сокрушить и уничтожить ее?

Теснее всего, похоже, ей приходилось сотрудничать с ответственным секретарем редакции Петером Фредрикссоном. Она непременно приглашала его в качестве соучастника на все летучки и совещания. Тот готовил служебную переписку и информировал Эрику о разных материалах

и проблемах – то есть фактически выполнял роль ее помощника и первого заместителя – и ежедневно обменивался с Эрикой десятком писем.

Лисбет отобрала все сообщения от Петера Фредрикссона к Эрике и стала читать их – одно за другим. В некоторых случаях он излагал свои возражения по поводу решений, принятых Эрикой, и пытался делать это объективно. Бергер ему, похоже, доверяла, поскольку нередко меняла решения, соглашаясь с его аргументами. Он никогда не проявлял враждебности. И в то же время тщательно скрывал, как он лично относится к Эрике.

Лисбет закрыла почтовый ящик Бергер и призадумалась.

А потом зашла на почтовый сервер Петера Фредрикссона.

Чума весь вечер без особого успеха возился с домашними компьютерами разных сотрудников «СМП». Ему удалось получить доступ к компьютеру шефа информационного отдела Андерса Хольма, поскольку у него имелась открытая линия связи с рабочим компьютером, чтобы зайти в любое время суток, если потребуется вмешательство. Персональный компьютер Хольма оказался одним из скучнейших, какие Чуме доводилось взламывать. С остальными семнадцатью сотрудниками из полученного от Лисбет Саландер списка он потерпел неудачу: никто из тех, к кому он пытался ворваться, в субботу вечером в интерактивном режиме не работал. Чума уже почти отчаялся, решив, что Лисбет Саландер поручила ему неразрешимую задачу, когда в половине одиннадцатого она вышла с ним на связь.

«Что?»

«Петер Фредрикссон».

«О’кей».

«Наплюй на остальных. Сконцентрируйся на нем».

«Но почему?»

«Интуиция».

«На это потребуется время».

«Есть короткий путь. Фредрикссон у них ответственный секретарь и работает с программой “Интегрейтор”, чтобы иметь возможность из дома контролировать все, что происходит в его компьютере в “СМП”».

«Я ничего об этой программе не знаю».

«Маленькая программулька, появившаяся пару лет назад. Сейчас уже не актуальна. “Интегрейтор” имеет ошибочку. Есть в

архиве Республики хакеров. Теоретически можно загрузить программу и зайти в его домашний компьютер с работы».

Чума вздохнул. Девица, бывшая когда-то его ученицей, теперь обскакала его.

«О’кей. Попробую».

«Когда что-нибудь найдешь, передай Калле Блумквисту, если у меня уже не будет доступа».

Около полуночи Микаэль Блумквист вернулся в квартиру Лисбет Саландер на Мусебакке. Он страшно устал, и сначала принял душ и включил кофеварку. Потом открыл компьютер Лисбет Саландер и кликнул на ее ICQ.

«Ну наконец-то».

«Сорри».

«Куда ты пропал в последние дни?»

«Занимался сексом с тайным агентом. И охотился за Юнасом».

«Ты успел на встречу?»

«Да. Неужели это ты сообщила Эрике???»

«Это был единственный способ до тебя добраться».

«Ты просто молодец!»

«Меня завтра перевозят в тюрьму».

«Знаю».

«С Сетью тебе будет помогать Чума».

«Отлично».

«Остается только финал».

Микаэль мысленно кивнул.

«Салли… мы сделаем все, что сможем».

«Знаю. Ты предсказуем».

«А ты, как всегда, мила».

«Есть что-нибудь еще, что мне надо знать?»

«Нет».

«Тогда мне надо закончить в Сети последнее дело».

«О’кей. Счастливо».

В ночь на воскресенье Сусанн Линдер внезапно разбудил писк в наушнике – похоже, сработала сигнализация от детекторов движения, установленная на первом этаже в холле виллы Эрики Бергер. Сусанн поднялась на локте и увидела, что часы показывают 05.23. Она бесшумно выскользнула из постели и натянула джинсы, футболку и кроссовки. Спрятала в задний карман баллончик со слезоточивым газом и прихватила дубинку. Затем беззвучно прошла мимо двери в спальню Эрики Бергер, отметив, что дверь закрыта, а стало быть, заперта.

Возле лестницы Сусанн остановилась и прислушалась. С первого этажа донеслось слабое потрескивание. Она медленно спустилась, а в холле вновь остановилась и прислушалась.

На кухне скрипнул стул. Зажав в руке дубинку, Сусанн беззвучно подошла к двери кухни и увидела лысого, небритого мужчину – он сидел за кухонным столом со стаканом апельсинового сока и читал «СМП». Мужчина почувствовал ее присутствие, поднял взгляд и спросил:

– А вы, черт возьми, кто такая?

Сусанн Линдер расслабилась и прислонилась к дверному косяку.

– Вы, вероятно, Грегер Бекман. Здравствуйте. Меня зовут Сусанн Линдер.

– Вот как. Вы собираетесь огреть меня по голове дубинкой или хотите стакан сока?

– С удовольствием, – ответила Сусанн, откладывая дубинку в сторону. – Я имею в виду сок.

Грегер потянулся к мойке за стаканом и налил ей сок из пакета.

– Я работаю в «Милтон секьюрити», – сказала Линдер. – Пожалуй, будет лучше, если мое присутствие здесь вам объяснит ваша жена.

Бекман встал.

– С Эрикой что-то случилось?

– Нет-нет, с нею всё в порядке. Но тут были кое-какие неприятности… Мы пытались разыскать вас в Париже.

– В Париже? Я же, черт подери, был в Хельсинки.

– Вот оно что… Извините, но ваша жена думала, что вы в Париже.

– В Париж я должен поехать в следующем месяце.

Грегер направился к двери.

– Дверь спальни заперта. Если вы захотите ее открыть, вам потребуется код, – сказала Линдер.

– Код?

Сусанн назвала ему три цифры, которые следовало набрать, чтобы открыть дверь спальни. Он полетел на второй этаж, а Линдер потянулась

через стол и взяла оставленную им газету – «СМП».

В воскресенье, в десять часов утра, к Лисбет Саландер зашел доктор Андерс Юнассон.

– Привет, Лисбет.

– Привет.

– Я хотел только предупредить, что полиция появится где-то ближе к обеду.

– О’кей.

– Тебя это, кажется, не слишком волнует.

– Не особенно.

– У меня для тебя есть подарок.

– Подарок? С какой стати?

– Ты была одной из моих самых занимательных пациенток за долгое время.

– Вот как, – с подозрением сказала Лисбет.

– Ты, как я понял, увлекаешься ДНК и генетикой.

– Кто тебе насплетничал? Вероятно, психологичка…

Андерс Юнассон кивнул.

– Если тебе будет скучно в тюрьме… Это последний писк моды в исследованиях ДНК.

Он протянул ей огромный том под названием «Спирали – загадки ДНК», написанный профессором Токийского университета Ёсито Такамурой. Лисбет Саландер открыла книгу и просмотрела оглавление.

– Вот это да! – восхитилась она.

– Мне было бы очень интересно узнать, как получилось, что ты читаешь научные статьи, которые не понимаю даже я.

Как только Андерс Юнассон закрыл дверь, Лисбет вытащила карманный компьютер. В последний разок.

Из архива департамента по персоналу «СМП» Лисбет разузнала, что Петер Фредрикссон проработал в газете шесть лет. За это время он дважды подолгу болел: два месяца в 2003 году и три месяца в 2004-м. Причиной его долгого отсутствия на работе в обоих случаях считалось нервное переутомление. А предшественник Эрики Бергер Хокан Морандер как-то раз даже публично усомнился в том, может ли Фредрикссон в дальнейшем находиться на посту ответственного секретаря редакции.

Болтовня, одна болтовня и ничего конкретного, за что можно зацепиться…

Без четверти двенадцать на связь с ней вышел Чума.

«Что?»

«Ты еще в Сальгренской больнице?»

«Угадай с двух раз».

«Это он».

«Ты уверен?»

«Он загрузил рабочий компьютер у себя дома полчаса назад. Я решил залезть в его домашний компьютер. У него на жестком диске хранятся отсканированные фотографии Эрики Бергер».

«Спасибо».

«Она выглядит привлекательно».

«Чума…»

«Я знаю. Ну, и что мы будем делать?»

«Он уже выложил снимки в Сети?»

«Вроде бы, нет».

«Ты можешь заминировать его компьютер?»

«Уже заминировал. Если он попытается переслать снимки по электронной почте или выложить в Сети файл побольше двадцати килобайтов, у него полетит жесткий диск».

«Супер».

«Я собираюсь поспать. Справишься дальше сама?»

«Как всегда».

Лисбет вышла из ICQ, бросила взгляд на часы и поняла, что сейчас принесут обед. Она поспешно нацарапала электронное сообщение и отправила его на «Stolliga_Bordet».

Микаэль. Важно. Позвони немедленно Эрике Бергер и сообщи ей, что «Пасквилянтом» является Петер Фредрикссон.

Не успела она отослать сообщение, как в коридоре послышались шаги. Лисбет подняла свой «Палм Тангстен Т3» и поцеловала монитор. Потом выключила его и сложила в нишу за прикроватной тумбочкой.

– Привет, Лисбет, – сказала адвокат Анника Джаннини.

Она только что появилась в дверях палаты.

– Привет.

– Через несколько минут тебя заберет полиция. Я принесла тебе одежду. Надеюсь, что не ошиблась с размером.

Лисбет с подозрением посмотрела на несколько пар аккуратных темных брюк и светлые блузки.

Забирать Лисбет прибыли две дамы, одетые в униформу – они были из гётеборгской полиции. В следственный изолятор вместе с Саландер отправилась и ее адвокат Анника Джаннини.

Когда они, выйдя из палаты, проходили по коридору, Лисбет заметила, что за нею с любопытством наблюдает несколько человек из персонала. Она приветливо им кивнула, и кто-то помахал в ответ рукой. Возле стойки дежурного как бы случайно оказался Андерс Юнассон. Они посмотрели друг на друга и кивнули. Не успели они завернуть за угол, как Андерс Юнассон двинулся в сторону ее палаты. Лисбет это отметила.

За все время поездки с полицейскими дамами она не промолвила ни слова.

В воскресенье Микаэль Блумквист закончил работу в семь часов утра. Он закрыл ноутбук и немного посидел за письменным столом Лисбет Саландер, устремив перед собой пустой взгляд. Потом пошел в ее спальню и уставился на гигантскую двуспальную кровать. Через минуту он вернулся обратно в кабинет, взял мобильный телефон и позвонил Монике.

– Привет. Это Микаэль.

– Привет. Ты уже встал?

– Я только что закончил работать и собираюсь ложиться спать. Хотел просто поприветствовать тебя.

– Мужчины, которые звонят просто так, чтобы поприветствовать, чего-то хотят.

Он засмеялся.

– Блумквист, если хочешь, можешь приезжать сюда спать.

– Я сейчас не слишком-то гожусь в компаньоны.

– Меня это не пугает.

Он взял такси и поехал на Понтоньергатан.

Эрика Бергер провела воскресенье в постели с Грегером Бекманом. Они лежали, болтали или дремали. После обеда оделись и совершили долгий променад до пристани и вокруг селения.

– Переход в «СМП» был ошибкой, – сказала Эрика Бергер, когда они вернулись домой.

– Не говори так. Сейчас тебе тяжело, но ведь ты знала, что будет нелегко. Все образуется, когда ты освоишься и сориентируешься.

– Я не о работе. С работой я смогла бы справиться. Дело в атмосфере.

– Так…

– Мне там не нравится. Но нельзя вот так сразу взять и все бросить через несколько недель.

Она тяжело опустилась за кухонный стол и уставилась прямо перед собой безразличным взглядом. Грегер Бекман еще никогда не видел свою жену в таком подавленном состоянии.

Инспектор уголовной полиции Ханс Фасте впервые лично встретился с Лисбет Саландер в воскресенье, в половине первого, когда полицейская дама из Гётеборга привела ее в кабинет Маркуса Эрландера.

– А тебе, оказывается, не так-то просто назначить свидание, – приветствовал подозреваемую Фасте.

Лисбет смерила его долгим взглядом, Наконец она решила, что он придурок и ей даже можно не принимать во внимание сам факт его существования.

– Инспектор полиции Гунилла Веринг будет сопровождать вас в Стокгольм, – сказал Эрландер.

– Ага, – ответил Фасте. – Тогда мы сразу и отправимся. Саландер, там есть масса людей, которые мечтают с тобой серьезно побеседовать.

Эрландер попрощался с Лисбет, но она не ответила.

Они решили транспортировать заключенную на служебной машине. Гунилла Веринг села за руль. В начале пути Ханс Фасте сидел на переднем сиденье, повернув голову назад и пытаясь пообщаться с Саландер. Но к тому времени, как они проезжали Алингсос, у него затекла шея и он от этой затеи отказался.

Лисбет сосредоточилась на пейзаже за боковым стеклом и, казалось, вообще не замечала, что на свете есть инспектор Фасте.

«Телеборьян прав. Она же, черт побери, действительно умственно отсталая, – подумал Фасте. – *Ну ничего, в Стокгольме все встанет на свои места».*

Он беспрерывно косился на Лисбет Саландер, пытаясь составить себе представление о женщине, за которой так долго гонялся. Даже у Ханса Фасте возникли сомнения, когда он увидел эту хрупкую девушку. Интересно, сколько же она весит, подумал он, но потом вспомнил, что она лесбиянка и, следовательно, не настоящая женщина.

И все же обвинения в сатанизме, пожалуй, чрезмерно преувеличены – на сатанистку она как-то не тянула.

Как ни парадоксально, но Фасте с гораздо бо́льшим энтузиазмом арестовал бы ее за те три убийства, из-за которых ее первоначально разыскивали. Ведь справиться с пистолетом может и хрупкая барышня. Но

теперь она задержана за причинение тяжких телесных повреждений заправилам «Свавельшё МК». Разумеется, она виновна, и имеются вещественные доказательства, в случае если она вздумает отпираться.

Моника Фигуэрола разбудила Микаэля Блумквиста около часу дня. До этого она сидела на балконе, дочитывая книгу о восприятии Бога в античности. Храп Микаэля, который доносился из спальни, действовал на нее терапевтическим образом. Войдя в спальню и взглянув на него, она вдруг поняла, что увлеклась Блумквистом так, как уже несколько лет не увлекалась ни одним мужчиной.

Чувство приятное, но тревожное. Вряд ли Микаэль станет неотъемлемой частью ее жизни…

Когда он проснулся, они отправились на Северную набережную озера Меларен и выпили кофе. Потом вернулись к ней домой и до вечера занимались сексом. Микаэль ушел в семь часов. Как только он поцеловал ее в щеку и закрыл за собой дверь, Моника загрустила.

В восемь вечера в воскресенье к Эрике Бергер заявилась Сусанн Линдер. Ночевать у них она не собиралась, ведь Грегер Бекман уже вернулся домой, и ее визит с работой был никак не связан. За те несколько суток, что она провела у Эрики в качестве ночного гостя и часами беседовала с ней на кухне, они успели подружиться. Сусанн симпатизировала Эрике и видела, что та в полном отчаянии, хотя и старается не подавать виду. Бергер каждый день отправлялась на работу, словно ничего не случилось, но на самом деле она превратилась в комок нервов.

Сусанн подозревала, что этому способствует не только «Пасквилянт». Но ей никто не вменял в обязанность опекать Эрику Бергер, и вообще-то проблемы Эрики – не ее дело. Сусанн поехала к Бергер, просто чтобы ее навестить и узнать, все ли в порядке.

Эрика и ее муж сидели на кухне, молчаливые и подавленные. Казалось, они провели все воскресенье, обсуждая какие-то серьезные проблемы.

Грегер Бекман поставил кофе. Не успела Сусанн пробыть у них и несколько минут, как у Эрики зазвонил мобильный телефон.

Каждый раз, когда раздавался звонок, Эрике казалось, что сейчас разразится катастрофа.

– Бергер.

– Привет, Рикки.

Микаэль Блумквист. Черт, а ведь я не сообщила ему о пропаже папки с документами Боргшё…

– Привет, Микке.

– Лисбет Саландер сегодня вечером перевезли в следственный изолятор Гётеборга, а утром ее транспортируют в Стокгольм.

– Ясно.

– Она передала… сообщение для тебя.

– Вот как?

– Оно похоже на криптограмму.

– И что именно?

– Она говорит, что «Пасквилянтом» является Петер Фредрикссон.

Эрика Бергер буквально остолбенела и десять секунд просидела молча.

Это невозможно. Нет, это не Петер. Должно быть, Саландер ошиблась.

– Что-нибудь еще?

– Нет. Только это. Ты понимаешь, о чем речь?

– Да.

– Рикки, что там у вас за заговор с Лисбет? Она звонила тебе, чтобы я проследил за Телеборьяном и…

– Спасибо, Микке. Я перезвоню тебе попозже.

Она выключила мобильный телефон и посмотрела на Сусанн Линдер совершенно безумным взглядом.

– Рассказывай, – сказала та.

Сусанн Линдер раздирали противоречивые чувства. Эрика Бергер внезапно получила известие о том, что ее ответственный секретарь Петер Фредрикссон и есть «Пасквилянт». Эрика была так взволнована и выведена из равновесия, что никак не могла остановиться. Наконец Сусанн Линдер спросила, каким образом она узнала, что маньяк, который ее преследует, – Фредрикссон.

Эрика Бергер сразу замолчала, взгляд у нее стал растерянный.

– Я не могу рассказать…

– Что ты имеешь в виду?

– Сусанн, я знаю, что «Пасквилянт» – Фредрикссон. Но не спрашивай меня, откуда я получила эту информацию. Что мне делать?

– Чтобы я смогла тебе помочь, ты должна мне все рассказать.

– Я… я не могу. Ты не понимаешь.

Эрика Бергер поднялась и подошла к окну, встав спиной к Сусанн Линдер. Наконец она снова обернулась.

– Я поеду домой к этому черту.

– Нет, ни в коем случае. Тебе никуда нельзя ехать, особенно домой к типу, которого мы подозреваем в том, что он тебя ненавидит.

Эрика Бергер выглядела растерянной.

– Сядь, пожалуйста. Расскажи, что произошло. Тебе звонил Микаэль Блумквист?

Эрика кивнула.

– Я… днем попросила одного хакера проверить домашние компьютеры моих сотрудников.

– И ты сама совершила преступление – вторглась в чужое информационное пространство. И теперь не хочешь поделиться, кто же этот хакер.

– Я пообещала не рассказывать… Речь идет о других людях. Микаэль готовит материал о них.

– А Блумквист знает о «Пасквилянте»?

– Нет, он только передал информацию.

Сусанн Линдер склонила голову набок и пристально посмотрела на Эрику Бергер. Вдруг в нее в голове возникла ассоциативная цепочка.

Эрика Бергер. Микаэль Блумквист. «Миллениум». Откуда-то свалились полицейские, которые вторглись в квартиру Блумквиста и прослушивали ее. Сусанн Линдер следила за наблюдателями. Блумквист как маньяк работает над материалом о Лисбет Саландер.

То, что Лисбет Саландер – компьютерный ас, в «Милтон секьюрити» знали все. Никто не знал, откуда у нее такие навыки, и Сусанн никогда не слышала о том, что Саландер является хакером. Но Драган Арманский как-то признался, что, собирая персональные досье, она подавала совершенно исчерпывающие отчеты. Хакер…

Но в том-то и дело, что Саландер лежит взаперти в Сальгренской больнице.

Это непостижимо.

– Мы говорим о Лисбет Саландер? – спросила Сусанн Линдер.

Эрику Бергер словно поразило молнией.

– Я не имею права обсуждать, откуда ко мне поступила информация. Ни единым словом.

Сусанн фыркнула.

Это Саландер. Бергер фактически подтвердила это. Она совершенно

выбита из равновесия.

Но ведь это же невозможно.

Что же, черт возьми, происходит?

Выходит, что, находясь в заключении, Лисбет Саландер выяснила, кто является «Пасквилянтом». Но это просто нереально…

Сусанн Линдер погрузилась в размышления.

Она не имела ни малейшего представления о том, насколько история Лисбет Саландер соответствует реальности. Они встречались максимум раз пять за то время, когда Саландер работала в «Милтон секьюрити», и если обменивались парой фраз, то только в связи с работой. Саландер казалась ей угрюмой и необщительной девицей; она так прочно пряталась в свою скорлупу, что до нее невозможно было бы достучаться. Сусанн также отметила, что Драган Арманский взял Лисбет Саландер под свое крыло. А поскольку Линдер уважала Арманского, то она предполагала, что у него есть веские причины для такого отношения к этой мрачной барышне.

«Пасквилянт» – это Петер Фредрикссон…

А что если она ошибается? Есть ли у нее доказательства?

Потом Сусанн Линдер на протяжении буквально двух часов допрашивала Эрику, что ей известно о Петере Фредрикссоне, какова его роль в «СМП» и какие у них сложились отношения, когда ее назначили главным редактором. Но ответы Бергер фактически ничуть не прояснили для нее ситуацию.

А Эрика растерялась и не представляла, что ей теперь делать. Ей очень хотелось поехать домой к Фредрикссону и напрямую спросить, что все это значит. Но она понимала, что очень многим рискует, в случае если предпримет подобный шаг. В конце концов Сусанн убедила ее не спешить с обвинениями в адрес Петера Фредрикссона. Ведь если он невиновен, то Эрика будет выглядеть полной идиоткой.

Линдер пообещала ей, что сама во всем разберется. Хотя она даже не представляла, с чего следует начать. И уже пожалела о своем опрометчивом обещании.

Она припарковала свой видавший виды «фиат страда» поближе к дому Петера Фредрикссона в районе Фисксэтра, заперла машину и огляделась. Более или менее четкого плана действий у нее не было, но она считала, что проникнет к нему и каким-то образом заставит его ответить на ряд вопросов. При этом Сусанн понимала, что подобная линия поведения никак не предусмотрена ее должностными инструкциями в «Милтон секьюрити» и что Драган Арманский просто взбесится, если до его ушей дойдет, чем

она занимается.

Ее план, конечно, не выдерживал никакой критики. И, к счастью, претворить его в жизнь ей не удалось.

Не успела она зайти во двор и приблизиться к подъезду, как дверь распахнулась и оттуда вышел именно он, Петер Фредрикссон собственной персоной. Сусанн Линдер тотчас узнала его по фотографии с персонального сайта, который изучала в компьютере Эрики Бергер. Они шли навстречу друг другу и вскоре разминулись. Петер Фредрикссон скрылся в подземном гараже. Сусанн Линдер остановилась и посмотрела ему вслед.

Бросив взгляд на часы, она отметила, что уже около одиннадцати вечера. Интересно, что Петер Фредрикссон куда-то собирается именно на ночь глядя. Она побежала обратно к машине.

После разговора с Эрикой Бергер Микаэль Блумквист еще долго сидел, глядя на мобильный телефон.

Интересно, что же на самом деле происходит? Он растерянно посмотрел на компьютер Лисбет Саландер. К этому времени ее, вероятно уже перевезли в Гётеборгскую тюрьму и связаться с ней пока вряд ли удастся…

Он открыл синий Т10 и позвонил Идрису Хиди в Ангеред.

– Привет! Это Микаэль Блумквист.

– Привет! – отозвался тот.

– Я звоню с тем, чтобы сообщить: вы можете прекратить выполнять мое поручение.

Идрис Хиди уже знал, что Блумквист ему позвонит, поскольку Лисбет Саландер перевезли в следственный изолятор.

– Понятно, – сказал он.

– Мобильный телефон можете оставить себе, как мы и договаривались. Оставшиеся деньги я пришлю вам на этой неделе.

– Спасибо.

– Это я должен благодарить вас за помощь.

После разговора Микаэль открыл ноутбук и углубился в работу. За последние дни произошло столько событий, что пришлось переделывать изрядную часть рукописи и добавлять совершенно новые главы.

Он вздохнул.

В четверть двенадцатого Петер Фредрикссон припарковался в трех кварталах от особняка Эрики Бергер. Сусанн Линдер, конечно, уже

догадалась, куда он направляется, но старалась соблюдать дистанцию, чтобы не привлекать его внимания. Через пару с лишним минут она проехала мимо его машины – там уже никого не было. Миновав дом Эрики Бергер, Сусанн припарковалась чуть подальше, чтобы ее не было видно. От волнения у нее вспотели ладони.

Она достала коробочку и схватила порцию жевательного табака. Потом открыла дверцу машины и огляделась. Поняв, что Фредрикссон движется в сторону Сальтшёбадена, Сусанн убедилась в том, что Саландер оказалась права. Каким именно путем Лисбет раздобыла этим факты, остается загадкой, но Сусанн уже не сомневалась в том, что «Пасквилянтом» является именно Фредрикссон. Она пришла к выводу, что он приехал в Сальтшёбаден не просто ради забавы, а явно что-то затевая.

Вот будет удача, если удастся поймать его с поличным, на месте преступления…

Она вынула из бокового отделения на дверце машины телескопическую дубинку и повертела ее в руках. Потом нажала на предохранитель на рукоятке, выпустила тяжелую стальную пружину и сжала зубы.

Вот почему она ушла из патрульной службы Сёдермальма.

Однажды Сусанн не смогла справиться со своими эмоциями; ее охватил безумный приступ ярости, когда патруль в третий раз за три дня выехал по вызову в пригород Хегерстен. Женщина уже не в первый раз звонила в полицию с криком о помощи, – ее избил муж. И на третий раз, как и в первых двух случаях, к моменту прибытия полицейских ссора между супругами уже улеглась.

Они в очередной раз вывели главу семьи на лестничную клетку и стали беседовать с женщиной.

Нет, она не хочет подавать заявление в полицию. Нет, это недоразумение. Нет, он хороший… на самом деле это ее вина. Она его спровоцировала…

Все это время негодяй стоял и с издевательской усмешкой глядел Сусанн Линдер прямо в глаза.

То, что случилось в следующую минуту, она так и не смогла объяснить. Но внезапно у нее случился нервный срыв – она выхватила дубинку и стукнула его по губам. Первый удар оказался несильным. Губа у него раздулась, и он присел. Следующие десять секунд – пока коллеги не схватили ее и не выдворили на улицу – она бешено колотила его дубинкой по спине, почкам, бедрам и плечам.

Против нее не стали возбуждать дело. Сусанн тем же вечером

уволилась, отправилась домой и всю неделю проплакала. Потом взяла себя в руки и явилась к Драгану Арманскому. Она рассказала о том, что натворила и о том, почему пришлось уволиться из полиции. А теперь она ищет работу. Арманский взял тайм-аут на размышления. Сусанн уже оставила надежду, когда шесть недель спустя он позвонил ей и сказал, что готов протестировать ее…

Сусанн Линдер скорчила суровую гримасу и засунула телескопическую дубинку за пояс. Проверила, на месте ли баллончик со слезоточивым газом (в правом кармане куртки) и прочно ли завязаны шнурки на кроссовках. Потом вернулась назад, к дому Эрики Бергер, и зашла на ее участок.

Она знала, что детекторы движения еще не установили на заднем дворе, и бесшумно перемещалась по газону вдоль живой изгороди на границе участка. Фредрикссона на горизонте не было. Сусанн обошла вокруг дома, замерла и внезапно увидела, как он тенью в полумраке скользнул возле студии Грегера Бекмана.

Он понимает, что возвращаться сюда – полный идиотизм. Просто не может себя контролировать.

Фредрикссон присел на корточки и пытался заглянуть через щель в занавесках в комнату, которая примыкала к гостиной. Потом переместился на открытую террасу и стал всматриваться в дом через щель в опущенных жалюзи, рядом с панорамным окном, по-прежнему закрытым фанерой.

Сусанн торжествующе улыбнулась.

Пока он стоял к ней спиной, она проскользнула через двор к углу дома и спряталась у торца за двумя кустами смородины. Сквозь ветки Линдер могла его разглядеть. Фредрикссон со своего места мог наблюдать за холлом и даже фрагментом кухни. Там он, скорее всего, обнаружил что-то интригующее, поскольку двинулся дальше только минут через десять. И оказался рядом с Сусанн.

Когда он обогнул угол дома и прошел мимо нее, Линдер выпрямилась во весь рост и тихо окликнула его:

– Привет, Фредрикссон.

Он резко остановился и обернулся к ней.

Его глаза сверкнули в темноте. Она не могла увидеть его лицо, но услышала, что, потрясенный, он затаил дыхание.

– Мы можем выбрать один из двух вариантов – простой или сложный, – сказала она. – Сейчас мы отправимся к вашей машине и…

Он развернулся, чтобы удрать.

Сусанн Линдер подняла телескопическую дубинку и изо всех сил

врезала ему по левой коленной чашечке. Фредрикссон вскрикнул и рухнул.

Сусанн уже занесла дубинку для следующего удара, но удержалась. Она словно затылком почувствовала взгляд Драгана Арманского.

Линдер наклонилась, перевернула пленника на живот и придавила коленом его пониже спины. Потом схватила его за правую руку, заломила ее на спину и застегнула наручники. Фредрикссон был не в силах оказать сопротивление.

Эрика Бергер погасила свет в гостиной и, прихрамывая, поползла на второй этаж. Она уже могла обходиться без костылей, но ступня по-прежнему болела, когда Эрика наступала на нее. Грегер выключил свет на кухне и последовал за женой. Никогда раньше он еще не видел жену в таком подавленном состоянии. Никакие его слова не помогали ей и не утешали ее.

Эрика разделась, заползла в постель и повернулась к нему спиной.

– Твоей вины в этом нет, Грегер, – сказала она, услышав, что он тоже укладывается.

– Ты неважно себя чувствуешь, – откликнулся он. – Я хочу, чтобы ты несколько дней посидела дома.

Муж обнял ее за плечи. Она не пыталась его оттолкнуть, но никак не реагировала. Он наклонился, осторожно поцеловал ее в шею и обнял покрепче.

– Ты ничего не можешь сказать или сделать, чтобы мне стало легче. Я знаю, что мне необходима пауза. Я чувствую себя так, будто вскочила на скорый поезд и обнаружила, что перепутала платформу.

– Мы можем несколько дней провести на яхте. Давай уедем подальше отсюда, от всего этого.

– Нет. Я не могу сейчас уехать. – Она обернулась к нему. – Сбежать сейчас – значит совершить непоправимую глупость. Я должна решить все свои проблемы. А потом мы сможем уехать.

– О’кей, – сказал Грегер. – От меня мало проку.

Эрика улыбнулась.

– Ничего. Спасибо тебе за то, что ты здесь. Я очень тебя люблю, ты же знаешь.

Муж кивнул.

– Я не могу поверить в то, что это Петер Фредрикссон, – сказала она. – Я никогда не чувствовала с его стороны ни тени враждебности.

Сусанн Линдер подумала, не позвонить ли в дверь к Эрике Бергер,

когда увидела, что на первом этаже погасили свет. Потом перевела взгляд на Петера Фредрикссона. Тот пока не произнес ни единого слова. Он вел себя абсолютно безучастно. Она призадумалась и затем приняла решение.

Наклонившись, Линдер ухватилась за наручники, подняла Фредрикссона на ноги и прислонила к стене.

– Ты можешь стоять? – спросила она.

Он не ответил.

– О’кей, тогда мы упростим дело. Если будешь дергаться, я точно так же обработаю тебе правую ногу. А если еще что-нибудь надумаешь, я переломаю тебе руки. Ты меня понял?

Она слышала его учащенное дыхание. Похоже, Фредрикссон не на шутку струсил.

Сусанн вытолкала его, вывела на улицу и повела к машине, расположенной в трех кварталах. Он хромал, она поддерживала его. Когда они подошли к его машине, им встретился прохожий с собакой, – он остановился и стал разглядывать наручники Петера Фредрикссона.

– Полицейская операция, – резко бросила Линдер. – Ступайте домой.

Она посадила Фредрикссона на заднее сиденье и повезла его обратно в Фискcэтру. В половине первого ночи на пути к его подъезду им никто не встретился. Сусанн вытащила у него ключи и проводила его по лестнице в расположенную на третьем этаже квартиру.

– Вы не имеете права заходить ко мне в квартиру, – сказал Петер Фредрикссон.

Он впервые подал голос с тех пор, как она надела на него наручники.

– Вы не имеете права. У вас должно быть разрешение на обыск…

– А я не из полиции, – тихо сказала она.

Он уставился на нее с недоверием.

Сусанн Линдер ухватила его за рубашку, затащила его, толкая впереди себя, в гостиную и усадила на диван. Его трехкомнатная квартира была идеально прибрана; слева от гостиной располагалась спальня, по другую сторону от прихожей – кухня, а к гостиной примыкал маленький кабинет.

Заглянув в кабинет, она с облегчением вздохнула. Наконец-то – *the smoking gun*[72]. На столе рядом с компьютером лежали фотографии из альбома Эрики Бергер. А еще штук тридцать снимков хозяин прикрепил булавками к стене. Сусанн увлеченно рассматривала этот вернисаж: Эрика казалась на редкость привлекательной женщиной. И ее сексуальная биография не шла ни в какое сравнение с сексуальной биографией самой Сусанн.

Услышав, что Петер Фредрикссон шевельнулся, она вернулась в

гостиную и схватила его, стукнула, затащила его в кабинет и усадила на пол:

– Сиди смирно!

Потом пошла на кухню, отыскала большой бумажный пакет из магазина «Консум» и сняла по очереди со стены все фотографии. Здесь же нашлись разорванный альбом и дневники Эрики Бергер.

– Где видеозапись? – спросила она.

Петер Фредрикссон не ответил. Сусанн Линдер вышла в гостиную и включила телевизор. В видеомагнитофоне имелась кассета, но Сусанн пришлось изрядно повозиться, чтобы найти на пульте видеоканал.

Женщина вынула видеокассету и долго проверяла, не наделал ли он с нее копий.

Она обнаружила юношеские любовные письма Эрики Бергер и досье на Боргшё. А потом переключилась на компьютер Петера Фредрикссона. К персональному компьютеру IBM у него подключен сканер «Микротек». Приподняв крышку сканера, Сусанн нашла забытую фотографию Эрики Бергер. Она позировала на вечеринке в клубе «Экстрим», судя по баннеру на стене, посвященной празднованию Нового 1986 года.

Включив компьютер, Линдер обнаружила, что он защищен паролем.

– Какой у тебя пароль? – спросила она.

Петер Фредрикссон сидел на полу, уставясь в нее ненавидящим взглядом. Он не хотел с ней разговаривать.

Сусанн вдруг совершенно успокоилась. Она знала, что совершила массу преступлений, включая и противоправное принуждение, и даже дерзкое похищение человека. Но ее это не волновало. Она чувствовала себя почти счастливой.

Пожав плечами, Линдер вытащила из кармана швейцарский армейский нож, отсоединила все кабели, развернула компьютер к себе задней стенкой и вскрыла его при помощи крестовой отвертки. На то, чтобы раскурочить устройство и извлечь жесткий диск, ей потребовалось всего пятнадцать минут.

После этого Сусанн огляделась по сторонам. Она уже собрала все, но на всякий случай тщательно проверила ящики письменного стола, пачки бумаг и книжные полки. Внезапно ее взгляд упал на школьный альбом, лежащий на подоконнике, – из гимназии Юрсхольма[73], датированный 1978 годом.

А ведь Эрика Бергер, кажется, родом из юрсхольмской знати…

Сусанн открыла альбом и начала один за другим просматривать страницы выпускных классов.

Она нашла восемнадцатилетнюю Эрику Бергер в студенческой бейсболке, улыбающуюся и с ямочками на щеках. Та была одета в тонкое белое хлопчатобумажное платье и держала в руках букет, олицетворяя собой образ невинной юной отличницы.

Мимо внимания Сусанн чуть было не проскочил важный факт, но на следующей странице что-то зацепило ее взгляд. По фотографии Линдер ни за что бы его не узнала, но подпись не оставляла места сомнениям. Петер Фредрикссон. Он учился в параллельном с Эрикой Бергер классе. Перед Сусанн предстал субтильный юноша с серьезным взглядом; он уставился в объектив из-под козырька.

Линдер подняла глаза и встретилась взглядом с Петером Фредрикссоном.

– Она уже тогда была шлюхой.

– Превосходно, – сказала Сусанн.

– Она трахалась в школе со всеми парнями подряд.

– Я в этом сомневаюсь.

– Она была чертова…

– Лучше заткнись. Что с тобой стряслось? Тебе не удалось содрать с нее трусы?

– Она меня просто не замечала. Насмехалась надо мной. А когда явилась работать в «СМП», даже не узнала меня.

– Ну да, – согласилась Сусанн Линдер. – У тебя наверняка было несчастливое детство… Что ж, может, поговорим серьезно?

– Чего вы хотите?

– Я не из полиции, – сказала Сусанн Линдер. – Я из тех, кто занимается такими мерзавцами, как ты.

Она подождала, предоставив простор для его фантазии.

– Я хочу знать, выложил ли ты ее фотографии где-нибудь в Интернете.

Фредрикссон помотал головой.

– Точно?

Он кивнул.

– Эрика Бергер будет сама решать, подавать ли ей на тебя заявление в полицию за преследования, угрозу насилия и нарушение неприкосновенности жилища, или заключить мировое соглашение.

Он промолчал.

– Если она решит на тебя наплевать – а я считаю, что бóльшего ты и не заслуживаешь, – то я буду за тобой приглядывать, так и знай.

Сусанн подняла телескопическую дубинку.

– Если ты еще когда-нибудь приблизишься к дому Эрики Бергер,

пошлешь ей какой-нибудь мейл или нарушишь ее покой каким-либо иным способом, я к тебе вернусь. Я тебя так изувечу, что родная мать не узнает. Ты меня понял?

Он промолчал.

– У тебя есть возможность изменить финал этой истории. Хочешь узнать, какая?

Кивок.

– В таком случае я рекомендую Эрике Бергер отпустить тебя на все четыре стороны. На работу можешь больше не являться. Ты уволен, прямо с этой минуты.

Еще один кивок.

– Ты исчезнешь из ее жизни и из Стокгольма. Мне наплевать на то, как ты поступишь и где окажешься. Поищи работу в Гётеборге или в Мальмё. Возьми больничный, скажи, что не можешь больше работать. Делай, что хочешь, но оставь Эрику Бергер в покое.

Третий кивок.

– Договорились?

Петер Фредрикссон вдруг заплакал.

– Я не хотел ей зла, – сказал он. – Я хотел только…

– Ты хотел только превратить ее жизнь в ад, и ты в этом преуспел. Так что, даешь мне слово?

Он кивнул.

Сусанн наклонилась, перевернула его на живот и освободила ему руки. Потом взяла пакет из «Консума», заключавший в себе всю жизнь Эрики Бергер, и ушла, оставив Фредрикссона лежать на полу.

В половине третьего ночи Линдер выбралась из подъезда Фредрикссона. Она подумала, не отложить ли свой визит до завтра, но решила, что, если бы речь шла о ней самой, то она предпочла бы узнать новости прямо посреди ночи. Кроме того, она оставила машину в Сальтшёбадене. Сусанн позвонила и вызвала такси.

Не успела она нажать на звонок, как Грегер Бекман открыл дверь. Он был в джинсах и выглядел так, что еще даже не ложился спать.

– Эрика не спит? – спросила Сусанн Линдер.

Грегер покачал головой.

– У тебя есть какие-нибудь новости? – поинтересовался он.

Она кивнула и улыбнулась ему.

– Заходи. Мы сидим на кухне и болтаем.

Они зашли в дом.

– Привет, Бергер, – сказала Сусанн Линдер. – Тебе следовало бы научиться спать, хотя бы время от времени.

– Что-нибудь случилось?

Она протянула пакет из «Консума».

– Петер Фредрикссон обещает в дальнейшем оставить тебя в покое. Черт знает, можно ли ему доверять, но, если он сдержит слово, нам всем это обойдется дешевле, чем возиться с заявлением в полицию и судом. Это решать тебе.

– Неужели это действительно он?

Линдер кивнула. Грегер стал разливать кофе, но Сусанн отказалась – за последние сутки она выпила слишком много кофе. Женщина села и начала рассказ о событиях минувшей ночи.

Эрика долго сидела молча. Потом встала, поднялась на второй этаж и, вернувшись со школьным альбомом, начала внимательно изучать лицо Петера Фредрикссона.

– Я его помню, – сказала она под конец. – Но даже понятия не имела, что он и есть тот самый Петер Фредрикссон, который работает в «СМП». Я и имени-то его не помнила, пока не заглянула в альбом.

– Между вами что-то случилось? – поинтересовалась Сусанн Линдер.

– Ничего. Абсолютно ничего. Он учился в параллельном классе, был молчуном и неинтересным парнем. Кажется, мы вместе изучали какой-то предмет. Французский, если не ошибаюсь.

– Он сказал, что ты его игнорировала.

Эрика кивнула.

– Наверняка. Он не принадлежал к числу моих приятелей и не входил в нашу компанию.

– Вы его третировали или что-нибудь в этом роде?

– Видит Бог, нет. Я никогда никого не третировала и не травила. У нас в гимназии даже проводились кампании против травли, а я была председателем ученического совета. Даже не могу припомнить, чтобы он когда-нибудь со мной заговаривал или чтобы я обменялась с ним хоть словом.

– О’кей, – сказала Сусанн. – Но он в любом случае затаил на тебя обиду. Он дважды подолгу находился на больничном – по поводу стресса и нервного истощения. Возможно, для больничных листов имелись и другие причины, о которых нам неизвестно…

Она встала и надела кожаный пиджак.

– Его жесткий диск я оставлю у себя. Строго говоря, с формальной точки зрения он является краденым имуществом, и ему незачем находиться

у тебя. Не волнуйся, я его обезврежу, как только окажусь дома.

– Сусанн, подожди… Как мне тебя отблагодарить?

– Надеюсь, что ты за меня заступишься, когда Арманский обрушит на меня свой громовой гнев.

Эрика пристально посмотрела на нее.

– Тебе за это влетит?

– Не знаю, честно говоря… не знаю.

– Давай мы тебе заплатим за…

– Нет. Но Арманский, возможно, выставит тебе счет за эту ночь. Надеюсь, что он так и поступит, поскольку это будет означать, что он одобрил мои действия и, следовательно, не намеревается меня увольнять.

– Я прослежу за тем, чтобы он выставил счет.

Эрика встала и заключила Линдер в объятия.

– Спасибо, Сусанн. Если тебе когда-нибудь понадобится помощь, ты всегда можешь на меня рассчитывать. Я буду перед тобой в долгу.

– Спасибо. И проследи, чтобы эти фотографии не валялись где попало. Кстати, «Милтон секьюрити» занимается установкой очень крутых сейфов…

Эрика Бергер улыбнулась.

Глава 22

Понедельник, 6 июня

В понедельник Эрика Бергер проснулась в шесть утра. И, хотя проспала не больше часа, она чувствовала себя на удивление отдохнувшей. Эрика отнесла это за счет какой-то особой физической реакции. Впервые за несколько месяцев она надела спортивный костюм и в бешеном темпе пробежалась до пристани. Правда, ей удалось быстро пробежать только первые сто метров, после чего поврежденная пятка разболелась так, что пришлось сбавить скорость и дальше двигаться в более размеренном ритме. Боль в ноге давала о себе знать, но она даже ее воспринимала как дар судьбы.

Эрика чувствовала себя заново рожденной. Словно смерть, подойдя к ее дверям, в последний миг передумала и проследовала дальше, к соседнему дому. Она вообще не могла понять, как ей могло настолько повезти, что Петер Фредрикссон просидел над ее снимками четверо суток и ничего при этом не предпринял. То, что мерзавец отсканировал снимки, свидетельствовало о том, что он планировал каким-то образом их использовать, но просто не успел.

В любом случае Эрика понимала, что теперь находится в неоплатном долгу перед Сусанн Линдер. Так что в этом году она преподнесет ей какой-нибудь дорогой и незабываемый сюрприз к Рождеству. Надо еще придумать, что именно, но это будет что-то эксклюзивное.

В половине восьмого, оставив спящего Грегера, Эрика села в «БМВ» и поехала в редакцию «СМП» в Норртулл. Приехав, загнала машину в гараж, поднялась на лифте в редакцию и уселась в стеклянной клетке.

Для начала она позвонила охраннику.

– Петер Фредрикссон вчера срочно уволился из «СМП», – сказала она. – Найдите большую коробку, соберите его личные вещи и проследите за тем, чтобы их доставили ему уже в первой половине дня.

Эрика посмотрела на информационную стойку и увидела входящего в кабинет Андерса Хольма. Тот встретился с ней взглядом и кивнул.

Она кивнула в ответ.

Хольм, конечно, то еще дерьмо, но после их ссоры несколько недель назад он прекратил интриговать. Если он будет и дальше демонстрировать такое позитивное отношение, то, возможно, останется на должности шефа информационного отдела. Возможно.

Эрика чувствовала, что в силах переломить ситуацию.

В 08.45 она мельком увидела Боргшё, когда тот выходил из лифта и удалялся по внутренней лестнице к себе в кабинет, расположенный этажом выше. «Я должна поговорить с ним сегодня же», – напомнила она себе.

Эрика налила себе кофе и просмотрела утреннюю служебную записку. Утро не предвещало никаких особенно важных новостей. Внимание привлекла только крошечная заметка, в телеграфном стиле сообщавшая о том, что Лисбет Саландер перевезли в следственный изолятор Гётеборга. Эрика одобрила этот материал и переслала его Андерсу Хольму.

В 08.59 ей позвонил Боргшё.

– Бергер! Зайдите ко мне в кабинет, немедленно.

Сказав это, он положил трубку, не дожидаясь ответа.

Магнус Боргшё сидел с побелевшим лицом, когда Эрика Бергер открыла дверь в его кабинет.

Он встал, повернулся к ней и швырнул на стол распечатку.

– Что это такое, черт побери? – заорал он.

Сердце Эрики ушло в пятки. Ей достаточно было только взглянуть на обложку, чтобы понять, что именно Боргшё обнаружил в утренней почте.

С фотографиями Фредрикссон ничего сделать не успел. Но он успел отправить Боргшё статью Хенри Кортеса.

Бергер села напротив него и спокойно ответила:

– Это статья, которую написал журналист Хенри Кортес и которую журнал «Миллениум» собирался опубликовать в прошлом номере.

Боргшё был взбешен.

– Что вы, черт побери, себе позволяете? Я сам привел вас в «СМП», а вы сразу начали плести против меня интриги… Вы ведете себя как медийная шлюха, жаждущая сенсаций!

Глаза Эрики сузились, она похолодела. Слова «шлюха» с нее уже хватило.

– Неужели вы действительно верите в то, что кого-нибудь заинтересует этот маразм? Думаете, что вам удастся при помощи этой кляузы отправить меня в отставку? И какого черта было посылать мне эту мазню анонимно?

– Дело обстоит совсем не так, Боргшё.

– В таком случае расскажите, как все обстоит.

– Статью вам послал Петер Фредрикссон. Он со вчерашнего дня уволен из «СМП».

– Черт, о чем это вы?

– Долгая история. Но я держала статью при себе уже больше двух недель, пытаясь придумать, как мне лучше вам о ней рассказать.

– Этот текст инициировали вы.

– Нет, не я. Материал собирал Хенри Кортес. И он же – автор статьи. Я о ней ничего не знала.

– И вы хотите, чтобы я в это поверил?

– Когда мои коллеги из «Миллениума» обнаружили, что речь идет о вас, Микаэль Блумквист приостановил публикацию, позвонил мне и передал копию статьи, предоставив мне право решить судьбу этой публикации. Статью у меня выкрали, поэтому она и оказалась у вас. В «Миллениуме» мне хотели дать шанс поговорить с вами до ее публикации, а публиковать статью предполагается в августе.

– Я еще никогда не встречал такой наглой и бесстыжей журналистки!.. Вам достанется первый приз.

– О’кей. Раз уж вы прочитали репортаж, возможно, заодно просмотрели и материалы журналистского расследования. К статье Кортеса не подкопаешься, ее вполне можно публиковать. И вам это известно.

– Что это, черт возьми, должно означать?

– Если вы останетесь председателем правления к моменту, когда «Миллениум» опубликует статью, «СМП» это сильно повредит. Я долго размышляла, пытаясь найти выход, но так и не нашла.

– Что вы хотите сказать?

– Вам придется подать в отставку.

– Вы шутите? Я не совершил ничего противозаконного.

– Магнус! Неужели вы действительно не понимаете масштабов этого разоблачения? Не заставляйте меня созывать правление, это приведет только к лишним негативным эмоциям.

– Вам не придется ничего созывать. Вы немедленно попрощаетесь с работой в «СМП».

– Сорри, но меня может уволить только правление. Пожалуйста, созывайте всех на экстренное заседание. Я предлагаю назначить его прямо на сегодня, во второй половине дня.

Боргшё обошел вокруг стола и встал так близко к Эрике Бергер, что она ощущала его дыхание.

– Бергер… У тебя еще есть шанс остаться здесь. Отправляйся к своим чертовым приятелям из «Миллениума» и проследи за тем, чтобы эта статейка никогда не увидела свет. Если справишься, я постараюсь забыть все то, что ты натворила.

Эрика Бергер вздохнула.

– Магнус, вы просто не понимаете серьезности ситуации. Я никак не могу повлиять на публикации «Миллениума». Независимо от моей воли,

статью все равно опубликуют. Меня тревожит только то, как это скажется на «СМП». Поэтому вы должны уйти.

Боргшё оперся руками о спинку кресла и наклонился к Эрике.

– Твои приятели из «Миллениума», возможно, призадумаются, если узнают, что как только они опубликуют это дерьмо, тебя отсюда выставят.

Он вновь выпрямился.

– Я сегодня еду на совещание в Норрчёпинг. – Посмотрел на нее и многозначительно уточнил: – Со «СвеаБюгг».

– Вот как.

– Когда я вернусь – завтра, – ты доложишь мне, что уладила это дело. Ясно?

Он надел пиджак. Эрика Бергер наблюдала за ним, прищурив глаза.

– Если все уладишь, может, и останешься в «СМП». А теперь исчезни с глаз моих.

Эрика встала, вернулась обратно в стеклянную клетку и минут двадцать просидела в кресле абсолютно неподвижно. Потом подняла трубку и попросила зайти к ней Андерса Хольма. Во избежание конфликтов он появился в течение минуты.

– Садитесь.

Хольм сел.

– Ну, и в чем я провинился на этот раз? – иронично поинтересовался он.

– Андерс, сегодня я последний день работаю в «СМП». Я сейчас же подаю заявление об уходе. Я намерена пригласить вице-председателя и остальных членов правления на заседание, совмещенное с ланчем.

Он уставился на нее с неподдельным изумлением.

– Я буду рекомендовать вас в качестве исполняющего обязанности главного редактора.

– Да что вы?

– Вы не против?

Андерс Хольм откинулся на спинку стула и посмотрел на Эрику Бергер.

– Я, черт возьми, никогда не хотел стать главным редактором, – сказал он.

– Я знаю. Но у вас достаточно жесткая хватка. И ради того, чтобы раздобыть и опубликовать достойный материал, вы готовы шагать по трупам. Мне бы только хотелось, чтобы вы не теряли при этом рассудок.

– Что же все-таки произошло?

– У нас с вами разный стиль работы. Мы с вами все время ругались по

поводу того, под каким углом подавать тот или иной материал. И тут мы никогда не сойдемся.

– Точно, – согласился он. – Мы никогда не найдем общего языка. Но возможно, мой стиль несколько старомоден.

– Я не уверена, что «старомоден» – точное слово. Вы настоящий новостийщик, но ведете себя как неисправимый засранец. Однако больше всего мы ссорились из-за того, что вы, как шеф информационного отдела, убеждены: на оценку новостей не должны влиять личные вкусы.

Эрика Бергер вдруг загадочно улыбнулась, а потом открыла сумку и вытащила оригиналы материалов о Боргшё.

– А кстати, давайте проверим ваше чутье на новости. Я получила статью от Хенри Кортеса, сотрудника «Миллениума». Сегодня утром я решила, что мы дадим эту статью как топовый материал дня.

Она бросила папку Хольму на колени.

– Вы – шеф информационного отдела. Посмотрим, разделяете ли вы мою оценку данной новости.

Андерс Хольм открыл папку и принялся читать.

Уже после короткой преамбулы у него расширились зрачки, он выпрямился на стуле и уставился на Эрику Бергер. Потом опустил глаза и прочел статью от начала до конца, затем открыл и стал внимательно читать документацию, на что ушло еще десять минут. Потом он медленно отложил папку в сторону.

– Похоже, что грандиозного скандала нам не избежать.

– Вот-вот. Поэтому я сегодня отрабатываю здесь последний день. В «Миллениуме» собирались напечатать статью в июньском номере, но Микаэль Блумквист наложил на него вето. Он передал текст мне, чтобы я могла поговорить с Боргшё до выхода статьи.

– И что же?

– Боргшё велел мне замять этот материал.

– Ясно. И вы в отместку хотите напечатать его в «СМП»?

– Нет. Не в отместку. Просто я не вижу другого выхода. Если статью напечатает «СМП», у нас будет шанс выйти из ситуации с честью. Боргшё должен уйти. Но после всего этого я тоже не смогу здесь оставаться.

Хольм помолчал пару минут.

– Черт, Бергер… Я и не подозревал, что вы такая безбашенная. Никак не думал, что скажу это, но, раз у вас такой боевой характер, мне действительно жаль, что вы уходите.

– Вы могли бы заблокировать публикацию, но раз мы с вами оба ее одобряем… Вы намерены ее опубликовать?

– Черт возьми, конечно, мы ее напечатаем. Ведь в любом случае утечка неизбежна.

– Именно.

Андерс Хольм встал, но задержался у ее стола.

– Идите работать, – сказала Эрика Бергер.

Выждав пять минут после ухода Хольма, она подняла трубку и позвонила Малин Эрикссон в «Миллениум».

– Привет, Малин. Нет ли там поблизости Хенри Кортеса?

– Он здесь. Сидит у себя за столом.

– Не могла бы ты пригласить его к себе в кабинет и включить громкую связь? Нам надо посовещаться.

Хенри Кортес подошел к телефону в течение пятнадцати секунд.

– Что-то случилось?

– Хенри, сегодня я совершила аморальный поступок.

– Неужели?

– Я передала твою статью о «Витаваре» Андерсу Хольму, шефу отдела информации «СМП».

– Вот как…

– Я велела ему запустить статью в завтрашний номер «СМП». За твоей подписью. Тебе, разумеется, заплатят. Ты можешь сам назначить цену.

– Эрика… Что это за чертовщина?

Ей пришлось отчитаться о событиях последних недель и о том, как Петер Фредрикссон ее чуть не уничтожил.

– Дьявол, – сказал Хенри Кортес.

– Хенри, я знаю, что ты потратил массу сил на этот материал. У меня просто нет выбора. Ты можешь на это пойти?

Хенри Кортес несколько секунд помолчал.

– Спасибо, что позвонила, Эрика. Можешь печатать статью за моей подписью. Если, разумеется, Малин не возражает.

– Я не возражаю, – сказала Эрикссон.

– Отлично, – сказала Эрика. – Проинформируйте, пожалуйста, Микаэля. Думаю, что его еще нет на месте.

– Я поговорю с Микаэлем, – пообещала Малин Эрикссон. – Но, Эрика, ведь это означает, что с сегодняшнего дня ты безработная?

Эрика хихикнула.

– Я решила устроить себе отпуск до конца года. Поверьте, что нескольких недель в «СМП» с меня вполне хватило.

– Думаю, что тебе еще рано планировать отпуск, – заметила Малин.

– Это еще почему?

– Ты можешь во второй половине дня заглянуть в «Миллениум»?

– Но для чего?

– Мне требуется помощь. Если захочешь вернуться на должность главного редактора, можешь приступать завтра утром.

– Малин, главный редактор «Миллениума» ты. Все остальное не обсуждается.

– О’кей. Тогда выходи на должность ответственного секретаря редакции, – засмеялась Малин.

– Ты серьезно?

– Черт возьми, Эрика, мне так тебя не хватает, просто позарез. Я ведь пришла в «Миллениум», в частности, чтобы поработать с тобой. А ты вдруг взяла и укатила в другое издание…

Эрика Бергер с минуту помолчала. Она даже не успела обдумать возможность возвращения в «Миллениум».

– Вы хотите, чтобы я вернулась? – медленно спросила она.

– А ты как думаешь? Подозреваю, что мы закатим пир на весь мир, главным организатором которого стану я. Ты вернешься как раз тогда, когда нам предстоит публиковать наши детективные сериалы.

Эрика посмотрела на часы на письменном столе. Без пяти десять. В течение одного часа вся ее жизнь перевернулась. Она вдруг почувствовала, как сильно ей хочется вернуться в «Миллениум» и вновь подняться по знакомой лестнице.

– В ближайшие часы мне еще надо разобраться кое с чем в «СМП»… Что если я зайду к вам около четырех?

Сусанн Линдер рассказывала Драгану Арманскому о ночных событиях, глядя ему прямо в глаза. Она умолчала лишь о том, что уверена – компьютер Фредрикссона взломала Лисбет Саландер. У нее имелось для этого две причины: во-первых, ей казалось, что это звучит слишком неправдоподобно, а во-вторых, она знала, что Драган Арманский вместе с Микаэлем Блумквистом активно участвуют в деле Саландер.

Арманский слушал ее очень внимательно. Закончив рассказ, Сусанн замолчала, ожидая его реакции.

– Недавно мне звонил Грегер Бекман, – сказал он.

– Так…

– Они с Эрикой Бергер заедут на неделе, чтобы подписать контракт. Они благодарят за участие «Милтон секьюрити» и, прежде всего, за твое участие.

– Хорошо. Приятно, когда клиенты довольны.

– Он хочет также заказать домой сейф. Мы должны установить его и закончить все дела с сигнализацией к концу недели.

– Отлично.

– Он хочет, чтобы мы выставили им счет за твою работу в эти выходные.

– Вот как…

– Иными словами, нам предстоит отправить им солидный счет.

– Ну да.

Арманский вздохнул.

– Сусанн, ты ведь понимаешь, что Фредрикссон может пойти в полицию и заявить на тебя за массу нарушений.

Она кивнула.

– Разумеется, он и сам со свистом отправится в тюрьму, но, может, он решит, что дело того стоит…

– Не думаю, чтобы у него хватило пороху пойти в полицию.

– Пусть так, но ты действовала вопреки всем полученным от меня инструкциям.

– Я знаю, – сказала Сусанн Линдер.

– И как, ты считаешь, я должен на это отреагировать?

– Решать вам.

– А как, по твоему мнению, мне следует реагировать?

– Мое мнение никакого значения не имеет. За вами всегда остается право меня выставить.

– Едва ли. Я не могу позволить себе лишиться сотрудника твоего уровня.

– Спасибо.

– Но если ты снова проделаешь нечто подобное, я очень рассержусь.

Сусанн Линдер кивнула.

– Что ты сделала с жестким диском?

– Он уничтожен. Я сегодня утром сунула его в тиски и раздавила в крошки.

– О’кей. Тогда будем считать, что дело закрыто.

Все первую половину дня Эрика Бергер звонила членам правления «СМП». Вице-председателя она застала за городом неподалеку от Ваксхольма и уговорила его немедленно сесть в машину и мчаться в редакцию. После ланча правление собралось, правда, в сильно урезанном составе. Целый час Эрика посвятила тому, чтобы объяснить, как у них появилась папка Кортеса и чем все это обернулось.

После ее спича поступили предложения найти какое-нибудь альтернативное решение. Бергер объявила, что «СМП» собирается дать статью в завтрашний номер, и заявила, что работает у них последний день и ее решение окончательно и бесповоротно.

Эрика убедила правление одобрить и занести в протокол два решения: просить Магнуса Боргшё незамедлительно освободить занимаемый пост и назначить Андерса Хольма временно исполняющим обязанности главного редактора. После этого она извинилась и оставила правление обсуждать ситуацию без нее.

В 14.00 Эрика спустилась в отдел по персоналу и подкорректировала свой контракт. Затем спустилась в редакцию отдела культуры и пригласила на беседу заведующего отделом Себастиана Страндлунда и журналистку Эву Карлссон.

– Насколько я понимаю, отдел культуры считает Эву Карлссон толковым и одаренным репортером.

– Так оно и есть, – подтвердил Страндлунд.

– А в последние два года вы просили укрепить кадровый состав отдела как минимум двумя сотрудниками.

– Да.

– Эва, с учетом того, что я писала вам любовные письма… Если я зачислю вас на постоянную должность, это может вызвать сплетни и пересуды. Вы по-прежнему заинтересованы в работе?

– Естественно.

– В таком случае я заключу с вами контракт. И это станет моим последним решением в «СМП».

– Последним?

– Это долгая история. Я сегодня работаю здесь последний день. Будьте добры, не говорите об этом никому, хотя бы в ближайшие пару часов.

– Неужели…

– Вскоре появится служебная записка.

Эрика Бергер подписала контракт и протянула его через стол Эве Карлссон.

– Удачи, – сказала она и улыбнулась.

– Неизвестного пожилого мужчину, который участвовал в субботнем совещании у Экстрёма, зовут Георг Нюстрём, он комиссар, – сказала Моника Фигуэрола и выложила фотографии, сделанные в процессе охоты за субъектом, на стол перед Торстеном Эдклинтом.

– Комиссар, – пробормотал Эдклинт.

– Стефан только вчера вечером смог его вычислить. Он посещал квартиру на Артиллеригатан и приехал на машине.

– Что нам о нем известно?

– Он начинал свою карьеру с полиции, а в ГПУ/Без работает с восемьдесят третьего года. С девяносто шестого года находится на должности следователя и занимается внутренним контролем за уже завершенными делами.

– О’кей.

– Начиная с субботы, в подъезд зашли шестеро, я имею в виду тех, кто представляет для нас интерес. Помимо Юнаса Сандберга и Георга Нюстрёма, в здании находится Фредрик Клинтон. Сегодня утром его на больничном транспорте отвозили на диализ.

– А кто остальные трое?

– Некий господин Отто Хальберг. Он работает в ГПУ/Без с восьмидесятых годов, но вообще-то прикреплен к Штабу обороны – числится в военно-морских силах и военной разведке.

– Вот как… Меня это почему-то не удивляет.

Моника Фигуэрола показала еще один снимок.

– А вот этого типа мы пока не вычислили. Он ходил обедать вместе с Хальбергом. Попробуем проследить за ним, когда вечером он отправится домой.

– О’кей.

– Но вот этот тип, пожалуй, из них самый интересный.

Она положила на стол еще одну фотографию.

– Я его знаю, – сказал Эдклинт.

– Его зовут Ваденшё.

– Точно. Он работал в отделе по борьбе с терроризмом лет пятнадцать назад. Офисный генерал. Когда-то считался в «Фирме» одним из кандидатов на должность большого начальника. Что с ним произошло потом, я не знаю.

– Он уволился в девяносто первом году. Угадайте, с кем он обедал примерно час назад…

Моника показала последнюю фотографию.

– Начальник канцелярии Альберт Шенке и финансовый директор Густав Аттербум. Я хочу, чтобы за этими личностями велось круглосуточное наблюдение. Мне надо точно знать, с кем они встречаются.

– Это исключено. У меня в распоряжении есть только четыре сотрудника. И хотя бы кто-то из них должен работать с документацией.

Эдклинт кивнул и задумчиво прикусил нижнюю губу. Через некоторое

время он взглянул на Монику.

– Нам требуется подкрепление, – сказал он. – Ты не могла бы связаться с инспектором уголовной полиции Яном Бублански и спросить, не согласится ли он сегодня после работы со мною поужинать? Скажем, около семи.

Затем Эдклинт потянулся к телефонной трубке и набрал номер, который знал наизусть.

– Привет, Арманский. Это Эдклинт. Памятуя приятный ужин, на который ты меня недавно приглашал, мне тоже захотелось тебя пригласить… Нет, я настаиваю. Скажем, около семи?

Лисбет Саландер провела ночь в следственном изоляторе «Крунуберг», в камере площадью примерно четыре на четыре метра. Об убогом дизайне этого помещения даже и не стоило бы упоминать. Лисбет заснула через пять минут после того, как ее заперли. А проснувшись ранним утром в понедельник, послушно проделала рекомендованные терапевтом Сальгренской больницы упражнения на растяжки. Потом позавтракала и молча уселась на койку, уставившись прямо перед собой.

В половине девятого ее препроводили в помещение для допросов, расположенное в другом конце коридора. Конвоиром оказался пожилой лысый дядюшка небольшого роста, с круглым лицом и очками в роговой оправе. Он держался с ней корректно и добродушно.

Анника Джаннини приветливо поздоровалась с ней, а Ханса Фасте Лисбет проигнорировала. Потом она впервые увидела прокурора Рикарда Экстрёма и последующие полчаса провела, сидя на стуле и неотрывно глядя в одну точку, чуть повыше головы Экстрёма. За все это время она не произнесла ни единого слова, у нее на лице не дрогнул ни единый мускул.

В десять часов Экстрём оставил свои попытки – допросить обвиняемую ему так и не удалось. Он был раздражен, поскольку не сумел добиться от нее ни малейшего отклика. Глядя на тоненькую, кукольного вида девицу, он впервые усомнился: неужели такая сопля действительно могла жестоко избить Магге Лундина и Сонни Ниеминена? Разве смог бы суд поверить в эту историю даже при наличии убедительных доказательств?

В двенадцать часов Лисбет принесли стандартный обед, а следующий час она посвятила решению уравнений из области сферической астрономии, вспомнив о книге, которую читала двумя годами раньше.

В 14.30 ее снова отвели в помещение для допросов. На этот раз конвоиром оказалась молодая женщина. В комнате никого не было. Лисбет

села на стул и продолжила размышлять над одним особенно сложным уравнением.

Через десять минут дверь открылась.

– Здравствуй, Лисбет, – приветливо поздоровался улыбающийся Петер Телеборьян.

Лисбет Саландер оцепенела. Части уравнения, которое она выстраивала перед собой в воздухе, покатились вниз. Она даже услышала, как цифры и знаки зазвенели, ударяясь об пол.

С минуту Телеборьян постоял неподвижно, разглядывая ее, а потом уселся напротив. Она продолжала смотреть в стену.

Через некоторое время она перевела взгляд и посмотрела ему в глаза.

– Мне жаль, что ты влипла в такую ситуацию, – сказал Петер Телеборьян. – Я постараюсь помочь тебе всеми возможными способами. Надеюсь, нам удастся установить взаимное доверие.

Лисбет разглядывала его, на сей раз очень внимательно. Взъерошенная шевелюра. Борода. Маленькая щелка между передними зубами. Тонкие губы. Коричневый пиджак. Расстегнутый ворот рубашки.

– Надеюсь также, что сумею оказать тебе более существенную помощь, чем при нашей прошлой встрече, – донесся до нее его мягкий и обманчиво дружелюбный голос.

Он положил перед собой на стол маленький блокнотик и ручку. Лисбет опустила взгляд и посмотрела на ручку. Та представляла собой остроконечную серебристую трубочку.

Анализ последствий.

Лисбет подавила порыв протянуть руку и схватить ручку.

Поискав глазами его левый мизинец, она увидела едва заметную белую полоску на том месте, в которое пятнадцать лет назад впилась зубами и сжала челюсти с такой силой, что чуть не откусила ему палец. Потребовались усилия трех санитаров, чтобы усмирить ее и заставить разомкнуть челюсти.

В тот раз я была маленькой пугливой девочкой, едва достигшей подросткового возраста. Теперь я взрослая. Я могу убить тебя, когда захочу.

Она уткнулась взглядом в точку на стене позади Телеборьяна, подобрала рухнувшие на пол цифры и математические знаки и начала заново выстраивать уравнение.

Доктор Телеборьян разглядывал Лисбет Саландер с непроницаемым выражением лица. Он не стал бы психиатром с международной известностью, если б не разбирался в людях и не обладал способностью

читать чувства и настроения. Телеборьян ощутил, что в комнате повеяло холодом, но истолковал это как знак того, что под внешней невозмутимостью пациентка скрывает страх и стыд. Он счел это позитивным признаком того, что она все-таки реагирует на его присутствие. Его также обрадовало, что ее поведение ничуть не изменилось. В суде она сама подпишет себе приговор.

Перед уходом из «СМП» Эрика Бергер спешила составить служебную записку своим теперь уже бывшим сослуживцам. Она была довольно расстроена, когда начала писать, и, вопреки канонам этого жанра, у нее получилось аж две страницы формата А4, где она объясняла, почему уходит из «СМП», и высказывала свое личное мнение о некоторых персоналиях. Впрочем, она стерла весь этот текст и начала заново, в более деловом тоне.

Петера Фредрикссона она даже не стала упоминать. Иначе весь интерес сосредоточился бы на нем, и скандалы и спекуляции на тему сексуальных преследований заслонили бы настоящие причины ее отставки.

Эрика огласила две причины своего ухода. Главная – она предложила урезать зарплаты и бонусы руководителям и владельцам, в результате чего ей оказали мощное сопротивление. Начальство требовало, чтобы она начала работу в «СМП» с массовых сокращений персонала. А это, с ее точки зрения, не только являлось нарушением ранее данных ей обещаний, но и сводило на нет любые попытки в перспективе реформировать газету и упрочить ее позиции.

В качестве второй причины Бергер назвала разоблачение Боргшё. Она призналась, что он распорядился замять эту историю и тем самым призывал ее нарушить долг и этический кодекс профессии журналиста. После этого у нее не оставалось выбора, так что она уверена: единственный выход для нее – покинуть редакцию. В конце концов напрашивается вывод, что проблемы «СМП» заключаются не в персонале, а в руководстве.

Эрика перечитала служебную записку, исправила орфографические ошибки и разослала ее по электронной почте всем сотрудникам концерна. Сделав копию, она отправила ее в журнал «Газета прессы» и в орган профсоюза «Журналист». Потом упаковала свой лэптоп и отправилась к Андерсу Хольму.

– Ну, пока, – сказала она.

– До встречи, Бергер. Работу с вами мне хотелось бы позабыть, как кошмарный сон.

Они улыбнулись друг другу.

– У меня осталось еще одна просьба, – добавила Эрика.

– И какая же?

– Юханнес Фриск работает по моему поручению над одним материалом.

– И ни одна сволочь не знает, чем он занят.

– Поддержите его. Он уже довольно многое сделал, и я буду продолжать с ним контактировать. Дайте ему закончить работу. Гарантирую, что вы от этого только выиграете.

Хольм задумался, потом кивнул.

Пожимать друг другу руки они не стали. Эрика положила Хольму на письменный стол пропуск в редакцию, спустилась в гараж и забрала свою машину. А в начале пятого припарковалась поблизости от редакции «Миллениума».

Часть 4
Перезагрузка

1 июля – 7 октября

Несмотря на множество мифов об амазонках в античной Греции, Южной Америке, Африке и т. д., документально подтвержден лишь один эпизод существования в истории женщин-воительниц. Речь идет о женской армии народности фон[74] *в Западной Африке, в Дагомее, нынешнем Бенине.*

Эти женщины-воительницы никогда не упоминаются в официальной военной истории, о них не снято никаких романтических фильмов, и на сегодняшний день на них ссылаются лишь в допотопных исторических хрониках. Этим женщинам посвящена одна-единственная научная работа – Стэнли Элперна «Амазонки черной Спарты»[75]*. Тем не менее это была армия, способная сравниться с любым элитным войском оккупационных властей того времени, состоявшим из солдат-мужчин.*

Когда именно в королевстве Дагомея возникло женское военное формирование, неизвестно, но некоторые источники относят это событие к XVII веку. Первоначально дагомейские амазонки играли роль королевской лейб-гвардии. А затем они образовали корпус из 6000 солдат, наделенных полубожественным статусом.

Но предназначены они были отнюдь не для украшения. Чуть более 200 лет эти воительницы составляли главную ударную силу народности фон в борьбе против европейских колонизаторов. Французское войско, которое они неоднократно побеждали в сражениях, испытывало перед ними страх и трепет. Разбить женскую армию удалось только в 1892 году, когда Франция привезла на кораблях современные войска с артиллерией, головорезами из Иностранного легиона, морским пехотным полком и кавалерией.

Сколько женщин-воительниц погибло, неизвестно. Выжившие в течение нескольких лет продолжали вести партизанские действия, и еще в 1940-х годах были живы ветераны той армии; их фотографировали и брали у них интервью.

Глава 23

Пятница, 1 июля – воскресенье, 10 июля

За две недели до суда над Лисбет Саландер Кристер Мальм закончил работу над оформлением книги объемом в 364 страницы и с лаконичным названием «Секция». Обложку он выполнил в синих тонах, а надписи на ней сделал желтыми. В самом низу Кристер разместил семь черно-белых портретов шведских премьер-министров, размером с почтовую марку. Над ними простиралась фотография Залаченко. Кристер использовал паспортную фотографию бывшего шпиона и добавил контрастность, так что темные фрагменты снимка, как тень, покрывали всю обложку. Дизайн получился не слишком эстетически изысканным, но впечатляющим. Авторами книги значились Микаэль Блумквист, Хенри Кортес и Малин Эрикссон.

К половине шестого утра Кристеру стало не по себе, он проработал всю ночь напролет, и ему требовалось пойти домой и поспать. Малин Эрикссон тоже сидела с ним, внося финальную корректуру в уже одобренные Кристером страницы и распечатывая текст. Она заснула прямо на диване в редакции.

Мальм собрал в папку документы с фотографиями и образцами шрифта, потом запустил программу «Тост» и перенес все на два диска. Один он спрятал в редакционный сейф, а второй передал явившемуся около семи заспанному Микаэлю Блумквисту.

– Иди домой и поспи, – сказал тот.

– Уже иду, – ответил Кристер.

Будить Малин Эрикссон они не стали, но включили сигнализацию на входе. В восемь часов эстафету должен был принять Хенри Кортес. Выйдя из подъезда, они хлопнули друг друга по ладоням и расстались.

Микаэль Блумквист прогулялся до Лундагатан, где снова без разрешения взял брошенную Лисбет Саландер «хонду». Не желая доверять пересылку диска почте, он лично отвез его Яну Чёбину, директору типографии Hallvig Reklamtryckeri, что располагалась в неприметном кирпичном здании возле железной дороги в местечке Моргонгова, неподалеку от городка Сала.

Микаэль не спеша подождал, пока в типографии проверили, что диск загружается. Он получил также заверения в том, что книга будет готова ко

дню, когда начнется судебный процесс. При этом печать тиража не считалась проблемой, а вот брошюровка могла затянуться. Но Ян Чёбин пообещал, что минимум 500 экземпляров из первого тиража в 10 000 будут доставлены к оговоренной дате. Книга будет в мягкой обложке, карманного формата.

Микаэль еще раз убедился в том, что все понимают – необходимо соблюдать режим строжайшей секретности. На самом деле напоминать об этом было излишним: два года назад та же типография при аналогичных обстоятельствах печатала книгу Микаэля о финансисте Хансе Эрике Веннерстрёме, и все местные полиграфисты знали, что в книгах, поступающих от маленького издательства «Миллениум», содержатся первоклассные сенсации и скандалы.

Затем Микаэль, также не спеша, вернулся в Стокгольм. Завернув к себе домой на Бельмансгатан, он взял дорожную сумку, куда упаковал смену одежды, бритву и зубную щетку, потом доехал до пристани Ставнес в Вермдё, оставил там машину и отправился на пароме в Сандхамн.

Впервые после рождественских праздников он появился в своем летнем домике. Открыл ставни, впустил свежий воздух и глотнул минеральной воды. Как и всегда, когда он заканчивал работу, текст отправлялся в печать и уже нельзя ничего было изменить, у него возникло чувство опустошенности.

Затем он целый час посвятил уборке: подмел, вытер пыль, вычистил душевую комнату, запустил холодильник, проверил, работает ли водопровод, и сменил постельное белье на спальной антресоли. Затем прогулялся до магазина ICA и купил продукты на выходные. Потом включил кофеварку, уселся на веранде и закурил. Было так приятно – ни о чем не думать и расслабиться…

Около пяти он отправился на пристань встречать Монику.

– Я не надеялся, что тебе удастся освободиться, – сказал он, целуя ее в щеку.

– Я тоже не надеялась. Но я выложила Эдклинту все как есть. В последние недели я работала почти круглосуточно, и окончательно выдохлась. Какой от меня толк? Мне необходимо два свободных дня, чтобы зарядить аккумуляторы.

– В Сандхамне?

– Я не отчитывалась перед ним, куда собираюсь поехать, – ответила она с улыбкой.

Фигуэрола разглядывала домик Микаэля, общей площадью двадцать пять квадратных метров. Она очень придирчиво осмотрела мини-кухню,

душевую и спальную антресоль, в итоге одобрительно кивнув. Пока Микаэль жарил бараньи отбивные, сдабривая их красным вином, и накрывал стол на веранде, она приняла душ и надела тонкое летнее платье. Они обедали молча, глядя на яхты, которые направлялись в сторону гостевой гавани Сандхамна или обратно. Была выпита бутылка вина.

– Замечательный у тебя домик. Это сюда ты возишь всех своих подружек? – вдруг поинтересовалась Моника.

– Не всех. Только самых главных.

– А Эрика Бергер тут была?

– Многократно.

– А Лисбет Саландер?

– Она жила здесь несколько недель, когда я писал книгу о Веннерстрёме. И два года назад мы провели тут вместе Рождество.

– Значит, и Бергер и Саландер играют в твоей жизни важную роль?

– Эрика – мой лучший друг. Мы дружим уже больше двадцати пяти лет. Лисбет – совсем другое дело. Она – очень своеобразная девушка; из всех людей, кого я когда-либо встречал, она самая асоциальная личность. Можно сказать, что Лисбет произвела на меня большое впечатление при первой же встрече. Она мне нравится. И она мой друг.

– Ты ее жалеешь?

– Нет. Она сама во многом постаралась, чтобы на нее навалилась масса дерьма. Но я искренне ей симпатизирую и чувствую в ней родственную душу.

– Но ты не влюблен – ни в нее, ни в Бергер?

Блумквист пожал плечами. Моника разглядывала запоздалый пароходик «Амиго 23», который с включенными навигационными огнями прошмыгнул мимо моторной лодки в гостевую гавань.

– Если любовь означает, что ты очень хорошо к кому-то относишься – значит, я влюблен в нескольких человек, – сказал он.

– А теперь еще и в меня?

Микаэль кивнул.

Моника посмотрела на него, нахмурив брови.

– Тебя это беспокоит? – спросил он.

– То, что у тебя раньше были женщины? Нет. Но меня беспокоит то, что я не понимаю, что между нами происходит. Мне кажется, я не смогу иметь отношения с парнем, у которого связь с разными женщинами…

– Я не намерен приносить извинения за то, что моя жизнь сложилась так, а не иначе.

– А я, как мне кажется, не могу устоять перед тобой именно потому,

что ты такой, какой есть. С тобой легко заниматься сексом, и это не сопряжено ни с какими претензиями, и мне с тобой спокойно. Но все началось с того, что я поддалась какому-то безумному импульсу. Со мной такое бывает не часто, и я ничего, собственно, не планировала. А теперь мы добрались до той стадии, когда я оказалась одной из тех девиц, которых ты приглашаешь сюда…

Микаэль помолчал.

– Ты могла бы и не приезжать.

– Нет. Не могла. Черт возьми, Микаэль…

– Я знаю.

– Я чувствую себя несчастной. Я не хочу в тебя влюбляться. Будет слишком больно, когда все это закончится.

– Я получил этот дом, когда отец умер, а мама переехала домой в Норрланд. Мы с сестрой разделили наследство так, что ей досталась наша квартира, а я получил дом. Я владею им почти уже двадцать пять лет.

– Вот как.

– Не считая нескольких случайных знакомых в начале восьмидесятых годов, до тебя здесь побывали ровным счетом пять женщин. Эрика, Лисбет и моя бывшая жена, с которой мы существовали совместно в восьмидесятых годах. Одна девушка, на которую у меня были очень серьезные виды в конце девяностых годов, и женщина, немного старше меня, с которой я познакомился два года назад и изредка встречаюсь. Там несколько особые обстоятельства…

– Вот как.

– Для меня этот дом означает возможность уехать из города и побыть в тишине и покое. Я почти всегда бываю здесь в одиночестве. Читаю книги, пишу, отдыхаю, сижу на пристани и смотрю на корабли. Так что это не тайная любовная келья холостяка.

Блумквист встал и принес бутылку вина, которую поставил в тени перед дверью в дом.

– Я не собираюсь ничего обещать, – сказал он. – Мой брак распался из-за того, что мы с Эрикой не смогли держаться вдали друг от друга. *Been there, done that, got the t-shirt*[76].

Он наполнил бокалы.

– Но ты сразу привлекла меня. У меня такое ощущение, будто наши отношения с первого же дня можно назвать серьезными. Мне кажется, что я потерял голову сразу, когда ты подстерегла меня на моей лестнице. В те немногие ночи, которые я теперь сплю у себя дома, я просыпаюсь посреди ночи, и мне тебя очень не хватает. Не знаю, хочется ли мне постоянно быть

вместе, но я очень боюсь тебя потерять.

Он посмотрел на нее.

– Ну и что же нам, по-твоему, делать?

– Давай подумаем, – сказала Моника. – Меня тоже к тебе чертовски тянет.

– Дело начинает приобретать серьезный оборот, – сказал Микаэль.

Она кивнула.

На нее внезапно накатил приступ грусти. Потом они довольно долго просидели молча. Когда наступили сумерки, они убрали со стола, зашли в дом и закрыли дверь.

В пятницу, за неделю до суда, Микаэль остановился у газетного киоска возле Шлюза и стал разглядывать заголовки утренних газет. Генеральный директор и председатель правления «Свенска моргонпостен» Магнус Боргшё капитулировал и объявил о своей отставке. Купив газеты, Микаэль дошел до кафе «Ява» на Хурнсгатан и заказал себе поздний завтрак.

Свой внезапный уход Боргшё мотивировал семейными обстоятельствами. Он отказался комментировать утверждения о том, будто его уход как-то связан с увольнением Эрики Бергер, после того как он приказал ей замять сюжет о деятельности оптовой фирмы «Витавара АБ». Правда, из одного столбца все-таки следовало, что председатель Объединения шведских предпринимателей назначил комиссию по этике, которая займется проверкой деятельности шведских фирм, которые сотрудничают с фирмами в Юго-Восточной Азии, использующими детский труд.

В этом месте Микаэль Блумквист не смог удержаться от ухмылки.

Потом он сложил газеты, вытащил свой мобильник «Эрикссон Т10» и позвонил «Той, с ТВ-4», оторвав ее от ланча.

– Привет, дорогая! – сказал Микаэль Блумквист. – Полагаю, ты снова откажешься как-нибудь вечерком составить мне компанию.

– Привет, Микаэль, – засмеялась «Та, с ТВ-4». – Сорри, но ты настолько далек от моего идеала мужчины, что дальше некуда. Правда, ты все равно довольно милый.

– Может быть, ты, по крайней мере, согласишься поужинать со мной сегодня, чтобы поболтать о работе?

– А что мы будем обсуждать?

– Два года назад Эрика Бергер заключала с тобой сделку по поводу Веннерстрёма. Получилось просто замечательно. Теперь я бы хотел заключить с тобой аналогичную сделку.

– Рассказывай.

– Только после того, как мы обсудим условия. Точно так же, как и в случае с Веннерстрёмом, мы опубликуем книгу одновременно с тематическим номером журнала. Эта история вызовет огромный резонанс. Я предлагаю тебе в порядке исключения предварительно ознакомиться с материалом при условии, что ты не выдашь информацию до нашей публикации. На сей раз с последней не так-то просто, поскольку она должна выйти к определенному дню.

– И каков объем материала?

– Больше, чем про Веннерстрёма, – сказал Микаэль Блумквист. – Ты заинтересована?

– Ты, что, издеваешься? Где мы встретимся?

– Что ты скажешь о «Котелке Самира»? Эрика Бергер тоже придет.

– А что там за история с Бергер? Она вернулась в «Миллениум» после того, как ее выгнали из «СМП»?

– Ее не выгнали. После того как у них с Боргшё возникли разногласия, она тут же уволилась.

– Он, похоже, полный кретин.

– Не стану спорить, – согласился Блумквист.

Фредрик Клинтон слушал Верди через наушники. По большому счету теперь только музыка могла отвлечь его от аппарата диализа и невыносимой боли в пояснице. Он не то чтобы подпевал, но, закрыв глаза, двигал в такт правой рукой, которая парила в воздухе и, казалось, жила собственной жизнью, отдельно от его уже разрушающегося тела.

Все просто. Мы рождаемся. Мы живем. Мы стареем. Мы умираем.

Он свое отжил. Теперь ему предстоит процесс распада.

При всем при этом Фредрик Клинтон чувствовал себя вполне счастливым.

Он почтил память своего друга Эверта Гульберга.

Сегодня суббота, 9 июля. Меньше чем через неделю начнется судебный процесс, и «Секция» наконец-то сможет постепенно забыть об этой макабрической истории. Утром он получил эту весть.

Гульберг оказался на редкость живуч. Когда пускаешь себе в висок литую пулю калибра 9 миллиметров, то рассчитываешь, что умрешь. Тем не менее потребовалось три месяца, чтобы плоть Гульберга уступила. Хотя, скорее, такой исход можно было объяснить случайным стечением обстоятельств, чем упрямством, с которым доктор Андерс Юнассон отказывался признать свое поражение. В конце концов с ним расправился

все-таки рак, а не пуля.

Умирание Гульберга сопровождалась мучительными болями, что очень огорчало Клинтона. Раненый не мог общаться с окружающим миром, но время от времени он частично приходил в сознание и мог воспринимать окружающий мир. Больничный персонал отметил, что Гульберг улыбался, если кто-нибудь гладил его по щеке, и ворчал, когда, казалось, испытывал чувство дискомфорта. Иногда он обращался к персоналу, пытаясь произнести слова, которых никто не понимал.

Родных у него не оказалось, и никто из друзей не навещал его, когда он был на смертном одре. Когда он уснул навеки, его провожала ночная сестра по имени Сара Китама, родом из Эритреи, которая дежурила у его постели и держала его за руку.

Фредрик Клинтон знал, что вскоре последует за своим боевым другом. Никаких сомнений не оставалось. Вероятность того, что он дождется трансплантации почки, жизненно необходимой ему, с каждым днем приближалась к нулю, а его тело продолжало неумолимо разлагаться. После каждого обследования выяснялось, что у него ухудшается функционирование печени и кишечника.

Он надеялся дожить до Рождества.

Тем не менее Клинтон был доволен. Он испытывал невероятное бодрящее чувство удовлетворения от того, что под конец жизни ему совершенно неожиданно удалось вновь вернуться на службу.

Такого поворота судьбы он никак не ожидал.

Последние звуки Верди смолкли, как раз когда Биргер Ваденшё открыл дверь в маленькую комнату отдыха, отведенную Клинтону в ставке «Секции» на Артиллеригатан.

Клинтон поднял веки.

Он уже давно считал Ваденшё балластом. Тот совершенно не подходил на роль главнокомандующего ударной силы шведской обороны. Клинтон не мог понять, как они с Хансом фон Роттингером могли совершить в свое время столь фундаментальную ошибку, посчитав Ваденшё подходящим преемником.

Биргер – парус, которому необходим попутный ветер. В момент кризиса он проявил слабость и полную неспособность принимать решения. Пугливый и бесхребетный, на роль капитана во время шторма он явно не годился – если б они допустили его до штурвала, он оказался бы совершенно недееспособен и обрек бы «Секцию» на погибель.

Вот как все обстояло. Одним это по плечу. Другие же в момент истины всегда отступают.

– Вы хотели со мной поговорить? – спросил Ваденшё.
– Садись, – сказал Клинтон.
Ваденшё сел.
– Я пребываю в таком возрасте, когда у меня больше нет времени ходить вокруг да около. Я вынужден говорить без обиняков. Когда это закончится, я хочу, чтобы ты ушел с поста руководителя «Секции».
– Вот как?
– Ты хороший человек, Ваденшё, – уже мягче продолжал Клинтон. – Но заменить Гульберга, к сожалению, не способен. На тебя не следовало взваливать такую ответственность. Это наша с Роттингером ошибка – когда я заболел, нам стоило обстоятельнее рассмотреть вопрос о престолонаследовании.
– Вы меня всегда не любили.
– В этом ты ошибаешься. Ты был прекрасным администратором, когда «Секцией» руководили мы с Роттингером. Без тебя мы бы не справились, и я совершенно уверен в твоей лояльности. Но я сомневаюсь в твоей способности принимать решения.
Ваденшё вдруг горько усмехнулся.
– После этого я и сам не уверен, что хочу оставаться в «Секции».
– Теперь, когда Гульберга и Роттингера нет в живых, мне приходится принимать ключевые решения в одиночку. Ты же все последние месяцы последовательно саботируешь каждое мое решение.
– И опять я повторю – решения, которые вы принимаете, чудовищны. Они приведут к катастрофе.
– Возможно. Но твоя нерешительность гарантирует нам крах. А сейчас у нас, по крайней мере, появился шанс, и, похоже, все получается. «Миллениум» полностью заблокирован. Они, возможно, подозревают о нашем существовании, но у них нет документации, и они не могут разыскать ни ее, ни нас. Все их действия находятся под нашим жестким контролем.
Ваденшё посмотрел в окно, – там виднелись коньки крыш домов, расположенных по соседству.
– Нам осталось только распутать узел с дочерью Залаченко. Если кто-нибудь сунет нос в ее историю и воспримет ее всерьез, ситуация может выйти из-под контроля. Но через несколько дней начнется суд, а потом все будет кончено. На сей раз мы должны упечь ее так далеко и глубоко, чтобы она уже никогда больше не могла представлять для нас опасности.
Ваденшё покачал головой.
– Я тебя не понимаю, – сказал Клинтон.

– Конечно, еще бы… Вам только что исполнилось шестьдесят восемь. Вы покидаете этот скорбный мир. Вы принимаете нелепые решения, но тем не менее вам удалось околдовать Георга Нюстрёма и Юнаса Сандберга. Они слушаются вас так, словно вы – Бог-Отец.

– А я и есть Бог-Отец во всем, что касается «Секции». Мы действуем по плану. Благодаря нашей одержимости у «Секции» появился шанс. И я со всей уверенностью заявляю, что «Секция» никогда больше не попадет в такую безнадежную ситуацию. Когда все закончится, нам придется провести тотальную проверку ее деятельности.

– Понимаю.

– Новым руководителем мы назначим Георга Нюстрёма. Он, конечно, слишком стар, но других кандидатов у нас нет, а он пообещал остаться еще минимум на шесть лет. Сандберг слишком молод и неопытен, потому что ты пренебрегал его обучением. А ведь ему следовало бы уже быть полностью ко всему готовым.

– Клинтон, неужели вы не понимаете, что натворили? Вы убили человека. Бьёрк проработал на «Секцию» тридцать пять лет, а вы приказали его убить. Неужели вам не ясно…

– Ты ведь знаешь, что это было необходимо. Он нас предал. К тому же, он бы не выдержал, если б полиция начала его прессовать.

Валеншё поднялся.

– Я еще не все сказал.

– Тогда нам придется отложить нашу беседу. Вы тут лежите и воображаете себя Господом Всемогущим, а меня ждет работа.

Ваденшё направился к двери.

– Если ты корчишь из себя такую морально непогрешимую личность, то почему бы тебе не пойти к Бублански и не сознаться в своих преступлениях?

Ваденшё повернулся к больному.

– Эта мысль приходила мне в голову. Но что бы вы там ни фантазировали, я всегда защищаю интересы «Секции».

Открыв дверь, он столкнулся с Георгом Нюстрёмом и Юнасом Сандбергом.

– Привет, Клинтон, – сказал Нюстрём. – Нам необходимо кое-что обсудить.

– Заходите. Ваденшё как раз уходит.

Нюстрём подождал, пока дверь закроется.

– Фредрик, я не нахожу себе места, – сказал Нюстрём.

– Что случилось?

– Мы с Сандбергом тут размышляли… Происходят какие-то непостижимые события. Сегодня утром адвокат Саландер передала прокурору ее автобиографию.

– Что?..

Инспектор уголовной полиции Ханс Фасте разглядывал Аннику Джаннини, пока прокурор Рикард Экстрём наливал из термоса кофе. Экстрёма шокировал документ, который он получил, приехав утром на работу. Они с Фасте вместе прочитали сорок страниц, на которых излагалась история Лисбет Саландер, и потом долго обсуждали этот загадочный документ. В конце концов Экстрём решил пригласить Аннику Джаннини для неформальной беседы.

Они уселись в кабинете Экстрёма, за небольшим столом для совещаний.

– Спасибо, что согласились заглянуть, – начал Экстрём. – Я прочитал эту… объяснительную записку, которую вы представили сегодня утром, и испытываю потребность снять кое-какие вопросительные знаки…

– Неужели? – с сочувствием откликнулась Анника.

– Даже не знаю, с чего начать… Вероятно, прежде всего мне следует объяснить, что мы с инспектором Фасте глубоко озадачены.

– Вот как?

– Я пытаюсь угадать ваши намерения.

– Что вы имеете в виду?

– Эта автобиография, или как там ее следует называть… позвольте спросить, какие цели она преследует?

– По-моему, цели вполне определенные. Моя клиентка хочет изложить свою версию событий.

Экстрём добродушно засмеялся и провел рукой по бородке уже хорошо знакомым жестом, который почему-то начал Аннику раздражать.

– Да, но для объяснений у вашей клиентки было несколько месяцев. Она не сказала ни слова на всех допросах, на которые ее вызывал Фасте.

– Насколько мне известно, у нас нет закона, который обязывает ее говорить тогда, когда это удобно инспектору Фасте.

– Да, но я имею в виду… Через два дня начинается судебный процесс над Саландер, и вдруг она в самый последний момент решила представить эти откровения. Я в данном случае испытываю ответственность, которая несколько выходит за рамки моих прокурорских функций.

– Вот как?

– Но я ни при каких обстоятельствах не хотел бы, чтобы вы

восприняли мои слова как оскорбление. Это никак не входит в мои намерения. Однако в нашей стране существуют процессуальные нормы. А вы, фру Джаннини, являетесь адвокатом по защите прав женщин и раньше никогда не представляли клиентов в уголовном процессе. Я предъявил Лисбет Саландер обвинение не потому, что она женщина, а потому, что она совершила преступления с применением насилия. Полагаю, вы тоже наверняка понимаете, что она серьезно больна психически и нуждается в лечении и помощи общества.

– Позвольте, я вам помогу, – любезно ответила Анника Джаннини. – Вы боитесь, что я не обеспечу Лисбет Саландер полноценной защиты.

– В этом нет ничего оскорбительного, – сказал Экстрём. – Я не ставлю под сомнение вашу компетентность. Я лишь указываю на то, что у вас нет опыта.

– Я понимаю. Позвольте сказать, что я с вами полностью согласна. У меня совсем нет опыта в уголовных делах.

– И тем не менее вы последовательно отказывались от помощи значительно более опытных адвокатов…

– В соответствии с пожеланием моей клиентки. Лисбет Саландер хочет видеть своим адвокатом меня, и через два дня я буду представлять ее интересы в суде. – Она вежливо улыбнулась.

– О’кей. Но меня интересует, неужели вы на полном серьезе собираетесь представить суду содержание этого сочинения?

– Естественно. Это история Лисбет Саландер.

Экстрём и Фасте покосились друг на друга. Последний поднял брови. Он не понимал, чего, собственно, добивается прокурор. Если Джаннини не соображает, что полностью потопит свою клиентку, то какое, черт подери, до этого дело Экстрёму? Надо просто с благодарностью согласиться и покончить с этим.

Фасте ни на секунду не сомневался в том, что Саландер неадекватная. Он пытался, привлекая все свои навыки, заставить ее сказать хотя бы, где она живет. Но эта проклятая девчонка допрос за допросом сидела, словно язык проглотила, и разглядывала стену у него за спиной. Она отказывалась принимать из его рук сигареты, кофе или прохладительные напитки. Она никак не реагировала, когда он обращался к ней или, в минуты сильного раздражения, повышал голос.

Никакие другие допросы в жизни Ханса Фасте не стоили ему столько нервов.

Он вздохнул.

– Фру Джаннини, – сказал в конце концов Экстрём. – Я считаю, что

вашу клиентку следовало бы избавить от суда. Она больна. Я опираюсь на результаты высококвалифицированной судебно-медицинской экспертизы. Саландер следует предоставить психиатрическое лечение, в котором она уже давно нуждается.

– В таком случае вы, вероятно, предложите это в суде.

– Разумеется. В мои задачи не входит учить вас, как строить ее защиту. Но если вы всерьез намерены придерживаться определенной линии, то складывается совершенно абсурдная ситуация. Автобиография содержит безумные и беспочвенные обвинения в адрес ряда лиц… особенно в адрес ее бывшего опекуна, адвоката Бьюрмана, и доктора Петера Телеборьяна. Надеюсь, вы не рассчитываете, что суд примет во внимание какие-либо заявления, которые, без всякого намека на доказательства, ставят под сомнение деятельность Телеборьяна. Этот документ станет – прошу простить за сравнение – последним гвоздем в крышке гроба вашей клиентки.

– Я понимаю.

– Вы можете во время процесса заявить, что она не больна, и потребовать дополнительной судебно-медицинской экспертизы, и тогда дело будет передано в Государственное управление судебной медицины. Но, честно говоря, при наличии этой объяснительной записки от Саландер нет никакого сомнения в том, что любые другие судебные психиатры придут к такому же выводу, как Петер Телеборьян. Ее собственный рассказ является неопровержимым документальным доказательством, что у нее параноидальная шизофрения.

Анника Джаннини вежливо улыбнулась.

– Но не исключен и альтернативный вариант, – сказала она.

– Какой же? – поинтересовался Экстрём.

– Например, что ее рассказ абсолютно правдив и что суд решит ему поверить.

Казалось, прокурор Экстрём очень удивлен. Потом он вежливо улыбнулся и снова погладил бородку.

Фредрик Клинтон, сидя за маленьким столиком у себя комнате возле окна, внимательно слушал Георга Нюстрёма и Юнаса Сандберга. Его лицо пересекали глубокие морщины, но глаза созерцали окружающее сосредоточенно и напряженно, а зрачки казались двумя горошинками черного перца.

– Мы следили за телефонными переговорами и электронной почтой главных сотрудников «Миллениума» начиная с апреля, – сказал Клинтон. –

Наблюдение показывало, что Блумквист, Малин Эрикссон и этот самый Кортес близки к отчаянию. Мы прочитали гранки следующего номера «Миллениума». Похоже, что Блумквист теперь и сам считает, что у Саландер все-таки не все дома. Он пытается оправдывать ее с социальной точки зрения – она, вроде бы, не получила от общества той поддержки, на которую могла рассчитывать, поэтому ее вину в попытке убить отца должны разделить и те, кто ее окружали… Но ведь подобные аргументы никого не могут убедить. Там нет ни слова о вторжении в его квартиру или о нападении на его сестру в Гётеборге и об исчезнувших отчетах. Он знает, что ничего не может доказать…

– В том-то и дело, – заметил Юнас Сандберг. – Блумквист, конечно, знает, что что-то не так. Но ведет себя так, будто ничего не замечает. Простите, но это не в стиле «Миллениума». Кроме того, в редакцию вернулась Эрика Бергер. Но весь следующий номер «Миллениума» вообще бессодержателен…

– Что ты хочешь сказать… Что это фальшивка?

Юнас Сандберг вздохнул.

– Летний номер «Миллениума» вообще-то должен был выйти в последнюю неделю июня. Судя по тому, что Малин Эрикссон писала по электронной почте Микаэлю Блумквисту, этот номер должен печататься на одном предприятии в Сёдертелье. Но когда я сегодня связался с предприятием, оказалось, что им еще даже не сдали оригинал. У них имеется только коммерческое предложение, полученное месяц назад.

– Ну и ну, – хмыкнул Фредрик Клинтон.

– А где они печатались раньше?

– В какой-то типографии в Моргонгове, с названием «Рекламная типография Халльвига». Я позвонил туда, сделав вид, что работаю в «Миллениуме», и спросил, как далеко они продвинулись. Директор типографии отказался говорить на эту тему. Я собираюсь вечером туда наведаться.

– Ясно. Георг, что у тебя?

– Я проверил все доступные телефонные разговоры за последнюю неделю, – сказал Нюстрём. – Странно, но никто из сотрудников «Миллениума» не обсуждает ничего, связанного с судом или с делом Залаченко.

– Ничего?

– Да. Упоминания об этом всплывают только в разговорах с людьми, не имеющими отношения к «Миллениуму». Вот, послушайте. Микаэлю Блумквисту звонит репортер из газеты «Афтонбладет» и интересуется,

может ли тот как-то прокомментировать готовящийся процесс.

Он поставил на стол магнитофон.

– Сорри, без комментариев.

– Вы же участвовали в этой истории с самого начала. Ведь это вы обнаружили Саландер в Госсеберге. И вы пока не опубликовали ни единого слова. Когда вы собираетесь что-нибудь напечатать?

– Когда сочту целесообразным. При условии, что мне будет что печатать.

– Но материал у вас есть?

– Ну, купите «Миллениум» и все узнаете.

Он выключил магнитофон.

– Раньше мы как-то об этом не задумывались, но я прокрутил назад и прослушал разговоры выборочно. Так было все время. Когда речь заходит о деле Залаченко, Блумквист почти всегда уходит в кусты. Не говорит об этом даже со своей сестрой, хотя она защищает Саландер.

– Может, ему действительно нечего сказать?

– Он упорно отказывается выдвигать какие бы то ни было версии. Такое впечатление, что Блумквист круглосуточно живет в редакции и почти не бывает дома на Бельмансгатан. А если он круглосуточно работает, то должен был бы создать нечто большее, чем эта ерунда в очередном номере «Миллениума».

– А прослушивать редакцию мы по-прежнему не можем?

– Нет, – вступил в разговор Юнас Сандберг. – В редакции постоянно кто-нибудь находится. Кстати, обратите внимание…

– Да?

– С того дня, как мы побывали в квартире у Блумквиста, в редакции все время кто-то есть. Блумквист там днюет и ночует, в его кабинете постоянно горит свет. Если не он, то или Кортес, или Малин Эрикссон, или этот гей… э-э, Кристер Мальм.

Клинтон провел рукой по подбородку и ненадолго задумался.

– Ладно. Какие выводы?

Георг Нюстрём немного поколебался.

– Ну… Пожалуй, я предположил бы, что они разыгрывают для нас спектакль.

Клинтон почувствовал, как по затылку пополз холод.

– Но почему мы не заметили этого раньше?

– Мы слушали то, что произносилось, а не то, что умалчивалось. Мы

радовались, замечая их растерянность или читая их электронную почту. Блумквист понимает, что кто-то похитил отчет о Саландер девяносто первого года и у него, и у сестры. Но что же ему, черт побери, делать?

– Они не заявляли в полицию о нападении?

Нюстрём помотал головой.

– Джаннини присутствует на допросах Саландер. Она любезна, но не говорит ничего существенного. А Саландер просто молчит.

– Но ведь это нам на руку. Чем меньше она открывает рот, тем лучше. Что говорит Фасте?

– Я встречался с ним два часа назад. Он как раз получил эти показания Саландер. – Нюстрём показал на копию, которая лежала на коленях у Клинтона. – Экстрём в растерянности. Нам повезло, что литературные возможности Саландер весьма ограниченны. Для непосвященных эта автобиография – иллюстрация к теории заговоров с элементами порнографии. Но она попадает точно в цель. Она абсолютно достоверно излагает, как ее заперли в клинику Святого Стефана, утверждает, что Залаченко работал на СЭПО и тому подобное. Саландер упоминает, что речь, как ей кажется, идет о некоей структуре внутри СЭПО, то есть фактически подозревает существование «Секции». В целом она все очень точно описывает. Хотя, как я уже сказал, ее творчество не вызывает доверия. Экстрём растерян, поскольку, похоже, что Джаннини собирается использовать эти записки в суде, как материал для защиты.

– Черт возьми! – воскликнул Клинтон.

Он опустил голову и несколько минут напряженно думал. Под конец поднял взгляд.

– Юнас, поезжай вечером в Моргонгову и проверь, что там делается. Если они печатают «Миллениум», мне нужна копия.

– Я возьму с собой Фалуна.

– Отлично. Георг, я хочу, чтобы ты во второй половине дня пошел к Экстрёму и прощупал его. До сих пор все шло как по маслу, но отмахнуться от этих ваших соображений я не могу.

– О’кей.

Клинтон опять немного помолчал.

– Лучше бы суда вообще не было… – сказал он под конец, поднял взгляд и посмотрел Нюстрёму в глаза.

Тот кивнул. Они понимали друг друга без слов.

– Нюстрём, проверь, какие у нас есть возможности.

Юнас Сандберг и слесарь по замкам Ларс Фаульссон, больше

известный как Фалун, припарковались неподалеку от железной дороги и двинулись пешком через местечко Моргонгова. Было девять часов вечера, и еще недостаточно стемнело, чтобы предпринимать какие-либо действия, но им хотелось разведать обстановку и составить общее впечатление.

– Если у них стоит сигнализация, я не хочу туда лезть, – сказал Фалун.

Сандберг кивнул.

– Тогда лучше пройтись по окнам. Если у них что-нибудь лежит, ты швырнешь в стекло камнем, схватишь то, что тебе надо, и бросишься наутек.

– Блестящая идея, – ответил Сандберг.

– Если тебе нужен только экземпляр журнала, мы можем заглянуть в мусорные контейнеры позади здания. Там наверняка будет брак, пробная печать или что-нибудь в этом роде.

Типография Халльвига располагалась в маленьком кирпичном здании. Они приближались к ней с юга, по другой стороне улицы. Сандберг уже собирался пересечь улицу, но Фалун схватил его за локоть.

– Продолжай идти прямо, – сказал он.

– Почему?

– Продолжай идти прямо, как будто мы просто совершаем вечернюю прогулку.

Они миновали типографию и обошли вокруг квартала.

– В чем дело? – спросил Сандберг.

– Надо смотреть глазами. У них там не просто сигнализация. Рядом со зданием стояла машина.

– Ты думаешь, там кто-нибудь есть?

– Эта машина из «Милтон секьюрити». Типография, блин, надежно охраняется.

– «Милтон секьюрити»! – воскликнул Фредрик Клинтон, у которого даже мурашки пробежали по спине.

– Если б не Фалун, я бы угодил прямо к ним в лапы, – сказал Юнас Сандберг.

– Они затевают какой-то сюрприз, – заявил Георг Нюстрём. – Иначе какого черта маленькой типографии в провинции нанимать для постоянного наблюдения «Милтон секьюрити»?

Клинтон вздохнул. Его рот напоминал узкую полоску. Было уже одиннадцать часов вечера, и ему требовался отдых.

– Следовательно, «Миллениум» что-то затевает, – сделал очевидный вывод Сандберг.

– Это я уже понял, – ответил Клинтон. – Ладно. Давайте проанализируем ситуацию. Каков самый худший сценарий? Что им может быть известно? – Он вопросительно посмотрел на Нюстрёма.

– Вероятно, отчет о Саландер, датированный девяносто первым годом, – сказал тот. – После того как мы выкрали копии, они усилили меры безопасности. Должно быть, догадались, что за ними следят. В худшем случае у них сохранилась еще одна копия отчета.

– Но Блумквист очень нервничал из-за того, что потерял отчет…

– Я знаю. Но нас вполне могли надуть. Такую возможность исключать нельзя.

Клинтон кивнул.

– Будем исходить из этого. Сандберг?

– Нам известно, как будет защищаться Саландер. Она расскажет правду, такую, какой она ей представляется. Я еще раз прочел ее так называемую автобиографию. Саландер, в общем-то, подыгрывает нам. Она излагает вульгарные обвинения в изнасиловании и нарушении ее прав, поэтому все это кажется просто пустой болтовней любительницы пофантазировать.

Нюстрём кивнул.

– Кроме того, она не сможет абсолютно ничего доказать. Экстрём использует ее оружие против нее самой и объявит ее показания недостоверными.

– О’кей. Телеборьян буквально превзошел себя – он выдал текст новой экспертизы. Конечно, нельзя исключать такой вариант, что Джаннини предъявит собственного эксперта, который заявит, что Саландер совершенно нормальная, и тогда дело передадут в Государственное управление судебной медицины. Но опять-таки – если Саландер не изменит тактику и снова откажется говорить, – они придут к выводу, что Телеборьян прав и она сумасшедшая. Она сама себе – злейший враг.

– И все-таки надежнее всего было бы не доводить дело до судебного процесса, – сказал Клинтон.

Нюстрём покачал головой.

– Это почти невозможно. Саландер сидит в изоляторе «Крунуберг» и с другими заключенными не общается. Ее ежедневно выводят на часовую прогулку в отдельный отсек на крыше, но там ее не достать. У нас нет своих людей среди персонала изолятора.

– Понятно.

– Если б мы хотели до нее добраться, лучше всего это было сделать, пока она лежала в Сальгренской больнице. Теперь мы можем действовать

только открыто. Убийцу почти на сто процентов поймают. А где найдешь «стрелка», который на это пойдет? А скомстролить самоубийство или несчастный случай за столь короткий срок просто невозможно.

– Я тоже так думаю. К тому же, неожиданные смерти вызывают массу расспросов… Ладно, посмотрим, чем дело обернется в суде. Ведь, в сущности, ничего не изменилось. Мы все время ждали от них ответного хода – очевидно, эта ее так называемая автобиография и есть ответный ход.

– Но наша проблема заключается в «Миллениуме», – заметил Юнас Сандберг.

Остальные закивали.

– «Миллениум» и «Милтон секьюрити», – задумчиво произнес Клинтон. – Саландер работала на Арманского, а Блумквист состоял с нею в близких отношениях. Можем ли мы сделать вывод, что они объединились?

– Это вполне логично, раз «Милтон секьюрити» охраняет типографию, где печатается «Миллениум». Это не может быть случайностью.

– О’кей. Когда же они собираются выпустить номер? Сандберг, ты утверждаешь, что они задерживаются уже на две недели. Если предположить, что «Милтон секьюрити» охраняет типографию, чтобы никто заранее не добрался до свежего выпуска «Миллениума», значит, они собираются опубликовать материал, который хотят до поры до времени хранить в тайне. Так что вполне вероятно, что журнал уже напечатан.

– К началу судебного процесса, – сказал Юнас Сандберг. – Остальное маловероятно.

Клинтон кивнул.

– Но что же они могут там напечатать? Если события пойдут по наихудшему сценарию?

Все трое надолго задумались.

Первым после паузы заговорил Нюстрём.

– В худшем случае, как я уже говорил, у них сохранилась копия отчета девяносто первого года.

Клинтон с Сандбергом кивнули.

– Вопрос в том, как они смогут его использовать, – добавил Сандберг. – В отчете фигурируют Бьёрк и Телеборьян. Бьёрк мертв. Они предпримут атаку на Телеборьяна, но тот заявит, что просто проводил стандартную судебно-медицинскую экспертизу. Их слово против слова Телеборьяна – а тот, разумеется, просто откажется понимать, в чем его обвиняют.

– Что мы предпримем, если они опубликуют отчет? – поинтересовался Нюстрём.

– По-моему, тут у нас есть козырные карты, – ответил Клинтон. – Если начнется трепотня насчет отчета, все внимание сконцентрируется на СЭПО, а не на «Секции». И когда журналисты станут задавать вопросы, СЭПО извлечет его из архива…

– А там, разумеется, будет уже другой отчет, – добавил Сандберг.

– Шенке сдал в архив модифицированную версию, то есть ту, которую читал прокурор Экстрём. Ему присвоен порядковый номер. Мы сможем оперативно выдать СМИ массу дезинформации… Ведь оригинал, который раздобыл Бьюрман, у нас, а у «Миллениума» – всего лишь копия. Мы даже можем запустить свою версию, намекая на то, что Блумквист сам сфальсифицировал свою версию отчета.

– Отлично. Что еще может быть известно «Миллениуму»?

– О «Секции» они ничего знать не могут. Это исключено. Следовательно, они сосредоточатся на СЭПО, и в результате Блумквист предстанет как великий конспиролог, автор теории заговоров. И тогда СЭПО станет уверять, что у него тоже съехала крыша.

– Его довольно хорошо знают, – задумчиво произнес Клинтон. – После истории с Веннерстрёмом он пользуется большим доверием.

Нюстрём кивнул.

– Можем ли мы как-нибудь подорвать это доверие? – поинтересовался Юнас Сандберг.

Нюстрём с Клинтоном обменялись взглядами, потом оба кивнули. Клинтон посмотрел на Нюстрёма.

– Ты мог бы достать, ну скажем, грамм пятьдесят кокаина?

– Возможно, у югославов.

– О’кей. Попробуй. Но дело безотлагательное. Судебный процесс начинается через два дня.

– Я не понимаю… – начал Юнас Сандберг.

– Этот трюк столь же стар, как и наша профессия. Но по-прежнему весьма эффективен.

– Моргонгова? – переспросил Торстен Эдклинт и нахмурился.

Он сидел в халате на диване у себя дома и уже в третий раз читал автобиографию Лисбет Саландер. Его отвлек звонок Моники Фигуэрола. Поскольку было уже далеко за полночь, он предположил, что случилось что-то из ряда вон выходящее.

– Моргонгова, – повторила Моника. – Сандберг с Ларсом Фаульссоном отправились туда сегодня вечером, около семи часов. Курт Свенссон из команды Бублански не упускал их из виду. Не такая уж сложная задача,

поскольку машина Сандберга снабжена определителем местоположения. Они припарковались поблизости от старой железнодорожной станции, а потом прогулялись по нескольким кварталам, вернулись к машине и уехали в Стокгольм.

– Понял. Они с кем-то встречались, или…

– Нет. В том-то и загвоздка. Они приехали, вылезли из автомобиля, прогулялись, сели в машину и вернулись в Стокгольм.

– Ну, и зачем ты звонишь мне в половине первого ночи и все это рассказываешь?

– Мы не сразу, но сообразили. Они прогуливались мимо здания, где помещается типография. Я поговорила с Микаэлем Блумквистом – там печатается «Миллениум».

– Вот черт, – произнес Эдклинт, сразу сообразивший, что к чему.

– Судя по присутствию Фалуна, они, вероятно, собирались нанести поздний визит в типографию, но в последний момент отменили операцию, – сказала Моника.

– Почему же?

– Потому что Блумквист попросил Драгана Арманского охранять типографию до тех пор, пока журнал не попадет к распространителям. Они, вероятно, увидели машину «Милтон секьюрити». Я решила, что вам захочется получить эту информацию незамедлительно.

– Ты не ошиблась. Это означает, что они почуяли что-то неладное…

– В любом случае до них дошло, что туда лучше не совать свои носы, когда они увидели машину. Сандберг высадил Фаульссона в центре и вернулся на Артиллеригатан. Мы знаем, что там находится Фредрик Клинтон. Георг Нюстрём прибыл примерно в то же время. Вопрос в том, как нам действовать.

– Суд начинается во вторник… Позвони Блумквисту и попроси его усилить меры безопасности в «Миллениуме». На случай непредвиденных обстоятельств.

– Вообще-то, они очень неплохо справляются с задачей охраны. А уж телефоны прослушивают на высоком профессиональном уровне. Блумквист, буквально как параноик, разработал целую методику обманных маневров, которая вполне могла бы пригодиться и нам.

– О’кей. Но в любом случае позвони ему.

Моника Фигуэрола выключила мобильник и положила его на прикроватную тумбочку. Затем подняла взгляд и посмотрела на Микаэля Блумквиста, который лежал голым, упираясь в спинку кровати.

– Я должна позвонить тебе и предложить усилить охрану «Миллениума», – сказала она.

– Спасибо за совет, – сухо откликнулся он.

– Я не шучу. Если они почуяли неладное, есть риск, что они проколятся. Не исключено, что они сейчас вламываются к вам.

– Там сегодня ночует Хенри Кортес. И у нас стоит сигнализация на случай взлома, напрямую соединенная с «Милтон секьюрити», а они находятся в трех минутах ходьбы.

Секунду Микаэль помолчал, затем буркнул:

– Параноик…

Глава 24

Понедельник, 11 июля

В понедельник в шесть утра у Блумквиста зазвонил мобильник T10. Это была Сусанн Линдер из «Милтон секьюрити».

– Ты, что, никогда не спишь? – поинтересовался заспанный Микаэль.

Он покосился на Монику, которая уже стояла в спортивных шортах, но еще не успела надеть футболку.

– Время от времени все-таки я сплю. Но меня разбудил звонок ночного дежурного. Сигнализация, которую мы установили в твоей квартире, сегодня в три часа ночи сработала.

– Вот как?

– Мне пришлось поехать и проверить, что случилось. Дело довольно запутанное. Не мог бы ты заглянуть утром к нам, в «Милтон секьюрити»? И, пожалуйста, не откладывай.

– Это уже серьезно, – заявил Драган Арманский.

Они встретились в начале девятого перед телевизионным монитором в конференц-зале «Милтон секьюрити». На встречу явились Драган Арманский, Микаэль Блумквист и Сусанн Линдер. Арманский также пригласил шестидесятидвухлетнего Юхана Фреклунда, в прошлом инспектора уголовной полиции в Сольне[77], а сейчас начальника оперативного подразделения «Милтон секьюрити», и сорокавосьмилетнего бывшего инспектора полиции Сонни Бомана, который с самого начала следил за делом Лисбет Саландер. После того как Сусанн Линдер прокрутила запись с камеры наблюдения, они принялись активно обсуждать ситуацию.

– Мы видим, как Юнас Сандберг сегодня ночью в три часа семнадцать минут открывает дверь квартиры Микаэля Блумквиста. У него есть собственные ключи. Вы помните, что слесарь Фаульссон снял слепок с запасных ключей Блумквиста, когда они с Йораном Мортенссоном несколько недель назад совершили незаконное проникновение в квартиру?

Арманский мрачно кивнул.

– Сандберг находится в квартире чуть более восьми минут. За это время он проделывает следующее: приносит с кухни маленький полиэтиленовый пакетик и наполняет его, потом откручивает заднюю стенку динамика, который находится у тебя в гостиной, Микаэль, и

помещает туда пакетик.

– Ничего себе, – произнес Блумквист.

– Примечательно, что он берет пакетик с твоей кухни.

– Это пакетик из «Консума», в котором у меня были багеты, – объяснил Микаэль. – Я обычно храню такие пакетики, чтобы класть туда сыр и тому подобное.

– Я дома тоже так делаю. При этом, разумеется, что на пакетике имеются твои отпечатки пальцев. Потом он приносит старую газету из лежащего в прихожей мешка с мусором и вырывает из нее страницу, чтобы завернуть некий предмет, который затем помещает на верхнюю полку твоего платяного шкафа.

– Однако… – откликнулся Микаэль.

– И здесь то же самое. На газете имеются твои отпечатки пальцев.

– Понятно.

– Я приехала к тебе на квартиру около пяти утра и обнаружила следующее. В твоем динамике находится около ста восьмидесяти грамм кокаина. Я взяла оттуда один грамм для анализа. – Она положила на стол маленький пакетик с доказательством.

– А что находится в шкафу? – поинтересовался Микаэль.

– Примерно сто двадцать тысяч крон наличными.

Арманский знаком велел Сусанн Линдер выключить монитор и посмотрел на Фреклунда.

– Стало быть, Микаэль Блумквист причастен к торговле кокаином, – добродушно заявил Фреклунд. – Они явно разволновались по поводу того, чем он занимается.

– Это и есть ответный ход, – сказал Микаэль.

– Ответный ход?

– Вчера вечером они обнаружили ваших охранников в Моргонгове.

Он рассказал о том, что узнал от Моники относительно поездки Сандберга в типографию.

– Шустрый мерзавец, – буркнул Сонни Боман.

– Но почему именно сейчас?

– Они явно нервничают по поводу того, что может предпринять «Миллениум», когда начнется суд, – сказал Фреклунд. – Если Блумквиста арестуют за торговлю кокаином, доверие к нему будет основательно подорвано.

Сусанн Линдер кивнула.

Микаэль не вполне понимал, что происходит.

– Но что же нам делать в сложившейся ситуации? – спросил

Арманский.

– Давайте пока ничего не будем делать, – предложил Фреклунд. – Придержим козыри на руках. У нас имеется отличное документальное подтверждение того, что Сандберг подкинул наркотики и деньги тебе в квартиру, Микаэль. Пускай ловушка захлопнется. Мы сможем немедленно доказать твою невиновность, и, кроме того, это станет лишним доказательством преступных действий «Секции». Хотел бы я оказаться на месте прокурора, когда эти весельчаки предстанут перед судом…

– Не знаю, – медленно произнес Микаэль Блумквист. – Суд начинается послезавтра. «Миллениум» выйдет в пятницу, на третий день судебного процесса. Если они собираются засадить меня за торговлю кокаином, то это, вероятно, произойдет раньше… А я до выхода журнала ничего не смогу объяснить. Это означает, что я рискую оказаться за решеткой и пропустить начало судебного процесса.

– Иными словами, тебе следует на неделю куда-нибудь скрыться, – предложил Арманский.

– Но я собирался поработать вместе с ТВ-четыре и еще кое-что подготовить. Это было бы так некстати…

– Почему все-таки именно сейчас? – поинтересовалась вдруг Сусанн Линдер.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Арманский.

– У них было три месяца на то, чтобы опорочить Блумквиста. Почему они взялись за дело именно сейчас? Ведь что бы они сейчас ни предпринимали, журнал ведь все равно выйдет.

Все на некоторое время замолчали.

– Это может быть связано с тем, что они не понимают, *что именно* ты собираешься опубликовать, Микаэль, – предположил Арманский. – Они знают, что ты что-то замышляешь… Но, возможно, думают, что у тебя есть только отчет Бьёрка от девяносто первого года.

Блумквист неуверенно кивнул.

– Им не приходит в голову, что ты собираешься разоблачить всю «Секцию». Если речь идет только об отчете Бьёрка, то вполне достаточно подорвать к тебе доверие. Твои потенциальные разоблачения будут обесценены фактом твоего ареста. Разразится громкий скандал: известный журналист Микаэль Блумквист арестован за преступление, связанное с наркотиками, ему светит от шести до восьми лет тюрьмы…

– Вы можете сделать мне две копии этой записи? – попросил Микаэль.

– Что ты собираешься делать?

– Отдать одну копию Эдклинту. А потом я через три часа встречаюсь с

ТВ-четыре. Думаю, лучше, чтобы мы были готовы сразу показать это по телевидению, к тому моменту, когда грянет гром.

Моника Фигуэрола выключила DVD-проигрыватель и положила пульт дистанционного управления на стол. Они собрались во временном офисе на Фридхемсплан.

– Кокаин, – сказал Эдклинт. – Они используют грубые методы.

Моника выглядела озабоченной. Она покосилась на Микаэля.

– А вы просто молодец, что раздобыли необходимую информацию, – сказал Эдклинт.

– Мне это не нравится, – заметила Фигуэрола. – Они явно спешат и совершают прокол за проколом. И все же они должны понимать, что если вас арестуют за преступление, связанное с наркотиками, вы не позволите им так просто засадить себя в тюрьму.

– Ну да, – сказал Микаэль.

– Даже если вас осудят, все равно останется риск, что народ поверит вашим разоблачениям. Да и ваши коллеги из «Миллениума» не станут молчать.

– Кроме того, это довольно накладно, – добавил Эдклинт. – Значит, их бюджет позволяет, не моргнув глазом, выложить сто двадцать тысяч крон плюс стоимость кокаина…

– Понимаю, – согласился Микаэль. – Но их план все же вполне оправдан. Они рассчитывают на то, что Лисбет Саландер попадет в психушку, а меня заставят замолчать как потенциального преступника. К тому же они предполагают, что все внимание будет сосредоточено на СЭПО, а не на «Секции». Они не такие уж дураки и все просчитали.

– Но как они намерены убедить отдел по борьбе с наркотиками заявиться с обыском к вам домой? Ведь анонимной кляузы явно недостаточно, чтобы кто-то мог вломиться в квартиру известного журналиста. А чтобы все это сработало, вы должны попасть под подозрение в ближайшие сутки.

– Конечно, мне неведомы те сроки, которые они сами себе установили, – сказал Микаэль.

Чувствуя себя измотанным и желая, чтобы все поскорее закончилось, он поднялся.

– Куда вы сейчас? – поинтересовалась Моника. – Я бы хотела знать, где вы в ближайшее время предполагаете находиться.

– К обеду я должен встретиться с журналистом из ТВ-четыре. А потом, в шесть часов, у меня назначена встреча с Эрикой Бергер, за котелком с

бараниной у Самира. Нам надо доработать пресс-релиз, с которым мы собираемся выступить. Остаток вечера я, вероятно, проведу в редакции.

Глаза Моники немного сузились, когда он упомянул про Эрику Бергер.

– Я хочу, чтобы в течение дня вы поддерживали со мной контакт. Лучше всего, если мы будем на связи вплоть до начала судебного процесса.

– О’кей. Может, мне стоит на пару дней переехать к вам домой, – сказал Микаэль и улыбнулся, как будто пошутил.

Фигуэрола помрачнела и покосилась на Эдклинта.

– Моника права, – заявил тот. – Думаю, вам лучше всего держаться в тени, пока все не закончится. Если вас арестует наркополиция, вам придется до начала суда хранить молчание.

– Не беспокойтесь, – заверил Микаэль. – Я не намерен поддаваться приступам паники и тем самым рисковать. Занимайтесь своими задачами, а я займусь своими.

«Та, с ТВ-4» не могла сдержать реакцию восторга по поводу переданного Микаэлем Блумквистом нового видеоматериала. Тот снисходительно улыбался, наблюдая за нею – ее охота за сенсациями его обезоружила. Целую неделю они трудились, как пчелки, чтобы собрать более или менее доступный материал о «Секции» для телевидения. И ее продюсер, и шеф информационного отдела ТВ-4 понимали, какой сенсацией станет эта история. Материал готовился в строжайшей тайне, в которую посвятили всего несколько человек. Микаэль выдвинул требование дать сюжет в эфир только вечером на третий день судебного процесса. Они решили подготовить часовой выпуск «Новостей» с комментариями.

Микаэль показал ей массу обычных фотографий, но магия телевидения заключается в демонстрации движущихся картинок, и ничто не может с ними конкурировать. Качественная видеозапись, зафиксировавшая, как конкретный названный по имени полицейский подсовывает кокаин в квартиру Микаэля Блумквиста, привела ее в состояние обморока.

– Это будет настоящий шок, – сказала она. – Заставка: «СЭПО подкладывает кокаин в квартиру журналиста».

– Не СЭПО, а «Секция», – поправил Микаэль. – Это разные структуры.

– Но ведь Сандберг, черт возьми, служит в СЭПО, – заспорила она.

– Да, но на самом деле он просто диверсант.

– Хорошо, пусть в центре внимания будет «Секция», не СЭПО.

Микаэль, ты можешь объяснить мне, каким образом всегда оказываешься втянутым в такие громкие скандалы?.. Но вообще ты прав – этот скандал выйдет похлеще дела Веннерстрёма.

– Мне кажется, у меня просто особый талант. По иронии судьбы, эта история тоже началась с дела Веннерстрёма, только другого – с дела о шпионаже в шестидесятых годах.

В четыре часа дня позвонила Эрика Бергер. Она отправилась на совещание в Объединение издателей газет, чтобы высказать свой взгляд на планирующиеся в «СМП» сокращения, по поводу которых после ее увольнения возник серьезный профсоюзный конфликт. Эрика объяснила, что не успеет, как договорились, приехать к шести часам на ужин в «Котелок Самира» и появится там не раньше половины седьмого.

Юнас Сандберг помог ветерану Фредрику Клинтону перебраться из инвалидного кресла на койку. Командный пост Клинтона разместился в комнате отдыха в ставке на Артиллеригатан. Клинтон только что вернулся в офис «Секции» после диализа, который занял всю первую половину дня. Он страшно устал и чувствовал себя настоящей старой развалиной. В последние дни Клинтон почти не спал и мечтал только о том, чтобы все наконец-то закончилось. Едва он успел устроиться на кровати, как к ним присоединился Георг Нюстрём. Клинтон собрался с силами и спросил:

– Все готово?

Нюстрём кивнул.

– Я только что встречался с братьями Николич, – отчитался он. – Это обойдется в пятьдесят тысяч.

– Средства у нас есть, – сказал Клинтон.

Черт возьми, если бы можно было вернуть молодость…

Он повернул голову и долго изучал по очереди Георга Нюстрёма и Юнаса Сандберга.

– Никаких моральных препятствий? – поинтересовался он.

Оба замотали головами.

– Когда? – спросил Клинтон.

– В течение двадцати четырех часов, – ответил Нюстрём. – Всегда чертовски трудно разнюхать, где находится Блумквист, но, в крайнем случае, они займутся им возле редакции.

Клинтон кивнул.

– У нас есть теоретическая возможность провернуть все сегодня вечером, через пару часов, – сказал Юнас Сандберг.

– Неужели?

– Ему недавно звонила Эрика Бергер. Они сегодня вечером ужинают в «Котелке Самира» – это ресторанчик недалеко от Бельмансгатан.

– Бергер… – медленно произнес Клинтон.

– Будем молить Бога, чтобы она не… – начал Нюстрём.

– Это было бы не так уж и плохо, – перебил его Сандберг.

Клинтон с Нюстрёмом уставились на него.

– Мы пришли к выводу, что Блумквист представляет для нас наибольшую опасность и что он, по всей видимости, в следующем номере «Миллениума» что-то опубликует. Мы не можем препятствовать этой публикации. Следовательно, мы должны подорвать к нему доверие. Если его убьют якобы в криминальной разборке, а потом полиция обнаружит у него в квартире наркотики и деньги, следствие сделает определенные выводы. В любом случае они не кинутся первым делом искать заговоры, имеющие отношение к Службе государственной безопасности.

Клинтон кивнул.

– Ведь отношения Бергер и Блумквиста носят интимный характер, – многозначительно добавил Сандберг. – Она замужем и изменяет мужу. Если и она погибнет при каких-то загадочных обстоятельствах, это вызовет массу разных слухов и домыслов.

Клинтон с Нюстрёмом обменялись взглядами.

Сандберг словно обладал природным талантом создавать дымовые завесы. Он вообще оказался талантливым учеником. Но Клинтона и Нюстрёма охватило минутное сомнение. Решимость Сандберга относительно устранения тех или иных персонажей шокировала их. Они этого не одобряли. Убийство – чрезвычайная мера, и к ней не следует прибегать только потому, что представилась удобная возможность. Это не универсальное решение проблем, а мера, применяемая лишь при отсутствии других вариантов.

Клинтон покачал головой.

Collateral damage[78], подумал он, внезапно почувствовав неприязнь ко всему предприятию.

Мы всю жизнь служили государству, а теперь уподобились наемным убийцам.

Залаченко пришлось устранить. А Бьёрк… Как ни прискорбно, но Гульберг был прав – Бьёрк наверняка подвел бы. Расправиться с Блумквистом, вероятно, тоже необходимо. Но Эрика Бергер ведь просто невинный свидетель…

Он покосился на Юнаса Сандберга. Оставалось надеяться, что этот молодой человек не превратится в психопата.

– Что известно братьям Николич?

– Ничего. В смысле, о нас. С ними встречался только я, а я представлялся другим именем, и им меня не выследить. Они думают, что убийство как-то связано с траффикингом.

– Что будут делать братья Николич после убийства?

– Они незамедлительно покинут Швецию, – ответил Нюстрём. – Как и в случае с Бьёрком. Если полицейское расследование не даст результатов, они смогут вернуться через несколько недель.

– А план?

– Сицилийская модель. Они просто подходят к Блумквисту, разряжают обойму и исчезают.

– Оружие?

– У них автоматическое оружие. Какого типа, я не знаю.

– Надеюсь, они не собираются замочить весь ресторан…

– Не волнуйтесь. Они хладнокровны и знают, что делают. Но если Бергер будет сидеть за одним столиком с Блумквистом…

Collateral damage.

– Послушайте, – сказал Клинтон. – Важно, чтобы Ваденшё не узнал о том, что мы имеем к этому отношение. Особенно если жертвой окажется еще и Эрика Бергер. Он уже и так напряжен до предела. Боюсь, что когда все закончится, нам придется отправить его на пенсию.

Нюстрём кивнул.

– Соответственно, получив известие об убийстве Блумквиста, мы должны разыграть спектакль. Мы созовем кризисное совещание и будем делать вид, что не ожидали такого поворота событий. Начнем дискуссию, кто может за этим стоять, не говоря ни слова о наркотиках, пока их не обнаружит полиция.

Микаэль Блумквист расстался с «Той, с ТВ-4» около пяти часов. Всю вторую половину дня они вместе дорабатывали материал, а потом у Микаэля взяли пространное интервью под запись.

Ему задали вопрос, на который он затруднился дать сколь-нибудь приемлемый ответ, и им пришлось несколько раз перезаписывать его реплику.

Как такое могло случиться, что сотрудники шведского государственного ведомства начали совершать убийства?

Микаэль долго размышлял над этим вопросом – еще до того, как «Та, с ТВ-4» его задала. «Секция», вероятно, рассматривала личность Залаченко как беспрецедентную угрозу, но такой ответ его все же не удовлетворял.

Микаэль в конце концов ответил на этот вопрос, но этот ответ тоже не показался ему исчерпывающим.

– Единственное вероятное, на мой взгляд, объяснение заключается в том, что «Секция» с годами преобразовалась в некую секту, в прямом смысле этого слова. Они уподобились Кнутбю[79] или пастору Джиму Джонсу[80], и живут по собственным законам; для них такие понятия, как «добро» и «зло», утратили привычный смысл, и они, похоже, полностью изолировались от привычного социума.

– Это похоже на некое психическое отклонение?

– Я бы не стал отрицать такую вероятность.

Он обнаружил, что в «Котелок Самира» идти еще рано. Он ощутил тревогу, но в то же время ему показалось, что жизнь вдруг возвращается к привычному руслу. Только после того, как Эрика Бергер вернулась в «Миллениум», он понял, как ему позарез ее не хватало. К тому же ее возвращение на пост главного редактора не привело к каким-либо внутренним конфликтам из-за того, что Малин Эрикссон пришлось снова занять должность ответственного секретаря редакции. Напротив, Малин просто светилась от счастья, потому что жизнь, по ее словам, вернулась к привычному распорядку.

После возвращения Эрики всем стало очевидно, насколько им в последние месяцы не хватало сотрудников. Эрика вернулась к своим обязанностям в «Миллениуме» с новыми силами и вдохновением. Им с Малин Эрикссон удалось решить часть накопившихся организационных проблем. Они также созвали общее собрание редакции, на котором приняли решение, что «Миллениуму» необходимо увеличить штат на одного или, возможно, двух сотрудников. Впрочем, никто не имел понятия, откуда взять на это деньги.

Микаэль купил вечерние газеты и отправился пить кофе в кафе «Ява» на Хурнсгатан. Он решил посидеть там, а потом отправиться на свидание с Эрикой.

Обвинитель Рагнхильд Густавссон из Генеральной прокуратуры отложила очки для чтения на стол и оглядела аудиторию в конференц-зале. Ей было пятьдесят восемь лет, на ее лице отчетливо проступили морщины, щеки напоминали яблоки, а коротко стриженные волосы тронуло сединой. Она уже двадцать пять лет служила прокурором, а в Генеральной прокуратуре работала с начала 1990-х годов.

Три недели назад ее внезапно вызвали в кабинет генерального

прокурора для встречи с Торстеном Эдклинтом. В тот день она собиралась закончить несколько рутинных дел и отправиться в отпуск на шесть недель, на дачу, на остров Хюсарё. Но все планы на отпуск пришлось отложить. Ей поручили вести следствие против группы представителей властной структуры, фигурировавших под псевдонимом «Секция». Густавссон сообщили, что в обозримом будущем это будет ее основной задачей и что ей предоставляется практически полная свобода действий в организации рабочего процесса и принятии необходимых решений.

– Это дело может стать одним из самых сенсационных расследований в истории Швеции, – заявил генеральный прокурор.

Рагнхильд Густавссон не стала бы с ним спорить.

Когда Торстен Эдклинт кратко изложил суть дела и доложил о ходе расследования, которое он проводил по поручению премьер-министра, она испытала почти шок. Расследование еще не было завершено, но Эдклинт посчитал, что продвинулся достаточно далеко и уже необходимо доложить обо всем прокурору.

Для начала она отсмотрела весь материал, представленный Торстеном Эдклинтом. Когда масштабы правонарушений стали очевидны, она пришла к выводу, что все принятые ею решения в дальнейшем войдут в историю и будут описаны в учебниках. С этого дня Густавссон каждую свободную минуту посвящала расследованию. Она пыталась разобраться в грандиозном перечне преступлений, которыми ей предстояло заниматься. С точки зрения шведской юридической практики, случай оказался беспрецедентным. Поскольку речь шла о раскрытии преступных действий, продолжавшихся как минимум тридцать лет, Рагнхильд Густавссон считала, что ей необходимо создать особую рабочую группу. Ей вспомнились итальянские государственные обвинители, которым в 1970-х и 1980-х годах приходилось вести дела против мафии почти подпольно. Она понимала, почему Эдклинт был вынужден собирать материал втайне. Он просто не знал, кому можно доверять.

Для начала она привлекла к работе троих сотрудников Генеральной прокуратуры, которых знала уже много лет. Затем обратилась к известному историку, который работал в Государственном совете по предупреждению преступности. Ей понадобились сведения о том, как в течение десятилетий формировались ведомства по обеспечению государственной безопасности. И наконец, формальным руководителем расследования она назначила Монику Фигуэрола.

Таким образом следствие по делу «Секции» обрело конституционные очертания. Теперь его можно было рассматривать как очередное

полицейское расследование – правда, при строжайшем запрете на разглашение информации.

За прошедшие две недели прокурор Густавссон приглашала к себе массу народу для формальных, но сугубо секретных переговоров. Помимо Эдклинта и Фигуэрола, она вызывала также инспектора уголовной полиции Бублански, Соню Мудиг, Курта Свенссона и Йеркера Хольмберга. Затем она допросила Микаэля Блумквиста, Малин Эрикссон, Хенри Кортеса, Кристера Мальма, Аннику Джаннини, Драгана Арманского, Сусанн Линдер и Хольгера Пальмгрена. За исключением сотрудников «Миллениума», которые принципиально не отвечали на вопросы, чтобы не раскрывать источники информации, все остальные добровольно предоставили все сведения и документы.

Рагнхильд Густавссон отнюдь не пришла в восторг от того, что ей передали составленный «Миллениумом» график, согласно которому от нее требовалось арестовать ряд людей в строго определенный день. Она считала, что для доведения расследования до стадии арестов необходимо несколько месяцев подготовки, но в данном случае выбора у нее не было. Микаэль Блумквист из журнала «Миллениум» сговорчивости не проявлял. Он не подчинялся никаким государственным постановлениям или регламентам и собирался опубликовать материал на третий день суда над Лисбет Саландер. Это вынуждало Рагнхильд Густавссон подстраиваться и наносить удар одновременно, чтобы подозреваемые, а также возможные доказательства не успели исчезнуть. Правда, Блумквиста, как ни странно, поддержали Эдклинт с Фигуэрола, и задним числом прокурор начала понимать, что блумквистовская модель имеет ряд явных преимуществ. Как прокурору СМИ оказывали ей поддержку, столь необходимую при возбуждении судебного преследования. Кроме того, при таком скоропалительном развитии событий информация об этом сложном расследовании не могла успеть просочиться в коридоры власти, а следовательно, и дойти до «Секции».

– Для Блумквиста самое главное заключается в том, чтобы добиться справедливости для Лисбет Саландер. А уж разоблачить «Секцию» получится само собой, – заметила Моника.

Судебный процесс над Лисбет Саландер начинался в среду – через два дня, – и на этом совещании предполагалось проанализировать доступный материал и распределить задания.

В совещании участвовали тринадцать человек. От Генеральной прокуратуры Рагнхильд Густавссон пригласила двух своих ближайших

сотрудников. От Отдела защиты конституции присутствовала руководитель следственной группы Моника Фигуэрола вместе с сотрудниками Стефаном Бладом и Андерсом Берглундом. Начальник Отдела защиты конституции Торстен Эдклинт присутствовал в качестве наблюдателя.

Рагнхильд Густавссон решила, что дело такого масштаба не должно замыкаться только на ГПУ/Без. Поэтому она пригласила инспектора уголовной полиции Яна Бублански и его группу, в которую входили Соня Мудиг, Йеркер Хольмберг и Курт Свенссон. Они занимались делом Саландер, начиная с Пасхи, и досконально изучили всю историю. Кроме того, она вызвала из Гётеборга прокурора Агнету Йервас и инспектора Маркуса Эрландера. Расследование дела «Секции» теснейшим образом примыкало к расследованию убийства Александра Залаченко.

Когда Моника Фигуэрола напомнила, что в качестве свидетеля, возможно, следует допросить бывшего премьер-министра Турбьёрна Фельдина, полицейские Йеркер Хольмберг и Соня Мудиг с беспокойством заерзали на стульях.

В течение пяти часов они называли поименно тех, кого считали активистами «Секции», затем перечисляли, какие преступления те совершили, и принимали решения об аресте. В общей сложности они насчитали семерых сотрудников, связанных с квартирой на Артиллеригатан. Помимо них удалось установить личности еще девяти человек, имевших отношение к «Секции», но никогда не посещавших Артиллеригатан. Они в основном работали в ГПУ/Без на Кунгсхольмене, но встречались с некоторыми из активистов «Секции».

– Мы по-прежнему не можем определить масштабы заговора. Нам неизвестно, при каких обстоятельствах эти лица встречаются с Ваденшё или еще с кем-либо. Они могут оказаться информаторами или думать, что работают на внутренние расследования или что-то подобное. Значит, с уверенностью говорить об их причастности мы сможем только после того, как допросим. Кроме того, это лишь те, на кого мы обратили внимание в течение тех недель, пока шло расследование. Значит, могут быть еще люди, о которых мы пока просто не знаем.

– А шеф канцелярии и финансовый директор…

– Про них мы можем с уверенностью сказать, что они работают на «Секцию».

В понедельник в шесть часов вечера Рагнхильд Густавссон объявила часовой перерыв на ужин, после чего предполагалось продолжить дискуссию.

Когда все встали и собрались расходиться, сотрудник Моники

Фигуэрола из оперативного подразделения Отдела защиты конституции Йеспер Тумс попросил минуту внимания, чтобы доложить о том, что удалось разузнать за последние часы.

– Клинтон бóльшую часть дня провел на диализе и вернулся на Артиллеригатан около пяти. Более пристальный интерес вызывает Георг Нюстрём, хотя мы не можем с уверенностью сказать, чем именно он занимался.

– И что же дальше? – уточнила Моника Фигуэрола.

– В тринадцать тридцать Нюстрём поехал на Центральный вокзал и встретился с двумя типами. Они дошли до отеля «Шератон» и выпили в баре кофе. Встреча продолжалась около двадцати минут, после чего Нюстрём вернулся на Артиллеригатан.

– Вот как. И с кем же он встречался?

– Мы не знаем. Это новые лица. Двое мужчин, лет по тридцать пять. Судя по внешности, восточноевропейского происхождения. К сожалению, наш оперативник потерял их из виду, когда они вошли в метро.

– Ага, – устало отозвалась Моника.

– Вот фотографии, – сказал Тумс, протягивая ей результаты оперативной съемки.

Она посмотрела на укрупненные изображения. Лица были ей незнакомы.

– Хорошо, спасибо, – сказала она, положила фотографии на стол и встала, чтобы что-нибудь поесть.

Стоявший рядом Курт Свенссон взглянул на снимки.

– Черт возьми, – сказал он. – А откуда тут взялись братья Николич?

Фигуэрола остановилась.

– Кто?

– Это два отъявленных подонка, – пояснил Курт Свенссон. – Томи и Миро Николичи.

– Ты знаешь, кто они?

– Да. Два брата из Худдинге. Они сербы. Мы несколько раз их разыскивали, когда им было лет по двадцать, а я работал в тамошней полиции. Из них двоих Миро Николич более опасен. Он, кстати, уже год как объявлен в розыск за нанесение тяжких телесных повреждений. А я-то думал, что они уехали в Сербию и сделались там политиками или что-то вроде этого…

– Политиками?

– Да. Они ездили в Югославию в первой половине девяностых годов и участвовали там в этнических чистках. Работали на босса мафии Аркана,

который нанял частную фашистскую полицию. Оба получили прозвище «стрелки».

– «Стрелки»?

– Да, то есть наемные убийцы. Некоторое время они болтались между Белградом и Стокгольмом. Их дядя владел ресторанчиком в районе Норрмальм, и они периодически вроде как числились у него на работе официально. До нас дошли сведения об их причастности по крайней мере к двум убийствам, связанным с внутренними разборками между югославами в так называемой сигаретной войне, но нам так и не удалось их за что-нибудь посадить.

Моника Фигуэрола молча разглядывала фотографии. Внезапно она страшно побледнела и пристально посмотрела на Торстена Эдклинта.

– Блумквист! – запаниковала она. – Им будет мало опозорить его. Они собираются его убить и предоставить полиции обнаружить кокаин в процессе расследования. А это позволит им сделать собственные выводы.

Эдклинт снова взглянул на нее.

– Он собирался встретиться с Эрикой Бергер в «Котелке Самира», – сказала Фигуэрола и схватила Курта Свенссона за плечо. – Ты вооружен?

– Да…

– Тогда пошли со мной!

Моника выбежала из конференц-зала. Ее кабинет находился через три двери по коридору. Она отперла дверь и выхватила из ящика письменного стола табельное оружие. Нарушая все правила, женщина оставила дверь в кабинет распахнутой и помчалась к лифтам. Курт Свенссон на секунду застыл в нерешительности.

– Ступай, – сказал ему Бублански. – Соня… отправляйся с ними.

Микаэль Блумквист явился в «Котелок Самира» в двадцать минут седьмого. Эрика Бергер только что пришла и успела найти свободный столик рядом с барной стойкой, неподалеку от входной двери. Она поцеловала Микаэля в щеку. Они заказали каждый по большому бокалу крепкого пива и по котелку с бараниной. Пиво им принесли сразу.

– Как поживает «Та, с ТВ-четыре»? – поинтересовалась Эрика Бергер.

– Холодна, как и всегда.

Эрика Бергер засмеялась.

– Кстати, она может стать для тебя навязчивой идеей. Только представить себе: есть девушка, не поддающаяся обаянию Блумквиста.

– Вообще-то за все эти годы таких девушек было немало, – скромно заметил Микаэль. – А как прошел твой день?

– Впустую. Но я согласилась принять участие в дебатах о «СМП» в Клубе публицистов. Мой последний вклад в это издание.

– Замечательно.

– Я так счастлива, что вернулась обратно в «Миллениум», – сказала Эрика.

– А я-то как рад этому, ты даже не представляешь… Никак в себя не приду.

– Мне снова нравится ходить на работу.

– Вот-вот.

– Я счастлива.

– А мне надо на минуту отойти, – сказал Микаэль, поднимаясь.

Он сделал несколько шагов и чуть не столкнулся с мужчиной лет тридцати пяти, как раз вошедшим в дверь. Микаэль отметил, что у того восточноевропейская внешность, и внимательно на него посмотрел. Затем он увидел автомат.

Когда они проезжали Риддархольмен, позвонил Торстен Эдклинт и сообщил, что ни Микаэль Блумквист, ни Эрика Бергер на звонки не отвечают. Возможно, оба отключили на время ужина мобильные телефоны.

Моника выругалась и проскочила площадь Сёдермальмсторг на скорости, приближавшейся к восьмидесяти километрам в час. Включив сигнал, она резко завернула на Хурнсгатан. Курт Свенссон схватился за дверцу машины – он как раз вытащил табельное оружие и проверял, заряжено ли оно. Соня Мудиг на заднем сиденье тоже готовилась к боевым действиям.

– Нам придется запросить подкрепление, – сказал Свенссон. – С братьями Николич шутки плохи.

Моника Фигуэрола кивнула.

– Поступим так, – распорядилась она. – Мы с Соней пойдем прямо в «Котелок Самира». Будем надеяться, что они сидят там. А ты, Курт, поскольку знаешь братьев Николич в лицо, останешься снаружи и будешь вести наблюдение.

– О’кей.

– Если все спокойно, мы сразу заберем Блумквиста с Бергер и отвезем их в управление. Если что-то не так, то останемся в ресторане и вызовем подкрепление.

– Хорошо, – согласилась Соня Мудиг.

Моника Фигуэрола все еще ехала по Хурнсгатан, когда у нее под панелью управления запищала полицейская рация.

Всем постам. Сигнал тревоги – выстрелы на Тавастгатан в районе Сёдермальма. Сигнал поступил из ресторана «Котелок Самира».

Монике стало дурно. Внутри у нее все оборвалось.

Эрика Бергер видела, как Микаэль Блумквист по дороге в туалет столкнулся у входной двери с мужчиной лет тридцати пяти. Она почему-то напряглась. Ей показалось, что этот неизвестный мужчина посмотрел на Микаэля с удивлением, и подумала, что, возможно, Микаэль с ним знаком.

Потом Эрика увидела, как мужчина шагнул назад и бросил сумку на пол. Поначалу она даже не поняла, что происходит. Мужчина поднял автомат и направил ствол на Микаэля, а она сидела, словно парализованная.

Блумквист среагировал мгновенно, не задумываясь. Он выбросил вперед левую руку, ухватился за ствол и направил его в потолок. На микроскопическую долю секунды дуло мелькнуло у него перед лицом.

Стрекотание автомата в тесном помещении прозвучало оглушительно. Миро Николич произвел одиннадцать выстрелов, на Микаэля с потолка дождем сыпались штукатурка и осколки ламп. На какой-то краткий миг журналист уставился прямо в глаза убийце.

Потом Миро Николич шагнул назад и рванул оружие на себя. Не ожидавший этого Микаэль выпустил ствол. До него вдруг дошло, что ему угрожает смертельная опасность. Но вместо того чтобы попытаться укрыться, он не раздумывая бросился прямо на убийцу. Позднее Микаэль понял, что, среагируй он иначе – если б присел или отступил назад, – его пристрелили бы на месте. Блумквист снова ухватился за ствол автомата и попытался всем своим весом прижать убийцу к стене. Услышав еще шесть или семь выстрелов, он стал отчаянно дергать за автомат, чтобы направить дуло в пол.

Когда раздалась вторая серия выстрелов, Эрика Бергер инстинктивно присела на корточки, стукнулась головой о стул и упала. Потом свернулась на полу, подняла взгляд и увидела, что на стене, прямо за тем местом, где она только что сидела, появились три пулевых отверстия.

В шоке она повернула голову и увидела, что Микаэль Блумквист дерется с мужчиной возле входа – опустившись на одно колено, пытается вырвать автомат, за который держится двумя руками, – а убийца дергается, стараясь высвободиться, и раз за разом бьет Микаэля кулаком в лицо и в висок.

Моника Фигуэрола резко затормозила перед «Котелком Самира», распахнула дверцу машины и бросилась к ресторану. Пистолет «ЗИГ-Зауэр» уже был у нее в руке, и, снимая его с предохранителя, она обратила внимание на стоящую возле самого ресторана машину.

Увидев за рулем Томи Николича, она через стекло направила пистолет ему в лицо и крикнула:

– Полиция! Руки вверх!

Томи Николич поднял руки.

– Выходи из машины и ложись на землю, – в бешенстве заорала Моника. Потом повернула голову и быстро взглянула на Курта Свенссона. – Ресторан!

Свенссон с Мудиг бросились через улицу.

Соня подумала о своих детях. Наперекор всем полицейским инструкциям, они с Куртом ворвались в помещение с оружием в руках, не дождавшись подкрепления, действовали без бронежилетов и без предварительного ознакомления с обстановкой.

Потом она услышала, как в ресторане раздался хлопок.

Микаэль Блумквист просунул средний палец между спусковым крючком и скобой, когда Миро Николич снова начал стрелять.

Сзади раздался звон бьющегося стекла. Убийца раз за разом давил на спуск, зажимая его палец. Микаэль испытывал отчаянную боль, но, пока палец оставался на месте, стрелять было невозможно. Сбоку ему на голову градом сыпались удары, и он вдруг ощутил, что ему сорок пять лет и что он очень плохо тренирован.

Я не справлюсь. Но надо держаться до конца.

Это была его первая здравая мысль с тех пор, как он увидел мужчину с автоматом.

Блумквист стиснул зубы и просунул палец еще дальше за спусковой крючок. Потом он уперся ногами, прижался плечом к туловищу убийцы и заставил себя снова встать на ноги. Затем выпустил автомат из правой руки и выставил вперед локоть, чтобы защититься от кулачных ударов. Тогда Миро Николич ударил его под дых и по ребрам. На секунду они вновь столкнулись лицом к лицу.

В следующее мгновение Микаэль почувствовал, что убийцу от него оттаскивают. Палец снова пронзила боль, и Микаэль увидел могучую фигуру Курта Свенссона. Крепко ухватив Миро Николича за шею, Свенссон буквально приподнял его и ударил головой о стену возле дверного косяка. Стрелок рухнул, как подкошенный.

– Лежать! – донесся до него крик Сони Мудиг. – Полиция! Не двигаться!

Микаэль повернул голову и увидел, как она стоит посреди этой потасовки, широко расставив ноги, держит двумя руками пистолет и пытается понять, что происходит. Под конец Соня подняла оружие стволом вверх и взглянула на Блумквиста.

– Вы ранены? – спросила она.

Микаэль растерянно взглянул на нее. Из разбитых бровей и носа у него текла кровь.

– Думаю, я сломал палец, – сказал он, опускаясь на пол.

Патруль Сёдермальма прибыл на помощь Монике меньше чем через минуту после того, как она заставила Томи Николича лечь на тротуар. Фигуэрола предъявила удостоверение и передала задержанного полицейским, а сама побежала в ресторан. Остановившись у входа, она пыталась разобраться в ситуации.

Микаэль Блумквист и Эрика Бергер сидели на полу. У него по лицу текла кровь, и он, похоже, пребывал в шоковом состоянии, но был жив, и Моника перевела дух. Потом, увидев, как Эрика Бергер обнимает Микаэля за плечи, она нахмурила брови.

Соня Мудиг сидела на корточках, разглядывая руку Блумквиста. Курт Свенссон надевал наручники на Миро Николича, который выглядел так, будто столкнулся со скорым поездом. На полу валялся автомат – модель, находящаяся на вооружении шведской армии.

Моника подняла взгляд и увидела потрясенный персонал ресторана и насмерть перепуганных посетителей. Она также отметила, что посуда разбита, стулья и столы перевернуты, и что выстрелы нанесли ощутимый ущерб всему помещению ресторана. Чувствовался запах пороха, однако убитых или раненых видно не было. Полицейские из патрульной службы с оружием наготове начали протискиваться в ресторан. Моника протянула руку и коснулась плеча Курта Свенссона. Тот поднялся.

– Ты говорил, что Миро Николич в розыске?

– Верно. Причинение тяжких телесных повреждений примерно год назад. Драка в Халлунде.

– О’кей. Сделаем так. Я забираю Блумквиста и Бергер. Ты остаешься. Легенда такая: вы с Соней Мудиг пришли сюда поужинать, и ты опознал Николича, о делах которого помнил со времен работы в патруле. Когда ты попытался его задержать, он выхватил оружие и открыл стрельбу. Ты его повязал.

Курт Свенссон смотрел на нее с удивлением.

– В эту версию никто не поверит… Ведь есть свидетели.

– Свидетели будут рассказывать, что кто-то дрался и стрелял. Нам надо дотянуть хотя бы до завтрашних вечерних газет. Значит, легенда такова, что братьев Николич взяли по чистой случайности, поскольку ты их опознал.

Курт оглядел пейзаж после битвы, потом коротко кивнул.

Моника Фигуэрола сквозь толпу полицейских выскочила на улицу и усадила Микаэля Блумквиста с Эрикой Бергер на заднее сиденье своей машины. Затем она повернулась к командиру патрульной службы и что-то объясняла ему примерно полминуты. Кивнула в сторону машины, где сидели Микаэль с Эрикой. Командир выглядел растерянным, но под конец кивнул. Моника проехала несколько кварталов, припарковала машину и обернулась.

– Как ты себя чувствуешь?

– Мне несколько раз дали в нос, но зубы на месте. И я повредил палец.

– Поехали в отделение экстренной помощи больницы Святого Йорана.

– А что вообще все это значит? – поинтересовалась Эрика Бергер. – И кто вы такая?

– Простите, – сказал Микаэль – Эрика, это Моника Фигуэрола. Она работает в СЭПО. Моника, это Эрика Бергер.

– Я уже догадалась, – отозвалась Фигуэрола нейтральным тоном, не глядя на Эрику.

– Мы с Моникой познакомились в процессе расследования. Она – мой контакт в ГПУ/Без.

– Понятно, – сказала Эрика Бергер.

Ее вдруг затрясло – до нее постепенно начало доходить, что на самом деле произошло.

Моника пристально посмотрела на нее.

– Что произошло? – спросил Микаэль.

– Мы неверно истолковали предназначение кокаина. Мы думали, они подстроили ловушку, чтобы тебя опорочить. А на самом деле они собирались тебя убить. А после полиция обнаружила бы кокаин во время осмотра квартиры.

– Какой кокаин? – спросила Эрика Бергер.

Микаэль ненадолго прикрыл глаза.

– Отвези меня к Святому Йорану, – попросил он.

– Как? Арестованы? – воскликнул Фредрик Клинтон, чувствуя, как сжалось его сердце.

– Мы считаем, что все нормально, – заверил Георг Нюстрём. – Похоже, это была чистая случайность.

– Случайность?

– Миро Николич значился в розыске за давнюю историю с избиением. Какой-то полицейский из патрульной службы случайно опознал его и схватил, когда тот вошел в «Котелок Самира». Николич запаниковал и начал стрелять, пытаясь вырваться на свободу.

– А Блумквист?

– До него дело так и не дошло. Нам даже неизвестно, находился ли он в «Котелке Самира» во время задержания.

– Черт возьми, это звучит совершенно невероятно! – Фредрик Клинтон покачал головой. – Что известно братьям Николич?

– О нас? Ничего. Они считают, что и Бьёрк, и Блумквист связаны с траффикингом.

– Но они знают, что мишенью был Блумквист?

– Разумеется. Но они едва ли начнут трепаться о том, что взялись за заказное убийство, и, скорее всего, до самого суда будут держать язык за зубами. Их осудят за незаконное ношение оружия и, подозреваю, что за применение насилия в отношении должностного лица.

– Вот придурки, черт бы их побрал, – сказал Клинтон.

– Да уж, ребята облажались… Придется пока повременить с Блумквистом. Но ничего страшного, собственно говоря, не произошло.

В одиннадцать вечера Сусанн Линдер вместе с двумя крутыми ребятами из отдела личной охраны «Милтон секьюрити» приехала забирать Микаэля Блумквиста и Эрику Бергер из полицейского управления.

– Все-таки ты вышла из тени – и нарвалась, – сказала Сусанн Эрике.

– Сорри, – мрачно ответила Бергер.

По дороге в больницу Святого Йорана она никак не могла опомниться от шока. До нее вдруг дошло, что их с Микаэлем Блумквистом кто-то намеревался убить. И что эта затея чуть не удалась.

Микаэль провел час в отделении экстренной помощи, где ему пластырем заклеили ссадины на лице, сделали рентген и наложили повязку на средний палец левой руки. Верхняя фаланга пальца оказалась сильно расплющена, и, по всей видимости, придется удалить ноготь. Обиднее всего, что самую серьезную травму он получил уже в тот момент, когда к нему на помощь подоспел Курт Свенссон и стал отрывать от него Миро

Николича, – средний палец Микаэля, намертво зажатый в скобе автомата, просто сломался. Блумквист ощутил адскую боль, но опасности для жизни травма явно не представляла.

До Микаэля все случившееся дошло только почти через два часа, когда он уже прибыл в Отдел защиты конституции ГПУ/Без и стал излагать обо всем случившемся инспектору Бублански и прокурору Рагнхильд Густавссон. Его вдруг заколотил озноб, и он почувствовал себя настолько измотанным, что начал засыпать прямо между вопросами.

Впрочем, оценки по поводу всего случившегося у всех присутствующих разошлись.

– Нам неизвестно, *что* они планировали, – говорила Моника. – Мы не знаем, собирались ли они устранить только Блумквиста, или и Бергер тоже. Мы не знаем, собираются ли они повторить попытку и угрожает ли опасность еще кому-нибудь из «Миллениума». И почему бы им не убить Саландер, которая действительно представляет для «Секции» серьезную опасность?

– Я уже обзвонила сотрудников «Миллениума», пока Микаэля перевязывали, – сказала Эрика. – Все постараются не высовываться, пока не выйдет журнал. В редакции никого не будет.

Торстену Эдклинту хотелось в первую очередь предоставить Микаэлю Блумквисту и Эрике Бергер личных телохранителей, но потом они с Моникой посчитали обращение к отделу личной охраны Службы безопасности неосмотрительным и даже легкомысленным шагом.

Эрика отказалась от полицейской охраны. Она подняла трубку, позвонила Драгану Арманскому и объяснила ему ситуацию. И поздно вечером Сусанн Линдер срочно вызвали на работу.

Микаэля Блумквиста и Эрику Бергер привезли на второй этаж *safe house*[81], в дом, расположенный за Дроттнингхольмом, на пути к центру муниципалитета Экерё. Это была большая вилла 1930-х годов, с видом на озеро, ухоженным садом, хозяйственными постройками и земельными угодьями. Поместье принадлежало «Милтон секьюрити», но там проживала Мартина Шёгрен, шестидесятивосьмилетняя вдова Ханса Шёгрена, который много лет прослужил в охранном предприятии и пятнадцать лет назад погиб при выполнении служебного задания – провалился сквозь прогнивший пол заброшенного дома неподалеку от городка Сала.

После похорон Драган Арманский побеседовал с Мартиной Шёгрен и нанял ее на работу в качестве домоправительницы и управляющей

поместьем. Она бесплатно проживала на первом этаже пристройки и держала второй этаж наготове для случаев, когда «Милтон секьюрити» внезапно требовалось спрятать кого-то из клиентов, имевшего реальные или вымышленные основания опасаться за свою жизнь. Обычно такое случалось несколько раз в год.

Моника Фигуэрола поехала с ними. Мартина Шёгрен пригласила ее на кухню на первом этаже и сварила ей кофе. Пока Эрика Бергер и Микаэль Блумквист устраивались на втором этаже, Сусанн Линдер проверяла сигнализацию и электронное оборудование наружного наблюдения.

– В комоде перед ванной комнатой есть зубные щетки и туалетные принадлежности, – крикнула Мартина так, чтобы ее услышали наверху.

Сусанн Линдер и двое охранников из «Милтон секьюрити» заняли комнаты на первом этаже.

– Меня разбудили в четыре утра, и с тех пор я на ногах, – сказала Сусанн Линдер. – Составьте график дежурств, но дайте мне поспать хотя бы до пяти.

– Можешь спать всю ночь, мы справимся сами, – ответил один из охранников.

Сусанн Линдер поблагодарила и отправилась спать.

Моника Фигуэрола рассеянно слушала, как охранники включают в саду датчики движения и бросают спички, распределяя дежурства. Заступивший на дежурство охранник сделал себе бутерброд и уселся в телевизионной комнате рядом с кухней. Моника Фигуэрола изучала чашки с цветочками. Она тоже была на ногах с раннего утра и чувствовала себя утомленной. Она уже собиралась ехать домой, когда на кухню спустилась Эрика Бергер и, налив себе чашку кофе, уселась по другую сторону стола.

– Микаэль заснул, как убитый, едва добравшись до постели.

– Реакция на адреналин, – объяснила Моника.

– Но что теперь с нами будет?

– Вам придется посидеть тут несколько дней. Надеюсь, что через неделю все уже устаканится. Как ты себя чувствуешь?

– Вполне сносно. По-прежнему немного трясет. Такое приключается не каждый день. Я только что позвонила мужу и объяснила, почему не приеду домой.

– Ну да.

– Я замужем за…

– Я знаю, за кем ты замужем.

Повисло молчание. Фигуэрола потерла глаза и зевнула.

– Надо ехать домой спать, – пробормотала она.

– Бога ради. Кончай болтать, иди и ложись рядом с Микаэлем, – ответила Эрика.

Моника внимательно посмотрела на нее и спросила:

– Это, что, так очевидно?

Бергер кивнула.

– Микаэль что-нибудь говорил…

– Ни слова. Он обычно помалкивает, когда речь идет о его знакомых дамах. Но порой бывает как открытая книга. А ты так откровенно враждебно смотришь на меня… Вы явно пытаетесь что-то скрыть.

– Все дело в моем шефе, – сказала Фигуэрола.

– В шефе?

– Ну да. Эдклинт просто взбесится, если узнает, что мы с Микаэлем…

– Понимаю.

Они снова помолчали.

– Не знаю, что там у вас с Микаэлем происходит, но я тебе не соперница, – призналась Эрика.

– Нет?

– Мы с Микаэлем встречаемся время от времени, но он мне не муж.

– Я поняла, что у вас с ним особые отношения. Он рассказывал мне о вас в Сандхамне.

– Ты ездила с ним в Сандхамн?.. Значит, это серьезно.

– Ты, что, издеваешься?

– Моника… Я надеюсь, что вы с Микаэлем… Я постараюсь вам не мешать.

– Неужели?

Эрика пожала плечами.

– Его бывшая жена совсем спятила, когда Микаэль ей со мною изменил, и выгнала его. Но тогда я была виновата. Пока Микаэль считает себя холостяком, я не собираюсь терзаться угрызениями совести. Но я дала себе слово, что, когда у него с кем-нибудь возникнут серьезные отношения, я постараюсь держаться от него подальше.

– Я не знаю, можно ли вообще на него всерьез полагаться.

– Микаэль, конечно, не такой, как все. Ты влюблена в него?

– Мне кажется, да.

– Ну и хорошо. Только не говори ему об этом раньше времени. Иди спать.

Моника немного подумала, потом поднялась на второй этаж, разделась и заползла в постель к Микаэлю. Тот что-то пробормотал и обнял ее за

талию.

Эрика Бергер еще долго сидела на кухне одна и предавалась невеселым размышлениям. Внезапно она почувствовала себя глубоко несчастной.

Глава 25

Среда, 13 июля – четверг, 14 июля

Микаэль Блумквист никогда не мог понять, почему в судах такие тихие громкоговорители. Он с трудом расслышал объявление о том, что разбирательство по делу Лисбет Саландер начнется в зале номер пять в десять ноль-ноль. Правда, журналист явился заранее и расположился у входа в зал суда, так что его впустили одним из первых. Он сел в зале для публики, на левой стороне, откуда лучше всего виден стол ответчика. Публика, если можно сказать, валила валом. Массмедиа по мере приближения даты процесса подогревали к нему интерес. В последнюю неделю прокурора Рикарда Экстрёма почти ежедневно интервьюировали.

Экстрём буквально превзошел самого себя.

Лисбет Саландер обвиняли во множестве преступлений. В нанесении побоев и причинении тяжких телесных повреждений – по делу Карла Магнуса Лундина. В угрозе применения насилия, попытке убийства и причинении тяжких телесных повреждений – по делу покойного Карла Акселя Бодина, он же Александр Залаченко. В двух случаях ей вменяли в вину проникновение в чужое жилище – в загородный дом покойного Нильса Бьюрмана в Сталлархольме и в его же квартиру на Уденплан. В угоне транспортного средства – мотоцикла марки «Харли-Дэвидсон», принадлежавшего некоему Сонни Ниеминену, члену мотоклуба «Свавельшё МК». В трех случаях ее обвиняли в незаконном владении оружием – баллончиком со слезоточивым газом, электрошокером и польским пистолетом «Р-83 ванад» – все эти предметы были найдены в Госсеберге. А также в краже или сокрытии доказательственного материала – этот пункт был формулирован не слишком четко, но подразумевал документы, найденные ею в загородном доме у Бьюрмана, а также в ряде более мелких правонарушений. В общей сложности Лисбет Саландер предъявили обвинения по шестнадцати пунктам.

Экстрём даже рассекретил сведения, согласно которым душевное здоровье подсудимой оставляет желать лучшего. Он апеллировал, с одной стороны, к заключению судебно-медицинской экспертизы, написанному доктором Йеспером Х. Лёдерманом, когда ей исполнилось восемнадцать лет, а с другой стороны – к экспертизе, проведенной по требованию суда доктором Петером Телеборьяном во время предварительного следствия.

Поскольку психически ущербная девушка с самого начала

категорически отказывалась общаться с психиатрами, анализ проводился на основе «наблюдений», сделанных в период ее пребывания в следственном изоляторе «Крунуберг» в Стокгольме непосредственно перед судом. Доктор Телеборьян, который мог похвастаться многолетним опытом общения с пациенткой, утверждал, что Лисбет Саландер страдает серьезными психическими нарушениями, и употреблял такие термины, как психопатия, патологический нарциссизм и параноидальная шизофрения.

СМИ также сообщали, что обвиняемая вызывалась на семь полицейских допросов, и ни на одном из них она не удосужилась даже поздороваться со следователями. Первые допросы проводились полицией Гётеборга, а остальные имели место уже в Стокгольме. На магнитофонных записях протоколов допросов можно было лишь услышать, как Лисбет Саландер уговаривают хоть что-нибудь ответить, а также настойчиво задают самые разные вопросы. В ответ – глухая тишина. Обвиняемая ни разу даже не кашлянула.

В нескольких случаях на пленке записался голос Анники Джаннини. Она утверждала, что ее подзащитная явно не намерена отвечать на вопросы. Следовательно, обвинение против Лисбет Саландер строилось исключительно на технических доказательствах и на тех фактах, которые удалось раздобыть в итоге полицейского расследования.

Молчание Лисбет Саландер временами делало уязвимой позицию ее адвоката, поскольку той приходилось притворяться столь же немногословной, как и ее клиентка. Временами Анника Джаннини и Лисбет Саландер беседовали – с глазу на глаз в переговорной комнате, но их беседы относились к разряду строго конфиденциальных.

Экстрём фактически ни от кого и не скрывал, что намерен потребовать в первую очередь заключить Лисбет Саландер в психиатрическое заведение закрытого типа, а уж во вторую – адекватного тюремного наказания. При обычных обстоятельствах эти требования поменялись бы местами, но прокурор полагал, что в ее случае налицо столь очевидные психические отклонения – и о них же свидетельствуют результаты судебно-психиатрической экспертизы, – что он просто не видел альтернативы. Суд почти всегда признавал правомочность судебно-психиатрической экспертизы.

Экстрём полагал также, что по-прежнему не следует подвергать сомнению недееспособность Саландер. В одном из интервью он напустил на себя озабоченный вид и заявил, что в Швеции немало социопатических личностей с тяжелыми психическими нарушениями, представляющих опасность для самих себя и для окружающих. И что пока наука не

придумала ничего нового, таких субъектов приходится содержать в закрытых условиях.

Он напомнил про случай со склонной к насилию девушкой Аннет, которая в 1970-х годах стала популярной героиней массмедиа и которая уже тридцать лет находится в закрытом лечебном заведении. Любые попытки несколько ослабить режим ее содержания приводили к тому, что она, как бешеная, набрасывалась на родственников и больничный персонал, или пыталась нанести вред самой себе. Экстрём считал, что и Лисбет Саландер страдает аналогичными психопатическими нарушениями.

Интерес СМИ подогревался еще и потому, что адвокат Саландер Анника Джаннини воздерживалась от высказываний в прессе. Она последовательно отказывалась давать интервью и не излагала свою точку зрения. В результате СМИ пребывали в весьма щекотливой ситуации – со стороны обвинения обрушивался поток информации, а сторона защиты, в виде исключения, воздерживалась даже от намеков на то, как Саландер относится к обвинению и какую стратегию намерена применить защита.

Это обстоятельство прокомментировал юридический эксперт, нанятый для освещения дела Саландер на страницах одной из вечерних газет. Эксперт констатировал, что Анника Джаннини имеет очень высокий рейтинг как адвокат по правам женщин, но не имеет никакого опыта защиты за рамками данной области, и делал вывод, что она совершенно не подходит для защиты Лисбет Саландер. Микаэль Блумквист также знал от своей сестры, что с ней связывались многие известные адвокаты и предлагали свои услуги. Но, по поручению своей подзащитной, Анника Джаннини любезно отклоняла все подобные предложения.

В ожидании начала судебного процесса Микаэль изучал других зрителей и слушателей. На месте возле самого выхода он вдруг заметил Драгана Арманского. Их взгляды на краткий миг пересеклись.

У Экстрёма на столе лежала впечатляющая кипа бумаг. Он кивал некоторым журналистам.

Анника Джаннини сидела за своим столом напротив Экстрёма. Она разбирала бумаги, не глядя по сторонам. Микаэлю показалось, что сестра немного нервничает.

«Легкая лихорадка перед выходом на сцену», – подумал он.

Затем в зал вошли председатель суда, юридический советник и заседатели. Председателем был судья Йорген Иверсен – пятидесятисемилетний мужчина с белыми волосами, худощавым лицом и стремительной походкой. Микаэль изучал биографию Иверсена, из которой

следовало, что тот известен как опытнейший и справедливый судья, который уже участвовал во многих резонансных процессах.

Под конец в зал суда ввели Лисбет Саландер.

Микаэль уже привык к манере Лисбет подбирать вызывающую одежду. Но даже он изумился тому, что Анника Джаннини позволила ей появиться в зале суда в короткой черной кожаной юбке с потертым подолом и черной майке с принтом «I am irritated»[82], которая даже не смогла скрыть большинство ее татуировок. А еще на ней были ботинки, ремень с заклепками и гольфы в черную и лиловую полоску. В каждом ухе сверкали с десяток колечек и еще по несколько – на губе и бровях. Короткие, отросшие за три месяца после черепной операции черные волосы торчали во все стороны. Кроме того, она сделала весьма шокирующий макияж – серая губная помада, подведенные брови и густо наложенная черная тушь. Такой Микаэль ее никогда не видел. В то время, когда они тесно общались, косметика ее не слишком-то интересовала.

Лисбет выглядела несколько вульгарно и напоминала готов или даже вампира из какого-нибудь арт-хаусного фильма 1960-х годов. Это если выражаться дипломатическим языком.

Микаэль заметил, что при ее появлении некоторые репортеры от удивления чуть не потеряли дар речи, а затем радостно заулыбались. Наконец-то они воочию созерцали героиню скандалов, о которой столько всякого говорили и писали. И к тому же, она полностью оправдала их ожидания.

Потом Микаэль понял, что Лисбет Саландер специально так вырядилась. Обычно она одевалась небрежно и вроде бы безвкусно. Микаэль считал, что она не пытается угнаться за модой, а стремится скорее подчеркнуть свою индивидуальность. Лисбет обозначала свою идентичность, чтобы никто не посмел вторгнуться на ее личную территорию. Сам Микаэль всегда воспринимал заклепки на ее кожаной куртке как защитный механизм, подобный иголкам ежа. Она словно посылала окружению некий сигнал – не пытайтесь меня погладить, будет больно.

Перед появлением в зале суда Лисбет акцентировала этот стиль, так что получилась какая-то пародия.

И Микаэль вдруг понял, что это не случайность, а часть стратегии Анники.

Если бы Лисбет Саландер предстала перед судом с гладкой прической, в застегнутой под горло блузке и аккуратных мокасинах, она выглядела бы как аферистка, которая пытается втереться в доверие суда. Теперь же она

предстала самой собой, а не кем-то другим. Правда, в несколько опереточной версии – но это было даже неплохо. Она не изображала ту, кем не являлась. Она демонстрировала суду, что у нее нет причин стыдиться или притворяться. Если суду ее вид неприятен, что ж, это не ее проблема.

Общество выдвинуло против нее ряд обвинений, а прокурор доставил в суд. Всем своим антигламурным видом Лисбет сразу подчеркнула, что намерена отклонить аргументы прокурора как абсолютно несостоятельные.

Она двигалась уверенно и села на указанное ей место, рядом со своим адвокатом. Потом обвела взглядом зал. В ее взгляде не чувствовалось никакого любопытства – казалось, она старается рассмотреть и запомнить людей, уже осудивших ее на страницах газет.

Микаэль впервые увидел ее с тех пор, как она, похожая на окровавленную тряпичную куклу, лежала на кухонном диване в Госсеберге, и больше чем через полтора года после того, как они в последний раз встречались в нормальных обстоятельствах – если, конечно, словосочетание «нормальные обстоятельства» вообще применимо к Лисбет Саландер.

На несколько секунд они встретились глазами. Лисбет взглянула на него бегло, не задерживая на нем взгляда, но не проявила никаких признаков узнавания, зато внимательно изучила яркие синяки, покрывавшие щеку и висок Микаэля, и хирургический пластырь на его правой брови. На какую-то долю секунды Блумквисту показалось, что он видит в ее глазах намек на улыбку. Но Микаэль не был уверен, привиделось ему это или нет.

Потом судья Иверсен постучал по столу. Судебный процесс начался.

В общей сложности вступительная речь прокурора Экстрёма, перечислившего все пункты обвинения, заняла тридцать минут.

Все журналисты, кроме Микаэля Блумквиста, старательно всё записывали, хотя заранее знали, в чем Экстрём собирается ее обвинить. Микаэль уже изложил свою версию событий и явился в суд только для того, чтобы обозначить свое присутствие и встретиться взглядом с Лисбет Саландер.

Экстрём произносил свое вступительное слово чуть более двадцати двух минут. Потом настала очередь Анники Джаннини. Ее реплика заняла тридцать секунд. Ее голос не дрожал.

– Со стороны защиты мы отклоняем все пункты обвинения, кроме одного. Моя подзащитная признает свою ответственность за незаконное ношение оружия, а именно баллончика со слезоточивым газом. По всем

остальным пунктам обвинения моя подзащитная отрицает свою ответственность или преступный умысел. Мы докажем, что утверждения прокурора несостоятельны и что моя подзащитная стала жертвой грубых правонарушений. Я буду требовать признания моей подзащитной невиновной, отмены постановления о ее недееспособности и ее полного оправдания.

Репортерский корпус вздрогнул. Наконец-то стратегия адвоката была изложена – и оказалась для репортеров полной неожиданностью. Многие из них предполагали, что Джаннини сошлется на психические отклонения обвиняемой и постарается таким образом снять с нее ответственность.

Микаэль заулыбался.

– Вот как, – сказал судья Иверсен.

Он что-то записывал, а потом взглянул на Аннику.

– Вы закончили?

– Да, ваша честь.

– Хочет ли прокурор что-нибудь добавить? – спросил Иверсен.

Прокурор Экстрём потребовал, чтобы дело слушалось за закрытыми дверями. Он сослался на то, что речь идет о психическом состоянии, благополучии и правах отдельной личности, а также о деталях, которые могут причинить ущерб системе безопасности государства.

– Я полагаю, вы намекаете на так называемую историю Залаченко? – уточнил Иверсен.

– Совершенно верно. Александр Залаченко прибыл в Швецию как политический беженец, которому требовалась защита от диктатуры. И хотя господин Залаченко скончался, некоторые детали и события, связанные с его личностью и судьбой, по-прежнему носят секретный характер. Поэтому я настаиваю на том, чтобы судебное разбирательство проходило за закрытыми дверями… Я требую соблюдать требование неразглашения частной и служебной тайны.

– Я вас понимаю, – сказал Иверсен, нахмурив лоб.

– Кроме того, значительная часть разбирательства будет затрагивать вопросы, связанные с опекунством над обвиняемой. На повестке дня будут вопросы, которые в обычной ситуации почти автоматически объявляются секретными. Поэтому я прошу о закрытом слушании из сострадания к обвиняемой.

– Как относится к такому требованию адвокат Джаннини?

– Что касается нас, то мы не возражаем.

Судья Иверсен немного подумал, посовещался с юридическим консультантом и затем, к досаде присутствовавших журналистов, объявил,

что согласен с требованием прокурора. В результате Микаэль Блумквист в числе прочих покинул зал.

Драган Арманский дожидался Блумквиста у подножия лестницы ратуши. Стояла адская июльская жара, и Микаэль почувствовал, как под мышками начали расплываться два влажных пятна. Как только он вышел из ратуши, к нему приблизились два охранника. Они кивнули Арманскому и приступили к изучению окружающей обстановки.

– Мне непривычно повсюду разгуливать с телохранителями, – сказал Микаэль. – А во сколько мне это обойдется?

– Фирма берет расходы на себя, – ответил Арманский. – Я лично заинтересован в том, чтобы вы остались в живых. В последние месяцы мы выложили *pro bono*[83] примерно около двухсот пятидесяти тысяч крон.

Блумквист кивнул.

– Кофе? – предложил он, показывая в сторону итальянского кафе на Бергсгатан.

Арманский кивнул в ответ.

Микаэль заказал себе кофе латте, а Арманский себе – двойной эспрессо с чайной ложкой молока. Охранники сели за соседний столик, попивая колу.

– Итак, закрытое слушание, – констатировал Арманский.

– Этого следовало ожидать. Что, кстати, неплохо – так нам будет проще управлять информационными потоками.

– Да, нам в принципе все равно, но прокурор Рикард Экстрём все меньше и меньше мне нравится.

Микаэль согласился. Они пили кофе, глядя на ратушу, где решалась судьба Лисбет Саландер.

– Последний рубеж, – произнес Микаэль.

– Она к нему неплохо подготовлена, – утешил его Арманский. – Должен признаться, что мне очень понравилась твоя сестра. Когда она начала излагать свою стратегию, я решил, что она шутит, но чем больше я вдумываюсь, тем более разумным мне все это представляется.

– Судьба процесса будет решаться не здесь, не в здании суда, – сказал Микаэль.

Он уже в течение нескольких месяцев повторял эти слова, как мантру.

– Тебя вызовут в качестве свидетеля, – предупредил Арманский.

– Знаю. Я уже готов. Но это произойдет послезавтра. По крайней мере, мы так рассчитали.

Прокурор Рикард Экстрём забыл дома бифокальные очки, и, чтобы прочесть в собственных заметках что-нибудь написанное мелким шрифтом, ему приходилось поднимать очки на лоб и щуриться. Он быстро провел рукой по светлой бородке, а потом вновь надел очки и огляделся.

Лисбет Саландер сидела, выпрямив спину, и наблюдала за прокурором, устремив к нему непроницаемый взгляд. Ее лицо и глаза были неподвижны, и вообще она, казалось, витает где-то далеко отсюда.

Прокурор приступил к ее допросу.

– Я бы хотел напомнить вам, фрёкен Саландер, что вы находитесь под присягой, – сказал наконец Экстрём.

На лице Лисбет не шевельнулся ни единый мускул. Прокурор Экстрём помедлил несколько секунд в ожидании какого-то отклика и поднял брови.

– Итак, вы находитесь под присягой, – повторил он.

Лисбет Саландер склонила голову набок. Анника Джаннини что-то читала в протоколе предварительного следствия, вроде бы совершенно не интересуясь действиями прокурора. Экстрём собрал свои бумаги и после некоторого неловкого молчания откашлялся.

– Итак, – начал он вкрадчиво. – Давайте начнем прямо с событий шестого апреля в летнем домике покойного адвоката Бьюрмана возле Сталлархольма. Именно они стали основой моего выступления сегодня утром. Нам следует внести ясность в вопрос: как получилось, что вы поехали в Сталлархольм и стреляли в Карла Магнуса Лундина?

Экстрём с вызовом посмотрел на Лисбет Саландер. На ее лице по-прежнему не дрогнул ни единый мускул. На лице прокурора вдруг отразилось разочарование. Он развел руками и перевел взгляд на председателя суда. Судья Йорген Иверсен сидел с задумчивым видом. Он покосился на Аннику Джаннини, которая по-прежнему уткнулась в какую-то бумагу, полностью отключившись от происходящего вокруг.

Судья Иверсен деликатно кашлянул. Потом перевел взгляд на Лисбет Саландер.

– Должны ли мы понимать ваше молчание как то, что вы не хотите отвечать на вопросы? – спросил он.

Лисбет повернула голову и посмотрела судье Иверсену в глаза.

– Я охотно отвечу на вопросы, – произнесла она.

Тот кивнул.

– Тогда, может быть, вы ответите на мой вопрос? – вставил прокурор Экстрём.

Саландер снова обратила взгляд к Экстрёму, но продолжала молчать.

– Будьте добры, ответьте на вопрос, – сказал судья Иверсен.

Лисбет снова повернулась к председателю суда и подняла брови.

– На какой вопрос? – четко и твердо сказала она. – До сих пор он, – и она кивнула в сторону Экстрёма, – высказал только несколько бездоказательных утверждений. Я не услышала никаких вопросов.

Анника Джаннини подняла взгляд. Она уткнулась локтем на стол и подперла лицо ладонью. В ее глазах внезапно вспыхнул огонек.

Прокурор Экстрём запнулся.

– Не могли бы вы повторить вопрос? – предложил судья Иверсен.

– Я спросил… Поехали ли вы на дачу адвоката Бьюрмана в Сталлархольме с намерением застрелить Карла Магнуса Лундина?

– Нет, вы сказали, что хотите попытаться внести ясность в вопрос, как получилось, что я поехала в Сталлархольм и стреляла в Карла Магнуса Лундина. Это не вопрос. Это тезис, в котором вы уже предвосхищаете мой ответ. Я не несу ответственности за ваши постулаты.

– Не цепляйтесь к словам. Отвечайте на вопрос.

– Нет.

Молчание.

– Что значит «нет»?

– Это ответ на вопрос.

Прокурор Рикард Экстрём вздохнул. Да, похоже, дискуссия затягивается.

Лисбет Саландер ждала следующего вопроса.

– Пожалуй, нам лучше начать сначала, – сказал он. – Находились ли вы на даче покойного адвоката Бьюрмана в Сталлархольме вечером шестого апреля?

– Да.

– Как вы туда добирались?

– Я доехала на электричке до Сёдертелье, а оттуда – на автобусе до Стренгнеса.

– С какой целью вы поехали в Сталлархольм? Вы договорились встретиться там с Карлом Магнусом Лундином и его другом Сонни Ниеминеном?

– Нет.

– Как получилось, что они там оказались?

– Об этом лучше спросить у них.

– Но сейчас я спрашиваю у вас.

Лисбет Саландер не ответила.

Судья Иверсен откашлялся.

– Я предполагаю, что фрёкен Саландер не отвечает, потому что вы

снова высказали утверждение, – любезно предположил он.

Анника Джаннини вдруг фыркнула – да так громко, что все услышали, – но сразу умолкла и снова уткнулась в бумаги. Экстрём с раздражением посмотрел на нее.

– Как вы думаете, почему Лундин с Ниеминеном появились на даче Бьюрмана?

– Этого я не знаю. Могу только предположить: они поехали туда, чтобы устроить поджог. У Лундина в седле в сумке «Харли-Дэвидсона» валялась литровая бутылка с бензином.

Экстрём поджал губы.

– А зачем вы поехали на дачу адвоката Бьюрмана?

– Я искала информацию.

– Какого рода информацию?

– Ту информацию, которую, вероятно, Лундин с Ниеминеном намеревались уничтожить и которая могла бы внести ясность в вопрос, кто убил подлеца.

– Вы считаете, что адвокат Бьюрман был подлецом? Я вас правильно понял?

– Да.

– Но почему вы так считаете?

– Он был садистской свиньей, подонком и насильником, то есть подлецом.

Она процитировала текст татуировки на животе покойного адвоката Бьюрмана, тем самым косвенно подтвердив свою причастность к ее появлению. Впрочем, Лисбет Саландер не обвиняли в авторстве и исполнении этой татуировки. Бьюрман никогда не обращался в полицию с жалобами о нанесении ему телесных повреждений, и было невозможно доказать, позволил ли он сделать себе татуировку добровольно, или же это произошло вопреки его воле.

– Иными словами, вы утверждаете, что ваш опекун предпринимал против вас насильственные действия. Вы могли бы рассказать, когда все это имело место?

– Во вторник восемнадцатого февраля две тысячи третьего года и повторно в пятницу седьмого марта того же года.

– Вы отказывались отвечать на все вопросы следователей, которые пытались вас допрашивать. Почему?

– Мне нечего было им сказать.

– Я прочел вашу так называемую автобиографию, которую несколько дней назад неожиданно предоставила ваш адвокат. Должен сказать, что это

своеобразный документ, и мы к нему еще вернемся. Но там вы утверждаете, что адвокат Бьюрман в первом случае принудил вас к оральному сексу, а во втором случае в течение целой ночи подвергал вас насилию и жестоким пыткам.

Лисбет не ответила.

– Это верно?

– Да.

– Вы заявили об изнасилованиях в полицию?

– Нет.

– Почему же?

– Когда я раньше пыталась что-нибудь рассказать полиции, они меня не слушали. Поэтому заявлять им о чем-либо не имело никакого смысла.

– Вы обсуждали с кем-нибудь эти акты насилия? С какой-нибудь подругой?

– Нет.

– Почему же?

– Потому что это никого не касалось.

– Хорошо, но вы обращались к какому-нибудь адвокату?

– Нет.

– Вы обращались к какому-нибудь врачу по поводу нанесенных вам, как вы утверждаете, увечий?

– Нет.

– И не обращались ни в какой женский кризисный центр.

– Вы снова высказываете тезис.

– Простите. Вы обращались в женский кризисный центр?

– Нет.

Экстрём повернулся к председателю суда.

– Я хочу обратить внимание суда на то, что подсудимая сообщила, что дважды подверглась сексуальному насилию, причем во втором случае исключительно жестокому. Она утверждает, что эти акты насилия инициировал ее опекун, покойный адвокат Нильс Бьюрман. В то же время данные факты следует рассматривать в контексте…

Экстрём стал перебирать свои бумаги.

– В материалах расследования, проведенного отделом по борьбе с насильственными преступлениями, нет никаких данных, которые подтверждали бы достоверность рассказа Лисбет Саландер. Бьюрман никогда не был осужден за какие-либо правонарушения. На него ни разу не подавали никаких жалоб в полицию, его имя ни разу не упоминалось ни в каких расследованиях. Он и раньше был опекуном или наставником у

других молодых людей, и никто из них не утверждает, что подвергался каким-либо формам насилия. Напротив, они решительно заявляют, что Бьюрман всегда вел себя с ними дружелюбно и корректно.

Экстрём перевернул страницу.

– Я должен также напомнить, что у Лисбет Саландер диагностировали параноидальную шизофрению. Фрёкен Саландер – молодая женщина, склонная к насилию, и этот факт имеет документальные подтверждения. У нее уже с раннего подросткового возраста имелись серьезные проблемы при контактах с социумом. Несколько лет она провела в детской психиатрической клинике и с восемнадцати лет находится под опекой. Как это ни печально, но подобные обстоятельства продиктованы суровой необходимостью. Лисбет Саландер представляет опасность для самой себя и для окружающих. Именно по этой причине я буду настаивать не на тюремном заключении, а на лечении.

Он сделал краткую паузу.

– Обсуждать ментальное состояние юной девушки – задача очень деликатная. При этом очень легко можно нарушить принцип неприкосновенности личности, поскольку предметом толкований оказывается душевное состояние. В данном же случае нам следует дать оценку искаженному мировосприятию Лисбет Саландер. Оно со всей наглядностью проявляется в ее так называемой автобиографии. Здесь, как нигде, ясно ощущается полная изоляция подсудимой от реального мира. В данном случае нам не требуются какие-либо свидетели или толкования – слова говорят сами за себя. У нас имеются ее собственные слова, и мы сами в силах оценить достоверность ее утверждений.

Его взгляд упал на Лисбет Саландер. Их глаза встретились. Она вдруг улыбнулась. Вид у нее был злобный. Экстрём нахмурил лоб.

– Хочет ли фру Джаннини что-нибудь сказать? – поинтересовался судья Иверсен.

– Нет, – ответила Анника. – Только то, что выводы прокурора Экстрёма абсолютно несостоятельны.

Послеобеденное заседание началось с допроса свидетельницы Ульрики фон Либенсталь из комитета по надзору за органами опеки и попечительства. Экстрём вызвал ее с целью разъяснить, подавались ли жалобы на адвоката Бьюрмана. Наличие таковых фон Либенсталь категорически отвергала и считала подобные утверждения оскорбительными.

– За опекунскими делами ведется строгий контроль. До того, как

адвоката Бьюрмана столь позорным образом убили, он выполнял поручения нашего комитета на протяжении почти двадцати лет.

Она взглянула на Лисбет Саландер уничтожающим взглядом, хотя ту в убийстве не обвиняли и уже было установлено, что Бьюрмана убил Рональд Нидерман.

– За все эти годы на адвоката Бьюрмана не поступило ни единой жалобы. Он был добросовестным гражданином и с подлинным сочувствием обращался со своими подопечными.

– Значит, вам не кажется правдоподобным, что он мог подвергать Лисбет Саландер грубому сексуальному насилию?

– Я считаю это утверждение абсурдом. У нас имеются ежемесячные отчеты адвоката Бьюрмана, и я неоднократно лично обсуждала с ним данное дело.

– Адвокат Джаннини выдвинула требование незамедлительно освободить Лисбет Саландер от опекунства.

– Никто не радуется больше нашего комитета, когда появляется возможность отменить опекунство. Но, к сожалению, на нас возложена ответственность, означающая, что мы должны следовать действующим правилам. Со стороны комитета мы требуем, чтобы для начала Лисбет Саландер в обычном порядке признала здоровой психиатрическая экспертиза, а уже после этого можно обсуждать вопрос об изменении формы опекунства.

– Понятно.

– Это означает, что ей необходимо пройти психиатрическое обследование, от которого она, как известно, наотрез отказывается.

Допрос Ульрики фон Либенсталь продолжался более сорока минут. Параллельно суд изучал ежемесячные отчеты Бьюрмана.

Под самый конец допроса Анника Джаннини задала один-единственный вопрос:

– Вы находились в спальне адвоката Бьюрмана в ночь с седьмого на восьмое марта две тысячи третьего года?

– Разумеется, нет.

– Значит, вы не имеете ни малейшего представления о том, правдивы сведения моей подзащитной или нет?

– Выдвинутое против адвоката Бьюрмана обвинение нелепо.

– Это ваша точка зрения. Вы можете составить ему алиби или каким-то иным образом документально подтвердить, что он не насиловал мою подзащитную?

– Естественно, не могу. Но правдоподобие…

– Спасибо. Это всё, – сказала Анника Джаннини.

Ближе к семи часам вечера Микаэль Блумквист встретился с сестрой в офисе «Милтон секьюрити» возле Шлюза, чтобы подвести итоги дня.

– Все было примерно так, как мы и предполагали, – сказала Анника. – Экстрём купился на автобиографию Саландер.

– Отлично. Ну, и как она держится?

Анника вдруг рассмеялась.

– Она неподражаема. Держится как законченная психопатка. Причем ведет себя совершенно естественно.

– Вот как.

– Сегодня речь шла в основном о Сталлархольме. Завтра очередь Госсеберги – допрос сотрудников из технического отдела и тому подобное. Экстрём попытается доказать, что Саландер поехала туда с целью убить отца.

– О’кей.

– Но у нас может возникнуть одна закавыка. Сегодня после обеда Экстрём вызывал Ульрику фон Либенсталь из комитета по надзору за органами опеки и попечительства, и та заикнулась, что я не имею права представлять Лисбет.

– То есть как это?

– Она считает, что, поскольку Лисбет объявлена недееспособной, она не имеет права сама выбирать себе адвоката.

– Вот как?

– То есть чисто технически я не могу быть ее адвокатом без одобрения Комитета по надзору за органами опеки и попечительства.

– И?..

– Судья Иверсен должен завтра утром объявить о своей позиции по данному вопросу. Я наскоро обменялась с ним мнениями после окончания судебного заседания. Думаю, он разрешит мне по-прежнему ее представлять. Я аргументировала это тем, что у комитета для протестов имелось три месяца и что выступать с подобным заявлением, когда процесс уже начался, не слишком этично.

– На пятницу в качестве свидетеля вызван Телеборьян. Помни, именно тебе придется его допрашивать.

В четверг, изучив карты и фотографии и выслушав многословные выводы технической экспертизы по поводу произошедшего в Госсеберге, прокурор Экстрём заявил, что все доказательства указывают на намерение

Лисбет Саландер разыскать отца с целью его убить. Самым убедительным доказательством в этой цепочке событий он считал тот факт, что она привезла с собой в Госсебергу стрелковое оружие – польский пистолет «Р-83 ванад».

Тот факт, что Александр Залаченко (если верить Лисбет Саландер) или, возможно, убийца полицейского Рональд Нидерман (согласно свидетельству, оставленному Залаченко до того, как его убили в Сальгренской больнице), в свою очередь, пытался убить Лисбет Саландер и закопал ее в яме посреди леса, ни в коей мере не мог оправдать преступный умысел Лисбет Саландер выследить и прикончить своего отца в Госсеберге. Ей к тому же почти удалось реализовать свой замысел, когда она заехала ему топором по черепу. Экстрём настаивал на том, чтобы Лисбет Саландер судили за попытку убийства или за его подготовку, а также – в любом случае – за нанесение тяжких телесных повреждений.

По словам самой Лисбет Саландер, она поехала в Госсебергу с целью встретиться с отцом и заставить его признаться в убийстве Дага Свенссона и Миа Бергман. Это ее заявление имело чрезвычайную важность для определения степени вины.

Когда Экстрём закончил допрос свидетеля Мелкера Ханссона из технического отдела полиции Гётеборга, адвокат Анника Джаннини задала тому несколько коротких вопросов.

– Господин Ханссон! Среди всех полученных вами данных найдется ли хотя бы один факт, опираясь на который вы могли бы уличить Лисбет Саландер во лжи относительно цели ее поездки в Госсебергу? Есть ли у вас доказательства, что она отправилась туда с целью убить отца?

Мелкер Ханссон ненадолго задумался.

– Нет, – ответил он под конец.

– Следовательно, вы не можете ничего сказать по поводу ее умысла?

– Не могу.

– Значит, вывод прокурора Экстрёма, пусть красноречивый и многословный, является лишь предположением?

– Думаю, да.

– Лисбет Саландер заявила, что привезла с собой польский пистолет «Р-83 ванад» чисто случайно, поскольку просто не знала, как ей поступить с оружием, отобранным накануне в Сталлархольме у Сонни Ниеминена, и держала его в сумке. Имеется ли среди технических доказательств какой-либо факт, опровергающий это заявление?

– Нет.

– Спасибо, – сказала Анника Джаннини и села.

За целый час, пока допрашивали Ханссона, она не произнесла больше ни слова.

Биргер Ваденшё покинул квартиру «Секции» на Артиллеригатан в четверг, около шести часов вечера. Он чувствовал, что над ним сгущаются грозовые тучи и полный крах не заставит себя долго ждать. Ваденшё уже несколько недель не мог избавиться от ощущения, что должность директора, то есть руководителя «Секции спецанализов», он занимает лишь формально, но на самом деле никто не принимает во внимание его точку зрения, взгляды, протесты и просьбы. Решения принимает исключительно Фредрик Клинтон. Если бы «Секция» представляла собой открытую общественную структуру, он обратился бы к вышестоящему начальнику и сформулировал бы свои протесты.

Но в той ситуации, которая сложилась сейчас, жаловаться было некому. Ваденшё оказался в одиночестве; его отдали на милость и немилость человека, которого он считал душевно больным. Но что еще хуже, Клинтон пользовался абсолютным авторитетом. И начинающие придурки вроде Юнаса Сандберга, и преданные лакеи вроде Георга Нюстрёма – все, казалось, дружно вытянулись в струнку и беспрекословно подчиняются любому капризу слову этого смертельно больного психа.

Ваденшё признавал, что Клинтон скромен и бескорыстен, что он служит не ради собственной выгоды, а во благо «Секции», каким оно ему представляется. Но он не мог избавиться от ощущения, что вся структура находится под влиянием массового гипноза, что даже продвинутые сотрудники отказываются понимать, что каждый их шаг, каждое решение, принятое и воплощенное в жизнь, только приближают их к головокружительному падению, к преисподней.

По дороге к Линнегатан, где ему удалось найти место для парковки, Ваденшё почувствовал тяжесть в груди. Он отключил сигнализацию, вытащил ключи и уже собирался открыть дверцу машины, когда услышал, что позади него кто-то шевельнулся. Он обернулся. Свет слегка ослепил его. Несколько секунд он вглядывался в стоявшего на тротуаре рослого мужчину, прежде чем узнал его.

– Добрый вечер, господин Ваденшё, – поздоровался Торстен Эдклинт, начальник Отдела защиты конституции. – Давненько не выходил я на дежурство, но сегодня мое присутствие здесь показалось мне вполне уместным.

Ваденшё озадаченно смотрел на стоявших по обеим сторонам Эдклинта полицейских в штатском. Это были Ян Бублански и Маркус

Эрландер.

Вдруг до него дошло, что сейчас произойдет.

– На меня возложена печальная миссия сообщить вам, что генеральный прокурор решил арестовать вас за целый ряд преступлений. Чтобы составить их исчерпывающий перечень, наверняка потребуется не одна неделя.

– А что тут вообще происходит? – спросил Ваденшё взволнованно.

– Происходит то, что мы, имея на то вполне веские основания, задерживаем вас по подозрению в причастности к убийствам. Вы также подозреваетесь в шантаже, коррупции, незаконном прослушивании телефонов, в неоднократной грубой подделке документов, в растратах с отягчающими обстоятельствами, в соучастии в проникновение в чужое жилище, в превышении должностных полномочий, в шпионаже и ряде других подобных деяний. Сейчас мы с вами поедем в полицейское управление, в Кунгсхольмен, где нам никто не помешает, и серьезно побеседуем.

– Никаких убийств я не совершал, – задыхаясь, выговорил Ваденшё.

– Следствие разберется.

– Это Клинтон. Это он ворочает всеми делами, – сказал Ваденшё.

Торстен Эдклинт удовлетворенно кивнул.

Каждый полицейский хорошо знает, что классический допрос подозреваемого может вестись дознавателями в двух ипостясях – злой полицейский и добрый полицейский. Злой полицейский угрожает, ругается, бьет кулаком по столу и всяческими грубостями пытается запугать арестованного, и таким путем добиться от раскаяния и признания. Добрый полицейский – чаще всего седоватый дядюшка – угощает сигаретами и кофе, ласково кивает и пытается действовать методом убеждения.

Большинству полицейских – хотя и не всем – известно также, что методика допроса доброго полицейского приводит к значительно более ощутимым результатам. Бывалый преступник держится нагло, и злой полицейский ему нипочем. А начинающий преступник-любитель еще настолько не уверен в себе, что злой полицейский добьется от него всего чего угодно, независимо от техники ведения допроса.

Микаэль Блумквист слушал, как в соседней комнате допрашивают Биргера Ваденшё. Далеко не все поначалу согласились с фактом его присутствия, но потом Эдклинт решил, что, вероятно, сможет извлечь из наблюдений Микаэля кое-какую пользу.

Блумквист констатировал, что Торстен Эдклинт использовал третий

вариант ведения допроса – незаинтересованный полицейский, что в данном случае, похоже, годилось более всего. Эдклинт зашел в комнату для допросов, разлил кофе в фаянсовые кружки, включил магнитофон и откинулся на спинку кресла.

– Дело в том, что у нас уже имеется против вас вся техническая база доказательств. Ваши показания интересуют нас лишь потому, что вы сможете подтвердить то, что нам и так уже известно. Но нам, пожалуй, нам было бы любопытно получить ответ на вопрос: ради чего? Почему? Как вы дошли до такого беспредела, что рискнули ликвидировать людей в Швеции так, будто мы находимся в Чили во времена диктатуры Пиночета? Магнитофон включен. Если вы хотите что-нибудь сказать, то сейчас самое время. Если вы отказываетесь говорить, то я выключу магнитофон, а потом мы снимем с вас галстук, выдернем из ботинок шнурки и заключим вас в следственный изолятор. Где вы будете дожидаться адвоката, суда и приговора.

Затем Эдклинт сделал глоток кофе и замолчал. Увидев, что подозреваемый предпочел позицию глухой обороны, через пару минут он протянул руку и выключил магнитофон. Потом встал.

– Я прослежу за тем, чтобы через пару-тройку минут вас увели. Желаю вам удачного вечера.

– Я никого не убивал, – сказал Ваденшё, когда Эдклинт уже открыл дверь.

Тот остановился на пороге.

– Я не намерен вести с вами какие-либо абстрактные и философские беседы. Если вы намерены дать показания, я сяду и включу магнитофон. Все властные структуры Швеции – и особенно премьер-министр – с нетерпением ждут ваших объяснений. Если вы будете говорить, я смогу уже сегодня вечером поехать к премьер-министру и изложить ему вашу версию развития событий. Если же вы откажетесь говорить, то все равно предстанете перед судом.

– Давайте присядем, – сказал Ваденшё.

Все поняли, что он наконец-то созрел и готов давать показания. Микаэль выдохнул. Вместе с ним здесь находились Моника Фигуэрола, прокурор Рагнхильд Густавссон, незнакомый сотрудник СЭПО по имени Стефан и еще двое анонимов. Микаэль подозревал, что один из них – представитель министра юстиции.

– Я не имею никакого отношения к убийству, – повторил Ваденшё, когда Эдклинт снова включил магнитофон.

– К убийствам, – уточнил Микаэль Блумквист, обращаясь к Монике. –

Их несколько.

– Вот именно, – откликнулась она.

– Все это затеяли Клинтон с Гульбергом. Я не имел ни малейшего представления об их намерениях. Клянусь. Я был просто в шоке, узнав о том, что Гульберг застрелил Залаченко. Я просто не мог в это поверить… А услыхав про Бьёрка, чуть не получил инфаркт.

– Расскажите об убийстве Бьёрка, – предложил Эдклинт, не меняя тона. – Как все это происходило?

– Клинтон кого-то нанял. Подробностей мне никто не докладывал, но его убили два югослава. Сербы, если я не ошибаюсь. Задание им давал и расплачивался с ними Георг Нюстрём. Как только я обо всем узнал, я понял, что все кончится катастрофой.

– Давайте начнем сначала, – предложил Эдклинт. – Когда вы приступили к работе в «Секции»?

Когда Ваденшё начал рассказывать, остановить его было уже невозможно. Допрос продолжался почти пять часов.

Глава 26

Пятница, 15 июля

Доктора Петера Телеборьяна вызвали в качестве свидетеля в пятницу утром. Его показания, безусловно, внушали доверие. Прокурор Экстрём допрашивал его почти девяносто минут, и Телеборьян отвечал на все вопросы спокойно, с достоинством и со знанием дела. Выражение его лица казалось то озабоченным, то уверенным.

– Давайте подведем итоги… – предложил Экстрём, перелистывая свои записи. – Вы, как психиатр с многолетним опытом, считаете, что Лисбет Саландер страдает параноидальной шизофренией?

– Я постоянно подчеркиваю, что дать точную оценку ее состояния крайне сложно. Пациентка, как известно, ведет себя как аутист – по отношению как к врачам, так и к представителям власти. Считаю, что она страдает тяжелым психическим расстройством, но поставить точный диагноз в настоящий момент я бы не рискнул. Без обстоятельного обследования я также не могу определить, в какой стадии психоза она пребывает.

– Но в любом случае вы считаете, что она психически нездорова.

– Вся ее история красноречиво об этом свидетельствует.

– Вы имели возможность ознакомиться с так называемой «автобиографией», которую Лисбет Саландер сочинила и представила суду в качестве объяснений. Как бы вы могли ее прокомментировать?

Петер Телеборьян развел руками и пожал плечами.

– Как бы вы оценили достоверность изложенного?

– Ни о какой достоверности не может быть и речи. Там содержится масса сведений, связанных с разными людьми, и одна история нелепее другой. В целом ее писательский опус только усугубляет подозрения в том, что она страдает параноидальной шизофренией.

– Вы можете привести какой-нибудь конкретный пример?

– Самый вопиющий пример – описания актов насилия. Она настаивает на том, что ее опекун адвокат Бьюрман позволял себе насильственные действия по отношению к ней.

– Не могли бы вы выразиться поконкретнее?

– Все сцены чрезмерно сосредоточены на деталях. Это классический образец гротескных фантазий, свойственных детям. Существует множество аналогичных случаев из широко известных дел об инцестах, когда дети

описывали события, опирающиеся на собственный вымысел, при полном отсутствии технических доказательств. Даже очень маленькие дети способны предаваться эротическим фантазиям… Они делятся ими так, словно пересказывают фильм ужасов, который видели по телевидению.

– Но ведь Лисбет Саландер не ребенок, а взрослая женщина, – возразил Экстрём.

– Да, и остается только установить, на каком именно уровне умственного развития она находится. Но по сути вы правы. Она взрослая и, вероятно, верит в то описание, которое представила.

– Вы полагаете, что все это ложь?

– Нет; если она верит в то, что она говорит, это не ложь. Вот еще одно доказательство того, что Лисбет Саландер не в силах отличить ложь от правды и фантазию от реальности.

– Значит, адвокат Бьюрман не совершал по отношению к ней никаких насильственных действий?

– Конечно, не совершал. Правдоподобность такого утверждения равна нулю. Ей требуется квалифицированная медицинская помощь.

– Вы ведь и сами фигурируете в рассказе Лисбет Саландер…

– Да, это несколько пикантно. Но здесь мы снова наблюдаем, как она дает волю своей фантазии. Если верить этой несчастной девушке, то я чуть ли не педофил…

Он улыбнулся и продолжил:

– Мое присутствие в мемуарах Лисбет Саландер – лишь еще одно доказательство того, что я прав, повторяя одно и то же. Из биографии Саландер мы узнаем, что в клинике Святого Стефана над нею издевались, что бóльшую часть времени ее держали привязанной к кровати ремнями и что я навещал ее в палате по ночам. Это классический пример проявления ее неспособности истолковывать действительность или, вернее, того, как она истолковывает действительность.

– Спасибо. Я передаю слово защите, если у фру Джаннини имеются какие-либо вопросы.

Поскольку в первые два дня судебного процесса Анника Джаннини почти не задавала вопросов и не высказывала возражений, все ожидали, что она вновь ограничится несколькими обязательными вопросами и затем прекратит допрос.

«Защита ведет себя на редкость пассивно», – подумал Экстрём.

– Да. Имеются, – заявила Джаннини. – У меня действительно есть ряд вопросов, и боюсь, что дело может несколько затянуться. Сейчас уже половина двенадцатого. Я предлагаю сделать перерыв на ланч, чтобы

потом я смогла допрашивать свидетеля, не прерываясь.

Судья Иверсен решил удовлетворить ее просьбу.

Ровно в 12.00 перед рестораном «Мастер Андерс» на Хантверкаргатан Курт Свенссон, которого сопровождали двое полицейских в форме, опустил свою могучую руку на плечо комиссара Георга Нюстрёма. Тот с изумлением взглянул на незнакомца, который совал ему под нос удостоверение.

– Добрый день. Вы арестованы по подозрению в причастности к убийствам и попыткам убийства. Пункты обвинения будут вам зачитаны генеральным прокурором во время оглашения постановления о взятии под стражу сегодня во второй половине дня. Предлагаю вам пройти с нами добровольно, – сказал Курт Свенссон.

Георг Нюстрём, казалось, не понимал языка, на котором к нему обратились, но решил, что Курт Свенссон явно относится к тем людям, за кем лучше последовать без лишних расспросов и протестов.

Инспектор уголовной полиции Ян Бублански прибыл в сопровождении Сони Мудиг и семи полицейских в форме. Ровно в 12.00 сотрудник Отдела защиты конституции Стефан Блад впустил их в закрытый отсек в здание Службы государственной безопасности на Кунгсхольмене. Они прошли по коридорам и остановились около указанного Стефаном кабинета. Секретарь шефа канцелярии растерялся, когда Бублански предъявил ему свое полицейское удостоверение.

«Пожалуйста, оставайтесь на месте. Проводится полицейская операция».

Инспектор решительно проследовал к внутренней двери, вошел и заставил шефа канцелярии Альберта Шенке прервать телефонный разговор на полуслове.

– А что случилось? – поинтересовался Шенке.

– Я инспектор уголовной полиции Ян Бублански. Вы арестованы за преступления против шведской конституции. Во второй половине дня вам представят внушительный перечень отдельных пунктов обвинения.

– Это неслыханно, – сказал Шенке.

– Я тоже так думаю, – согласился Бублански.

Он велел опечатать кабинет Шенке и выставил перед дверьми двух полицейских, приказав им никого не впускать. Если бы кто-нибудь попытался прорваться в кабинет силой, им разрешалось применять дубинки и даже табельное оружие.

Процессия двинулась дальше по коридору, пока Стефан не указал на еще одну дверь, и вся процедура вновь повторилась с финансовым директором Густавом Аттербумом.

Йеркер Хольмберг, в сопровождении полицейского патруля Сёдермальма, ровно в 12.00 начал колотить в дверь временного офиса на третьем этаже здания, расположенного через дорогу от редакции «Миллениума» на Гётгатан.

Поскольку никто двери не открывал, Йеркер Хольмберг приказал полицейским ломать дверь. Но не успели они взяться за лом, как дверь приоткрылась.

– Полиция, – сказал Йеркер Хольмберг. – Выходите с поднятыми руками.

– Я полицейский, – возразил инспектор полиции Йоран Мортенссон.

– Знаю. И у вас имеются лицензии на черт знает сколько стрелкового оружия.

– Да, но я полицейский при исполнении служебных обязанностей.

– А мне наплевать, – ответил Йеркер Хольмберг.

Ему помогли прижать Мортенссона к стене и отобрать у него табельное оружие.

– Вы арестованы за незаконное прослушивание телефонов, за грубые нарушения должностной инструкции, за неоднократные вторжения в квартиру журналиста Микаэля Блумквиста на Бельмансгатан и, вероятно, за еще массу разных преступлений, которые будут включены в пункты обвинения. Наденьте на него наручники.

Йеркер Хольмберг быстро проверил офис и обнаружил там электронное оборудование, которого хватило бы на целую студию звукозаписи. Одного полицейского он оставил охранять офис, велев ему неподвижно сидеть на стуле и не оставлять нигде отпечатков пальцев.

Когда Мортенссона выводили из подъезда, Хенри Кортес поднял цифровую камеру «Никон» и сделал серию из двадцати двух фотографий. И, хотя профессиональным фотографом он не был и качество снимков оставляло желать лучшего, тем не менее на следующий день пленка была продана одной из вечерних газет за просто-таки баснословную сумму.

Единственный неожиданный инцидент за время облавы произошел у Моники Фигуэрола. С группой поддержки в составе полицейского пикета Норрмальма и трех коллег из ГПУ/Без она ровно в полдень вошла в подъезд на Артиллеригатан и поднялась по лестнице в квартиру на

последнем этаже, принадлежавшую фирме «Беллона».

Операцию планировали провести в очень сжатые сроки. Как только силы подтянулись к двери в квартиру, Моника дала знак. Двое дюжих полицейских подняли сорокакилограммовое стальное стенобитное орудие и двумя точными ударами вышибли дверь. После этого пикетчики, снабженные бронежилетами и дополнительным оружием, заняли квартиру примерно за десять секунд.

Согласно данным наблюдения, проводившегося с самого рассвета, за утро в квартиру проследовали пятеро. Они считались сотрудниками «Секции». Всех пятерых захватили в течение нескольких секунд и заковали в наручники.

Моника Фигуэрола, одетая в бронежилет, прошла по квартире, которая с 1960-х годов служила для «Секции» ставкой, распахивая дверь за дверью. После беглого осмотра она пришла к выводу: чтобы рассортировать множество бумаг, которые заполонили комнаты, ей потребуется помощь архивиста.

Еще через несколько секунд Моника открыла дверь в небольшую каморку в глубине квартиры, использовавшуюся как место ночного отдыха. Здесь она наконец столкнулась лицом к лицу с Юнасом Сандбергом. Еще утром, когда распределяли, кто чем будет заниматься, никто не знал, где его можно будет отыскать и арестовать, поскольку приставленный к нему наблюдатель накануне вечером упустил его из виду. А машина Сандберга стояла на стоянке на Кунгсхольмене, и у себя дома он в течение ночи не показывался. Естественно, они не оставляют на ночь квартиру пустой из соображений безопасности, и Сандберг отсыпается после ночного дежурства.

Юнас Сандберг был в одних трусах и выглядел сонным. Он потянулся к лежавшему на тумбочке табельному оружию, но Моника Фигуэрола наклонилась вперед и скинула пистолет на пол, подальше от Сандберга.

– Юнас Сандберг, вы задержаны по подозрению в причастности к убийствам Гуннара Бьёрка и Александра Залаченко, а также за участие в покушении на убийство Микаэля Блумквиста и Эрики Бергер. Наденьте штаны!

Сандберг замахнулся и попытался ударить Монику кулаком, но та мгновенно блокировала удар – ее рефлексы сработали безошибочно.

– Вздумал шутить? – спросила она.

Ухватив его за руку, Моника так сильно вывернула ему запястье, что Сандберг попятился назад и осел на пол. Она перевернула его на живот, коленом придавила ему крестец и надела на него наручники. С момента

начала работы в ГПУ/Без ей впервые довелось по долгу службы воспользоваться ими.

Фигуэрола передала Сандберга одному из полицейских, двинулась дальше и в конце концов открыла последнюю дверь в самой глубине квартиры. Согласно полученным в бюро жилищного планирования чертежам, там находилась маленькая каморка с окном во двор.

Моника с порога глядела на самое тощее огородное пугало, какое ей когда-либо доводилось видеть. Она ни секунды не сомневалась, что перед нею смертельно больной человек.

– Фредрик Клинтон, вы арестованы за участие в убийствах, покушениях на убийства и за целый ряд других преступлений, – сказала она. – Лежите и не двигайтесь. Мы вызвали машину «скорой помощи», чтобы доставить вас на Кунгсхольмен.

Кристер Мальм расположился непосредственно против выхода на Артиллеригатан. В отличие от Хенри Кортеса, он умел обращаться со своей цифровой камерой «Никон». Кристер использовал короткий телеобъектив, и снимки получились профессионального уровня.

Они запечатлели, как членов «Секции» одного за другим выводят из подъезда и сажают в полицейские фургоны и как «скорая помощь» забирает Фредрика Клинтона. Последний даже взглянул в объектив камеры, и именно в этот миг Кристер нажал на кнопку. В глазах Клинтона читались тревога и отчаяние.

Позднее этот снимок получил премию на конкурсе «Лучшая фотография года».

Глава 27

Пятница, 15 июля

В 12.30 судья Иверсен постучал по столу молоточком и объявил, что временно отложенное судебное разбирательство возобновляется. Он не мог не отметить, что за столом Анники Джаннини внезапно появился третий человек – Хольгер Пальмгрен, сидящий в инвалидном кресле.

– Привет, Хольгер, – сказал судья Иверсен. – Давненько я не видел вас в зале суда.

– Добрый день, судья Иверсен. Некоторые дела настолько сложны и запутанны, что молодежи требуется помощь.

– Я думал, что вы прекратили адвокатскую практику…

– Я болел. Но адвокат Джаннини пригласила меня в качестве помощника по этому делу.

– Ясно.

Анника откашлялась.

– Следует добавить, что Хольгер Пальмгрен многие годы представлял интересы Лисбет Саландер.

– Я не стал бы заострять внимание на этом факте, – сказал судья Иверсен.

Он кивком показал Аннике Джаннини, что можно начинать. Та встала. Она никогда не одобряла шведскую манеру вести судебное разбирательство в неформальном тоне, сидя в круге у стола, в интимной обстановке, словно это чуть ли не званый ужин. Анника чувствовала себя гораздо увереннее, если могла говорить стоя.

– Полагаю, мы можем начать с заключительных комментариев утреннего заседания. Господин Телеборьян, почему вы последовательно отвергаете все, что говорит и пишет Лисбет Саландер?

– Потому что все ее опусы, письменные и устные, несомненно, далеки от истины, – ответил Петер Телеборьян.

Он чувствовал себя спокойно и уверенно. Анника Джаннини кивнула и обратилась к судье Иверсену.

– Господин судья! Петер Телеборьян утверждает, что Лисбет Саландер лжет или же фантазирует. Сейчас защита продемонстрирует, что в автобиографии Лисбет Саландер нет ни слова лжи или вымысла. Мы представим доказательства – письменную документацию, видеозаписи и свидетельские показания. Мы дошли в данном судебном разбирательстве

до того момента, когда прокурор изложил основные пункты обвинения. Мы его выслушали и теперь знаем, в чем именно обвиняют Лисбет Саландер.

У Анники Джаннини вдруг пересохло во рту, и она почувствовала, что у нее дрожат руки. Она сделала глубокий вдох и выпила глоток минеральной воды. Потом крепко схватилась за спинку кресла руками, чтобы они не выдавали ее волнения.

– После выступления прокурора можно прийти к выводу о том, что у него есть масса предположений, но почти нет никаких доказательств. Он считает, что Лисбет Саландер стреляла в Карла Магнуса Лундина в Сталлархольме. Он утверждает, что она отправилась в Госсебергу с целью убить своего отца. Он полагает, что моя подзащитная страдает параноидальной шизофренией и является психически ущербной. И все эти выводы и гипотезы у него базируются на сведениях, полученных из одного-единственного источника, а именно от доктора Петера Телеборьяна.

Анника сделала паузу, перевела дух и сбавила темп речи.

– Доказательная база такова, что иск прокурора основан исключительно на высказываниях Петера Телеборьяна. Если он прав, то ничего не поделаешь – тогда моей подзащитной потребуется квалифицированное психиатрическое лечение, которого они с прокурором для нее добиваются.

Пауза.

– Но если доктор Телеборьян ошибается, то все сразу меняется. А если он к тому же сознательно лжет, то речь идет о том, что моя подзащитная тем самым подвергается правонарушениям – противозаконным действиям, которые продолжаются уже многие годы.

Она обратилась к Экстрёму.

– На протяжении этого заседания после обеденного перерыва мы докажем, что ваш свидетель ошибается и что вы, как прокурор, поддались диктату обмана и пришли к ложным выводам.

Петер Телеборьян изобразил улыбку, развел руками и приветливо кивнулАннике Джаннини. Та снова обратилась к судье Иверсену.

– Господин судья! Я намерена продемонстрировать, что так называемая судебно-психиатрическая экспертиза Петера Телеборьяна от начала до конца является блефом. Я докажу, что он намеренно лжет относительно Лисбет Саландер. Я продемонстрирую, что моя подзащитная подвергалась грубым правонарушениям, и докажу, что она столь же умна и разумна, как и каждый из нас, сидящий в этом зале.

– Простите, но… – начал Экстрём.

– Минутку. – Анника подняла палец. – Я не мешала вам выступать на

протяжении двух дней. Теперь моя очередь.

Она вновь повернулась к судье Иверсену.

– Если б у меня не было неопровержимых доказательств, я бы не стала выдвигать перед судом столь серьезные обвинения.

– Пожалуйста, продолжайте, – сказал Иверсен. – Но я не желаю слушать голословных рассуждений о заговорах. Не забывайте, что за высказывания в суде вас могут обвинить в посягательстве на честь и достоинство личности.

– Спасибо. Я буду об этом помнить.

Она обратилась к Телеборьяну, которого, похоже, по-прежнему забавляла эта ситуация:

– Защита неоднократно просила дать ей возможность ознакомиться с журналом Лисбет Саландер того периода, когда она в раннем подростковом возрасте находилась взаперти у вас в клинике Святого Стефана. Почему нам до сих пор так и не предоставили этот журнал?

– Потому что, по решению суда, на него наложен гриф секретности. Решение было принято в порядке проявления заботы о Лисбет Саландер, но если вышестоящий суд отменит это решение, я, разумеется, предоставлю вам журнал.

– Спасибо. Сколько ночей в течение двух лет, проведенных в клинике Святого Стефана, она пролежала привязанной ремнями?

– Я с ходу точно сказать не могу.

– Фрёкен Саландер утверждает, что триста восемьдесят из семисот восьмидесяти шести суток, которые провела в этой больнице, она пролежала привязанной ремнями.

– Я не могу сейчас точно указать количество дней, но это, конечно, фантазия. Откуда вы взяли эту цифру?

– Из ее автобиографии.

– И вы полагаете, что она сейчас может точно вспомнить каждую ночь, проведенную в ремнях? Это же невероятно.

– Разве? А сколько все-таки было таких ночей, как вы считаете?

– Лисбет Саландер была очень агрессивной и склонной к насилию пациенткой, и ее, безусловно, в некоторых случаях приходилось помещать в палату, свободную от раздражителей. Может, мне следовало бы объяснить предназначение подобных палат…

– Спасибо, в этом нет необходимости. Теоретически в такой палате пациент не получает никаких чувственных впечатлений, способных вызвать беспокойство. И сколько суток тринадцатилетняя Лисбет Саландер пролежала в такой палате привязанной ремнями?

– Речь может идти… Скорее всего, о тридцати случаях за все время ее пребывания в больнице.

– Тридцать. Это ведь лишь малая часть тех трехсот восьмидесяти случаев, о которых она говорит.

– Безусловно.

– Меньше десяти процентов от названной ею цифры.

– Да.

– А ее журнал мог бы дать нам более точные данные?

– Возможно.

– Отлично, – сказала Анника Джаннини, извлекая из портфеля солидную пачку бумаг. – Тогда я хотела бы передать суду копию журнала Лисбет Саландер из больницы Святого Стефана. Я подсчитала записи о пристегивании ремнями, и у меня получилась цифра триста восемьдесят один, то есть даже больше, чем утверждает моя подзащитная.

Глаза Петера Телеборьяна расширились.

– Постойте, но ведь эта информация засекречена. Откуда вы взяли журнал?

– Я получила его от одного журналиста из журнала «Миллениум». Так что этот документ больше не является тайной, он просто валяется у них в редакции. Мне, возможно, следует сказать, что фрагменты из него публикуются в номере «Миллениума», который выходит сегодня. Поэтому я считаю, что суду также следует дать возможность на него взглянуть.

– Это незаконно…

– Это вполне законно. Лисбет Саландер дала согласие на публикацию фрагментов. Моей подзащитной нечего скрывать.

– Ваша подзащитная признана недееспособной и не имеет права самостоятельно принимать подобные решения.

– Мы еще вернемся к признанию ее недееспособной. Но сначала нам следует разобраться с тем, что происходило с нею в клинике Святого Стефана.

Судья Иверсен нахмурил брови и взял протянутый Анникой Джаннини журнал.

– Я не сделала копии для прокурора. С другой стороны, он получил эти документы, свидетельствующие о нарушении прав личности, еще месяц назад.

– Каким образом? – поинтересовался Иверсен.

– Прокурор Экстрём получил копию этого засекреченного журнала от Телеборьяна во время совещания у него в кабинете в субботу четвертого июня этого года, в семнадцать ноль-ноль.

– Это правда? – спросил Иверсен.

Прокурор Экстрём для начала решил все отрицать, но потом подумал, что у Анники Джаннини могут быть доказательства.

– Я попросил разрешения прочесть журнал, при условии соблюдения служебной тайны, – признался он. – Мне требовалось убедиться в том, что история, поведанная Саландер, соответствует действительности.

– Спасибо, – сказала Анника Джаннини. – Следовательно, мы получили подтверждение тому, что доктор Телеборьян не только распространяет ложные сведения, но еще и преступил закон, выдав журнал, который, по его собственному утверждению, имеет гриф секретности.

– Мы возьмем это на заметку, – отозвался Иверсен.

Он вдруг напрягся. Анника Джаннини только что совершила весьма жесткий наезд на свидетеля и уже подвергла сомнению – да нет, просто аннулировала – важную часть его показаний.

А еще она утверждает, что может документально подтвердить все свои аргументы…

Иверсен поправил очки.

– Доктор Телеборьян! Можете ли вы, исходя из написанного вами собственноручно журнала, ответить мне, сколько суток Лисбет Саландер пролежала привязанной ремнями?

– Я совершенно не помню, чтобы цифра была столь значительной, но раз в журнале так сказано, я должен этому верить.

– Триста восемьдесят одни сутки… Разве такую цифру нельзя было бы назвать чрезвычайно завышенной?

– Да, действительно, цифра высокая.

– А как бы вы воспринимали в тринадцать лет, если бы кто-нибудь больше года держал бы вас привязанным кожаными ремнями к кровати со стальным каркасом? Как пытку?

– Вы должны понять, что пациентка представляла опасность для самой себя и для окружающих…

– О’кей. Допустим, что она представляла опасность для самой себя… Разве Лисбет Саландер когда-нибудь причиняла себе вред?

– Существовали такие опасения…

– Я повторяю вопрос: Лисбет Саландер когда-нибудь причиняла себе вред? Да или нет?

– Как психиатры мы обязаны воспринимать всю сумму обстоятельств в комплексе. Что касается случая Лисбет Саландер… Вы можете, к примеру, обнаружить на ее теле множество татуировок и колец, что также

является признаком самодеструктивного поведения и способом нанести вред собственному телу. Мы можем трактовать это как проявление самоненависти.

Анника обратилась к Лисбет Саландер:

– Ваши татуировки являются проявлением самоненависти?

– Нет, – ответила та.

Джаннини снова обратилась к Телеборьяну.

– Значит, вы считаете, что раз я ношу серьги и у меня тоже есть татуировка на одном из самых интимных мест, то я представляю опасность для самой себя?

Хольгер Пальмгрен фыркнул, но потом сделал вид, что кашлянул.

– Нет, не обязательно… Татуировки могут быть и частью некого социального ритуала.

– Следовательно, вы считаете, что случай Лисбет Саландер под понятие социального ритуала не подпадает?

– Вы можете сами убедиться, что ее татуировки карикатурны и покрывают значительные части тела. Это не просто проявление фетишизма, не просто стремление к красоте и не просто знак телесного декорирования.

– Сколько процентов?

– Простите?

– На сколько процентов тело должно быть покрыто татуировкой, чтобы это перестало быть фетишизмом и украшательством, и стало знаком некого психического заболевания?

– Вы извращаете мои слова.

– Неужели? Как же получается, что применительно ко мне или к другим молодым людям татуировка является, на ваш взгляд, частью вполне приемлемого социального ритуала, и в то же время засчитывается в минус моей подзащитной при оценке ее психического состояния?

– Я повторюсь, что, будучи психиатром, обязан рассматривать все обстоятельства в комплексе. Татуировки – это лишь маркер, один из многих маркеров, которые я должен принимать во внимание при оценке ее состояния.

Анника Джаннини на несколько секунд замолчала, пристально глядя на Петера Телеборьяна. Потом неторопливо заговорила:

– Но, доктор Телеборьян, вы начали привязывать мою подзащитную ремнями в двенадцать лет, когда ей еще только должно было исполниться тринадцать. В то время у нее не имелось ни единой татуировки, не так ли?

Петер Телеборьян на несколько секунд растерялся. Анника снова

заговорила:

– Думаю, вы привязывали ее ремнями вовсе не потому, что предвидели, что она в будущем собирается сделать себе татуировки.

– Разумеется, нет. К ее состоянию в девяносто первом году татуировки отношения не имеют.

– Тем самым мы возвращаемся к тому, с чего начали, то есть к моему первоначальному вопросу. Причиняла ли когда-либо Лисбет Саландер себе такой вред, который мог послужить основанием для того, чтобы держать ее привязанной к кровати на протяжении почти целого года? Может быть, она резала себя ножом, или бритвой, или чем-либо подобным?

Петер Телеборьян на секунду потерял самообладание.

– Нет, но у нас имелись основания полагать, что она представляет для себя опасность.

– Основания полагать… Вы имеете в виду, что связывали ее, поскольку что-то предвидели…

– Мы оцениваем ситуацию.

– Я уже примерно пять минут задаю один и тот же вопрос. Вы утверждаете, что больше года продержали мою подзащитную связанной, поскольку видели угрозу в самодеструктивном поведении – за те два года, пока она находилась у вас на излечении. Не будете ли вы так добры наконец привести мне пример ее самодеструктивного поведения в двенадцатилетнем возрасте?

– Девочка, например, пребывала в стадии крайнего истощения. Она, в частности, отказывалась от еды. Мы подозревали у нее анорексию. Нам неоднократно приходилось кормить ее через зонд.

– С чем же это было связано?

– Естественно, с тем, что она отказывалась есть.

Анника Джаннини обратилась к своей подзащитной:

– Лисбет, вы действительно отказывались от еды в клинике Святого Стефана?

– Да.

– Почему?

– Потому что этот подлец подмешивал мне в еду психотропные средства.

– Вот оно что… Значит, доктор Телеборьян пытался давать вам лекарства. Почему вы не хотели их принимать?

– Мне не нравились лекарства, которые мне давали. Я от них тупела. Не могла думать и становилась овощем. Мне было страшно. А этот мерзавец отказывался сообщать мне, какие вещества содержатся в этих

психотропных средствах.

– Значит, вы отказывались принимать лекарства?

– Да. И тогда он начал смешивать эту мерзость с едой. Поэтому я и прекратила есть. Каждый раз, когда мне что-нибудь подмешивали в еду, я отказывалась есть и голодала по пять дней.

– Значит, вы оставались голодной?

– Не всегда. Некоторые санитары тайком приносили мне бутерброды. Особенно один санитар – он частенько приносил мне еду поздно ночью. Такое случалось много раз.

– То есть вы хотите сказать, что персонал больницы понимал, что вам хочется есть, и приносил еду, чтобы вы не голодали?

– Это было в тот период, когда я воевала с этим негодяем из-за психотропных средств.

– Значит, для отказа от еды имелась совершенно рациональная причина?

– Да.

– Следовательно, это не было вызвано тем, что вам не хотелось есть?

– Нет. Я была постоянно голодна.

– Можно ли утверждать, что между вами и доктором Телеборьяном возник конфликт?

– Да, можно.

– Вы попали в клинику Святого Стефана, потому что облили своего отца бензином и подожгли?

– Да.

– Почему вы это сделали?

– Потому что он избивал мою мать.

– Вы это кому-нибудь объясняли?

– Да.

– Кому же?

– Я все рассказала полицейским, которые меня допрашивали, социальной комиссии, Комитету по делам детей и молодежи, врачам, пастору и этому мерзавцу.

– Под мерзавцем вы имеете в виду?..

– Его.

Лисбет показала на доктора Петера Телеборьяна.

– Почему вы называете его мерзавцем?

– Когда только попала в клинику Святого Стефана, я пыталась объяснить ему, что произошло.

– И что сказал доктор Телеборьян?

– Он не захотел меня слушать. Он утверждал, что я фантазирую, и в наказание велел привязывать меня к кровати, пока я не прекращу фантазировать. А потом пытался пичкать меня психотропными препаратами.

– Это чушь, – сказал Телеборьян.

– И поэтому вы с ним не разговариваете?

– Я не сказала ему ни слова с той ночи, когда мне исполнилось тринадцать лет. Тогда я тоже лежала связанной. Это был мой подарок самой себе на день рождения.

Анника Джаннини снова обратилась к Телеборьяну:

– Доктор Телеборьян, похоже, что моя подзащитная отказывалась от еды потому, что не соглашалась принимать психотропные средства, которые вы ей навязывали.

– Возможно, она воспринимает это именно так.

– А как воспринимаете это вы?

– Лисбет Саландер – чрезвычайно сложная пациентка. Я настаиваю на том, что ее поведение свидетельствовало об угрозе по отношению к самой себе, но, возможно, это вопрос спорный. Зато она буйствовала и демонстрировала психотическое поведение. Нет никакого сомнения в том, что она представляла опасность для окружающих. Она ведь попала к нам в больницу из-за того, что попыталась убить отца.

– К этому эпизоду мы еще вернемся. Вы на протяжении двух лет были ответственны за ее лечение. При этом триста восемьдесят один день вы продержали ее привязанной ремнями. Возможно, вы использовали ремни в качестве наказания, когда моя подзащитная отказывалась вам подчиняться?

– Это абсолютный нонсенс.

– Неужели? Я отметила, что в соответствии с журналом пациентки, ее в основном привязывали ремнями в первый год… Триста двадцать случаев из трехсот восьмидесяти одного. Почему ее перестали привязывать?

– Пациентка менялась в лучшую сторону и становилась более гармоничной.

– А может быть, остальной персонал больницы считал ваши меры чрезмерно брутальными?

– Что вы имеете в виду?

– Но ведь персонал подавал жалобы, поскольку считал насильственное кормление Лисбет Саландер чересчур антигуманным…

– Разумеется, ситуацию можно оценивать по-разному. В этом нет ничего предосудительного. Но кормить ее насильно было затруднительно, поскольку она оказывала яростное сопротивление…

– Поскольку отказывалась принимать психотропные средства, из-за которых становилась заторможенной и пассивной. Но когда ее не накачивали наркотиками, она не отказывалась от еды. Разве лечение не оказалось бы более успешным, если б вы не начали сразу применять жесткие меры?

– Простите меня, фру Джаннини. Но я все-таки врач и подозреваю, что в области медицины более компетентен, чем вы. Уж предоставьте мне решать, какие медицинские меры следует применять.

– Вы правы, доктор Телеборьян, я не врач. И все же некоторый уровень компетентности у меня имеется. Наряду со званием адвоката у меня имеется законченное психологическое образование, полученное в Стокгольмском университете. Видите ли, моя профессия требует психологических знаний…

В зале суда повисла гробовая тишина. Экстрём с Телеборьяном изумленно уставились на Аннику Джаннини. А та как ни в чем не бывало продолжала:

– Разве не ваши методы лечения моей подзащитной привели к конфликту между вами и вашим шефом, тогдашним главным врачом Юханнесом Кальдином?

– Это досужая болтовня.

– Юханнеса Кальдина уже несколько лет как нет в живых, и он не может свидетельствовать на данном процессе. Но у нас в суде присутствует человек, который неоднократно встречался с главным врачом Кальдином, – мой помощник Хольгер Пальмгрен.

Она обратилась к нему:

– Вы не могли бы рассказать, как все это произошло?

Пальмгрен откашлялся. Он по-прежнему страдал от последствий инсульта, и ему приходилось напрягаться, чтобы сделать свою речь разборчивой.

– Меня назначили наставником Лисбет, после того как ее отец нанес столь тяжкий вред здоровью ее матери, что та стала инвалидом и больше не смогла заботиться о дочери. Она получила необратимые повреждения головного мозга, и у нее неоднократно случались кровоизлияния в мозг.

– Вы имеете в виду Александра Залаченко?

Прокурор Экстрём наклонился вперед и напряг все свое внимание.

– Совершенно верно, – ответил Пальмгрен.

Экстрём кашлянул.

– Прошу отметить, что мы коснулись темы, подлежащей строжайшей секретности.

– То, что Александр Залаченко многие годы подряд жестоко избивал мать Лисбет Саландер, едва ли является тайной, – сказала Анника Джаннини.

Петер Телеборьян поднял руку.

– Дело обстоит гораздо серьезнее, чем представляет фру Джаннини.

– Что вы имеете в виду?

– Нет сомнения в том, что Лисбет Саландер в девяносто первом году стала свидетельницей семейной трагедии, которая привела к инвалидности ее матери. Однако нет никаких документов, подтверждающих, что такая ситуация продолжалась в течение многих лет, как утверждает фру Джаннини. Вполне возможно, что это был единичный случай или просто ссора, которая закончилась мордобоем. По правде говоря, отсутствуют даже документы, подтверждающие, что мать Лисбет Саландер избил именно господин Залаченко. Мы располагаем сведениями, что она занималась проституцией, и ее вполне могли бы избить и другие лица.

Анника Джаннини с искренним изумлением взглянула на Петера Телеборьяна и даже, казалось, на краткий миг лишилась дара речи. Но сразу взяла себя в руки, и взгляд ее вновь стал сосредоточенным.

– А нельзя ли об этом поподробнее? – попросила она.

– Я хочу сказать, что на самом деле все эти события нам известны только со слов Лисбет Саландер.

– И что же?

– Во-первых, сестер было двое. Сестра Лисбет, Камилла Саландер, никогда ничего похожего не утверждала. Более того, она отрицала, что подобное имело место. Во-вторых, если б события действительно имели такой масштаб, как заявляет ваша подзащитная, то они, естественно, были бы зафиксированы в отчетах социальных комиссий и прочих структур.

– Можем ли мы ознакомиться с каким-нибудь допросом Камиллы Саландер?

– С допросом?

– Имеются ли у вас какие-либо документы, доказывающие, что Камиллу Саландер вообще спрашивали о том, что произошло у них дома?

Когда речь зашла о сестре, Лисбет вдруг заерзала и покосилась на Аннику.

– Я предполагаю, что социальная служба проводила расследование…

– Вы только что заявили, что Камилла Саландер никогда не утверждала того, что Александр Залаченко избивал их мать, и, что, напротив, отрицала это. Вы позволили себе весьма категоричное высказывание. Откуда у вас такие сведения?

Петер Телеборьян вдруг на несколько секунд замолчал. Анника Джаннини заметила, как изменилось выражение его лица, когда он понял, что совершил ошибку. Психиатр понимал, на что она намекает, но уклониться от ответа было невозможно.

– Насколько я помню, это выяснилось из материалов полицейского расследования, – в конце концов выдавил он.

– Насколько вы помните… А я вот выбилась из сил, чтобы найти полицейские расследования по поводу событий на Лундагатан, когда Александр Залаченко получил тяжелые ожоги. Единственным доступным документом оказался сухой отчет, составленный полицией на месте происшествия.

– Возможно…

– Поэтому мне хотелось бы знать, каким образом вам удалось получить доступ к материалам полицейского расследования, недоступным для стороны защиты?

– На этот вопрос я ответить не могу, – сказал Телеборьян. – Мне дали с ними ознакомиться, когда в девяносто первом году я проводил судебно-психиатрическую экспертизу Лисбет Саландер, после того как она совершила покушение на жизнь своего отца.

– А прокурор Экстрём ознакомился с этим отчетом?

Экстрём заерзал и схватился за бородку. Он уже понял, что недооценил Джаннини. Вместе с тем врать ему было незачем.

– Да, ознакомился.

– Почему же, в таком случае, защита не получила доступ к этому материалу?

– Я решил, что он не представляет интереса для суда.

– Будьте добры, расскажите мне, как к вам попали эти документы. Когда я обратилась в полицию, мне сообщили, что такого отчета не существует.

– Расследование проводилось Службой государственной безопасности. Оно имеет гриф секретности.

– Неужели Служба безопасности занималась расследованием жестокого избиения женщины и решила поставить на отчете гриф секретности?

– Это связано с личностью виновника… С Александром Залаченко. Он был политическим беженцем.

– Кто проводил расследование?

Молчание.

– Я не слышу ответа. Чье имя значилось на титульном листе?

– Расследование проводил Гуннар Бьёрк из отдела ГПУ/Без по работе с иностранцами.

– Спасибо. Это тот самый Гуннар Бьёрк, который, как утверждает моя подзащитная, совместно с Петером Телеборьяном сфальсифицировал ее судебно-психиатрическую экспертизу девяносто первого года?

– Полагаю, что так.

Анника вновь обратилась к Петеру Телеборьяну.

– В девяносто первом году суд постановил заключить Лисбет Саландер в детскую психиатрическую клинику. Почему было принято именно такое решение?

– Суд тщательным образом изучил поступки и психическое состояние вашей подзащитной – она все-таки пыталась убить своего отца при помощи зажигательной бомбы. Это ведь довольно нетипичный поступок для подростка, независимо от того, есть у него татуировка или нет.

Петер Телеборьян изобразил куртуазную улыбку.

– А на чем основывалось заключение суда? Если я правильно понимаю, оно опирались только на одну-единственную судебно-психиатрическую экспертизу, составленную вами совместно с полицейским по имени Гуннар Бьёрк.

– Речь идет о заговорах, нафантазированных фрёкен Саландер. Я должен…

– Простите, но я еще не задала вопрос, – сказала Анника Джаннини и снова обратилась к Хольгеру Пальмгрену: – Хольгер, мы говорили с вами о том, что вы встречались с шефом доктора Телеборьяна, главным врачом Кальдином.

– Да. Меня ведь назначили наставником Лисбет Саландер. К тому времени я не знал ее и видел ее лишь мельком. У меня, как и у всех остальных, сложилось впечатление, что она страдает серьезным психическим отклонением. Но, поскольку я получил такое задание, я справился об общем состоянии ее здоровья.

– И что же сказал главврач Кальдин?

– Лисбет ведь была пациенткой доктора Телеборьяна, и доктор Кальдин не уделял ей особого внимания. Обычно он проверял оценки ее состояния и тому подобное. Примерно через год я начал советоваться с коллегами и решил, что ее можно снова приобщить к нормальной жизни. Предложил приемную семью. Я не знаю точно, что происходило внутри клиники Святого Стефана, но, когда Лисбет пролежала у них приблизительно год, доктор Кальдин вдруг начал проявлять к ней интерес.

– И каким образом, позвольте спросить?

– Я понял, что он оценивает ее состояние иначе, чем доктор Телеборьян. Как-то раз Кальдин рассказал мне, что решил изменить методы ее лечения. Только позднее я понял, что речь шла о так называемом связывании. Кальдин попросту велел прекратить привязывать ее ремнями, поскольку не видел для этого оснований.

– Следовательно, он пошел против доктора Телеборьяна?

– Простите, но вам это известно понаслышке, – возразил Экстрём.

– Нет, – сказал Хольгер Пальмгрен. – Не только. Я затребовал рекомендацию по поводу того, как можно вернуть Лисбет Саландер обратно в общество. Доктор Кальдин такую рекомендацию написал. Она у меня сохранилась.

Он протянул Аннике Джаннини какую-то бумажку.

– Вы можете рассказать, что тут написано?

– Это письмо доктора Кальдина ко мне. Оно датировано октябрем девяносто второго года, к этому времени Лисбет пролежала в клинике уже двадцать месяцев. Доктор Кальдин пишет буквально следующее, цитирую: «Мое решение запретить связывать и насильно кормить пациентку дало очевидный эффект – она успокоилась. Необходимости в психотропных препаратах нет. Однако пациентка крайне замкнута и закрыта и нуждается в дальнейших мерах поддержки». Конец цитаты.

– То есть он вполне недвусмысленно пишет, что это было его решение.

– Совершенно верно. Доктор Кальдин – опять-таки, лично – принял решение о том, что Лисбет можно вернуть в общество через приемную семью.

Саландер кивнула. Она помнила доктора Кальдина так же отчетливо, как каждую деталь своего пребывания в клинике Святого Стефана. Девочка отказывалась разговаривать с доктором Кальдином – он был мозгоправом, еще одним «белым халатом», которые рвались покопаться в ее чувствах. Но он был приветливым и добродушным. Она сидела у него в кабинете и слушала, а он объяснял ей, как относится к ее проблемам и как предлагает их решать.

А он, кажется, обижался, что она не хотела с ним разговаривать. В конце концов Лисбет взглянула ему в глаза и объяснила свое решение: «Я никогда не стану разговаривать с вами или с любым другим мозгоправом. Вы все равно не слушаете то, что я говорю. Вы можете держать меня тут взаперти до самой смерти. Это ничего не изменит. Разговаривать с вами я не стану». Он взглянул на нее с удивлением, потом кивнул, словно вдруг что-то понял…

– Доктор Телеборьян, я констатировала, что вы заперли Лисбет

Саландер в детскую психиатрическую клинику. Вы предоставили в суд единственную экспертизу, которая и послужила основой подобного решения. Все верно?

– По сути верно. Но я считаю…

– У вас будет достаточно времени объяснить, что вы считаете. Когда Лисбет Саландер исполнилось восемнадцать лет, вы снова вторглись в ее жизнь и попытались опять запереть ее в клинике.

– В тот раз судебно-медицинскую экспертизу проводил не я…

– Да, ее составил доктор Йеспер Х. Лёдерман. Он, по случайному стечению обстоятельств, был в то время вашим докторантом, а вы являлись его научным руководителем. Следовательно, экспертиза согласовывалась с вами.

– Эти экспертизы не нарушают нормы этики или справедливости. Мы следовали всем предписаниям.

– Теперь Лисбет Саландер двадцать семь лет, и мы в третий раз оказываемся в ситуации, когда вы пытаетесь убедить суд в том, что она психически больна и ее следует поместить в закрытое психиатрическое учреждение.

Доктор Петер Телеборьян глубоко вздохнул. Оказалось, что Анника Джаннини неплохо подготовилась к судебному процессу. Она преподнесла ему неприятный сюрприз: обрушилась на него с целым каскадом неожиданных каверзных вопросов и извратила его ответы. Она оставалась безучастной к его шарму и игнорировала его авторитет. А он за много лет своей практики уже привык к тому, что, когда он говорит, все вокруг согласно кивают в ответ.

И все-таки – что ей известно? И чего она не знает?

Телеборьян покосился на прокурора Экстрёма, но понял, что с его стороны помощи ждать не следует. Придется самому выкарабкиваться из этой катавасии.

Он напомнил себе, что все же является авторитетным специалистом. А она пусть говорит, что хочет. Решающим все равно останется его мнение.

Анника Джаннини взяла на столе заключение судебно-психиатрической экспертизы.

– Давайте ознакомимся поближе с вашей последней экспертизой. Вы сосредоточились на анализе внутреннего мира Лисбет Саландер. Здесь вы немало внимания уделяете ее личности, поведению и сексуальным стереотипам…

– Я пытался дать в экспертизе всесторонний анализ.

– Допустим. И, исходя из этого всестороннего анализа, вы приходите к

заключению, что Лисбет Саландер страдает параноидальной шизофренией.

– Я бы хотел подчеркнуть: стопроцентно точных диагнозов в психиатрии нет и быть не может.

– Но ведь вы составили свое заключение не на основании бесед с Лисбет Саландер, не так ли?

– Вам прекрасно известно, что ваша подзащитная упорно отказывается отвечать на вопросы, если их задаю я или какой-нибудь чиновник. Уже сама по себе такая линия поведения свидетельствует о многом. Это можно толковать так: параноидальные черты пациентки проявляются таким образом, что она не в состоянии вести элементарную беседу с представителем власти. Она считает, что все только и стремятся причинить ей вред, что со всех сторон ей угрожает опасность, и она замыкается в непробиваемой скорлупе и буквально немеет.

– Я не могу не заметить, что вы выражаетесь очень осторожно. Вы говорите, что это можно толковать так…

– Да, все верно. Я выражаюсь осторожно. Психиатрия не относится к области точных наук, и я должен быть осторожен в своих выводах. В то же время и мы, психиатры, должны опираться на факты.

– Вы очень тщательно выстраиваете собственную линию обороны. На самом же деле вы не обменялись ни единым словом с моей подзащитной с той ночи, когда ей исполнилось тринадцать лет, поскольку она упорно отказывалась с вами общаться.

– Не только со мной. Она не в силах вести беседу ни с одним психиатром.

– Это означает, что ваши выводы, как вы тут пишете, базируются на опыте и наблюдениях за моей подзащитной…

– Так оно и есть.

– Но что можно узнать, изучая девушку, которая сидит на стуле, скрестив руки, и отказывается говорить?

Петер Телеборьян вздохнул, и по его виду стало понятно, что ему наскучило объяснять элементарные вещи. Он улыбнулся.

– О пациентке, которая постоянно молчит, можно узнать лишь то, что она постоянно молчит. Это уже само по себе является отклонением от нормы, но мои выводы основаны не только на этом.

– Я пригласила на вечернее заседание другого психиатра. Его зовут Сванте Бранден, и он является главным врачом Государственного управления судебной медицины и специалистом по судебной психиатрии. Вы его знаете?

К Петеру Телеборьяну вернулось самообладание. Он улыбнулся. Да,

он подозревал, что Джаннини приведет другого психиатра, чтобы опровергнуть его выводы. К такой ситуации он готовился и мог бы легко парировать любые инсинуации. Ему будет куда проще положить на обе лопатки академически образованного коллегу в дружеском споре, чем договориться с адвокатом Джаннини, которая не прочь постоянно над ним подтрунивать и иронизировать.

– Да. Он признанный специалист в области судебной психиатрии. Но, понимаете ли, фру Джаннини, проведение экспертизы такого рода – это абстрактный научный процесс. Вы можете не согласиться с моими выводами. Также и другой психиатр может истолковать какое-то действие или происшествие по-другому, не так, как я. Здесь очень важно, насколько близко врач знает пациента, и с какой точки зрения он анализирует ситуацию. Не исключено, что другой доктор сделает совершенно другие выводы относительно Лисбет Саландер. В психиатрии многое зависит от конкретного врача и от конкретного пациента. Единых критериев нет, и быть не может.

– А я пригласила его не для того, чтобы он опровергал ваши выводы. Он не встречался с Лисбет Саландер, не обследовал ее и не собирается делать никаких выводов о ее психическом состоянии.

– Вот как…

– Я попросила его прочитать вашу экспертизу и всю составленную вами документацию о Лисбет Саландер, а также ознакомиться с ее журналом периода пребывания в клинике Святого Стефана. И я попросила его оценить не состояние здоровья моей подзащитной. Меня интересует, имеются ли, с чисто научной точки зрения, в предоставленном вами материале достаточные основания для сделанных вами выводов.

Телеборьян пожал плечами.

– При всем уважении… Я считаю, что знаю Лисбет Саландер лучше, чем любой другой психиатр у нас в стране. Я наблюдаю за ней с тех пор, как ей исполнилось двенадцать лет, и мои выводы, к сожалению, все время подтверждаются ее действиями.

– Очень хорошо, – сказала Анника. – Тогда обратимся к вашим выводам. В своем заключении вы пишете, что лечение прервалось, когда ей исполнилось пятнадцать лет и ее поместили в приемную семью.

– Именно так. Этот шаг я считаю серьезной ошибкой. Если б нам дали завершить курс лечения, возможно, сегодня мы здесь не сидели бы.

– Вы считаете, что, если бы вам позволили держать ее связанной еще год, она бы стала более контактной?

– Мне кажется, ваши издевки здесь неуместны.

– Прошу прощения. Вы так охотно цитируете экспертизу, составленную вашим докторантом Йеспером Х. Лёдерманом, когда Лисбет Саландер исполнилось восемнадцать лет… Вы пишете, что «ее самодеструктивное и асоциальное поведение подтверждается различными злоупотреблениями и промискуитетом, которые она демонстрировала после выхода из больницы Святого Стефана». Не могли бы вы уточнить, что именно вы имеете в виду?

Телеборьян выдержал краткую паузу.

– Для этого придется вернуться немного назад. После того как Лисбет Саландер выпустили из больницы Святого Стефана, у нее, как я и предвидел, возникли проблемы с алкоголем и наркотиками. Она неоднократно попадала в полицию. Социальная комиссия свидетельствовала также, что она вступала в беспорядочные сексуальные связи с пожилыми мужчинами и, по всей видимости, занималась проституцией.

– Что ж, давайте разберемся поподробнее. Вы утверждаете, что она злоупотребляла алкоголем. Как часто она бывала пьяной?

– Простите?

– В период между тем, как ее выпустили из больницы, и до восемнадцати лет она бывала пьяной ежедневно? Или раз в неделю?

– На этот вопрос я, естественно, ответить не могу.

– Но вы ведь утверждаете, что она злоупотребляла алкоголем?

– Будучи несовершеннолетней, она много раз задерживалась полицией за пьянство.

– Вы уже второй раз повторяете, что ее много раз задерживали. Как часто это происходило? Раз в неделю или раз в две недели?..

– Нет, не так часто…

– Лисбет Саландер полиция задерживала за пьянство дважды – в шестнадцать и, соответственно, в семнадцать лет. В одном из этих случаев она была настолько неуправляемой, что ее отправили в больницу. Это и есть те неоднократные случаи, на которые вы ссылаетесь? Бывала ли она пьяной еще когда-либо?

– Этого я не знаю, но боюсь, что ее поведение…

– Простите, но верно ли я вас расслышала? Значит, у вас нет уверенности, что будучи подростком, она бывала пьяна более двух раз… Но вы опасаетесь, что да, бывала. Однако на каком основании вы заключаете, что Лисбет Саландер замкнута в порочном круге алкоголя и наркотиков?

– Это сведения службы социальной защиты, не мои. Речь идет о

жизненной ситуации, в которой оказалась Лисбет Саландер. После того, как лечение прервалось, перспективы ее оказались весьма туманны, она начала злоупотреблять алкоголем, предаваться бесконтрольному промискуитету, ее задерживала полиция и так далее.

– Вы используете выражение «бесконтрольный промискуитет».

– Да… Под этим термином подразумевается, что она не контролировала свою жизнь. Предавалась сексуальным развлечениям с пожилыми мужчинами…

– Это не является преступлением.

– Да, но зато является аномальным стереотипом поведения для шестнадцатилетней девушки. Можно, конечно, попробовать разобраться, предавалась она этому общению добровольно или по принуждению.

– Но вы утверждали, что она занималась проституцией.

– Скорее всего это случилось потому, что она не имела образования, не могла осилить дальнейшее обучение и, соответственно, найти работу. Возможно, пожилые мужчины стали для нее спонсорами, а материальную компенсацию за сексуальные услуги Саландер считала просто бонусом. В любом случае я отношу это за счет невротического поведения.

– Значит, по-вашему, шестнадцатилетняя девушка, которая занимается сексом, является невротиком?

– Вы искажаете мои слова.

– Но вы не знаете, получала ли она когда-либо материальное вознаграждение за сексуальные услуги?

– За проституцию ее в полицию ни разу не забирали.

– За это ее едва ли могли забрать, поскольку в ее действиях не было состава преступления.

– Согласен. Но в ее случае речь, скорее всего, может идти о невротическом поведении.

– И, основываясь на столь сомнительных выводах, вы бесповоротно решили, что Лисбет Саландер душевно больная? Я и сама в шестнадцать лет однажды напилась до бесчувствия, причем выпила бутылку водки, которую украла у отца. Следовательно, вы и меня сочтете сумасшедшей?

– Разумеется, нет.

– Вспомните, ведь и вам когда-то было семнадцать лет… И вы отправились на вечеринку, где все напились до такого состояния, что отправились в центр и перебили окна на площади в Уппсале. Вас забрали в полицию, протрезвили, а потом прислали штраф.

Петер Телеборьян никак не ожидал такого выпада.

– Неужели это неправда?

– Каких только глупостей не натворишь в семнадцать лет. Но…

– Но ведь этот факт не навел вас на мысль, что у вас серьезное психическое расстройство?

Петер Телеборьян не мог скрыть своего раздражения. Эта чертова адвокатша все время передергивала его слова и цеплялась к отдельным деталям и подробностям. Она не желала видеть картину целиком. Вдруг откуда-то из дальнего прошлого извлекла грешки его юности и попрекала его тем, что он сам когда-то напивался… Какое это имеет отношение к делу? И где она, черт побери, раздобыла эти сведения? Он откашлялся и повысил голос.

– Отчеты службы социальной защиты неоднозначно свидетельствовали о том, что Лисбет Саландер вела образ жизни, неотделимый от алкоголя, наркотиков и промискуитета. Социальная служба считала также, что Лисбет Саландер занималась проституцией.

– Нет. Социальные службы никогда не утверждали, что Лисбет Саландер проститутка.

– Ее арестовывали за…

– Это ложь. Ее не арестовывали. Когда ей было семнадцать лет, ее подвергли личному досмотру в парке Тантолунден, где она находилась в компании мужчины намного старше себя. В тот же год ее задержали за пьянство. Опять-таки в обществе мужчины значительно старше ее. Служба социальной защиты опасалась, что она, возможно, занимается проституцией. Но эти подозрения так и остались бездоказательными.

– Она предавалась раскрепощенному сексуальному общению с большим количеством людей, как юношей, так и девушек.

– В своей экспертизе – я цитирую со страницы номер четыре – вы анализируете сексуальные пристрастия Лисбет Саландер. Вы утверждаете, что ее отношения с подругой Мириам Ву подтверждают опасения по поводу сексуальной психопатии. Каким образом?

Петер Телеборьян вдруг умолк.

– Я очень надеюсь, что вы не считаете гомосексуальность психическим заболеванием. Подобные утверждения могут быть уголовно наказуемы.

– Нет, конечно, не считаю. Я имею в виду черты сексуального садизма в их отношениях.

– Вы хотите сказать, что Лисбет садистка?

– Я…

– По свидетельству Мириам Ву, в их отношениях не было никакого насилия. У нас есть показания, полученные полицией.

– Они занимались нетрадиционным сексом и…

– Теперь мне начинает казаться, что вы просто начитались таблоидов. Лисбет Саландер с подругой Мириам Ву несколько раз предавались сексуальным играм, в процессе которых Мириам Ву связывала мою подзащитную и доставляла ей сексуальное удовлетворение. В этом нет ничего экстраординарного или незаконного. Именно поэтому вы хотите изолировать мою подзащитную от общества?

Телеборьян отрицательно замахал рукой.

– Что ж, тогда я позволю себе немного откровенной информации. В шестнадцать лет я напилась до бесчувствия. За годы учебы в гимназии я еще несколько раз напивалась. Пробовала наркотики. Курила марихуану, и примерно лет двадцать назад даже попробовала кокаин. Мой сексуальный дебют состоялся в пятнадцать лет, вместе с одним одноклассником, а в двадцатилетнем возрасте я сблизилась с парнем, который привязывал мои руки к спинке кровати. Когда мне было двадцать два года, я в течение трех месяцев состояла в связи с мужчиной, которому было сорок семь лет. По-вашему, я сумасшедшая?

– Фру Джаннини… Вы просто иронизируете по этому поводу, но ваш сексуальный опыт не имеет никакого отношения к данному процессу.

– Почему же? Когда я читаю ваш так называемый психиатрический отчет о состоянии здоровья Лисбет Саландер, я пункт за пунктом обнаруживаю факты, которые, будучи вырванными из контекста, полностью совпадают с фактами моей биографии. Почему же я являюсь нормальным и здоровым индивидом, а Лисбет Саландер – общественно опасной извращенкой?

– Решающее значение имеют совсем не эти детали. Вы ведь не пытались дважды убить своего отца…

– Доктор Телеборьян, реальность такова, что вас совершенно не касается, с кем у Лисбет Саландер завязываются сексуальные отношения. Вас не касается, какого пола партнеров она выбирает и как именно они осуществляют сексуальное общение. Но тем не менее вы выхватываете детали из ее жизни и используете их в качестве доказательства того, что она больна.

– Вся жизнь Лисбет Саландер, начиная с учебы в первых классах, зафиксирована в серии записей в журналах – в основном, она испытывала приступы безотчетной неукротимой ярости по отношению к учителям и одноклассникам.

– Минуточку…

Голос Анники Джаннини вдруг зазвучал, как скребок для снятия

наледи с автомобильного стекла.

– Посмотрите на мою подзащитную.

Все посмотрели на Лисбет Саландер.

– Моя подзащитная выросла в крайне неблагополучной семье, с отцом, который несколько лет подряд жестоко избивал ее мать.

– Это…

– Дайте мне договорить. Мать Лисбет Саландер до смерти боялась Александра Залаченко. Она не осмеливалась протестовать, не осмеливалась обращаться к врачу или в женский кризисный центр. Под конец ее так жестоко избили, что у нее начались необратимые изменения головного мозга. Лисбет Саландер оказалась единственной, кто взяла на себя ответственность за семью, еще задолго до достижения подросткового возраста. Эту ответственность ей пришлось брать единолично, поскольку шпион Залаченко оказался куда более важной персоной, чем мать Лисбет.

– Я не могу…

– Налицо ситуация, когда общество предало мать Лисбет и детей. Вас удивляет, что у фрёкен Саландер имелись проблемы в школе? Посмотрите на нее. Она маленькая и хрупкая, и всегда оказывалась самой маленькой девочкой в классе. Она была замкнутой, не такой, как все, и не имела друзей. Вам известно, как дети обычно относятся к одноклассникам, которые отличаются от остальных?

Петер Телеборьян вздохнул.

– Я могу вернуться к ее школьным журналам и восстановить ситуации, когда Лисбет проявляла агрессию, – сказала Анника. – Им предшествовали провокации. Я без труда узнаю́ все признаки травли. И знаете, что я вам скажу?

– Что?

– Я восхищаюсь Лисбет Саландер. Она сильнее меня. Если бы я в тринадцатилетнем возрасте год пролежала связанной ремнями, я бы наверняка сломалась. А она давала сдачи единственным оружием, которое имелось в ее распоряжении, – ненавистью. Она отказывалась с вами разговаривать.

Внезапно Анника Джаннини перешла на более мощный голосовой регистр. Нервы отпустили ее, и теперь она чувствовала, что контролирует ситуацию.

– На утренних слушаниях сегодня вы говорили что-то о ее фантазиях. Вы, например, причислили к ним и описание насилия, совершенного над ней адвокатом Бьюрманом.

– Совершенно верно.

– Но на чем основан этот вывод?

– На опыте знакомства с ее обычными фантазиями.

– На опыте знакомства с ее фантазиями… А как вы определяете, когда она фантазирует? Когда она говорит, что пролежала привязанной триста восемьдесят суток, это, по вашему мнению, является фантазией, хотя ваш собственный журнал полностью подтверждает ее слова.

– Это совершенно другое дело. Нет никаких – даже просто технических – доказательств того, что адвокат Бьюрман совершал по отношению к Лисбет Саландер насильственные действия. Я имею в виду, что если бы она подверглась грубым насильственным действиям и ее соски прокалывали бы иголками, ее, безусловно, отвезли бы на «скорой помощи» в больницу… Это само по себе уже подтверждает, что ничего подобного быть не могло.

Джаннини обратилась к судье Иверсену.

– Я просила на сегодня установить проектор для демонстрации CD-диска с компьютера…

– Он на месте, – сказал Иверсен.

– Можно ли задернуть занавески?

Анника загрузила свой ноутбук и присоединила кабели к проектору. Потом обратилась к своей подзащитной:

– Лисбет! Мы сейчас посмотрим одну запись. Вы к этому готовы?

– Я с ней уже знакома, – сухо ответила Саландер.

– Вы позволите мне ее показать?

Лисбет кивнула. Она неотрывно смотрела на Петера Телеборьяна.

– Вы можете рассказать, когда сделана запись?

– Седьмого марта две тысячи третьего года.

– Кто делал запись?

– Я сама. Я использовала скрытую камеру, которая является стандартным оборудованием «Милтон секьюрити».

– Минутку! – прокурор Экстрём перешел на крик. – Это начинает напоминать цирковые трюки.

– Что вы собираетесь нам показать? – спросил судья Иверсен с металлом в голосе.

– Петер Телеборьян утверждает, что рассказ Лисбет Саландер является фантазией. Я же хочу продемонстрировать документ, подтверждающий, что она излагает правду – от первого до последнего слова. Предупреждаю, что запись содержит ряд жестоких сцен.

– Это, что, какой-то монтаж? – спросил Экстрём.

– Существует прекрасный способ это проверить, – ответила Анника

Джаннини, запуская диск.

«Ты, что, даже на часы не научилась смотреть?» – приветствовал адвокат Бьюрман свою подопечную, и камера проскользнула в его квартиру.

Через девять минут, на той самой сцене, когда Бьюрман запихивал фаллоимитатор в анальное отверстие Лисбет Саландер, судья Иверсен ударил молотком по столу. Анника Джаннини с самого начала установила большую громкость, и сдавленные крики Лисбет сквозь скотч, которым Бьюрман заклеил ей рот, слышались по всему залу суда.

– Выключите запись, – громко и решительно распорядился Иверсен.

Анника Джаннини нажала на «стоп». Включили верхнее освещение. Судья покраснел, как рак. Прокурор Экстрём словно окаменел. Петер Телеборьян мертвецки побледнел.

– Адвокат Джаннини! Сколько времени занимает эта запись? – спросил судья Иверсен.

– Девяносто минут. Сам акт насилия продолжался с паузами на протяжении пяти-шести часов, но у моей подзащитной сохранились лишь смутные представления о времени к концу этой позорной сцены… – Анника обратилась к Телеборьяну. – Зато там имеется сцена, когда Бьюрман вдавливает в сосок моей подзащитной иголку, в то время как доктор Телеборьян утверждает, что это плод сомнительных фантазий Лисбет Саландер. Этот эпизод зафиксирован на семьдесят второй минуте, и я готова показать его прямо сейчас.

– Спасибо, в этом нет необходимости, – сказал Иверсен. – Фрёкен Саландер…

Он на секунду запнулся и не знал, как ему сформулировать свои вопросы.

– Фрёкен Саландер, зачем вы сделали эту запись?

– Бьюрман меня уже однажды насиловал, и требовал продолжения. В первый раз этот старый ублюдок заставил меня заниматься с ним оральным сексом. Я знала, что ему захочется повторения, и решила получить документальные подтверждения того, чем он занимается. Я хотела шантажировать его этой записью и заставить его держаться от меня подальше. Но я его недооценила.

– А почему вы не заявили о жестоком изнасиловании в полицию, раз у вас имеется такое… убедительное доказательство?

– Я не разговариваю с полицейскими, – безучастно ответила Лисбет Саландер.

Вдруг Хольгер Пальмгрен совершенно неожиданно поднялся из инвалидного кресла. Он опирался руками о край стола и голос его звучал

отчетливо:

– Наша подзащитная принципиально не разговаривает с полицейскими или другими представителями властей, а с психиатрами и подавно. Объяснить это очень просто. Начиная с самого детства, она раз за разом пыталась говорить с полицейскими, представителями социальных служб и разных органов власти. Она объясняла, что Александр Залаченко избивает ее мать. И каждый раз это оборачивалось для нее наказанием, поскольку бюрократы раз и навсегда решили, что Залаченко для них важнее, чем Саландер.

Он откашлялся и продолжал:

– Когда же она наконец поняла, что ее никто не слушает, ей оставалось только попытаться спасти мать, применив силу против Залаченко. И тогда этот подлец, называющий себя доктором, – он показал на Телеборьяна, – составил сфальсифицированный судебно-психиатрический диагноз, объявив ее сумасшедшей, что дало ему возможность в течение трехсот восьмидесяти суток держать ее в клинике связанной. Черт бы его подрал!

Пальмгрен сел.

Иверсена откровенно потряс этот выпад Пальмгрена, и он обратился к Лисбет Саландер:

– Может быть, вы хотите сделать перерыв…

– Зачем? – спросила Лисбет.

– Что ж, тогда продолжим. Адвокат Джаннини, видеозапись обследуют, и я потребую технического заключения о том, что она аутентична. А пока можем следовать дальше.

– С удовольствием. Мне эти сцены тоже представляются крайне отталкивающими. Но правда заключается в том, что моя подзащитная подверглась физическому, психическому и правовому насилию. И человеком, на которого следует возложить за это ответственность, является Петер Телеборьян. Он изменил врачебной присяге, он предал свою пациентку. Совместно с Гуннаром Бьёрком, сотрудником нелегальной структуры, внедренной в Службу государственной безопасности, он сфальсифицировал судебно-психиатрическую экспертизу с целью изолировать неудобного свидетеля. Я уверена, что это – уникальный случай в шведской истории права.

– Это просто возмутительно, – отозвался Петер Телеборьян. – Я как мог пытался помочь Лисбет Саландер. Она пыталась убить своего отца. Совершенно очевидно, что с нею что-то было не в порядке…

Анника Джаннини не дала ему договорить.

– Я хотела бы обратить внимание суда на вторую судебно-

психиатрическую экспертизу моей подзащитной, составленную доктором Телеборьяном. На экспертизу, озвученную сегодня в суде. Я утверждаю, что она – фальшивка, точно так же, как и в девяносто первом году.

– Но это же…

– Судья Иверсен, не могли бы вы попросить свидетеля не перебивать меня?

– Господин Телеборьян…

– Я буду молчать. Но меня возмущают эти неслыханные обвинения. Нет ничего удивительного в том, что я реагирую…

– Господин Телеборьян, пока вам не задали вопроса, помолчите. Продолжайте, адвокат Джаннини.

– Вот судебно-психиатрическая экспертиза, которую предоставил суду доктор Телеборьян. Она строится на так называемых наблюдениях над моей подзащитной, которые якобы имели место с момента ее перевода в следственный изолятор «Крунуберг» шестого июня и до окончания обследования пятого июля.

– Да, я именно так это и понял, – сказал судья Иверсен.

– Доктор Телеборьян! Соответствует ли действительности тот факт, что до шестого июня вы не имели возможности проводить тесты и наблюдать за моей подзащитной? До этого момента она, как известно, находилась в полной изоляции в Сальгренской больнице.

– Да, – ответил Телеборьян.

– Вы дважды пытались получить доступ к моей подзащитной в Сальгренской больнице. Оба раза вам отказали. Это верно?

– Да.

Анника Джаннини снова открыла портфель и вытащила какой-то документ. Затем обошла вокруг стола и передала его Иверсену.

– Ну да, – сказал судья. – Это копия экспертизы доктора Телеборьяна. И что же дальше?

– Я хотела бы вызвать двух свидетелей, дожидающихся за дверьми зала суда.

– Кто эти свидетели?

– Микаэль Блумквист из журнала «Миллениум» и комиссар Торстен Эдклинт из Службы государственной безопасности, Отдела защиты конституции.

– И они ожидают вызова?

– Да.

– Ну так пригласите их, – распорядился судья Иверсен.

– Это противоречит регламенту, – заявил Экстрём, который довольно

долгое время сидел молча.

Прокурора шокировало то, что Анника Джаннини просто-напросто нейтрализует его ключевого свидетеля. Видеозапись уже нанесла сокрушительный удар, а теперь Иверсен проигнорировал сопротивление Экстрёма и знаком велел охранникам открыть дверь.

В зал вошли Блумквист и Эдклинт.

– Я бы хотела первым допросить Микаэля Блумквиста.

– Тогда я попрошу Петера Телеборьяна вернуться на свое место в зале.

– Вы со мной уже закончили? – спросил Телеборьян.

– Отнюдь нет, – ответила Анника Джаннини.

Микаэль сменил Телеборьяна за кафедрой свидетеля. Судья Иверсен покончил с формальностями, и журналист под присягой пообещал говорить правду.

Анника подошла к Иверсену и попросила вернуть ей на время судебно-психиатрическую экспертизу, которую только что ему вручила, а затем передала эту копию Микаэлю.

– Вы раньше видели этот документ?

– Да, видел. Он имеется у меня в трех версиях. Первую я получил приблизительно двенадцатого мая, вторую – девятнадцатого мая, а третью, вот эту, – третьего июня.

– Вы можете рассказать, как к вам попала эта копия?

– Я получил ее как журналист от источника, чье имя раскрывать я не намерен.

Лисбет Саландер не отрывала взгляда от Петера Телеборьяна, который стал мертвенно-бледным.

– Что вы сделали с этой экспертизой?

– Я передал ее Торстену Эдклинту из Отдела защиты конституции.

– Спасибо, Микаэль. Теперь я хотела бы пригласить Торстена Эдклинта, – сказала Анника Джаннини, забирая обратно бумаги, после чего передала их Иверсену.

Судья выглядел растерянно.

Процедура с присягой повторилась.

– Комиссар Эдклинт, соответствует ли действительности то, что вы получили от Микаэля Блумквиста материалы судебно-психиатрической экспертизы Лисбет Саландер?

– Да.

– Когда вы ее получили?

– Она зарегистрирована в ГПУ/Без четвертого июня.

– И это та самая экспертиза, которую я только что передала судье

Иверсену?

– Если с обратной стороны имеется моя подпись, значит, та самая.

Иверсен перевернул документ и убедился в наличии подписи Торстена Эдклинта.

– Комиссар Эдклинт, можете ли вы мне объяснить, каким образом у вас на руках оказалась судебно-психиатрическая экспертиза пациента, находящегося в Сальгренской больнице в полной изоляции?

– Да, могу.

– Расскажите.

– Судебно-психиатрическая экспертиза Петера Телеборьяна является фальсификацией, которую он составил совместно с неким Юнасом Сандбергом. Точно так же, в девяносто первом году он написал подобную фальшивку вместе с Гуннаром Бьёрком.

– Это ложь, – возразил Телеборьян.

– Неужели? – поинтересовалась Анника Джаннини. – Ничего подобного. Мне, вероятно, следует упомянуть, что Юнас Сандберг – один из тех десяти героев, которые сегодня задержаны по решению генерального прокурора. Ему предъявлено обвинение в причастности к убийству Гуннара Бьёрка. Он входит в нелегальную структуру, которая орудовала внутри Службы государственной безопасности и с семидесятых годов служила прикрытием для Александра Залаченко. Эта же группировка принимала решение изолировать Лисбет Саландер от общества в девяносто первом году. У нас имеется много доказательств, а также признание шефа этой структуры.

В зале суда повисла мертвая тишина.

– Хотел бы Петер Телеборьян прокомментировать сказанное? – осведомился судья Иверсен.

Психиатр покачал головой.

– В таком случае я должен предупредить, что вы серьезно рискуете – вас могут обвинить в даче под присягой заведомо ложных показаний и, возможно, по ряду других пунктов, – заявил Иверсен.

– Если позволите… – подал голос Микаэль Блумквист.

– Да? – поинтересовался судья.

– У Петера Телеборьяна намечаются более серьезные проблемы. За дверью стоят двое полицейских, которые дожидаются возможности отвести его на допрос.

– Вы полагаете, мне следует их пригласить? – спросил Иверсен.

– Пожалуй, это неплохая идея.

Иверсен кивнул охранникам, и те впустили в зал инспектора

уголовной полиции Соню Мудиг и еще одну женщину, которую прокурор Экстрём сразу узнал. Ее звали Лиса Кольшё, и она являлась инспектором уголовной полиции из отдела по особым делам. Это подразделение Государственного полицейского управления занималось, в частности, вопросами посягательства на половую неприкосновенность детей и делами, связанными с детской порнографией.

– В чем заключается ваша задача? – поинтересовался Иверсен.

– Нам дано поручение, не нарушая регламента судебного разбирательства, при первой же возможности арестовать Петера Телеборьяна.

Иверсен покосился на Аннику Джаннини. Та произнесла:

– У меня еще остались к нему вопросы… но позвольте ему уйти, так и быть.

– Пожалуйста, – разрешил Иверсен.

Лиса Кольшё шагнула к Петеру Телеборьяну.

– Вы арестованы за грубое нарушение законов о запрете детской порнографии.

Петер Телеборьян сидел, затаив дыхание. Анника Джаннини заметила только, что его взгляд погас.

– А конкретнее – за то, что в вашем компьютере обнаружено более восьми тысяч детских порнографических снимков.

Кольшё наклонилась и подняла сумку с ноутбуком, которую он принес с собой.

– Это мы конфискуем, – сказала она.

Пока Петера Телеборьяна выводили из зала суда, взгляд Лисбет Саландер все время, как огонь, жег его спину.

Глава 28

Пятница, 15 июля – суббота, 16 июля

Судья Иверсен постучал ручкой о край стола, чтобы утихомирить возникший в зале после ареста Петера Телеборьяна переполох. После этого он довольно долго сидел молча, явно пытаясь понять, как следует продолжать процедуру, а затем обратился к прокурору Экстрёму:

– Не хотели бы вы что-либо добавить к тому, что происходило в зале за последний час?

Рикард Экстрём не имел ни малейшего представления о том, что ему ответить. Он поднялся со своего места и взглянул на Иверсена, затем на Торстена Эдклинта, после чего повернул голову и наткнулся на безжалостный, как бритва, взгляд Лисбет Саландер. И понял, что сражение проиграно. А когда перевел взгляд на Микаэля Блумквиста, то вдруг с ужасом понял, что и сам рискует стать героем разоблачительных статей на страницах «Миллениума»… А это уже сокрушительная катастрофа.

Вместе с тем Экстрём не мог до конца понять, что же на самом деле произошло. В самом начале процесса он не сомневался, что досконально знает всю эту историю.

После многочисленных откровенных бесед с комиссаром Георгом Нюстрёмом он прекрасно понимал, что такое дело потребует суперделикатного подхода, поскольку речь зашла о безопасности государства. Его заверяли в том, что документы по делу Саландер от 1991 года были сфальсифицированы. Его снабдили всей необходимой конфиденциальной информацией.

Он задавал вопросы – сотни вопросов – и на все получил ответы. А теперь, как утверждает адвокат Джаннини, выходит, что Нюстрём арестован… Так что же – все его ответы оказались ложью? Он ведь доверял Петеру Телеборьяну, который казался таким… Таким компетентным и таким сведущим. Таким убедительным…

«Господи, и как это меня угораздило?»

А уж за этим вопросом естественным образом следовал второй:

«Как, черт возьми, мне из этого дерьма теперь выкарабкаться?»

Он провел рукой по бородке. Откашлялся. Медленно снял очки.

– Сожалею, но боюсь, что по многим пунктам данного расследования меня ввели в заблуждение.

Прокурор подумал было, не взвалить ли ему все грехи на полицейских

следователей, но внезапно увидел перед собой инспектора уголовной полиции Бублански. Тот никогда его не поддержит. Если только он натворит какую-нибудь глупость, Бублански созовет пресс-конференцию и обязательно потопит его.

Экстрём наткнулся на взгляд Лисбет Саландер. Она терпеливо ждала, глядя на него с любопытством и откровенной жаждой мести.

Никаких компромиссов.

Он по-прежнему мог добиться, чтобы ее обвинили по статье «причинение тяжких телесных повреждений» в Сталлархольме. И, вероятно, ей вполне можно было предъявить обвинение в покушении на убийство отца в Госсеберге. Но это означало, что ему следует полностью поменять стратегию и отказаться от выводов Петера Телеборьяна. В таком случае придется отказаться от версии ее психической неполноценности. Тем самым вся ее история, начиная с 1991 года, обретает вполне реальные очертания.

Тогда решение о ее недееспособности будет признано противозаконным…

И еще у нее имеется эта проклятая видеозапись, которая…

В конце концов до него дошло.

Господи Боже… Да ведь она же невиновна.

– Господин судья… Я не знаю, что случилось, но считаю, что больше не могу полагаться на те данные, которые находятся в моем распоряжении.

– Вот-вот, – сдержанно откликнулся Иверсен.

– Полагаю, что мне придется попросить объявить перерыв или прервать судебное разбирательство до тех пор, пока я не сумею точно выяснить, что же на самом деле произошло.

– Фру Джаннини? – спросил Иверсен.

– Я требую, чтобы мою подзащитную оправдали по всем пунктам предъявленных обвинений и незамедлительно освободили прямо в зале суда. Я также требую, чтобы суд пересмотрел вопрос о недееспособности фрёкен Саландер. И я считаю, что ей следует выплатить компенсацию за те правонарушения, которым ее подвергали.

Лисбет Саландер обратила взгляд на судью Иверсена.

Никаких компромиссов.

Иверсен взглянул на автобиографию Лисбет Саландер. Потом перевел взгляд на прокурора Экстрёма.

– Я тоже считаю, что следует досконально разобраться во всем, что произошло. Но боюсь, что вам вряд ли удастся провести подобное расследование… – Он задумался. – За все годы моей практики юриста и

судьи я никогда не сталкивался с подобной ситуацией. Должен признаться, что я чувствую себя загнанным в угол. Я никогда даже не слышал о таком, чтобы главного свидетеля обвинения арестовали прямо в зале суда, а убедительные на первый взгляд доказательства оказались фальсификацией. Честно говоря, я даже не знаю, какой из пунктов обвинения у нас при таких обстоятельствах останется.

Хольгер Пальмгрен деликатно кашлянул.

– Вы хотели что-то сказать? – спросил Иверсен.

– Как представитель защиты, я полностью разделяю ваши чувства. Иногда приходится отступить на шаг, чтобы рациональность преодолела формальности. Я уверен, что вы, как судья, находитесь только в самой начальной стадии дела, которое потрясет всю Швецию. Всего за один день арестовали около десяти полицейских из СЭПО. Им предъявлены обвинения в убийствах и в таком солидном перечне преступлений, что для их расследования потребуется немалое время.

– Полагаю, я должен объявить паузу в данном процессе.

– Простите, но я считаю такое решение неудачным.

– Я готов вас выслушать.

Пальмгрен говорил медленно; было видно, что каждое слово ему дается с трудом, но он не запинался.

– Лисбет Саландер невиновна. Ее трагическая автобиография, которую господин Экстрём с таким презрением отверг, на самом деле достоверна. Она подтверждается документами. Лисбет Лисбет подверглась беспрецедентным беззакониям. Как участники судебного процесса, мы, разумеется, вправе соблюдать все формальности и еще какое-то время тянуть с разбирательством, пока не убедимся, что обвиняемая невиновна. Я предлагаю другой вариант. Все, что связано с Лисбет Саландер, следует расследовать. Такое следствие фактически уже предпринято. И теперь генеральному прокурору придется разбираться во всех безобразиях, с которыми пришлось столкнуться Лисбет Саландер.

– Понимаю, что вы имеете в виду.

– Как судье, вам сейчас предстоит сделать выбор. Самым разумным с вашей стороны будет, если вы полностью проигнорируете предварительное следствие и велите прокурору переделать домашнее задание.

Судья Иверсен рассеянно взглянул на Экстрёма.

– Справедливость требует, чтобы вы распорядились освободить нашу подзащитную прямо в зале суда. Ей к тому же должны принести извинения, но весь этот процесс займет немало времени и будет зависеть от остальных стадий расследования.

– Мне ясна ваша точка зрения, адвокат Пальмгрен. Но, прежде чем признать вашу подзащитную невиновной, я должен полностью прояснить для себя всю ситуацию. На это потребуется немного времени…

Он засомневался и посмотрел на Аннику Джаннини.

– Если я пойду вам навстречу и объявлю перерыв в слушаниях дела до понедельника, а также приму решение, что у нас больше нет оснований держать вашу подзащитную в следственном изоляторе и вы, следовательно, будете вправе рассчитывать на то, что ее, во всяком случае, не приговорят к тюремному заключению, сможете ли вы мне гарантировать, что она по первому требованию явится для продолжения судебного разбирательства?

– Разумеется, – поспешно сказал Хольгер Пальмгрен.

– Нет, – заявила Лисбет Саландер.

Все взгляды обратились к ней как к основному действующему лицу драмы.

– Что вы этим хотите сказать? – спросил судья Иверсен.

– Как только вы меня выпустите, я сразу уеду. Я больше не намерена уделять этому суду ни единой минуты своей жизни.

Судья Иверсен посмотрел на Лисбет Саландер с изумлением.

– Вы откажетесь явиться?

– Совершенно верно. Если вы хотите, чтобы я ответила еще на какие-то вопросы, вам придется держать меня в изоляторе. В тот миг, когда вы меня выпустите, эта история будет для меня окончена. А это значит, что я уже больше не окажусь в любой момент в вашем распоряжении, в распоряжении Экстрёма или каких-либо других полицейских.

Судья Иверсен вздохнул.

Хольгер Пальмгрен выглядел растерянным.

– Я согласна со своей подзащитной, – заявила Анника Джаннини. – Ведь не Лисбет Саландер совершила преступление по отношению к государству и властям, а наоборот. Она заслуживает того, чтобы выйти из этих стен, обрести свободу и забыть обо всей этой истории.

Никаких компромиссов.

Судья Иверсен покосился на наручные часы.

– Уже начало четвертого. Это означает, что вы вынуждаете меня оставить вашу подзащитную в следственном изоляторе.

– Если вы так решите, нам останется только подчиниться. Но как представитель Лисбет Саландер я требую, чтобы ее признали невиновной во всех преступлениях, в которых ее обвинил прокурор Экстрём. Я настаиваю на том, чтобы вы освободили мою подзащитную без всяких ограничений и прямо в зале суда. И требую отмены постановления о ее

недееспособности – ее должны незамедлительно восстановить во всех гражданских правах.

– Вопросы о недееспособности будут рассматриваться довольно долгое время. Я должен получить заключение психиатрической экспертизы после проведения обследования. Принять такое решение наобум я не могу.

– Нет, – возразила Анника Джаннини. – Это для нас неприемлемо.

– Как вас понимать?

– Лисбет Саландер должна иметь такие же гражданские права, как все остальные шведы. Против нее было совершено преступление. Ее признали недееспособной обманным путем. Факт фальсификации можно доказать. Тем самым решение об установлении над ней опекунства лишается юридической основы и должно быть безоговорочно отменено. Нет никаких оснований подвергать мою подзащитную судебно-психиатрической экспертизе. Если против кого бы то ни было совершено преступление, то он не обязан доказывать, что он не сумасшедший.

Иверсен некоторое время размышлял над ее словами.

– Фру Джаннини, – сказал он наконец, – я считаю, что у нас исключительный случай. Я намерен сейчас объявить перерыв на пятнадцать минут, чтобы мы могли размять ноги и немного собраться с мыслями. Если ваша подзащитная невиновна, у меня нет ни малейшего желания отправлять ее обратно в изолятор, но это означает, что суд будет продолжаться до тех пор, пока мы во всем не разберемся.

– Прекрасно, – отозвалась Анника Джаннини.

Во время перерыва Микаэль Блумквист поцеловал сестру в щеку.

– Как все прошло?

– Микаэль, я довольна тем, как выступала против Телеборьяна. Я положила его на обе лопатки.

– Я же говорил, что ты будешь непобедима на этом процессе. Если вникнуть, то эта история – в первую очередь не о шпионах и государственных сектах, а о самом обычном проявлении насилия по отношению к женщинам и о мужчинах, которые это допускают. Я наблюдал лишь часть спектакля, но ты была великолепна. Так, значит, ее освободят?

– Да. Я уже не сомневаюсь в этом.

После перерыва судья Иверсен постучал по столу.

– Не могли бы вы изложить все – от начала до конца, чтобы я смог разобраться в том, что на самом деле произошло?

– С удовольствием, – сказала Анника Джаннини. – Может, стоит

начать с умопомрачительной истории о группе сотрудников СЭПО, называющих себя «Секцией», которым пришлось в середине семидесятых годов опекать советского перебежчика? История полностью опубликована в вышедшем сегодня журнале «Миллениум». По всей видимости, это станет главной сенсацией всех вечерних выпусков новостей…

Около шести часов вечера судья Иверсен принял решение выпустить Лисбет Саландер на свободу и отменить постановление о ее недееспособности.

Правда, решение было принято с одним условием. Судья Йорген Иверсен потребовал, чтобы Лисбет явилась на формальный допрос, где сообщила бы о том, что ей известно по делу Залаченко. Поначалу Лисбет наотрез отказалась. Ее отказ повлек за собой небольшую перепалку, пока судья Иверсен не повысил голос. Он наклонился вперед и пристально посмотрел на Лисбет.

– Фрёкен Саландер, раз я отменяю над вами опекунство, это означает, что вы наделяетесь точно такими же правами, как все остальные граждане. Это, однако, означает и то, что у вас появляются такие же обязанности. Тем самым, хотите вы того или нет, следить за собственным экономическим положением, платить налоги, быть законопослушной и оказывать содействие полиции в расследовании тяжких преступлений становится вашим долгом. И вас, соответственно, вызывают на допрос, как любого другого гражданина, обладающего ценными для следствия сведениями.

Логика аргументов, похоже, подействовала на Лисбет. Она скорчила гримасу недовольства, но подчинилась.

– Когда полиция получит ваши показания, руководитель предварительного следствия – в данном случае генеральный прокурор – решит, надо ли вызывать вас в качестве свидетеля, если в будущем состоится судебный процесс. Подобно всем остальным шведским гражданам, вы можете проигнорировать такой вызов. Как вы поступите, меня не касается, но от ответственности вас никто не освободит. Если вы откажетесь явиться, вас, как и любого другого дееспособного гражданина, могут привлечь к судебной ответственности за неповиновение закону или сокрытие истины. Исключений ни для кого не делается.

Лисбет Саландер помрачнела еще больше.

– Как вы намерены поступить? – спросил Иверсен.

После минутного размышления она коротко кивнула.

О’кей. Маленький компромисс.

Во время вечернего заседания по делу о Залаченко Анника Джаннини

резко выступила против прокурора Экстрёма. Тот был вынужден признать, что все происходило приблизительно так, как описала Анника Джаннини. Проводя предварительное следствие, Экстрём действительно воспользовался помощью комиссара Георга Нюстрёма и принял на веру сведения от Петера Телеборьяна. Сам Экстрём, разумеется, в заговоре участия не принимал. Возглавляя предварительное следствие, он просто выполнял поручения «Секции». Когда же наконец понял, что на самом деле произошло, он прекратил уголовное преследование Лисбет Саландер. Такое решение означало, что отменяется целый ряд бюрократических процедур.

Иверсен вздохнул с облегчением.

Хольгер Пальмгрен, впервые за много лет принявший участие в судебном процессе, был совершенно вымотан. Ему требовалось вернуться обратно в постель реабилитационного интерната в Эрсте, и его отвез туда одетый в униформу охранник из «Милтон секьюрити». Прежде чем покинуть зал, Пальмгрен положил руку на плечо Лисбет Саландер. Они посмотрели друг на друга. Лисбет кивнула и улыбнулась.

В семь вечера Анника Джаннини позвонила Микаэлю Блумквисту и сообщила, что с Лисбет Саландер сняты все пункты обвинения, что она оправдана, но еще на несколько часов задержится в полицейском управлении для допроса.

Все сотрудники «Миллениума» в полном составе находились в редакции, когда поступило это известие. Телефоны в «Миллениуме» не умолкали, когда курьеры начали в обеденное время развозить первые экземпляры свежего номера по другим редакциям газет и журналов Стокгольма. Ближе к вечеру канал ТВ-4 запустил в эфир первые экстренные передачи о Залаченко и о «Секции». Этот вечер стал триумфом СМИ.

Микаэль встал посреди комнаты, засунул пальцы в рот и начал свистеть.

– Я только что узнал, что с Лисбет Саландер сняты все обвинения.

Коллеги с восторгом зааплодировали. А потом все по-прежнему продолжили говорить, каждый по своему телефону, словно бы ничего и не произошло.

Микаэль поднял взгляд и взглянул на экран – в центре редакции был включен телевизор. На ТВ-4 как раз начинался новостной выпуск. В качестве рекламной заставки они смонтировали короткий фрагмент видеозаписи, на которой Юнас Сандберг подкладывает кокаин в квартиру

на Бельмансгатан.

– Сотрудник СЭПО размещает кокаин на квартире у журналиста Микаэля Блумквиста из журнала «Миллениум».

Потом на экране возник ведущий программы.

– Сегодня арестованы примерно десять сотрудников Службы государственной безопасности. Их обвиняют в серии тяжких преступлений, включая убийства. Мы предлагаем вашему вниманию специальный выпуск «Новостей».

Когда на экране появилась «Та, с ТВ-4», и Блумквист увидел, как он сам опускается в кресло в студии, Микаэль выключил звук – он и так знал, что там будет сказано. Потом бросил взгляд на письменный стол, за которым трудился Даг Свенссон. Здесь он работал над репортажем о траффикинге. Но прошло некоторое время, и стол снова начал превращаться в свалку для газет и неразобранных бумаг, которыми никому не хотелось заниматься.

Именно за этим письменным столом Микаэль трудился, когда только-только начинал писать о деле Залаченко. Ему вдруг очень захотелось, чтобы Даг Свенссон присутствовал при его завершении. Несколько экземпляров только что изданной книги Дага о траффикинге лежали рядом с книгой самого Микаэля о «Секции».

Тебе бы это понравилось.

Микаэль слышал, что у него в кабинете звонит телефон, но не в состоянии был с кем-то беседовать. Он захлопнул дверь, пошел к Эрике Бергер, которая в это время говорила по телефону, опустился в удобное кресло возле стоящего у окна маленького столика и огляделся. Эрика вернулась месяц назад, но еще не успела загромоздить кабинет личными вещами, которые забрала с собой, покидая редакцию в апреле. На книжных полках еще зияли пустоты, а на стенах пока еще отсутствовали картины.

– Ну, и как ты? – поинтересовалась она.

– Мне кажется, я счастлив, – ответил он.

Эрика засмеялась.

– «Секция» станет сенсацией. Во всех редакциях такой переполох… Не хочешь поехать, выступить в девятичасовых «Новостях» на первом канале?

– Нет.

– Я так и подозревала.

– Нам еще придется выступать по этому поводу не один месяц. Торопиться незачем.

Бергер кивнула.

– А что ты будешь делать попозже вечером?
– Не знаю. – Микаэль напрягся. – Эрика… Я…
– Фигуэрола, – догадалась Бергер и улыбнулась.
Он кивнул.
– Это серьезно?
– Пока не знаю.
– По-моему, она в тебя без памяти влюблена.
– Мне кажется, я тоже в нее влюблен.
– Что ж, я постараюсь держаться от тебя подальше, пока ты не разберешься в своих чувствах.
Микаэль кивнул.
– Возможно, – добавила Эрика.

В восемь часов в дверь редакции позвонили Драган Арманский и Сусанн Линдер. Они посчитали, что случай вполне годится для шампанского, и принесли с собой несколько бутылок. Эрика обняла Сусанн и повела ее в редакцию, на экскурсию, а Арманский уселся в кабинете у Микаэля.
Они выпили, а потом довольно долго молчали, пока Арманский наконец не заговорил:
– Знаешь что, Блумквист? Когда мы с тобой впервые встретились в связи с этой историей в Хедестаде, ты мне ужасно не понравился.
– Серьезно?
– Вы пришли подписывать контракт, когда ты нанимал Лисбет исследователем.
– Я помню.
– Мне кажется, я просто тебе позавидовал. Ты был знаком с нею всего пару часов, а вы уже вместе смеялись. Я же целых несколько лет пытался стать Лисбет другом, но так и не добился от нее даже намека на улыбку.
– Ну… Признаться честно, я тоже не достиг особых успехов.
Они еще немного помолчали.
– Как хорошо, что все уже позади, – сказал Арманский.
– Аминь, – отозвался Микаэль.

Инспекторы уголовной полиции Ян Бублански и Соня Мудиг проводили формальный допрос Лисбет Саландер в качестве свидетеля. Едва они разошлись по домам после бесконечного рабочего дня, как их почти сразу вызвали обратно в полицейское управление.
Саландер явилась в сопровождении Анники Джаннини, которой,

впрочем, не пришлось вмешиваться. Лисбет четко отвечала на все вопросы.

Она умышленно исказила два эпизода. Описывая события во время драки в Сталлархольме, упорно утверждала, что в ногу Карлу Магнусу, иначе Магге Лундину, случайно выстрелил Сонни Ниеминен – в ту секунду, когда она припечатала его электрошокером. Откуда у нее взялся электрошокер? Она объяснила, что конфисковала его у Магге Лундина.

Бублански с Мудиг смотрели на нее с недоверием, но никаких доказательств или свидетелей, опровергающих ее признания, не было. Возможно, ее слова мог бы опровергнуть Сонни Ниеминен, но он вообще отказывался рассказывать что-либо по поводу того дня. На самом деле он просто не имел представления о том, что произошло за те несколько секунд после того, как Лисбет вырубила его электрошокером.

Насчет поездки в Госсебергу Саландер заявила, что отправилась туда с целью встретиться со своим отцом и уговорить его сдаться полиции. При этом Лисбет выглядела вполне искренней. Конечно, никто не мог понять, говорит она правду или врет. Анника Джаннини тоже не имела понятия, что произошло на самом деле.

Только Микаэль Блумквист наверняка знал, что Лисбет Саландер поехала в Госсебергу с целью раз и навсегда покончить со своим отцом, но журналиста сразу же после возобновления судебного разбирательства выпроводили из зала. Никто не знал о том, что они с Лисбет Саландер вели долгие ночные разговоры в Сети, когда она лежала в полной изоляции в Сальгренской больнице.

Пресса прошляпила эпизод сенсационного освобождения Лисбет Саландер. Если бы стало известно точное время этого события, полицейское управление было бы окружено огромной толпой представителей массмедиа. Но после разразившегося днем скандала, когда вышел номер «Миллениума» и оказалось, что одни полицейские из Службы безопасности арестовали других, репортеры пребывали в шоковом состоянии.

«Та, с ТВ-4», как всегда, оказалась единственной журналисткой, которая полностью была в курсе дела. Ее часовая передача стала чуть ли не культовой и несколько месяцев спустя получила премию как лучшая информационная программа года.

Из здания полицейского управления Лисбет Саландер вывела Соня Мудиг. Она просто спустилась с нею и Анникой Джаннини в подземный гараж, а затем отвезла их на машине до офиса Анники – до Кунгсхольмс Чюркуплан. Там они пересели в машину Джаннини. Адвокат подождала,

пока Соня Мудиг скрылась из виду, завела мотор и поехала в сторону района Сёдермальм. Когда они миновали здание Риксдага, Анника нарушила молчание.

– Куда едем? – спросила она.

Лисбет ненадолго задумалась.

– Можешь выпустить меня где-нибудь на Лундагатан.

– Мириам Ву там нет.

Лисбет покосилась на Аннику Джаннини.

– Она, как только вышла из больницы, почти сразу уехала во Францию. Если захочешь с нею связаться, то она живет у родителей.

– Почему ты мне не говорила?

– Ты не спрашивала.

– Ну да.

– Ей надо было куда-то скрыться. Утром Микаэль передал мне вот это; он сказал, что тебе это может понадобиться.

Она передала Лисбет связку ключей, и та взяла ее, не говоря ни слова.

– Спасибо. Можешь выпустить меня где-нибудь на Фолькунгагатан?

– Ты не хочешь говорить мне, где ты живешь?

– Я скажу попозже. А пока хочу, чтобы меня оставили в покое.

– Хорошо.

Анника включила мобильный телефон сразу, как только они покинули здание полиции, и тот начал пищать, как раз когда они проезжали мимо Шлюза. Джаннини взглянула на дисплей.

– Это Микаэль. Он звонит каждые десять минут.

– Я не хочу с ним разговаривать.

– Понимаю. Но я могу задать тебе личный вопрос?

– Давай.

– Что тебе все-таки сделал Микаэль, что ты его так сильно ненавидишь? Ведь если бы не он, тебя, скорее всего, упекли бы сегодня в психушку.

– Я не ненавижу Микаэля. Он ничего мне не сделал. Просто я сейчас не хочу с ним встречаться.

Анника покосилась на свою подзащитную.

– Я не собираюсь влезать в твои личные дела. Но ты в него влюблена, не так ли?

Лисбет смотрела в боковое стекло и ничего не ответила.

– Мой брат совершенно безответствен, когда речь идет о женщинах. Он ведет себя беспечно, меняет партнерш и даже не понимает, какую боль причиняет женщинам, которые рассматривают его не как первого

встречного, а надеются на нечто большее…

Лисбет посмотрела ей в глаза.

– Я не хочу обсуждать с тобой свои отношения с Микаэлем.

– О’ кей, – согласилась Анника.

Она припарковалась у тротуара, немного не доезжая Эрстагатан.

– Здесь подойдет?

– Да.

Они немного посидели молча. Лисбет не пыталась открыть дверцу машины. Через некоторое время Анника заглушила мотор.

– Что теперь будет? – спросила Лисбет.

– Теперь, начиная с сегодняшнего дня, ты больше не являешься недееспособной. Ты свободна в своем выборе и можешь делать, что хочешь. Сегодня в суде мы добились справедливого решения, но остается еще целый ряд бюрократических формальностей. В Комитете по надзору за органами опеки и попечительства начнутся разбирательства по поводу ответственности за случившееся, и возникнут вопросы о компенсации и тому подобном. Да и расследование преступлений будет продолжаться.

– Мне не нужна никакая компенсация. Я хочу, чтобы меня оставили в покое.

– Я понимаю. Но твое желание фактически не играет никакой роли. Процесс уже запущен. Я бы предложила тебе нанять адвоката, который сможет представлять твои интересы.

– А ты не хочешь продолжать быть моим адвокатом?

Анника потерла глаза. После такого тяжелого дня она чувствовала себя совершенно опустошенной. Ей хотелось поехать домой, принять душ и подставить мужу спину для массажа.

– Не знаю. Ты мне не доверяешь. А я не доверяю тебе. К тому же, какой мне смысл ввязываться в такую долгую историю? Ведь все мои идеи или попытки что-либо обсудить будут наталкиваться на глухое молчание.

Лисбет долго сидела молча.

– Я… Я не слишком-то гожусь для дружеских отношений. Но на самом деле я тебе доверяю.

Эта фраза прозвучала почти как извинение.

– Возможно. То, что ты не ценишь человеческие отношения, – не моя проблема. Но она станет моей, если мне придется представлять твои интересы.

Снова молчание.

– Ты хочешь, чтобы я и дальше была твоим адвокатом?

Лисбет кивнула.

Анника вздохнула.

– Я живу на Фискаргатан, девять. Над площадью Мусебакке. Ты можешь меня туда отвезти? – спросила Саландер.

Анника еще раз покосилась на свою клиентку и снова завела машину. Лисбет показывала ей дорогу. Когда они наконец приехали, Джаннини сказала:

– О’кей. Давай попробуем. Но я смогу представлять твои интересы на моих условиях. Мне надо, чтобы ты не избегала встреч, когда ты мне понадобишься. Если мне потребуется знать твое мнение по поводу того, как мне действовать, я хочу получать четкие ответы. Если я позвоню и скажу, что ты должна встретиться с полицейским или прокурором, или сделать что-либо другое, касающееся расследования преступлений, значит, я оценила ситуацию и пришла к выводу, что это необходимо. В таком случае я требую, чтобы ты появлялась в условленном месте, в нужное время, без всяких возражений. Тебя устраивают мои условия?

– О’кей.

– И, как только с твоей стороны начнутся какие-либо закидоны, я сразу прекращаю с тобой все адвокатские дела. Тебе это понятно?

Лисбет кивнула.

– Еще одно. Я не хотела бы стать участницей драмы между тобой и моим братом. Если у вас с ним имеются какие-то проблемы, тебе придется с ними расквитаться. Но, конечно же, он тебе не враг.

– Я знаю. Я разберусь. Но мне нужно время.

– Что ты собираешься делать?

– Не знаю. Ты сможешь контактировать со мною по электронной почте. Я обещаю отвечать при первой возможности, но не исключено, что буду проверять почту не каждый день…

– То, что у тебя есть адвокат, не означает, что ты становишься крепостной. Если мы сможем с тобой наладить контакты, то для начала это уже неплохо. А теперь вылезай из машины. Я смертельно устала и хочу поехать домой и лечь спать.

Лисбет открыла дверцу машины и выбралась на тротуар. Закрывая дверцу, остановилась. Она, похоже, пыталась еще что-то сказать, но не могла подобрать слов. Аннике на какой-то миг даже показалось, что Лисбет выглядит чуть ли не беззащитной.

– Все нормально, – сказала Джаннини. – Иди домой и ложись спать. И постарайся не вляпаться во что-нибудь в ближайшее время.

Лисбет Саландер стояла на тротуаре и смотрела вслед Аннике Джаннини, пока задние фонари ее машины не скрылись за углом.

– Спасибо, – наконец сказала она.

Глава 29

Суббота, 16 июля – пятница, 7 октября

В холле на комоде Лисбет обнаружила свой карманный компьютер «Палм Тангстен Т3». Там же лежали ключи от ее машины и сумка, которую она потеряла, когда Магге Лундин набросился на нее возле подъезда на Лундагатан. А еще вскрытая и невскрытая почта, изъятая из почтового ящика на Хурнсгатан.

Микаэль Блумквист.

Лисбет медленно обошла меблированную часть квартиры. Он повсюду оставлял следы своего присутствия. Спал в ее постели и работал за ее письменным столом. Пользовался ее принтером, а в корзине для бумаг она нашла черновики текстов о «Секции», забракованные записи и разные каракули.

Он купил литр молока, хлеб, сыр, икру и десять упаковок пиццы «Billys Pan Pizza» и сложил все это в холодильник.

На кухонном столе Лисбет обнаружила маленький белый конверт со своим именем. Внутри лежала маленькая записка от него – номер его мобильного телефона. И больше ничего.

Лисбет Саландер вдруг поняла, что теперь она осталась наедине с собой. Микаэль не собирался искать с ней встречи. Он закончил свою работу, вернул ей ключи от квартиры и не собирался давать о себе знать. Если ей что-нибудь понадобится, она может позвонить.

Чертов строптивец.

Лисбет поставила вариться кофе, сделала четыре бутерброда, уселась у окна и взглянула на остров Юргорден. Потом закурила сигарету и задумалась.

Вроде бы все ее злоключения закончились. И, тем не менее, она чувствовала себя еще более одиноко, чем когда-либо.

Мириам Ву уехала во Францию.

Я виновата в том, что ты чуть не погибла.

Лисбет опасалась того мгновения, когда ей придется встретиться с Мириам Ву, и заранее решила, что после освобождения сразу же заявится к ней.

А она уехала во Францию.

Саландер вдруг почувствовала, что она в долгу у множества разных людей.

У Хольгера Пальмгрена.

У Драгана Арманского.

Надо позвонить им и поблагодарить.

У Паоло Роберто.

У Чумы и Троицы. Даже треклятые полицейские Бублански и Мудиг, объективно говоря, сыграли раунд на ее стороне. Она не любила быть у кого-нибудь в долгу и теперь чувствовала себя пешкой в игре, которую не могла контролировать.

В долгу у Калле Чертова Блумквиста и, возможно, даже у Эрики Чертовой Бергер, с ямочками на щеках, элегантной одеждой и уверенной манерой держаться.

Все позади, сказала Анника Джаннини, когда они выходили из здания полиции. Да. Суд позади. Позади для Анники. Позади и для Микаэля, который опубликовал свой материал и теперь попадет на телевидение и наверняка получит какую-нибудь чертову премию.

Но далеко не позади для Лисбет Саландер. Для нее это только первый день предстоящей жизни.

В четыре утра она очнулась. Сбросила панковские одежды и аксессуары на пол в спальне, пошла в ванную и приняла душ. Тщательно смыла макияж, с которым явилась в суд, надела свободные темные льняные брюки, белую майку и тонкую куртку. Потом уложила в дорожную сумку смену одежды, нижнее белье и две майки, и надела простые мокасины.

Затем Лисбет прихватила с собой «Палм» и заказала такси к площади Мусебакке. Она отправилась в Арланду и прибыла туда около шести. Изучив табло с расписанием вылетов, купила себе билет наугад. Лисбет воспользовалась собственным паспортом, и ее удивило, что ни при покупке билета, ни при регистрации ее никто не узнал и не отреагировал на ее имя.

Утренним рейсом она вылетела в Малагу и уже днем оказалась в зоне палящей жары. Нерешительно постояла в зале прилета, потом подошла к карте и задумалась: с какой целью она оказалась в Испании. Примерно через минуту Лисбет приняла решение. У нее не было сил выбирать из автобусных маршрутов или других видов транспорта. Она купила в магазине аэропорта солнечные очки, вышла на стоянку такси и уселась на заднее сиденье первой свободной машины.

– Гибралтар. Оплата кредиткой.

Поездка по новому шоссе вдоль южного побережья заняла три часа. Лисбет вышла из такси возле терминала паспортного контроля, примыкающего к британской территории. Она прогулялась до отеля «Рок-

отель», расположенного на Европа-роуд, в верхней части склона скалы высотой 425 метров, и спросила, есть ли у них свободные номера. Нашелся номер на двоих. Лисбет зарезервировала его на две недели и рассчиталась кредитной карточкой.

Приняв душ и завернувшись в купальную простыню, она уселась на террасе и стала смотреть на Гибралтарский пролив. Мимо нее проплыли грузовые пароходы и несколько парусных яхт. Она даже смогла различить в дымке Марокко на другой стороне пролива.

Тишина и покой.

Через некоторое время Лисбет легла спать и сразу заснула.

На следующее утро Саландер проснулась в половине шестого. Она встала, приняла душ и выпила кофе в баре отеля на первом этаже. В семь часов вышла из гостиницы, купила пакет манго и яблок, доехала на такси до вершины скалы и отправилась к обезьянам. Лисбет приехала настолько рано, что туристов еще не было, и она оказалась с животными наедине.

Ей нравился Гибралтар. Она уже в третий раз посещала эту уникальную скалу посреди Средиземного моря, на которой расположился плотно заселенный английский город. Гибралтар – сам по себе, он не похож ни на какое другое место. На протяжении десятилетий этот город-колония находился в изоляции, стойко сопротивляясь воссоединению с Испанией. А испанцы, разумеется, не считали свои претензии оккупацией. Лисбет Саландер считала, однако, что испанцам следовало бы помалкивать, пока они сами владеют анклавом Сеута на территории Марокко, по другую сторону Гибралтарского пролива.

Этот причудливый город расположился на площади чуть больше двух квадратных километров, на скале. Он был отгорожен от всего мира. Аэродром начинался и заканчивался в море.

В крошечной колонии ценился каждый квадратный сантиметр, а любое расширение площадей могло происходить только за счет моря. Чтобы попасть в город, приезжим приходилось пересекать посадочную полосу аэродрома.

Словом, Гибралтар наполнял понятие *compact living*[84] новым смыслом.

Гигантская обезьяна – берберийский макак – вскарабкалась на стену возле дорожки и уставилась на Лисбет. Та знала, что пытаться гладить животных не следует.

– Привет, дружище, – сказала она. – Вот я и вернулась.

Во время первого посещения Гибралтара Лисбет даже не слышала о

здешних обезьянах. Она просто поехала к вершине, чтобы полюбоваться пейзажами, и была совершенно обескуражена, когда, примкнув к группе туристов, вдруг оказалась посреди стаи обезьян, которые карабкались и лазали по обеим сторонам дороги.

Когда просто бредешь по тропинке и вдруг оказываешься посреди обезьян, которых около двух дюжин, тебя охватывает совершенно особое чувство.

Лисбет смотрела на них с подозрением. Они не выглядели опасными или агрессивными. Но в то же время обладали достаточной силой, чтобы укусить, если почувствуют, что их дразнят или что им угрожает опасность.

Лисбет нашла смотрителя, показала ему принесенный пакет и спросила, можно ли угостить обезьян фруктами. Тот ответил, что можно.

Саландер вынула манго и положила на стене, чуть в стороне от макака.

– Завтрак, – сказала она, прислонившись к стене и откусывая от яблока.

Макак взглянул на нее, обнажил зубы и с удовольствием схватил манго.

Через пять дней, около четырех часов, Лисбет Саландер свалилась со стула в «Баре Харри», на одной из боковых улиц в стороне от Мейн-стрит, в двух кварталах от гостиницы. После прогулки на обезьянью гору она пила не просыхая, и в основном у Харри О’Коннелла, владельца бара. Он говорил с форсированным ирландским акцентом, хотя в Ирландии ни разу в жизни не был. Харри наблюдал за Лисбет с грустным выражением лица.

Когда четыре дня назад она впервые заказала выпивку, Харри потребовал от нее удостоверение личности, потому что она выглядела гораздо моложе своих лет. Он знал, что ее зовут Лисбет, и называл ее Лиз. Она обычно появлялась после ланча, усаживалась на высокий табурет в глубине бара и прислонялась к стене. После чего принималась поглощать пиво или виски в весьма неумеренных количествах.

Она пила пиво, не обращая внимания на марку или сорт, – просто брала то, что он ей наливал. Заказывая виски, Лисбет всегда выбирала «Талламор Дью», и только однажды, внимательно изучив бутылки за прилавком, заинтересовалась сортом «Лагавулин». Взяв стакан, она понюхала его, подняла брови и слегка пригубила. Потом отставила стакан и минуту смотрела на него с таким видом, будто отныне считала его содержимое своим смертельным врагом.

Наконец она отодвинула стакан и попросила Харри дать ей что-нибудь такое, чем она не смогла бы смолить лодку. Тот снова налил ей «Талламор

Дью», и она продолжила напиваться. За прошедшие четверо суток Лисбет в одиночестве прикончила целую бутылку. А уж количество выпитого ею пива Харри даже не смог бы подсчитать при всем желании. Он, мягко говоря, удивлялся, как девушка столь хрупкого телосложения может поглощать так много спиртного. Но решил, что раз уж она тяготеет к этому делу, то все равно обязательно напьется. Если не в его баре, то в каком-нибудь другом.

Пила Лисбет не спеша, ни с кем не беседовала и не устраивала ссор.

Кроме алкоголя, она увлекалась только играми на карманном компьютере, который время от времени подключала к мобильному телефону. Харри несколько раз пытался с нею заговорить, но Саландер упорно и мрачно молчала. Казалось, она вообще избегала общения. Порой, когда в бар стекалось слишком много публики, Лисбет перемещалась за столик на улице, а иногда – в итальянский ресторан, двумя дверьми дальше, где ужинала, а потом снова возвращалась к Харри и заказывала «Талламор Дью». Около десяти вечера она обычно покидала бар и, покачиваясь, удалялась по направлению к северу.

В тот день она пила особенно много и как-то поспешно, и Харри уже начал за ней следить. Она залила в себя семь стаканов любимого напитка примерно за два часа, и он решил больше не давать ей спиртного. Но еще не успел воплотить свое решение в жизнь, как услышал грохот и увидел, что она свалилась со стула.

Харри поставил стакан, который в этот момент протирал, обошел стойку и поднял девушку. Та посмотрела на него с возмущением.

– Думаю, с тебя уже хватит, – сказал он.

Она посмотрела на него затуманенным взглядом.

– Думаю, ты прав.

При этом голос у нее оставался на редкость трезвым.

Опершись рукой о стойку, она выгребла из нагрудного кармана несколько купюр и нетвердым шагом отправилась к выходу.

Харри мягко придержал ее за плечо:

– Погоди секунду. Может, тебе лучше пойти в туалет, запустить два пальца в рот, а потом еще немного посидеть в баре? Я не хотел бы отпускать тебя в таком состоянии.

Лисбет не стала протестовать, и он повел ее в туалет. Она последовала его совету и сунула два пальца в рот. Когда девчушка вновь появилась в баре, Харри налил ей большой стакан содовой. Она опустошила стакан и рыгнула.

Харри наполнил ей еще один стакан.

– Завтра тебя ждет горькое похмелье, – сказал он.

Она кивнула.

– Прости, что лезу не в свои дела, но на твоем месте я бы на пару дней объявил сухой закон.

Лисбет снова кивнула. Потом пошла обратно в туалет, где ее опять вырвало.

Примерно через час ее взгляд прояснился настолько, что Харри рискнул отпустить ее. Нетвердым шагом она покинула бар, прогулялась вдоль берега, до аэродрома и дошла до лодочной станции.

Так она бродила примерно до половины девятого, пока земля наконец перестала качаться у нее под ногами. Только после этого Лисбет вернулась в гостиницу. У себя в номере она почистила зубы, сполоснула лицо, переоделась и спустилась в бар гостиницы, где заказала чашку черного кофе и бутылку минеральной воды.

Лисбет молча сидела возле колонны и, не привлекая к себе внимания, изучала посетителей бара. Она заметила, например, парочку лет тридцати, поглощенную мирной беседой. Женщина была в светлом летнем платье. Мужчина под столом держал ее за руку. Через два столика от них сидела чернокожая семья: он – с седеющими висками, она – в красивом пестром платье, отливающем золотистыми, черными и красными тонами. У них было двое детей младшего подросткового возраста.

Лисбет обратила внимание на группу бизнесменов в белых рубашках и галстуках, которые пили пиво, повесив пиджаки на спинки стульев. Вот компания пенсионеров. Наверняка они американские туристы: мужчины в бейсболках, теннисках и мешковатых брюках, женщины в фирменных джинсах, красных топах и с солнечными очками на шнурках. Потом Лисбет обратила внимание на мужчину в светлом льняном пиджаке, серой рубашке и темном галстуке, который зашел с улицы, взял в рецепции ключи, а затем направился к бару и заказал пиво. Она сидела в трех метрах от него и пристально его разглядывала, когда он вынул мобильный телефон и заговорил по-немецки.

– Привет, это я. Как дела? В порядке?.. Все хорошо, следующая встреча у нас завтра во второй половине дня… Нет, думаю, все получится… Я пробуду здесь еще минимум пять или шесть дней, а потом поеду в Мадрид… Нет, я вернусь домой не раньше, чем в конце следующей недели… Я тоже… Я тебя люблю… Ну, конечно… Я позвоню ближе к концу недели… целу́ю.

Рост 185 сантиметров, на вид пятьдесят или, может, пятьдесят пять лет, блондин, волосы начинают седеть, коротко стриженный, со вторым

подбородком и излишками на талии. Тем не менее в очень приличной форме. Он читал «Файнэншл таймс». Когда мужчина допил пиво и пошел к лифту, Лисбет последовала за ним.

Он нажал кнопку шестого этажа. Саландер встала рядом с ним и прислонилась затылком к стенке лифта.

– Я пьяна, – заявила она.

Он посмотрел на нее.

– Неужели?

– Ну да. Такая выдалась неделя. Давай-ка я отгадаю. Ты – бизнесмен, приехал из Ганновера или откуда-то из Северной Германии. Ты женат. Любишь свою жену. И тебе надо еще на несколько дней задержаться в Гибралтаре. Я поняла это из твоего телефонного разговора в баре.

Он изумленно взглянул на нее.

– Я приехала из Швеции. И испытываю совершенно непреодолимое желание заняться с кем-нибудь сексом. Мне плевать, что ты женат, и меня не интересует твой номер телефона.

Он поднял брови.

– Я живу в номере семьсот одиннадцать, этажом выше тебя. Я собираюсь подняться к себе, раздеться, принять ванну и лечь в постель. Если захочешь составить мне компанию, постучись через полчасика. Иначе я засну.

– Это, что, какая-то шутка? – спросил он, когда лифт остановился.

– Нет. Просто мне лень напрягаться, чтобы пойти в кабак и кого-нибудь цепануть. Либо ты ко мне постучишься, либо я обойдусь.

Через двадцать пять минут в дверь номера Лисбет постучали. Она открыла, обмотавшись купальной простыней.

– Заходи, – пригласила она.

Он вошел и с подозрением огляделся.

– Кроме меня, тут никого нет, – объявила Лисбет.

– А сколько тебе лет?

Она протянула руку, взяла лежавший на комоде паспорт и протянула ему.

– Ты выглядишь моложе.

– Знаю, – ответила она, размотала купальную простыню и бросила ее на пол. Потом подошла к кровати и откинула покрывало.

Он посмотрел на ее татуировки. Она покосилась на него через плечо.

– Не бойся, это не ловушка. Я одинокая девица и нахожусь здесь несколько дней. Я не занималась сексом несколько месяцев.

– Но почему ты выбрала именно меня?

– Потому что в баре только ты показался мне одиноким.

– Но я женат…

– Я даже не хочу знать, кто она, и меня не интересует, кто ты. И у меня нет желания обсуждать социальные проблемы. Я хочу секса. Раздевайся или отправляйся обратно к себе в номер.

– Неужели все так просто?

– А почему бы и нет? Ты уже взрослый и знаешь, чего от тебя ждут.

Мужчина с полминуты размышлял. Сначала показалось, что он собирается уйти. Лисбет сидела на краю кровати и ждала. Гость прикусил нижнюю губу, потом все же снял брюки и рубашку. Снять трусы он пока не рискнул.

– Снимай все, – скомандовала Лисбет Саландер. – Я не намерена трахаться с кем-то, кто не снимает трусов. И обязательно надень презерватив. Я знаю, где была сама, но не знаю, где побывал ты.

Мужчина стянул трусы, подошел к ней и положил руку ей на плечо. Когда он наклонился и поцеловал ее, Лисбет закрыла глаза. Его поцелуй был приятным на вкус. Она позволила ему опустить ее на кровать. Он оказался тяжелым.

Адвокат Джереми Стюарт Макмиллан открыл дверь в свой офис в центре «Бьюкенен хаус» на пристани Куинсвей над лодочной станцией – и застыл от ужаса. Он почувствовал запах табачного дыма и услышал, как скрипнул стул. Было около семи утра, и поначалу он решил, что в офис забрался грабитель.

Потом с мини-кухни до него донесся аромат кофе. Через несколько секунд адвокат нерешительно переступил через порог, прошел через холл и заглянул в просторный и элегантно обставленный кабинет. В его офисном кресле, спиной к нему и положив ноги на подоконник, сидела Лисбет Саландер. Его рабочий компьютер был включен, и ей явно без труда удалось взломать пароль. Так же артистично она открыла его сейф. На коленях у нее лежала папка с его суперсекретной интимной корреспонденцией и бухгалтерскими документами.

– Доброе утро, фрёкен Саландер, – выдохнул он.

– Угу, – ответила она. – Там есть свежезаваренный кофе и круассаны.

– Спасибо, – сказал он и смиренно вздохнул.

Офис Макмиллан, конечно, купил на ее деньги и по ее просьбе, но никак не ожидал, что она материализуется без предупреждения. Кроме того, Лисбет нашла и явно просмотрела порнографический журнал для геев, который он прятал у себя в ящике стола.

Как-то неловко получается.

Хотя, впрочем, может, все и не так страшно.

Он знал, что Лисбет Саландер очень критически настроена по отношению к тем людям, которые ее раздражают, но готова смириться с любыми человеческими слабостями. Она знала, что официально он считается гетеросексуалом, но на самом деле его привлекают мужчины. И это его самая сокровенная тайна после состоявшегося пятнадцать лет назад развода. И теперь он дает волю своим самым интимным фантазиям.

Как любопытно. С ней я чувствую себя защищенным.

А Лисбет, раз уж она все равно оказалась в Гибралтаре, решила навестить адвоката Джереми Макмиллана, который занимался ее финансовыми делами. В последний раз она общалась с ним накануне Нового года и хотела узнать, не разорил ли он ее, пока она не могла за ним присматривать.

Но ничего безотлагательного в этом деле не было, и она отправилась в Гибралтар сразу после освобождения отнюдь не поэтому. Ей просто очень хотелось от всего отключиться, а Гибралтар словно предназначен для этого. Неделю она пропьянствовала, потом еще несколько дней занималась сексом с немецким бизнесменом, который наконец-то представился – его, вроде бы, звали Дитером. Саландер сомневалась в том, что он назвал свое настоящее имя, но проводить расследование не стала. Целые дни немец проводил на разных встречах и совещаниях, а по вечерам они вместе ужинали и потом отправлялись в номер – к нему или к ней.

А в постели он совсем недурен, констатировала Лисбет. Возможно, он не годился на чересчур длинные дистанции, и порой действовал чрезмерно жестко…

Дитер и на самом деле был потрясен тем, что она просто поддалась импульсу и подцепила обрюзгшего немецкого бизнесмена, который вообще не собирался искать приключений. Он действительно был женат и не имел привычки изменять жене или искать женское общество во время деловых поездок. Но когда такая возможность представилась ему на блюдечке в виде хрупкой девушки с татуировками, он не смог устоять перед искушением. Так он говорил.

Лисбет Саландер вообще нисколько не волновало, что он говорил. Она намеревалась лишь позаниматься курортным сексом, но, к ее удивлению, он действительно старался удовлетворить ее. Только на четвертую, их последнюю совместную ночь его вдруг охватил панический страх, и он начал размышлять над тем, что скажет жена. Лисбет Саландер считала, что

ему следует держать язык за зубами и ничего жене не рассказывать. Но она промолчала. Он вполне взрослый и мог бы отказаться от ее предложения. Если его мучает раскаяние или чувство вины, и он собирается признаться жене, ее это не касается. Лисбет лежала к нему спиной и в течение пятнадцати минут терпеливо слушала, а потом раздраженно закатила глаза, перевернулась и уселась на него верхом.

– Ты не мог бы сделать паузу в своих покаянных ритуалах и еще разок меня удовлетворить? – поинтересовалась она.

А вот Джереми Макмиллан – это совершенно другая история. В эротическом плане он представлял для Лисбет Саландер нулевой интерес. Он был подлец, хотя внешне, как ни странно, походил на Дитера. В свои сорок восемь лет адвокат имел привлекательную внешность, хотя и был несколько полноват, седеющие русые локоны зачесывал назад и носил тонкие очки в золоченой оправе.

Когда-то бизнес-юрист, получивший классное образование, он работал инвестиционным менеджером в Лондоне. Ему светило безоблачное будущее – он являлся совладельцем адвокатской конторы, которая обслуживала крупные предприятия и недавно сколотившие себе состояния яппи. В основном его клиенты занимались покупкой недвижимости и оптимизацией налогов. Он беспечно провел 1980-е годы, общался со знаменитостями-нуворишами, предавался пьянству и баловался кокаином в обществе людей, с которыми не хотел бы просыпаться вместе на следующее утро. Ему удалось избежать судебных преследований, но жена его бросила и забрала двоих детей. Его турнули с работы после того, как он завалил все дела и явился вдребезги пьяным на переговоры о мировом соглашении.

Макмиллан протрезвел и сломя голову позорно бежал из Лондона. Почему он выбрал именно Гибралтар, он и сам не знал, но в 1991 году вместе с одним местным юристом открыл скромный офис, который официально занимался описями не слишком гламурного имущества и составлением завещаний. На менее официальном уровне фирма «Макмиллан и Маркс» легализовывала оффшорные компании и играла роль подставного лица для разных сомнительных личностей из Европы. Дела их шли ни шатко ни валко до тех пор, пока Лисбет Саландер не выбрала Джереми Макмиллана на роль управляющего почти двумя с половиной миллиардами долларов, которые она похитила из-под обломков рухнувшей империи финансиста Ханса Эрика Веннерстрёма.

Макмиллан, без сомнения, был аферистом. Но Лисбет относилась к

нему как к своему собственному аферисту, и он сам удивлялся тому, что проявлял по отношению к ней безупречную порядочность. Для начала она наняла его для выполнения простого задания: за скромное вознаграждение он создал для нее ряд оффшорных компаний, где Лисбет разместила миллион долларов. Она контактировала с ним по телефону и долгое время казалась ему анонимным голосом издалека. Он никогда не интересовался, откуда взялись деньги, – просто сделал то, о чем она просила, и взял за свои услуги пять процентов от суммы. Затем она перевела ему более солидную сумму и велела открыть компанию «Уосп энтерпрайзис», которая купила квартиру в Стокгольме. Таким образом, контакты с Лисбет Саландер окупались, и он брал с нее небольшие проценты.

Через два месяца она внезапно навестила его в Гибралтаре. Позвонила ему и пригласила на частный ужин у нее в номере в отеле «Рок», который считался если не самым большим, то самым знаменитым отелем на Скале. Макмиллан, конечно, и сам не знал, кого ожидает увидеть, но никак не думал, что его клиентка окажется девушкой, похожей на куклу, подросткового вида. Он подумал, что над ним просто решили подшутить.

Однако вскоре ему пришлось изменить свое мнение. Хрупкая девушка преспокойно вела с ним переговоры, ни разу не улыбнулась и не намекала на какие-либо персональные отношения. За каких-нибудь несколько минут она полностью разоблачила его – от мнимой респектабельности и светскости адвоката не осталось и следа.

Макмиллан сидел, как парализованный.

– Чего ты хочешь? – спросил он.

– Я похитила крупную сумму денег, – ответила она серьезно. – Мне нужен аферист, который взялся бы ими управлять.

Он задумался, все ли у нее в порядке с головой, но на всякий случай решил ей вежливо подыграть. Ему показалось, что она вполне подходящая потенциальная жертва – он в два счета обведет ее вокруг пальца и положит себе в карман огромный куш. Потом, когда Лисбет объяснила, у кого и каким образом она похитила деньги и о какой сумме идет речь, он долго не мог опомниться. Афера Веннерстрёма стала просто притчей во языцех, самой горячей темой, которую обсуждали финансисты во всем мире.

– Я понимаю.

Он просчитывал в голове разные варианты.

– Ты талантливый бизнес-юрист и инвестиционный менеджер. Если б ты был идиотом, тебе никогда бы не доверили тех заданий, которые ты получал в восьмидесятых годах. Правда, ты повел себя как идиот и тебя вышвырнули.

Он поднял брови.

– Я стану твоим единственным клиентом.

Ее доверчивый и невинный взгляд буквально обезоружил его.

– У меня только два условия. Первое – ты не должен совершать ничего противозаконного или позволить втянуть себя в какие-то сомнительные сделки, которые могут навлечь на нас неприятности и привлечь внимание властей к моим предприятиям и счетам. И второе – ты не должен мне врать. Никогда. Ни единого раза. Ни при каких обстоятельствах. Если ты мне солжешь, наши деловые отношения сразу прекратятся, а если ты меня разозлишь, то я тебя разорю.

Она налила ему бокал вина.

– К тому же тебе просто незачем мне врать. Я уже знаю о твоей жизни все, что нужно. Знаю, сколько ты зарабатываешь в удачный месяц и сколько в неудачный. Знаю, сколько ты тратишь. Знаю, что тебе всегда не хватает денег. Знаю, что ты накопил сто двадцать тысяч фунтов долгов – и долгосрочных, и краткосрочных, – и что тебе постоянно приходится рисковать и пускаться в разные махинации с деньгами, чтобы вовремя выплачивать проценты. Ты элегантно одеваешься и пытаешься выглядеть преуспевающим дельцом, но на самом деле ты по уши в дерьме, и уже несколько месяцев не можешь позволить купить себе новый пиджак. Зато две недели назад тебе латали подкладку на старом пиджаке. Обычно ты коллекционируешь редкие книги, но теперь тебе приходится их продавать. В прошлом месяце ты продал раннее издание «Оливера Твиста» за семьсот шестьдесят фунтов.

Она замолчала, но по-прежнему не отрывала от него взгляда. Макмиллан сглотнул.

– На прошлой неделе тебе повезло – тебе удалось наколоть вдову, интересы которой ты представляешь. Ты присвоил шесть тысяч фунтов, и она вряд ли обнаружит их отсутствие.

– Откуда, черт побери, тебе это известно?

– Я знаю, что ты был женат и у тебя в Англии двое детей, которые не хотят с тобой встречаться. И что ты после развода в основном поддерживаешь гомосексуальные отношения. Вероятно, ты этого стыдишься, поскольку не посещаешь клубы для геев и избегаешь ходить по городу в обществе своих друзей-мужчин. Ты часто пересекаешь границу Испании для встреч с мужчинами.

Джереми Макмиллан буквально потерял дар речи. Его охватил приступ страха. Он понятия не имел, откуда и каким образом девчонка раздобыла всю эту информацию, но она знала достаточно, чтобы его

уничтожить.

– Я сказала все это только один раз, и больше не буду повторять. Мне совершенно наплевать, с кем ты занимаешься сексом. Это меня не касается. Мне просто надо знать, что ты за человек, но я никогда не воспользуюсь своими знаниями. Я не собираюсь тебе угрожать или шантажировать тебя.

Макмиллан не был идиотом. Он, разумеется, понимал, что имеющиеся у нее сведения представляют для него угрозу и что он полностью у нее в руках. На секунду он даже задумался, а не сбросить ли ее с террасы, но удержался. Он никогда еще не испытывал такого страха.

– Чего ты хочешь? – спросил адвокат дрожащим голосом.

– Я хочу взять тебя в компаньоны. Ты должен оставить все остальные свои дела и работать исключительно на меня. Будешь получать больше, чем когда-либо мечтал.

Она объяснила, что ей нужно и как, по ее мнению, это должно выглядеть.

– Я хочу оставаться невидимкой. Моими делами будешь заниматься ты. Все должно быть в рамках закона. Если я что-нибудь натворю, это никак не будет затрагивать тебя или иметь отношение к нашему бизнесу.

– Понимаю…

– Значит, я буду твоей единственной клиенткой. Я готова дать тебе неделю на то, чтобы отделаться от других клиентов и покончить с мелкими махинациями.

Макмиллан решил, что такое предложение бывает только раз в жизни. Ему потребовалось не больше шестидесяти секунд, чтобы согласиться.

У него возник только один вопрос:

– А как ты узнаешь, что я тебя не надуваю?

– Даже не вздумай. Тебе придется жалеть об этом весь остаток своей убогой жизни.

Но ради чего ему морочить ее? Лисбет Саландер предлагала работу, которая потенциально сулила ему такую прибыль, что было бы абсурдно рисковать этим ради мелких афер. Если он будет держаться достойно и не выкидывать никаких фокусов, его будущее может считаться безоблачным.

Следовательно, он не собирался надувать Лисбет Саландер.

Соответственно, Макмиллан стал честным или, по крайней мере, настолько честным, насколько может считаться дискредитированный адвокат, управляющий краденым капиталом астрономических пропорций.

Сама Лисбет вообще не интересовалась своими финансами. Макмиллан должен размещать ее деньги и следить за пополнением счетов на кредитных карточках, которыми она пользовалась. Они дискутировали

несколько часов. Она объяснила, как именно ей хочется, чтобы ее финансы работали, а ему оставалось следить за тем, чтобы они действительно работали.

Значительная часть краденой суммы размещалась в стабильные фонды, что обеспечивало Лисбет экономическую независимость на всю оставшуюся жизнь, даже если бы она бросала деньги на ветер направо и налево и вела бы себя крайне необдуманно и расточительно. Именно из этих фондов пополнялись ее кредитные карточки.

Остаток денег она великодушно передавала на его попечение – он мог вкладывать их по собственному усмотрению, при условии, что его операции не приведут к каким-либо проблемам с полицией. Лисбет запретила ему заниматься мелкими махинациями, которые в случае неудачи могли бы подвести ее и привлечь к ней внимание.

Оставалось только договориться относительно его вознаграждения.

– Для начала я выплачу тебе пятьсот тысяч фунтов. Ты сможешь рассчитаться со всеми долгами, и у тебя еще кое-что при этом останется. Потом начнешь сам для себя зарабатывать. Открой фирму, где мы оба будем значиться совладельцами. Ты получишь двадцать процентов от прибыли. Я хочу, чтобы ты достаточно разбогател, чтобы не поддавался соблазну и не пускался в какие-нибудь аферы. И в то же время чтобы не стал настолько богат, чтобы перестал ловить мышей.

Макмиллан приступил к новой работе 1 февраля. К концу марта он расплатился с личными долгами и стабилизировал свое материальное положение. Лисбет настояла на том, чтобы он прежде всего разобрался со своими финансовыми делами и стал платежеспособен. Первого мая он разорвал партнерские отношения со спившимся коллегой Джорджем Марксом, фамилия которого составляла вторую половину названия «Макмиллан и Маркс». Он испытывал муки совести по отношению к бывшему партнеру, но решил, что привлекать Маркса к делам Лисбет Саландер нельзя ни при каких обстоятельствах.

Он посвятил в эти проблемы Лисбет Саландер, когда та, неожиданно вернувшись в Гибралтар в начале июля, обнаружила, что Макмиллан работает в своей квартире, а не в офисе, который арендовал раньше.

– Мой партнер – алкоголик, и вести такие дела он не в силах. Зато он может стать фактором риска. Но пятнадцать лет назад, когда я приехал в Гибралтар, он буквально спас мне жизнь, взяв меня в свое дело.

Она две минуты подумала, изучая лицо Макмиллана.

– Я понимаю. Ты подлец, но лояльный. Такое качество достойно уважения. Я предлагаю тебе открыть маленький счет, которым он сможет

распоряжаться. Пусть занимается махинациями. Следи за тем, чтобы он зарабатывал по несколько тысяч в месяц, и чтобы ему хватало на жизнь.

– Так ты не возражаешь?

Она кивнула и огляделась.

Он жил в одном из переулков, недалеко от местной больницы, в однокомнатной холостяцкой гарсоньерке, с кухонным уголком. Единственное, что ей здесь понравилось, был вид из окна. С другой стороны, такой вид в Гибралтаре открывался отовсюду.

– Тебе нужен и офис, и квартира посолиднее, – заключила она.

– У меня не было времени переехать, – ответил он.

– О’кей.

Лисбет купила ему офис, выбрав помещение в 130 квадратных метров с маленькой террасой, выходящей на море, расположенное в офисном центре «Бьюкенен хаус» на пристани Куинсвей. Такая недвижимость в Гибралтаре определенно считалась классом люкс. Саландер также наняла дизайнера, чтобы тот отремонтировал и обставил офис.

Макмиллан вспомнил, что, пока он углублялся в бумаги, Лисбет лично следила за установкой сигнализации, компьютерного оборудования и сейфа, так что вскрыть его ей ничего не стоило.

– Я уже впал в немилость? – поинтересовался он.

Она бросила на стол папку с корреспонденцией, которую до этого внимательно изучала.

– Нет, Джереми. Ты не впал в немилость.

– Слава богу! – сказал он и отправился за кофе. – Ты наделена способностью появляться тогда, когда этого меньше всего ждешь.

– Я в последнее время была занята. Мне просто хотелось посмотреть, что у нас нового.

– Если я правильно понял, тебя разыскивали за тройное убийство, тебе прострелили голову и предъявили обвинение в целом ряде преступлений. Я какое-то время не на шутку волновался. Думал, ты еще сидишь в тюрьме… Ты сбежала?

– Нет. Меня оправдали по всем пунктам и выпустили. Интересно, и многое ли тебе известно?

Он немного поколебался.

– О’кей. Врать не буду. Когда я понял, что ты по уши в дерьме, я нанял команду переводчиков, которая прочесывала шведские газеты и снабжала меня самой свежей информацией. Так что я был в курсе дела.

– Если твои сведения почерпнуты из газет, то ты ничего не знал. Но подозреваю, что ты теперь причастен к некоторым моим тайнам.

Адвокат кивнул.

– Что теперь будет?

Лисбет удивленно взглянула на него.

– Ничего. Мы по-прежнему партнеры. Наши отношения никак не зависят от моих проблем в Швеции. Расскажи, как шли дела в мое отсутствие. Ты прилично себя вел?

– Я не пью, – ответил он. – Если ты это имеешь в виду.

– Нет. Твоя частная жизнь меня не касается, пока она не мешает бизнесу. Меня интересует, стала я богаче или беднее, чем год назад?

Он пододвинул кресло для посетителей и сел. В каком-то смысле не имело значения то, что она оккупировала его место – Макмиллан не собирался выяснять, кто из них главнее.

– Ты вручила мне два миллиарда и четыреста миллионов долларов. Двести миллионов мы разместили в фондах для твоего личного пользования. Остальные деньги ты предоставила мне на мое усмотрение.

– Да.

– Твои личные фонды почти не изменились. Я могу увеличить прибыль, если…

– Я не гонюсь за прибылью.

– О’кей. Ты потратила пустяковую сумму. Самых крупных расходов потребовали покупка квартиры и открытие благотворительного фонда для адвоката Пальмгрена. В остальном же ты вполне умеренно тратила деньги и не слишком шиковала. Процентные ставки были вполне приемлемыми. У тебя примерно плюс-минус ноль.

– Неплохо.

– Остаток денег я вложил. В прошлом году мы заработали не слишком много. Я был немного не в форме и бóльшую часть времени посвятил тому, чтобы заново изучить рынок. У нас были расходы. Доходы стали поступать только в этом году. Пока ты сидела за решеткой, мы заработали около семи миллионов. Разумеется, долларов.

– Из которых двадцать процентов причитается тебе.

– Из которых двадцать процентов причитается мне.

– Тебе достаточно?

– Я за полгода заработал более полумиллиона долларов. Да. Мне достаточно.

– Знаешь… Не разевай рот на слишком большие куски. Когда сочтешь, что тебе уже хватит, можешь закругляться. Но продолжай периодически уделять по несколько часов моим делам.

– Десять миллионов долларов, – сказал Макмиллан.

– То есть?

– Когда я наберу десять миллионов долларов, то сверну свои дела. Хорошо, что ты появилась. Нам надо кое-что обсудить.

– Говори.

Адвокат развел руками.

– Меня иногда пугает такое безграничное количество денег. Я не знаю, как с ними управляться. Моя задача состоит только в том, чтобы заработать еще больше денег. А для чего они будут использоваться?

– Я не знаю.

– Я тоже не знаю. Но деньги могут стать самоцелью. Это полный идиотизм. Поэтому я и решил – как только заработаю десять миллионов, выйду из игры. Я не хочу больше ни за что отвечать.

– О’кей.

– Но прежде чем все это бросить, мне бы хотелось, чтобы ты решила, как управлять состоянием в дальнейшем. Нужно сформулировать цель, основные направления и организацию, которой все это можно передать.

– Ну да.

– Понимаешь, одному человеку не по силам вести такие серьезные дела. Я разделил сумму на долгосрочные постоянные инвестиции – недвижимость, ценные бумаги и все остальное. В компьютере имеется полный перечень.

– Я его прочла.

– Вторую половину я оставил для игры на бирже, но приходится отслеживать такое количество денег, что я не успеваю. Поэтому я основал инвестиционную компанию в Джерси. У тебя в Лондоне в данный момент имеется шесть сотрудников. Два прытких молодых инвестиционных менеджера и офисный персонал.

– «Йеллоу Боллрум Лимитед»? Я как раз заинтригована: что это такое?

– Наша компания. Здесь, в Гибралтаре, я нанял секретаря и молодого многообещающего юриста… Они, кстати, появятся примерно через полчаса.

– Ну да. Молли Флинт, сорок один год, и Брайан Делани, двадцать шесть.

– Хочешь с ними встретиться?

– Нет. Брайан твой любовник?

Макмиллан был явно шокирован.

– Я не смешиваю…

– Отлично.

– Кстати… Меня не интересуют юноши. Я имею в виду, неопытные…

– Да, тебя больше привлекают парни с крутым характером, а не сопливые засранцы. Меня это по-прежнему не касается, но, Джереми…

– Да?

– Будь осторожен.

Вообще-то Лисбет собиралась провести в Гибралтаре лишь пару недель, чтобы обрести утраченное равновесие. Но внезапно обнаружила, что не имеет ни малейшего представления о том, чем бы ей хотелось заняться и куда отправиться.

И в итоге она пробыла там двенадцать недель. Ежедневно проверяла электронную почту и, как и обещала, отвечала на письма Анники Джаннини в тех редких случаях, когда та ей писала. Где она находится, Лисбет не сообщала и не общалась ни с кем другим.

Она по-прежнему посещала «Бар Харри», но теперь только по вечерам, и заходила туда только, чтобы выпить бокал пива. Бо́льшую часть дня Лисбет проводила в гостинице «Рок» – либо на террасе, либо в постели. Она успела вступить еще в одну случайную связь с тридцатилетним офицером британского флота, но из этого получилось *one night stand*, приключение, от которого не осталось никаких впечатлений и воспоминаний.

Лисбет изнемогала под гнетом скуки.

С Макмилланом они как-то в начале октября поужинали вместе. Лисбет и Джереми встречались лишь несколько раз за этот ее визит. Уже стемнело, они пили какое-то белое вино с фруктовым запахом и обсуждали, как следует использовать миллионы Лисбет.

Он очень удивил ее, когда спросил, что омрачает ее настроение.

Она посмотрела на него, подумала, а потом неожиданно рассказала о своих отношениях с Мириам Ву и о том, как ту почти до смерти избил Рональд Нидерман. А всему виной была она. За исключением переданного через Аннику Джаннини привета, Лисбет от Мириам Ву не слышала ни слова, а теперь та уехала во Францию.

Джереми Макмиллан довольно долго сидел молча.

– Ты в нее влюблена? – неожиданно спросил он.

Подумав над ответом, Лисбет Саландер покачала головой:

– Не думаю. Я не из тех, кто влюбляется. Она мой друг. И с ней получался хороший секс.

– Каждый может влюбиться, – сказал он. – Возможно, в это не хочется верить, но дружба, наверное, является самой популярной формой любви.

Она посмотрела на него с изумлением.

– Ты не рассердишься, если я буду откровенен?

– Нет.

– Ради бога, поезжай в Париж, – посоветовал он.

Лисбет приземлилась днем, в половине третьего в аэропорту Шарля де Голля, потом доехала на экспрессе до Триумфальной арки и два часа бродила по ближайшим кварталам в поисках свободного гостиничного номера. Затем прошла на юг, к Сене, и наконец раздобыла номер в маленьком отеле «Виктор Гюго» на рю Коперник.

Саландер приняла душ и позвонила Мириам Ву. Они встретились около девяти вечера в баре недалеко от Нотр-Дам. Мириам Ву пришла в белой рубашке и пиджаке. Она выглядела очень привлекательно. Лисбет смутилась. Они расцеловались.

– Прости меня, что я не давала о себе знать и не явилась на суд, – сказала Мириам Ву.

– Все в порядке. Суд в любом случае проходил за закрытыми дверями.

– Я три недели провалялась в клинике, а потом, когда вернулась на Лундагатан, обнаружила там полный разгром. Я не могла спать, мне мерещились кошмары, я боялась этого чертова Нидермана. Я позвонила маме и сказала, что хочу приехать.

Лисбет кивнула.

– Прости меня.

– Не валяй дурака. Я ведь приехала сюда, чтобы просить прощения у тебя.

– С чего это вдруг?

– Я не знала. Мне даже в голову не пришло, что я подвергала тебя смертельной опасности, когда поселила в квартире, которая по-прежнему числилась за мной. Я виновата в том, что тебя чуть не убили. Если ты меня возненавидишь, я это пойму.

Мириам Ву смотрела на нее растерянно.

– За что мне тебя ненавидеть? Ведь меня пытался убить Рональд Нидерман, а не ты.

Они немного посидели молча.

– Вот оно что, – наконец произнесла Лисбет.

– Да? – откликнулась Мириам Ву.

– Я приехала следом за тобой не потому, что влюблена в тебя, – сказала Лисбет.

Мириам кивнула.

– У нас с тобой получался хороший секс, но я в тебя не влюблена, –

подчеркнула Саландер.

– Лисбет… Мне кажется…

– Я хотела сказать, что надеюсь… Черт возьми…

– Что?

– У меня не так много друзей…

Мириам Ву кивнула.

– Я еще ненадолго останусь в Париже. Дома я так и не смогла доучиться, так что записалась в здешний университет. Придется остаться тут минимум на год.

Лисбет кивнула.

– Дальше не знаю. Но я вернусь в Стокгольм. Я продолжаю платить за квартиру на Лундагатан и хотела бы ее сохранить. Если ты, конечно, не против.

– Квартира твоя. Делай с ней, что хочешь.

– Лисбет, ты вообще ни на кого не похожа. Ты просто уникум. Я бы очень хотела остаться твоим другом.

Они проговорили два часа.

У Лисбет не было причин скрывать свое прошлое от Мириам Ву. О деле Залаченко теперь стало известно всем, кто читал шведские газеты, а Мириам Ву следила за ним с огромным интересом. Она подробно рассказала о том, что произошло в Нюкварне в ту ночь, когда Паоло Роберто спас ей жизнь.

Потом они поехали к Мириам. Она теперь жила в кампусе, неподалеку от университета.

Эпилог
Опись имущества

Пятница, 2 декабря – воскресенье, 18 декабря

Около девяти вечера Анника Джаннини явилась на встречу с Лисбет Саландер в бар театра «Сёдер». Ее клиентка поглощала крепкое пиво и уже приканчивала второй бокал.

– Извини, что опоздала, – сказала Анника и покосилась на наручные часы. – Мне пришлось разбираться с другим клиентом.

– Вот оно что, – отозвалась Лисбет.

– Ты что-то празднуешь?

– Нет, ничего. Просто мне хочется напиться.

Усаживаясь, Анника взглянула на нее с некоторым скепсисом.

– И часто у тебя возникает такое желание?

– Первое время, когда меня выпустили, я напивалась до бесчувствия. Но склонности к алкоголизму у меня нет, поверь мне. Просто я вдруг поняла, что впервые в жизни являюсь дееспособной и имею законное право напиться у себя дома, в Швеции.

Анника заказала себе «Кампари».

– О'кей, – сказала она. – Ты предпочитаешь пить одна или в компании?

– Препочитаю одна. Но можешь со мной посидеть, если не будешь слишком много болтать. Мне кажется, у тебя нет желания отправиться ко мне домой и заняться сексом.

– Прости? – переспросила Анника.

– Да, я так и думала. Ты ведь до неприличия гетеросексуальна.

Джаннини вдруг развеселилась.

– Ты первая из клиентов, кто предлагает мне заняться сексом.

– Ты заинтересовалась?

– Сорри. Нисколько. Но спасибо за приглашение.

– Чего же ты хочешь, адвокат?

– Я хочу две вещи. Либо я прямо сейчас и здесь отказываюсь от услуг в качестве твоего адвоката, либо ты начинаешь подходить к телефону, когда я тебе звоню. Мы ведь уже это обсуждали, когда тебя освободили.

Лисбет Саландер посмотрела на Аннику Джаннини.

– Я уже целую неделю не могу тебя поймать. Я звонила, писала и посылала тебе мейлы.

– Я уезжала.

– Ты бóльшую часть осени была недосягаема. Так не годится. Я согласилась представлять твои интересы во всем, что касается твоих взаимоотношений с государством. Это означает, что необходимо заниматься формальностями и документами. Надо подписывать бумаги и отвечать на вопросы. Я должна иметь возможность связываться с тобой, а не сидеть как идиотка и не знать, где ты находишься.

– Понимаю. Я две недели провела за границей. Я вернулась домой вчера и позвонила тебе, как только услышала, что ты меня разыскиваешь.

– Так не годится. Ты обязана информировать меня о том, где ты находишься, пока все вопросы о компенсации и обо всем прочем не утрясутся, и звонить мне минимум раз в неделю.

– Мне плевать на компенсацию. Я хочу, чтобы государство оставило меня в покое.

– Но государство не оставит тебя в покое, как бы ты этого ни хотела. Суд оправдал тебя, а это повлекло за собой целую цепочку событий. Сейчас речь идет не только о тебе. Петера Телеборьяна будут судить за те действия, которые он предпринимал против тебя. Это означает, что тебе придется выступить свидетелем. Служебные злоупотребления прокурора Экстрёма стали предметом расследования. К тому же, если выяснится, что он по поручению «Секции» умышленно пренебрегал служебным долгом, его могут привлечь к судебной ответственности.

Лисбет подняла брови. На секунду в ее глазах вспыхнул интерес.

– Но думаю, до суда дело не дойдет. Экстрём купился на блеф и к «Секции» на самом деле никакого отношения не имеет. На прошлой неделе прокурор начал предварительное следствие в отношении Комитета по надзору за органами опеки и попечительства. Там имеется серия заявлений от омбудсмена юстиции и одно обращение на имя канцлера юстиции.

– Я ни на кого не заявляла.

– Я знаю. Но выяснилось, что совершались должностные преступления, и требуется все расследовать. Ты – не единственная, за кого комитет несет ответственность.

Лисбет пожала плечами:

– Меня это не касается. Но я обещаю, что теперь буду поддерживать с тобой контакты. Две последние недели были исключением. Я работала.

Анника Джаннини посмотрела на свою клиентку с подозрением.

– Чем же ты занималась?

– Консалтингом.

– О’кей, – кивнула Анника. – А теперь второе дело: готова опись имущества.

– Какого еще имущества?

– Оставшегося после твоего отца. Государственный адвокат обратился ко мне, поскольку никто, похоже, не знал, как с тобой связаться. Вы с сестрой единственные наследницы.

Пока Лисбет Саландер смотрела на Аннику Джаннини, ни один мускул на ее лице не дрогнул. Потом она поймала взгляд официантки и показала пальцем на свой бокал.

– Мне наплевать на отцовское наследство. Делай с ним, что хочешь.

– Послушай, Лисбет, существуют правила и законы. Это ты можешь делать с наследством все, что хочешь. А моя обязанность – проследить за тем, чтобы у тебя имелась такая возможность.

– Я не хочу ни единого эре от этой скотины.

– О’кей. Ты можешь передать деньги «Гринпису» или еще кому-нибудь.

– Мне наплевать на китов.

Аннике пришлось перейти на более жесткие тона.

– Лисбет, если ты хочешь быть дееспособной, тебе пора начинать вести себя соответствующим образом. Мне все равно, как ты распорядишься своими деньгами. Подпиши, что ты их получила, и можешь продолжать спокойно пить.

Лисбет покосилась на Аннику из-под челки, а потом уткнулась взглядом в стол. Анника восприняла этот жест как своего рода извинение. Мимический регистр Лисбет Саландер был весьма ограничен.

– О’кей. А что там?

– Вполне солидное наследство. У твоего отца было около трехсот тысяч в ценных бумагах. Недвижимость в Госсеберге оценивается примерно в полтора миллиона, она включает участок леса. Кроме того, твой отец владел еще тремя видами недвижимого имущества.

– Недвижимого имущества?

– Ну да. Похоже, он вложил в него кое-какие деньги. Конечно, это не то чтобы особо ценные объекты. Ему принадлежит небольшой дом в Уддевалле с шестью квартирами, сдача в аренду которых приносит некоторый доход. Недвижимость, правда, находится в плачевном состоянии – на ремонт твой отец явно не хотел тратиться. Домом даже занималась комиссия по жилищным спорам. На нем ты не разбогатеешь, но при продаже получишь небольшую сумму. Твоему отцу принадлежал также

дачный участок в Смоланде[85], который оценивается приблизительно в двести пятьдесят тысяч крон.

– Вот как.

– Еще ему принадлежит ветхое промышленное здание в Норртелье[86].

– Какого черта он покупал все это дерьмо?

– Понятия не имею. По предварительным оценкам, наследство может при продаже составить четыре с лишним миллиона, за вычетом налогов и тому подобного. Но…

– Да?

– Потом наследство придется разделить поровну между тобой и сестрой. Однако дело в том, что никто, похоже, не знает, где находится твоя сестра.

Лисбет молча разглядывала Аннику Джаннини.

– Ну?

– Что «ну»?

– И где находится твоя сестра?

– Не имею представления. Я не виделась с нею десять лет.

– Данные о ней засекречены, но я узнала, что она, вроде бы, находится за пределами страны.

– Вот как, – сказала Лисбет равнодушно.

Анника тяжело вздохнула.

– О’кей. Тогда я предлагаю реализовать все доходы и поместить половину суммы в банк до тех пор, пока нам не удастся обнаружить местонахождение твоей сестры. Если ты даешь добро, я могу начать переговоры.

Лисбет пожала плечами.

– Я не хочу иметь к его деньгам никакого отношения.

– Я тебя понимаю. Но подвести черту все равно надо. Это часть твоей ответственности как дееспособного гражданина.

– Тогда просто продай весь этот хлам. Положи половину в банк, а остальное подари, кому захочешь.

Анника Джаннини подняла одну бровь. Она понимала, что у Лисбет Саландер есть какие-то средства, но не думала, что их размер так велик и позволяет наплевать на наследство в миллион крон или даже больше. Она также не имела представления, откуда у Лисбет деньги и о какой сумме может идти речь, однако в основном ее заботило завершение бюрократической процедуры.

– Лисбет, дорогая… Прочти, пожалуйста, опись имущества и дай мне

свое согласие, чтобы я начала действовать и мы смогли бы обо всем этом забыть.

Лисбет немного поворчала, но под конец сдалась и сунула папку к себе в сумку. Она пообещала прочитать ее и дать распоряжения относительно дальнейших действий, а затем вновь переключилась на пиво. Анника Джаннини еще около часа посидела с нею; правда, она пила в основном минеральную воду.

Анника позвонила через несколько дней и напомнила Лисбет Саландер об описи имущества. Тогда та достала и расправила смявшуюся папку, а потом уселась за кухонный стол и прочла все документы.

Опись имущества занимала несколько страниц и содержала массу сведений о разном барахле – какая посуда имелась в кухонном шкафу в Госсеберге, какая сохранилась одежда, какова стоимость фотоаппаратов и других личных предметов. Ничего особо ценного после себя Александр Залаченко не оставил, и ни один из предметов не представлял для Лисбет Саландер ни малейшего интереса. Она немного поразмышляла и все-таки решила, что ее позиция со времен встречи с Анникой в баре не изменилась и что инструкции по-прежнему просты. Хлам нужно сбыть, а деньгами Анника пусть распорядится по своему усмотрению. Лисбет ни секунды не сомневалась в том, что не хочет от этого наследства ни одного эре, но подозревала, и небезосновательно, что настоящие сокровища Залаченко припрятаны в таком месте, где ни один составитель описи имущества их не искал.

Потом она начала изучать свидетельство о праве собственности на недвижимость в Норртелье.

Недвижимость представляла собой помещение промышленного назначения, состоящее из трех зданий общей площадью в 20 000 квадратных метров и расположенное поблизости от местечка Шедерид, между Норртелье и Римбу.

Составитель описи нанес туда краткий визит и констатировал, что это бывший кирпичный завод, по большей части пустовавший с момента закрытия в 1960-х годах и использовавшийся в качестве склада для лесоматериалов в 1970-х. По его мнению, помещения находятся в «аварийном состоянии» и не подлежат ремонту с целью использования для какой-либо другой деятельности. Под аварийным состоянием, в частности, имелось в виду то, что «северное здание» во время пожара воспламенилось и обвалилось. В главном же здании кое-какие ремонтные работы все же проводились.

Прочитав выписку из архива, Лисбет Саландер вздрогнула. Александр Залаченко купил недвижимость за бесценок 12 марта 1984 года, но владельцем по бумагам значилась Агнета София Саландер.

Так что первоначально недвижимостью владела мать Лисбет Саландер. Но уже в 1987 году Залаченко выкупил у нее здание за 2000 крон. Затем постройки, вроде бы, лет пятнадцать никак не использовались. Согласно описи имущества, 17 сентября 2003 года фирма «КАБ» наняла строительную компанию «НоррБюгг АВ» для производства ремонтных работ, включавших ремонт полов и крыш, а также оптимизацию водоснабжения и электропроводки. Работы продолжались примерно два месяца, до конца ноября 2003 года, а затем прекратились. «НоррБюгг» выставила счет, который был оплачен.

Из всех афер ее отца именно эта казалась самой необъяснимой. Лисбет Саландер нахмурила брови.

Если отец хотел сделать вид, что его фирма «КАБ» занимается какой-то легальной деятельностью или что он обладает некоторыми средствами, то покупка помещения промышленного назначения вполне объяснима. Вполне понятным казалось и то, что мать Лисбет выступала в качестве подставного лица при покупке, а потом он отобрал у нее контракт.

Но ради чего он в 2003 году выложил почти 440 000 крон за ремонт этой жалкой лачуги, которая, согласно данным описи, в 2005 году по-прежнему не использовалась?

Лисбет Саландер недоумевала, но этот вопрос не слишком ее заинтересовал. Она сложила папку и позвонила Аннике Джаннини.

– Я прочла опись имущества. Мое решение осталось прежним. Продай это дерьмо и делай с деньгами что угодно. Я не хочу от него никакого наследства.

– О’кей. Тогда я прослежу, чтобы половину суммы положили в банк на имя твоей сестры, а потом предложу тебе несколько вариантов, куда можно пожертвовать деньги.

– Ага, – ответила Лисбет и без лишних слов положила трубку.

Потом она уселась у окна, закурила сигарету и начала смотреть на залив Сальтшён.

Следующую неделю Лисбет Саландер помогала Драгану Арманскому – он дал ей неотложное поручение. Нужно было найти и установить личность человека, которого подозревали в том, что его наняли похитить ребенка в процессе судебной тяжбы об опеке, возникшей после развода шведки с гражданином Ливана. Лисбет поручили контроль за электронной

почтой человека, которого считали заказчиком. Но потом работу пришлось прервать в связи с тем, что стороны нашли компромиссное решение и заключили мировое соглашение.

В последнее воскресенье перед Рождеством, 18 декабря, Лисбет проснулась в половине седьмого и подумала, что ей надо купить рождественский подарок Хольгеру Пальмгрену. Она подумала: кстати, а не следует ли ей купить подарок еще кому-нибудь, например, Аннике Джаннини. Потом не спеша встала, приняла душ и позавтракала – выпила кофе и съела тосты с сыром и апельсиновым джемом.

Ничего особенного на этот день она не планировала. Только просто так немного поразбирала на письменном столе бумаги и газеты. Потом ее взгляд упал на папку с описью имущества. Лисбет открыла папку и еще раз прочитала свидетельство о праве собственности на промышленное помещение в Норртелье.

И вздохнула.

О’кей. Я все-таки должна выяснить, чем он там, черт побери, занимался.

Лисбет укуталась и надела теплые ботинки. В половине девятого утра она выехала на «хонде» цвета красного вина из подземного гаража на Фискаргатан, 9. Стояла очень холодная, но ясная погода, на пастельно-голубом небе сияло солнце. Лисбет не торопясь проехала через Шлюз и Клараберсгледен и вынырнула на шоссе Е18 в сторону Норртелье. Ближе к десяти она свернула к бензоколонке в нескольких километрах от местечка Шедерид, чтобы спросить, как проехать к старому кирпичному заводу. Но, едва остановившись, поняла, что она и так все найдет, ничего ни у кого не спрашивая.

С холма, на котором находилась Саландер, открывалась прекрасная панорама на расположенную по другую сторону от шоссе низину. Слева, по направлению к Норртелье, находился склад красок и стройматериалов, рядом было выставлено шахтное оборудование. Справа, на краю промышленной зоны, примерно в 400 метрах от главной дороги, располагалось мрачное кирпичное здание с развалившейся трубой. Завод походил на последний бастион промзоны, на отшибе – по другую сторону небольшой дороги и узкой речки. Лисбет задумчиво разглядывала здание. Она толком так и не поняла, что заставило ее посвятить целый день поездке в Норртелье.

Повернув голову, она покосилась на бензоколонку, куда как раз подъехал трейлер с табличкой TIR – Международные дорожные перевозки. Она внезапно поняла, что находится на главной дороге, ведущей к

паромной гавани в Каппельшере, через которую осуществлялась значительная часть грузовых перевозок между Швецией и Балтийскими странами.

Лисбет завела машину, выехала обратно на шоссе и свернула к заброшенному кирпичному заводу. Она припарковалась прямо посреди участка и вышла из машины. На улице сразу дала себя знать минусовая температура, и Лисбет надела черную шапочку и черные кожаные перчатки.

В главном здании было два этажа. Все окна нижнего этажа были заколочены фанерой, а на верхнем – по большей части разбиты. Кирпичный завод оказался гораздо более просторным зданием, чем она себе представляла, но выглядел чересчур ветхим. Никаких следов ремонта ей обнаружить не удалось. Здесь не было ни единой живой души, только посреди парковки валялся использованный презерватив, а часть фасада украсили произведения представителей искусства граффити.

На кой черт Залаченко держался за это здание?

Лисбет обошла вокруг завода и на задней стороне обнаружила разрушенный флигель. Все двери в главное здание были заперты при помощи цепей и висячих замков. Она принялась изучать входную дверь в торце. И если некоторые двери были укреплены мощными железными болтами и защищены от взлома, то замок на торце казался не слишком крепким и держался лишь на одном гвозде. «А ведь, черт возьми, здание принадлежит мне», – подумала Лисбет. Оглядевшись, она заметила в куче хлама тонкую металлическую трубу и использовала ее как рычаг, чтобы сбить висячий замок.

Ее взору предстала лестница и вход на первый этаж. Из-за заколоченных окон внутри было почти совсем темно, лишь по краям фанерных листов пробивались отдельные полоски света. Лисбет постояла несколько минут, пока глаза не привыкли к темноте, а потом огляделась: потолок подпирали массивные деревянные столбы, а все вокруг было забито всяким хламом – брошенными табуретками, старыми деталями оборудования и лесоматериалами. Зал имел метров сорок пять в длину и двадцать в ширину. Старые печи кирпичного завода, похоже, демонтировали и вынесли. Фундаменты превратились в заполненные водой бассейны, а на полу лежали огромные заплесневелые лужи. Кругом пахло гнилью и тиной. Лисбет наморщила нос.

Она развернулась и пошла вверх по лестнице. Второй этаж оказался сухим и состоял из двух расположенных друг за другом помещений, площадью примерно двадцать на двадцать и не менее восьми метров

высотой. Высокие окна находились на недоступном расстоянии, почти под крышей. Из них ничего не было видно, но они хорошо освещали верхний этаж. Здесь, как и внизу, валялась масса хлама. Она прошла мимо десятков сложенных друг на друга упаковочных ящиков. Потрогала один из них – сдвинуть ящик с места оказалось невозможно. На нем виднелась надпись: Machine parts 0-A77. Ниже располагался аналогичный текст по-русски: «Детали оборудования 0-A77». Саландер отметила, что в первом зале есть открытый товарный лифт.

Склад разного оборудования, которое ржавеет без дела на старом кирпичном заводе, вряд ли представляет из себя какое-то солидное имущество.

Лисбет прошла во второй зал. Судя по всему, именно здесь и проводились ремонтные работы. Помещение оказалось заполнено хламом, ящиками и старой офисной мебелью, расставленной по принципу лабиринта. Одна секция пола была вынута и заменена новыми досками. Лисбет отметила, что наверняка ремонтные работы были прерваны неожиданно и поспешно. Все было брошено без присмотра – инструменты, пилы, гвоздезабивной пистолет, гвоздодер, лом и ящики для инструментов. Она нахмурила брови.

Даже при внезапном окончании работ строительная компания обычно забирает оборудование.

Но ответ и на этот вопрос она нашла, когда подняла отвертку и увидела на ручке русские буквы. Залаченко импортировал инструмент, а, может быть, и рабочую силу.

Лисбет подошла к торцовочной пиле и повернула выключатель. Загорелась зеленая лампочка. Значит, электричество есть. Она вернула выключатель в нулевое положение.

В глубине зала имелось три двери, они вели в маленькие помещения – возможно, раньше там располагалась контора. Лисбет взялась за ручку крайней двери и убедилась, что она заперта. Оглядевшись, она вернулась к инструментам и принесла гвоздодер. Чтобы выбить дверь, потребовались некоторые усилия.

В комнате было темно и пахло старьем. Протянув руку, Лисбет нащупала выключатель и зажгла одиноко висевшую под потолком лампочку. И с изумлением оглянулась.

В комнате стояли три кровати с перепачканными матрасами, и еще три матраса лежали прямо на полу. Кругом валялось грязное постельное белье. Справа находилась электроплитка, возле ржавого крана стояло несколько кастрюль. В одном из углов находилось железное ведро, а рядом – рулон

туалетной бумаги.

Тут кто-то жил. И жильцов было несколько.

Лисбет вдруг обратила внимание, что с внутренней стороны двери ручки нет. По спине ее побежали мурашки.

В глубине комнаты стоял платяной шкаф. Она вернулась, открыла дверцы шкафа и увидела две дорожные сумки. Вытащив верхнюю, обнаружила одежду и вытянула юбку с этикеткой на русском языке. Потом нашла сумочку и вытряхнула содержимое на пол. Среди косметики и разной ерунды валялся паспорт с фотографией темноволосой девушки лет двадцати. Написано все было по-русски. Лисбет прочитала имя девушки: Валентина.

Она медленно вышла из комнаты.

Ее посетило ощущение дежавю. Два с половиной года назад Лисбет Саландер уже приходилось осматривать похожее место преступления в одном из подвалов селения Хедебю. Женская одежда. Тюрьма. Она остановилась и надолго задумалась. С какой стати паспорт и одежда остались здесь? Что-то произошло…

Потом она вернулась обратно к инструментам и стала в них копаться, пока не нашла мощный фонарь. Батарейки оказались на месте; тогда Лисбет спустилась на первый этаж и зашла в большой зал. Она шагала прямо по лужам на полу, и ботинки постепенно промокали.

Чем дальше она продвигалась вглубь зала, тем сильнее пахло гнилью. Лисбет остановилась возле фундамента одной из старых кирпичных печей. Тот почти до краев был заполнен водой. Она посветила фонарем на черную воду, но ничего различить не смогла. Поверхность воды покрывали водоросли, превратившиеся в зеленую слизь. Лисбет огляделась по сторонам и нашла трехметровый кусок стальной арматуры. Она воткнула его в бассейн и пошевелила. Яма оказалась примерно полметра глубиной, и почти сразу Лисбет на что-то наткнулась. Через несколько секунд на поверхность всплыло тело. Сперва показалось лицо – оскаленная маска смерти и разложения. Лисбет задышала ртом и стала разглядывать лицо в свете фонаря. Это была женщина, возможно, владелица паспорта со второго этажа. Сколько нужно времени, чтобы тело разложилось в холодной стоячей воде, Саландер не знала, но предположила, что женщина пролежала в бассейне довольно долго.

Она обратила внимание, что на поверхности воды что-то движется. Какие-то личинки.

Лисбет опустила тело обратно в воду и продолжила орудовать стальным прутом. На краю бассейна наткнулась на что-то, что сочла еще

одним телом. Она не стала его трогать, вытащила из ямы прут, бросила его на пол и остановилась возле бассейна. Тут было над чем задуматься.

Потом Саландер снова поднялась на второй этаж. Используя гвоздодер, она вскрыла среднюю дверь. Комната оказалась пустой – ее как будто вообще не использовали.

Лисбет подошла к третьей двери и уже приставила к ней инструмент, но взламывать ее не потребовалось – дверь приоткрылась сама. Здесь оказалось не заперто. Лисбет подтолкнула дверь гвоздодером и огляделась.

Площадь комнаты составляла примерно тридцать квадратных метров. Окна располагались как обычно, и из них открывался вид на двор перед кирпичным заводом. Лисбет различила даже бензоколонку, возвышающуюся над шоссе. Тут имелись кровать, стол и мойка с посудой. Потом она увидела на полу открытую сумку, а в ней – купюры. Лисбет сделала два шага и вдруг почувствовала, что в комнате тепло – взгляд упал на электрический обогреватель, который стоял на полу. Потом она увидела кофеварку, она мигала ей красным индикатором.

Здесь кто-то живет. Она на кирпичном заводе не одна.

Лисбет резко развернулась и бросилась во внутренний зал, а оттуда – во внешний. И шагнула к выходу. В пяти шагах от лестницы затормозила, обнаружив, что дверь на лестницу закрыта и на ней висит замок. Она оказалась заперта.

Лисбет медленно обернулась и посмотрела по сторонам. Но никого не увидела.

– Привет, сестренка! – услышала она чей-то наигранно веселый голос.

Лисбет повернула голову и увидела, как из-за ящиков с деталями оборудования появляется монументальная фигура Рональда Нидермана. В руках у него сверкнул штык-нож.

– Я мечтал с тобой снова повстречаться, – произнес Нидерман. – В прошлый раз мы так и не успели толком пообщаться.

Лисбет огляделась.

– Бесполезно, – сказал Нидерман. – Мы с тобой одни, и единственный выход заперт.

Лисбет перевела взгляд на сводного брата.

– Как твоя рука? – поинтересовалась она.

Нидерман по-прежнему улыбался. Он поднял правую руку и продемонстрировал ее. На ней отсутствовал мизинец.

– Туда попала инфекция. Пришлось его отпилить.

Рональд Нидерман страдал анальгезией и не мог ощущать боли.

Лисбет рассекла ему руку лопатой около Госсеберги, за несколько секунд до того, как Залаченко выстрелил ей в голову.

– Надо было отстрелить тебе башку, – равнодушно проговорила Лисбет Саландер. – Какого черта ты здесь делаешь? Я думала, что ты еще несколько месяцев назад убрался за границу.

Он только улыбнулся.

Если б Рональд Нидерман и попытался ответить на вопрос Лисбет Саландер о том, что он делает на этом ветхом кирпичном заводе, у него наверняка ничего не получилось бы. Объяснить это он не смог бы даже самому себе.

Он покидал Госсебергу с чувством надежды, рассчитывая на то, что Залаченко мертв и фирма перейдет к нему. Он считал себя непревзойденным организатором.

Рональд сменил машину в Алингсосе, затолкал перепуганную медсестру Аниту Касперссон в багажник и поехал в сторону Буроса. У него не было никакого плана, и он импровизировал на ходу. Его нисколько не волновала судьба Аниты Касперссон. Ему было безразлично, останется она в живых или умрет. Но от лишнего и опасного свидетеля необходимо избавиться, считал он. На окраине Буроса Нидерман вдруг решил, что поступит с ней иначе.

Он отправился в сторону к югу и нашел пустынный лесной массив неподалеку от местечка Сеглора. Здесь он привязал медсестру в каком-то сарае и бросил. Он рассчитывал на то, что она через несколько часов сможет вырваться и направит полицию в сторону юга. Если же она не сможет освободиться, а умрет от голода или от холода, это уже не его забота.

На самом же деле Рональд Нидерман вернулся в Бурос и направился на восток, в сторону Стокгольма. Он поехал прямо в «Свавельшё МК», но не стал показываться в помещении клуба. Ведь, как ни досадно, Магге Лундин сидел за решеткой. Нидерман отправился к клубному приставу Хансу-Оке Валтари домой и потребовал, чтобы тот помог ему и нашел ему укрытие. Валтари все устроил – он отправил его к Виктору Йоранссону, кассиру и финансовому директору клуба. Там Рональд, правда, задержался только на несколько часов.

Нидерман в целом никаких материальных затруднений не испытывал. Конечно, он оставил почти 200 000 крон в Госсеберге, но у него имелся доступ к значительно более крупным суммам, размещенным в фондах за границей. Проблема заключалась лишь в том, что он нуждался в наличных средствах. Йоранссон отвечал за деньги «Свавельшё МК», и Нидерман

решил, что ему подворачивается удобный случай. Он легко убедил Йоранссона показать ему спрятанный в хлеву сейф и прихватил примерно 800 000 крон наличными.

В доме присутствовала еще и женщина, но что именно он с нею сделал, Нидерман точно не помнил.

У Йоранссона он прихватил также автомобиль, который еще не успел «засветиться» в полиции, и направился на север, с целью сесть на один из таллинских паромов, отправлявшихся из Каппельшера.

Доехав до Каппельшера, он остановился на стоянке и заглушил мотор. Потом с полчаса сидел, изучая обстановку. Всюду торчали полицейские.

Нидерман завел машину и просто поехал дальше, без всякого плана. Ему требовалось укрытие, где он смог бы на некоторое время затаиться. На подступах к Норртелье Рональд вдруг вспомнил о старом кирпичном заводе. С тех пор как год назад там проводились ремонтные работы, он почти позабыл про это здание. Кирпичный завод использовали братья Харри и Атхо Ранта, превратившие его в склад для торговли со странами Прибалтики, но братья Ранта перебрались за границу еще тогда, когда журналист Даг Свенссон из «Миллениума» только заинтересовался темой транспортировки шлюх. Старый завод пустовал.

Спрятав «сааб» Йоранссона в сарае позади завода, Нидерман забрался внутрь. Ему пришлось взломать одну из дверей на первом этаже, но первым делом он обустроил себе запасный выход через отвалившуюся в торце фанеру. Сломанный висячий замок Рональд позднее заменил. А затем обустроил себе комнату на втором этаже.

В тот же день, уже после обеда, до него через стены донеслись какие-то звуки. Сначала Нидерман подумал, что это обычные привидения. Он просидел довольно долго, а потом вдруг поднялся, вышел в большой зал и прислушался. Было тихо, но он продолжал терпеливо ждать, пока вновь не услышал какое-то царапание.

Около мойки обнаружился ключ.

Рональд был чуть ли не в шоке, когда, открыв дверь, обнаружил двух русских девиц легкого поведения. Они выглядели совершенно изможденными и явно просидели несколько недель без еды: после того как у них закончился пакет риса, они держались только на чае и воде.

Одна из них настолько обессилела, что не могла подняться с кровати. Вторая держалась бодрее. Она говорила только по-русски, но ему хватило знания языка, чтобы понять: она благодарит Бога и его, Рональда Нидермана, за спасение. Она упала на колени и обвила руками его ноги. Он отпихнул ее, выскочил из комнаты и запер дверь.

Нидерман не знал, что ему делать со шлюхами. Он сварил суп из найденных на кухне консервов и отнес им, а сам глубоко задумался. Потихоньку к ним возвращались силы, и даже та, изможденная женщина, которая без сил лежала на кровати, пришла в себя. Он целый вечер допрашивал их и в конце концов узнал, что эти женщины не шлюхи, а студентки, заплатившие братьям Ранта за возможность перебраться в Швецию. Им обещали вид на жительство и разрешение на работу. Они прибыли в Каппельшер в феврале, и оттуда их прямиком привезли в здание склада и заперли здесь.

Нидерман был вне себя. Проклятые братья Ранта имели побочный доход, который скрывали от Залаченко. А потом они просто-напросто забыли про этих женщин; а может, умышленно бросили их на произвол судьбы, поспешно покидая Швецию…

Теперь весь вопрос в том, как ему с ними поступить. Рональду не хотелось причинять им зло, для этого он не находил никаких оснований. Но отпускать их на свободу тоже очень рискованно – ведь в этом случае они, скорее всего, наведут на кирпичный завод полицию. Отправить их обратно в Россию он не мог, ведь тогда ему пришлось бы везти их в Каппельшер, а это слишком сложно. Темноволосая девушка по имени Валентина предложила ему секс в обмен на помощь. Секс с девушками его совершенно не интересовал, но само предложение превратило ее в шлюху. Все женщины шлюхи, вот и всё.

Через три дня Нидерману надоели их постоянные мольбы, нытье и стуки в стену. Ему хотелось, чтобы его оставили в покое, и он не видел никакого другого выхода. В последний раз Рональд он отпер дверь и решительно покончил с этой проблемой. Он попросил у Валентины прощения, а потом протянул руки и одним движением свернул ей шею между вторым и третьим позвонками. Затем подошел к блондинке, имени которой так и не узнал. Та индифферентно лежала на кровати и никакого сопротивления не оказала. Нидерман перенес тела на первый этаж и утопил их в заполненном водой бассейне, после чего его наконец-то посетило чувство покоя.

Оставаться на кирпичном заводе Рональд не собирался, желая лишь переждать здесь полицейский переполох. Он побрился налысо и отпустил бородку, до полной неузнаваемости изменив внешность. К тому же нашел почти подходящий по размеру комбинезон, оставленный кем-то из рабочих строительной компании. Облачился в комбинезон, нацепил забытую кепку, сунул в карман складной метр и поехал на бензоколонку на холме за

продуктами. Благодаря добыче из кассы «Свавельшё МК», наличных у него было хоть отбавляй. В магазинчике он появился под вечер и выглядел, как самый обычный работяга, который остановился на бензоколонке по пути домой. Никто даже не обратил на него внимания, и Рональд начал ездить за покупками раз или два раза в неделю. На бензоколонке с ним всегда любезно здоровались и вскоре уже стали узнавать.

Поначалу Нидерману пришлось уделять много времени на защиту здания от населявших его призраков. Они прятались в стенах, а на свободу вырывались в ночное время. Он слышал, как они бродят по залу.

Нидерман баррикадировался в своей комнате. Но через несколько дней ему это надоело. Тогда он схватил найденный в одном из кухонных ящиков штык-нож и вышел навстречу монстрам, один на один. Пора было покончить с ними.

И они отступили. Впервые в жизни ему удалось их победить. Они бросались наутек, как только он к ним приближался. Он видел их хвосты и деформированные туши – они уползали за ящики и шкафы. Рональд заревел им вслед. Они бросились врассыпную.

Он вернулся в свою обжитую комнату и просидел там всю ночь, не сомневаясь, что призраки вернутся. На рассвете они предприняли новую атаку, и он еще раз вышел им навстречу, снова обратив врага в бегство.

При этом он балансировал на грани между паникой и эйфорией.

Всю жизнь эти существа охотились за ним в темноте, и теперь он впервые почувствовал, что может дать им сдачи. Он ничего не делал. Он спал, ел, размышлял. И постепенно им овладело ощущение покоя.

День за днем – так проходили недели.

Наступило лето. Судя по новостям, которые он узнавал из транзисторного радиоприемника и вечерних газет, охота на Рональда Нидермана уже утратила актуальность. Он с интересом прочитал репортаж об убийстве Александра Залаченко.

Надо же, какой-то психопат поставил точку в жизни Залаченко.

В июле Рональд следил за судебным процессом над Лисбет Саландер. Его удивило, когда ее вдруг оправдали. Это показалось ему несправедливым. Ее выпустили на свободу, а ему приходится скрываться…

Он купил на бензоколонке «Миллениум» и прочел номер, целиком посвященный Лисбет Саландер, Александру Залаченко и Рональду Нидерману. Какой-то журналист по имени Микаэль Блумквист изобразил его портрет – патологического маньяка-убийцы и психопата.

Нидерман нахмурил брови.

Наступила осень, а он все еще не сдвинулся с кирпичного завода. Из-за наступающих холодов ему пришлось купить электрообогреватель – все на той же бензоколонке. Нидерман не мог объяснить, почему не уезжает.

Несколько раз во двор заезжала молодежь и парковалась перед заводом. В здание никто не врывался и покой Нидермана никто не нарушал.

Как-то раз в сентябре во дворе припарковалась машина, и какой-то мужчина в синей ветровке начал дергать за ручки дверей, разгуливать по участку и что-то разведывать. Нидерман наблюдал за ним из окна второго этажа. Мужчина слонялся вокруг зданий минут двадцать и что-то записывал в блокнот, а потом огляделся в последний раз, сел в свою машину и уехал. Нидерман выдохнул. Он не имел представления о том, кто этот мужчина и для чего появился здесь, но создавалось впечатление, что тот оценивал недвижимость. То, что после смерти Залаченко будут описывать недвижимость и имущество, Нидерману в голову не приходило.

Рональд много думал о Лисбет Саландер. Он не ожидал, что они когда-нибудь еще встретятся, но она внушала ему и восхищение, и ужас. Живых людей Рональд Нидерман не боялся. Но единокровная сестра произвела на него неизгладимое впечатление. Еще никому не удалось одержать над ним победу таким образом, как ей. Она вернулась, несмотря на то, что он закопал ее в могилу, вернулась и теперь преследует его. Она теперь каждую ночь являлась ему. Он просыпался в холодном поту и не сомневался, что она пришла на смену его привычным призракам.

В октябре Нидерман принял решение. Он не покинет Швецию, пока не отыщет сестру и не уничтожит ее. Никакого плана у него не было, но в жизни снова появилась цель. Он не знал, ни где находится его сестра, ни как ее искать. Поэтому день за днем, неделю за неделей Нидерман сидел у себя в комнате, на втором этаже кирпичного завода, уставившись в окно.

Однажды перед зданием вдруг остановилась ярко-красная «хонда», и оттуда, к его невероятному изумлению, выползла Лисбет Саландер.

Боже милостивый, подумал он.

Лисбет Саландер пополнит команду тех женщин в бассейне на первом этаже, чьи имена он уже успел позабыть. Наконец-то он поставит точку в предыдущей жизни и сможет двигаться дальше…

Оценив ситуацию, Лисбет Саландер поняла, что она складывается явно не в ее пользу. Ее мозг включился на высокие обороты. Клик, клик, клик. Она по-прежнему держала в руках гвоздодер, но он не годился в качестве оружия против того, кто в принципе не чувствует боли. Она заперта в помещении площадью примерно в тысячу квадратных метров

наедине с роботом-убийцей из ада.

Когда Нидерман вдруг начал к ней приближаться, она бросила в него гвоздодер, но Рональд спокойно уклонился. Лисбет Саландер соскочила с места, поставила ногу на табуретку, вскочила на упаковочный ящик и, как паук, вскарабкалась еще на два ящика выше. Она застыла на высоте примерно в четыре метра и взглянула вниз, на Нидермана.

– Спускайся, – спокойно сказал тот. – Тебе некуда деваться. Тебе конец.

Интересно, нет ли у него какого-нибудь стрелкового оружия… Вот это уже было бы совсем плохо.

Нидерман наклонился, поднял стул и запустил им в Лисбет, но не попал.

Внезапно разозлившись, он вскочил на табуретку и полез следом за Лисбет. Та подождала, пока он не оказался почти на одном уровне с ней, а потом сделала два скачка, оттолкнулась, перепрыгнула через проход и приземлилась на ящик, стоявший на несколько метров дальше. Затем слезла на пол и схватила гвоздодер.

Нидермана нельзя было назвать неуклюжим. Но он знал, что при его весе лучше не рисковать – все прыжки с ящиков чреваты переломом ног. Поэтому слезать ему пришлось постепенно и осторожно – ему нужно напрягаться, чтобы заставить подчиняться свое тело. Нидерман уже почти достиг пола, когда услышал позади себя шаги и едва успел развернуться. От удара гвоздодера он успел уклониться, подставив плечо, но при этом выронил штык-нож.

Лисбет нанесла удар и сразу выпустила гвоздодер, но не успевала поднять штык-нож. Поэтому она оттолкнула его ногой подальше, вдоль ряда табуреток, уклонилась от удара огромного кулака и вновь вскарабкалась на ящики по другую сторону от центрального прохода. Уголком глаза она заметила, что Нидерман уже тянется к ней, и мгновенно подтянула ноги. Ящики стояли в два ряда – в три яруса вдоль центрального прохода и в два с внешней стороны. Лисбет спустилась на высоту второго яруса, уперлась спиной и изо всех сил надавила ногами. Ящик весил, вероятно, не меньше 200 килограммов, но все же ей удалось его сдвинуть и свалить в центральный проход.

Заметив ящик, Нидерман едва успел броситься в сторону. Ящик углом стукнул его в грудь, но никаких увечий не причинил. Нидерман остановился.

Надо же, а она еще и сопротивляется…

Он опять полез за ней, и как только его голова поднялась к третьему

ярусу, Лисбет ударила его ногой в лоб. Рональд крякнул, но продолжил свой маневр. Саландер мгновенно перепрыгнула на другую сторону центрального прохода, сразу перегнулась через край ящика и исчезла из его поля зрения. Он только услышал ее шаги и увидел, как она промелькнула в дверях на пути во внутренний зал.

Лисбет Саландер озиралась в поисках выхода. Шансов спастись никаких. Клик. Она знала, что шансов у нее нет. Пока ей удается уклоняться от гигантских кулаков Нидермана и соблюдать дистанцию, она может рассчитывать оставаться в живых. Но стоит ей совершить ошибку – а это рано или поздно произойдет, – она погибнет. Если он хотя бы один-единственный раз ее поймает, битва будет окончена.

Ей нужно оружие.

Пистолет. Автомат. Бронебойно-зажигательно-трассирующая граната. Противопехотная мина. Все что угодно, черт возьми.

Но ничего подобного в ее распоряжении не имелось.

Она огляделась.

Никакого оружия.

Только инструменты. Клик. Ее взгляд упал на торцовочную пилу, но кто знает, что может произойти, пока она заставит его улечься на стол с пилой… Клик. Она увидела лом, который можно применить в качестве копья, но он оказался слишком тяжел для ее рук. Клик. Она бросила взгляд в сторону двери и увидела, как Нидерман слезает с ящиков в пятнадцати метрах от нее и снова направляется к ней. Она начала двигаться в сторону от двери. Через пять секунд Нидерман окажется рядом с ней. Она в последний раз взглянула на инструменты.

Оружие… или укрытие.

Внезапно Лисбет замерла.

Нидерман никуда не спешил. Он знал, что все выходы перекрыты и что рано или поздно сестра станет его добычей. Но она, конечно, представляет опасность. Все-таки она дочь Залаченко. Так что ему следует остерегаться прямых контактов, чтобы избежать травм. Ведь в конце концов она выбьется из сил.

Он остановился на пороге внутреннего зала и оглядел кучи инструментов, половиц и мебели. Саландер пока оставалась вне досягаемости.

– Я знаю, что ты здесь. Я все равно тебя найду.

Рональд затих и прислушался. Но услышал лишь собственное

дыхание. Она спряталась. Нидерман улыбнулся: она дразнит его. Братик и сестричка играют в прятки.

Потом он вдруг услышал шелест, доносившийся откуда-то из центра старого зала. Повернул голову, но поначалу не смог определить, откуда доносится звук. Он снова улыбнулся. На полу, чуть в стороне от остального хлама, стоял деревянный верстак примерно пятиметровой длины, на нем громоздились ящики, а внизу имелся шкафчик с раздвижными дверцами.

Нидерман сбоку подошел к шкафчику и заглянул за него, чтобы убедиться, что она не пытается его обмануть. Пусто.

Она спряталась в шкафу. Ну и дура.

Он отодвинул первую дверцу, закрывавшую левую секцию.

Сразу послышалось движение – в шкафу явно кто-то перемещался. Звук доносился из средней секции. Нидерман в два шага оказался там и с торжествующим видом откинул дверцу в сторону.

Пусто.

Потом он услышал серию резких хлопков, напоминавших пистолетные выстрелы. Звуки раздались столь неожиданно, что он даже не сразу понял, откуда те исходят. Нидерман покрутил головой, потом ощутил какое-то давление на левую ногу. Боли он не почувствовал. Его взгляд уткнулся в пол, и он как раз успел увидеть, как рука Лисбет Саландер переместила гвоздезабивной пистолет к его правой ноге.

Она под шкафом.

Он простоял как парализованный несколько секунд, и этого времени ей хватило, чтобы приставить дуло к его ботинку и прострелить ему ногу пятью семидюймовыми гвоздями.

Рональд попробовал пошевелиться. Потратив впустую несколько драгоценных секунд, он понял, что его ступни прикованы к новому дощатому полу. Лисбет Саландер вновь перенесла гвоздезабивной пистолет к левой ноге. Звук напоминал автоматную стрельбу одиночными пулями и очередями. Пока он собирался что-то предпринять, она выпустила ему в ноги еще четыре семидюймовых гвоздя.

Нидерман потянулся вниз и попытался схватить Лисбет за руку, но сразу потерял равновесие. Правда, он удержался на ногах, опираясь на шкаф, а пистолет тем временем продолжал разряжаться. Саландер вернулась к его правой ноге, и он увидел, как она выстреливает гвозди через пятку прямо в пол.

Рональд взбесился от ярости и вновь потянулся к руке Лисбет Саландер.

Из-под шкафа она заметила, что его брючины задираются,

сигнализируя о том, что он наклоняется. Она бросила свое оружие. Рональд Нидерман увидел, как ее рука, подобно рептилии, молниеносно исчезла под шкафчиком прежде, чем он успел ее схватить.

Он потянулся за пистолетом, и когда уже почти достал его, Лисбет Саландер утащила шнур под шкаф.

Между шкафом и полом оставалось примерно двадцать сантиметров. Нидерман навалился и опрокинул шкаф. Тогда он увидел Лисбет Саландер – она смотрела на него снизу, при этом зрачки ее расширились, а выражение лица казалось обиженным. Сестра повернула гвоздезабивной пистолет и выстрелила с расстояния в полметра. Несколько гвоздей попали ему прямо в голень.

В следующее мгновение Лисбет бросила пистолет, молниеносно откатилась от Нидермана и вскочила на ноги уже за пределами его досягаемости. Затем отскочила на два метра и замерла.

Рональд Нидерман попытался переместиться и снова потерял равновесие, покачнулся и замахал руками в воздухе, пытаясь вновь обрести точку опоры. Наконец ему удалось восстановить равновесие, и он наклонился. Он был в ярости.

На сей раз ему удалось схватить пистолет. Он поднял его, направил дуло на Лисбет Саландер и нажал на спуск.

Но ничего не произошло. Рональд растерянно посмотрел на пистолет. Потом опять поднял взгляд на Лисбет. Та безучастно показала ему на вилку шнура. В бешенстве он швырнул пистолет прямо в нее, но она молниеносно уклонилась в сторону.

Затем Саландер снова вставила вилку в розетку удлинителя и подтянула шнур к себе.

Нидерман посмотрел на Лисбет Саландер – ее глаза ничего не выражали. Он очень удивился. Он уже знал, что она одержала над ним победу.

Она – просто уникальное произведение природы.

Рональд инстинктивно попробовал оторвать ногу от пола.

Она монстр.

Он смог приподнять ногу лишь на несколько миллиметров – дальше не пускали шляпки гвоздей. Гвозди проткнули ему ноги под разными углами, и, чтобы высвободиться, ему пришлось бы буквально разорвать ступни в клочья. Даже обладая почти сверхчеловеческой силой, он не мог оторваться от пола. Несколько секунд Нидерман раскачивался взад и вперед, словно падая в обморок. Но ноги его не двигались с места. Он увидел, что между ботинками постепенно натекает лужа крови.

Лисбет Саландер уселась перед ним на стул с отломанной спинкой, пытаясь понять, удастся ли ему сойти с места. Поскольку болевые ощущения его не беспокоили, вопрос заключался лишь в том, хватит ли ему сил вытащить шляпки гвоздей из ступней. Минут десять она сидела смирно и наблюдала за его усилиями. Все это время ее глаза совершенно ничего не выражали.

Потом Лисбет встала, обошла вокруг него и приставила гвоздезабивной пистолет ему к позвоночнику, прямо к затылку.

Тут она призадумалась. Сейчас перед нею стоял тип, который импортировал в Швецию женщин – партиями и мелким оптом, – потом накачивал их наркотиками, избивал и продавал. Он убил по меньшей мере восемь человек, включая полицейского в Госсеберге и кассира из «Свавельшё МК». Лисбет представления не имела, сколько еще жизней на совести у ее единокровного братишки, но именно благодаря ему за ней охотились по всей Швеции, как за бешеной собакой. И именно благодаря ему ей предъявили обвинение в трех из совершенных им убийствах.

Она не отрывала пальца от спуска.

Он убил Дага Свенссона и Миа Бергман.

Это он вместе с Залаченко убивал и закапывал в могилу в Госсеберге ее саму. И теперь он вернулся, чтобы снова ее убить.

Он заслуживал бы наказания даже за менее серьезные преступления.

Лисбет не видела причин оставлять его в живых. Он ненавидел ее так страстно, что ей трудно было это понять. Что произойдет, если она передаст его в руки полиции? Его будут судить? Приговорят к пожизненному заключению? И как скоро он сумеет сбежать? Теперь, когда отца наконец больше нет, сколько еще лет ей придется жить в ожидании того дня, когда внезапно снова нагрянет ее братец? Лисбет ощущала в руке тяжесть гвоздезабивного пистолета и понимала, что можно покончить с этим раз и навсегда.

Анализ последствий.

Она прикусила нижнюю губу.

Лисбет Саландер не боялась – ни людей, ни чего бы то ни было. Она считала, что ей не хватает фантазии. Именно отсутствие фантазии и служило доказательством того, что у нее с головой что-то не в порядке.

Рональд Нидерман ее ненавидел, и она точно так же безоговорочно ненавидела его. Для нее он находился в одном списке с такими подонками, как Магге Лундин, Мартин Вангер, Александр Залаченко и еще десяток ублюдков, которым, по ее мнению, вообще нет места среди живых. Она бы с удовольствием собрала их всех на каком-нибудь необитаемом острове и

сбросила бы на них ядерную бомбу.

Но убийство? Стоит ли? Что станет с ней, если она его убьет? Есть ли шанс, что убийство останется нераскрытым? Чем она готова пожертвовать ради удовольствия разрядить гвоздезабивной пистолет в последний раз?

Она сможет сослаться на самозащиту и право на необходимую оборону…

Нет, едва ли, если суд примет во внимание его прибитые к дощатому полу ступни.

Она почему-то вспомнила о Харриет Вангер, которую тоже истязали отец с братом. Вспомнила беседу с Микаэлем Блумквистом, когда она осудила Харриет Вангер – в самых резких тонах. Лисбет считала ее ответственной за то, что ее брат Мартин Вангер остался безнаказанным и смог продолжать год за годом совершать убийства.

– А что бы сделала ты? – спросил тогда Микаэль.

– Я бы убила дьявола, – ответила она.

И эти слова исходили из глубины ее холодной души.

А теперь она оказалась в точно такой же ситуации, как в свое время Харриет Вангер. Скольких еще женщин убьет Рональд Нидерман, если она оставит его в живых? Она теперь полноправный член общества и несет ответственность за свои поступки. Сколько лет жизни она готова принести в жертву? И сколькими годами могла бы пожертвовать Харриет Вангер?

А потом гвоздезабивной пистолет, который она держала обеими руками приставленным к позвоночнику Нидермана, показался ей слишком тяжелым.

Лисбет опустила оружие и словно вернулась к действительности. Она расслышала, что Рональд Нидерман что-то бессвязно бормочет. Он говорил по-немецки. Упоминал дьявола, который явился, чтобы его забрать.

Вдруг она поняла, что он разговаривает вовсе не с ней. Он, вроде бы, видит кого-то в другом конце помещения. Лисбет повернула голову и проследила за его взглядом – там никого не было. Она почувствовала, как у нее шевелятся волосы на затылке.

Потом Лисбет развернулась, взяла лом, вышла во внешний зал и отыскала свой рюкзак. Наклоняясь, чтобы его поднять, увидела на полу штык-нож. Перчатки Саландер так и не снимала, и это оказалось кстати, когда она подняла оружие.

Лисбет не сразу решила положить штык-нож на видном месте, в центральном проходе между ящиками. Затем схватила лом и за три минуты сбила висячий замок, запиравший выход.

Лисбет еще долго сидела в машине, погрузившись в размышления. Под конец она вытащила мобильный телефон и минуты через две отыскала номер клуба «Свавельшё МК».

– Да? – услышала она на другом конце провода.

– Мне нужен Ниеминен, – сказала она.

– Подождите.

Через три минуты исполняющий обязанности президента клуба «Свавельшё МК» Сонни Ниеминен ответил:

– Кто это?

– Тебя это не касается, – ответила Лисбет так тихо, что Ниеминен едва разобрал слова и не мог даже определить, звонит ему мужчина или женщина.

– Вот как. Чего же тебе надо?

– Ты хочешь знать, как найти Рональда Нидермана?

– А ты как думаешь?

– Хватит трепаться. Ты хочешь знать, где он или нет?

– Я слушаю.

Лисбет описала ему дорогу к бывшему кирпичному заводу около Норртелье. Она добавила, что Нидерман пробудет там достаточно долго и что Ниеминен, если поторопится, успеет его застать.

Затем она убрала мобильный телефон, включила зажигание и доехала до бензоколонки, расположенной по другую сторону шоссе, где остановилась так, чтобы ей был хорошо виден кирпичный завод.

Лисбет прождала больше двух часов. Около половины второго она заметила фургон, который медленно полз по находившемуся ниже нее шоссе. Он остановился у парковочного кармана, подождал пять минут, развернулся и двинулся к заводу. Начинало смеркаться.

Лисбет открыла бардачок, извлекла оттуда бинокль «Минолта 2×8» и увидела, что фургон паркуется. Она разглядела Сонни Ниеминена, Ханса-Оке Валтари и еще троих незнакомых. Скорее всего это кандидаты в члены клуба. Теперь им придется заново организовывать свою деятельность…

Когда Сонни Ниеминен и его сподручные отыскали в торце открытую дверь, Лисбет снова вытащила мобильный телефон, составила сообщение и отправила его в полицейское управление в Норртелье.

УБИЙЦА ПОЛИЦЕЙСКОГО Р. НИДЕРМАН НАХОДИТСЯ НА СТАРОМ КИРПИЧНОМ ЗАВОДЕ РЯДОМ С БЕНЗОКОЛОНКОЙ ОКОЛО ШЕДЕРИДА. ЕГО СЕЙЧАС

УБИВАЮТ С. НИЕМИНЕН & ЧЛЕНЫ КЛУБА «СВАВЕЛЬШЁ МК». НА ПЕРВОМ ЭТАЖЕ В БАССЕЙНЕ НАХОДИТСЯ МЕРТВАЯ ЖЕНЩИНА.

Возле завода никого и ничего не было видно. Тишина и покой.

Лисбет засекла время.

В ожидании развязки она вытащила из телефона сим-карту и уничтожила ее, разрезав на мелкие кусочки маникюрными ножницами, потом опустила боковое стекло и выбросила обрезки. В телефон вставила новую сим-карту, вынув ее из бумажника. Лисбет пользовалась картами фирмы «Комвик», пользователей которой почти невозможно было вычислить и отследить. Позвонив в «Комвик», она положила на новую карту 500 крон.

Через одиннадцать минут со стороны Норртелье к заводу завернула патрульная машина, без сирены, но с маячком, и остановилась на подъездной дороге. Примерно через минуту прибыли еще две полицейские машины. Посовещавшись, они сплоченной группой рванули к кирпичному заводу и припарковались рядом с фургоном Ниеминена. Глядя в бинокль, Лисбет увидела, что один из полицейских вынул рацию и диктует кому-то номер фургона. Полицейские оглядывались по сторонам, но выжидали. Две минуты спустя на большой скорости приблизилась еще одна патрульная машина.

Лисбет вдруг поняла, что все наконец позади.

История, которая началась в день ее рождения, завершилась на кирпичном заводе.

Она свободна.

А полицейские, тем временем получившие подкрепление, надели бронежилеты и стали рассредоточиваться по территории завода.

Лисбет зашла в павильон бензоколонки и купила стаканчик кофе с завернутым в полиэтиленовую пленку бутербродом. Она ела стоя за столиком бара.

Уже стемнело, когда Саландер вернулась к машине.

Открывая дверцу, она услышала с другой стороны шоссе два отдаленных хлопка, которые показались ей выстрелами из огнестрельного оружия. Лисбет увидела, что несколько темных фигур – вероятно, полицейских – стоят, прижавшись к фасаду поблизости от торцового входа. Она услышала звук сирены – со стороны Уппсалы приближалась еще одна патрульная машина. У обочины остановилось несколько легковых автомобилей – водители наблюдали за спектаклем.

Лисбет завела темно-красную «хонду», повернула на шоссе E18 и направилась домой, в Стокгольм.

Около семи вечера Саландер, к своему безграничному раздражению, услышала звонок в дверь. Она лежала в ванне, и от воды поднимался пар. Собственно говоря, позвонить в эту дверь мог только один-единственный человек.

Поначалу она решила игнорировать визитера и сделать вид, что никого нет дома. Но когда звонок раздался в третий раз, она вздохнула, обмоталась простыней и выскочила в холл. Вода капала с нее на пол.

– Привет, – сказал Микаэль Блумквист, когда она открыла дверь.

Лисбет не ответила.

– Ты слушала новости?

Она покачала головой.

– Мне кажется, тебе будет интересно узнать, что Рональд Нидерман мертв. Сегодня в Норртелье его убила банда из «Свавельшё МК».

– Неужели? – сдержанно сказала Саландер.

– Я разговаривал с дежурным полицейским из Норртелье. Похоже, они там устроили какие-то внутренние разборки. Нидермана явно пытали, а потом закололи штык-ножом. Там обнаружили сумку с несколькими сотнями тысяч крон.

– Вот как?

– Банду из «Свавельшё» схватили прямо на месте преступления. И представь себе, они оказали сопротивление. Завязалась перестрелка, и полиции пришлось вызывать подкрепление из Стокгольма. Бандиты из «Свавельшё» капитулировали сегодня около шести вечера.

– Ну да.

– Твоего старого приятеля по Сталлахрольму Сонни Ниеминена пристрелили. Он взбесился и пытался отстреливаться, чтобы не даться в руки полиции.

– Хорошо.

Микаэль несколько секунд стоял молча. Они смотрели друг на друга через приоткрытую дверь.

– Я помешал? – спросил Блумквист.

Лисбет пожала плечами:

– Я валялась в ванне.

– Вижу. Составить тебе компанию?

Она метнула в него хмурый взгляд.

– Я не имел в виду – в ванне. Я принес бейглы, – сказал он, приподняв

пакет. – А еще я купил кофе эспрессо. Если у тебя на кухне стоит кофеварка Jura Impressa X7, то тебе следовало бы, по крайней мере, научиться ею пользоваться.

Лисбет подняла брови, не понимая, разочарована она или испытывает облегчение.

– Так ты явился сюда, только чтобы составить мне компанию? – спросила она.

– Вот именно, только компанию, – подтвердил Микаэль. – Я – хороший друг, и я пришел навестить своего доброго друга. Если меня, конечно, хотят видеть.

Лисбет на несколько секунд задумалась. На протяжении двух лет она старалась держаться от Блумквиста как можно дальше. Тем не менее он, казалось, все время цеплялся к ее жизни, словно жевательная резинка к подметке, – либо в Сети, либо оффлайн. В Сети ее все устраивало – там он появлялся лишь как набор электронных символов, в виде букв на экране. А в оффлайне Микаэль стоял у нее на пороге и по-прежнему оставался чертовски притягательным мужчиной. И он знал все ее тайны, точно так же, как она знала его.

Лисбет посмотрела на него и отметила, что никаких чувств к нему больше не питает. Во всяком случае, никаких таких чувств.

Весь прошедший год он действительно вел себя как настоящий друг.

Она ему доверяет. Возможно.

И в то же время ее страшно раздражает то, что почти единственным человеком, которому она доверяет, является тот, с кем она избегает встреч…

Внезапно Лисбет решилась. Конечно, глупо притворяться, будто его не существует. Ведь его вид больше не причиняет ей боли.

Она распахнула дверь и снова впустила его в свою жизнь.

---

notes

Сноски

1

Самое знаменитое похоронное бюро в Швеции.

2

Ты что, разыгрываешь меня? (*англ.*)

3

Мнение другого врача (*англ.*).

4

«Крэггенмор» – марка шотландского односолодового виски, выдержкой не менее 12 лет, с ярко выраженным запахом торфяного дыма.

5

Старейший периодический медицинский журнал, наиболее влиятельное и цитируемое периодическое издание по общей медицине в мире.

6

СЭПО – Служба государственной безопасности Швеции.

7

Анальгезия – врожденная патология, при которой пациент не чувствует боли.

8

Кунгсхольмен – остров в Стокгольме, где, в частности, находится Государственное полицейское управление.

9

Эрнст Фонтелль (1890–1960) – шведский юрист. В 1930-е годы был шефом полиции Гётеборга.

10

Хороший полицейский, плохой полицейский *(англ.)*.

11

Популярная ежедневная вечерняя шведская газета.

12

Женщина должна делать то, что должна, и прочая фигня *(англ.)*.

13

С незапамятных времен *(нем.)*.

14

Лицо, ответственное за проведение силовых акций клуба, его «главный оружейник» *(англ.)*.

15

Карлскруна – административный центр шведского лена Блекинге. Заложен Карлом XI как главная, а теперь и единственная, база шведского флота на 33 островах у берега Балтийского моря. Название в переводе означает «корона Карла».

16

Карл Бильдт (р. 1949) – шведский политик и дипломат, премьер-министр Швеции с 1991 по 1994 г., лидер Умеренной коалиционной партии Швеции с 1986 по 1999 г. В 1995–1997 гг. занимал посты спецпредставителя ЕС в бывшей Югославии и Верховного представителя в Боснии и Герцеговине, в 1999–2001 гг. был специальным посланником Генерального секретаря ООН на Балканах. С 2006 по 2014 гг. – министр иностранных дел Швеции.

17

Ингвар Карлссон (р. 1934) – шведский политик, с 1982 по 1986 г. – вице-премьер, а затем премьер-министр Швеции (с 1986, после убийства Улофа Пальме, по 1991 и с 1994 по 1996 г.), лидер Социал-демократической партии Швеции (с 1986 по 1996 г.). В начале 1990-х гг. благодаря его усилиям в стране было образовано «самое женское» правительство мира, в котором из 22 министров было 11 женщин.

18

Стиг Веннерстрём (1906–2006) – полковник ВВС Швеции, осужденный по обвинению в шпионаже в 1964 г. В 1951 г. дослужился до чина полковника. В 1940–1941 и 1949–1952 гг. работал военно-воздушным атташе Швеции в Москве. В 1950-е гг. выдал планы обороны шведских ВВС и целиком проект истребителя Saab 35 Draken Советскому Союзу. С 1952 г. работал военным атташе в Вашингтоне.

19

КЛАРТЕ – международное объединение деятелей культуры, созданное Анри Барбюсом в 1919 г. Сюда входили Г. Уэллс, А. Франс, Б. Шоу, Э. Синклер, Р. Тагор и др. Группа издавала журнал «Кларте» (1921–1928).

20

Джеймс Хесус Энглтон (1917–1987) – руководитель контрразведывательных операций Центрального разведывательного управления США с 1954 по 1975 г. Ушел в отставку в результате скандала, связанного с незаконной слежкой ЦРУ за гражданами США внутри страны.

21

Неопровержимые доказательства *(англ.)*.

22

Свеавеген – улица в районах Васастан и Норрмальм, одна из главных улиц в центре Стокгольма, на которой произошло убийство Улофа Пальме.

23

Информационное бюро – разведывательная структура при Министерстве обороны Швеции.

24

Здание правительства в Стокгольме.

25

В данном случае имеется в виду цикл бесед с перебежчиком с целью получения от него информации.

26

Международный аэропорт Стокгольма.

27

Названия знаменитых шведских боевых кораблей XVII в., имевших несчастливую судьбу.

28

Эббе Карлссон (1947–1992) – книгоиздатель, который, не имея официальных полномочий, по личному указанию министра юстиции Анны-Греты Лейон получил особое задание. Он расследовал убийство Улофа Пальме и в том числе изучал причастность к этому делу сотрудников СЭПО. Дело Эббе Карлссона получило широкую огласку и обернулось беспрецедентным политическим скандалом.

29

Да, господин *(англ.)*.

30

Не вноси разлад (букв.: не раскачивай лодку, *англ.*).

31

Ян Гийу (р. 1944) – шведский писатель, публицист, журналист, автор детективных романов и триллеров.

32

Анна Мария Линд (1957–2003) – шведский политик, социал-демократ, министр иностранных дел Швеции с 1998 по 2003 г. 10 сентября 2003 г. в супермаркете в центре Стокгольма на нее было совершено покушение. Преступник нанес ей несколько ударов ножом, после чего скрылся. Ее доставили в Каролинскую больницу, где врачи на протяжении нескольких часов боролись за ее жизнь. Однако ранним утром 11 сентября она скончалась от полученных травм. Обвинение в убийстве предъявили 24-летнему гражданину Швеции, сыну сербских иммигрантов, Михайло Михайловичу. Обвиняемый признал свою вину, заявив, что услышал голоса, приказавшие ему зарезать Анну Линд.

33

Здесь: «Выкладывай» *(англ.)*.

34

Резиденция шведского правительства.

35

За работу, ребята! *(англ.)*

36

Синдром Аспергера – одно из нарушений развития, характеризующееся серьезными трудностями в социальном взаимодействии, а также ограниченным, стереотипным, повторяющимся репертуаром интересов и занятий.

37

Частный детектив, главный герой многих новелл и романов Р. Чандлера.

38

Черно-белое *(шв.)*.

39

Одна из ведущих компаний в странах Скандинавии в области строительства и недвижимости.

40

Плохой парень, злодей *(англ.)*.

41

Густав Васа, или Густав I (1496–1560) – регент шведского королевства с 23 августа 1521 (Густав Эрикссон Васа), король Швеции с 6 июня 1523.

42

Милашкой *(англ.)*.

43

С самыми сексуальными лолитами Интернета *(англ.)*.

44

Секс с животными, самый сочный секс с лошадьми *(англ.)*.

45

В русском варианте Пеппи. Имеется в виду Пеппи Длинныйчулок, которая, как и Калле Блумквист, является одним из главных персонажей книг Астрид Линдгрен.

46

«Дурацкий_Стол» *(шв.)*.

47

Ошибка, вы набрали неверный пароль *(англ.)*.

48

О’кей, попробуйте снова *(англ.)*.

49

Кто здесь? *(англ.)*

50

Докажи, или… *(англ.)*

51

Добро пожаловать в Республику хакеров, гражданка Оса. С вашего последнего визита прошло 56 дней. Сейчас в режиме онлайн пребывают 10 граждан. Вы хотите (а) Просмотреть форум, (б) Послать сообщение, (в) Поработать в архиве, (г) Поговорить, (д) Перепихнуться? *(англ.)*

52

Кто в режиме онлайн? *(англ.)*

53

Привет, братва! *(англ.)*

54

Оса. Это действительно ты? *(англ.)*

55

Смотрите-ка, кто вернулся! *(англ.)*

56

Компьютерные волшебники *(англ.)*.

57

Подающим надежды *(англ.)*.

58

Не для печати, не для протокола *(англ.)*.

59

Юргорден – музейный остров в центре Стокгольма, где расположены парки Скансен, Юнибакен, лунапарк и лесопарк, сад «Долина роз».

60

Враждебное поглощение *(англ.)*.

61

Это какое-то гнусное дерьмо *(англ.)*.

62

Посредник *(англ.)*.

63

RFTS (Random Frequency Tracking System) – система мониторинга оптических волокон.

64

Агентство национальной безопасности.

65

Система распознавания речи.

66

Сэмюэл Дэшилл Хэммет (1894–1961) – американский писатель, автор популярных детективных романов, повестей и рассказов.

67

Бурекас, бурек – вид несладкой выпечки турецкого происхождения; похож на русские пирожки, но делается обычно из слоеного теста и выпекается всегда в печи. От бурека происходит популярный в России чебурек.

68

История Лисбет Саландер *(англ.)*.

69

Проще простого *(англ.)*.

70

Что ж, никто не совершенен *(англ.)*.

71

Связями на одну ночь *(англ.)*.

72

Неопровержимая улика *(англ.)*.

73

Остров Юрсхольм – привилегированный район Стокгольма.

74

Фон (джеджи, дагомейцы, восточные эве, фонгбе) – народ, населяющий южную часть Бенина и прилегающие (юго-западные) районы Нигерии. Численность – более 3,5 млн человек. Составляли этническое ядро государства Дагомея, возникшего в XVII веке.

75

Stanley B. Alpern. Amazons of Black Sparta. The Women Warriors of Dahomey (Hurst & Co Ltd, London, 1998).

76

Это мы проходили, это мне знакомо *(англ.)*.

77

Сольна – коммуна в Швеции, в составе лена Стокгольм. Граничит с коммунами Сундбюберг, Соллентуна и Дандерюд. Ныне – один из районов Стокгольма.

78

Сопутствующий ущерб *(англ.)*.

79

В середине января 2004 года Швецию потрясли события, которые разворачивались в небольшой пятидесятнической общине деревни Кнутбю, в 80 км к северу от Стокгольма. Ночью в собственной кровати была застрелена 23-летняя женщина – жена одного из шести пасторов общины. На рассвете двумя пулями, выпущенными из того же пистолета 38-го калибра с глушителем, был тяжело ранен сосед. Вскоре была арестована молодая девушка. Она призналась в убийстве и покушении на убийство. Она работала нянькой в семье пастора, но явных мотивов для совершения преступления у нее не было. Затем выяснилось, что жена тяжело раненного соседа была любовницей пастора.

Вскоре шведская общественность узнала о запутанных отношениях между членами этой весьма закрытой общины, между супружескими парами и «свободными союзами». Уже это довольно нетипично для пуританской среды, в которой почитают Библию и представители которой считают себя «достойными» христианами. Полиция, арестовавшая преподобного пастора и его пассию, не сомневалась, что именно они замыслили убийства и «послали» няньку на осуществление своего замысла.

Этот скандал потряс шведов, так как он разгорелся в среде, проповедующей идеалы, диаметрально противоположные тому, что произошло в Кнутбю. Обычно мирная жизнь «свободных Церквей», будь то пятидесятники, методисты или баптисты, проникнута духом любви, взаимопомощи, милосердия. Детективная история, произошедшая в Кнутбю, поставила под вопрос эти вечные ценности.

80

Джеймс Уоррен «Джим» Джонс (1931–1978) – американский проповедник, основатель религиозной секты «Храм Народов», последователи которой в 1978 году совершили массовое самоубийство.

81

Конспиративная квартира *(англ.)*.

82

Я раздражена *(англ.)*.

83

Ради общественного блага *(лат.)*.

84

Компактное проживание *(англ.)*.

85

Смоланд – южная провинция Швеции.

86

Норртелье – город в Швеции, расположенный в Стокгольмском лене.